

**БОЕВЫМ ТОВАРИЩАМ
И ДРУЗЬЯМ
24-й САМАРО-УЛЬЯНОВСКОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ
СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ,
1-й И 3-й УДАРНЫХ,
11-й ГВАРДЕЙСКОЙ АРМИИ
С ГЛУБОКИМ УВАЖЕНИЕМ
ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ ТРУД
Автор**

К. Н. ГАЛИЦКИЙ
генерал армии

ГОДЫ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

**1941—
1944**

Записки командарма

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1973

Введение

В памяти нашего народа, как и всего прогрессивного человечества, никогда не изгладится огромное, всемирно-историческое значение Победы советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. О событиях тех незабываемых суровых лет написано немало. И каждая такая книга привлекает широкое внимание, ибо помогает новым поколениям удовлетворить их горячий интерес к великому подвигу своего народа, который под руководством Коммунистической партии разгромил в ожесточенной борьбе ударную силу мирового империализма — германский фашизм.

Наряду с многочисленными исследованиями на эту поистине необъятную тему, сегодня, спустя десятилетия, все более важное значение приобретают воспоминания участников войны. Несомненно, права была газета «Правда», которая по этому поводу 20 марта 1971 г. писала: «Неумолимое время идет, из жизни постепенно уходят участники и свидетели великих сражений. Они уносят с собой то, что было известно только им, то, что они пережили, переувествовали, пострадали, что сохранила их память. И, конечно, их живые свидетельства не могут заменить ни художественные произведения, ни труды историков».

Мне представляется, что события войны, участником которых мне довелось быть, также заслуживают пристального внимания. О них я и попытался рассказать в настоящей книге. В ней изложено все то, что осталось в памяти начиная с первых дней войны, которые я встретил вблизи границы, в западной части Белоруссии. Вместе с тем, поскольку речь идет о событиях исторического значения, я считал необходимым изучить и относящиеся к ним документы из архива Министерства обороны СССР, Центрального Государственного архива Советской Армии и др., многочисленные работы по этому вопросу. Эти источники дали возможность осветить ход боевых действий не только непосредственно на тех участках, где довелось сражаться мне, но и на соседних, ибо обстановка, складывавшаяся и на тех, и на других, естественно, была связана многими нитями.

К сожалению, такую связь не всегда удавалось восстановить по опубликованным и даже архивным материалам. С этим обстоятельством

вом я столкнулся, в частности, при описании развернувшихся в самые первые дни войны боевых действий в районе Гродно. Помогли восполнить этот пробел встречи и беседы как во время войны, так и после ее окончания с генерал-лейтенантом В. И. Кузнецовым, генерал-полковниками танковых войск Н. И. Бирюковым и Д. К. Мостовенко, генерал-полковником К. Ф. Скоробогаткиным, генерал-майорами А. К. Кондратьевым, С. И. Портновым и другими участниками этих боев. Кроме того, во время поездок в послевоенное время я имел возможность ознакомиться с воспоминаниями, собранными сотрудниками кафедры истории КПСС Гродненского педагогического института и опубликованными в газете «Сельская повесть» в 1967 г. в номерах 33, 34 и 36-м. Наконец, интересные сведения дали беседы с местными жителями — очевидцами боев.

Все это позволило в ряде случаев расширить рамки воспоминаний, особенно при описании героических подвигов наших воинов в борьбе с сильным и коварным врагом. А именно массовый героизм войск Красной Армии в боях с фашистскими захватчиками я и стремился показать в этой книге. Ибо он явился одним из решающих факторов победоносной советской военной стратегии.

Беспредельная преданность социалистической Родине, верность идеям Коммунистической партии — вот что лежало в основе не знавших себе равных мужества и храбрости советских воинов, защитивших родную землю и одержавших великую Победу. И эти качества, сделавшие советского солдата непобедимым, проявились уже в первые дни войны. В то время мы отступали перед многократно превосходящими силами противника, терпели неудачи, несли тяжелые потери. Но и тогда в нашем народе и в Красной Армии не было места растерянности, паники. Борьба сразу же приняла непримиримый характер, велась не на жизнь, а на смерть. Советские воины проявили пavidанную стойкость, перечеркнув замыслы врага. Даже некоторые фашистские военачальники, такие, как Браухич, Гальдер и другие, уже в августе 1941 г. начали сомневаться, что план молниеносной войны против СССР будет выполнен.

Таким образом, массовый героизм, проявленный советскими войсками с первых дней войны, имел огромное стратегическое значение. Уже тогда, в период наших временных неудач, закладывались основы фундамента будущих побед над фашизмом. За каждую пядь захваченной советской земли противник расплачивался огромными потерями. Даже отступая, Красная Армия обескровливала врага, с каждым днем замедляя темпы продвижения гитлеровцев, чтобы в дальнейшем остановить и разгромить их под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге, а затем очистить от них советскую землю и многие страны Европы.

Накануне войны

У границы

Войну я встретил командиром 24-й Железной Самаро-Ульяновской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии. Это было прославленное кадровое соединение, одно из старейших в Красной Армии. В организации дивизии большое участие принимали В. В. Куйбышев и М. Н. Тухачевский. Сформированная летом 1918 г. в районе Поволжья из партизанских отрядов, она тогда входила в 1-ю армию, участвовала в боях на Восточном фронте. 12 сентября того же года дивизией был взят город Симбирск (ныне Ульяновск). В. В. Куйбышев, тогда политкомиссар 1-й армии, послал В. И. Ленину от имени бойцов и командиров дивизии телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!».

Владимир Ильич телеграфировал личному составу дивизии: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы»¹.

За взятие Симбирска ВЦИК наградил дивизию почетным революционным Красным Знаменем. Ей было присвоено наименование «Железная».

Первым командиром 24-й дивизии был Гая Дмитриевич Гай, член Коммунистической партии с 1918 г. Впоследствии, в 1924—1927 гг., мы учились в одной учебной группе в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Г. Д. Гай выделялся среди слушателей курса своей партийной принципиальностью и широким военным кругозором. Военную науку он постигал на полях сражений гражданской войны, командуя дивизией, армией, а затем кавалерийским корпусом.

За заслуги на фронтах гражданской войны 24-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени. После гражданской войны дивизия была переброшена на Украину, а в середине 30-х годов — в Ленинград. Во время спровоцированной профашистским прав-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 95.

вительством Финляндии войны с Советским Союзом она в составе войск 7-й армии вела боевые действия на Выборгском направлении Карельского перешейка. За успехи в этих боях Железная дивизия была награждена вторым орденом Красного Знамени.

Боевые ордена сияли на ее знамени на майском параде 1940 г. в Ленинграде. Дивизия вышла на парад моторизованной, более чем на 500 автомашинах. У красноармейцев и командиров, среди которых было немало ленинградцев, лица были еще опалены порохом и жестокими карельскими морозами. У многих на груди сверкали воинские знаки доблести и славы — боевые ордена и медали. Трудящиеся города Ленина бурно приветствовали своих любимцев и земляков, когда полки дивизии один за другим, имея в ряду по четыре автомашины и соблюдая четкое равнение и дистанцию, проходили на боевых скоростях мимо трибун.

А спустя месяц, в первой половине июня, под вечер по всему лагерю в районе Черной речки раздались сигналы сбора. И поздней ночью на тех же автомашинах, на которых части шли на параде, они двигались по улицам города в направлении Псковского шоссе. Несмотря на почь, на тротуарах улиц стояли большие группы людей. Как мать провожает сына — так ленинградцы провожали свою дивизию.

24-я дивизия в составе 8-й армии уходила в Эстонию.

Около двух месяцев пробыла она там. Затем дивизия была переброшена в Белоруссию, в Молодечно. Для нас это не было неожиданным в связи с усилившейся угрозой нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Дивизия вошла в состав 3-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Кузнецов — человек энергичный, волевой, весьма эрудированный в военном отношении, участник гражданской войны.

Обладая отличной оперативной подготовкой, он и от подчиненных требовал в первую очередь глубоких знаний военного дела. Членом Военного совета армии был опытный политработник, армейский комиссар 2-го ранга Н. И. Бирюков, начальником штаба — генерал-майор А. К. Кондратьев.

Начались будни боевой учебы. О них я расскажу ниже, чтобы дать представление об обучении войск в течение всех месяцев, предшествовавших нападению гитлеровской Германии на СССР. Здесь же хочу отметить, что уже тогда, в 1940 г., взоры всех советских людей с тревогой были обращены на запад, где бушевала война, развязанная германским фашизмом. По многим странам Европы уже пронесли ураганом бронированные немецко-фашистские полчища. Разгромлена Польша. Оккупированы Чехословакия, Норвегия, Бельгия, Голландия, Дания. Франция капитулировала, ее армия была разоружена. Английская армия потерпела поражение в Северной Франции. Немецко-фашистские войска угрожали вторжением на Британские острова.

Захватив страны, располагавшие мощной военной промышленно-

Знамя дивизии. 1918 г.

стью, богатые стратегическим сырьем и продовольствием, фашистская Германия значительно усилила свою военно-экономическую базу. На ее вооруженные силы работали военные заводы Франции, Чехословакии, Бельгии, Австрии. Гитлеровцы использовали руду Норвегии, нефть Румынии и Венгрии. Германия получала большое количество стратегического сырья из невоюющих стран — Швеции, Швейцарии, Испании, Португалии, Турции и через посредство этих стран из Соединенных Штатов Америки.

В 1941 г. в Германии, на территории ее сателлитов и в оккупированных ею странах было добыто 439 млн. тонн каменного угля, 8 млн. тонн нефти, выплавлено 31,8 млн. тонн стали. В том же году военной промышленностью Германии, ее сателлитов и оккупированных ею стран было произведено более 5 тыс. танков, около 11 тыс. самолетов,

7 тыс. орудий калибра свыше 75 мм, 4 тыс. минометов, около 1,5 млн. винтовок, 325 тыс. пулеметов и автоматов².

«Ни одна страна Европы не располагала такой военно-экономической мощью, как фашистская Германия. Ее военно-экономические ресурсы значительно превышали ресурсы Советского Союза»³.

Принудительное привлечение рабочей силы из оккупированных стран в германскую экономику дало возможность высвободить миллионы немцев из промышленности и сельского хозяйства для дальнейшего увеличения численности вооруженных сил фашистской Германии.

Фашистская Германия не только поработила большинство европейских стран, но и, готовясь к агрессии против СССР, заключила военные союзы или выгодные экономические и политические сделки с государствами, граничащими с Советским Союзом.

В целях запугивания противников и поднятия духа своих солдат гитлеровское командование распространяло на весь мир легенду о «непобедимости» Германии. Солдаты и офицеры гитлеровской армии, воспитанные в духе расовой ненависти к другим народам и упоенные легкими победами на Западе, верили в свою непобедимость и были готовы воевать ради дальнейших захватов чужих земель и богатств.

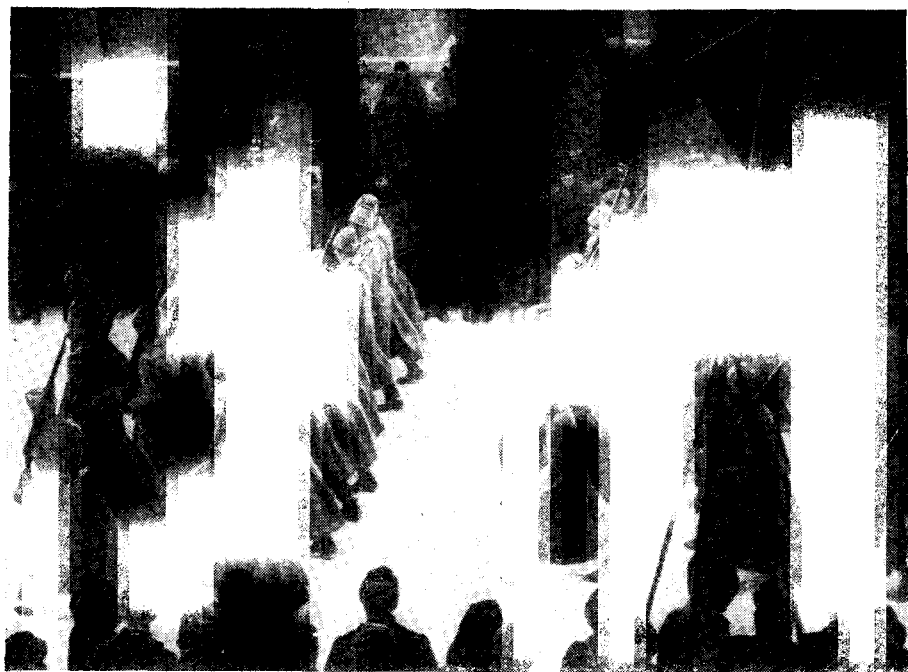
Таким образом, фашистская Германия основательно подготовилась в экономическом, идеологическом и политическом отношениях к нападению на нашу страну, провозгласив своей целью уничтожение коммунизма, Советского Союза.

Наша страна вынуждена была напрягать все силы для укрепления обороноспособности. Выполняя ленинские заветы, народы нашей Родины под руководством Коммунистической партии и Советского правительства осуществили социалистическую индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства. За годы довоенных пятилеток СССР превратился в мощную индустриальную державу, располагающую необходимыми материальными возможностями для защиты мирного, созидательного труда советского народа.

С точки зрения подготовки страны к отпору агрессии очень важен был тот факт, что партия постоянно предупреждала народ о нарастающей военной опасности, всей своей деятельностью, в том числе и идеологической работой, воспитывала народ в духе горячего патриотизма, звала его к бдительности и готовности выступить с оружием в руках на защиту своей Родины. Это предупреждение прозвучало уже с трибуны XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 г., а на XVIII съезде партии в 1939 г. прямо отмечалось, что именно фашистские государства представляют для нас наибольшую военную опасность. Секретарь Центрального Комитета партии А. С. Щербаков, выступая на пленуме Московского городского комитета партии 25 ап-

² «Промышленность Германии в период войны (1939—1945 гг.)». М., 1956, стр. 270.

³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 141.

24-я Железная Самарская стрелковая дивизия на параде в Самаре. Октябрь 1918 г.

реля 1939 г., говорил: «...Нельзя назвать срока, когда война пачнется, но одно ясно, что война не за горами и что воевать нам все равно придется. Надо быть готовым к войне в любую минуту. Нельзя будущую войну представлять себе так, что противника шапками закидаем»⁴.

Партия и правительство прилагали огромные усилия, чтобы завершить реорганизацию наших Вооруженных Сил, перевооружить их новой боевой техникой, отобилизовать, сосредоточить и развернуть на решающих операционных направлениях. Для этого требовалось время. Оно необходимо было и для окончания строительства оборонительных укреплений на новых западных границах. Между тем империалисты Запада своей мюнхенской политикой усиленно подталкивали гитлеровскую Германию к нападению на СССР. В этих условиях важным успехом советской дипломатии явилось заключение в 1939 г. договора с Германией о ненападении. Значение этого договора состояло в том, что «он расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны»⁵.

⁴ Партархив Института истории партии МГК и МК КПСС, ф. 4, оп. 10, кор. 122, ед. хр. 26, 1939, л. 182.

⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 73.

К 1941 г. Красная Армия стала намного сильнее и была подготовлена для отпора агрессии неизмеримо лучше, чем в начале второй мировой войны, в 1939 г.

Но предстояло еще многое сделать. В таких условиях партия и правительство, предпринимая все более широкие меры по укреплению обороны границ, одновременно направляли свою политику на то, чтобы по возможности не допустить втягивания СССР в войну или по крайней мере максимально оттянуть ее.

Этим стремлением был продиктован и характер проводившегося тогда стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил в связи с угрозой войны. Войска не выдвигались непосредственно к границе, чтобы не дать повода для военной провокации со стороны гитлеровской Германии. Но вместе с тем они подтягивались из глубины страны и сосредоточивались на направлениях возможных ударов агрессора. Войска первого стратегического эшелона военных округов развертывались в глубине до 50 км от границы, второго — до 100 км.

Они непрерывно усиливались. Так, одновременно с нашей дивизией в состав Западного особого военного округа прибыл еще ряд соединений. Но в целом сосредоточение войск в его полосе, а также намечаемые обширные оборонительные работы к началу войны были далеко не закончены.

Между тем обстановка становилась все более тревожной.

В конце 1940 и в начале 1941 г. в Москве по указанию Центрального Комитета партии состоялись совещание и сборы высшего командного состава Красной Армии, посвященные вопросам подготовки к отражению возможной агрессии.

Об этом нам рассказал командующий войсками Западного особого военного округа генерал армии Д. Г. Павлов на состоявшихся в феврале 1941 г. в Минске окружных сборах командармов, командиров корпусов и дивизий. Он также сообщил, что в войска округа продолжает поступать вооружение последних образцов, в первую очередь танки и самолеты, формируются новые соединения. Командующий округом в заключение дал приказ иметь в войсках повышенную боевую готовность и поставил соответствующие задачи.

Перед окончанием сборов нам показали новую боевую технику, вызвавшую всеобщее восхищение. Мы увидели превосходные танки KB и Т-34, продемонстрировавшие на танкодроме и на учебном полигоне высокие боевые качества⁶. На аэродроме большое впечатление произвели новейшие истребители Як-1, МиГ-3, ЛАГГ-3, штурмовики Ил-2, пикирующие бомбардировщики Пе-2.

Легко понять овладевшее нами тогда чувство гордости и глубокой благодарности Коммунистической партии, под руководством которой

⁶ И в дальнейшем в течение всей войны советский танк Т-34 оставался лучшим в мире. «Танк Т-34,— писал в послевоенное время бывший гитлеровский генерал Э. Шнейдер,— произвел сенсацию. Этот... танк был вооружен 76,2 мм пушкой, снаряды которой пробивали броню немецких танков с 1,5—2 тыс. м, тогда как немецкие танки могли поражать русские с расстояния не более 500 м, да и то лишь в том случае, если снаряды попадали в бортовую или кормовую часть танка» («Итоги второй мировой войны». Сб. статей. М., 1957, стр. 302).

В. И. КУЗНЕЦОВ

Н. И. БИРЮКОВ

в короткий исторический срок, в сущности за две пятилетки, в стране была создана крупная промышленность, способная производить прекрасную современную технику, в том числе и военную. Приятную новость сообщил нам генерал Д. Г. Павлов. Он сказал, что танки KB и Т-34 уже пошли в серийное производство, увеличивается выпуск новейших типов самолетов и войска будут получать их в 1941 г. во все возрастающем количестве. Далее он сказал, что уже в текущем полугодии в округе предполагается сформировать три смешанные авиационные дивизии⁷.

Сборы прошли живо и интересно, а главное способствовали не только повышению оперативной подготовки командиров соединений, но и установлению единых взглядов на ведение операций. Наконец, они помогли нам еще яснее увидеть надвигающуюся грозную опасность.

Кстати, на сборах выступал начальник разведывательного отдела штаба округа полковник С. В. Блохин. Он сообщил, что пачавшееся еще летом 1940 г. сосредоточение немецко-фашистских войск на прилегающей к нашим границам польской территории⁸ продолжалось в еще более крупных масштабах. На территории Польши велись уси-

⁷ Смешанными назывались дивизии, которые имели самолеты разных типов: истребители, бомбардировщики и штурмовики.

⁸ Как писал впоследствии К. Типпельскирх, то была «...группа армий фельдмаршала фон Бока, т. е. штабы 4-й, 12-й и 18-й армий и около 30 дивизий» (К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 166).

ленные работы по строительству и расширению аэродромов, железнодорожных и шоссейных путей и мостов⁹.

В январе 1941 г. командующий германскими сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Браухич в сопровождении генерал-фельдмаршалов Листа и Рейхенау, а также большой группы офицеров и генералов совершил поездку вдоль советско-германской границы¹⁰.

Правда, одновременно полковник Блохин сказал, что, по имеющимся данным, в Берлине разрабатывается план вторжения немецких войск на Британские острова под кодовым названием «Морской лев». Он отметил, что в портах Франции и Голландии сосредоточиваются значительные силы и что даже немецкая печать открыто обсуждает подготовку к форсированию Ла-Манша. Конечно, тогда еще не был известен действительный смысл этих фактов, заключавшийся в демонстрации подготовки к вторжению на Британские острова с целью замаскировать развертывание войск для нападения на Советский Союз¹¹.

Однако масштабы и характер мероприятий немецкого командования на территории, непосредственно прилегающей к советской границе, не мог не настораживать.

Поэтому все мы, присутствовавшие на сборах, невольно сопоставляли сообщение полковника Блохина с выступлением генерала Павлова. Вывод был очевиден: партия и правительство рассматривали мероприятия немецкого командования как угрозу нападения на нашу страну и предпринимали все возможное для укрепления обороны.

Должен сказать, что вопросам организации обороны в войсках, обучения войск ведению оборонительного боя уделялось тогда недостаточное внимание. Видимо, в то время мной и некоторыми командирами в дивизии не совсем четко представлялась основная сущность советской военной доктрины, выраженной в проекте Полевого Устава РККА 1939 г. следующим образом: «На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих Вооруженных Сил. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение с целью полного разгрома противника и достижения решительной победы малой кровью»¹².

Из этого положения нередко делался вывод о необходимости обучения войска главным образом наступательному бою. Так толковалось и содержавшееся в приказе № 120 наркома обороны Маршала Совет-

⁹ Центральный Государственный архив Советской Армии, ф. 25874, оп. 6, д. 530, л. 436.

¹⁰ Там же, л. 343 об.

¹¹ По свидетельству, например, генерала Рундштедта, «Гитлер никогда серьезно не думал о вторжении в Англию» («Weltkrieg 1939—1945», 1. Teil. Der Landkrieg. Stuttgart, 1954, S. 36). Напротив, уже «со второй половины 1940 года гитлеровское командование приступило к конкретному оперативно-стратегическому планированию войны против Советского Союза» («Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. М., 1967, стр. 124).

¹² Проект Полевого Устава 1939 г. М. 1939, стр. 9.

К. Н. ГАЛИЦКИЙ

М. С. КОРПЯК

ского Союза С. К. Тимошенко по боевой подготовке на 1940 г. следующее требование: «...Учить войска только тому, что нужно на войне и только так, как делается на войне». И поскольку обучение подразделений и частей проходило главным образом на основе боевого опыта войны с белофиннами, то наибольшее внимание уделялось опять-таки наступлению с прорывом подготовленной обороны.

Как и многие другие, я часто задумывался над этой проблемой. И даже изложил некоторые свои соображения в докладе, который привез с собой на упомянутые сборы.

После доклада командира 6-го механизированного корпуса генерал-майора М. Г. Хацкилевича об использовании этого соединения в наступательной операции командующий округом вызвал меня.

— Мной подготовлен доклад о действиях войск в обороне, — сказал я генералу Д. Г. Павлову.

— Вот и хорошо, — ответил он. — Это сейчас весьма важная тема. Разберем ее.

Докладывая, я прежде всего отметил уже упомянутое недостаточное внимание вопросам обороны на учениях. Нуждались в доработке и теоретические положения, особенно касавшиеся оперативной обороны. Исходя из опыта боев на Западе, оборона армии должна быть глубоко эшелонированной и прежде всего противотанковой. В то же время ей следовало обладать способностью вести успешную борьбу с авиацией и воздушными десантами противника. Доклад содержал и несколько вариантов построения боевого порядка дивизии в обороне. Особого внимания, на мой взгляд, требовало создание резервов.

Кроме того, на привезенной с собой схеме я показал возможную систему противотанковой обороны дивизии, систему огня и инженерных заграждений. И в заключение высказал мысль о том, что стрелковые дивизии должны быть готовы обороняться не только на фронте 8—12 км, как тогда определялось, а и на более широком фронте, и что способы такой обороны следует проверить на войсковых учениях.

К докладу отнеслись одобрительно, так как, повторяю, вопросы обороны тревожили тогда многих. Кстати, в последние предвоенные месяцы им уделялось уже гораздо больше внимания, чем прежде. Интенсивнее велись крупные оборонительные работы вдоль границ, усиливались противотанковые средства, проводились учения войск по организации обороны. И это вскоре нам очень и очень пригодилось.

Боевая учеба

Примером тому, как много было сделано за последние предвоенные месяцы в обучении войск обороне, может служить и наша дивизия. Хотя мы и прежде стремились сделать боевую подготовку всесторонней, все же предпочтение оказывалось учениям по теме наступательного боя. Это сказалось и на результатах весенней проверки, проведенной в дивизии командованием 3-й армии в апреле 1941 г.

Такое сложное учение, как наступление усиленного батальона с танками и артиллерией и прорыв обороны «противника», получило хорошую оценку. Командование отметило, что стрелковые подразделения наступают с должной сноровкой, атакуют дружно, четко взаимодействуют с танками и артиллерией. Что же касается умения обороняться, то тут выявились существенные недостатки. Полки, батальоны и роты действовали несколько неуверенно, в частности не укладывались в уставные нормы при оборудовании полевых оборонительных сооружений, обнаружили пробелы в организации оборонительного боя.

На устранение этих недостатков и были направлены в дальнейшем усилия всего командного состава и политработников дивизии. Эта задача была особенно трудной еще и потому, что к тому времени на смену имевшим опыт старослужащим красноармейцам, уволенным в запас, пришли молодые воины. Таким образом, наряду с боевой подготовкой, приходилось сколачивать из пополнения роты, батареи, батальоны, дивизионы.

Улучшению качества боевой подготовки во многом способствовала систематическая и по-деловому организованная партийно-политическая, массово-воспитательная работа в частях. Заместитель командира дивизии по политической части батальонный комиссар М. С. Корняк и начальник политотдела полковой комиссар Е. И. Заславский были опытными, подготовленными политработниками. Они уделяли большое внимание не только политико-моральному состоянию личного состава, но и хорошо знали задачи по боевой подготовке. Это давало им возможность целенаправленно руководить воспитательной работой среди бойцов и командиров.

В рядах партийной организации дивизии насчитывалось 1022 члена и 537 кандидатов в члены партии¹³. В каждой роте и батарее были свои парторганизации — по 7—10 коммунистов. С приходом молодого пополнения число комсомольцев возросло до 5060¹⁴. Это партийно-комсомольское ядро прочно сплачивало дивизию, мобилизуя ее на достижение высоких показателей в боевой подготовке.

На открытых партийных собраниях в ротах, батареях, полках, привлекавших почти весь личный состав, обсуждались вопросы передовой роли коммунистов в боевой и политической подготовке. Регулярно проводились политбеседы. Большую помощь в этом оказывали еще остававшиеся в частях старослужащие красноармейцы, награжденные орденами и медалями. Они делились своим опытом с молодыми бойцами, были для них примером.

Части и подразделения напряженно обучались всем видам боевых действий как наступательных, так и оборонительных. Нашей особой заботой на учениях была организация взаимодействия стрелковых батальонов и артиллерийских дивизионов, обучение ведению ближнего боя и т. д.

Обобщению результатов боевой подготовки много внимания уделяли офицеры штаба дивизии во главе с его начальником майором З. Д. Подорвановым и штабы полков. Они разбирали ход занятий и учений стрелковых и артиллерийских подразделений, помогали устранять недочеты.

Много нового было и на занятиях по планам командирской подготовки. Отвели специальные часы для тщательного изучения форм и методов боевых действий немецко-фашистских войск, в частности в Польше и во Франции, сопровождавшихся мощными ударами авиации, прорывом танковых клиньев на узких участках фронта, обходами, охватами и, наконец, окружением. Эти теоретические занятия предполагалось в дальнейшем перенести на войсковые учения по противодействию танковым ударам противника, отражению его атак, с последующим переходом в наступление на большую глубину.

Как известно, в теории оперативного искусства и на ряде маневров эти вопросы были решены Красной Армией еще в 30-х годах. Учения на такие темы проводились тогда во многих дивизиях, в частности и в 1-й Пролетарской, где я несколько лет командовал 3-м стрелковым полком. Так что теперь нам предстояло организовать соответствующее обучение молодых воинов с учетом конкретных условий обстановки. И это было сделано. Но завершить начатую работу мы не успели. Доучиваться пришлось уже в ходе войны, под ударами врага, дорогой ценой приобретаемый опыт и знания, без которых нельзя было одолеть гитлеровскую армию.

О боевой подготовке войск того времени интересно вспомнить и следующее. Накануне войны в нашей армии существовала не совсем

¹³ Центральный Государственный архив Советской Армии, ф. 4207, оп. 3, д. 76, лл. 4—8.

¹⁴ Там же, д. 75, л. 9.

удачная система обучения частей в летний период. Стрелковые дивизии рассредоточивались, их части обучались разрозненно по родам войск в так называемых специализированных лагерях, находившихся, как правило, на большом расстоянии один от другого. В одном из них вели боевую подготовку артиллерийские полки всех или большей части дивизий округа, в другом — зенитные дивизионы, в третьем — инженерные части и т. д. Отдельные лагеря были для стрелковых, танковых войск. Возможно, обучение частей от этого и выигрывало, но на боевой готовности дивизий такой порядок, безусловно, влиял отрицательно. В связи с этим вспоминается такой случай. Было это в один из последних дней мая 1941 г., как раз в конце дивизионных учений. Начальник артиллерии дивизии полковник В. В. Доброправов доложил мне, что по плану боевой подготовки округа после учения надо отправить оба наших артиллерийских полка и зенитный дивизион на сборы и артиллерийские стрельбы на окружной полигон, который находился в 120 км от Молодечно.

— Время тревожное, стоит ли рассредоточивать силы дивизии? — подумал я. — К тому же переход утомителен для конского состава, да и часть тракторов может выйти из строя, так как моторы сильно изношены.

И решил: отстреляемся у себя. Тут же связался по телефону с начальником артиллерии округа генерал-лейтенантом артиллерии Н. А. Клич. Николай Александрович, видимо, помял мои сомнения. Он тут же дал согласие. Дивизия осталась в одном районе, и это, как мы увидим, помогло ей в трудных условиях начала войны.

Но вернемся к предвоенному периоду.

Все более заметные результаты давали огромные по масштабу и разносторонние мероприятия партии и правительства по усилению мощи и боеготовности Красной Армии. Состоявшаяся в феврале 1941 г. XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б) в своей резолюции отметила, что «в результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности значительно повысилась техническая оснащенность Красной Армии и Военно-Морского Флота новейшими видами и типами современного вооружения»¹⁵.

И мы наглядно ощущали плоды этих успехов, а также мероприятий по усилению боеготовности войск. В апреле наша дивизия, как и многие другие соединения, была переведена на штаты военного времени и хорошо укомплектована. Она имела теперь 12 тыс. человек, 78 полевых, около 50 противотанковых (45-мм) и 12 зенитных орудий, 66 минометов калибра 82—120 мм и много другого вооружения. Полевую артиллерию составляли два артполка — пушечный и гаубичный. Они были перевооружены — первый 76-мм пушками образца 1939 г., второй — гаубицами 122-мм образца 1938 г. и 152-мм гаубицами-пушками образца 1937 г. на тракторной тяге. Стрелковые полки

¹⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 3. 1930—1954 гг. М., 1954, стр. 426.

получили новые минометы, автоматы, много современного стрелкового оружия.

Доукомплектовывались и перевооружались в тот период и другие соединения 3-й армии. Тем не менее даже к июню 1941 г. оставалось еще многое сделать как в этом отношении, так и в строительстве оборонительных сооружений. Поскольку действия нашей дивизии в начале войны были тесно связаны с обстановкой во всей полосе армии, полагаю целесообразным вкратце рассказать о ее силах и средствах в тот момент.

Армия располагалась в первом оперативном эшелоне на правом крыле войск Западного особого военного округа. В 110—120-километровой полосе от южной границы Литовской ССР (юго-восточнее Сувалки) до Гравево она прикрывала одно из важнейших направлений — Гродно, Минск.

В первом эшелоне армии находился 4-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Е. А. Егорова (заместитель по политической части — полковой комиссар С. А. Егоров), в который входили 56, 27 и 85-я стрелковые дивизии. Во втором эшелоне был 11-й механизированный корпус, которым командовал генерал-майор танковых войск Д. К. Мостовенко (заместитель по политической части — полковой комиссар А. П. Андреев) в составе 29-й и 33-й танковых и 204-й моторизованной дивизий. Армейский резерв составляли наша 24-я стрелковая дивизия и находившаяся в районе Ружанысток 7-я отдельная противотанковая бригада. Армии оперативно подчинялась 11-я смешанная авиационная дивизия под командованием полковника П. И. Ганичева, которая была уже оснащена новейшими самолетами того времени — истребителями МиГ-3 и бомбардировщиками Пе-2¹⁶. Расположена была дивизия на аэродромах в районе города Лиды.

56-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор С. П. Сахнов, заместитель по политической части — полковой комиссар С. Е. Ковальский) была сосредоточена в районе Поречье, Сопоткин. В конце мая 1941 г. часть сил дивизии была выдвинута к границе в Августовский лес, через который проходил одноименный канал, соединенный со многими речками и речушками и издавна используемый для лесосплава. По восточному берегу капала и западнее, до Августова, в непосредственной близости от государственной границы части дивизии оборудовали рубеж обороны.

Особенно мощные оборонительные сооружения строились в районе Сопоткина, так как это направление имело тактически важное значение для обороны границы. Здесь в случае нападения противник мог выйти кратчайшим путем (8—10 км) к Неману, а затем вдоль его западного берега — к Гродно (20 км), в тыл основным силам войск 3-й армии. Сопоткинский узел обороны укрепляли подразделения 213-го стрелкового полка, которым командовал майор М. И. Яковлев,

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 207, л. 22.

и 1-й батальон 23-го отдельного саперного полка под командованием капитана К. Л. Спиричева.

В полосе обороны специальными строительными и инженерно-саперными частями по восточному берегу Августовского канала, в районе Сопоткина и юго-западнее — по восточному берегу р. Бобр с ее болотистой поймой, создавался мощный рубеж обороны, который должен был стать основой Гродненского укрепленного района. Строилось пять узлов обороны, состоявших каждый из пяти опорных пунктов.

В работах участвовали и войска формирующегося 68-го укрепленного района, которые должны были его занимать. Правда, пока они имели в своем составе только два отдельных артиллерийско-пулеметных батальона (9-й и 10-й). 9-й располагался в районе Сопоткина, а 10-й — в районе Липска. Батальоны имели задачу, используя строящиеся оборонительные укрепления, прикрыть с северо-запада по кратчайшему направлению от государственной границы г. Гродно. Часть оборонительных сооружений должны были занять войска 27-й и 56-й стрелковых дивизий.

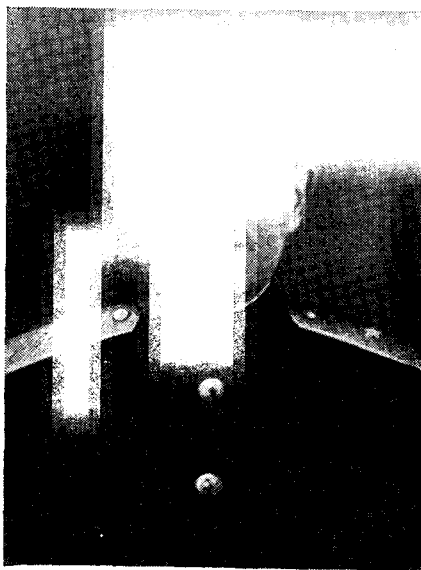
27-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор А. М. Степанов (заместитель по политической части — полковой комиссар И. В. Журавлев) была сосредоточена южнее Августова. Ее части также вели работы по оборудованию оборонительных позиций вблизи границы юго-западнее Августова и в глубине. Войска строили дзоты, рыли противотанковые рвы, устанавливали всевозможные заграждения. Значительная часть времени отводилась боевой подготовке. 85-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. В. Бондовского (заместитель по политической части — бригадный комиссар Н. И. Толкачев) располагалась в районе Гродно, Новы-Двур.

Стрелковые дивизии 4-го корпуса были недостаточно укомплектованы личным составом, слабо оснащены автотранспортом. Людей и автомашины они должны были получить с началом мобилизации.

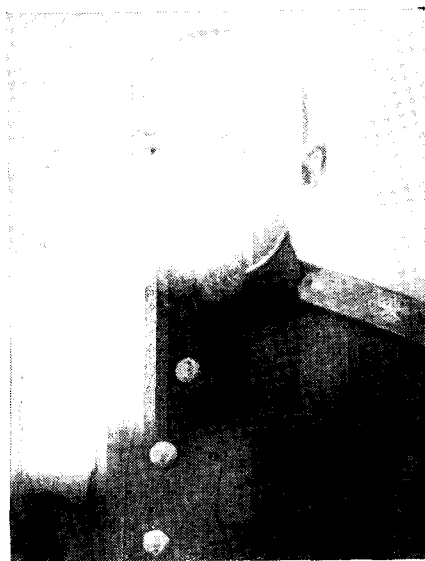
11-й механизированный корпус находился еще в стадии формирования. Всего в корпусе было 305 танков из положенных по штату 1030, притом из них 242 легких танка БТ-7, БТ-5, Т-26 и 19 легких огнеметных, с небольшим запасом хода и основательным износом ходовой части. Новые же танки корпус только начал получать, в наличии было всего 10 КВ и 34 Т-34. Из дивизий корпуса лишь 29-я танковая, находившаяся в районе Гродно (командир — полковник Н. П. Студнев, заместитель по политической части — полковой комиссар Н. П. Лебедев), была достаточно боеспособна: она имела около 200 танков БТ-7 и Т-26, 6 КВ, 22 Т-34 и артиллерийский полк.

У остальных двух дивизий — 33-й танковой (командир — полковник М. Ф. Панов, заместитель по политической части — полковой комиссар Н. В. Шаталов) и 204-й моторизованной (командир — полковник А. М. Пирогов, заместитель по политической части — полковой комиссар Г. Я. Мандрик) было по 30—40 танков Т-26¹⁷. Автомаши-

¹⁷ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 63; ф. 181, оп. 1631, д. 1, л. 3.

С. П. САХНОВ

А. В. БОНДОВСКИЙ

нами корпус был укомплектован всего на 15%, в артиллерийских полках дивизий имелся большой некомплект орудий и тракторов-тягачей. Корпус как боевая единица по существу представлял собой дивизию, вооруженную главным образом легкими танками.

В полосу 3-й армии в резерв округа передвигался 21-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор В. Б. Борисов (заместитель по политической части — бригадный комиссар В. П. Соломин), в составе трех стрелковых дивизий. К началу войны в район Лиды прибыли лишь командир и небольшая оперативная группа штаба корпуса, а также части 17-й стрелковой дивизии (командир — генерал-майор Т. К. Бацапов, заместитель по политической части — полковой комиссар И. С. Давыдов). 50-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. П. Евдокимова (заместитель по политической части — полковой комиссар В. П. Сумар), совершавшая марш из Полоцка в район Крево, находилась к началу войны в районе Дуниловичи. 37-я стрелковая дивизия (командир — полковник А. Е. Чехарин, заместитель по политической части — полковой комиссар Н. П. Пятаков), перебрасываемая из Лепеля и Витебска, должна была сосредоточиться в районе Беньякони, Вороново.

Как видим, формирование и сосредоточение войск 3-й армии и выдвигаемых в ее полосу резервов округа не было закончено, поэтому они имели недостаточную боевую готовность. Для нанесения мощных контрударов в случае нападения немецко-фашистских войск — 11-й механизированный и 21-й стрелковый корпуса именно для этого и готовились — им необходимо было еще известное время.

К этому следует добавить, что тогдашний характер боевой готовности войск не полностью отвечал создавшимся условиям, не учитывал в достаточной степени возможные действия немецко-фашистской армии. Правда, отдельные части и подразделения были выдвинуты к границе, войска знали рубежи, которые им следовало оборонять в случае нападения врага, и готовились занять их. Однако такая степень готовности была уже недостаточной. Приведение же всех войск в полную боевую готовность в напряженной политической обстановке того времени могло быть истолковано как начало боевых действий.

В первой половине июня 1941 г. штабом 3-й армии по указанию командования округа был разработан армейский план прикрытия государственной границы на гродненском направлении. Этим планом предусматривались сбор и выдвижение по тревоге к границе всех частей 56-й и 27-й стрелковых дивизий 4-го стрелкового корпуса и занятие ими подготовленных оборонительных позиций. Второй эшелон армии — 85-я стрелковая дивизия, а также 11-й механизированный корпус по плану прикрытия имели задачу на активные боевые действия. Предусматривалось вначале вывести их по боевой тревоге из казарм и лагерей и рассредоточить в рощах западнее и южнее Гродно. Затем предполагалось в случае необходимости выдвинуть и сосредоточить их в районе Домброва, что в 30—50 км западнее Гродно.

Наступательными действиями из этого района им предстояло ликвидировать возможное вторжение врага на нашу территорию и восстановить положение на государственной границе. Задачу на наступление в направлении государственной границы войска должны были получить по достижении районов сосредоточения, ориентировочно к исходу первого дня войны.

Планом предусматривался при необходимости и переход этих соединений к обороне на подготовленном рубеже западнее Гродно. Планировалось также создание нескольких объединенных отрядов — усиленных батальонов в составе подразделений разных родов войск для уничтожения возможных авиадесантов противника.

Граница укрепляется

Для ускорения строительства оборонительных сооружений дивизии первого и второго эшелонов армии выделили от каждого полка по одному стрелковому батальону. Они производили работы на участках обороны, намеченных для их полков¹⁸.

Как известно, «в середине мая 1941 года приграничные округа получили указание о форсировании строительства укрепленных районов на новой государственной границе, а спустя месяц, 16 июня, ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынесли специальное постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов»¹⁹.

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 181, оп. 1631, д. 1, л. 126.

¹⁹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 144.

Для проверки хода выполнения этого постановления по заданию наркома обороны маршала С. К. Тимошенко в войска 3-й армии 19 июня прибыл профессор Академии Генерального штаба, доктор военных наук генерал-лейтенант инженерных войск Д. М. Карбышев. На следующий день он вместе с начальником инженерного управления Западного особого военного округа генерал-майором инженерных войск П. М. Васильевым осмотрел пограничные оборонительные сооружения в районе Августовского леса и канала, ознакомился с ходом строительства Гродненского укрепленного района.

— Укрепления добротные,— подчеркнул генерал Д. М. Карбышев,— но между дзотами большие промежутки, а заграждениями они не прикрыты. Надо побыстрее ставить заграждения. Кроме того, необходимо уже этим летом завершить строительство хотя бы основных долговременных сооружений и сразу же вооружить их.

К сожалению, сделать все это не удалось. Из запланированных на 1941 г. в полосе 3-й армии 275 долговременных железобетонных сооружений²⁰ фактически к началу войны были забетонированы и могли быть лишь частично использованы для обороны 85²¹. Кроме того, 98 сооружений были построены здесь в предшествующем году²². Таким образом, всего их было 183. Правда, это составляло в среднем 1,5 точки на 1 км полосы армии и позволяло иметь хорошую огневую связь между дотами. Многие готовые доты были вооружены еще не полностью, хотя в них и было уже установлено около 300 пулеметов разных систем, 80 легких 45-мм противотанковых орудий, а также 20 орудий 76-мм²³. Кроме того, по приказу командующего 3-й армией часть дотов была вооружена пулеметами системы «Максим» на полевых станках и орудиями полковой и батальонной артиллерии. Плохо было то, что доты не имели своих постоянных гарнизонов — это снижало, конечно, их боевую готовность.

Правый фланг строящегося оборонительного рубежа на участке от государственной границы до р. Неман протяжением 6—8 км был еще оборудован слабо. Запланированные здесь два отдельных опорных пункта были только намечены на местности, строительство их предполагалось начать в июле. Но именно этим участком воспользовались немецко-фашистские войска в первый же день войны при наступлении на Гродно. Как бы пригодились здесь оборонительные сооружения в то трудное время!

Теперь, когда я пишу эти строки, мне вспоминается также, как во время войны в разговоре со мной Василий Иванович Кузнецов выразил сожаление о том, что мы не успели закончить строительство и вооружение Гродненского укрепленного района.

— Надо было еще хотя бы полгода — год. Тогда бы немцы обломали себе зубы, как это было в первую мировую войну в 1915 году.

²⁰ Архив МО СССР, ф. 68, УР, оп. 8278, д. 68, л. 14.

²¹ Там же.

²² Архив МО СССР, ф. 68 УР, оп. 8276, д. 2, лл. 4—11.

²³ Там же, л. 31.

В своем суждении об этом историческом событии генерал Кузнецов был прав. К этому следует только добавить, что тогда «широкие замыслы... о развитии наступления на Гродно — Лида, как об этом пишет Мозер, или на Гродно — Осовец, как в этом сознается Людендорф, остались мертвыми»²⁴.

В конце мая мне позвонил секретарь Вилейского областного комитета партии И. Ф. Климов и попросил заехать к нему вечером вместе с батальонным комиссаром М. С. Корпяком. Будучи членом обкома, я подумал, что разговор коснется текущих хозяйственных вопросов. Но о них И. Ф. Климов на этот раз не говорил. Он сообщил нам, что бюро ЦК КП(б) Белоруссии, заслушав доклад генерала Д. Г. Павлова об обстановке на границе и состоянии войск округа, «рекомендовало обкомам повысить бдительность, мобилизационную готовность предприятий и учреждений»²⁵. И. Ф. Климов поставил нас в известность и о другом решении ЦК КП(б) Белоруссии — «Об организации на территории Белоруссии постоянных групп и отрядов по уничтожению авиадесантов противника»²⁶.

— Мы проведем необходимую работу среди партийных организаций области, — сказал И. Ф. Климов, — но и вам надо учесть эти решения. Впрочем, вы, конечно, получите указания от командующего армией или округом.

И действительно, 12 июня меня вызвали в штаб округа. В приемной я встретил выходявших из кабинета командующего командира 21-го стрелкового корпуса генерал-майора В. Б. Борисова и командира 50-й стрелковой дивизии генерал-майора В. П. Евдокимова. Лица их были озабочены. Но поговорить не успели — меня сразу пригласили к командующему. В его кабинете был и начальник штаба округа генерал-майор В. Е. Климовских.

Поздоровавшись, генерал армии Д. Г. Павлов сказал:

— С 13—14 июня необходимо провести месячные учебные сборы по переподготовке пехотинцев в специалистов других родов войск. На сборы призвать из запаса красноармейцев и младших командиров. Учить их по программам специалистов — минометчиков, пулеметчиков, артиллеристов и танкистов для того, чтобы быстрее освоить полученное вами новое автоматическое стрелковое оружие, 82-мм минометы, новое артиллерийское и противотанковое вооружение.

Технику эту мы уже получили и начали осваивать. Кроме вооружения, указанного командующим, разведывательный батальон дивизии получил десять танков Т-26 и столько же бронеавтомобилей. Легкий танк Т-26 имел броню 10—15 мм, 45-мм пушку и два пулемета, а бронеавтомобили были вооружены лишь пулеметом, но для ведения разведки могли использоваться успешно.

— Во второй половине июня, — продолжал генерал Д. Г. Павлов, — состоится, видимо, большие учения войск округа, в ходе кото-

²⁴ Л. Зайончковский. Мировая война 1914—1918 гг. М., 1924, стр. 179.

²⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 144.

²⁶ Там же, стр. 145.

рых 24-я стрелковая дивизия будет переброшена на автомашинах двух автомобильных бригад в район Гродно. Сейчас надо приступить к подготовке учения: тренировать личный состав в погрузке на автомашины и разгрузке материальной части, а командиров научить управлять своими подразделениями и частями на марше флажками и по радио. Вам необходимо наметить два-три маршрута движения и с командирами частей оттрекогносцировать их.

Подойдя к карте, командующий показал мне основной маршрут движения — Молодечно, Вишнев, Лида, Скидель, Гродно.

— Имейте в виду, — сказал он далее, — по плану учения в 20-х числах июня в район Вилейка, Сморгонь, Криво выйдет 50-я стрелковая дивизия. Передайте ей ваши военные городки и подготовьте в лесах этого района места для лагерей. Все снабжение частей этой дивизии будет производиться с ваших складов. Детали по размещению частей генерала Евдокимова отработайте с начальником штаба округа. — И в заключение предупредил:

— Никаких письменных указаний от меня и штаба округа не будет. Все делать согласно моим личным указаниям. Доложите их командующему армией генералу Кузнецову. Неясные вопросы уточните у начальника штаба округа.

Речь шла, казалось бы, о повседневных мероприятиях. Но по тону командующего, говорившего необычно резко, отрывисто, было заметно, что он чем-то взволнован. И мне после разговора с секретарем Вилейского обкома партии было нетрудно понять, что генерал Д. Г. Павлов обеспокоен обстановкой на границе.

Генерал В. Е. Климовских записывал его указания в толстую тетрадь. С начальником штаба мы быстро уточнили все вопросы, касающиеся учебного сбора по подготовке специалистов, а также размещения 50-й стрелковой дивизии. Выйдя от генерала В. Е. Климовских, я встретил хорошо знакомого мне по совместной учебе в Военной академии им. М. В. Фрунзе старшего преподавателя Академии Генерального штаба полковника К. Ф. Скоробогаткина²⁷.

— Какими судьбами вас занесло в Белоруссию?

— Прибыл в составе группы преподавателей академии на войсковую стажировку, — ответил Константин Федорович. — Еду в Гродно заместителем командира 85-й стрелковой дивизии.

— Значит, будем в одной армии, — заметил я. И, конечно, задал вопрос, который в последнее время волновал нас всех: — Как в Москве оценивают наши взаимоотношения с Германией? У нас здесь в районе расположения дивизии, в городах Молодечно, Сморгонь, Воложин среди населения упорно распространяются слухи о том, что скоро будет война и сюда придут немцы. Соль, сахар, мука, керосин раскупаются парасхват.

— Надеюсь, вы знаете о том, что сказал И. В. Сталин на совещании высшего командного состава в Кремле 13 января? — ответил во-

²⁷ Генерал-полковник К. Ф. Скоробогаткин в настоящее время в отставке, живет в Москве.

просом Скоробогаткин. И видя, что требуются пояснения, добавил: Товарищ Сталин ясно сказал, что назревает война на западе с фашистской Германией и на востоке с империалистической Японией. Центральный Комитет партии и правительство принимают все меры военного и дипломатического порядка, чтобы не допустить нападения Германии. Удастся ли?

Этот разговор был еще одним звеном в цепи встреч последних дней. Все, что я узнал от секретаря обкома партии, а затем в штабе округа достаточно ясно говорило и об общей обстановке, и о предназначении нашей дивизии. Когда же, возвратившись к себе, я рассказал начальнику штаба дивизии майору З. Д. Подорванову об указаниях командующего округом, Захар Демидович прямо спросил:

— Не кажется ли вам, Кузьма Никитович, что все это предстоящее выдвижение войск ближе к границе означает подготовку более важных мероприятий, чем учения?

— Судя по выдвижению 50-й стрелковой дивизии в район Сморгонь, Криво, а возможно и всего 21-го стрелкового корпуса к западу от города Лида, — ответил я, — создается второй оперативный эшелон войск фронта на гродненском направлении. Наша дивизия, намеченная к переброске в район Гродно, очевидно, должна будет усилить первый оперативный эшелон 3-й армии. Но это лишь предположения.

На эту тему мы беседовали уже не первый раз. Ведь нам было известно из разведсводок, что на территории Польши происходили большие передвижения гитлеровской армии, причем в мае вдоль всей границы, в том числе и тут, в Сувалкском выступе, сосредоточивались крупные немецкие соединения, среди которых было много танковых. Обмениваясь мнениями по этому поводу, мы с начальником штаба все больше убеждались в том, что фашисты усиленно готовят нападение на нашу границу. И хотя высшее командование еще не говорило нам, командирам соединений, о назревании непосредственной угрозы, тем не менее уже предпринимались все возможные в тех условиях меры для укрепления границы.

К ним относились и полученные мною указания командующего округом. Полностью же характер этих мер стал ясен мне позднее, когда я узнал о касающихся описываемого времени указаниях наркома обороны маршала С. К. Тимошенко. Он «рекомендовал командующим войсками округов проводить тактические учения соединений в сторону государственной границы с тем, чтобы подтянуть войска ближе к районам развертывания по плану прикрытия»²⁸.

Таким образом, — и мне хотелось бы это подчеркнуть, — сосредоточение крупных войсковых масс гитлеровской армии у нашей западной границы было известно советскому командованию. Это признали впоследствии и гитлеровские генералы. Так, К. Типпельскирх, например, писал после войны, что попытка замаскировать приготовления к агрессии против Советского Союза потерпела неудачу. «Самое большее, чего можно было достигнуть, — отмечал он, — это сохранить в

²⁸ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969 стр. 242.

К. Ф. СКОРОБОГАТКИН

В. П. ЕВДОКИМОВ

тайне срок наступления, чтобы тактическая внезапность облегчила вторжение на территорию противника»²⁹. Не оставалось у руководителей партии и правительства и сомнения в том, что фашистская Германия готовит нападение на СССР. В соответствии с этим 18 июня военным советам приграничных военных округов приказывалось выделить управления фронтов и перевести их к 22—23 июня на основные полевые командные пункты. В частности, управление Западного фронта должно было расположиться в Обуз-Лесна (25 км юго-западнее Барановичи). Усилилась подготовка к отражению врага.

Единственное, чего мы не знали,— это точной даты нападения.

Война надвигается

16—17 июня мы с командирами полков и офицерами штаба провели рекогносцировку маршрутов предстоящего учения в направлении Лида — Гродно. Части дивизии продолжали напряженную боевую учебу в летних лагерях. К этому времени были уже призваны на сборы рядовые и младшие командиры запаса, в большинстве жители западных областей Белоруссии. Многие из них раньше служили в польских частях, участвовали в 1939 г. в боях против гитлеровских захватчиков. Они проявляли большой интерес к боевой подготовке, стремились быстрее и лучше освоить программу обучения и новое оружие.

²⁹ К. Типпельскирх. Указ. соч., стр. 174.

Для большей ясности положения, создавшегося в полосе 3-й армии накануне войны, полагаю целесообразным обратить внимание читателя и на немецко-фашистскую подрывную деятельность, направленную на ослабление обороноспособности советских войск на операционном направлении Гродно — Минск. Тем более, что ее в послевоенное время пытаются скрыть бывшие гитлеровские генералы. Так, ни словом не обмолвились о ней в своих пространных мемуарах Э. Манштейн, К. Типпельскирх, Г. Гудериан и другие. Умалчивают об этом и некоторые современные западногерманские историки.

Надо сказать, что здесь среди местного населения усиленно циркулировали слухи о близости войны, причем источником их была, несомненно, гитлеровская агентура. В эфире все чаще появлялась неизвестная радиостанция, которая вела антисоветские передачи на польском и белорусском языках. Быстро обнаружить ее не удалось, так как она все время меняла место передачи. В городах и селах тайно распространялись антисоветские листовки. Помню, в одной воспроизводились следующие слова Гитлера: «Мы определенно указываем пальцем в сторону территории, расположенной на Востоке. Нам нужно захватить Россию. К этому созрели все предпосылки. Ждите немецких освободителей». Были случаи диверсий. Особенно тревожная обстановка сложилась в г. Воложин, где размещался наш 168-й стрелковый полк. Однажды обнаружили исчезновение трех красноармейцев, а вскоре один из них был найден с проломленным черепом. В другой раз неизвестными лицами была выведена из строя одна из линий связи полка и подожжен склад.

В полдень 20 июня командир этого полка подполковник С. И. Портнов³⁰ позвонил мне по телефону:

— Товарищ генерал, в связи с некоторыми обстоятельствами крайне важен ваш личный приезд в полк. — И добавил: — Желательно сегодня же.

Догадываясь, что произошло серьезное происшествие, о котором нельзя было доложить по телефону, я выехал в штаб полка. И тут С. И. Портнов сообщил, что сегодня утром в почтовом ящике у дверей своей квартиры он обнаружил записку такого содержания: «Пан полковник!³¹ Увезите семью в Россию. Скоро здесь будет война».

— Записку эту, — сказал С. И. Портнов, — я передал уполномоченному особого отдела полка старшему лейтенанту Г. Еременко с просьбой по возможности найти автора и побеседовать с ним. Старший лейтенант Еременко с работниками районного отдела НКВД установили, что записку написал житель города Владислав Запотоцкий, чей сын Эдмунд служит в нашем полку красноармейцем. Запотоцкий сообщил, что к нему заходил бывший житель Воложина немец Ганс Ротнер. Оказалось, что он был заброшен сюда гитлеровцами. Заявив, что скоро сюда придут немцы, Ротнер, по словам Запотоцкого, пытался завербовать его.

³⁰ Генерал-майор С. И. Портнов в настоящее время в отставке, живет в Риге.

³¹ Так в записке.

Стало окончательно ясно, что в районе Воложина действовала немецко-фашистская диверсионная группа. Поэтому, выслушав С. И. Портнова, я тут же из полка позвонил командующему армией и, получив разрешение, выехал к нему в Гродно. Наступил уже вечер, когда я прибыл в штаб армии и доложил В. И. Кузнецову обо всем сказанном выше. Командарм приказал принять меры к обнаружению и уничтожению диверсионной группы, а также усилить охрану военных объектов и повысить бдительность всего личного состава частей дивизии.

Мое сообщение его не удивило, так как оказалось, что подобные происшествия — не редкость в полосе армии. За несколько дней до этого на участке 86-го пограничного отряда была задержана большая группа немецких диверсантов, имевших задание взорвать железные дороги Лида — Молодечно и Барановичи — Столбцы. А еще в апреле в районе Августова переплыла советскую границу разведывательная группа в составе 16 человек, одетых в форму инженерных войск Красной Армии. Обнаруженные пограничниками гитлеровцы оказали сильное вооруженное сопротивление. В результате боя 11 фашистов было убито, остальные захвачены в плен³².

Наряду с немецкими диверсионно-разведывательными группами, действовавшими во всей пограничной зоне, за последнее время активизировалась воздушная разведка. Фашистские самолеты ежедневно нарушали границу. Более того, в штабе я узнал, что в тот день немцы сняли проволочные заграждения вдоль границы у дороги Августов — Сейны, которые были на месте еще утром. По донесению наших наблюдателей, в этом же районе из лесу доносился шум моторов³³. Наконец, имелись данные, что в Сувалкском выступе немцы сконцентрировали крупные силы, в том числе танковые. Против левого фланга армии, на направлении Граево, Лыкк, была сосредоточена немецко-фашистская группировка в составе 35—40 тыс. солдат и офицеров³⁴.

На прощание командующий армией сказал мне:

— Положение тревожное. Мною отдан приказ вывести часть войск ближе к границе, к северо-западу от Гродно³⁵. Поезжайте к себе, подготовьте все к приведению частей в готовность в соответствии с планом поднятия по боевой тревоге. Никому об этом пока не говорите. Всю работу проводите лично и без шума.

Ехал я обратно в Молодечно в тихую летнюю ночь на 21 июня. Воздух был чист и дышалось легко, но на душе было беспокойно...

³² «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 1. М., 1960, стр. 478.

³³ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 34.

³⁴ Там же, ф. 181, оп. 11631, д. 2, л. 1.

³⁵ Выдвижение части сил 3-й армии в этот район было тогда же отмечено противником. В опубликованном после войны служебном дневнике начальника германского генштаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера имеется такая запись: «21 июня (1941 г.— К. Г.)... перед фронтом 8-го армейского корпуса наблюдалось занятие позиций войсками противника» (*Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Stuttgart, 1963, Aufzeichnung von 21.VI 1941*).

Несомненно, приближались грозные события. Чем же в таком случае, думал я, объяснить сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., в котором высказывалась уверенность, что Германия не нарушит пакта о ненападении?

Меня, как и других командиров, это сообщение весьма удивило, поскольку мы не знали, что оно имело целью выявить реакцию германского правительства и на основе этого окончательно определить его намерения. Впрочем, практического влияния на наши войска это сообщение не оказало, так как мы действовали в соответствии с указаниями командования и продолжали напряженную подготовку к отражению возможной агрессии.

Так в ту ночь я довольно быстро переключился с мысли о сообщении ТАСС на насущные заботы, связанные с полученным от командарма предупреждением. Понимая, что дивизия может выступить в любой день, я по возвращении в Молодечно утром 21 июня приступил к проверке готовности частей.

Начал с 274-го стрелкового полка, располагавшегося в местечке Красное. Вместе с начальником артиллерии дивизии полковником В. В. Добронравовым и группой офицеров штаба мы проверили боевую готовность полка, экипировку красноармейцев и командиров, состояние оружия, количество боеприпасов, умение вести боевые действия мелкими подразделениями. Результаты были хорошие. Мы убедились также в отличной тактико-строевой сколоченности рот и батальонов, образцовом состоянии всего хозяйства. Транспорт полка был укрыт в ближайшей роще, боеприпасы, техническое и другое имущество аккуратно погружены. Медицинские подразделения и походные кухни также были наготове.

Словом, полк, получив приказ, мог выступить немедленно. Своей высокой боевой готовностью он, несомненно, во многом был обязан подполковнику А. А. Украинскому. Он имел большой опыт командования полком, был хорошим строевиком и неплохим хозяйственником.

Затем мы провели контрольные стрельбы артиллерийских полков на полигоне в районе Красное. В первую очередь проверили стрельбу орудий, поставленных на прямую наводку, по движущимся «танкам» — специально оборудованным подвижным мишеням. Стрельбы прошли неплохо, особенно в 160-м артиллерийском пушечном полку майора А. А. Бородин. Но во время проверки конно-батарейных учений я обратил внимание на то, что в каждом дивизионе подобраны лошади одной масти. На местности они, особенно серые, резко выделялись, превращая батареи в заметные цели. И подумалось: еще недавно, на нервомайском параде, все мы восхищались таким подбором конского состава, выглядевшего очень эффектно на торжественном марше. А сегодня это видится уже по-иному...

— Что если в целях камуфлирования батарей подобрать лошадей разной масти?

— Расстроится слаженность конских упряжек, — ответил Бородин. Но тут же, видимо, понял, почему ему задан такой вопрос: — Раз надо — сделаем.

В. В. ДОБРОНРАВОВ

А. А. БОРОДИН

Несколько хуже были результаты стрельб в 246-м гаубичном полку. Его командир подполковник И. В. Галкин, опытный артиллерист, смущенно объяснил:

— Мы больше внимания уделяли стрельбам по целям, находящимся за укрытиями, а также разрушению оборонительных сооружений. Теперь восполним пробел.

И он, конечно, выполнил свое обещание, как и майор Бородин. Но уже в обстановке начавшейся войны, в ходе боев с вторгшимся врагом...

После окончания проверки я провел весь вечер в штабе дивизии. Подписал текущие документы, доложенные майором Подорвановым. Потом мы с батальонным комиссаром Корпяком обсудили и согласовали план проведения завтрашнего воскресного дня отдыха в частях. Казалось, все сделано. Но на душе по-прежнему было беспокойно. Более того, ощущение надвигающейся опасности резко усилилось. Мог ли я знать, что наступила последняя мирная ночь?

Как теперь известно, обстановка на границе в тот момент была предметом тревог и пристального внимания партии и правительства, военного командования. В последний период сведения о подготовке фашистской Германии к войне поступали из различных источников, в том числе и от военного и военно-морского атташе в Берлине генерал-майора В. И. Тупикова и капитана 1-го ранга М. А. Воронцова³⁶. Назывались даже даты начала вторжения.

³⁶ В. Бережков. С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941. М., 1966, стр. 88.

В связи с этим и проводились все показанные выше и многие другие меры по укреплению границы. Но полностью завершить их осуществление до нападения врага не удалось.

18 июня от немецкого солдата-перебежчика были получены сведения о том, что «в четыре часа утра 22 июня гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы»³⁷. Это подтвердили вечером 21 июня два других перебежчика, сообщив, что немецкие войска уже заняли исходное положение для наступления³⁸.

Из всех этих сообщений следовал основной вывод — надвигаются серьезные события. И он был сделан. «Наша партия предвидела возможность военной схватки с силами империализма, готовила страну и народ к обороне...» «Нам не нужна была война. Советское правительство предпринимало все, чтобы предотвратить ее. Но этого сделать не удалось»³⁹. Поэтому «...21 июня, когда поступили неопровержимые данные о том, что 22—23 июня немецкая армия нападет на нашу страну, Советское правительство приняло решение предупредить командование приграничных военных округов и военно-морских флотов о грозящей опасности и привести Вооруженные Силы в боевую готовность. Директива о приведении в боевую готовность сухопутных и военно-воздушных сил западных приграничных военных округов Красной Армии была передана военным советам этих округов в половине первого часа ночи 22 июня»⁴⁰.

Получив эту директиву, штаб Западного особого военного округа немедленно связался с командующими армиями.

Командующий 3-й армией генерал В. И. Кузнецов и член Военного совета армии армейский комиссар 2-го ранга Н. И. Бирюков в тот момент возвращались из 345-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии, расположенного в районе Августова. Об этой поездке и о дальнейших событиях в штабе армии мне рассказал впоследствии Н. И. Бирюков⁴¹. Позволю себе пересказать услышанное от него, поскольку это дает возможность лучше охарактеризовать обстановку в полосе 3-й армии в самый канун войны.

Встретив командарма и члена Военного совета, командир полка полковник В. К. Солодовников доложил, что, по данным пограничников, немцы проложили колонные пути в лесу, расположенном в районе Щерба севернее Августова; там же, как и во всех лесах пограничной зоны, расположились немецкие войска. Затем командующий армией вместе с членом Военного совета и командиром полка объехали границу в районе Августова, побеседовали с пограничниками.

³⁷ И. И. Федюнинский. Поднятые по тревоге. М., 1964, стр. 11.

³⁸ Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 242, 246.

³⁹ Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 19.

⁴⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 2, стр. 11.

⁴¹ Генерал-полковник танковых войск Н. И. Бирюков в настоящее время в отставке, живет в Москве.

Части 24-й Железной Самаро-Ульяновской стрелковой дивизии на параде 1-го мая 1941 г. торжественным маршем проходит 7-й стрелковый полк под командованием подполковника А. В. Пасюкова

Обстановка была угрожающая. Обменявшись мнениями, В. И. Кузнецов и Н. И. Бирюков сочли необходимым без доклада командующему округом — на это не было времени — вывести часть сил 345-го стрелкового полка из казарм на подготовленные оборонительные позиции. Лучше получить выговор, чем оказаться беспечными людьми — таково было их единодушное решение.

Командарм отдал соответствующий приказ В. К. Солодовникову, и тот вскоре доложил, что 1-й и 3-й стрелковые батальоны выведены на позиции, прикрывающие Августов с севера, со стороны Сувалки. 2-й батальон оставался в казармах, чтобы по сигналу боевой тревоги занять позицию на рубеже р. Нетта и Августовского канала юго-западнее города. Одновременно по приказу командарма батареи 53-го артиллерийского полка, не выведенные на артиллерийский сбор, были поставлены на огневые позиции в районе гарнизонного стрельбища. В распоряжение В. К. Солодовникова был передан и разведывательный батальон 27-й стрелковой дивизии, находившийся в готовности вести разведку в направлении Сувалки⁴². В заключение проверки В. И. Кузнецов приказал продолжать меры по усилению боевой готовности, но не обнаруживать своих действий.

⁴² Архив МО СССР, ф. 184, оп. 1631, д. 1, л. 128.

— Выдайте бойцам каски. И будьте начеку,— сказал он на прощанье. Уже в машине он, обращаясь к Н. И. Бирюкову, заметил:

— Надо везде проверить готовность частей. Я приказал, чтобы в каждом полку дежурные подразделения были в полной боевой готовности.

— Вчера я говорил с начальником штаба 29-й танковой дивизии полковником Каланчук,— ответил Бирюков.— Там дежурный танковый батальон находится в боевой готовности в своем парке. Остальных надо проверить завтра...

Таким образом, в Августове 345-й стрелковый полк 27-й стрелковой дивизии был приведен в боевую готовность. К тому времени и пограничники во всей полосе армии усилили наряд⁴³ и в ночной темноте настороженно прислушивались и зорко вглядывались в очертания опушки Августовского леса, откуда слышался приглушенный шум моторов танков и отдельные голоса.

В связи с этим нельзя не отметить, что гитлеровские генералы, занявшиеся после своего поражения сочинением самоутешительных воспоминаний и, как правило, извращающие ход событий, пытаются изобразить дело таким образом, будто мы даже в канун 22 июня 1941 г. не догадывались об их намерениях. Так, генерал Г. Блюментрит в своих мемуарах пишет: «Как мы предполагали, к вечеру 21 июня русские должны были понять, что происходит, но... все было тихо. Пограничная охрана русских вела себя как обычно...»⁴⁴

Эти слова в свете сказанного выше означают лишь то, что принятые тогда меры по усилению охраны границы остались незамеченными гитлеровцами. Другое дело — характер и масштаб принятых мер. Они были недостаточными, что и привело к известному развитию событий в первые дни войны, в том числе и в полосе 3-й армии.

Поздно ночью 21 июня, вернувшись из Августова, генерал Кузнецов заехал в штаб армии, ознакомился с последними донесениями и собрался ехать домой. Но тут зазвонил телефон ВЧ. Кузнецов получил приказание генерала армии Д. Г. Павлова находиться у аппарата, ожидая особо важного распоряжения⁴⁵.

В ночь перед вторжением

Командарм тут же вызвал в штаб всех офицеров полевого управления и подотдела армии. По его указанию во втором часу почти штаб связался с командирами 11-го механизированного и 4-го стрелкового корпусов генерал-майором танковых войск Д. К. Мостовенко и генерал-майором Е. А. Егоровым. Их предупредили, чтобы они, а также командиры дивизий паходились у телефонных аппаратов.

⁴³ «Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны». М., 1968, стр. 92.

⁴⁴ «Роковые решения». М., 1958, стр. 82.

⁴⁵ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 34.

Было уже около 2 часов 22 июня, когда В. И. Кузнецов получил по ВЧ от командующего фронтом короткий приказ: поднять все войска по боевой тревоге, частям укреплённого района немедленно занять долговременные огневые точки и привести их в полную боевую готовность, по сигналу «Гроза» ввести в действие «красный пакет», содержащий план прикрытия государственной границы. Одновременно Д. Г. Павлов предупредил, что штабу армии передается полный текст приказа. Он также сказал, что, возможно, немцы готовят провокацию.

Н. И. Бирюков, находившийся у ВЧ рядом с командармом, сказал по окончании разговора:

— Это война. Предвидение не обмануло нас...

Еще до получения директивы, сразу же после разговора В. И. Кузнецова с Д. Г. Павловым, штаб армии передал сигнал боевой тревоги командирам корпусов и дивизий. Но с некоторыми дивизиями, в том числе с нашей 24-й, проводной связи уже не было: она была повреждена диверсантами. Артиллерийским полкам и зенитным дивизионам было послано приказание немедленно возвратиться с артиллерийского учебного сбора в расположение своих дивизий.

Почти час спустя из Минска начала поступать по средствам связи директива Военного совета округа, в которой было указано: «В течение 22—23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев... Нападение немцев может начаться с провокационных действий. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». В то же время директива требовала «быть в полной боевой готовности и встретить внезапный удар немцев...» В заключение в директиве было сказано: «В течение ночи на 22.6.1941 г. скрытно занять огневые точки укреплённых районов на государственной границе; перед рассветом 22.6.1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; все части привести в боевую готовность... Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»⁴⁶.

— Эту директиву Военного совета приносили по частям, — впоследствии рассказывал мне Н. И. Бирюков, — но мы так и не успели ее получить полностью. Прервалась связь. Пытались войти в связь с соседями. Но от командующего 10-й армией генерала К. Д. Голубева, соседа слева, узнали, что он уже несколько часов не имеет связи со штабом округа. С соседом справа так и не связались.

Такая противоречивая директива не могла, конечно, мобилизовать и нацелить командование армии на проведение боевых действий, предусмотренных оперативным планом в случае вторжения немецко-фашистских войск на территорию Советского Союза.

Впоследствии бывший начальник оперативного отдела Западного особого военного округа генерал И. И. Семенов (он в 1944 г. был начальником штаба 11-й гвардейской армии, которой я тогда командо-

⁴⁶ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 69.

вал) на мой вопрос, чем можно объяснить столь невнятную директиву, ответил:

— Павлов получил ночью 22.6 директиву Наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко и, имея личные его указания по ВЧ, приказал передать ее Военным советам армий дословно, как она была получена из Москвы, без каких-либо добавлений, но уже за подписью Военного совета округа. Эта директива была отправлена армиям в 2 час. 25 мин. 22 июня⁴⁷.

Командиры дивизий получили приказ о боевой тревоге в разное время. Одним из первых около 2 часов ночи получил приказ командир 85-й стрелковой дивизии генерал-майор А. В. Бондовский, находившийся со своим штабом в Гродно. Он тут же вызвал своего заместителя полковника К. Ф. Скоробогаткина и, сообщив о возможной провокации немецко-фашистских войск на государственной границе, приказал поднять части дивизии по боевой тревоге, одновременно распустить дивизионные учебные сборы пулеметчиков, снайперов, разведчиков и других, возвратить всех в стрелковые полки.

К половине четвертого утра приказ был выполнен. Поднятые по тревоге части дивизии находились в лагере в районе м. Сола на южном берегу р. Неман в 5—6 км юго-восточнее Гродно в готовности выступить в район сосредоточения по плану прикрытия границы. Но сигнал «Гроза» не поступал, так как к этому времени была прервана связь лагеря со штабом дивизии и армии. Полковник Скоробогаткин принял решение выдвинуть части на рубеж р. Лососьна и занять его для обороны.

Светало. Было около 4 часов утра, когда полки начали выдвигаться. В это время самолеты со свастикой на крыльях и фюзеляжах уже появились над Гродно. Вскоре в районе города стали рваться бомбы большой мощности. Одновременно со стороны государственной границы послышался нарастающий гул артиллерийской канонады. Война началась...

Директива наркома обороны о подъеме войск по тревоге и занятии оборонительных сооружений на границе запоздала.

Хорошо зная положение и состояние войск на минском стратегическом направлении к началу войны, я глубоко убежден, что, если бы эта директива была дана хотя бы на один-два дня раньше, обстановка сложилась бы иначе. Для нас всегда останется открытым вопрос о том, могли ли немцы добиться таких успехов в боях первых дней войны при условии своевременного занятия нашими войсками подготовленных оборонительных позиций и укреплений. Можно было успеть установить на дорогах заграждения, прикрыв их артиллерийским и пулеметным огнем. Артиллерийские и зенитные полки вовремя вернулись бы с учебных полигонов в свои дивизии и во всяком случае заняли бы выгодные огневые позиции и изготовились к отражению огневых ударов. Значительная часть авиации могла перебазироваться, организовать боевое дежурство в воздухе, собственными силами при-

⁴⁷ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 69.

крыть аэродромы. Тогда мы не потеряли бы в первый день войны на Западном фронте 528 самолетов на земле и 210 в воздухе⁴⁸, что, безусловно сыграло решающую роль в наших неудачах первых недель войны, так как немецкая авиация получила полную свободу действий и буквально висела над нашими обороняющимися войсками, нанося им большие потери. Героические, самоотверженные наши летчики по 4—5 раз в день поднимали в бой оставшиеся самолеты, но их действия не могли должным образом противостоять многочисленной вражеской авиации, хотя и наносили ей чувствительные удары.

И что еще очень и очень важно: штабы армий, корпусов, дивизий могли бы занять подготовленные полевые командные пункты и обеспечить достаточно твердое управление войсками. Но... директива о боевой тревоге пришла в дивизии лишь за один-два часа до первого удара немецко-фашистских войск, а многие соединения ее и совсем не успели получить. Войска выходили по тревоге уже под огнем фашистских войск и авиации.

⁴⁸ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 4857, д. 20, л. 112.

Война началась

Навстречу врагу

В предвоенные дни, как я писал выше, мы уже чувствовали надвигающиеся события и понимали остроту положения в пограничной зоне. Очевидно, поэтому поздно вечером 21 июня я с квартиры позвонил в Воложицкому командиру 168-го стрелкового полка. С. И. Портнов оказался на месте. На мой вопрос он ответил:

— Пока все спокойно.

Да, пока на границе царило спокойствие. Но все больше становилось зловещих признаков надвигающейся войны. Только что мне доложили, что проводная связь со штабом армии прервана. Это, несомненно, было делом рук диверсантов, часть которых так и не удалось обнаружить.

Связисты получили приказ найти и исправить повреждение. Но когда им удастся это сделать? Радиостанции же, имевшиеся в дивизии, были слишком маломощными. Поэтому я приказал С. И. Портнову связаться с командиром 11-й смешанной авиационной дивизии полковником П. И. Ганичевым, находившимся в г. Лиде, и немедленно информировать меня о малейших изменениях обстановки.

Начало светать. Как уже знает читатель, к тому времени штаб армии закончил передачу приказа о боевой тревоге. Но наша дивизия, как и ряд других, также лишившихся связи со штабом армии, ничего об этом не знала. Вдруг в 4 часа с минутами зазвонил телефон, и я услышал взволнованный голос С. И. Портнова:

— Товарищ генерал, фашистская авиация бомбит Лиду и аэродромы 11-й авиационной дивизии. В городе и на аэродроме пожары.

Мозг опалила тревожная мысль: война! Лида находится в 120—150 км от границы, считая от так называемого Сувалкского выступа. Если ее бомбят — это уже не провокация. А связи со штабом армии все еще нет. Как быть? Решение приходит сразу: лучше отвечать за необоснованное от мобилизованные первого эшелона частей по тревоге, чем ничего не сделать для приведения дивизии в полную боевую готовность. И Портнов получил приказ:

— Вышлите в Лиду разведку на автомашинах и половину состава медицинской части полка для оказания помощи раненым. Немедленно приступайте к отмотилизованию первого эшелона полка в лагере. Снаряжение, оружие и боеприпасы из Воложина подвозите на автомашинах, держите со мной связь.

Затем по телефону приказал командиру зенитного дивизиона привести подразделения в боевое положение и при появлении немецких самолетов открывать по ним огонь. Следующий звонок — оперативному дежурному по штабу дивизии: поднять офицеров штаба и политотдела по тревоге, к шести часам вызвать в штаб всех командиров частей и их замполитов, за исключением командира 168-го стрелкового полка.

Отдав эти распоряжения, снова попытался связаться по телефону с командующим армией или штабом округа, чтобы доложить о бомбежке Лиды.

Но ни та, ни другая линия не работали. Позвонил И. Ф. Климову и секретарю Молодеченского райкома партии И. Д. Томилину, попросил их приехать немедленно в штаб дивизии¹. И сам поспешил туда же.

Раннее утро. Город еще спит. На востоке пробиваются первые лучи солнца. Вслед за мной вошел в кабинет батальонный комиссар М. С. Корняк, за ним заместитель по строевой части полковник И. А. Бисярин, начальник штаба майор З. Д. Подорванов, начальник политотдела полковой комиссар Е. И. Заславский и начальник артиллерии полковник В. В. Доброправов. Вскоре подъехали секретари обкома и райкома партии И. Ф. Климов и И. Д. Томилин. В военном городке зазвучал сигнал трубачей «подъем». Невольно подумалось: когда теперь бойцы снова услышат этот мирный сигнал? Да и все ли доживут до этого?

Стараясь не выдать внутреннего волнения, сообщил собравшимся о бомбежке Лиды фашистской авиацией, о потере связи с Минском и Гродно. Попросил высказать свои мнения. Воцарилось молчание. Но оно длилось считанные секунды. Ведь все мы уже не раз говорили об угрозе нападения немецко-фашистских войск, готовились к его отражению. И теперь, видимо, каждый задавал себе лишь один вопрос: война или пока еще только крупная провокация? Но в любом случае мы должны быть в полной боевой готовности.

В таком духе и высказались все собравшиеся. Говорили кратко, сдержанно, но за этим спокойствием я чувствовал все то, что переживал и сам. Война означала для нас, как и для всех советских людей, величайшее несчастье, угрозу мирному созидательному труду нашего народа.

И хотя мы уже давно знали, что рано или поздно враг нападет, все же именно теперь, когда это свершилось, особенно ясно предста-

¹ В настоящее время И. Ф. Климов является заместителем Председателя Президиума Верховного Совета БССР. И. Д. Томилин погиб в первые дни войны в районе Молодечно.

вились ожидавшие нас грозные испытания. Быть полностью готовыми к ним, с честью выполнить воинский долг по защите Родины и, если потребуется, отдать жизнь во имя этой высокой цели — вот мысли и чувства, которые скрывались за краткими, подчеркнуто деловыми высказываниями. Присутствовавшие выслушали сообщение с суровым спокойствием, без тени растерянности перед грозной опасностью, выразили готовность к бою с врагом.

Так реагировали на мое краткое сообщение и собравшиеся около 6 часов командиры частей и их замполиты. Все они были в походном снаряжении, и эта деталь тоже говорила о многом: прежде всего о собранности, внутренней подготовленности к тому, что всех нас ожидало.

Рассказывая о событиях последних часов, я видел на лицах командиров частей напряженное внимание и в их глазах — сосредоточенную работу мысли. Да, каждый из них уже думал о том, что ему надлежит сделать.

— Немедленно привести части в полную боевую готовность, — продолжал я. — Отмобилизовать первой очереди произвести в лагерях. Подготовить части к выступлению в район Гродно походным порядком на случай, если не придут автомобильные части округа. Взять под охрану обком, райкомы партии, почтово-телеграфные конторы, электростанции, водопроводы. Организовать усиленное патрулирование на улицах.

Вижу, как чувство большой тревоги охватывает всех.

— Да, это война, — сказал Иван Фролович Климов. И в ответ на мою просьбу помочь в проведении мобилизации, если она будет объявлена правительством, твердо сказал: — Сделаем все необходимое. Усилим ваши части партийным активом области, мобилизуем и людей, и транспортные средства.

Вопросов не было. Командиры частей один за другим доложили, что обстановку поняли и, получив разрешение, отправились выполнять приказ. Замполиты ушли с М. С. Корпяком и Е. И. Заславским, чтобы договориться о проведении митингов, кратких открытых партийных и комсомольских собраний.

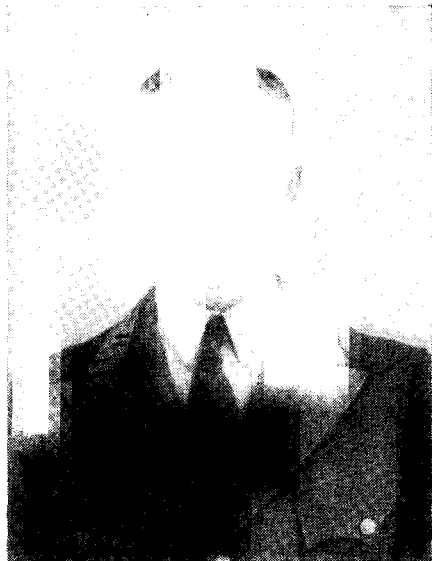
В напряженных заботах по подготовке частей к предстоящему маршу в направлении границы быстро летели минуты, часы. Связи с армией и округом все еще не было.

Но зато в полдень по радио мы услышали выступление В. М. Молотова. Это было обращение Советского правительства к народу в связи с вероломным нападением фашистской Германии на СССР. Стало ясно главное: враг развязал войну против нашей социалистической Родины, и Коммунистическая партия поднимает весь народ на защиту нашего правого дела, на разгром вторгшегося противника.

Сразу же после этого во всех воинских частях, в городах и селах района дислокации дивизии были проведены митинги, на которых красноармейцы и командиры горячо поклялись бесстрашно сражаться с фашистами, защищать Родину до последней капли крови. И уже

С. И. ПОРТНОВ

П. И. ГАНИЧЕВ

полчаса спустя первыми вступили в бой наши зенитчики. Они встретили организованными залпами появившиеся над расположением дивизии одиночные самолеты-разведчики со свастикой.

В 15 часов, когда части дивизии были уже готовы выступить в направлении Гродно, заработала, наконец, восстановленная связь с Минском. И мы получили первое приказание за подписью генерала Климовских, переданное помощником начальника оперативного отдела штаба округа майором В. В. Петровым. Оно гласило: «24-й стрелковой дивизии немедленно выступить в район Лида в распоряжение командира 21-го стрелкового корпуса по маршруту Молодечно, Вишнево, Ивье, Лида»².

Это противоречило прежнему приказу генерала Д. Г. Павлова о движении дивизии в направлении Гродно. Поэтому я тут же воспользовался ожившей линией связи и позвонил начальнику оперативного отдела округа генерал-майору И. И. Семенову. Он подтвердил, что выдвижение дивизии в район Гродно отпадает.

Итак, предстоял 160-километровый марш на Лиду. Организуя переход, нужно было прежде всего учесть, что фашистская авиация, захватившая господство в воздухе, может нанести дивизии на марше тяжелые потери. В этих условиях главными становились меры маскировки и противовоздушной обороны. Только с их помощью могли мы

² Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 111.

сохранить боеспособность частей и высокий моральный дух бойцов и командиров. Исходя из этого, мною было принято решение двигаться только ночью и совершить весь марш в четыре ночных перехода. Первый — до района Вишнево, Воложин, где все части дивизии должны были сосредоточиться к утру 23 июня. Прикрытие их с запада было возложено на 168-й стрелковый полк, усиленный направленными ему еще утром двумя артиллерийскими дивизионами на тракторной тяге из состава 246-го гаубичного полка. В район Вишнево, Воложин выдвинулся для прикрытия от нападений с воздуха и зенитный дивизион.

В 16 часов 30 минут, когда уже были намечены маршруты движения частей, в штаб дивизии поступила правительственная телеграмма о мобилизации военнообязанных 1905—1918 годов рождения и о введении военного положения. Для проведения всей мобилизационной работы я приказал оставить в военных городках, где располагались полки, помощников командиров по хозяйственной части и помощников начальников штабов.

Оставалось распорядиться о немедленной эвакуации семей всего начальствующего состава. В Молодечно эту работу мы поручили сотруднику штаба дивизии майору А. Г. Ершову. В качестве начальника гарнизона я приказал коменданту железнодорожного узла Молодечно не позже 23 июня подать эшелоны для семей и срочно вывезти их на восток.

Ровно в 21 час все части выступили в поход³.

Я смотрел на двигавшиеся колонны воинов дивизии, думал о том, что ждет нас впереди. Все ли мы сделали для скрытности движения? Как поведут себя еще необстрелянные подразделения, если попадут под жестокую бомбежку фашистских самолетов? А в боях с врагом хватит ли упорства и выучки у молодых бойцов, умения у командиров? Вспоминались последние месяцы, наполненные напряженной боевой подготовкой, и особенно последние дни, когда близость войны, становившаяся все более реальной и неотвратимой, наложила уже свой отпечаток на каждого бойца и командира. Вместе с напряженным ожиданием надвигавшихся грозных событий росла во всех нас решимость дать отпор врагу, если он посягнет на священные рубежи Отчизны.

И это было далеко не отвлеченное чувство, оно имело конкретное выражение — в стремлении бойцов и командиров быстрее и лучше освоить свое оружие, овладеть всеми навыками, нужными в бою. Перебирая все это в памяти, я еще отчетливее почувствовал уверенность в том, что дивизия готова к любым испытаниям войны.

Марш совершался двумя колоннами. Правая — 7-й стрелковый и 160-й артиллерийский пупечный полки — двигалась по маршруту Вишнево — Юратишки — Лида, левая в составе 274-го стрелкового полка с арtdивизионом 246-го артиллерийского гаубичного полка — на

³ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 13, л. 451.

И. Ф. КЛИМОВ

И. Д. ТОМИЛИН

Красное — Воложин — Ивье — Лиду. Штаб дивизии направился вначале в Воложин, чтобы затем передвинуться в Юратишки. Туда же начальник тыла интендант 1-го ранга А. И. Плохов перебрасывал средствами автобатальона дивизии боеприпасы, продовольствие, на пять-шесть дней и горючее для автомашин (две заправки).

Ночь застала нас в пути.

Кончались первые сутки войны, но она уже шла на огромном фронте от Балтики до Черного моря. Гитлеровская армия вторжения, включая войска сателлитов фашистской Германии, имела в своем составе 190 дивизий. Она была полностью отоброизованной и насчитывала 5,5 млн. солдат и офицеров, 3712 танков, 4950 самолетов, 47 260 орудий и минометов ⁴.

В частности, по советским войскам, расположенным севернее и южнее Гродно, нанесли удар крупные силы танков с пехотой и артиллерией, поддерживаемые авиацией.

Наступавшая в стыке между Северо-Западным и Западным фронтами ⁵ на вильнюсском направлении 3-я танковая группа противника имела тогда четыре танковые и три моторизованные дивизии ⁶, т. е., согласно штатам гитлеровского вермахта, насчитывала свыше 100 тыс. солдат и офицеров, 840 танков, более 200 бронемашин, до

⁴ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 142.

⁵ 22 июня Прибалтийский и Западный особый военные округа были преобразованы соответственно в Северо-Западный и Западный фронты.

⁶ «Совершенно секретно! Только для командования!», стр. 722—723.

1500 орудий и минометов⁷. Кроме того, она была усилена двумя (5-м и 6-м) армейскими корпусами 9-й армии⁸.

3-я танковая группа имела задачу «во взаимодействии с 9-й армией прорвать... пограничные укрепления севернее Гродно, стремительно продвигаться в район севернее Минска и во взаимодействии с наступающей с юго-запада на Минск 2-й танковой группой создать предпосылки для уничтожения сил противника, находящихся между Белостоком и Минском»⁹. Овладев переправами у Меркине, Алитус и Пренай, она должна была нанести удар по нашей группировке войск в районе Вильнюса, а в дальнейшем выйти на рубеж Молодечно, озеро Нарочь¹⁰.

Справа от нее, на участке так называемого Сувальского выступа границы, а также западнее Августова и Граева, т. е. в основном против нашей 3-й армии, были развернуты три армейских корпуса 9-й армии — 8, 20 и 42-й. Главный удар наносил первый из них в составе 8, 28 и 161-й пехотных дивизий, усиленный четырнадцатью дивизионами крупнокалиберной артиллерии. Он имел задачу прорвать пограничные оборонительные позиции и укрепления Гродненского укрепленного района между реками Неман и Бобр, форсировать Неман и овладеть Гродно. Затем, невзирая на угрозу флангам, он должен был быстро продвигаться на восток в общем направлении на Лиду, Новогрудок.

Еще правее 7-й армейский корпус 4-й армии наносил удар из района г. Остроленка в направлении Белостока. Используя успех 3-й танковой группы, 9-я армия должна была стремительно продвигаться на Лиду, Вильнюс и совместно с 4-й армией уничтожить советские войска, находившиеся между Белостоком и Минском¹¹.

Таким образом, на фронте нашей 3-й армии наступали три армейских корпуса противника¹². В целом в этой полосе вражеское командование имело трехкратное численное превосходство, а на направлении главного удара — пятикратное. Созданием такого крупного перевеса сил и средств оно стремилось к тому, чтобы уже первыми ударами уничтожить наши войска в районе Гродно.

Наступление 3-й танковой группы на вильнюсском направлении развивалось высокими темпами. Войска ее первого эшелона — 7, 12 и 20-я танковые дивизии (всего свыше 600 танков) и 18-я моторизованная совместно с тремя пехотными дивизиями 9-й армии внезапно нанесли мощный удар по частям 128-й стрелковой дивизии и одному полку 188-й стрелковой дивизии¹³.

⁷ См. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. 2. М., 1956, стр. 108.

⁸ Г. Гот. Танковые операции. М., 1961, стр. 172.

⁹ «Совершенно секретно! Только для командования!», стр. 163.

¹⁰ Г. Гот. Указ. соч., стр. 172.

¹¹ См. «Совершенно секретно! Только для командования!», стр. 163

¹² Там же.

¹³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 1, стр. 474.

З. Д. ПОДОРВАНОВ

А. И. ПЛОХОВ

Они быстро продвигались вперед, обходя опорные пункты, где стойко оборонялись левофланговые части 11-й армии Северо-Западного фронта. «На пути... продвижения к Неману, — писал впоследствии бывший командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот, — наши войска все время встречали упорное сопротивление русских»¹⁴.

Перед фронтом 3-й армии к 2 часам 22 июня в приграничной зоне Восточной Пруссии все огни были специально погашены. К этому времени в ночной мгле без каких-либо помех со стороны наших войск войска 9-й немецко-фашистской армии заняли исходное положение для наступления на гродненском направлении. Это уже само по себе являлось для командования 9-й армии врага первым успехом. Командиры зачитали демагогический и хвастливый приказ Гитлера, в котором говорилось:

«Солдаты Восточного фронта! Наступил момент, когда я открыто могу говорить с вами... В этот момент... приводится в исполнение наступление, которое по объему и размаху является величайшим из того, что видел мир... Сейчас вы вступаете в упорную и ответственную борьбу. Ибо судьба Европы, будущее немецкого государства, существование нашего народа теперь полностью находится в ваших руках»¹⁵.

¹⁴ Г. Гот. Указ. соч., стр. 65.

¹⁵ Y. Carel. Unternehmen Barbarossa. Frankfurt a/M, 1963, S. 13.

На рассвете 22 июня, в 3 часа 50 минут немецко-фашистская артиллерия открыла сильный огонь по заранее разведанным целям на участках 56-й, 27-й стрелковых дивизий и 68-го укрепленного района. Особенно мощный огневой удар обрушился на позиции 56-й стрелковой дивизии в районе Сопоткина и к югу от него. Пограничная зона запылаха заревом взрывов и пожаров. Вместе с первыми артиллерийскими залпами в воздухе появилось более двухсот фашистских самолетов. Началась бомбардировка городов и войск второго оперативного эшелона 3-й армии, находившихся в Гродно, Волковыске, Сокулке.

Война застала войска 3-й армии в основном в группировке довоенного времени. Лишь часть сил первого эшелона была выдвинута к границе. Артиллерия ряда дивизий находилась на специальных артиллерийских сборах на полигонах. Осуществлявшиеся мероприятия по укреплению границы и усилению боеготовности войск еще не были завершены. Несмотря на то что война назревала и войска к ней непрерывно готовились, время начала наступления немецко-фашистских войск вылилось в тактическом отношении достаточно внезапным для частей 56-й, 27-й стрелковых дивизий и Гродненского укрепленного района.

К тому же артиллерийский огонь и авиационные удары, а также действия диверсионных групп нарушили являвшуюся тогда основной проводную связь между дивизиями и штабом армии, а также между дивизиями и штабом фронта. «Связь с войсками ежеминутно рвется,— записал в тот день начальник штаба армии. — Наши две радиостанции разбиты. Самолеты связи, отправленные... в 11-ю армию (Каунас), в 10-ю армию (Белосток) и в штаб округа..., очевидно, погибли»¹⁶.

На Гродно, где находился штаб 3-й армии, с 4 до 8 часов утра было совершено шесть налетов вражеской авиации, в каждом из которых участвовало от 30 до 60 самолетов. Войска и штабы, расположенные в городе, несли большие потери. Когда раздались первые взрывы бомб и одновременно послышалась артиллерийская канонада на границе, генерал В. И. Кузнецов и армейский комиссар 2-го ранга Н. И. Бирюков поспешили на узел связи.

Командарм доложил генералу Д. Г. Павлову по ВЧ, что немцы ведут мощный артиллерийский огонь по войскам первого эшелона армии и с воздуха бомбят Гродно, а их войска перешли границу на участке от Сопоткина до Августова. В. И. Кузнецов попросил разрешения ввести в действие план прикрытия. Генерал Д. Г. Павлов ответил: «Не поддавайтесь провокации»¹⁷.

На этом связь с Минском прервалась. Тем временем Н. И. Бирюков тщетно пытался связаться с 4-м стрелковым корпусом, а начальник штаба армии генерал А. К. Кондратьев столь же безуспешно

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 184, оп. 1634, д. 2, л. 3.

¹⁷ Там же, д. 1, л. 18.

вызывал Лиду и Витебск, чтобы дать указания командирам авиационных дивизий о боевых действиях. Но связи с ними уже не было¹⁸.

Около 6 часов ненадолго появилась связь с Минском по радио, и генерал В. И. Кузнецов получил следующее распоряжение командующего фронтом: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых воепных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому»¹⁹. Как видим, в этом документе никакой оперативной задачи командующему 3-й армией не ставилось. Иначе говоря, ему предоставлялась полная инициатива действий, исходя из создавшейся обстановки. Объяснялось это, видимо, отсутствием у штаба фронта достаточной информации о развернувшихся боевых действиях. Связь по радио поддерживалась с длительными перебоями. Проводная же не действовала с 4 часов 30 минут²⁰.

Штаб 3-й армии попытался связаться с Минском при помощи авиации. Сразу после нападения немецко-фашистских войск на трех самолетах У-2 были посланы офицеры оперативного отдела с донесениями штабу фронта. Но они не долетели до места назначения. Уцелел лишь один из посланных офицеров — капитан М. Г. Губанов. Весь окровавленный, в полубессознательном состоянии, он добрался до штаба армии и сумел лишь сообщить, что его самолет был сбит сразу же после того, как поднялся в воздух. Судьба двух других самолетов осталась неизвестной²¹.

Не имея устойчивой связи, генерал В. И. Кузнецов мог лишь в общих чертах разобраться в сложившейся обстановке. Из отрывочных донесений командиров 56-й и 27-й стрелковых дивизий генералов Сахпова и Степанова стало ясно, что на всем более чем стокилометровом фронте армии наступают крупные силы пехоты с танками при мощной поддержке артиллерии и авиации. В ряде мест враг прорвал оборону наших частей и наступал в общем направлении на Гродно. Севернее Сопоткина передовые части немецко-фашистских войск к 7 часам 30 минутам достигли реки Неман. Развернувшиеся на фронте армии бои приняли очаговый характер. По отдельным донесениям командарму было известно, что стрелковые полки 56-й, 27-й стрелковых дивизий и подразделения 68-го укрепленного района стойко отражают яростные атаки превосходящих сил врага²².

Особенно ожесточенные бои происходили в приграничных районах у Сопоткина, Липска, Августова и Граева.

В районе Сопоткина находился в лагерях 213-й стрелковый полк 56-й стрелковой дивизии, которым командовал майор М. И. Яковлев.

¹⁸ Там же, л. 19.

¹⁹ Там же, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 76.

²⁰ Там же, оп. 2511, д. 207, л. 11.

²¹ Там же, ф. 181, оп. 1631, д. 1, л. 21.

²² Там же, л. 19.

Полк участвовал в строительстве сопоцкинского участка Гродненского укрепленного района. Здесь же работали 1-й батальон 23-го отдельного саперного полка (командир батальона — капитан К. Л. Спиричев) и подразделения 9-го артиллерийско-пулеметного батальона.

Стрелковый полк был поднят по боевой тревоге в 3 час. 35 мин. (за 15 минут до начала артиллерийской подготовки немцев!). Его 1-й и 3-й батальоны, используя еще недостроенные доты, заняли оборону по южному берегу Августовского канала, 2-й батальон — по северному. Подразделения 9-го артиллерийско-пулеметного батальона также изготовились к отражению наступления врага²³. 1-й батальон 23-го саперного полка и строительные подразделения в соответствии с планом обороны заняли полевые оборонительные позиции.

После мощной артиллерийской подготовки пехота противника густыми цепями пошла в атаку. Первым вступил в бой 2-й стрелковый батальон, которым командовал капитан Д. Н. Шилов. Затем и остальные подразделения 213-го стрелкового полка встретили врага шквальным ружейно-пулеметным огнем. Губительный для фашистов артиллерийский и пулеметный огонь вели гарнизоны дотов. Наступавший здесь полк 161-й немецкой нехотной дивизии был остановлен и, понеся большие потери, отошел на исходные позиции. «Русские силы очень упорно удерживали укрепления и населенные пункты, — писал впоследствии командир 8-го армейского корпуса генерал В. Хейд. — Мы смогли их занять только после планомерного наступления.., стоившего больших потерь».

В течение 22 июня события здесь развернулись следующим образом.

Подтянув подкрепления, гитлеровцы возобновили атаку на всем участке обороны полка. 2-й батальон под давлением численно превосходящего противника вынужден был отойти на рубеж Августовского канала. В это время в Сопоткин с учебного сбора прибыл 113-й артиллерийский полк. Быстро развернувшись и заняв огневые позиции, батареи обрушили беглый огонь на врага и успешно отразили его наступление. 213-й стрелковый полк, 9-й артиллерийско-пулеметный батальон и другие части при поддержке огня 113-го артиллерийского полка продолжали удерживать свои позиции в течение всего дня²⁴.

Только к исходу 22 июня немецкая 28-я пехотная дивизия, прорвав оборону участка укрепленного района и обойдя с севера и юга Сопоткин и оборонявшиеся здесь подразделения, достигла р. Неман. Видимо, командир этой дивизии рассчитывал быстро окружить гарнизон и подавить сопротивление в Сопоткине. Но вышло иначе. 213-й стрелковый полк вместе с другими подразделениями, организовав круговую оборону, продолжал героически сражаться в окружении, срывая части этой дивизии. Неоднократные атаки фашистских войск разбивались о героическое сопротивление советских воинов.

²³ Архив МО СССР, ф. 181, оп. 1631, д. 1, л. 112.

²⁴ Там же.

Особенно яростной была атака противника утром 23 июня. Пехота врага при поддержке танков стремилась прорваться к мосту через Августовский канал и на шоссе Сейны — Сопоцкин.

В этом бою отличился командир артиллерийского взвода младший лейтенант А. Г. Петров, уничтоживший два танка противника, но и сам геройски погибший. В тот день фашистам удалось ворваться в местечко Сопоцкин, однако командир полка М. И. Яковлев повел в контратаку свой резерв — 8-ю и 9-ю роты под командованием старших лейтенантов М. В. Чудинова и Павловского. При поддержке артиллерии они уничтожили прорвавшегося врага и восстановили положение. «Бой в районе Сопоцкина, — свидетельствовал позднее немецкий генерал Хейц, — длился до 24 июня включительно».

Трое суток героически сражались бойцы 213-го стрелкового полка против многократно превосходящих сил противника, не имея связи со штабом дивизии и другими частями. А когда они вынуждены были отойти, многие гарнизоны дотов продолжали сражаться.

Об этом рассказали мне в 1969 г. в Сопоцкине местные жители — рабочие лесничества Станислав Иосифович Санчук, Геннадий Людвигович Чулевич, Апполония Антоновна Выдра и другие. Они и на четвертый и даже на пятый день войны видели, что из блокированных дотов велся огонь по врагу, прекратившийся лишь после того, как их взорвали гитлеровцы. И я увидел остатки этих дотов — безмолвных свидетелей героических подвигов защитников Родины, стоявших насмерть. Тогда же мне удалось установить имя одного из этих героев — старшего лейтенанта В. Г. Мачулина. К сожалению, имена остальных пока неизвестны...

Южнее Сопоцкина, в районе Липска, отважно сражалась 7-я артиллерийская противотанковая бригада, имевшая отличные 85-мм зенитные орудия. По личному приказу армейского комиссара 2-го ранга Бирюкова они были поставлены еще накануне на огневые позиции и на рассвете первого дня войны встретили противника мощным огнем. Бригада подбила и подожгла много вражеских танков, отразив первый натиск фашистов. Но атаки продолжались. К полудню у артиллеристов иссякли снаряды, организовать же подвоз при отсутствии связи оказалось невозможно, и личный состав бригады продолжал неравный бой, действуя теперь стрелковым оружием²⁵.

Не менее ожесточенные бои происходили 22 июня в районе Августова. Здесь наступавшей 162-й пехотной дивизии из состава 20-го армейского корпуса противостояли подразделения 345-го стрелкового полка (командир — полковник В. К. Солодовников) 27-й стрелковой дивизии, которые, как уже отмечалось, были накануне выведены на позиции. В 4 часа утра противник начал обстрел Августова тяжелой артиллерией, затем последовала бомбежка с воздуха. Возникли пожары. Фашисты наступали вдоль Сувалкского шоссе. По ним открыли ураганный огонь батальонные и полковые минометчики, а также стрелки и пулеметчики. Им пришлось сражаться без поддержки пол-

²⁵ Архив МО СССР, ф. 181, оп. 1631, д. 1, л. 20.

Доты на границе

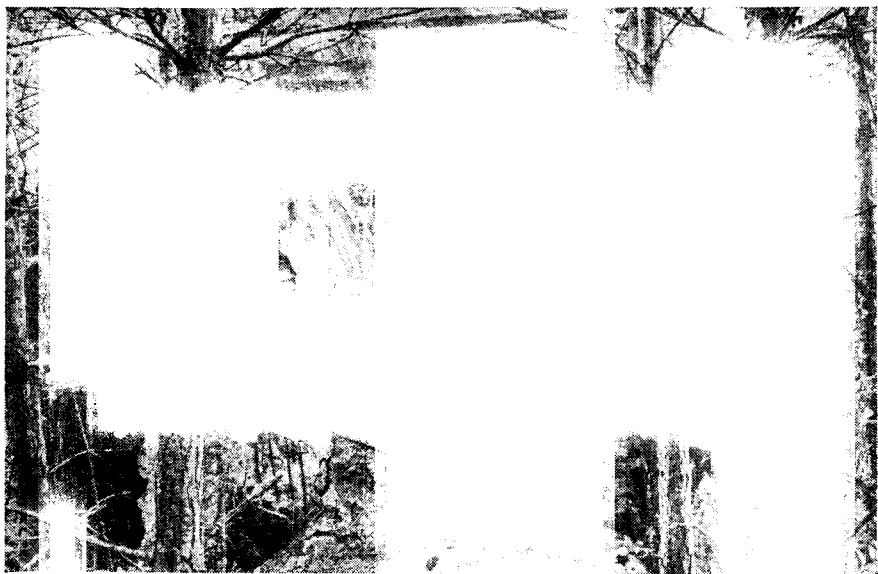
ковой артиллерии, которая, как и входивший в состав гарнизона Августова 53-й артиллерийский полк, находилась на учебном сборе. И все же бой продолжался в течение многих часов.

Фашисты с ожесточением непрерывно атаковали наши позиции, но все их попытки ворваться в Августов были отбиты с большими для них потерями. После этого противник сосредоточил свои ударные группировки на флангах полка и открыл сильный артиллерийский огонь по всему переднему краю и ближайшей глубине обороны. Когда вражеская пехота накопилась против левофлангового 1-го батальона, готовясь его атаковать, подразделения 1-й пулеметной роты внезапно обрушили на нее фланговый огонь, ведя его вдоль исходной позиции противника. Гитлеровцы бросились назад, оставив около 150 раненых и убитых.

Враг вновь был отброшен.

Тогда фашисты совершили неслыханное преступление: наступая вдоль шоссе Сейны — Августов, они погнали перед собой группы детей, понимая, что наши бойцы не будут вести по ним огонь. И действительно, огонь был прекращен. Кто-то из бойцов пополз по-пластунски вперед и дал знак детям — ложитесь. Они попадали на землю, и тогда пулеметные расчеты двух дзотов буквально в упор открыли по гитлеровцам мощный огонь из станковых пулеметов. Снова наступление врага захлебнулось ²⁶.

²⁸ Архив МО СССР, ф. 181, оп. 1631, д. 1, лл. 29, 130.

В этих боях 345-й стрелковый полк уничтожил около тысячи гитлеровцев.

В 16 часов на командный пункт полка прибыл заместитель командира 27-й стрелковой дивизии полковник А. М. Гогоберидзе. Он передал В. К. Солодовникову приказ отходить на рубеж укрепленного района по р. Бобр. Присутствовавший при этом заместитель командира полка капитан Л. К. Свиридов взволнованно сказал:

— Позиции не сдадим. Августов удержим. Разрешите полку не отходить!

— Немцы глубоко обошли Августов с севера и юга, — ответил Гогоберидзе. — Командир дивизии приказал отойти. Будем держать немцев на реке Бобр, там подготовлены укрепления.

На левом фланге армии в течение нескольких часов 239-й стрелковый полк 27-й стрелковой дивизии успешно отражал атаки 129-й пехотной дивизии противника, которая стремилась овладеть Граевом. Западнее города стойко удерживали позиции 1-я стрелковая рота под командованием лейтенанта Н. В. Чудинова с группой пограничников. Мужественно сражались курсанты полковой школы, которой командовал старший лейтенант И. Ф. Кузнецов, и бойцы пулеметной роты старшего лейтенанта М. С. Сигбатулина из 1-го стрелкового батальона.

Только в 8 час. утра 22 июня полк под ударами артиллерии и авиации и под давлением многократно превосходящих сил вражеской пехоты вынужден был начать отход.

Но и занятый им новый рубеж обороны в 4 км восточнее Граево вскоре был атакован десятками вражеских танков. Остановить их огнем батальонной и полковой артиллерии не удалось. В этом бою погиб командир 1-го батальона старший лейтенант Л. С. Оберто, был тяжело ранен командир 3-го батальона капитан Петров. Подразделения полка вынуждены были отойти частью к крепости Осовец, а частью — в направлении Белостока.

Как уже говорилось, отрывочные сведения об этих боях доходили до штаба армии. Еще утром 22 июня генерал В. И. Кузнецов в основном определил, что главный свой удар в полосе 3-й армии противник наносил на ее правом фланге, севернее Гродно. Но уточнить положение войск по-прежнему не удавалось, хотя на восстановление связи были брошены почти все находившиеся при штабе связисты.

Чтобы сохранить возможности управления войсками в столь ответственный момент, командарм решил не переходить на полевой командный пункт. Оставаясь в городе, в здании штаба армии, хорошо известном войскам, можно было рассчитывать на прибытие делегатов связи от корпусов и дивизий. Кроме того, здесь было больше надежды восстановить проводную связь с войсками и Минском. Наконец, здесь имелся приспособленный для работы штаба подвал, заблаговременно усиленный дополнительными перекрытиями.

Получив вышеприведенный приказ генерала Павлова, командарм поручил своему штабу срочно установить положение войск второго эшелона армии — 11-го механизированного и недавно включенного в состав армии 21-го стрелкового корпусов, а также 85-й стрелковой дивизии.

Через некоторое время генерал Кондратьев доложил: «Дивизии 11-го механизированного корпуса, согласно плану прикрытия, выдвигаются в район Гродно, Сокулка, Индура. По боевой тревоге все части корпуса полностью вывели имевшиеся танки, артиллерию и другую боевую технику с экипажами и расчетами. Танковые экипажи, не имеющие материальной части, в поход не взяты. Головные части входивших в 21-й стрелковый корпус 17-й и 37-й дивизий прибыли в район города Лиды. Командир корпуса с небольшой оперативной группой находится в самом городе»²⁷.

Получив эти данные и обменявшись мнениями с Н. И. Бирюковым, генерал В. И. Кузнецов продиктовал начальнику штаба свое решение и распоряжения войскам. Дивизии первого эшелона должны были продолжать жесткую оборону на подготовленных оборонительных рубежах, а 11-й механизированный корпус — ликвидировать вражеский прорыв на участке Сопоткин, Августов, нанеся контрудар во фланг группировке противника, наступавшей на Гродно из юго-восточного выступа Августовского леса. Корпусу была поставлена задача уничтожить наступающего противника и выйти на рубеж Сопоткина, Липск, р. Бобр²⁸.

²⁷ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 63.

²⁸ Там же, л. 64.

Далее командарм приказал 85-й стрелковой дивизии организовать главными силами оборону в глубине полосы армии на рубеже р. Лососьна юго-западнее Гродно, а с севера, восточнее Немана, прикрыть город 59-м стрелковым полком под командованием полковника З. З. Терентьева и 74-м разведывательным батальоном, которым командовал капитан А. З. Чиртик. Прикрытие г. Гродно с северо-запада, западнее Немана было возложено на курсантов шести школ младших командиров пограничных войск, находившихся в лагере на берегу этой реки в районе деревни Пышки²⁹.

Когда в штаб армии прибыл вызванный командир 85-й стрелковой дивизии генерал Бондовский, начался очередной налет авиации. Здание вздрагивало от рвавшихся вблизи него бомб. Но здесь уже успели привыкнуть к этому, и генерал В. И. Кузнецов, развернув свою карту, спокойно и четко поставил задачу командиру дивизии. На прощание он сказал ему:

— Поедете к себе, когда кончится бомбежка.

В первый свой налет на Гродно, вражеские самолеты сбрасывали бомбы с малых высот. Но вскоре огонь зенитной артиллерии вынудил их держаться повыше.

Раньше других открыл огонь по фашистским самолетам 346-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион 85-й стрелковой дивизии. Его 12 орудий стояли на окраине Гродно в хорошо оборудованных окопах и расчеты уже в течение нескольких дней несли круглосуточное дежурство. В ночь на 22 июня заместитель командира дивизиона по политической части старший политрук Лысов несколько раз обходил позиции, беседуя с бойцами о положении на границе. Как только немецкие самолеты начали бомбить город, командир дивизиона капитан Гомболовский подал команду «огонь!»

Раздался залп. В небе появилась яркая вспышка, затем послышался взрыв. Громким «ура!» встретили его бойцы, увидев первый падающий самолет со свастики, охваченный пламенем. В течение дня дивизион сбил пять бомбардировщиков врага.

Наши зенитчики, несмотря на то что их позиции часто подвергались бомбежке, не подпускали вражескую авиацию к цели — зданию штаба армии и оно оставалось невредимым, так как фашисты вынуждены были сбрасывать бомбы куда попало. Это дало возможность штабу армии работать на месте почти весь день 22 июня. Исчезла некоторая нервозность первых минут, работа по управлению войсками пошла настолько слаженно и четко, насколько это было возможно в условиях неустойчивой связи.

Много для этого сделал член Военного совета армии Н. И. Бирюков. Появляясь то в одном, то в другом отделе штаба, вникая в детали положения войск, он своим деловым спокойствием вносил в работу сотрудников штаба организованность и уверенность.

Выполняя приказ командующего армией, 85-я стрелковая дивизия к 8 час. утра 22 июня выдвинула 103-й и 141-й стрелковые, 223-й гау-

²⁹ Архив МО СССР, ф. 181, оп. 1631, д. 1, лл. 48, 109

бичный и 167-й пушечный артиллерийские полки к р. Лососьна. Части заняли оборону от устья этой реки до населенного пункта Колбасино. Главные усилия дивизия сосредоточила на своем левом фланге, где проходили железная и шоссейная дороги со стороны Сокулка. При выдвижении и развертывании ее частей авиация противника непрерывно бомбила их боевые порядки, особенно артиллерийские батареи на огневых позициях. Однако, несмотря на это, к полудню оборона была организована. Управление артиллерийским огнем централизовал начальник артиллерии дивизии полковник Н. В. Тарасов.

Под неотступным воздействием вражеской авиации находились и дивизии 11-го механизированного корпуса. Немецкие штурмовики и бомбардировщики наносили непрерывные удары по их расположению, отдельные самолеты гонялись за каждой машиной или группой людей, ведя пулеметный огонь. И все же к 8—9 часам утра две танковые дивизии, составлявшие первый эшелон корпуса, в полной боевой готовности вышли в район сосредоточения.

Когда 29-я танковая дивизия сосредоточилась в роще юго-западнее Гродно, командир дивизии в 9 часов получил непосредственно от командующего армией приказ: «Противник с целью спровоцировать конфликт и втянуть Советский Союз в войну перебросил на отдельных участках государственной границы крупные диверсионно-подрывные банды и подверг бомбардировке наши некоторые города. Приказываю: 29-й танковой дивизии во взаимодействии с 4-м стрелковым корпусом ударом в направлении Сопоткин — Калеты уничтожить противника, границу не переходить. Об исполнении донести»³⁰.

Вслед за приказом командарма командиру дивизии был вручен прибывшим на броневике офицером связи приказ командира корпуса, который требовал «уничтожить наступающего противника и выйти на фронт Сопоткин — Липск». 33-я танковая дивизия, которой командовал полковник М. Ф. Панов, сосредоточенная в районе Индуры (в 25 км к югу от Гродно), должна была наступать в направлении Липск, Августов с выходом на фронт Липск, Штабин³¹.

Для выполнения этой задачи дивизии располагали недостаточными силами. Танков Т-34 в каждой из них было лишь по 12. Кроме того, 29-я танковая дивизия имела 6 танков КВ. Остальные были танки старых типов — БТ-5, БТ-7, Т-26. Всего же в обеих дивизиях насчитывалось около 250 танков из 305, имевшихся в корпусе³². У моторизованных полков не было автомашин, и им предстояло наступать в пешем порядке. Из-за нехватки тягачей значительная часть артиллерии корпуса осталась в лагерях. Наконец, его 204-я моторизованная дивизия, назначенная во второй эшелон, еще не сосредоточилась.

Все это дало себя знать не сразу. Поначалу наши танковые дивизии успешно контратаковали наступающего противника в 10 км западнее Гродно. Здесь днем 22 июня и развернулось крупное встречное

³⁰ Архив МО СССР, ф. 181, оп. 1631, д. 1. л. 12.

³¹ Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 64.

³² Там же, л. 63.

Н. П. СТУДНЕВ

М. Ф. ПАНОВ

сражение. Первой в 11 часов нанесла удар 29-я танковая дивизия под командованием полковника Н. П. Студнева. Встретив обошедших 56-ю стрелковую дивизию 40 вражеских танков Т-III и бронетранспортеры с полком пехоты, продвигавшихся в направлении Сопецкин, Гродно, дивизия атаковала их на рубеже Лойки, Голынка, Лишск.

Завязался ожесточенный бой, в котором советские танкисты, защищая рубежи Родины, проявили высокое мужество и отвагу, огромный наступательный порыв. Они сражались не щадя жизни. В этом бою погибли смертью храбрых командир 59-го танкового полка майор Егоров, был тяжело ранен начальник штаба 57-го танкового полка майор Петухов³³.

Но победа осталась за нашими воинами. Отлично показали себя танки Т-34. Наступая впереди, они уничтожали одну за другой машины противника. Эффективный огонь вели и танки Т-26 и БТ. Поле боя покрылось сплошным дымом. В ходе ожесточенного боя советские танки смяли боевые порядки врага, уничтожая его огнем и гусеницами, отбросили фашистов к северу от Сопецкина. Противник потерял 34 бронетранспортера, 21 танк и до двух батальонов пехоты. Наши части продвинулись вперед на 7—9 км и остановили вражеское наступление на этом направлении, выйдя к 14 часам на рубеж Лобны, Огородники³⁴.

³³ Там же, ф. 181, оп. 1631, д. 1, лл. 2, 15, 118.

³⁴ Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 65.

Однако в дальнейшем наши наступавшие танковые дивизии встретили организованную оборону противника.

Во второй половине дня вновь подошедшие танковые части гитлеровцев при мощной поддержке авиации с воздуха предприняли несколько контратак. Все они были успешно отбиты дивизиями корпуса. При отражении первых двух контратак на поле боя осталось более 20 подбитых и сожженных фашистских танков. После авиационной подготовки гитлеровцы в третий раз пошли в атаку, но и она была отбита с большими для них потерями.

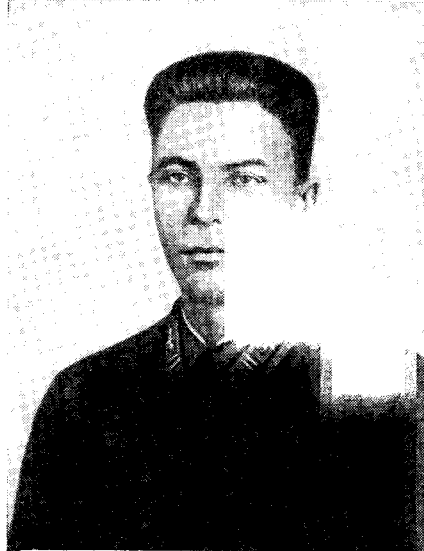
Но тут начала сказываться недостаточность сил наших танковых дивизий. Нехота моторизованных полков, не имея автотранспорта, не поспевала за танками. Артиллерии было мало. Без ее поддержки, а также без пехоты танковым частям стало трудно продолжать наступление. Еще большим препятствием была крайне невыгодная обстановка в воздухе. Немецкая авиация, господствовавшая над полем боя, непрерывно наносила сильные удары по нашим атакующим танкам. 11-я же смешанная авиационная дивизия, имевшая задачу поддерживать контрудар, понесла тяжелые потери на аэродромах еще в первые часы войны и у нее осталось незначительное число самолетов.

Личный состав этой дивизии сражался храбро и мужественно. Как только вражеская авиация начала бомбежку, наши самолеты по сигналу боевой тревоги поднялись со всех аэродромов. Первыми атаковали врага истребители 127-го авиационного полка. Уже в пятом часу утра 22 июня пятерка истребителей, возглавляемая заместителем командира 1-й эскадрильи по политчасти старшим политруком А. С. Даниловым, севернее Гродно сбила три вражеских двухмоторных бомбардировщика. Повторным вылетом восьмерка истребителей, также возглавляемая Даниловым, рассеяла над Гродно группу бомбардировщиков, причем политруком был уничтожен еще один самолет.

Через некоторое время 20 истребителей того же полка, ведомые капитаном И. Н. Дроздовым, лейтенантами С. С. Дерюгиным, И. Ф. Дружковым, С. Я. Жуковским, в районе Лунна, Гродно вступили в бой с 50 фашистскими самолетами. Было сбито еще 4 немецких бомбардировщика, остальные рассеяны. В этом бою старший политрук А. С. Данилов вновь сбил два бомбардировщика и таранил истребитель врага, который после удара стремительно пошел вниз и врезался в землю. Сам Данилов, будучи ранен, сумел благополучно посадить свой самолет. Воздушный таран А. С. Данилова был одним из первых в Великой Отечественной войне³⁵.

Во второй половине дня 22 июня отличились летчики, возглавляемые лейтенантом С. Я. Жуковским. Вылетов для поддержки войск, ведущих бои западнее Гродно, они встретили группу немецких бомбардировщиков, которые под прикрытием истребителей изготавливались для бомбежки. Лейтенант С. Я. Жуковский и действовавший рядом с ним младший лейтенант Б. А. Фокин сбили по одному само-

³⁵ «Военно-исторический журнал», 1971, № 7, стр. 59; 1964, № 8, стр. 52.

А. С. ДАНИЛОВ

А. А. АРТЕМОВ

лету и еще один совместно. Сорвав бомбовый удар врага, летчики без потерь вернулись на свой аэродром.

До позднего вечера 127-й истребительный авиационный полк под командованием подполковника А. С. Гордиенко сражался с фашистской авиацией. За первый день войны его летчики совершили 180 боевых вылетов, сбили и повредили 47 вражеских самолетов. Несмотря на усталость, летчики рвались в воздух. Командир эскадрильи капитан И. Н. Дроздов совершил за день пять боевых вылетов, а старший политрук А. А. Артемов — девять. Первый из них сбил два вражеских самолета, второй — три.

Но и дивизия понесла в этот день большие потери, главным образом на аэродромах. Особенно пострадали 16-й бомбардировочный и 126-й истребительный полки. Возвращаясь с очередного боевого вылета, погиб и командир дивизии полковник Петр Иванович Ганичев. Его временно заменил командир 127-го истребительного полка подполковник А. С. Гордиенко.

Контрудар 11-го механизированного корпуса авиадивизия поддерживала, будучи уже значительно ослабленной. Враг захватил господство в воздухе. И хотя наши летчики по-прежнему смело вступали в бои и часто сбивали фашистские самолеты, все же защитить мехкорпус от ударов вражеской авиации, а тем более поддержать его наступление при таких условиях они, конечно, были не в состоянии.

Вследствие всего этого контрудар, несмотря на все героические усилия и беззаветную храбрость танкистов, не привел к перелому в

положении 3-й армии в целом. И все же он дал немаловажные результаты: танкисты испытали радость первых успехов, поняли, что фашистские танки можно успешно бить.

Важное значение боев 11-го механизированного корпуса 22 июня состояло и в том, что это был один из первых на Западном фронте контрударов по войскам немецко-фашистских захватчиков. «Русские в полдень 22 июня приступили к планомерному контрнаступлению танками по всей первой линии,— писал командир 8-го армейского корпуса немецкой 9-й армии генерал В. Хейц в своем отчете о боевых действиях.— Они пытались смять наступающий клин 8-го корпуса, вводя все новые атакующие эшелоны (всего более 500 танков в 13—14 эшелонах)».

Как видно, более чем двойное преувеличение наших сил понадобилось гитлеровскому генералу для того, чтобы оправдать свое поражение в этом бою. Да, если бы у командира 11-го мехкорпуса генерала Дмитрия Карповича Мостовенко³⁶ было столько танков, да из них побольше Т-34, от которых немецкие танки, не принимая боя, уходили, частям генерала Хейца пришлось бы совсем плохо! Так уже в первый день войны враг почувствовал силу сопротивления и ответных ударов Красной Армии и начал понимать, что здесь его ждет не военная прогулка, подобная кампании в Западной Европе, а непрерывно нарастающий решительный отпор.

В то время как 11-й мехкорпус вел бои в районе Сопоткина, на левом фланге 3-й армии перед оборонявшимися частями 85-й стрелковой дивизии появились передовые части противника. Они выдвинулись со стороны Осовца во второй половине дня 22 июня, после прорыва оборонительного рубежа Гродненского укрепленного района на реке Бобр. Первую атаку пехоты врага дивизия отбила сосредоточенным огнем артиллерии и минометов. Не имела успеха и повторная попытка сбить наши части с рубежа реки Лососьна. Бой принял затяжной характер.

Приближалась ночь. Поздно вечером командующий 3-й армией, перенеся свой командный пункт в лес у деревни Гнойницы, что в 8 км восточнее Гродно, собрал здесь командиров ряда соединений. Выслушав их доклады, он, как всегда, спокойно, ничего не приукрашивая, сделал оценку сложившейся к исходу дня обстановки на фронте армии.

Войска армии в течение всего дня вели тяжелые бои с переменным успехом на неманском плацдарме и на рубеже укрепленного района. За первый день войны враг в центре оперативного построения армии на августовском направлении продвинулся на 30 км. Тяжелое положение создалось на флангах, особенно на правом, где танковые части немцев глубоко вклинились в наше расположение. Фашистам удалось захватить исправный автомобильный мост через Неман у Меркине. По нему устремились на восток части 57-го танкового кор-

³⁶ Генерал-полковник танковых войск Д. К. Мостовенко в настоящее время в отставке, живет в Минске.

Д. К. МОСТОВЕНКО

А. К. КОНДРАТЬЕВ

пуга³⁷ противника, угрожавшие теперь не только флангу, но и тылу 3-й армии. 161-я и 28-я пехотные дивизии врага форсировали Неман и севернее населенного пункта Гожа, развивая передовыми частями наступление на Озерки и Гродно. Части 56-й стрелковой дивизии, за исключением 213-го стрелкового и 113-го артиллерийского полков, были отеснены с пограничного оборонительного рубежа на восточный берег Немана и вели бой севернее Гродно³⁸.

Таким образом, уже к исходу первого дня войны правый фланг 3-й армии был глубоко — на 50—60 км — охвачен немецкими войсками. Следовало ожидать удара вдоль восточного берега Немана на Гродно. В то же время противник угрожал отрезать западнее города войска 3-й армии, державшие оборону на неманском плацдарме.

Нужны были резервы, чтобы организовать оборону Гродно с севера. Но их у командарма не было. Что же касается неоднократных контратак вдоль восточного берега Немана, предпринимаемых 85-й стрелковой дивизией силами действовавшего здесь 59-го стрелкового полка, усиленного разведывательным батальоном дивизии, то они успеха не имели. Недостаточными были и главные силы этой дивизии, оборонявшиеся на левом фланге армии, на реке Лососьне, куда уже подошли передовые части немецко-фашистских войск, прорвавших оборонительный рубеж по реке Бобр.

³⁷ До осени 1942 г. танковые корпуса в гитлеровской армии назывались механизированными.

³⁸ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 9, л. 510.

Конечно, не все это было известно в тот вечер генералу Кузнецову. И в своей оценке обстановки он исходил из имевшихся далеко не полных данных. Но и они достаточно ясно показывали крайне неблагоприятное развитие событий. В этих условиях ответственное решение о дальнейших действиях нужно было принять немедленно и самостоятельно, так как связи со штабом фронта по-прежнему не имелось.

Решение командарма гласило: оставить охваченный пожарами Гродно, отвести войска армии в ночь с 22-го на 23 июня на рубеж рек Котра и Свислочь³⁹. Этим генерал Кузнецов стремился создать сплошной фронт обороны восточнее и юго-восточнее Гродно и прикрыть направление на Мосты, Слоним. В ходе отвода войск имелось в виду частично перегруппировать их, с тем чтобы с выходом на р. Свислочь иметь одну дивизию в армейском резерве для дальнейшего парирования возможного прорыва противника.

Возможным было, конечно, и другое решение: организовать круговую оборону войск армии, рассчитанную на длительные бои в окружении. Цель — приковать к себе значительные силы врага и задержать его продвижение на восток, с тем чтобы выиграть время для занятия тыловых оборонительных рубежей вновь отмобилизованными резервами фронта и войсками, выдвигаемыми из глубины страны. Но реальность такого плана сомнительна в условиях неустойчивости управления войсками, непрерывных ударов немецкой авиации, нарушения коммуникаций и больших перебоев в снабжении боеприпасами и горючим.

Наконец, третье решение: на естественных и частично оборудованных рубежах, таких как Августовский канал, реки Бобр, Неман, Лососьна, находившихся в 10—40 км от границы, создать глубоко эшелонированную жесткую оборону войск второго эшелона армии и подходивших соединений 21-го стрелкового корпуса. Первый же эшелон развернуть непосредственно на границе. Но такое решение могло быть проведено в жизнь до войны и должно было исходить лишь от командующего фронтом. В то же время оно было неприемлемо до начала боевых действий, так как почти исключало активные действия наших войск с целью ударов на наиболее угрожаемых направлениях по прорвавшимся группировкам фашистских войск, лишало надежды на перехват инициативы.

Не только ход боевых действий в первый день войны на фронте 3-й армии, но и дальнейшее развитие событий показали, что решение генерала Кузнецова соответствовало обстановке и было, очевидно, наиболее целесообразным. Оно имело целью сохранить главные силы армии для организации обороны в глубине и обеспечения подхода и ввода в сражение фронтовых резервов.

Кстати, вспоминается в связи с этим решением оперативно-стратегическая военная игра на местности со средствами связи, проведенная со штабом округа и армейскими управлениями осенью 1940 г. заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом

³⁹ Архив МО СССР, ф. 184, оп. 1631, д. 1, л. 53.

Н. Ф. Ватутиным. Тогда примерно в такой же оперативной обстановке В. И. Кузнецов тоже решил отводить свою армию, обосновав это следующим образом:

— Важно сохранить войска. Это позволит разбить противника в дальнейшем.

Так поступил он и теперь, в тяжелой обстановке, сложившейся к исходу первого дня войны. Командарм стремился вывести из-под удара превосходящих сил противника войсковые соединения и боевую технику. Причем, ставя командирам соединений эту задачу, он подчеркивал:

— Не просто отходить, а вести подвижную активную оборону по рубежам.

Далее он указал три промежуточных оборонительных рубежа до реки Свислочь. Прикрытие же отхода возложил на 29-ю танковую дивизию. 85-й стрелковой дивизии командарм приказал начать отход с реки Лососьна с наступлением темноты под прикрытием огня артиллерии и танков. Командиру дивизии была также поставлена задача создать специальные команды, силами которых осуществить в 0 часов 30 минут 23 июня взрыв мостов на Немане и складов горючего и боеприпасов на окраине Гродно.

— Они нам очень нужны, заготовили мы всего много, — сказал он с горечью, — но транспорта нет, вывезти не на чем. Придется взрывать, чтобы не достались врагу.

Начался отход организованно. Ночь была темная. Колонны двигались в тишине. Шли ускоренным шагом. Вместе с пехотой двигалась конная артиллерия в готовности, если потребуется, открыть огонь. Но вот тишину разорвали один за другим три мощных взрыва. Это взлетели на воздух мосты на Немане. Огненные языки взметнулись в небо. За ними последовали не менее сильные взрывы, охватившие пламенем пожаров склады боеприпасов и горючего⁴⁰. Теперь начали отходить последние подразделения артиллерийских, а затем и стрелковых полков. Через час выступили и арьергарды.

Советские войны оставили Гродно с горечью в душе и надеждой на победоносное возвращение.

Снова на Гродно

В течение ночи и утром 23 июня войска 3-й армии, оказывая упорное сопротивление превосходящим силам прорвавшегося противника, продолжали отходить на указанный командармом рубеж по рекам Кютра и Свислочь. Отход происходил под непрерывными ударами фашистских бомбардировщиков и пулеметным обстрелом истребителей. В воздухе все время «висели» авиаразведчики «Фокке-Вульф-189» (так называемая «рама»), наводя авиацию на наши части.

⁴⁰ Там же, л. 55.

К исходу дня 56-я стрелковая дивизия и отряд пограничников — курсантов школ младшего комсостава отошли на рубеж реки Котра севернее местечка Скидель, а 85-я стрелковая дивизия — на реку Свислочь на участке от ее устья до Иодичи. Здесь войска приводили себя в порядок и организовывали оборону.

Части 11-го механизированного корпуса, прикрывавшие отход остальных войск армии, в течение всего дня юго-западнее Гродно вели ожесточенные бои с танками и пехотой противника: 29-я танковая дивизия — на рубеже Гибуличи, Ольшевка; 33-я танковая — Куловце, Сакшевец. Западнее, на рубеже Сидра, Янув сражалась с наступающими немецкими частями 27-я стрелковая дивизия, не сумевшая оторваться от противника⁴¹.

Штаб армии в это время находился в районе Лунно, откуда и продолжал руководить войсками.

23 июня командующий фронтом генерал армии Д. Г. Павлов в соответствии с распоряжением, полученным из Генштаба, принял решение создать конно-механизированную группу войск и нанести ими мощный контрудар по наступающим немецким войскам в общем направлении Белосток, Гродно с целью уничтожить противника на левом берегу Немана и не допустить выхода его частей в район Волковыск⁴². В контрударе должны были участвовать 6-й и 11-й механизированные корпуса и 36-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора Е. С. Зыбина. Возглавить эту группу войск командующий фронтом поручил своему заместителю генерал-лейтенанту И. В. Болдину.

Этим же решением предусматривалось, что с утра 24 июня 3-я армия нанесет удары силами 56-й и 85-й стрелковых дивизий в общем направлении на Гродно, а 27-й стрелковой дивизией — в направлении Домброво, где она должна была войти в связь со 2-й стрелковой дивизией 10-й армии. 21-му стрелковому корпусу в составе 24, 37 и 17-й стрелковых дивизий было приказано выдвинуться в район Радунь, Варены (Ораны). Обеспечение района Лиды с запада возлагалось на 8-ю отдельную противотанковую артиллерийскую бригаду.

Ударом двух мехкорпусов и 21-го стрелкового корпуса на Гродно и далее на север против немецкой 3-й танковой группы генерал Д. Г. Павлов хотел создать перелом в ходе боевых действий и попытаться вырвать у противника инициативу.

Оценивая это решение, необходимо подчеркнуть его нереальность. Предназначавшиеся для контрудара 11-й механизированный корпус и ряд других соединений были уже втянуты в ожесточенные оборонительные бои и, не имея авиационного прикрытия, несли большие потери. Снимать их с оборонительных рубежей — значило ослабить оборону без достаточной надежды на успех. К тому же отсутствие связи не просто затрудняло, а в ряде случаев совершенно исключало возможность согласовывать усилия соединений ударной группы и да-

⁴¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 207, л. 24.

⁴² Там же, оп. 4857, д. 20, т. 1, л. 49.

же управлять ею. Так, совершенно не было связи между механизированными корпусами, между генералом Болдиным и штабом 3-й армии, между нею и 21-м стрелковым корпусом⁴³.

Не имел должной связи с войсками и командующий фронтом. Этим объяснялось и отсутствие у него представления об истинном положении, что в сущности и привело к принятию решения на нанесение контрудара. Ход же подготовки к нему достаточно характеризует такой, например, факт: генерал В. И. Кузнецов так и не получил 23 июня приказ о совместном контрударе с 6-м механизированным корпусом и узнал свою боевую задачу от делегата связи 10-й армии только в ночь на 24 июня. А 6-му механизированному корпусу и 36-й кавалерийской дивизии для участия в контрударе предстояло совершить марш днем при отсутствии авиационного прикрытия. Выступив, они подверглись мощным ударам авиации противника и понесли большие потери, особенно 36-я кавалерийская дивизия.

Положение же на фронте непрерывно усложнялось. В течение двух дней войска 3-й танковой группы противника продвинулись на вильнюсском направлении более чем на 100 км. Левофланговая 128-я стрелковая дивизия 11-й армии тогда отходила на северо-восток, а правофланговая 56-я стрелковая дивизия нашей 3-й армии — на юго-восток. Между фронтами образовался 100—120-километровый разрыв, который мог быть использован врагом для дальнейшего наступления на минском направлении. Тем временем противник, выйдя на рубеж реки Котра, продолжал развивать удар. 57-й танковый корпус наступал в направлении Вороново (30 км севернее Лиды), а части 8-го армейского корпуса — в юго-восточном направлении на Щучин.

Таким образом, главная опасность грозила 3-й армии с севера, а наступать ей было приказано на запад. Кроме того, противник мог нанести удар на Лунно и Мосты⁴⁴, выйдя в тыл войскам армии и отрезав коммуникации снабжения с востока. Отразить же этот удар практически было печем, так как генерал Кузнецов никаких резервов не имел.

Создавшееся положение ставило войска армии в чрезвычайно тяжелые условия. Не имея связи ни со штабом фронта, ни с генералом Болдиным и располагая всего лишь несколькими часами до назначенного срока начала наступления, командующий 3-й армией оказался перед необходимостью действовать самостоятельно. В ночь на 24 июня он принял решение перейти силами 11-го механизированного корпуса и 85-й стрелковой дивизии в наступление на Гродно и, овладев им, выйти на рубеж реки Лососьна. Остальным войскам армии надлежало держать оборону на рубеже реки Котра⁴⁵.

Согласовать это решение с командующим фронтом и организовать взаимодействие не удалось ни ночью, ни днем 24 июня, так как связи по-прежнему не было.

⁴³ Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 207, л. 34.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

К этому времени наша 24-я стрелковая дивизия подходила к району Юратишки. Марш был совершен в течение двух ночей. Еще на рассвете 23 июня мы вышли в леса западнее Воложина. Проверив расположение полков, организацию боевого охранения и противовоздушной обороны, я с замполитом М. С. Корпьяком и начальником разведки капитаном П. К. Казакевичем выехал вперед, в Лиду, чтобы согласовать со штабом 11-й смешанной авиационной дивизии план прикрытия истребителями маршрутов движения и районов дневок дивизии.

Навстречу шли автомашины, полные раненых. Подъезжая к Лиде, мы увидели ремонтные команды, засыпавшие землей метровые воронки от авиационных бомб на дороге. В городе полыхали пожары. На улицах — военные патрули и санитарные команды местной противовоздушной обороны. Группы беженцев, главным образом женщины и дети, с небольшой ношей за плечами поспешно покидали город.

Временно исполнявшего должность командира авиационной дивизии подполковника А. С. Гордиенко мы нашли на аэродроме. Здесь тоже было немало следов вражеской бомбежки: остовы разбитых и сожженных самолетов, глубокие воронки на взлетно-посадочной полосе. Но вокруг кипела работа: механики и летчики готовили уцелевшие самолеты к боевым полетам, красноармейцы батальона аэродромного обслуживания засыпали воронки, готовили легкое поле. Сновали бензозаправщики. На большой высоте юркие И-153 («Чайки») прикрывали аэродром с воздуха. Вот взлетело звено пикирующих бомбардировщиков. Подполковник Гордиенко хмуρο пояснил:

— Идут бомбить танковые колонны врага, наступающие на Гродно с севера вдоль восточного берега Немана.

Эти слова поразили меня. Не имея связи со штабом армии и не зная обстановки на фронте, я предполагал, что бои идут где-то на пограничном рубеже. Теперь же стало ясно, что гитлеровцы прорвали его и форсировали Неман. Более подробных сведений у А. С. Гордиенко не оказалось. Но того, что он сказал, было более чем достаточно для беспокойства.

Поэтому согласовав с Гордиенко план прикрытия, мы поспешили вернуться в дивизию, чтобы подготовить части к переходу в район Юратишки. Майор Подорванов встретил хорошей новостью: в военные городки начали прибывать мобилизованные воины запаса — жители городов и сел западных областей Белоруссии, приписанные к нашей дивизии. Организованно, командами и группами, прибывали они в течение всего дня 23 июня. И мы смогли быстро развернуть от мобилизование вторых эшелонов частей. Одновременно поступали и транспортные средства — лошади, повозки, автомашины. Чувствовалось, что обком партии оказывал энергичную помощь в проведении мобилизации.

В заботах о подготовке к дальнейшему выдвижению частей на запад незаметно прошла вторая половина дня. И снова ночной марш.

К утру 24 июня дивизия сосредоточилась в лесах района Юратишки. Здесь мы организовали настоящий военный лагерь, замаскиро-

ванный от воздушного противника. На северную и западную опушки выдвинули боевое охранение и зенитные средства. В кустах были поставлены орудия, предназначенные для стрельбы прямой наводкой. Часть дежурных подразделений находилась в полной боевой готовности.

Для прикрытия района сосредоточения дивизии с северо-запада в районе Вишнево был развернут и организовал противотанковую оборону подошедший третий батальон 168-го стрелкового полка, отмобилизированный в Воложине.

На рассвете 24 июня начали разведку. На запад, в направлении города Лида, на автомашинах были посланы разведчики 168-го стрелкового полка во главе со старшим лейтенантом М. Г. Вериго, на северо-запад, к Ошмянам, — разведывательный батальон дивизии, которым командовал майор И. Т. Щука.

Вслед за этим из Молодечно позвонил мне по телефону майор Ершов. Он доложил:

— Сюда прибыл штаб 13-й армии. Только что меня вызвал ее командующий генерал-лейтенант П. М. Филатов. Он сообщил, что наша дивизия подчинена ему, и приказал передать, что вызывает вас в Молодечно.

Как оставить части в столь сложной обстановке? Ведь дивизия может в любой момент вступить в бой. Посоветовавшись с замполитом и начальником штаба, решил послать в штаб 13-й армии своего заместителя полковника И. А. Бисярина. Попутно поручил ему решить вопросы организации подвоза боеприпасов и других видов снабжения дивизии. Прощаясь с И. А. Бисяриным, мы не сомневались, что он быстро вернется. Но обстановка оказалась еще более сложной, чем я предполагал. Выехав утром 24 июня, Илья Алексеевич Бисярин почти сразу же попал в окружение, из которого вышел с небольшой группой красноармейцев только 13 августа.

Вскоре после его отъезда пришли с докладом об обстановке майор З. Д. Подорванов и начальник разведки дивизии капитан П. К. Казакевич. Последний был взволнован и явно не мог взять себя в руки. Начальник же штаба держался спокойно, но и по его хмурому лицу можно было догадаться, что обстановка не из приятных. Обоих я знал давно. Они еще во время войны с белофиннами проявили себя опытными и храбрыми воинами. И теперь мне подумалось: раз уж Подорванов и Казакевич взволнованы, значит действительно положение серьезное.

Чтобы дать им время успокоиться, я подошел к разложенной начальником разведки карте и сказал:

— Давайте-ка я сначала посмотрю, что тут у вас...

Внимательно глядя в карту с пометками синим карандашом и сопоставляя их с уже известными мне данными, я довольно быстро понял, что войска 3-й армии оставили Гродно и силами частей 56-й и 27-й стрелковых дивизий ведут бои в 25—30 км к востоку от него, на рубеже реки Котра. Значит, противник действительно прорвал оборону на правом фланге 3-й армии.

— Да,— подтвердил капитан Казакевич.— А вот отсюда выдвигаются для нанесения контрудара в направлении Гродно 11-й механизированный корпус, 85-я стрелковая дивизия 3-й армии и ряд других соединений, в том числе 6-й механизированный корпус.

— В направлении Лиды, как видно из вашей карты, противник не наносит удара...

— Пока нет, во всяком случае с запада, где город прикрывает 8-я отдельная артиллерийская противотанковая бригада.

— Тогда, возможно, враг прорвался на узком фронте?

Казакевич, уже было успокоившийся, как-то растерянно оглянулся на Подорванова. Тот положил передо мной листок из полевой книжки, пояснив:

— Донесение командира разведывательного батальона.

На листке торопливым почерком майора И. Т. Шуки было написано: «Веду бой с передовыми танковыми частями противника западнее Опшяны. Захвачены пленные 12-й танковой дивизии 57-го танкового корпуса. В районе Опшяны находится разведка 50-й стрелковой дивизии. Части этой дивизии после ночного марша сегодня утром сосредоточились в лесу в районе Куренец (10 км севернее Вилейки)»⁴⁶.

— Немецкие танки в Опшянах? В 200—220 км от границы? — невольно вырвалось у меня.

— К тому же в полосе 11-й армии,— добавил майор Подорванов.— Сопоставляя с этим обстановку в районе Гродно, можно сделать вывод, что противник танковыми соединениями прорвался на стыке Северо-Западного и Западного фронтов и развивает наступление во фланг и в тыл 3-й армии.

Начальник штаба был, несомненно, прав. Сведениями мы располагали явно недостаточными, но и судя по ним обстановка представлялась исключительно опасной. Разрыв в стыке двух фронтов, выход противника во фланг войск 3-й армии — все это было теперь очевидно. Но почему контрудар наносится на Гродно? Не зная причин такого решения, я предположил, что противник все же именно там паступает своими главными силами. Возможно, думал я, в районе Гродно и развернутся основные события.

Однако внушал серьезные опасения прорыв противника в район Опшян. Оттуда было около 45—50 км до Юратишки, вблизи которого располагалась наша дивизия. Сравнительно большое расстояние (110—120 км) отделяло нас и от рубежа реки Котра, на котором вели бой с врагом части 56-й и 85-й стрелковых дивизий. Продержатся ли они до подхода 21-го стрелкового корпуса в этот район? Успеет ли 50-я стрелковая дивизия, выдвигавшаяся к Опшянам, вовремя выйти на назначенный ей рубеж и организовать оборону? И какова в сложившейся обстановке задача нашей дивизии, которой также надлежало войти в состав 21-го стрелкового корпуса? Наконец, прибыл ли штаб корпуса в местечко Ивье, где он должен был обосноваться?

⁴⁶ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 9, л. 596.

Думая обо всем этом, я понимал, что прежде всего нужно получить ответ на последний вопрос. И решил немедленно отправиться в Ивье. Но вместе с тем нельзя было не учитывать возможности неожиданного прорыва противника к месту расположения дивизии. Следовательно, перед отъездом надлежало принять решение о дальнейших ее действиях.

— Чтобы не допустить внезапного удара вражеских танков, — сказал я начальнику штаба, — необходимо непрерывно вести разведку в северо-западном и западном направлениях. Частям находиться в полной боевой готовности к развертыванию, а всей противотанковой и зенитной артиллерии — отражению атаки противника. Я выезжаю в Ивье, в штаб корпуса, чтобы уточнить задачу дивизии. — И прощаясь с Подорвановым и Казакевичем, добавил: — Положение серьезное, но от каждого из нас требуются сейчас прежде всего выдержка, весь наш опыт...

Я был рад, что оба они стали спокойнее, сосредоточеннее. И не потому, что наш краткий совместный разбор обстановки дал что-либо утешительное. Скорее им, как, впрочем, и всем нам тогда, просто требовалось время, чтобы от прежних, довоенных представлений о характере начала боевых действий прийти к пониманию иной, суровой действительности, требовавшей вести борьбу с врагом в самых невыгодных для нас условиях. Майор Подорванов и капитан Казакевич в дальнейшем не раз показали себя стойкими и умелыми воинами, не терявшими присутствия духа в труднейшей обстановке.

Они отправились выполнять полученные распоряжения. Я же зашел за замполитом батальонным комиссаром Корпяком, и мы тотчас же выехали в направлении Ивье. Нам повезло: не доезжая километра три до этого местечка, мы увидели в лесу палатку и, когда, полюбознствовав, заглянули в нее, попали как раз к командиру корпуса генерал-майору В. Б. Борисову, разместившемуся здесь с оперативной группой своего штаба.

— Как вы вовремя! — обрадовался генерал Борисов.

Оказалось, что штаб корпуса только сегодня утром прибыл по железной дороге на ст. Богданово. Там он сразу попал под бомбежку. Теперь все его усилия были направлены на налаживание связи.

Доложив о состоянии нашей дивизии, я упомянул и о полученном мною вызове к командующему 13-й армией.

— Связи с ним, как и с командованием фронта, пока не имею, — ответил генерал Борисов. — Но мне известно, что 13-я армия должна развернуться правее 3-й, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся между нею и 11-й армией Северо-Западного фронта.

Тут же он ввел нас в курс событий. Выяснилось, что добытые нашей разведкой данные, хотя и неполно, но в целом правильно отражали сложившуюся на фронте обстановку. Сообщение генерала Борисова подтверждало, что противник прорвался в стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Но в то же время мы теперь узнали, что танковые соединения врага обошли не только правый фланг 3-й армии, но и левый фланг оборонявшейся южнее 10-й армии. Таким образом,

положение было еще более опасным, чем это представлялось нам. Рассказал генерал Борисов и о силах, участвовавших в контрударе в районе Гродно, и о поставленных им фронтом задачах.

— Наш корпус, — продолжал он, — получил приказ выдвинуть 37-ю и 17-ю стрелковые дивизии для занятия обороны на рубеже Варены (Ораны), Ново-Казаковщина, Дубинцы, река Дитва⁴⁷. Двигаясь в направлении Варены, части 37-й стрелковой дивизии полковника А. Е. Чехарина северо-восточнее Вороново были сегодня атакованы противником и во встречном бою нанесли ему поражение, отбросив фашистов на запад⁴⁸. Сначала здесь вступила в бой лишь часть сил дивизии — два стрелковых и один артиллерийский полки, которые прибыли раньше, так как были переброшены по железной дороге. Остальные ее силы, а также 17-я стрелковая дивизия выдвигались из района Полоцк, Лепель, Витебск походным порядком в течение 8—10 суток. После 300-километрового марша люди, конечно, очень утомлены. К тому же дивизии еще не полностью отобилизованы, тыловые части пока не подошли, поэтому в полках и боеприпасов недостаточно. Словом, боеспособность дивизий ограниченная.

Затем командир корпуса подвел меня к разложенной на столе карте.

— Задача вашей дивизии, — сказал он, — следующая: завтра, 25 июня, выдвинуться на рубеж рек Клева, Гавья. Видите, это в 15—18 км севернее Юратинки. Там, на участке Трабы — Субботники (16—18 км), вам надлежит организовать оборону⁴⁹.

Вечером, как только мы возвратились от командира корпуса, ко мне в палатку зашел начальник штаба дивизии и доложил, что нашей радиостанции удалось принять часть переданной из Москвы сводки Главного Командования Красной Армии. В ней сообщалось, что в течение 24 июня противник продолжал развивать наступление на гродненско-волковском направлении, встречая упорное сопротивление советских войск. Далее в сводке говорилось: «Идут ожесточенные бои за Гродно...»⁵⁰.

Подробности этих боев стали мне известны значительно позднее. Но они, как и описанные выше события первых дней войны в полосе 3-й армии в целом, оказали непосредственное влияние на положение и боевые действия всех сражавшихся здесь войск, в том числе и нашей дивизии. Поэтому целесообразно вкратце рассказать о ходе и результатах контрудара в районе Гродно.

В 13 часов 24 июня противника атаковали 11-й механизированный корпус и 85-я стрелковая дивизия. Левее, из района юго-западнее Гродно, перешел в наступление 6-й механизированный корпус. Не-

⁴⁷ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 143.

⁴⁸ Это признал впоследствии бывший командующий 3-й танковой группой генерал Гот. Как явствует из его воспоминаний, наша 37-я стрелковая дивизия разгромила в тот день передовые части немецкой 18-й моторизованной дивизии (см. Г. Гот. Танковые операции. М., 1961, стр. 71).

⁴⁹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 72, л. 24.

⁵⁰ «Известия», 25 июня 1941 г.

смотря на то, что наши войска в силу вышеупомянутых условий действовали вначале несогласованно, а также при абсолютном господстве авиации противника, они сумели не только сдержать наступавшего противника, но и отбросить его на рубеж реки Лососьна.

Затянувшиеся боевые действия в районе Гродно обеспокоили немецкое командование. И это вполне понятно, так как здесь оказались скованы главные силы 9-й армии — 20-й, 42-й и частично 8-й армейские корпуса, имевшие задачу наступать через Лиду в направлении Минска. В результате внутренние фланги 2-й и 3-й танковых групп, которые передовыми частями находились уже на подступах к Минску, не были обеспечены армейскими частями. Чтобы отразить контрудар и продолжать наступление, немецко-фашистское командование вынуждено было развернуть южнее Гродно полностью 20-й и частично 8-й армейские корпуса, а также бросить в бой крупные силы авиации.

В течение трех дней танкисты механизированных корпусов и пехотинцы дивизий 3-й армии, проявляя невиданное мужество и массовый героизм, вели упорные бои. Они нанесли противнику тяжелые потери, но его подавляющее превосходство в силах с каждым днем сказывалось все ощутимее. В ночь на 27 июня войскам, наносившим контрудар, было приказано начать отход на восток. В частности, 11-й механизированный корпус и 85-я стрелковая дивизия по приказу командующего армией отошли на рубеж реки Свислочь, а затем далее на реки Россь и Щара⁵¹.

Говоря о значении этого контрудара, нельзя не отметить, что он в известной мере содействовал срыву планов немецко-фашистского командования в районе Гродно. Бои за этот город неожиданно для противника приняли ожесточенный, затяжной характер и длились пять суток. Расчеты врага первым же ударом уничтожить наши войска в районе Гродно не осуществились.

Таким образом, эти бои с полным основанием можно отнести к множеству других примеров беззаветной стойкости и героизма наших войск, уже в первые дни войны опрокинувших планы гитлеровского командования. Теперь мы знаем, что 27 июня, на шестой день после нападения на нашу страну, начальник германского генштаба генерал Гальдер вынужден был записать: «На фронте под влиянием изменения обстановки... события развиваются совсем не так, как намечается в высших штабах, что создает впечатление, будто приказы, отданные главным командованием сухопутных сил, не выполняются...»⁵².

Несомненно, этот вывод был продиктован и событиями в районе Гродно. Более того, два дня спустя после доклада генерал-инспектора пехоты генерала Е. Отта, который в связи с нанесением нашими войсками контрудара был срочно направлен в район Гродно, генерал Гальдер обеспокоенно отметил в служебном дневнике: «Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам на-

⁵¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2514, д. 83, л. 66.

⁵² «Совершенно секретно! Только для командования!», стр. 234—235.

ших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это недопустимо»⁵³.

В то же время следует признать, что в сложившейся тогда обстановке контрудар в районе Гродно не мог достичь и, естественно, не достиг поставленной цели. Еще существеннее тот факт, что сдерживание гитлеровских войск на промежуточных рубежах не снимало главной и наиболее опасной угрозы, исходившей от соединений 3-й танковой группы противника с севера. Развивая наступление, они уже 25 июня глубоко охватили войска всего правого крыла Западного фронта, выйдя им в тыл. Резервы же правофланговой 3-й армии оказались использованы против сравнительно второстепенной группировки противника, которая наступала на Гродно. А в резерве командующего фронтом в это время было всего два стрелковых корпуса 13-й армии.

Следовательно, ни воспрепятствовать развитию наступления противника на Минск, ни даже сдержать натиск фашистских войск в районе Гродно уже не было возможности. В свете всего этого представляется, что целесообразнее было своевременно отвести войска 3-й и 10-й армий, что, возможно, уменьшило бы понесенные ими потери.

Почти полтора месяца спустя генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, когда мы встретились уже в Гомеле, поделился со мной своими мыслями об обстановке первых дней войны и, в частности, о контрударе под Гродно.

— Нас всегда будет мучить вопрос, — говорил он, — могли бы немцы добиться успеха в первые два — три дня войны, если бы все войска первого и особенно второго оперативных эшелонов были заблаговременно приведены в полную боевую готовность и своевременно заняли выгодные оперативные рубежи для жесткой обороны? Ведь мы же готовили такую оборону...

— Может быть, резервов было мало? — спросил я.

— Нет, их было достаточно, хотя многие войска не успели еще сосредоточиться, как, например, 21-й корпус, которому передали вашу дивизию. Правда, командующий фронтом генерал Павлов днем 22 июля приказал корпусу силами 17-й и 37-й стрелковых дивизий выйти в район Скидель — Острына и готовить оборонительный рубеж на фронте Меркине, Друскеники, Озеры, Скидель, река Неман⁵⁴. Но корпус не мог успеть выполнить эту задачу. В аналогичном положении оказались и многие другие соединения.

— Все ли сделал фронт, чтобы не допустить глубокого прорыва фашистских войск?

— Я считаю, — ответил В. И. Кузнецов, — что войска фронта в предвоенный период много готовились к отражению агрессии и, будь у нас еще некоторое время, а главное сохрани мы авиацию, — можно

⁵³ «Совершенно секретно! Только для командования!», стр. 237.

⁵⁴ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 71, л. 110.

было немцев и задержать. Ведь по сравнению с боевыми действиями во Франции ничего нового в оперативных формах и построении войск при проведении операции немцы не применяли. Они повторили известные нам глубокие удары танковых клиньев на флангах войск нашего Западного фронта, поддерживая их с воздуха мощной авиацией и выброской небольших авиадесантных отрядов на направлениях главных ударов.

— А как вы оцениваете решения фронта?

— По-моему, не следовало все подходившие войска выдвигать вперед, поближе к границе. Ведь уже 23 июня стал ясен замысел фашистов нанести сильными танковыми клиньями охватывающий удар на Минск с целью окружить в районе Гродно, Белосток войска 3-й и 10-й армий. Конечно, в первые дни войны действия войск фронта носили активный характер, но контрудары, особенно механизированными корпусами, наносились разрозненно. Все резервы втягивались в бой по частям. К тому же, ведя затяжные бои под Гродно, мы лезли прямо в пасть фашистам, на самое дно «котла», который они нам готовили, замыкая его ударами танковых групп на Минск. Видимо, более правильным было решение на отвод войск из района Гродно на восток. Не надо было возвращаться назад.

— Но ведь с танковыми группами надо было бороться?

— С ними бороться можно было,— ответил В. И. Кузнецов.— Создать специальные моторизованные отряды заграждения, устраивать на важнейших дорогах завалы, минировать их, взрывать мосты.

Трудно было не согласиться с этими соображениями. К сожалению, командующий фронтом принимал иные решения.

Генерал Д. Г. Павлов лишь по требованию Ставки 25 июня отдал приказ об общем отходе войск на линию Молодечно, Лида, Слоним, Пинск⁵⁵.

Но было уже поздно. 3-я танковая группа с северо-запада, а 2-я танковая группа с юго-запада и юга 27 июня вышли на подступы к Минску. Тем самым были отрезаны основные пути отхода на восток для войск 3-й и 10-й армий, сражавшихся теперь уже в окружении между Гродно и Минском.

Во вражеском кольце оказался и 21-й стрелковый корпус, в том числе и наша дивизия. Но, как и почти все окруженные войска, узнали мы об этом не сразу.

⁵⁵ Там же, оп. 3538, д. 39, л. 45.

По тылам врага

Мы наступаем

В то время, когда под Гродно еще шли жестокие бои, 24-я стрелковая дивизия вступила в первое соприкосновение с наступающим противником.

С утра 25 июня южнее рубежа Трабы — Субботники дивизия встретила передовые части 19-й танковой дивизии врага и во встречном бою нанесла им поражение, отбросив за р. Клева. На поле боя осталось догорать около трех десятков немецких танков Т-III. За ними застыли остовы более 50 сгоревших автомашин, на которых еще несколько часов назад двигалась вражеская пехота. Картину дополняли десятки разбросанных по полю разбитых вражеских мотоциклов.

Пленные гитлеровцы, которых для первого боя было немало — почти сотня, — держались нагло и высокомерно, смотрели исподлобья. Все они были одеты в форму танкистов — черные куртки, брюки навыпуск, добротные ботинки, береты. В черных петлицах поблескивали металлические эмблемы.

Для допроса мы отобрали двух офицеров. Вначале они никаких сведений сообщать не хотели. Но увидев, что мы немало узнали из их карт и документов, решили, что отмалчиваться нет смысла.

— Наша дивизия, — сказал один из них, — вчера утром переправилась через Неман и двигалась во втором эшелоне 57-го танкового корпуса. Но сегодня в связи с тем, что 18-я моторизованная дивизия была задержана боями, нас ввели в первый эшелон корпуса с задачей как можно быстрее продвигаться на Минск через Трабы, Воложин.

— Нам сказали, — добавил второй, — что русских войск впереди нет. — И вдруг совершенно неожиданно наша колонна была встречена губительным артиллерийским огнем. А потом ваша атака, плен. — И с горечью произнес:

— Мы воевали во Франции, но там все было иначе...

То обстоятельство, что противник не ожидал встретить сопротивление на направлении Трабы, Воложин, еще раз подтвердило: наше выдвижение из Молодечно в Юратишки, а затем севернее было осуществлено достаточно скрытно. Это и обеспечило внезапность

удара. Об этом же писал впоследствии немецкий генерал Гот: 23 июня воздушная разведка, которой благоприятствовала хорошая погода, не обнаружила движения войск с восточного направления к линии Лида — Вильнюс. 24 июня она также не обнаружила никакого движения противника от Западной Двины к линии Минск — Вильнюс¹. Отчасти это объяснялось и другой причиной. «Наша разведывательная авиация, — писал Гот в отчете о боях первых дней войны, — в начале наступления встречала противодействие со стороны истребителей противника (советской авиации. — *К. Г.*) и вынуждена была действовать на больших высотах».

Первый боевой успех воодушевил бойцов и командиров. Десятки сторевающих немецких танков и автомашин явились лучшей аттестацией силе оружия и боевой техники дивизии, мужеству и боевому мастерству ее бойцов и командиров. Значение первого боевого успеха дополнялось и тем, что потери мы понесли небольшие.

В числе боевых трофеев оказалось более 40 исправных мотоциклов «БМВ» и «Цюндапп» с колясками и пулеметами. Я приказал капитану Казакевичу распределить их между взводами пешей разведки полков, которые таким образом стали моторизованными. Это вполне оправдало себя в дальнейших боевых действиях.

Будучи в тот же вечер вызван в штаб 21-го стрелкового корпуса, переместившийся поближе к нам, я доложил о бое с противником. Оказалось, что все попытки генерала Борисова связаться со штабом фронта успеха не имели, но сегодня во второй половине дня прибыл офицер связи, доставивший приказ командующего 13-й армией, в котором сказано, что 21-й стрелковый корпус подчинен ему. Сообщив об этом, генерал Борисов сказал, что завтра, 26 июня, корпус переходит в наступление на север и северо-запад.

24-й стрелковой дивизии он поставил задачу выйти к Опшням, где организовать оборону, обеспечивая части корпуса от возможных ударов вражеских сил с вильнюсского направления. 37-я стрелковая дивизия должна была наступать левее, в направлении ст. Беньяконь, а 17-я — на Радунь, Варены (Ораны) в целях взаимодействия с ударной группой генерал-лейтенанта И. В. Болдина, наносившей удар на Гродно, Меречь (Меркине)².

— Основная задача вашей дивизии, — говорил он, — активной обороной сковать и задержать наступление противника, с тем чтобы нам удалось сосредоточить в районе Лиды полностью все части корпуса. Возможно, за это время войска второго эшелона фронта организуют оборону, чтобы прикрыть Минск с запада. — Помолчав, чтобы дать мне время ознакомиться с его картой, на которой красными стрелами были намечены направления ударов войск корпуса, генерал Борисов продолжал: — Сегодня с прибывшего на станцию Юратиньки эшелона мы сгрузили восемь новых танков КВ. Кроме

¹ Г. Гот. Танковые операции. М., 1964, стр. 68, 71.

² Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 72, л. 13.

того, из состава отходящих частей собрали более десятка Т-34 и 15 легких танков Т-26. Все они имеют экипажи. Из них формируем отдельный танковый батальон, который я передаю вашей дивизии³.

Я, конечно, был этим очень доволен. Такой батальон — серьезная поддержка для выполнения поставленной дивизии задачи.

Сложность ее состояла в том, что дивизия действовала на стыке двух фронтов, как раз там, где противник прорвал оборону наших войск. И, продвигаясь на север, мы все более приближались к направлению главного удара 3-й танковой группы. В частности, Ошмяны еще накануне были заняты противником. В то же время справа у нас соседей не было. Следовательно, мы должны продвинуться с боями на 30 км, имея открытый фланг. И все это в условиях, когда я имел лишь приблизительное и далеко не полное представление об оперативной обстановке. Мало чем мог мне помочь в ее уяснении и генерал Борисов. Он располагал только сведениями — да и то, как выяснилось вскоре, заноздалыми — о действиях группы войск генерала Болдина в районе Гродно и о наступлении танковых соединений противника в направлении Минска.

Времени на подготовку наступления на Ошмяны тоже было мало. Между тем части нашей дивизии были в тот момент развернуты на фронте до 18 км на подступах к рекам Клева и Гавья, где мы в соответствии с вчерашним приказом генерала Борисова готовили оборону. Естественно, в имеющейся группировке наступать было невозможно. Требовалось сосредоточить части на направлении предстоящего главного удара дивизии. А это означало перегруппировку, которую, как и всю подготовку к наступлению, нужно было завершить в течение одной ночи.

Но все эти трудности мы должны были преодолеть и поставленную задачу выполнить. Залогом тому был высокий боевой дух воинов дивизии, их наступательный порыв, столь ярко проявившийся в первом же бою.

С такой мыслью возвратился я в штаб дивизии. Вместе с майором Подорвановым и старшим батальонным комиссаром Корпяком мы сразу же кратко обсудили предстоящие действия. Затем мною было принято решение начать наступление утром 26 июня. Я понимал, что было бы опасно недооценивать противника, руководствуясь результатами наших сегодняшних боевых действий. По данным нашей разведки и по показаниям пленных, враг располагал на этом направлении немалыми силами танков и пехоты и потому нам следовало подготовить достаточно мощный удар, чтобы нанести им поражение.

В соответствии с этим решение предусматривало нанесение главного удара правым флангом дивизии с участка Трабы, Мотюки (6—8 км по фронту). Здесь создавалась ударная группа в составе 168-го и 7-го стрелковых, 160-го и 246-го (без одного дивизиона)

³ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 4.

артиллерийских полков. На остальном участке фронта дивизии (до 12 км) должен был оставаться в обороне 274-й стрелковый полк с артиллерийским дивизионом 246-го гаубичного полка, усиленный саперным и разведывательным батальонами. В резерв назначался 52-й противотанковый дивизион. Он сосредоточивался за правым флангом дивизии в готовности усилить ударную группу.

Наступила уже ночь, когда были отданы все распоряжения частям, и мы с начальником артиллерии полковником В. В. Доброправым и оперативной группой штаба выехали на наблюдательный пункт, оборудованный на командной высоте юго-западнее Трабы. Штаб дивизии остался на старом месте, в роще в 7—8 км северо-восточнее Субботников, в центре полосы дивизии. С наблюдательного пункта мы хорошо видели расположение противника. Там было тихо. Но тишина в боевой обстановке обманчива. Трудно предугадать заранее, что замышляет враг.

Светало. 168-й стрелковый и 160-й пушечный артиллерийский полки были уже переброшены с левого фланга дивизии, где они находились вечером, на правый. Ударная группа заканчивала подготовку к наступлению. Но планы наши были неожиданно нарушены. Около пяти часов утра мы услышали отдаленный лязг гусениц и ровное гудение моторов.

— Танки! Идут фашистские танки! — крикнул полковник В. В. Доброправов.

Гул нарастал. Из-за реки появились танки противника.

— Упредили, — подумал я.

Один из первых подбитых броневиков противника

Тотчас приказал командирам стрелковых полков и начальнику артиллерии дивизии подготовить все огневые средства к отражению танковой атаки. Три-четыре артиллерийские батареи приказал выдвинуть для стрельбы прямой наводкой в направлении Трабы. Вслед за этим на переднем крае стрелковых полков взвились красные ракеты — сигнал «танки врага».

А тут новая опасность: с северо-запада донесся нарастающий гул самолетов. Это фашистские пикирующие бомбардировщики на бреющем полете приближались к нашему переднему краю. Раздался оглушительный вой, сопровождаемый резким свистом. Земля дрогнула от взрывов бомб. Столбы дыма вместе с землей взметнулись в небо. Над щелями нашего наблюдательного пункта с визгом пронеслись осколки.

Командир 168-го стрелкового полка С. И. Портнов доложил по телефону, что на его наблюдательном пункте ранены заместитель по политической части старший политрук И. Г. Кошелев, полковой инженер лейтенант А. И. Никишин и начальник связи полка капитан А. С. Антонов. В подразделениях полка потери пока были незначительны.

— Зенитный дивизион, — добавил он, — ведет огонь по самолетам противника. Один сбитый фашистский бомбардировщик виден мне отсюда. Он только что врезался в землю в 50 м от меня.

Более двадцати минут бомбили нас вражеские самолеты. Но едва они начали уходить на запад, как принялась «обрабатывать» наши позиции артиллерия противника. С минуты на минуту должна была начаться атака танков.

И в эти считанные минуты на наших позициях, замерших во время бомбежки, теперь все ожило. Выдвинулись орудия. Бойцы столь же стремительно заняли свои места в окопах. Во всем этом сказалась хорошая боевая выучка личного состава, твердая решимость отразить атаки врага.

Гитлеровцы даже не разведывали нашу оборону и не знали, где огневые позиции. Уверенные в разрушительной мощи своей авиации и артиллерии, они, очевидно, считали, что все живое в обороне уничтожено. И фашистские танки двинулись на нас в развернутом строю на большой скорости, выбирая наиболее удобные пути. За ними спешила пехота. Стремясь не оторваться от своих танков, она двигалась ускоренным шагом, а кое-где и бегом. Приблизившись на 1000—1200 м к нашему переднему краю обороны, танки открыли огонь из орудий, а затем и из пулеметов. Пехота тоже подняла беспорядочную пальбу.

Однако неприцельный огонь пока не причинял нам потерь. Подпустив вражеские танки поближе, наши противотанковые пушки и орудия дивизионной артиллерии, поставленные для стрельбы прямой наводкой, открыли беглый огонь. Вот когда проявили свое огромное мужество и подлинное мастерство наши артиллеристы!

Впереди III дивизии под командой начальника артиллерии 168-го стрелкового полка старшего лейтенанта А. И. Виноградова действо-

вали противотанковая батарея лейтенанта В. А. Корзуна и полковая 76-мм батарея лейтенанта И. П. Якушина. Первыми же залпами они уничтожили десять танков противника.

Западнее Трабы, у деревни Ноздраки, вела бой батарея 122-мм гаубиц под командованием старшего лейтенанта В. С. Попова. С нашего наблюдательного пункта было видно, что на нее двигалось не менее 20—25 танков. Когда батарея открыла огонь, часть из них загорелась, но некоторые прорвались к самой огневой позиции, а другие начали обходить ее слева. Расчеты поворачивали орудия и били по танкам в упор. Среди артиллеристов были уже раненые и убитые, в том числе один из лучших наводчиков Н. В. Галкин, известный всей дивизии. Но оставшиеся в строю, закопченные дымом, опаленные огнем, некоторые со свежими перевязками, продолжали вести огонь.

И они отбили атаку. Батарея стояла буквально среди кладбища танков: восемнадцать из них дымились вокруг. В этом бою беспримерную доблесть проявил наводчик Шишков. Он подбил пять фашистских танков подряд, и каждый раз первым же выстрелом. Командир взвода младший лейтенант Марков поразил один из танков буквально в упор. Храбро и умело сражались командиры орудий Ф. Я. Хапов, К. В. Зотов, Панфилов, лейтенант А. Н. Самсонов, Н. И. Большаков, наводчики Т. В. Парфенов, А. И. Филиппов, И. Г. Женьжеров и все остальные батарейцы.

Пока орудия, выставленные для стрельбы прямой наводкой, вели огонь по танкам, полковник Добропоров сосредоточил удары осталь-

Первый сбитый самолет врага

ной артиллерии по пехоте противника. Пулеметчики и стрелки тоже обрушили на нее всю мощь своего огня, буквально скашивая фашистские цепи. Отдельные пулеметы вели огонь и по танкам. Так, когда к позициям 3-й пулеметной роты 168-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта И. П. Никифорова приблизились три вражеских танка, пулеметчики метким огнем по смотровым щелям ослепили их экипажи, а связками ручных гранат подорвали гусеницы.

Но вторая волна немецких танков все же прорвалась через передний край обороны 168-го стрелкового полка юго-восточнее Трабы и проникла в глубину его боевого порядка. А за ней шла уже третья волна... Нанеся потери резервной роте, находившейся здесь в неглубоких, насех отрытых окопах, танки атаковали огневые позиции дивизиона 160-го пушечного артиллерийского полка.

С тревогой смотрел я на развертывавшийся бой. Дивизионом командовал хорошо известный мне капитан А. Г. Журавлев, награжденный за боевые заслуги орденом Красного Знамени, опытный и храбрый артиллерист. Видел я и то, что его батареи встретили фашистские танки огнем почти в упор. Но танки уже ворвались на позиции батарей. Поединок был явно неравный и его исход мог оказаться очень тяжелым.

В это время на какое-то мгновение непроизвольно меня охватило чувство тревоги — вот, вот танки врага прорвутся в тыл дивизии... Смотрю на Добронравова. Он, видимо, понимает мое состояние. Спрашивает:

— Разрешите выдвинуть противотанковый резерв?

Получив согласие, он дает команду. И вскоре мы видим, как по дороге на Трабы на максимальной скорости выдвигается противотанковый дивизион капитана П. М. Иванова. Юркие гусеничные тягачи «Комсомольцы» с ходу разворачивают 45-мм орудия. Батареи мгновенно открывают ураганный огонь. Впервые так близко увидел я сосредоточенный огневой удар противотанкового артиллерийского резерва. Сила его была так велика, что через несколько минут поле боя покрылось пылающими факелами. Это горели фашистские танки.

Гитлеровцы, по-видимому, не ожидали ни такого мощного противотанкового огня, ни столь упорной обороны нашей пехоты. И они дрогнули. Уцелевшие вражеские танки и пехота поспешно отступили, укрывшись вдоль русла р. Клева. На поле боя осталось несколько десятков танков, сотни убитых и раненых.

Близился вечер. Ветер разносил по полю дым догоравших немецких танков и автомашин. Окончился второй бой частей нашей дивизии — тяжелый и кровопролитный. Натиск фашистских танков и пехоты поддерживался сильным огнем артиллерии и неоднократными бомбежками с воздуха. Но 24-я Железная устояла. С наступлением темноты мы начали производить перегруппировку частей, с тем чтобы на рассвете следующего дня уже самим атаковать фашистов.

Быстро пролетела короткая июньская ночь. Начало светать. Еще роса не сошла с полей, когда ударная группировка нашей дивизии — два стрелковых полка, поддерживаемых огнем всей артиллерии, — перешла в наступление. На главном направлении Трабы, Ошмяны наносил удар 168-й стрелковый полк, усиленный прибывшим ночью сводным танковым батальоном под командованием майора Егорова. Этот батальон имел три роты. В составе 1-й танковой роты, которой командовал капитан Н. Сизов, было 8 КВ, во 2-й (командир капитан Нестеров) — 15 Т-34, в 3-й (командир старший лейтенант Шевченко) — 14 легких танков Т-26.

После 20-минутной артиллерийской подготовки части дивизии атаковали противника и прорвали его оборону. Смятение в фашистских танковых подразделениях вызвал удар танков КВ. С наблюдательного пункта мы видели поединки одного из них с тремя вражескими танками Т-III.

Надо сказать, что, как выяснилось впоследствии, 19-я танковая дивизия противника насчитывала около 16 тыс. человек⁴ и более 170 танков. В их числе были 42 танка Т-IV, а остальные — Т-III и Т-II⁵. Танк Т-IV был вооружен 75-мм пушкой, толщина его лобовой брони составляла 40—60 мм, бортовой 20—40 мм. Т-III также имел броню — лобовую 50 мм и бортовую 30 мм и был вооружен 37-мм пушкой⁶.

Так вот, два танка Т-III наш КВ подбил с близкой дистанции двумя выстрелами из своей 76-мм пушки. Затем он догнал третий, у которого, видно, заглох мотор при переезде через большую канаву, и с ходу буквально въехал на него, смял своей тяжестью и раздавил, как орех. Вечером, после боя, я узнал, что командиром этого танка КВ был старший сержант Колесов, а механиком-водителем — сержант Володин. Геройски сражались в этом бою и экипажи других танков. Особо отличились командиры танков старшие сержанты И. Мотрошин, Ф. Ключев, механики-водители сержанты Г. Максимов, Кириленко, П. Язов, Фокин, заряжающие сержанты Спелов, Володин, Велин и рядовой К. Пантович.

Своими отважными действиями танкисты способствовали успешному продвижению подразделений 168-го стрелкового полка. Вскоре они совместно выбили фашистов из Трабы и начали развивать наступление на Гольшаны. В бинокль было видно, как сквозь пыль и дым, преодолевая огонь противотанковой артиллерии врага, двигались наши танки и пехота. Вот они прошли гребень возвышенности севернее р. Клева и устремились в глубину обороны противника.

Бой длился уже несколько часов. Враг оказывал упорное сопротивление, но наши танкисты и батальоны 168-го стрелкового полка продолжали продвигаться вперед. Теперь к нам уже издали доносился непрерывный грохот орудий.

⁴ Г. Гот. Указ. соч., стр. 11.

⁵ Там же, стр. 54.

⁶ Г. Гудериан. Воспоминания солдата. М., 1954, стр. 136.

Во второй половине дня подполковник И. С. Портнов доложил, что 2-й стрелковый батальон с танковой ротой капитана Н. Сизова продвинулся на 8—10 км⁷. Батальоном командовал один из самых опытных боевых офицеров дивизии — капитан Владимир Семенович Иванченко. За храбрость он был ранее награжден двумя орденами Красного Знамени. И вот теперь вновь показал себя умелым и бесстрашным командиром. Выше всяких похвал действовал и капитан Н. Сизов — командир 1-й танковой роты сводного танкового батальона. Это его грозные КВ громили гитлеровцев, производя опустошения в их боевых порядках.

После войны бывший командир 168-го стрелкового полка И. С. Портнов, к тому времени генерал-майор, побывал в Трабах. Делясь со мной впечатлениями об этой поездке, он рассказал, в частности, о встрече с учителем местной средней школы Николаем Митрофановичем Фроловым. Последний, будучи в 1943 г. разведчиком в партизанской бригаде Морозова, был послан тогда в район Траб, чтобы установить места размещения немецких гарнизонов и их численность.

На берегу речушки, поросшем кустарником, он увидел подбитый танк КВ. Рассматривая его со всех сторон, Фролов насчитал сорок вмятин и три пробоины. «Вот сколько ударов врага выдержал ты, голубчик, прежде чем погиб», — подумал он. И оглядевшись вокруг, заметил недалеко другой подбитый танк, а дальше еще и еще... Но эти все уже были немецкие. Фролов обошел их, рассматривая развороченные снарядами корпуса и башни. Десять фашистских танков остались лежать грудой искаженного металла рядом с одним нашим!

Выслушав переданный мне И. С. Портновым рассказ Н. М. Фролова, я заметил:

— Пожалуй, так оно и было. На один подбитый КВ приходилось около десяти уничтоженных фашистских танков.

— И в этом сказалось, — добавил И. С. Портнов, — не только превосходство наших танков, но и величайшее мужество танкистов капитана Сизова.

...В то время как в районе Трабы наши части продвигались вперед, на левом фланге ударной группы дивизии, у деревни Сурвилишки, наступающий 7-й стрелковый полк под командованием подполковника А. В. Пасюкова встретил ожесточенное сопротивление врага. Оказалось, что в этот район подошли и с ходу контратаковали наш полк танки с пехотой 18-й моторизованной дивизии противника. С целью отражения контратаки было выдвинуто для стрельбы прямой наводкой несколько тяжелых 152-мм гаубиц-пушек 146-го артиллерийского гаубичного полка. Их расчеты быстро накрыли врага своими 40-килограммовыми снарядами, и контратака была отбита.

⁷ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 5.

Докладывая об этом, А. В. Пасюков сообщил далее:

— Когда полк продвинулся вперед, мы увидели вблизи результаты огня наших гаубиц-пушек: несколько уничтоженных фашистских танков. Некоторые из них стояли с развороченными бортами, у других зияли дыры в лобовой части или были сбиты башни. Нами с боем заняты Сурвилишки. Продолжаем наступать в направлении Граужишки.

К исходу дня на командный пункт прибыл офицер штаба, который был оставлен в Молодечно для передачи военных городков частям 50-й стрелковой дивизии. Он доложил, что последняя подошла к городу 25 июня и совместно с остатками отступавшей 5-й танковой дивизии, курсантами Вильнюсского пехотного училища и 84-м полком войск НКВД с ходу вступила в ожесточенные бои с частями наступавшего 39-го танкового корпуса врага.

Советские воины и здесь действовали смело, бесстрашно. Об этом свидетельствуют ставшие мне известными впоследствии подробности боев в районе Молодечно. Так, бойцы 49-го стрелкового полка под командованием полковника А. Т. Павлыго подбили восемь немецких танков. Сержант И. И. Барыкин, поставив свое орудие для стрельбы прямой наводкой, поджег шесть танков врага. Три танка уничтожил отважный наводчик казах Мухамед Ибрагимов. Самоотверженно

Полковые орудия изготовились к отражению танков врага

сражались и части 5-й танковой дивизии. Экипаж старшего лейтенанта М. И. Веденеева подбил пять танков и четыре противотанковых орудия противника. Два танка под командованием политрука И. И. Нужного смело атаковали группу фашистских машин и уничтожили три из них, а также несколько противотанковых орудий⁸.

Нанеся противнику значительные потери, 50-я стрелковая дивизия в ночь на 27 июня выпущена была отойти на рубеж Ковали, Стажинки северо-западнее Минска⁹.

Не все это было известно прибывшему из Молодечно офицеру. Но о захвате города противником и отходе 50-й дивизии он знал. Из его доклада явствовало также, что еще 25 июня, когда 12-я танковая дивизия 39-го танкового корпуса врага атаковала наши войска в районе Молодечно, ее передовые части подошли к Минскому укрепленному району, где завязали бои с 44-м стрелковым корпусом 13-й армии.

Было о чем задуматься. Тем более, что тогда же мне стало известно о резко ухудшившейся обстановке к югу от нас. Оборонявшаяся там на восточном берегу р. Гавья в районе Лапнишки 37-я стрелковая дивизия еще накануне с боями оставила Вороново. Еще южнее, из района Гродно, прошедшей ночью начали отходить на восток войска группы генерала Болдина. Все это неизбежно должно было сказаться и на положении нашей дивизии.

Поэтому вечером, прежде чем принять решение на организацию боя следующего дня, я счел необходимым совместно со своими помощниками разобраться в сложившейся обстановке. Начальник штаба майор Подорванов, доложив положение частей дивизии и войск противника, сделал вывод:

— Своим ударом мы вбили клин в колонны дивизий 57-го танкового корпуса противника и задержали их. Но продвигающийся северо-восточнее немецкий 39-й танковый корпус овладел Молодечно и развивает наступление на Минск. Таким образом, наш тактический успех не смог, конечно, сказаться на оперативном положении врага, наступающего на минском направлении.

— Для частей дивизии,— дополнил этот вывод батальонный комиссар Корняк,— создается серьезное положение. Фашистские танки у нас в тылу, да и перед фронтом их немало. Видимо, надо поехать в штаб корпуса и обстоятельно доложить создавшуюся обстановку.

Таково было и мое мнение. Я считал, что дальнейшее наступление в этих условиях без ясной оперативной цели вряд ли целесообразно продолжать. Необходимо выяснить замысел действий командира корпуса, командиров соседних дивизий и получить указание — продолжать ли дивизии наступать в направлении на Ошмяны или обороняться на захваченном рубеже.

⁸ Архив МО СССР, ф. 361, оп. 6078, д. 39, л. 4.

⁹ Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 207, л. 48.

Поэтому мы с заместителем по политчасти сразу же и отправились в штаб корпуса. Прибыли туда в момент, когда он после сильной авиационной бомбежки противника свертывался, чтобы сменить месторасположение. Лес кругом горел. Доложив командиру корпуса обстановку на фронте дивизии, я высказал соображение о нецелесообразности дальнейшего наступления на Опшьяны.

Генерал Борисов согласился с этим. Он сообщил, что на фронте корпуса противник ведет наступление двумя корпусами: 57-м танковым и 8-м армейским. Сегодня утром он занял Лиду, выбив из нее нашу 17-ю стрелковую дивизию. Она и 37-я стрелковая дивизия весь день вели оборонительные бои на рубеже рек Гавья, Неман, испытывая большой недостаток в боеприпасах, так как склады, находившиеся в Лиде и Юратишках, вывезти не удалось. В заключение генерал Борисов приказал и нам перейти к обороне¹⁰.

С тем мы и возвратились в дивизию. В течение всего следующего дня наши части вели огневой бой на достигнутом рубеже. Не предпринимала атак и 19-я танковая дивизия противника, понесшая большие потери в боях с нашей дивизией 25—27 июня.

Кстати, генерал Гот, командовавший тогда 3-й танковой группой, в состав которой входила 19-я танковая дивизия, в своих послевоенных воспоминаниях предпочел умолчать об этих потерях. Он ограничился следующим признанием: «19-й танковой дивизии, совершавшей 25 июня марш через Вороново, Трабы на Минск, пришлось прокладывать себе дорогу через массы войск противника... Правый фланг 19-й дивизии, где находился командир корпуса, постоянно подвергался атакам противника при поддержке 50-тонных танков. Поэтому дивизия была вынуждена из длинной походной колонны развернуться фронтом на юг. До 28 июня она отражала атаки противника с южного направления»¹¹.

Хотя эти строки и подтверждают, что мы тогда задержали на четыре дня наступление 19-й танковой дивизии, однако они не отражают действительного положения, в котором она оказалась в то время.

Эта дивизия, кичившаяся тем, что победно прошла Бельгию, Голландию, Францию, впервые встретила серьезный отпор на советской земле, под Трабами и Гольшанами, где мы нанесли по ней несколько сильных ударов. Особенно тяжелые потери нанесла ей наша дивизия 26 июня при отражении ее попыток наступать из района Траб. В тот день были отбиты пять ожесточенных атак, принятых крупными силами фашистских танков с пехотой. На следующее утро дивизионная газета «Красноармеец» вышла с крупным заголовком на всю первую страницу: «Вчера наши подразделения уничтожили 97 танков противника».

И в этом не было никакого преувеличения. Спустя тридцать лет, перелистывая в архиве пожелтевшие листы журнала боевых дей-

¹⁰ Там же, д. 83, л. 9.

¹¹ Г. Гот. Указ. соч., стр. 75.

вий Западного фронта, я нашел такую запись от 26 июня: «Наиболее упорные бои происходили на рубеже Трабы, Суббогники, где 24-й стрелковой дивизии удалось временно задержать противника и нанести ему значительные потери. Уничтожено 127 танков противника (в это количество включены и танки, подбитые дивизией в бою 25 июня.— *К. Г.*), сбито 8 самолетов и захвачены трофеи»¹².

Эти данные существенно дополняют «пробел» в памяти Гота, обнаруживающийся в его послевоенных мемуарах. В них он попытался утверждать, что противостоявшие его войскам соединения Красной Армии, в том числе и наша дивизия, 25—28 июня лишь пытались «пробиться» из окружения¹³. Что же касается потерь, понесенных в те дни 19-й танковой дивизией, то о них он умолчал еще в своем отчете главному командованию вермахта, написанном в июле 1941 г. Но тогда гитлеровский генерал по крайней мере дал более или менее объективную оценку боеспособности советских войск, опровергающую его же собственные послевоенные измышления.

Так, в июле 1941 г. он писал: «Там, где противник встречался, он оказывал ожесточенное и храброе сопротивление... Поэтому бои отличались большей ожесточенностью, чем во время польской кампании или западного похода... Русские солдаты дрались упорно и ожесточенно, повсюду переходили в контратаки, были очень стойки в обороне... Вновь и вновь возникали очаги сопротивления на уже пройденной нами местности...» И еще: «Одиночный советский боец отличался большим упорством, чем русский солдат эпохи мировой войны (первой.— *К. Г.*), что должно быть являлось следствием большевистских идей...»

Таким образом, во время войны генерал Гот в служебных отчетах вынужден был более или менее объективно оценивать боеспособность войск Красной Армии. А спустя одиннадцать лет, в 1956 г., занявшись воспоминаниями, попытался обойти молчанием тот факт, что в первые же дни войны их «прославленная» 19-я танковая дивизия понесла тяжелые потери в результате ожесточенного и упорного сопротивления частей Красной Армии, в том числе нашей 24-й стрелковой дивизии.

Прав он был в одном — именно «большевистские идеи» сплачивали и воодушевляли советских воинов на борьбу с вторгшимся врагом, укрепляли в них упорство и стойкость в обороне, усиливали их удары по противнику уже в те невыразимо трудные и сложные первые дни войны. И эти идеи вселяли в них уверенность в мощь социалистической Родины, в том, что, как бы ни был силен враг, он в конце концов будет разгромлен. Ведь как прав В. И. Ленин, писавший после разгрома Красной Армией Деникина, Колчака, Юденича и войск интервентов: «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани

¹² Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2514, д. 207, л. 47.

¹³ *Г. Гот*. Указ. соч., стр. 75.

КРАСНОАРМЕЕЦ

КРАСНОАРМЬСКАЯ ГАЗЕТА

Пятница, 27 июня 1941 г., № 34

ВЧЕРА НАШИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ УНИЧТОЖИЛИ 97 ТАНКОВ ПРОТИВНИКА.
Метким огнем нашего оружия до конца уничтожим фашистских гадов!

Сообщение советского информбюро

Сей и мои подвижные части противника разбиты и уничтожены в Валдаиском и Барановичском направлениях.

Крупные соединения советской авиации в течение дня вели успешную борьбу с танками противника на всех направлениях. В ходе боев отдельные танковые группы противника удалось прорвать в район Вильно, Ошмян.

Упорные сопротивления и затяжные действия наших танковых войск не только содействовали противнику на эти направлениях отступению от его танковых частей.

Помогая противника продвигаться на Брестском и Львовском направлениях встречать с силой боевое противодействие соединений советской Красной Армии, подполковники и капитаны из разряда офицеров немцев. В результате боя с танками противника сбиты два самолета. Бой продолжается.

Стратегически контратаки наших войск вновь одержаны Перемышлем.

В течение 26 июня на наших направлениях вели бойские дела боевые подразделения танковой армии противника.

На лучшем направлении идут танковые бои.

На северном направлении наши войска успешно отбили наступление противника и не дали ему возможности форсировать реку Прут.

На белорусском направлении наши войска сдерживают наступление противника. Советские авиация бомбардировала Бугурет, Плоцк и Костанув, нефтеперерабатывающие заводы горит.

На советско-финляндской границе дела не меняются.

В Балтийском море наши подводные и военно-морские силы потопили две подводные лодки противника.

В течение 26 июня авиация противника совершила активные

На Черновицком направлении наши войска отбили активные атаки противника, вынудившие форсировать реку Прут.

На Бессарабском участке фронта войска Красной Армии прочно удерживают позиции на восточном берегу реки Прут, успешно отражая многочисленные попытки противника форсировать ее. В районе Сауленя противнику, при его попытке наступить, нанесены значительные потери, его остатки отбрасываются за р. Прут. Значительные потери в румынские авиацию.

Наша авиация нанесла ряд разрушительных ударов по аэродромам противника в Финляндии, бомбардировала Мемель, порывы противника севернее Либавы и нефтепереработку Костанув.

В воздушных боях в отечественном артиллерии за 25 июня сбито 76 самолетов противника, при этом 17 немцев, самолетов не вернулись на свои базы.

В отечественном артиллерии не провалился. В отечественных направлениях одержаны победы, советские войска успешно отбили наступление противника. Данных о количестве потерь советскими уточняются.

В городе Мемель противник пытался произвести переправу через реку Прут, но был отброшен с большими для него потерями.

В местечке Н. (Украина) противник сбросил десант, но он был отбит советскими войсками. Нечаянно Нечаянно сбросил десант полностью уничтожен.

В районе Кузнецов Нечаянно стрелковый полк был окружен противником. Благодаря умелому решению командира полк прорвался и вышел из окружения, сохранив материальную часть в живую силу.

Отличная работа артиллеристов

За вчерашний день нашими частями на одном из боевых участков было расстреляно 97 танков противника. Большим успехом отличились артиллеристы, которые в течение дня вели упорную борьбу с танками противника. Уничтожив наших танков, артиллеристы добились того, что они, не ожидая артиллерии, бросались на танки противника с гранатами и с выстрелами наперевес. Группы боев на подразделениях старшего лейтенанта Никифорова исключительным выстрелом огнем осаждали и смотированные поля фашистских танков, добивались на них захватывали живых много танковых экипажей.

Исключительно отличную работу расстреливали танки с верным снайпером звена полковой артиллерии, которым командовал младший лейтенант Тимохин.

В течение 5 минут орудия, которыми командовали сержанты Минихин и Малуша расстреляли 10 танков, остальные давали туго обороты.

Все бойцы части собственными глазами видели отличную работу своих артиллеристов, продемонстрировавших мужество советского артиллера.

Д. Поляков

Как мы сожгли 18 танков

Батарея, которой в ночь на 26 июня была выставлена на открытую позицию для отрыва ежидельного огня на северном направлении танков.

Случай не заставил себя ждать. Бронированные башни вырвались из лесов, выехали на открытую позицию.

— Огонь! — все 4 орудия дали залп. Далее каждое орудие грозило танкам самостоятельным.

Многие подбиты, сразу трясло, скорректировали огонь. За 15 минут вся батарея выжила на лугу огневую позицию и впиталась прорываться ее вперед и вперед. Вот здесь то мы их и прорвали снайпер. Огонь за другой взор

вался в городе машин от наших артиллеристов. Младший лейтенант Шенников сбил 5 танков, подполковник Шенников 10 танков. Через 30 минут были расстреляны и остальные 18 танков.

В боях отличались командир орудия младший лейтенант Минихин, порывавший один из танков в упор с двух метров, командир орудия Лихов, Митов, Павликов, Галаев, лейтенанты Савилов, Бойкович, лейтенанты Парфенов, Фалалеев, Шенников, Шенников и многие другие бойцы и командиры.

Командир батареи старший лейтенант Тимохин

проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести. Царские генералы говорят, что наши красноармейцы переносят такие тяготы, какие никогда не вынесла бы армия царского строя. Это объясняется тем, что каждый рабочий и крестьянин, взятый под ружье, знает, за что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма. Это осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу»¹⁴.

Верой в наше правое дело и решимостью сражаться за него до последней капли крови были проникнуты советские воины с первого дня войны. И эта глубокая убежденность была тем великим преимуществом, которое позволяло Красной Армии и тогда, и в последующие дни и недели в крайне невыгодных условиях наносить противнику тяжелые потери, постепенно ослаблявшие ударную силу его наступающих группировок.

Ведь уже 11 августа 1941 г. начальник гитлеровского генштаба сухопутных войск генерал Гальдер вынужден был записать в служебном дневнике: «Верховное командование очень ограничено в резервах... Израсходованы наши последние силы... На фоне общей обстановки все явственнее вырисовывается, что русский колосс был недооценен нами»¹⁵. К тому же времени, как писал генерал Гудериан, в кругах гитлеровского высшего командования начали понимать, что вследствие все возрастающего сопротивления Красной Армии и тяжелых потерь немецко-фашистских войск на Восточном фронте цели, намеченные на период до 1 октября 1941 г., недостижимы¹⁶.

Первые трещины в планах врага явственно обозначились еще в те июньские дни, когда он, казалось, свершил задуманное — прорвал наш фронт обороны на границе и быстро продвигался вглубь страны. Да, быстро, но не настолько, чтобы полностью дезорганизовать нашу оборону. И далеко не везде, где ему этого хотелось. На многих участках фронта его ударные группировки встретили упорное сопротивление, теряли живую силу и технику, наконец, время. А каждое уничтоженное его подразделение, оружие, каждый подбитый танк, каждый выигранный нами дорогой ценой день и даже час были огромным вкладом в дело мобилизации всей страны на отпор врагу, на его разгром.

И не раз впоследствии с законной гордостью думали воины 24-й Железной стрелковой дивизии о том, что в это великое дело и они внесли свой посильный вклад, нанеся поражение и задержав не менее чем на четыре дня наступление 19-й танковой и части сил 18-й моторизованной дивизий противника.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 121.

¹⁵ Generaloberst Halder. Kriegstagebuch. Stuttgart, 1963. Aufzeichnung von 11. VIII 1941.

¹⁶ H. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951, S. 167.

Вынуждены отходить

К исходу дня 28 июня на командный пункт дивизии прибыл начальник оперативного отдела штаба корпуса подполковник Г. Н. Регблат. Он сообщил, что связь со штабом фронта установлена. Получена радиограмма за подписью Военного совета фронта, содержащая приказ отходить на Любчу, Кореличи, Столбы¹⁷. В связи с этим генералом Борисовым принято решение вывести корпус из боя, прикрываясь сильными арьергардами, и сосредоточить его на линии старой государственной границы. Мне Г. Н. Регблат передал следующий приказ: 24-й стрелковой дивизии совершить марш и сосредоточиться за линией границы в районе Бакиново, Рабцевшизна (10—15 км юго-западнее Дзержинска).

— Отходить будете,— добавил он,— вместе с 8-й противотанковой бригадой полковника Стрельбицкого.

Нелегко было примириться с мыслью о том, что дивизии сразу же после успешного наступления приходится отходить. Но слишком очевидна была неизбежность этого в условиях угрозы окружения, нависшей и над нами и над многими другими соединениями, сражавшимися не только южнее, но и восточнее.

В тот же вечер мы с начальником штаба составили план выхода частей из боя и наметили маршруты движения к старой государственной границе.

Любопытно, что при этом отчасти пригодилась одна из листовок, сброшенных вражескими самолетами. В ней содержалось следующее обращение к нам: «Вы окружены со всех сторон. Ваше положение безнадежно. Сдавайтесь в плен!» Разумеется, это приглашение нас меньше всего интересовало. Зато напечатанную на той же листовке схему окружения советских войск к западу от Минска я рассмотрел очень внимательно. Сравнив ее с данными, сообщенными подполковником Регблатом после установления радиосвязи со штабом фронта, я увидел, что на схеме, как и следовало ожидать, успехи фашистских войск намного преувеличены. И все же в целом она могла служить для нас ориентиром при отходе на восток.

К тому времени, когда мы закончили с маршрутами, на командный пункт дивизии в лесу восточнее Субботников прибыли вызванные мною командиры частей, их замполиты и работники штабов.

Войдя в палатку, где они собрались, и здороваясь, я внимательно приглядывался к боевым товарищам, с которыми предстояло пройти нелегкий путь отступления. Все выглядели усталыми, осунувшимися, в запыленных гимнастерках. Сказывались тяжелые бои последних дней. Но радостно было видеть, что ни в одном не чувствовалось подавленности, неуверенности. Напротив, во взглядах читалось чувство исполненного воинского долга, гордости за себя, за бойцов, не посрамивших своего оружия, готовности выполнить любой боевой приказ, как этого требуют партия, Родина. Почти половина при-

¹⁷ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 11.

существовавших была с перевязками. Это те, кто, будучи ранены, остались в строю.

Решили начать с главного.

— Сегодня фашистские танковые части в ожесточенном бою ворвались в Минск, — сказал я. — Наша дивизия находится в окружении врага, почти в 200 км от линии фронта. Разведкой захвачено в плен много фашистских офицеров с документами. У одного из пленных, офицера связи, отобран секретный приказ командира 57-го танкового корпуса, которым ставится задача «...19-й танковой и 18-й моторизованной дивизиям решительными действиями 29 июня разгромить русских в районе Трабы, Юратишки и к 1 июля сосредоточиться в Вишнево, Воложин, где привести себя в порядок, принять пополнение личного состава, технику и вооружение». Из этого приказа и показаний пленных видно, что фашисты планируют завтра с двух сторон нанести удар по нашей дивизии, после чего двигаться на восток. Мы с честью сражались во имя Родины. Неужели же позволим проклятым фашистам истребить нас?

Ответ был единодушен:

— Ни за что!

— Так слушайте! Мы будем с боями отходить в сторону фронта, на соединение с Красной Армией. Переходим на положение части, воюющей в тылу врага. Об этом нужно прямо и открыто сказать сейчас же всем бойцам. Отныне мы будем действовать партизанскими методами, вредить фашистам, не давать им покоя ни днем, ни ночью, изматывать и бить нещадно. Никакой паники! Примером для всех будут коммунисты и комсомольцы! 29 июня продолжать удерживать занимаемые позиции, вести огонь, скрытно готовясь к отходу. Отход на восток начать в час ночи 30 июня через Налибокскую Пуцу в направлении Юратишки, Бакшты, Налибоки, Рубежовичи, Негорелое. К 5 июля сосредоточиться в лесах в районе Узды.

Затем по своей карте поставил полкам конкретные задачи:

— Отходить будем двумя колоннами, имея впереди разведывательный батальон дивизии. В северной колонне первыми пойдут 7-й стрелковый полк с 160-м пушечным артиллерийским полком. Им надлежит, прикрываясь полковой разведкой, отвести главные силы с передовых позиций и начать прорыв в направлении Трабы, Бакшты, Ивенец, Дзержинск. За ними следуют штаб дивизии, зенитный и противотанковый дивизионы, саперный батальон и тылы 168-го стрелкового полка. В южной колонне пойдут 274-й стрелковый и 246-й гаубичный артиллерийский полки. Их задача к часу ночи 30 июня оторваться с запада и юга от противника и ударом на восток прорваться в направлении Субботники, Юратишки, Лелюки, Налибоки, Негорелое, Узды. За ними двинутся тылы дивизии, танкового батальона и артиллерийских дивизионов.

И особо о прикрытии отхода:

— Арьергард дивизии — в составе 168-го стрелкового полка со сводным танковым батальоном, двумя артиллерийскими дивизионами

и двумя артиллерийскими батареями 8-й артиллерийской противотанковой бригады. Командиру полка подполковнику Портнову в половине второго ночи на 30 июня на 5-километровом фронте обороны пятью-шестью взводами с танками при поддержке артиллерийского огня атаковать противника с целью дезинформации его, а главными силами начать отход в полосе дивизии, прикрывая выход ее из окружения.

Затем выступил батальонный комиссар М. С. Корпак. Он говорил:

— Заместителям командиров частей через партийные организации разъяснить всему личному составу временный характер тех больших трудностей, которые возникли перед нашей Родиной в связи с вероломным нападением фашистской Германии. Рассказать, что мы оказались в глубоком тылу противника. Напомнить о славных традициях нашей боевой 24-й Железной дважды Краснознаменной дивизии, которая в годы гражданской войны преодолевала огромные трудности и побеждала. Мобилизовать личный состав на выполнение задач, поставленных командиром дивизии, — с боями организованно выйти из окружения, никого не оставляя в тылу противника, перейти линию фронта и соединиться с частями Красной Армии. Разъяснить в частях и подразделениях, а также местному населению, что отступление наше временное, что Красная Армия разобьет фашистов и вернется сюда.

В заключение М. С. Корпак сказал:

— О всех командирах и красноармейцах, отличившихся в боях с противником, доводить до всего личного состава устно, через боевые листки и дивизионную газету, по возможности подробно рассказывая об их подвигах. Тех, кто ранен, но желает и может сражаться, оставить в строю. Всех тяжелораненых вывезти с собой на транспорте частей и тыла дивизии. Помните: сам погибай, а товарища выручай!

Отвечая на заданные вопросы, я дал командирам частей еще ряд указаний. Прежде всего, все передвижения вести только ночью, день же использовать для укрытия войск и тылов в лесах, отдыха, приведения частей в порядок, ведения разведки. В тех случаях, когда враг будет навязывать нам бой, приказал стремиться уводить основные силы войск и тылы из-под удара, а если это окажется невозможным — смелыми, решительными действиями пробивать брешь в боевых порядках противника, организованно выводить подразделения и обозы в указанных направлениях.

— Нам предстоят трудные и продолжительные ночные марши в течение не менее трех недель, — продолжал я. — Облегчить выполнение этой задачи можно лишь поддержанием железной воинской дисциплины. Связь между полками и со штабом дивизии поддерживайте непрерывно, используя трофейные мотоциклы, броневики и автомобили, а также линии местной телефонной связи. В особых случаях разрешаю по радио передавать короткие сигналы по таблицам связи. Командирам частей строго придерживаться правила: ввязался в бой с противником или расположился к утру на отдых —

немедленно донеси штабу дивизии и соседям, сообщив свои координаты.

На вопрос о порядке снабжения я ответил, что с 30 июня дивизионные тылы прекращают подвоз частям боеприпасов, продовольствия, фуража и горючего из-за полного отсутствия их на складах. Все это мы отныне должны будем добывать либо из расположенных по пути государственных складов, либо у противника, громя его обозы. О том, чтобы отбирать что-либо у населения, разумеется, не могло быть и речи.

В палатке стояла тишина. Видно было, что каждый уже думает, как организовать отход войск.

— В течение 29 июня буду у каждого командира полка на ваших командных пунктах, — сказал я, — там заслушаю решения на вывод частей из окружения. Напоминаю, что завтра ожидаются очень тяжелые бои. Не допускайте, чтобы противнику удалось расчленить нас на части. Крепче взаимодействуйте друг с другом, решительно, бесщадно уничтожайте врага, вклинившегося в наши боевые порядки.

Тут я вспомнил и привел присутствовавшим афоризм, высказанный одним из вдохновителей военной интервенции в нашу страну в 1919 году премьер-министром Англии Ллойд-Джорджем в одной из его речей: «Россия — страна, в которую легко войти, но из которой очень трудно выбраться»¹⁸.

Тепло попрощавшись со всеми, посмотрел на часы. Было 23 часа 15 минут.

Что ждало нас впереди?

С боями — на восток

Поздно вечером 29 июня главные силы дивизии по двум маршрутам стали отходить на юго-восток, в общем направлении на Бакшты, Налибоки. Впереди них двигался высланный мною еще во второй половине дня разведывательный батальон. Как только передовые подразделения частей перешли железную дорогу Богданово — Лида, на востоке по всему горизонту зажженные немецкими авиабомбами загорелись деревни и хутора. Фашистская авиация не переставала действовать ни на час. В течение всей ночи самолеты-разведчики, сбрасывая осветительные бомбы, пытались определить направление нашего отхода. Но пока ударов немецкой авиации по колоннам не было, и части дивизии втянулись в северо-западную опушку Налибокской Пуци.

После этого в 2 часа ночи я из головы колонны проехал на броневике к арьергарду.

Подполковник С. И. Портнов доложил, что стрелковые взводы лейтенантов К. В. Тимохина, К. И. Семенова, С. Д. Пекова,

¹⁸ «Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов», т. 2. М., 1961, док. № 16, стр. 40.

Г. Е. Ивашкина и Д. И. Хренъко вместе с танками атаковали противника на разных направлениях. Вызвав панику среди гитлеровцев, уничтожив многих из них, четыре взвода успели отойти. Пятый же под командой лейтенанта Хренъко также выполнил с честью задачу, но попал под сильный артиллерийский огонь и понес потери. Два танка Т-26 сгорели. Главные силы полка, сказал С. И. Портнов, оставили рубеж рек Клева и Гавья и отошли южнее линии Трабы — Субботники.

В свою очередь я сообщил ему о движении главных сил дивизии и услышал от него, что полк обеспечит им отход, выполнив свою задачу. Иного ответа от боевого командира я и не ожидал.

К рассвету 30 июня главные силы дивизии, совершив 30—40-километровый ночной марш, вышли на рубеж Березины — одного из правых притоков Немана. Сюда же подтягивались части 37-й стрелковой дивизии. Глубина Березины здесь в середине лета небольшая, и река не представляла собой значительного препятствия для пехоты. Для переправы же боевой техники можно было использовать лишь один-единственный мост у села Бакшты.

Надеясь, что в лесу войска достаточно скрыты от фашистской авиации, части дивизии начали переправляться через Березину. Но мы не учли, что река для летчиков — хороший ориентир, а лес скрывает подлет вражеских самолетов. Между тем едва рассвело, как в воздухе появились «юнкеры». Пикируя вдоль реки, они наносили бомбовые удары и буквально поливали пулеметно-пушечным огнем переправлявшиеся через Березину передовые подразделения.

Бойцы вброд форсируют р. Березину

Немало бойцов было убито и ранено, разбиты и сожжены десятки автомашин и орудий. Мост был взорван несколькими прямыми попаданиями авиабомб.

Но и оставаться на месте мы не могли. Поэтому части дивизии продолжали переправляться на восточный берег на плотах и подручных средствах. Зенитный дивизион капитана В. К. Мочульского и все зенитные роты счетверенных пулеметных установок полков сплошной завесой пулеметно-артиллерийского огня отражали непрерывные налеты немецко-фашистской авиации. За короткое время они сбили три вражеских самолета, а главное — не позволяли фашистам бомбить наши части с малых высот.

За несколько часов саперному батальону капитана Н. И. Балкирова удалось навести легкий временный мост, и по нему бесконечной лентой двинулись обозы. Артиллерию всех калибров и автомашины перетягивали тросом по дну реки тракторы гаубичного полка.

В это время мы слышали со стороны западной опушки Налибокской Пущи отдаленные артиллерийские выстрелы. Вскоре они перешли в несмолкаемую канонаду. Тысячи бойцов и офицеров дивизии с надеждой вслушивались в грохот далекого боя.

— Наши бьют.

Да, это действовал наш арьергардный полк, обеспечивая отход частей дивизии.

Под грохот его орудий мы переправились через реку и заняли район для обороны в лесу. И вскоре слышали иной гул, характерный для тяжелых самолетов.

Их приближение не было для меня неожиданным. Еще накануне командир разведывательного батальона дивизии майор И. Т. Шукла доложил, что на пути нашего следования замечен в воздухе фашистский самолет, с подозрительной настойчивостью круживший над одной из лесных полян. «Возможно, враг высматривал место для высадки десанта,— подумал я тогда,— чтобы отрезать дивизии путь на юго-восток». И теперь я почти не сомневался, что идут самолеты с десантом. По взятому ими направлению можно было предположить, что противник намеревается перехватить единственную проселочную дорогу, идущую на Налибоки среди болот Налибокской Пущи.

Туда я и выслал немедленно роту стрелков, а майору Шукле приказал направить вслед за ними часть сил его батальона. Вскоре он доложил, что стрелки, разведрота старшего лейтенанта В. Н. Кашеева и бронерота старшего лейтенанта П. А. Леонова окружили поляну — предполагаемое место высадки вражеского десанта.

Гул самолетов нарастал. Впереди летел разведчик, за ним девять транспортных машин — большие, широкие двухмоторные машины, размалеванные черной и желтой краской, с крестами и свастикой на плоскостях, хвостовом оперении и по бокам раздутого фюзеляжа. Шли на малой высоте, видимо, считая себя хозяевами положения. Разведчик сделал разворот над поляной. Транспортные машины повторили его маневр.

— Приготовиться к открытию огня по десанту, — негромко командует Кащеев.

На подходе к поляне на высоте 400—500 м разверзлось черное брюхо первого самолета. Под фюзеляжем появилось клочковатое облако. Но это не дым. Это грязно-зеленые парашюты и десятка полтора десантников, которые вывалились из нижних люков самолета. За ними выбросилась вторая группа. Вот надулись купола, натянулись стропы. Диверсанты болтались в воздухе.

— Огонь! — с ожесточением выкрикнул Кащеев.

И сам дал первую очередь из автомата по парашютистам. Огонь десятков автоматов и пулеметов брочероты взмыл ввысь. Пули, как пожар, распаривают вражеские парашюты, которые, точно лопнувшие пузыри, сразу превращались в сморщенную пленку и быстро падали на землю со своим «грузом». Некоторые парашюты плавно опустились на поляну, но под ними оказались лишь трупы прошитых пулями фашистов. А самолеты продолжали выбрасывать парашютистов, и многим из них удалось опуститься невредимыми.

Завязался бой. Фашисты яростно защищались, пытались организовать круговую оборону. Но положение их было безнадежным, в отчаянии они бросились в атаку и были почти полностью уничтожены пушечным и пулеметным огнем. Лишь нескольким десяткам фашистов удалось прорваться сквозь наши засады и разбежаться по лесу. На поляне осталось 80 трупов вражеских парашютистов. Попытка противника отрезать нам пути отхода и внезапным ударом заставить свернуть на другое направление провалилась¹⁹.

Следующие несколько суток дивизия продвигалась по лесам и болотам Налибокской Пуци на восток, не встречая серьезного сопротивления гитлеровцев. Все, что пыталось преградить нам дорогу, мы сравнительно легко сбивали и шли дальше, на соединение с частями Красной Армии. Но до них было еще далеко. А пока путь наш лежал на Узду, Шацк. Там, судя по нашим разведывательным данным, да и по уже определившейся тактике гитлеровских захватчиков, наступавших главным образом по основным магистралям, мы меньше всего могли встретить крупные силы врага.

К старой государственной границе подошли утром 3 июля в районе Рубежовичи. Светало. Впереди лежала линия укреплений, добротного сделанных здесь нашими войсками много лет назад. Не обнаружив признаков присутствия крупных сил противника, наша разведка ушла вперед. Когда же вслед за ней двинулись главные силы дивизии, укрепления внезапно ожили. Оказалось, что они захвачены гитлеровцами, которые и обрушили на нас шквал минометного и артиллерийского огня. Наша пехота залегла.

Принял решение прорываться с боем. Но несколько атак, принятых нами в то же утро, были отражены противником. Вскоре мы получили данные разведки, из которых явствовало, что перед нами части 17-й танковой дивизии врага.

¹⁹ А. Поляков. В тылу врага. М., 1941, стр. 31—34.

Впоследствии я узнал, что она входила в состав войск, образовавших внутренний фронт окружения наших соединений, которые оказались во вражеском кольце к западу от Минска. Для ликвидации окруженных немецко-фашистское командование выделило крупные силы — двадцать одну дивизию. И одна из них теперь преграждала нам путь на восток.

Вновь прорываться здесь или разведать иные пути для выхода из окружения? Мои раздумья прервал проезд генерал-майора В. Б. Борисова. Прибыв на командный пункт дивизии и выслушав мой доклад, он приказал прорвать фронт противника утром 4 июля и, продвигаясь в направлении г. Узда, вывести за собой из окружения следующие за нами 37-ю стрелковую дивизию и штаб корпуса²⁰.

Проводив командира корпуса, решил начать с тщательного изучения местности и противника.

Командный пункт нашей дивизии находился тогда в густых дубовых зарослях старинного кладбища, расположенного на высоте к юго-западу от Рубежовичей. К востоку от этого местечка простиралась на 2—3 км открытая местность. За ней вдоль старой государственной границы тянулся хвойный лес, скрывавший передний край и глубину расположенного здесь Минского укрепленного района. Таким образом, атакуя с запада, мы были полностью на виду у противника, он же оставался скрытым от нас. Только вспышки пулеметных очередей и орудийных выстрелов могли указать местонахождение дотов, занятых врагом.

Нам предстояло прорывать организованную оборону немецко-фашистских частей, засевших в наших же старых дотах укрепленного района. Обидно, конечно, но на войне бывают и не такие парадоксы. И сейчас нужно было думать не о них, а о том, как вскрыть расположение огневых средств врага, систему его огня, особенно артиллерийского.

С этой целью по предложению полковника Добронравова приказал несколькими отдельными орудиями, непрерывно менять огневые позиции, всю вторую половину дня почаще обстреливать фашистов, чтобы вызвать их огонь и засечь вражескую артиллерию. Одновременно разведке была поставлена задача уточнить передний край обороны противника.

Когда же начали поступать первые разведывательные данные и результаты наблюдения, мы с начальником штаба и начальником артиллерии дивизии засели за карту, чтобы спланировать наступление.

В поисках лучшего из возможных вариантов прорыва я попытался мысленно представить себе завтрашнюю атаку. Подумалось о том, что неудача, постигшая нас сегодня утром, — результат того, что мы не учли особенностей вражеской обороны, опиравшейся на укрепленный район. Теперь мы их знали, но у нас не было нужного количества тяжелых танков и артиллерии крупных калибров, без которых созда-

²⁰ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 9.

ние штурмовых групп для овладения дотами могло оказаться бесполезным. Значит, тактика прямолинейного прорыва здесь не годится, надо искать другой выход — таков был наш вывод.

После обсуждения обстановки с замполитом и начальником штаба мною было принято решение нанести удар там, где противник меньше всего его ожидает. Если сегодня утром мы наступали строго на восток в направлении Негорелого, то завтра ударим на юг, на Столбцы, а затем уже повернем на восток и выйдем в район г. Узда. Для этого нужно было перегруппировать полки фронтом на юг, прикрывшись с востока, затем ночью вывести их в исходное положение и на рассвете внезапно атаковать с ходу. Маневр довольно сложный, но только он мог обеспечить внезапность и успех наступления.

По условиям обстановки быстро поставить задачи командирам частей и увязать все вопросы взаимодействия между ними в ходе предстоящего маневра и наступления можно было лишь в том случае, если собрать их на командном пункте дивизии. Так мы и сделали, и это не только сэкономило много времени для подготовки, но и, как увидим далее, способствовало новому подъему боевого духа всего личного состава дивизии.

Итак, командиры частей и их замполиты, вызванные заранее, собрались днем на командном пункте дивизии. Их доклады подтвердили, что, несмотря на некоторые потери в предыдущих боях, части вполне боеспособны и достаточно укомплектованы за счет выходявших из окружения из районов Гродно и Белостока групп командиров и красноармейцев. Затем я дал указания по организации боя на следующий день. Согласно принятому мною решению боевой порядок дивизии строился в два эшелона. В первый из них назначались 168-й, 274-й стрелковые полки и танковый батальон, поддерживаемые всей артиллерией дивизии.

Поставив им, а также остальным частям конкретные задачи и назначив атаку на 4 часа 4 июля, я перешел было к последним указаниям.

Но в это время тихо прозвучали знакомые нам всем позывные. В углу палатки стоял радиоприемник. И сидевший рядом начальник политотдела Заславский, включив наушники, слушал Москву, чтобы не пропустить последнюю сводку с фронтов. Когда зазвучали позывные, он переключил на динамик, вопросительно глядя на меня. Я кивнул, и едва он прибавил звук, как диктор произнес:

— Слушайте важное сообщение.

А вслед за тем начал говорить И. В. Сталин. Это была его речь по радио 3 июля, в которой партия со всей ясностью сказала о нависшей над Родиной смертельной опасности, о том, что «дело идет... о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение»²¹.

²¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, стр. 23.

Партия, от имени которой говорил И. В. Сталин, понимала, что суровая, но правдивая оценка положения не вызовет уныния и паники в сердцах советских людей. Наоборот, трудности обстановки как бы подтягивали, поднимали на новые боевые и трудовые подвиги во имя нашей социалистической Родины, над которой нависла такая угроза. Партия была уверена, что народ в эти трудные дни мобилизует все свои силы на сокрушительный отпор врагу.

Выслушав выступление И. В. Сталина, которое помогло нам уяснить общую военно-политическую обстановку, мы продолжали свою оперативную работу.

— Немецко-фашистское командование, — сказал я в заключение, — видимо, строит свои расчеты на внезапности первоначального удара, невыгодно сложившемся для нас соотношении сил и на удачах первых дней войны. Но упорные и ожесточенные оборонительные боевые действия частей Красной Армии ведут к затуханию этих первоначальных успехов. Надо иметь в виду, что начальный период войны является тем отрезком времени, в течение которого заканчивается определенный этап событий как в стратегическом, так и политическом планах. Теперь посмотрим, как развернулись события. Немцам не удалось в пограничных сражениях первых дней войны уничтожить наши войска. У нас еще огромные резервы. Весь советский народ поднялся на защиту своей Родины. Надо полагать, что наше Верховное Главнокомандование примет дальнейшие меры по защите и организованному отражению нападения, используя такие естественные рубежи внутри страны, как реки Березина, Днепр и другие.

Расходились под сильным впечатлением выступления И. В. Сталина. Все мы стали как-то ближе друг к другу. Нас объединяла одна цель, поставленная перед всем советским народом. И яснее представлялось, что предстоявшая нам задача — прорваться из окружения и соединиться со своими — тоже была частицей всего того огромного дела, которое нужно было свершить во имя грядущей победы.

Отпустив командиров частей, я собрался ехать к командиру корпуса, чтобы доложить план боя. Смотрю, к палатке приближается знакомая фигура — высокий статный полковник. Да ведь это Константин Федорович Скоробогаткин! Он в каске, в выгоревшей измятой гимнастерке, лицо усталое, осунувшееся. Но как всегда бодр, подтянут. Идет, поглядывая на старые могилы. «Значит, выстояли и выходят из окружения из района Гродно», подумал я.

— Удачное выбрали вы местечко для КП, — здороваясь, пошутил он. — Убьют — можно и похоронить по всем правилам.

Мы оба рассмеялись. Затем начались взаимные вопросы. Константин Федорович рассказал о боевых действиях войск 3-й армии в районе Гродно. Потом, вздохнув, продолжал:

— 26 июня в Скиделе генерал В. И. Кузнецов поставил мне задачу отвести остатки 85-й стрелковой дивизии вначале на рубеж р. Свислочь, затем на Зельвянку, Щару и далее на Новогрудок. Туда отходил, прикрываясь с севера Неманом. В дальнейшем двинулись по южной опушке Налибокской Пущи, переправились через Неман

у Еремичи и вышли, как и вы, к Рубежевичам, только к северо-востоку от местечка, тоже в леса. В составе отряда имеем четыре стрелковых батальона, артиллерийский дивизион и кавалерийский эскадрон пограничников. Будем прорываться.

Узнав, где будет действовать его отряд, я сообщил направление нашего завтрашнего удара. Договорился о местах встречи делегатов связи для организации взаимодействия. Затем он поспешил к себе, а я — к командиру корпуса.

Возвратившись, застал подготовку к наступлению в полном разгаре. А когда стемнело, части начали перегруппировку в соответствии с планом. В течение ночи они заняли исходное положение для наступления.

Напряженно ждем утра. Наконец, начало светать.

В 4 часа утра на главном направлении 168-й стрелковый полк с танковым батальоном после короткого артиллерийского налета перешел в наступление. Впереди все покрылось разрывами снарядов. Под прикрытием артиллерийского огня танкам КВ и Т-34, а за ними Т-26 и трофейным Т-III удалось приблизиться к шоссе Столбцы — Дзержинск. Казалось, до него теперь рукой подать. Но пехота, отрезанная от своих танков артиллерией гитлеровцев, уже залегла. Сильный огонь не давал возможности преодолеть даже небольшое расстояние. Атака вот-вот могла захлебнуться. И тогда поднялись передние цепи, в которых, как всегда, шли коммунисты. С возгласом «За Родину!» они рывком догнали танки, увлекая за собой остальных бойцов.

Это и обеспечило успех. Танки и пехота преодолели оборону врага и устремились вперед.

Во время прорыва мы с полковником Добронравовым и несколькими работниками штаба шли за боевыми порядками 168-го стрелкового полка, управляя сосредоточенным огнем всей артиллерии дивизии, чтобы своевременно подавать вражеские батареи. Вокруг свистели пули, визжали осколки снарядов. Мелькнула мысль: делаю что-то не так. Одна шальная пуля, и потеряю возможность управлять боем. Так случилось со мной летом 1919 г. Правда, в то время я был командиром батальона, а ныне — командир дивизии. Но, очевидно, дело не в масштабе. И тогда и теперь обстановка диктовала оставаться там, где я был.

В течение дня мы с тяжелыми боями продвинулись вперед на 16 км, выбили немцев из г. Узда. К сожалению, у нас очень мало боеприпасов. И главным образом из-за этого в условиях ожесточенного сопротивления врага мы понесли значительные потери в людях и особенно в боевой технике: осталось всего два танка КВ и пять Т-34.

Но все части дивизии вышли за пределы первого кольца окружения. И хотя их ряды поредели, успех радовал бойцов и командиров, понимавших, что цель — соединение с войсками Красной Армии — стала намного ближе. И каждый жил одной мыслью: быстрее достичь этой цели, уничтожить на своем пути побольше врагов, а затем вместе со всей Красной Армией продолжать бить фашистов во имя их изгнания с родной советской земли.

Прорыв в Полесье

После ночного марша части дивизии сосредоточились в лесах южнее г. Узда, прикрытых реками с болотистыми поймами — Неманцем с запада и Лошей с востока. Полки приводили себя в порядок, вновь пополнялись выходившими из окружения группами красноармейцев других частей, перевооружались немецким трофейным оружием, готовили обозы, используя захваченные немецкие повозки. Местные жители оказывали нам всяческую помощь: ухаживали за ранеными, перевязывали и кормили их.

Прежде всего следовало выбрать направление дальнейшего движения. Мне было известно, что к этому времени немецко-фашистские войска вели боевые действия в междуречье Березины и Днепра. Стало ясно, что двигаться нужно к первой из этих рек, а затем ко второй. До Березины было более 120 км, а там еще около 250 до Днепра. Продвигаться предстояло по тылам противника, с боями. Следовательно, можно было рассчитывать, что в среднем за сутки мы сможем преодолевать 25—30 км, не больше. Иначе говоря, на все требовалось в лучшем случае до 12 суток.

Исходя из такого расчета, я и приказал начальнику штаба дивизии спланировать наши дальнейшие действия в соответствии с этим. Нужно было также взять на учет все наши скудные продовольственные ресурсы и боеприпасы, установить жесткий режим экономии. Осуществить эту задачу нам помогла царившая во всех частях высокая дисциплина. Каждый отчетливо представлял, что без нее мы не сможем пройти сотни километров по вражеским тылам.

С утра 5 июля организовали усиленную разведку. Полковых разведчиков переодели в немецкую форму. Передвигаясь в таком виде на трофейных мотоциклах, они добыли немало ценных сведений. Большую помощь разведке оказывали и местные жители, особенно старики. Многие из них по нашей просьбе ходили в населенные пункты, занятые фашистами, чтобы выяснить их расположение и силы.

К вечеру разведчики 168-го стрелкового полка под командованием младшего лейтенанта В. Д. Седова, организовав на дороге засаду, подбили немецкий броневик и захватили в плен офицера. У него нашли приказ командира 47-го моторизованного корпуса от 4 июля, непосредственно касавший нас. Он требовал от командира 29-й моторизованной дивизии, находившейся в районе Столбцы, воспрепятствовать прорыву русских частей, окруженных юго-западнее Минска, и совместно с 1-й кавалерийской дивизией, прибывшей в район восточнее Слуцка, разгромить и уничтожить их.

В этот и последующий дни разведчики дивизии захватили в плен еще несколько немецких офицеров, а также немало солдат различных родов войск и служб. Их показания вновь подтвердили, что в результате непрерывных боев с частями Красной Армии враг несет большие потери. Изъяли у пленных и немаловажные для нас документы.

Изучив их, а также данные, доложенные разведчиками, я понял, что мы вновь оказались в весьма затруднительном положении. На

востоке немцы организовали оборону вдоль шоссе Минск — Слуцк. На севере и юге по шоссейным дорогам в направлении Минск — Борисов и Слуцк — Бобруйск двигались потоком танковые и моторизованные войска 47-го моторизованного и 24-го танкового корпусов. Если пробиваться на восток — надо опять прорывать оборону врага, а снаряды на исходе. Попытаться глубоко обойти оборону с севера и юга — рассредоточим усилия, будем бить растопыренными пальцами. Значит надо нанести удар всеми силами дивизии, прорываясь в одном направлении. Но в каком?

Дивизии грозила смертельная опасность. Думаю, что это понимали все наши командиры и красноармейцы. Тем более, что немцы снова сбросили такие листовки: «Ваше положение окончательно безнадежно. Вас окружает наша броневая и огневая стена. Сдавайтесь в плен». Но я хорошо знал, что чем тяжелее и опаснее положение, тем сильнее воля наших воинов к сопротивлению. В этом было наше самое главное преимущество перед численно превосходящими в три-четыре раза силами и средствами врага.

Однако одной воли к борьбе было мало. Требовалось сочетать ее с таким решением, которое позволило бы уйти от врага и сохранить силы. И это решение было найдено. Но прежде, чем принять его окончательно, думал я, нужно послушать мнение командиров частей и их заместителей по политической части. Так считал и М. С. Корпняк. Такой вывод был подсказан и тем, что наш командный и политический состав имел уже известный опыт борьбы с врагом в труднейшей обстановке, и тем, что он показал себя в этих боях зрелым, способным умело использовать условия, осуществлять сложный маневр, действовать решительно и смело.

Три часа дня 6 июля. На командном пункте дивизии, на берегу заросшего осокой болота, провожу совещание с командирами частей и их заместителями. Рассказал о создавшейся оперативной обстановке, об отсутствии связи с командованием корпуса, о положении дивизии и окружающем нас противнике. Затем объяснил: если пробиваться на восток, в общем направлении Марьино Горка, Быхов, то придется, возможно, вести непрерывные боевые действия с танковыми частями, главные силы которых наступают на могилевском направлении в полосе Борисов — Осиповичи. Кроме того, в этом случае части дивизии должны преодолеть Березину, а переправочных средств у нас нет. Наконец, боеприпасы и горючее на исходе.

— Если же пойдем на юг, в Полесье, — перешел я к тому решению, о котором думал последние часы, — то в районе Слуцка нас могут встретить лишь части кавалерийской дивизии противника, которые мы в состоянии разгромить. Но зато тяжело будет продвигаться по бездорожью, лесными тропами и топкими болотами. Мне они знакомы еще с тех пор, когда по долгу службы преподавателя истории гражданской войны в Военной академии имени М. В. Фрунзе я совершал вместе со слушателями полевые поездки в районы Полесья. Кстати, в годы гражданской войны в Полесье активно действовали наши партизаны, которых белогвардейцы так и не смогли уничтожить. Уже

тогда это был «партизанский край». Таковы «плюсы» и «минусы» этого варианта. А теперь давайте обсудим и решим, в каком направлении и в каком порядке нам следует двигаться дальше. Предлагаю всем высказать свое мнение.

На совещании присутствовало 14 человек. Велся протокол, который писал мой заместитель по политической части М. С. Корпяк. Первым попросил слова подполковник А. В. Пасюков.

— 7-й стрелковый полк, — сказал он, — все это время сражался неплохо, но сейчас люди устали и продолжать двигаться в таком же темпе с боями очень трудно. В полку осталось в строю около тысячи человек. Я предлагаю пробиваться через фронт отдельными группами по 30—50 человек.

С ним не согласился подполковник С. И. Портнов. Он был краток:

— Боеприпасов в полку очень мало. Но пока полк вместе — мы боевая сила и можем продолжать драться.

Примерно в таком же духе высказались еще несколько человек. После них выступил майор З. Д. Подорванов.

— Противник сплошного фронта не имеет, — говорил начальник штаба дивизии. — Он занимает главным образом дороги, населенные пункты, железнодорожные станции, ведет патрулирование вокруг них. В районе, в котором мы сейчас действуем, имеются большие гарнизоны противника. Отсюда надо уходить скорее. Тяжелую артиллерию придется оставить, так как у тракторов-тягачей нет горючего. Остальное вооружение взять с собой и попытаться пройти через Полесье небольшими отрядами.

Внимательно выслушав выступивших, я увидел, что почти все были за организованный выход дивизии из окружения. Причем никто не высказался против движения на Полесье. Да и в сущности путь туда был для нас единственно возможным. Вместе с тем выступления командиров и замполитов показали, что, несмотря на усталость, моральное состояние личного состава было высоким. Все воины дивизии хотели одного: вырваться из окружения с оружием в руках, соединиться с главными силами Красной Армии и вместе с ними продолжать борьбу.

Еще раз все взвесил. Подумал и о том, что путь на юг, через Полесье, долгий — 250 км, но на восток до Днепра — еще больше. Обстановку и силы противника мы знали только на глубину 30—50 км. Что ж, будем вести разведку, да и местное население поможет нам в этом.

В заключение я объявил свое решение, которое и было записано М. С. Корпяком, затем подписано мной и всеми участниками совещания. Спустя много лет после окончания войны я разыскал эту запись. Вот она: «В связи с тем, что части ведут непрерывные бои, совершая большие переходы, бойцы сильно переутомлены. Части дивизии не имеют снарядов, патронов и продуктов питания. Прорываться на восток с непрерывными боями дивизия не может. Уничтожить всю тяжелую материальную часть. Остальными силами пробиваться на соединение с Красной Армией».

Отданный мною тут же приказ гласил: организованно прорываемся на юг, идем через Полесье тремя отрядами, каждый в составе стрелкового полка с двумя-тремя батареями 160-го пушечного артиллерийского полка; управление осуществляет командование дивизии, но при необходимости отряды действуют самостоятельно; танки, гаубицы и всю тяжелую технику уничтожить; на каждые сутки перехода командиры полков получают частный приказ и схему маршрута с легендой.

Приказ был встречен общим одобрением. Огорчились лишь командир гаубичного артиллерийского полка подполковник И. В. Галкин и его замполит политрук И. Б. Смородинов. Они подошли ко мне и со слезами на глазах просили отменить приказ об уничтожении гаубиц.

— Еще на один-два перехода хватит горючего для тракторов,— говорили они.

— А снаряды?

— Снарядов, правда, нет...

Без боеприпасов гаубицы могли стать для нас лишь обузой. Но и чувства артиллеристов были мне понятны. В конце концов разрешил не взрывать орудия, а разобрать их, хорошо смазать, завернуть в ветошь и в разных местах закопать в землю.

Не могу не отметить, что эти гаубицы были после войны выкопаны, отремонтированы и переданы в воинскую часть. Об этом рассказали, посетив летом 1967 г. редакцию газеты «Красная звезда», юные следопыты средней школы № 72 г. Ярославля, изучавшие боевой путь 24-й Железной Самаро-Ульяновской дивизии²². Как обрадовался бы И. В. Галкин! Но ему не довелось узнать об этом: Иван Васильевич пал в бою смертью героя...

Вечером, вскоре после совещания командиров частей и замполитов, в лесу собрался партийно-комсомольский актив дивизии. Надо сказать, что еще 3 июля в частях и подразделениях были проведены краткие митинги, посвященные речи И. В. Сталина по радио. Да и в последующие дни обращение партии к народу стало основой всей политической работы в дивизии.

С этого начал М. С. Корпак и свой доклад на собрании партийно-комсомольского актива. Прежде всего он напомнил призыв партии: «Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственную нашему народу»²³.

— Это требуется и от нас,— продолжал батальонный комиссар.— От командиров частей вам уже известны задачи на дальнейшие действия дивизии по выходу из окружения. Предстоит долгий и тяжелый марш по Полесью, бои в тылу врага. И тут особенно важно, чтобы каждый боец постоянно чувствовал моральную поддержку и знал, что мы идем туда, откуда сможем вместе со всей Красной Армией

²² «Красная звезда», 11 июля 1967 г.

²³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 25.

защищать нашу Родину. Позаботиться о такой поддержке, быть, как всегда, там, где труднее, — долг коммунистов и комсомольцев.

Один за другим выступали бойцы и командиры. И каждый торжественно заявлял: коммунисты были и впредь всегда будут впереди в бою, будут примером выполнения воинского долга.

В заключение секретарь дивизионной партийной комиссии старший батальонный комиссар А. С. Павлишко напомнил, что 24-я Железная дивизия не впервые действует в тяжелейших условиях. Он говорил о ее доблестном боевом пути, начало которого еще в 1918 г. было отмечено благодарностью основателя Советского государства В. И. Ленина. Участники собрания встретили эти слова возгласами одобрения: «Помним! Не посраим славу дивизии!» Продолжая, А. С. Павлишко рассказал и о том, как в 1919 г., сражаясь против белогвардейцев на самом трудном участке фронта в Уральских горах, бойцы дивизии на себе тянули орудия и повозки.

— В боях последних дней, — сказал секретарь парткомиссии, — коммунисты, комсомольцы, весь личный состав дивизии показал себя достойным славных традиций 24-й Железной. Так будет и впредь.

Как только собрание актива закончилось, коммунисты и комсомольцы поспешили в батальоны, роты, батареи, чтобы все рассказать бойцам и подготовить их к новым боям.

Мне после собрания предстояло довольно деликатное дело. Еще днем я дал указание начальнику разведки выяснить, нет ли среди жителей расположенной неподалеку деревни таких, кто недоволен Советской властью, например, бывших кулаков, и если найдутся, —

Бойцы преодолевают болото

пригласить их к нам в проводники. Нашлось пятеро подходящих стариков. И теперь я ждал их, чтобы осуществить намеченный замысел. Он состоял в том, чтобы снабдить их ложными сведениями, которые они, возможно, передадут немцам, которые таким образом будут введены в заблуждение относительно наших намерений. Этот план был основан на том, что нам уже были известны случаи предательства со стороны враждебных элементов из числа «бывших».

Приглашенные пришли. Это были, как я уже знал, именно такие лица, какие требовались для задуманного.

— Здесь в лесах, — обратился я к ним, — сосредоточено пять больших отрядов с танками и артиллерией. В первом часу ночи, после артиллерийской подготовки, мы будем прорываться на восток в направлении Щацк, Марьина Горка. Вы должны провести наши части по лесам севернее шоссе Узда — Марьина Горка. По шоссе пойдут танки и артиллерия.

«Проводники» слушали внимательно, согласно кивали головами.

Уточнив с ними маршруты и поручив разведать их, попросил вернуться сюда в полночь. Как я и предполагал, больше они к нам не являлись. Не берусь с уверенностью сказать, что полученные сведения были ими переданы гитлеровцам. Но на то похоже, так как, по данным разведки, противник продолжал усиливать свой фронт к востоку от нас.

Имели мы, разумеется, и настоящих проводников. Найти их, как рассказывал мне начальник разведки капитан Казакевич, оказалось значительно проще, чем тех, с кем я беседовал. Это и понятно. Ибо подавляющее большинство местных крестьян были не только настоящими патриотами Родины, но и помогали нам всем, чем могли. А некоторые даже добывали очень ценные для нас сведения о ближних и дальних гарнизонах противника. Из их числа и подобрал капитан Казакевич несколько проводников. Они находились уже в расположении каждого из трех отрядов дивизии, готовясь вести наших воинов по указаниям командиров полков.

Буквально за несколько часов до начала прорыва дивизия получила неожиданное усиление. К нам присоединилась большая группа командиров и красноармейцев частей 11-го механизированного корпуса во главе с его командиром генерал-майором танковых войск Д. К. Мостовенко и заместителем по политчасти полковым комиссаром А. П. Андреевым²⁴.

— После нанесения контрудара и дальнейших многодневных боев, — рассказал мне генерал Д. К. Мостовенко, — мы вынуждены были отходить. Оборонялись на реках Свислочь, Россь, Щара. Теперь группами прорываемся из окружения. Севернее нас на восток двигаются части 37-й стрелковой дивизии. — Узнав, что мы встретились с отрядом 85-й стрелковой дивизии под командованием полковника К. Ф. Скоробогаткина, Д. К. Мостовенко задумчиво проговорил: — Собрать бы все баши войска, идущие на восток, да одновременно ударить по

²⁴ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2526, д. 28, л. 72.

гитлеровцам. Жаль, что сделать это уже нельзя — разошлись дивизии по разным направлениям, да и связи практически ни с кем нет...

Ночь выдалась темная. Небо затянули тучи. Ни луны, ни звезд. Словом, ночь как по заказу для предстоящего нам дела. Части бесшумно оставляют линию обороны и в полной тишине двигаются по густому лесу. Нужно продвинуться на 4 км к югу, а затем внезапным ударом уничтожить обороняющихся гитлеровцев и прорвать второе кольцо окружения. Позади слышна артиллерийская канонада. Это майор А. А. Бородин открыл огонь, имитируя артиллерийскую подготовку для наступления на восток.

Все идет по плану. Но успеем ли до рассвета выбраться из леса и этих топей к шоссе Слуцк — Минск? Передаю командирам полков: «Пока все спокойно. Скорей!» Наконец, мы уже в 50 м от шоссе, по сторонам которого расположились немецкие пехотно-артиллерийские кордоны. По самой дороге патрулируют танки и сплошным потоком движутся машины с пехотой и грузами. Мы должны пересечь эту дорогу стремительным броском.

В час ночи левофланговый отряд — 274-й стрелковый полк подполковника А. А. Украинского первым нанес удар по фашистам на шоссе. За ним рванулся вперед и достиг дороги центральный 168-й стрелковый полк и почти одновременно правофланговый 7-й. Небо озарили артиллерийские вспышки. С грохотом орудий слились залпы наших минометов и огонь пулеметов. Бойцы забрасывают фашистов гранатами.

Подрыв танка врага на шоссе

На всех трех участках, где наступают полки, немцы застигнуты нами врасплох. Однако, придя в себя, они начинают яростно отбиваться. Гремит красноармейское «Ура!» На дороге — крошечный ад... Наши гранаты зажгли немецкие грузовики с горючим и боеприпасами. С грохотом рвутся патрули и снаряды. На дороге — пробка из горящих автомобилей, багровым пламенем освещающих шоссе.

Но вот оно уже позади. Полки быстро уходят на юг, в лес...

Позднее мы установили, что в этом ночном бою нами были разгромлены тыловые подразделения моторизованной дивизии СС «Рейх». Сожгли несколько танков, более трех десятков автомобилей и пять броневиков. Захватили много документов и карт. Из них, а также показаний нескольких пленных узнали, что передовые части этой дивизии, входившей в состав 46-го моторизованного корпуса, еще 4 июля форсировали Березину в районе Балусевичи (20 км южнее Березино).

Ранним утром 7 июля мы с М. С. Корпяком решили обойти полки. Ведь минувшей ночью они фактически вели бой самостоятельно. И надо было обсудить с их командирами организацию следующего ночного марша, ознакомиться с состоянием частей.

Пришли в 274-й стрелковый полк. Видим — почти все бойцы, кроме боевого охранения, спят. И словно охраняя их сон, бодрствуют командир и замполит.

— Семидневный переход, непрерывные ночные бои..., — как бы оправдываясь, докладывает подполковник А. А. Украинский. — А ночью опять идти...

В этот день, пока мы уточняли дальнейший маршрут, в остальных полках тоже все отдыхали. Да, путь наш тяжел. И много пет. Вот почему будем и дальше с боями идти по бездорожью и болотам. Спать коротким, тяжелым сном под березой или елью, не всегда есть досыта. Только так, напряжением всех сил можно спасти людей, вывести их из окружения.

Велика была ответственность, которую несли мы, командиры и политработники, за судьбы тысяч бойцов дивизии и за каждого из них в отдельности. Ответственность перед партией, перед своей коммунистической совестью. И нам нельзя было даже в той исключительно тяжелой обстановке ни на мгновение терять уверенность в успехе, в правильности принятых единственно возможных решений, как бы ни было трудно их осуществить. И при всем том мы были обязаны использовать малейшую возможность, чтобы дать передышку воинам дивизии, облегчить их трудную задачу. Пусть же отдыхают бойцы перед новым маршем, новыми боями...

Снова в общем строю

Через линию фронта

В ночь на 8 июля нам предстояло пересечь шоссе Слуцк — Старые Дороги, железнодорожный путь Слуцк — Осиповичи и войти в северную часть Полесья. Минуем эти места — далее пойдут глухие леса, заболоченные, труднопроходимые. Вряд ли там встретятся крупные отряды немцев. И потому настала пора уточнить линию фронта на юге, за р. Припять, как-то связаться с обороняющимися там частями Красной Армии, известить их о движении нашей дивизии, просить содействия при выходе из окружения.

Для этого, а также для выяснения группировки и размещения войск противника в населенных пунктах на пути нашего движения я решил организовать дальнюю, на глубину 120—150 км, моторизованную разведку в направлении р. Припять. Она же должна была разведать дороги для движения частей дивизии.

Вместе с майором Подорвановым и капитаном Казакевичем составили план разведки, наметили маршруты. Один разведывательный взвод под командованием лейтенанта Г. А. Олейника должен был двигаться в направлении Слуцк, Старобин, Житковичи, Туров. Второму, которым командовал лейтенант И. Г. Слепнев, был указан маршрут Слуцк, Уречье, Сосны, Копцевичи, Петриков, а третьему (под командованием лейтенанта Е. К. Олешова) — Слуцк, Старые Дороги, Глусск, Озаричи, Мозырь.

Командиры взводов получили приказание держать по возможности постоянную связь со штабом дивизии, используя сельские телефонные линии, местных почтовых работников и любые другие средства. Капитан Казакевич выдал им также таблицы кода. В каждом взводе он выделил два-три человека, голоса которых хорошо знал. Только они могли докладывать сведения по телефону.

Переодевшись в немецкую форму, разведчики на мотоциклах отправились по трем маршрутам. Уже 8 июля мы начали получать от них первые данные. Они сообщали, что стали встречаться специальные эсэсовские команды, гестаповцы, что видели в населенных пунктах расстрелянных и повешенных, в том числе женщин, стариков и подростков. Это было делом рук фашистских палачей.

О зверствах гитлеровцев в захваченных городах и селах мы уже хорошо знали. Но то, что стало известно из донесений разведки, вызывало еще большее возмущение, усиливало ненависть к жестокому, бесчеловечному врагу. Когда я отдал командирам полков приказание захватывать и беспощадно уничтожать группы карателей, терроризировавших мирных жителей, не было отбою от бойцов, желавших участвовать в таких операциях.

Крупных войск противника на нашем пути в этих глухих местах Полесья сначала не встречалось. Но когда мы подошли к шоссе на дорогах Слуцк — Бобруйск и Несвиж — Осиповичи, то обнаружили на них усиленное движение немецких колонн. Гитлеровские войска, как выяснилось из опроса фашистского офицера, захваченного бойцами 168-го стрелкового полка, принадлежали 53-му армейскому корпусу.

Показания этого пленного и обнаруженные при нем документы дали нам весьма ценные сведения. Так, выяснилось, что 53-й армейский корпус ускоренным маршем выдвигался к Днепру, чтобы сменить войска 24-го танкового корпуса, который, в свою очередь, перебрасывался к северу, в район Быхова. Это могло означать лишь одно: фашистское командование усиливало танками свою группировку южнее Могилева, готовясь, видимо, к наступлению в том районе. К сожалению, эти важные сведения некому было передать.

Из полученных данных мы также узнали, что наши войска продолжают удерживать Днепр, нанося атакующему врагу большие потери. Последнее подтверждалось и тем, что во всех крупных населенных пунктах, которые мы обходили, имелись немецкие полевые госпитали, заполненные ранеными.

Таким образом, по мере нашего продвижения мы все более приближались к фронту, по ту сторону которого были сражавшиеся соединения Красной Армии. Где, на каком участке можем мы соединиться с ними? Учитывая предстоящую смену войск противника в районе юго-восточнее Бобруйска, принимаю решение предпринять там попытку прорваться к своим. В связи с этим части дивизии, двигавшиеся до сих пор на юг, поворачивают на юго-восток.

Идем лесами, вдаль от дорог, по которым все чаще движутся вражеские войска. Это передовые части того же 53-го армейского корпуса. Они совершают марш днем и отдыхают ночью, а мы — наоборот. Но и в лесной глуши случается встретиться с отдельными группами гитлеровцев. Попадают и села, в которых имеются небольшие фашистские гарнизоны. В коротких боях уничтожаем их. Устраиваем диверсии на различных участках железных дорог Слуцк — Осиповичи и Бобруйск — Октябрьский.

Население деревень и местечек, в которых наши подразделения разгромили фашистские гарнизоны, с радостью встречало советских воинов. И с грустью провожая их в дальнейший путь, крестьяне спрашивали, скоро ли Красная Армия разобьет и изгонит врага с нашей земли. Твердо и уверенно отвечали красноармейцы и командиры: ждите, мы вернемся...

Полки продвигались дальше. Фронт был все ближе. Но нам так и не довелось прорваться там, где мы предполагали. 10 июля в районе Глусска полки дивизии были обнаружены и атакованы крупными силами танков и пехоты при поддержке авиации. Атаку мы отбили, но прорваться в направлении Рогачева, где ранее переправились через Днепр другие отходившие части, уже не смогли.

Пришлось вновь повернуть на юг и, обойдя Глусск с запада, продвигаться вдоль западного берега р. Птичь.

И тут пришло донесение, которого мы ждали все последние дни. Командиры разведывательных взводов лейтенанты Г. А. Олейник и И. Г. Слепнев с помощью сельских телефонисток связались со штабом дивизии и доложили: вышли в район оз. Червоное, Концевичи, где нет ни противника, ни частей Красной Армии. Так мы узнали, что все же был разрыв в линии фронта и что он находился как раз там, куда мы шли. Радостная весть облетела все части и подразделения. Новый прилив сил охватил усталых, измученных тяжелыми переходами и боями воинов дивизии.

Полки получили приказ ускоренным маршем двигаться на Концевичи, а затем на Карпиловку. А вскоре возвратился и командир третьего разведывательного взвода лейтенант Е. К. Олешов с еще более радостным сообщением. Он доложил, что в районе Протасы, в 25—30 км юго-восточнее Глусска, встретился с разведкой 232-й стрелковой дивизии 66-го стрелкового корпуса. Лейтенант Олешов установил также, что южнее Протасы — в Октябрьском районе — противника нет.

Легко представить, с каким нетерпением ждали мы теперь встречи со своими. Быстро продвигаясь на юг, части дивизии достигли Поречья. Затем переправились через Птичь и 14 июля после ночного марша вышли в район населенных пунктов Озаричи, Карпиловка¹, в 80 км северо-западнее Мозыря. Это уже была территория, контролируемая партизанами и нашими войсками.

Наконец-то! Позади остался почти 500-километровый путь по тылам врага, по лесным тропам и болотам, долгий путь боев с многократно превосходящими силами противника.

Сейчас, вспоминая об этих днях, я, быть может, написал о них слишком кратко, бегло, без многих подробностей, не сохранившихся в памяти. Любознательный читатель найдет их в дневнике военного корреспондента «Красной звезды» старшего политрука А. Полякова, находившегося в нашей дивизии все это время. Его дневник публиковался летом 1941 г. в «Красной звезде», затем вышел отдельным изданием², тогда же был переведен и опубликован в Лондоне³ с предисловием тогдашнего советского посла в Англии И. М. Майского.

Здесь я позволю себе привести лишь отдельные места из этого предисловия, поскольку они содержат общую оценку боевых действий

¹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2526, д. 28, л. 71.

² А. Поляков. В тылу врага. М., 1941.

³ «With a Soviet Union through the Nazi lines». By A. Polyakov. London, 1941.

24-й стрелковой дивизии в окружении. Так, И. М. Майский писал: «Мы были свидетелями того, как во Франции, когда немцы окружали французские части, французские генералы не находили ничего лучшего, чем сдаваться. Когда в первые дни германского нападения на СССР отряд генерал-майора Галицкого оказался в таком же затруднительном положении, немцы были в полной уверенности, что и русские немедленно сдадутся. Они не учитывали изобретательности, стойкости и храбрости бойцов Красной Армии».

Разбирая боевые действия дивизии во вражеском окружении, автор высказал мнение, что они являются примером «стратегии и тактики, которые могут быть противопоставлены нацистской стратегии окружения».

В связи с этим он отмечал «три важных фактора, могущих сыграть важную роль в разрушении даже тщательно разработанных планов механизированной армии Гитлера... Это, во-первых, быстрое приспособление регулярной части к методам действий партизанской войны; дробление крупного отряда на небольшие подвижные части, способные действовать самостоятельно. Огромную роль, во-вторых, играет моральное состояние людей. Когда бойцы Галицкого узнали, что они отрезаны, они не поддались панике и не потеряли мужества. Во время всего их долгого и опасного пути через тыл врага, они сохраняли строжайшую дисциплину и железную решимость не сдаваться. Последним, однако, отнюдь не маловажным, фактором является тесная связь красноармейцев с населением районов, через которые они шли. Где бы они ни проходили, старики, женщины и дети помогали им повсюду и это как нельзя лучше показывает, как велика солидарность армии и народа в борьбе против фашистских захватчиков».

В заключение И. М. Майский писал, что героизм и мужество, проявленные в первые же дни Великой Отечественной войны бойцами и командирами дивизии в окружении жестокого врага, являются примером отваги «людей Красной Армии, всей своей мощью защищающих Родину»⁴.

Говоря о действиях советских войск в окружении врага в те дни, «Правда» в передовой статье «Великое искусство, помноженное на храбрость» писала: «Окруженные части дрались хладнокровно и умело, наносили врагу серьезные потери и частенько сами окружали фашистов в их тылу. Большинство пограничных советских соединений сумело выйти из окружения крепкими, сколоченными, победоносными боевыми коллективами»⁵.

О нашей дивизии в этой же передовой статье говорилось: «Соединение... одно из первых приняло на себя удар германских танковых колонн и отразило его, уничтожив огнем артиллерии 265 танков. А когда немецкие танковые и моторизованные дивизии, прорвавшись на соседних участках, окружили наше соединение, генерал Галицкий... приказал пробиваться на восток. Дни и ночи шли храбрецы по

⁴ «With a Soviet Union through the Nazi lines», p. 3.

⁵ «Правда», 10 августа 1941 г.

лесам и болотам Советской Белоруссии, уничтожая немецкие обозы, сея панику, нападая с тыла на вражеские части и штабы. Когда бойцы израсходовали боеприпасы, они «перевозвооружились» отбитым германским оружием. Две трети личного состава своего соединения вывел генерал-майор Галицкий из окружения, нанеся врагу значительно большие потери, чем понес сам»⁶.

Действительно, в ходе боев в тылу врага численность дивизии держалась почти на одном уровне, так как постоянно пополнялась за счет крупных и мелких групп и даже одиночных бойцов и командиров, выходивших из окружения.

Позднее я узнал, что в том же районе, куда вышли мы, а также севернее и южнее, в разное время прорвали вражеское кольцо еще немало групп, отрядов, отдельных частей и штабов многих дивизий и корпусов. Только из числа оказавшихся отрезанными соединений Западного фронта, как отмечено в журнале его боевых действий, из окружения вышли еще девять стрелковых дивизий — 50, 100, 161, 64, 108, 143, 155, 55 и 75-я, два механизированных корпуса — 20-й и 14-й и остатки (до тысячи человек) 6-й и 42-й стрелковых дивизий. Среди вышедших соединений окруженных армий «наиболее многочисленными оказались 24, 155 и 143-я стрелковые дивизии»⁷.

Кроме того, южнее Могилева вышел отряд 85-й стрелковой дивизии под командованием полковника К. Ф. Скоробогаткина. 15 июля он прорвался через боевые порядки немцев и соединился с оборонявшимися частями 172-й стрелковой дивизии 61-го стрелкового корпуса. Наконец, отдельным отрядом в районе Мозыря вышел из окружения и штаб 3-й армии во главе с командующим генерал-лейтенантом В. И. Кузнецовым и членом Военного совета армейским комиссаром 2-го ранга Н. И. Бирюковым⁸.

Вскоре после этого генерал В. И. Кузнецов развернул в районе Мозыря 3-ю армию, в состав которой вошли несколько вновь сформированных дивизий, части 66-го стрелкового корпуса и войска Мозырского укрепленного района⁹.

Таким образом, большинство окруженных советских частей прорывалось, сохраняя боеспособность. Свидетельство этому мы находим и у врага. Например, бывший начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блюментрит писал: «Даже в окружении русские продолжали упорные бои... Наши моторизованные войска вели бои вдоль дорог или вблизи от них. А там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосыгаемыми... Наше окружение русских редко бывало успешным»¹⁰.

Безграничная вера в дело Коммунистической партии, в силу советского народа и нашей Красной Армии веда окруженные войска

⁶ «Правда», 10 августа 1941 г.

⁷ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 207, л. 68.

⁸ Там же, ф. 226, оп. 648, д. 21, л. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ «Роковые решения», стр. 84.

по тылам врага на восток. Ими владела одна мысль — поскорее влиться опять в ряды Красной Армии и продолжать бить фашистов до полного их изгнания с советской земли. Те же, кто не смог пробиться через линию фронта, стали активными бойцами, а порой и организаторами многочисленных партизанских отрядов, сплотили вокруг себя тысячи и десятки тысяч крестьян и рабочих, чтобы бить гитлеровцев на белорусской земле.

Партизанское движение в тылу врага вспыхнуло в первые же дни войны. Народные мстители смело действовали и на пройденной нашей дивизией территории Октябрьского района, а также соседнего Калининковского. Здесь, как я знал, они начали наносить удары по врагу еще в первых числах июля, после обращения Военного совета Западного фронта к местным партийным и советским органам от 27 июня с призывом создавать партизанские отряды¹¹, а также соответствующих директив от 30 июня и 1 июля, разосланных Центральным Комитетом КП(б) Белоруссии¹².

В Октябрьском районе партизанский отряд, состоявший из местных партийных и советских работников, рабочих и колхозников, возглавил секретарь райкома партии Т. П. Бумажков. Народные мстители активно вели борьбу с гитлеровцами, уничтожая их из засад и организуя диверсии на коммуникациях врага. А 12 июля, незадолго до нашего выхода из окружения, партизаны разгромили вражеский гарнизон в г. Осиповичи (к северу от Бобруйска) и некоторое время удерживали этот город¹³.

В то время как в тылу противника разгоралось пламя партизанской войны, на фронте с каждым днем нарастало сопротивление войск Красной Армии. По зову Коммунистической партии весь советский народ поднялся на борьбу с врагом. В тылу разворачивалась мобилизация огромных людских и материальных ресурсов необъятной страны. На пути наступления немецко-фашистских захватчиков возникали новые оборонительные рубежи, сюда выдвигались крупные силы советских войск. В их строй вливались и соединения, выходившие из вражеского кольца, чтобы вместе со всей Красной Армией защищать родную землю.

Как описать радость бойцов и командиров нашей дивизии, соединившихся, наконец, со своими! Незабываемым остался в памяти тот волнующий момент, когда мы, вырвавшись из вражеского кольца, встретились с частями Красной Армии. Лица наших воинов, на которых оставили суровый след бои и тяготы борьбы в тылу противника, засветились счастьем, восторгом. Все обнимали друг друга, поздравляли с выходом из окружения. В воздух летели пилотки, каски. По рядам перекатывалось могучее «Ура!». Неслись возгласы «Слава нашей Родине!», «Слава нашей Железной!».

¹¹ «СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Краткая хроника». М., 1970, стр. 23.

¹² «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 75.

¹³ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2526, д. 28, л. 72.

Выставив боевое охранение севернее и западнее Карпиловки, мы провели короткий митинг. Выступали многие бойцы, командиры, политработники. Запомнилась горячая взволнованная речь замполита 7-го стрелкового полка батальонного комиссара В. Ф. Горчакова. Он говорил о том, что поход был тяжким, но все трудности преодолены, так как весь личный состав был единодушен в своем стремлении вырваться из окружения. И эту единую волю цементировали партийные организации частей. Коммунисты и комсомольцы были примером для всех в боях и в трудных походах.

Поздравил личный состав с выходом из окружения и я. В моем кратком выступлении отмечалось, что мы достигли успеха благодаря мужеству и стойкости воинов дивизии, твердой решимости во что бы то ни стало соединиться со всей Красной Армией, чтобы продолжать борьбу с врагом, благодаря нестигаемой вере в наше правое дело.

— На нашем трудном боевом пути осталось немало боевых товарищей, павших смертью храбрых. Хоронили мы их без воинских почестей и с горечью в душе. Но советский народ воздаст должное этим героям. Они свершили высший воинский подвиг и отдали свои жизни за нашу Великую Родину. Вечная память и слава павшим героям!

Сразу же после митинга командирам частей было приказано организовать отдых личного состава, а штабу дивизии — выслать делегатов связи в Могилев и Гомель, где, по имевшимся данным, находились штабы ближайших армий. Боевые будни продолжались, но теперь мы были не в тылу врага, а на фронте и с нетерпением ожидали того дня, когда вновь встретимся с противником лицом к лицу в бою.

Контрудар под Гомелем

Приказ о посылке делегатов связи пришлось отменить, так как из населенного пункта Озаричи удалось установить связь по телефону с Гомелем, где находился штаб 21-й армии. Я немедленно доложил командующему армией генерал-полковнику Ф. И. Кузнецову о выходе дивизии из окружения и ее боевом составе. Затем кратко изложил мероприятия, которые, на мой взгляд, необходимо было провести в течение ближайших двух-трех дней для организации обороны на рубеже р. Птичь.

Перечислил свои ближайшие заботы, состоявшие в том, чтобы привести части дивизии в порядок, разместить многочисленных раненых по ближайшим сельским больницам, учесть оружие и приступить к его ремонту. В заключение попросил разрешения прибыть в Гомель 17 июля для доклада Военному совету армии. Со всеми этими предложениями командующий согласился.

Втроем — я, батальонный комиссар М. С. Корпьяк и начальник снабжения дивизии подполковник А. И. Плохов — на машине, переданной райкомом партии, мы прибыли в Гомель во второй половине дня 17 июля. Нас сразу же приняли командарм генерал-полковник

Ф. И. КУЗНЕЦОВ

М. Г. ЕФРЕМОВ

Ф. И. Кузнецов и член Военного совета армии дивизионный комиссар С. Е. Колопин.

Знал я Ф. И. Кузнецова давно, еще с 20-х годов, когда мы вместе учились в Военной академии им. М. В. Фрунзе. Федор Исидорович всегда отличался спокойствием и умением терпеливо выслушивать подчиненных, любил хорошо растолковать задачу, которую ставил. Когда я увидел его в Гомеле, он выглядел очень утомленным: воспаленные от бессонных почей глаза, осунувшееся и посеревшее лицо, — все это без слов говорило о большой, напряженной работе. Несмотря на это, он слушал мой доклад с обычной для него внимательностью, вникал во все детали боевых действий дивизии, расспрашивал о группировке противника.

Особенно заинтересовало его сообщение о том, что в последние дни в районе Слуцк и Глусск мы встретили части 53-го и 43-го армейских корпусов. Федор Исидорович тут же открыл свою карту, нанес на нее эти данные. Заговорил о возможных действиях противника. В его оценке обстановки чувствовалась большая оперативная эрудиция, умение объективно рассматривать ход событий, предвидеть вероятное развитие операций. В данном случае речь шла о том, насколько появление упомянутых вражеских корпусов может отразиться на боевых действиях на гомельском направлении.

В конце беседы несколько вопросов задал мне член Военного совета С. Е. Колопин. В частности, его интересовали положение населения на захваченной гитлеровцами территории, его отношение к нашим

выходящим из окружения войскам. Узнав, что мы повсюду встречали искреннюю поддержку и помощь местных жителей, он как-то очень светло улыбнулся и тихо заметил:

— Да, иначе ведь и быть не могло...

Ф. И. Кузнецов предложил мне тут же написать краткий доклад на имя главнокомандующего Западного направления маршала С. К. Тимошенко. Но, по-видимому, последнему уже было доложено о выходе нашей дивизии из окружения и о ее состоянии. Ибо в то время когда я писал доклад, в кабинет вошел начальник штаба армии генерал-майор В. Н. Гордов и доложил командарму:

— Маршал Тимошенко приказал части 24-й дивизии привести в порядок, полностью их снабдить, довооружить и дать возможность несколько дней отдохнуть. Дивизия получит особое задание.

Естественно, ехали мы обратно в приподнятом настроении. Дивизия выполнила свой долг, и ее действия по достоинству оценили и Военный совет армии, и маршал С. К. Тимошенко. А главное — нам предстояла новая боевая задача, и мы были готовы вновь работать с полным напряжением сил.

Но руководить частями 24-й дивизии при выполнении этой задачи мне уже не пришлось.

Ранним утром 19 июля я ждал приезда секретаря Мозырского обкома партии и председателя облисполкома. Нам предстояло обсудить ряд вопросов, связанных с мероприятиями по приведению дивизии в боеспособное состояние. В это время вошел майор Подорванов и положил на стол телефонограмму, подписанную начальником штаба 21-й армии генералом Гордовым. Она содержала приказание немедленно прибыть в Гомель на Военный совет армии. Связавшись по телефону с генералом Гордовым, доложил, что жду руководителей области, и попросил разрешения прибыть позже. Ответ: выехать немедленно.

Я был в недоумении: что могло случиться за сутки, прошедшие с момента моего отъезда из штаба армии? Пришлось выехать, поручив майору Подорванову встретить руководителей области. Быстро добрался до Гомеля. И едва вошел к командующему, как Федор Исидорович в ответ на мое приветствие протянул мне руку и сказал:

— Маршал Тимошенко назначил вас командиром 67-го стрелкового корпуса. Обстановка требует, чтобы вы немедленно выехали в корпус и вступили в командование.

Он показал мне на карте положение частей корпуса. И тотчас же вслед за этим вместе с членом Военного совета подписал мне предписание. Затем добавил:

— В дивизию ехать не разрешаю. Все указания ей даст начальник штаба армии. Вам выделена машина. Поедете с офицером связи. — И крепко пожал мне руку. — Желаю боевых успехов.

Добрые пожелания выразил и член Военного совета армии С. Е. Колонин. Он также сообщил мне, что отныне в войсках введен институт военных комиссаров. Посоветовал встретиться уже сегодня с комиссаром корпуса К. Г. Руденко.

Выйдя от командарма и придя в себя от неожиданного назначения, я пошел к начальнику штаба армии, чтобы ориентироваться в обстановке. Генерал-майор В. Н. Гордов пригласил меня к карте и подробно рассказал о событиях последних дней.

— 10 июля, — говорил он, — противник силами моторизованного и армейского корпусов прорвал нашу оборону южнее Могилева и устремился на Рославль. Его передовые танковые части уже вышли к Кричеву. Одновременно крупные танковые силы немцев прорвали наш фронт севернее Могилева, форсировали Днепр и стремятся окружить обороняющиеся западнее Смоленска войска 16-й и 20-й армий. Выполняя приказ Ставки, командование фронта решило нанести ряд контрударов на флангах прорвавшейся к Смоленску главной группировки противника.

Далее генерал Гордов сказал, что 21-я армия получила 12 июля задачу перейти в наступление в направлении Бобруйска и овладеть им, а также одновременно нанести удар на север по группировке противника в районе г. Быхова. Это наступление, представляющее собой контрудар, по замыслу командования фронта, должно вывести армию в тыл моголевской группировке противника, оттянуть часть сил последней и тем самым ослабить удар гитлеровцев на важнейшем смоленском направлении. Армия имела мало танков, авиационное прикрытие было слабое, однако 13 июля она перешла в наступление, сбила фашистов с позиций, которые они занимали уже по восточному берегу Днепра, и форсировала эту реку¹⁴.

— На правом фланге армии части 67-го стрелкового корпуса, — продолжал он, — имеют задачу разгромить быховскую группировку противника. Сейчас они наступают на Быхов, но пока их продвижение незначительно. В центре армии 63-й стрелковый корпус под командованием комкора Л. Г. Петровского, форсировав Днепр, овладел Рогачевом, Жлобином и продвинулся на бобруйском направлении на 12—16 км. Одновременно по северному берегу р. Березина с юго-востока на Бобруйск наступает 66-й стрелковый корпус генерал-майора Ф. Д. Рубцова. Левее, в направлении на Старые Дороги, выдвигается кавалерийская группа генерал-полковника О. И. Городовикова в составе 32, 43 и 47-й кавалерийских дивизий с задачей перерезать коммуникации противника¹⁵.

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 246, оп. 2139, д. 1, лл. 6, 7.

¹⁵ Интересна оценка этого наступления войск 21-й армии противником. В своих мемуарах командующий 2-й танковой группой генерал Г. Гудериан пишет: «13 июля начались ожесточенные контратаки русских. С направления Гомель на правый фланг танковой группы наступало около двадцати дивизий...» (Г. Гудериан. Указ. соч., стр. 168). На самом деле в боях с нашей стороны участвовало семь дивизий 21-й армии, а из-за ее левого фланга действовали три кавалерийские дивизии; к тому же наши соединения были недостаточно укомплектованы. Для чего же понадобилась гитлеровскому генералу такая фальсификация? Видимо, она была необходима, чтобы оправдать перед верховным командованием свои неудачи сначала в районе Могилева, а затем в Смоленском сражении.

Я внимательно слушал объяснение, следя по карте. Выходило, что наши войска вступили в борьбу с противником по всему фронту 21-й армии от Пропойска до Речицы.

— Да, это так, — подтвердил В. Н. Гордов. — Противник оказывает упорное сопротивление, часто переходит в контратаки, поддерживая их сильным минометным и артиллерийским огнем и, конечно, ударами авиации. Особенно сильные контратаки он предпринял против 63-го и 67-го стрелковых корпусов 17 июля. В результате упорных боев противнику удалось кое-где потеснить наши войска, в частности, 102-ю стрелковую дивизию 67-го стрелкового корпуса.

— Какова там обстановка сейчас?

— Сегодня 67-й стрелковый корпус ведет бой на рубеже Ролавка (15 км юго-западнее Пропойска), Радькова, Нераж (6—8 км юго-западнее Быхова). Штаб корпуса — в лесу восточнее населенного пункта Звонец¹⁶.

Гордов замолчал. Я понял, что все остальное узнаю на месте, и стал прощаться.

К исходу дня я был уже в корпусе, где встретился с его бывшим командиром комбригом Ф. Ф. Жмаченко, готовившимся выехать в распоряжение командарма. Обменялись теплыми приветствиями и вместе зашли в палатку Филиппа Феодосьевича. Он очень кратко повторил то, что мне уже было известно об обстановке в полосе корпуса. Затем проводил меня к палатке начальника штаба и протянул руку.

— Уже темнеет и мне пора ехать, — сказал он. — Со всеми я уже попрощался. А вам желаю наступать более успешно...

Начальник штаба полковник А. Б. Баринов, видимо, ждал меня. Представившись, он доложил на подпись уже заготовленный им проект приказа о моем вступлении в командование корпусом. Затем вручил карту с обстановкой. Поскольку в общих чертах она была мне уже известна, я счел необходимым связаться с командирами дивизий, чтобы уточнить имеющиеся данные. Но вызвать их по телефону не удалось: с левофланговой дивизией связи не было, командиры двух других находились в полках. Решил пока что подробнее расспросить начальника штаба. Из его доклада и ответов на мои вопросы картина стала более ясной.

Действуя на правом фланге армии, корпус двумя дивизиями вел наступление на быховскую группировку противника и одной дивизией обеспечивал свой правый фланг. В день моего вступления в командование правофланговая 187-я стрелковая дивизия (командир — полковник И. И. Иванов, военный комиссар — полковой комиссар В. А. Баташев) оборонялась на рубеже Ролавка, Куликовка, растянув свои части на фронте до 30 км. 151-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор В. И. Неретин, военный комиссар — полковой комиссар П. Т. Москвичев), атаковав противника с рубежа Никоновичи, продолжала наступление вдоль восточного берега Днепра в направлении Быхов. Продвинувшись на 4—5 км, дивизия вела бой в

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 246, оп. 2511, д. 208, л. 73.

8—10 км от Быхова на фронте Радьков, севернее Прибора. 102-я стрелковая дивизия (командир — полковник С. С. Чернюгов, накануне сменивший полковника П. М. Гудзя, военный комиссар — полковой комиссар Н. Н. Амосов), начав наступление с рубежа Селец, Тощица в направлении Быхов и продвинувшись вдоль западного берега Днепра на 10—12 км, приблизилась к Быхову на 5—6 км и вела бой на фронте Нераж, Вьюн¹⁷.

— Сначала продвигались хорошо, — добавил А. Б. Баринов, — а вот последние два дня противник сильно контратакует, особенно в полосе 102-й стрелковой дивизии.

— Какова группировка артиллерии?

— Корпусная артиллерия, — ответил начальник штаба, — придана наступающим дивизиям. 151-я усилена 435-м корпусным артиллерийским полком и 15-м минометным батальоном, 102-я — 387-м гаубичным артиллерийским полком. В резерве корпуса находится 645-й корпусной артиллерийский полк.

— Каковы действия соседей и где они?

— Справа — 25-й механизированный корпус под командованием генерал-майора С. М. Кривошеина. В его составе 50-я и 55-я танковые и 219-я моторизованная дивизии, понесшие в предыдущих боях значительные потери. Корпус ведет наступление на Пропойск, имея свой штаб в Лебедевке, в 20 км восточнее Довска. Между флангами нашего и 25-го механизированного корпусов имеется разрыв в 12—15 км. Слева — 63-й стрелковый корпус со штабом в 5 км восточнее Рогачева. Как вы уже знаете, 13 июля он овладел Рогачевом. Сейчас наступает на Бобруйск, преодолевая упорное сопротивление противника. Правофланговая дивизия этого корпуса — 61-я стрелковая — ведет бой на рубеже Веричев (10—12 км северо-западнее Рогачева), Заполье.

Выяснив, как организовано обеспечение флангов корпуса и стыков между дивизиями, я счел, что общее представление об обстановке имею. Но в то же время понимал, что этого недостаточно для руководства войсками. Многого можно было выяснить лишь на местах. И потому решил завтра же поехать в дивизии.

Тем не менее уже по первым впечатлениям кое-какие меры нужно было предпринять сегодня. И прежде всего организовать устойчивое управление, наладив все средства связи от командного пункта корпуса до каждого полка включительно. Кроме того, сразу по прибытии бросилось в глаза, что личный состав командного пункта корпуса размещен в палатках. Нужно было перевести его в блиндажи, а также во всех частях и соединениях организовать систему наблюдательных пунктов. Учитывая, что 102-я и 151-я стрелковые дивизии наступали в одном направлении, требовалось срочно организовать взаимодействие между ними, а также усилить обеспечение стыка со 187-й стрелковой дивизией. Стоило подумать и о том, чтобы использовать корпусную артиллерию на главном направлении наступления корпуса.

¹⁷ Там же, ф. 208, оп. 2511, ф. 208, л. 77.

Когда я отдавал все эти распоряжения начальнику штаба, вошел дивизионный комиссар К. Г. Руденко. Мы познакомились и вскоре вместе вышли из палатки. Было уже темно. В лесу стояла тишина. По моей просьбе комиссар, служивший в корпусе с начала войны, рассказал о его личном составе. С первых же боевых действий, начатых корпусом в начале июля, его бойцы и командиры показали беспредельную преданность Родине. Они приобретали все больший боевой опыт. Командиры стали действовать увереннее и организованнее. Об этом ярко говорили многие примеры, о которых рассказал мне К. Г. Руденко. Вот некоторые из них.

Когда после 12-часового боя свыше батальона фашистов прорвалось в глубину обороны 410-го стрелкового полка 102-й стрелковой дивизии, начальник штаба капитан Ковалев лично повел в контратаку две резервные стрелковые роты с двумя танкетками. Несмотря на превосходство сил гитлеровцев, они были отброшены этим смелым ударом и прорыв удалось ликвидировать.

Образцом для всех бойцов стали мужество и стойкость командиров, политработников, всех коммунистов и комсомольцев. Так, в ходе недавнего наступления командир роты 196-го саперного батальона старший лейтенант Короткевич, будучи ранен в ногу, не оставил поле боя, продолжал руководить своими подразделениями до выполнения боевой задачи. И таких примеров были десятки.

К. Г. Руденко подчеркнул, что командирам хорошо помогают политработники. И не только в подготовке личного состава к боевым действиям, но и непосредственно в бою. Пример тому — политрук роты 145-го отдельного разведывательного батальона 151-й стрелковой дивизии младший политрук Греченков. Когда одна из разведгрупп попала в засаду, он возглавил вторую группу и умело повел ее в атаку. Дружным натиском разведчики выручили своих товарищей.

Улучшилась также помощь политсостава в боевом сколачивании подразделений, их материальном обеспечении, более конкретной стала политическая работа среди бойцов, направленная на укрепление их стойкости и выдержки в обороне, наступательного порыва в атаке. Политаппарат полков стал повседневно изучать пужды и запросы бойцов, принимать эффективные меры к устранению недочетов¹⁸.

В свою очередь, комиссар попросил меня рассказать о том, как выходила из окружения 24-я стрелковая дивизия. Но ответить я не успел. Ночную тишину разорвал грохот мощного артиллерийского налета. Севернее командного пункта корпуса вспыхнула сильная ружейно-пулеметная стрельба. Казалось, бой идет где-то рядом с нами. Но такое впечатление создавало лесное эхо. Через несколько минут выяснилось, что противник силой до двух батальонов пехоты при поддержке артиллерии атаковал наши подразделения в стыке между 187-й и 151-й стрелковыми дивизиями, потеснил их и занял дер. Полки¹⁹.

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2526, д. 28, лл. 3—5.

¹⁹ Там же, оп. 2514, д. 208, л. 77.

Узнав об этом, я подумал, что не зря меня тревожило обеспечение стыка этих дивизий. Тут же приказал выслать сотрудника штаба в район боя с задачей изучить обеспечение стыка. И сам отправился на рассвете туда же.

Сначала заехал в 187-ю стрелковую дивизию.

Оборонялась она на широком фронте — около 30 км, имея все свои полки в одном эшелоне. Противостояли ей части 1-й кавалерийской дивизии противника. Вместе с командиром дивизии полковником И. И. Ивановым я побывал в одном из полков, в том числе и на его переднем крае обороны. Здесь было тихо, только время от времени нет-нет да застрочит пулемет или прозвучат несколько винтовочных выстрелов. Бойцы рыли окопы. Боевой порядок полка представлял собой реденькую цепочку стрелковых батальонов, вытянутых в одну линию почти на 10 км. В глубине обороны были только пулеметные и минометно-артиллерийские позиции.

— Так строится оборона и в других полках? — спросил я полковника Иванова.

— Да, так, — доложил он. — Ведь мы создаем оборону на широком фронте.

Таким образом, ехать в остальные полки не было смысла. Картина и без этого стала ясна. Пришлось дать указание командиру дивизии вывести по одному батальону каждого полка во второй эшелон и, кроме того, создать резервы в батальонах. Приказал построить всю оборону дивизии по принципу опорных пунктов и узлов сопротивления, эшелонированных в глубину с промежутками на дальность ружейно-пулеметного огня.

— Гарнизоны в опорных пунктах иметь от стрелкового взвода до батальона, усилив их станковыми пулеметами и минометами, а также орудиями, поставленными для ведения огня прямой наводкой.

Затем вместе с командиром полка наметили на карте систему опорных пунктов на участке обороны полка и ориентировочно состав их гарнизонов.

— Такую же работу сегодня проделайте в остальных двух полках, — приказал я полковнику Иванову. — Оборону надо создать глубокую и с резервами, чтобы парировать удары противника. Для помощи к вам пришло корпусного инженера.

В 151-й стрелковой дивизии ее командир генерал-майор В. И. Неретин доложил, что против его частей на главном направлении их наступления действует до двух полков моторизованной пехоты противника.

— Сейчас приводим части в порядок после ночного боя, — продолжал он, — готовимся в 12 часов возобновить наступление на Быхов. Главный удар нанесем левым флангом дивизии. — И пояснил: — Фронт у нас широкий, наступать можем лишь на одном участке.

Не успел генерал Неретин закончить доклад, как противник открыл сильный артиллерийский огонь. Гитлеровцы упредили дивизию. Вскоре поступило донесение, что противник силой до полка пехоты с танками при поддержке сильного артиллерийского огня вновь

атаковал наши подразделения в стыке со 187-й стрелковой дивизией, прорвался в глубину обороны на четыре километра и овладел северо-восточной окраиной населенного пункта Обидовичи²⁰.

Нужно было принимать срочные меры, чтобы воспрепятствовать дальнейшим попыткам противника прорваться вдоль шоссе на Довск.

Для этого я приказал выдвинуть в стык дивизии резервный 645-й корпусной артиллерийский полк и поставить часть орудий на открытые позиции для стрельбы прямой наводкой. Кроме того, направил туда корпусной саперный батальон, приказав сделать инженерные заграждения и заминировать полосу местности вдоль шоссе Обидовичи — Довск. Командир дивизии выдвинул в район Обидовичи свой резерв.

Дальнейшие попытки врага прорваться на этом участке были отбиты частями 151-й стрелковой дивизии.

Оценивая эти атаки противника, я понимал, что пока они носят частный разведывательный характер. Гитлеровское командование хотело, видимо, установить силы наших войск, наступающих на могилевском направлении. Но следовало ожидать и более мощного удара. Ведь в случае успеха войска нашей армии выходили в тыл группировки противника, наступавшей на рославльском направлении. Поэтому фашистское командование, нащупав стык между нашими дивизиями, стремилось прорвать здесь оборону и выйти им в тыл. Но безуспешно. Тем не менее наше наступление пока что не давало ожидаемых результатов. И для выполнения поставленной задачи нужно было искать новое решение.

Бой севернее Довска задержал меня на весь день в 151-й стрелковой дивизии. Возвратился я на командный пункт корпуса только поздно вечером. Но не откладывая, обменялся мнениями с комиссаром и начальником штаба. Они оценивали обстановку так же, как и я. Тогда я пришел к такому выводу:

— Удары на широком фронте вряд ли позволят выполнить задачу. Нам нужно время для перегруппировки и организации наступления. Сейчас напишем донесение, так как обстановка на фронте корпуса требует пристального внимания командования армии.

В донесении Военному совету армии мы писали, что 67-й стрелковый корпус, наступая против моторизованной и кавалерийской дивизий противника, уже в течение нескольких дней не имел успеха, потому что вынужден был вести боевые действия на 70-километровом фронте от Пропойска до населенного пункта Вьон (14 километров юго-западнее Быхова). При этом силы корпуса одновременно обращены фронтом на восток, север и частью на запад. В таких условиях без коренной перегруппировки совершенно невозможно создать ударную группу войск для решительного наступления против быховской группировки врага. В то же время широкий фронт и отсутствие автотранспорта не дают возможности быстро произвести перегруппировку. В заключение выражалась просьба «усилить корпус не ме-

²⁰ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 10169, д. 7, л. 220.

нее чем одной стрелковой дивизией или уменьшить полосу боевых действий корпуса»²¹.

Военный совет армии очень внимательно отнесся к нашему докладу. Уже на следующий день, 21 июля, на командный пункт корпуса приехал генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Он признал правильной оценку положения, доложенную Военному совету армии в упомянутом донесении.

— Усилить ваши войска, наступающие на могилевском направлении, необходимо, — сказал он. — Для этого я наметил сделать следующую перегруппировку. Завтра, 22 июля, 21-й стрелковый корпус в составе 117-й и 155-й стрелковых дивизий будет выдвинут в стык между 25-м механизированным и вашим 67-м, в полосу от Пропойска до Бахани²². Это уменьшит полосу вашего корпуса на 20—25 км и позволит вывести 187-ю стрелковую дивизию для наступления на Быхов. Далее, завтра же для усиления довского направления вам будет подчинен мотопулеметный полк, который сосредоточивается в лесу северо-восточнее Довска²³. А пока корпусу необходимо прочно удерживать занимаемый рубеж, в ночь на 23 июля произвести перегруппировку и к утру быть готовым к переходу в наступление с прежней задачей уничтожения группы противника в районе Быхова²⁴.

Перед отъездом генерал Ф. И. Кузнецов сообщил мне приятную новость:

— Начальником артиллерии 67-го стрелкового корпуса я назначил полковника В. В. Добронравова, а заместителем командира по тылу — подполковника А. И. Плохова. Вы вместе успешно сражались в тылу противника. Думаю, что сослуживцы по 24-й Железной дивизии и сейчас хорошо помогут вам справиться с боевыми задачами.

Проводив командарма, я продолжал готовить корпус к наступлению. Но в тот же день противник вновь атаковал наши части в направлении города Довска. И хотя теперь он действовал основными силами 31-й пехотной и 1-й кавалерийской дивизий с танками, все же и на этот раз успеха не имел. Встреченные мощным минометно-артиллерийским огнем, гитлеровцы потеряли до двух батальонов пехоты и были отброшены в исходное положение²⁵.

А на следующий день, завершив перегруппировку и продолжая отражать многочисленные контратаки противника на правом фланге, войска корпуса перешли в наступление на Быхов. Правее, северо-западнее Пропойска, наступал 21-й стрелковый корпус в составе двух стрелковых дивизий. Части 25-го механизированного корпуса из района Паая, где они разгромили до двух батальонов пехоты противника, продвигались на Пропойск²⁶.

²¹ Там же, оп. 2511, д. 177, лл. 24—25, 39.

²² Там же, л. 39.

²³ Там же, л. 7.

²⁴ Там же, ф. 246, оп. 2139, д. 1, л. 13.

²⁵ Там же, ф. 208, оп. 3038, д. 5, л. 518.

²⁶ Там же, оп. 2511, д. 177, л. 37.

На бобруйском направлении в это время войска 63-го стрелкового корпуса вели бой на рубеже в 10—15 км северо-западнее и юго-западнее Рогачева. Тогда же на левом фланге армии кавалерийская группа генерала О. И. Городовикова, форсировав р. Птичь, из района Глусска продвигалась на север²⁷. Наступая в общем направлении на Осиновичи, она создала угрозу коммуникациям 2-й армии противника.

Чтобы ликвидировать прорыв этой группы, фашистское командование выдвинуло сюда из резерва три пехотные дивизии, которые действовали здесь в течение трех недель, охраняя тылы и коммуникации армии.

Своим наступлением на могилевском и бобруйском направлениях войска 21-й армии сковали восемь пехотных дивизий противника и нанесли им серьезные потери. Эти действия, а также бои соединений 13-й армии в районе Могилева и удары 3-й армии в направлении Слуцка создали угрозу войскам правого крыла группы армий «Центр», которые вследствие этого во второй половине июля уже не смогли добиться больших успехов²⁸.

Вновь наступает враг

Немецко-фашистское командование, опасаясь развития нашего контрудара на запад и на север, повернуло на гомельское направление пехотные дивизии из состава 2-й армии и 24-й танковый корпус 2-й танковой группы. Таким образом, активные действия наших войск вынудили противника задействовать против них на этом участке фронта части 53, 43, 35-го армейских корпусов, 3-ю и 4-ю танковые и 1-ю кавалерийскую дивизии²⁹.

Только такими значительными силами противнику удалось остановить наступление наших войск. При этом следует учесть еще и следующие обстоятельства: наша пехота наступала почти без танков, в воздухе полностью господствовала фашистская авиация, которая почти безнаказанно бомбила наши боевые порядки, не давая им продвигаться вперед. В частности, 21-й армии пришлось вести наступление на двух разобщенных направлениях: на запад, в направлении Бобруйска, и на север — на Быхов, что при общем недостатке сил не позволяло произвести их массирование. Резервов в армии и во фронте не было, а противник непрерывно вводил в бой свежие силы, подходившие из глубины или перебрасываемые с других направлений.

Несмотря на все это, войска армии в ходе боев наносили врагу немалый урон.

²⁷ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 177, л. 37 об.

²⁸ «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», т. 2 М., 1961, стр. 68.

²⁹ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 3038, д. 5, л. 518.

Неудивительно, что 21-я, а также 3-я армии, осложнившие своей героическими действиями задачу правого крыла группы армий «Центр», были объектом пристального внимания гитлеровского верховного командования, в том числе и фашистского «фюрера». Так, начальник германского генштаба генерал Гальдер записал в служебном дневнике: «17 июля... Фюрер хочет, чтобы фронт, взломанный в центре в результате удара 4-й армии, окончательно был разорван на две части. Для этого 2-я танковая группа... должна наступать совместно с пехотными соединениями 2-й армии в юго-восточном направлении с целью уничтожить 21-ю русскую армию, стоящую против правого крыла группы армий «Центр»...»³⁰

Однако активные наступательные действия наших войск во второй половине июля на гомельском направлении потребовали от немецко-фашистского командования изменения плана действий. О разьединении фронтов в районе Смоленска уже не могло быть и речи. Поэтому, как отмечал генерал Гальдер 28 июля, «...фюрер указал командующему сухопутными войсками, что важнейшей задачей является ликвидация угрозы на правом фланге группы армий «Центр» путем разгрома вражеской группировки, находящейся в районе Гомеля и севернее. Для этого 2-я танковая группа... должна нанести удар из района Кричева и восточнее в строго юго-западном направлении на Гомель»³¹.

Так, в конце июля и первых числах августа немецко-фашистское командование перегруппировало со смоленского направления на гомельское танковую группу генерала Гудериана. Теперь против действовавших здесь наших 21, 13 и 3-й армий противник вынужден был развернуть 23 дивизии, в том числе всю 2-ю армию и 2-ю танковую группу³².

К тому времени названные три наши армии были объединены во вновь созданный Центральный фронт³³, командующим которым Ставка назначила генерал-полковника Ф. И. Кузнецова, членом Военного совета — секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, начальником штаба — полковника Л. М. Сандалова. Командование же 21-й армией принял генерал-лейтенант М. Г. Ефремов. Войска фронта насчитывали всего 13 стрелковых, две танковые, одну моторизованную дивизии, ослабленные в предшествующих боях. Кроме того, в тылу противника действовали четыре кавалерийские дивизии (32, 43, 47 и 21-я). Этими силами наши войска вели упорные бои на фронте более 300 км — от Рославля и Кричева через Пропойск, Довск, Рогачев до Речицы и Калинковичей.

Следовательно, только по числу дивизий противник на этом участке фронта значительно превосходил наши войска. Если же учесть,

³⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., 1967, стр. 260.

³¹ Там же, стр. 301.

³² Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 12484, д. 248. Трофейная карта от 17 августа 1941 г.

³³ Центральный фронт был создан 25 июля 1941 г.

что каждая вражеская дивизия имела сил и средств намного больше, чем наша, то очевидно многократное превосходство немецко-фашистских войск.

После того как командование немецкой 2-й армии, подтянув резервы, отразило контрудар 21-й армии на Быхов и Бобруйск, наши войска до 8 августа удерживали занимаемый рубеж, сохраняя за собой плацдармы на западном берегу Днепра. 9-го же августа противник, сосредоточив в районе северо-восточнее Пропойска 10-ю моторизованную, 7-ю пехотную, 3-ю и 4-ю танковые дивизии из состава 2-й танковой группы³⁴, перешел в наступление против левого фланга войск 13-й армии. В результате ожесточенных боев танки врага к исходу дня 10 августа достигли рубежа Рудня, Осмоловичи, Климовичи³⁵.

Войска левого фланга 13-й армии на фронте Чериков, Пропойск вынуждены были отойти на юго-восток. Противник же воспользовался этим для выхода в тыл 21-й армии на гомельском направлении.

Необходимо отметить, что как раз накануне наступления противника штаб правофлангового 21-го стрелкового корпуса был выведен в тыл на расформирование и сдал две дивизии 67-му стрелковому корпусу. Таким образом вражеский удар теперь пришелся по вновь прирезанному нам участку фронта.

11 августа силою до четырех полков пехоты с танками при поддержке авиации враг атаковал правый фланг 21-й армии западнее р. Сож. Отбросив 117-ю стрелковую дивизию на восточный берег реки и выйдя на шоссе Пропойск — Довск, фашистские войска начали продвигаться на юго-восток³⁶. 12 августа немцы, используя этот прорыв, пятью нехотными дивизиями перешли в наступление на фронте от Пропойска до Днепра. Главный удар ими наносился вдоль западного берега р. Сож на юг в направлении Гомеля³⁷.

187-я стрелковая дивизия нашего корпуса, атакованная превосходящими силами врага, отошла на юг. А 151-я и 102-я в этот день отразили атаки превосходящих сил противника и удержали занимаемый рубеж обороны.

На рассвете 13 августа по вызову генерал-майора В. Н. Гордова командир 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Л. Г. Петровский³⁸ и я прибыли в Довск. Туда же приехал и В. Н. Гордов. Он временно исполнял обязанности командарма, после того как 10 августа генерал-лейтенант М. Г. Ефремов вступил в командование Центральным фронтом вместо убитого на другую должность генерал-полковника Ф. И. Кузнецова. Эти перемещения оказались как нельзя более несвоевременными. К тому же ни В. Н. Гордов, ни мы с

³⁴ Г. Гудериан. Указ. соч., стр. 184.

³⁵ Архив МО СССР, ф. 226, оп. 668, д. 21, л. 7.

³⁶ «Военно-исторический журнал», 1966, № 6, стр. 23.

³⁷ «СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Краткая хроника», стр. 63.

³⁸ Воинское звание генерал-лейтенанта было присвоено Леониду Григорьевичу Петровскому 31 июля 1941 г.

Л. Г. Петровским, как командиры корпусов, прибыв в Довск, к сожалению, не смогли определить силы и намерения противника, начавшего решительное наступление на гомельском направлении, и рассчитывали контратаками удержать занимаемый рубеж.

Выслушав наши доклады, генерал Гордов решил восстановить положение, контратакуя противника на правом фланге в общем направлении на Пропойск частями 67-го стрелкового корпуса, усилив его выведенной в резерв армии 167-й стрелковой дивизией 63-го стрелкового корпуса. Было также приказано в ночь на 14 августа начать отвод частей 63-го стрелкового корпуса на восточный берег Днепра, где им надлежало перейти к обороне.

После этого генерал Л. Г. Петровский выехал к себе, чтобы организовать переброску 167-й стрелковой дивизии автотранспортом в район Довска. Я остался, чтобы встретить командира этой дивизии генерал-майора В. С. Раковского и поставить ему задачу.

Около 8 часов утра генерал В. С. Раковский с начальником артиллерии дивизии подполковником С. Е. Поповым и командирами двух стрелковых полков прибыл в Довск. В присутствии В. Н. Гордова он доложил мне, что дивизия выступила из района Рогачева и что авангардный 465-й стрелковый полк подполковника Федина подходит на автомашинах к Довску. Остальные части дивизии передвигались пока пешим порядком, но по мере высвобождения транспорта командир дивизии намеревался перебрасывать и их на автомобилях.

На мой вопрос об артиллерии ответил подполковник С. Е. Попов. Он доложил, что 576-й пушечный артиллерийский полк движется с авангардным стрелковым полком. Он погрузил орудийные расчеты и снаряды на автомашины и прицепил к ним на буксир орудия. Остальная артиллерия на конной тяге следует форсированным маршем за авангардом.

Одоблив организацию выдвижения дивизии, я тут же поставил задачу генералу В. С. Раковскому. Его дивизия должна была сосредоточиться в районе лесов северо-восточнее Довска под прикрытием 187-й стрелковой дивизии и во взаимодействии с ней, развернувшись из-за ее правого фланга, контратаковать противника в направлении Свенск, Пропойск. Сообщив, что наступление будет поддерживать корпусная артиллерия, я нанес на рабочую карту В. С. Раковского рубеж атаки и направление главного удара.

Командир дивизии с начальником оперативного отдела майором Г. В. Семеновым и начальником штаба артиллерии корпуса майором А. А. Бородиным, прибывшим в Довск вместе со мной, выехали на рекогносцировку района сосредоточения и исходного положения для наступления частей дивизии. Я же намеревался вернуться на корпусной командный пункт, чтобы оттуда управлять боевыми действиями дивизий.

Увы, этому не суждено было сбыться. Последовал мощный артиллерийский огневой налет противника. Часть снарядов разорвалась вблизи нас, и я почувствовал сильный удар по голени правой ноги.

— «Ранен! — мелькнула догадка. — И в такое время!..»

Рядом оказался мой адъютант старший лейтенант В. С. Вайнилович, служивший со мной еще в 24-й стрелковой дивизии. С его помощью я с трудом добрался до ближайшего здания. Это была телеграфно-телефонная станция. Медленно опустился на землю. В. С. Вайнилович быстро разрезал сапог и, наклонившись, стал перевязывать мне ногу. По вот начался второй артиллерийский огневой налет. Где-то совсем рядом разорвался снаряд, и я почувствовал вновь острую боль: еще ранение и в ту же правую ногу!

В этот момент на меня навалилось всей своей тяжестью внезапно обмякшее тело адъютанта. Смерть настигла его мгновенно.

Так внезапно оборвалась жизнь Владимира Степановича Вайниловича — боевого товарища первых недель войны. С ним я прошел тяжелый путь по тылам противника в огне ожесточенных и упорных боев с немецко-фашистскими захватчиками. И воспоминание о них для меня навсегда связано с памятью об этом мужественном и храбром офицере, одним из многих, отдавших свою жизнь в борьбе с врагом...

По приказанию генерала В. И. Гордова меня отправили на автомашине в армейский госпиталь в Гомель. Там оперировали, но сразу эвакуировать дальше не успели. А следующим утром завывли сирены, страшный взрыв потряс здание госпиталя, которое фашистские стервятники подвергли бомбежке, хотя на его крыше развевался большой белый флаг с красным крестом. Многие раненые погибли. Уцелевших, в том числе и меня, поздно вечером 14 августа на грузовых автомашинах вывезли на ближайший аэродром и оттуда самолетом в Москву.

А на подступах к Гомелю еще семь суток продолжались развернувшиеся 13 августа ожесточенные бои. Враг превосходящими силами рвался к городу, стремясь разгромить наши войска и тем самым устранить угрозу правому флангу группы армий «Центр», ведущей бой на Смоленском направлении.

Войска 21-й армии героически отражали сосредоточенные удары, но вынуждены были с боями отходить на юг и юго-восток. Стремясь задержать противника в междуречье Сожа и Днепра, они изматывали его в оборонительных боях, наносили ему большие потери. Темн продвижения гитлеровских войск с каждым днем снижался. Но у армии и во фронте не было необходимых резервов, чтобы окончательно остановить противника.

Особенно ожесточенные бои разгорелись на окраинах Гомеля. Враг с самого начала своего наступления бросил на город крупные силы авиации, ежедневно совершая массированные налеты. Дым пожаров стоял над Гомелем. Непосредственно на город немецко-фашистское командование бросило пять пехотных дивизий, поддержанных авиацией и танками. В то же время гитлеровцы силами трех пехотных дивизий начали форсирование Днепра южнее Жлобина³⁹,

³⁹ «СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Краткая хроника», стр. 63.

но встретили здесь упорное сопротивление войск 21-й армии и сформированных в Гомеле истребительных батальонов.

Командование армии и фронта совместно с местными партийными и советскими органами предпринимало энергичные меры к защите Гомеля.

На подступах к нему по указанию командующего фронтом строились оборонительные укрепления. Под руководством секретаря Гомельского городского комитета партии Е. И. Барыкина в короткий срок был сформирован и вступил в бой полк народного ополчения, состоявший из рабочих городских предприятий. Создавались все новые истребительные батальоны. Партийные организации формировали штабы и партизанские отряды для действий в тылу врага. Беззаветное мужество проявили в боях за Гомель воины армии и жители города.

Но к тому времени управление войсками 21-й армии было нарушено. Вслед за мной был ранен и выбыл из строя временно исполнявший обязанности командарма генерал-майор В. Н. Гордов. 17 августа смертью героя пал в бою командир 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Л. Г. Петровский. А несколькими днями раньше, 14 августа, танки противника прорвались к востоку от Чечерска в район расположения штаба армии, личному составу которого пришлось с боем прорываться из окружения.

Непосредственное руководство боевыми действиями 21-й армии взял на себя командующий фронтом генерал-лейтенант М. Г. Ефремов. Чтобы организовать управление ее войсками, он выехал с группой оперативных работников на новый командный пункт армии, развернутый южнее Гомеля.

19 августа в результате десятидневных жестоких боев, потеряв несколько тысяч солдат и офицеров и много танков⁴⁰, противник захватил Гомель.

Таким образом, начав наступление с рубежа Пропойск, Нов. Быхов, враг за десять суток продвинулся на 105 км. Эти данные нельзя сравнить с предшествовавшими темпами наступления немецко-фашистских войск. Так, за первые семь суток войны они продвинулись почти на 350 км. Разница огромная. Она ясно показывала, что непрерывно нараставшее сопротивление советских войск спутало карты фашистского командования. Гитлеровцы продолжали продвигаться, но все более замедленным темпом, неся огромные потери. И это было первым предвестником того, что они будут в конце концов остановлены, а затем и разгромлены непрерывно нараставшими силами Красной Армии.

Почти до конца августа войска Центрального фронта под командованием генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова сдерживали натиск превосходящих сил противника. Отходя от рубежа к рубежу, они до конца выполнили свой долг и не дали врагу возможности прорваться во фланг и тыл войскам соседнего Юго-Западного фронта.

⁴⁰ С. Лебедев. Гомель. Минск, 1962, стр. 92.

Говоря о боях 21-й армии в июле — августе 1941 г., следует подчеркнуть, что она совместно с другими армиями Западного, а затем и Центрального фронтов более 40 суток активно действовала на гомельском направлении, угрожая правому флангу группы армий «Центр». Контрудары, нанесенные ею, а также другими нашими армиями на правом крыле Западного фронта, сыграли большую роль в Смоленском сражении. Они позволили оттянуть крупные силы гитлеровских войск, задержать их наступление, выиграть время для организации обороны на дальних подступах к Москве.

Эти первые месяцы войны были особенно тяжелыми для всего нашего народа. В то же время они отнюдь не были «силовым триумфом» гитлеровской армии, как это пытаются утверждать реакционные военные мемуаристы и историки на Западе. Да, мы терпели тяжелые неудачи, несли большие потери, отступали. Но не было в наших рядах места ни панике, ни растерянности. Коммунистическая партия, Советское правительство подняли всю страну на всенародную войну с фашистскими захватчиками. И потому для гитлеровских войск бои на Восточном фронте ничего общего не имели с их наступлением на Западе, где им по существу не было дано действенного отпора.

У нас же фашистский вермахт встретил всевозрастающее сопротивление, которое сразу нарушило все планы гитлеровского командования. Вряд ли противник ожидал, что, например, только в боях с нашей 24-й Железной стрелковой дивизией его войска за два дня потеряют больше сотни танков и тысячи солдат и офицеров. А ведь так было не только на нашем сравнительно небольшом участке фронта, но и на многих, многих других!

Вот почему за неудачным для нас развитием боевых действий и потерями, понесенными в первые дни войны нашими войсками, мы не можем не видеть картину их массового героизма, не вправе не понимать его стратегического значения. Оценивая эти сражения, нужно учитывать тот характер, который приняла вооруженная борьба с первого ее часа.

То была борьба не на жизнь, а на смерть. Дух этой непримиримой борьбы с фашистами объединил всех воспитанных Коммунистической партией защитников социалистической Родины — от генерала до солдата, от рабочего и колхозника до руководителей государства.

Невиданные в истории войн стойкость и массовый героизм бойцов и командиров Красной Армии, вынесших на своих плечах неимоверные трудности первых, неравных боев, навсегда останутся предметом величайшей гордости не только для советского народа, но и для прогрессивных людей всех стран. Ибо героически защищая свою землю, советские воины закладывали фундамент победы над германским фашизмом — злейшим врагом всего человечества.

Возвращение на фронт

Два назначения

Рана зажила лишь к началу января 1942 г. Так что и Новый год пришлось встречать в военном госпитале в Свердловске. Не очень весело было оставаться в вынужденном бездействии, когда на фронте шли напряженные бои. Несколько скрапивали госпитальную жизнь сообщения радио и газет, из которых можно было получить общее представление о военно-политической обстановке.

С тревогой следил за ходом грандиозного сражения, развернувшегося в августе — сентябре на всем громадном советско-германском фронте. Враг продолжал продвигаться все дальше в глубь нашей земли, сая смерть и разрушения. Все новые районы страны опутывала его черная свастика.

Но в то же время уже тогда в ходе ожесточенной борьбы начинали явственно проглядывать признаки провала основных, решающих расчетов гитлеровского командования, с которыми оно начинало войну против нашей Родины. Лето, в течение которого фашистское руководство планировало достичь своих главных целей — разгрома Красной Армии и захвата Москвы, Ленинграда, — не оправдало этих надежд врага. Да, он проник глубоко на советскую территорию, но ценой больших потерь, которые неизбежно ослабили силу его дальнейших ударов, резко замедлили темп наступления.

Словом, блицкриг явно не получался. Как человек военный, я понимал, что опасность, нависшая над Родиной, очень велика. Да этого и не скрывала наша Коммунистическая партия, всегда говорившая народу правду, какой бы горькой она ни была. Но вместе с тем партия вселяла в народ веру в возможность срыва захватнических планов германского фашизма, указывала пути разгрома врага, звала всех советских людей на самоотверженную борьбу с ним. И вся страна поднялась на войну, которая поистине стала всенародной.

Глубоко волновали вести о невиданной стойкости и массовом героизме наших воинов на фронте, о самоотверженности тружеников тыла. В едином строю сражался с врагом весь советский народ. А потом — сообщения о провале вражеского наступления на Ленинград, о великой Московской битве, начавшейся в исключительно

неблагоприятных для наших войск условиях и завершившейся сокрушительным разгромом гитлеровских бронированных полчищ. Несомненно, начался коренной поворот в ходе войны. Стратегическая инициатива перешла к Красной Армии.

С нетерпением ждал дня, когда расстанусь с госпиталем и вернусь на фронт. И вот, наконец, в первых числах января мне вручили справку об окончании лечения. Я мог ехать в Москву за новым назначением.

— Постарайтесь больше к нам не попадать,— говорили врачи на прощанье.

Увы, выполнить их пожелание не удалось.

Хмурым январским днем прямо с Казанского вокзала отправился в Генеральный штаб. И едва войдя в здание, буквально столкнулся с выходящим генерал-лейтенантом В. И. Кузнецовым — бывшим командующим 3-й армией. Оказалось, что теперь он командовал 1-й ударной армией. Расспросив о здоровье и узнав, что я не успел еще получить назначения, В. И. Кузнецов предложил мне должность своего заместителя.

— Сейчас армия,— сказал он,— после успешных боевых действий под Москвой выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования в район Клина. Войска пополняются личным составом, получают новое вооружение, напряженно обучаются. Дел много, готовимся к скорому наступлению. Будем вас ждать.

Предложение В. И. Кузнецова мне, конечно, понравилось. Сразу на фронт, да еще в ударную армию — этого я только и хотел.

Через несколько дней, получив приказ о назначении, я прибыл в Клин, где размещался штаб 1-й ударной армии. Город к этому времени наполовину был разрушен фашистами. Торчали дымовые трубы да виднелись развалины домов. На окраине города я увидел разоренный гитлеровцами дом-музей великого композитора Петра Ильича Чайковского, в котором бывал до войны.

Был поздний вечер, когда я доложил о своем приезде В. И. Кузнецову. У него познакомился с членом Военного совета бригадным комиссаром Д. Е. Колесниковым и начальником штаба армии генерал-майором Н. Д. Захватаевым. На следующий день состоялось заседание Военного совета. Было решено, чтобы я занялся боевой подготовкой соединений армии.

1-я ударная армия в это время имела семь стрелковых и две морские стрелковые бригады, десять лыжных и один танковый батальон, пушечный артиллерийский полк и три дивизиона «катюш». Во всех частях шла напряженная боевая учеба. Но длилась она недолго. Уже 29 января был получен приказ Ставки Верховного Главнокомандования о переподчинении 1-й ударной армии Северо-Западному фронту. Ее соединениям и частям предстояло выдвигаться по железной дороге в район северо-восточнее Старой Руссы.

Когда 10 дней спустя мы прибыли туда, армия была пополнена несколькими стрелковыми дивизиями. А 10 февраля поступил боевой приказ командующего Северо-Западным фронтом. Армии стави-

лась задача с утра 13 февраля прорвать оборону противника южнее Старой Руссы, обойти ее с юго-запада в направлении Взгляды, Городцы и перерезать железную дорогу Старая Русса — Дно. В дальнейшем мы должны были совместно с соседней слева 11-й армией генерал-лейтенанта В. И. Морозова разгромить старорусскую группировку противника и выйти в район Шимск, Сольцы. Этот район гитлеровцы считали важным потому, что он прикрывал основные коммуникации, питавшие немецко-фашистские армии, которые блокировали Ленинград.

Таким образом, на 1-ю ударную армию легла почетная задача своими боевыми действиями перерезать эти коммуникации и тем самым оказать помощь героическому Ленинграду.

Для выполнения поставленной задачи генерал В. И. Кузнецов создал на левом фланге армии ударную группу в составе 129-й, 201-й латышской стрелковой дивизий, 2-й гвардейской стрелковой, 83-й танковой бригад и ряда артиллерийских частей. Командовать группой было поручено мне. Для руководства ее войсками был создан вспомогательный пункт управления армии, где вместе со мной находился ряд офицеров во главе с заместителем начальника штаба армии полковником И. Я. Фурсиным, а также группа политработников, которую возглавлял заместитель начальника политотдела армии старший батальонный комиссар Д. Е. Макеев. Разместились мы на наблюдательном пункте командира 201-й латышской стрелковой дивизии полковника Г. Г. Паэгле. Отсюда и осуществлялось управление войсками группы.

Наступление началось в 10 часов утра 13 февраля после артиллерийской подготовки. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как стрелки-латыши, преодолевая огневое сопротивление врага, успешно продвигаются вперед. Но вот над полем боя появились десятки фашистских самолетов. На бреющем полете они начали поливать свинцом боевые порядки атакующих частей.

— Не залягут стрелки? — обращаюсь к стоявшим рядом командиру и комиссару дивизии полковнику Г. Г. Паэгле и полковому комиссару Э. Д. Бирзиту.

— Ни в коем случае, — уверенно отвечает полковник Паэгле. — Это фашистам не лето прошлого года. Теперь мы научились уже бороться с этими стервятниками. Смотрите, как стреляют наши зенитчики.

Словно в подтверждение, два «мессершмитта», объятые пламенем, врезались в землю.

Наступление развивалось успешно и на участке 129-й стрелковой дивизии (командир — генерал-майор В. А. Смирнов, комиссар — бригадный комиссар И. П. Кибичкин). В результате умелого взаимодействия стрелковых частей с артиллерией и танками ударная группа армии в ходе трехдневных ожесточенных боев 15 февраля вышла к железной дороге Старая Русса — Дно, выполнив ближайшую задачу. Наибольшего успеха добились части 2-й гвардейской стрелковой бригады полковника Я. П. Безверхова. Они уничтожили сотни гитле-

ровцев, захватили свыше двух десятков пленных, 40 автомашин и несколько орудий.

Во второй половине дня 15 февраля противник на участке 2-й гвардейской стрелковой бригады предпринял сильную контратаку вновь подошедшей группировкой танков и пехоты при поддержке крупных сил авиации. Вражеская авиация буквально висела в воздухе, несмотря на потери, которые она несла от наших истребителей и зенитной артиллерии. Наши летчики в многочисленных воздушных боях проявляли чудеса храбрости, но в численности самолетов мы пока значительно уступали противнику. Здесь, под Старой Руссой, в воздушном бою против большой группы вражеских самолетов погиб сын легендарного героя гражданской войны М. В. Фрунзе — Тимур Фрунзе.

Наши части упорно отражали яростные контратаки фашистских танков и пехоты. На отдельных участках гитлеровцам удалось потеснить 2-ю гвардейскую стрелковую бригаду и вклиниться в ее расположение. В помощь гвардейцам мною был направлен находившийся в резерве стрелковый полк 129-й стрелковой дивизии и батальон 83-й танковой бригады подполковника Г. Л. Юдина (комиссар — старший батальонный комиссар М. З. Главацкий). Их совместными усилиями چراг был остановлен.

Вечером, после моего доклада об итогах боя, командующий армией приказал продолжать с утра наступление и передал в мое распоряжение еще одну стрелковую бригаду из своего резерва.

— Она подойдет к вам в течение ночи, — сказал он. — А днем и я приеду.

Но встретиться нам не пришлось. С утра 16 февраля на всем фронте нашей группы немецко-фашистские войска возобновили контратаки. Вскоре появились в воздухе до двух десятков «мессершмиттов». В ходе воздушного боя звено фашистских самолетов прорвалось к нашему наблюдательному пункту. Вокруг рвались бомбы. Последнее, что запомнилось, — визг осколков, дым и гарь. Потом почувствовал, что теряю сознание.

Очнулся лишь на следующий день в госпитале в Москве. Ранение оказалось тяжелым. И вот опять Свердловск, снова долгие месяцы лечения. Экое невезение!

Готовим резервы

...Шел сентябрь 1942 г., когда я прибыл в Москву после выздоровления. Заместитель наркома обороны по кадрам генерал-майор А. Д. Румянцев, к которому я явился за назначением, долго расспрашивал о самочувствии, а потом предложил:

— Может быть, сначала поработаете немного в тылу, чтобы укрепить здоровье?

— Благодарю за внимание и заботу, — ответил я. — Убедительно прошу послать на фронт. Там я принесу пользы больше, чем в тылу.

— Хорошо, — согласился А. Д. Румянцев. — Доложу наркому.

Через два дня меня вызвал начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский. Мы знали друг друга давно. Еще в начале 30-х годов, когда я командовал 3-м полком Московской Пролетарской стрелковой дивизии, Александр Михайлович часто бывал у нас в полку. Он работал в то время в Управлении боевой подготовки. Встретились тепло, как старые знакомые. Потом А. М. Василевский весьма решительно, как бы заранее отвергая возражения, сообщил, что Ставкой Верховного Главнокомандования я назначен командующим войсками 1-й резервной армии, штаб которой находится в Тамбове.

А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

— В настоящее время, — продолжал он, — армия только начинает формироваться. Ее костяк составляют несколько дивизий, выведенных с фронта и имеющих боевой опыт. К сожалению, они малочисленны. Вам надо будет в кратчайший срок принять пополнение, большое количество нового вооружения, доукомплектовать имеющиеся дивизии, сформировать новые и обучить их.

Он улыбнулся:

— 3-й полк не забыли? Помните своего подчиненного — командира учебного батальона Я. Г. Крейзера? Ныне он генерал-майор, Герой Советского Союза. Будет вашим заместителем. Начальником штаба армии назначен генерал-майор С. С. Бирюзов, в свое время командир 2-го батальона того же полка. Так что помощниками, как видите, у вас будут бывшие сослуживцы. Времени на то, чтобы сработаться, не потребуется. Сможете сразу же заняться главным.

Резервная армия, да еще к тому же только начинающая формирование... Это означало, что в тылу придется пробыть еще месяцы, в то время как фронт вновь переживал огромное напряжение, особенно на юге, где враг прорвался к Сталинграду, на Северный Кавказ. Я, конечно, понимал, что создание резервов — дело исключительной важности, от которого зависел дальнейший ход войны. Но не радовала перспектива снова оказаться вдали от фронта. Об этом и сказал прямо.

Александр Михайлович твердо ответил:

— Ваше назначение — дело решенное. К тому же имейте в виду: в тылу не засидитесь. — И считая вопрос исчерпанным, на прощанье

добавил: — Все относящееся к комплектованию, вооружению и снабжению войск армии решайте здесь же, не откладывая.

Эти вопросы с помощью начальника организационно-мобилизационного управления Генштаба генерал-лейтенанта А. Г. Карносова в основном были решены в течение двух дней. Вместе с тем, вникая в дела формируемой армии, я увидел, как много еще предстояло сделать на месте. И поторопился выехать в Тамбов, чтобы как можно скорее приступить к работе.

Встретил Яков Григорьевич Крейзер. Тепло поздоровались. Вспомнили годы, когда были молоды. Казалось, целая вечность прошла с тех пор. И вот уже у обоих седые виски. А может быть не годы их посеребрили, а война?..

Яков Григорьевич привез меня в центр города, к четырехэтажному зданию. Здесь, в помещении бывшей гостиницы, размещался штаб армии.

Первое впечатление: расположились не на месте. Город находился всего лишь в 250 км от линии фронта и вражеская авиация могла добраться сюда за 30 минут. Первый же налет мог нарушить нормальную работу штаба. Так появилась еще одна забота — подыскать более подходящее место.

В штабе к нам присоединился член Военного совета армии дивизионный комиссар И. И. Ларин, тоже старый сослуживец: в середине 30-х годов я был заместителем командира 3-й Крымской стрелковой дивизии, а он — заместителем командира ее 7-го стрелкового полка по политической части. Расстались мы в 1937 г. в связи с моим убийством в Харьков на должность начальника штаба военного округа. И. И. Ларин же в 1939 г. был назначен комиссаром 147-й стрелковой дивизии. И вот опять вместе.

Обсудив предстоящие дела, мы заслушали доклад временно исполнявшего должность начальника штаба армии полковника М. Д. Грецова о ходе формирования частей. Поскольку в организацию этого дела предстояло внести некоторые изменения в соответствии с полученными в Москве указаниями, решили сразу же провести расширенное заседание Военного совета армии.

Когда все собрались, я изложил ориентировочный план формирования армии, исходя из определенных в Москве сроков прибытия войск, а также пополнения и вооружения. Затем обсудили вопрос о размещении новых соединений и частей. Наилучшим для этого был признан один из ближайших лесных районов бывших тамбовских военных лагерей. Туда было решено перебазировать из города и армейские склады, что облегчалось наличием железной дороги и нескольких шоссе в выбранном нами районе.

Что касается штаба армии, то договорились расположить его также за пределами города, а в Тамбове оставить только пункт сбора донесений. Наконец, назначили временно исполняющих должности тех работников штаба, которые пока еще не прибыли. Это позволяло без промедления начать проведение всех мероприятий по формированию армии.

Уже по одному перечню вопросов, обсужденных Военным советом, можно судить о том, какое множество дел нам предстояло осуществить для создания армии — мощного войскового объединения с огромным хозяйством, действующего слаженно и четко. И все это должно было сочетаться с всесторонней боевой и политической подготовкой войск и штабам к выполнению предстоявших армии задач на полях битв.

Формирование резервной армии началось. Большую помощь оказывал нам Тамбовский горком партии. Благодаря напряженной работе командиров и политработников, штабов армии и ее соединений в течение двух недель было сделано многое. Теперь уже можно было сказать, что армия в основном сформирована. Правда, предстояло еще немало дел. Но стало ясно, что недалек день, когда и они будут завершены.

Однако меня ждала новая перемена. Поздно ночью 20 сентября, когда я вернулся с собрания городского партийного актива, раздался звонок по ВЧ. Сняв трубку, услышал:

— Говорит Поскребышев. Здравствуйте, Кузьма Никитович!

А. Н. Поскребышев был начальником секретариата И. В. Сталина. Я хорошо знал его, так как часто встречался с ним в МК партии в бытность мою командиром полка Московской Пролетарской дивизии. Ответив на приветствие, я подумал: видимо, речь пойдет о формирующейся армии. Но не угадал. Александр Николаевич сообщил, что вечером 21 сентября я должен прибыть в Ставку.

— Утром вылету самолетом, — ответил я.

— Самолетом? — переспросил А. Н. Поскребышев. — Подождите, пожалуйста, две-три минуты.

Ожидая продолжения разговора и размышляя о причине вызова, я по-прежнему связывал его с делами 1-й резервной армии. И решил, что за ночь успеем подготовить все необходимые материалы для доклада в Ставке. Вскоре в трубке вновь раздался голос А. Н. Поскребышева:

— Самолетом лететь вам не разрешено. Воспользуйтесь автомашиной и приезжайте вовремя. До свидания.

В условиях стоявшей тогда плохой погоды, частых туманов самолет действительно мог оказаться не вполне надежным средством передвижения. Невольно подумалось: четко работает аппарат Ставки, все выясняется в считанные минуты... Тут же позвонил дежурному по штабу, приказал немедленно вызвать ко мне Я. Г. Крейзера, И. И. Ларина и М. Д. Грецова со всеми последними данными о составе армии и готовности ее войск. Адьютанту дал распоряжение готовить машину к выезду в Москву.

Вскоре прибыли вызванные товарищи. Сообщил им о вызове в Ставку. Затем накоротке обменялись мнениями о тех вопросах, которые необходимо решить в Москве.

Вечером 21 сентября я был в Генеральном штабе. Прежде всего позвонил генерал-лейтенанту А. Г. Карпонову. И неожиданно услышал:

— Разговор будет не о делах 1-й резервной армии. Поедем в Ставку вместе. Заходите ко мне в 23 часа.

Так как мои предположения не оправдались, а до назначенного часа осталось немного времени, то пришлось запастись терпением до выяснения обстановки.

В 3-ю ударную армию

В полночь мы с генералом Карпопосовым приехали в Кремль. Машина остановилась у большого треугольного здания, выходящего к Никольской башне. У входа нас встретил подполковник с синими петлицами войск госбезопасности. Представившись, он проводил нас на третий этаж в приемную И. В. Сталина. Значит, прямо к Верховному? И если не о 1-й резервной армии, то о чем же будет идти речь? Ничего не зная об этом, я, естественно, немного волновался. В приемной нас встретил А. Н. Поскребышев в форме генерал-майора. Здороваясь, он улыбнулся:

— Кадровики говорили, что вы еще не поправились после ранения. Непохоже. Выглядите как когда-то на параде на Красной площади.

Его хорошее настроение как-то сразу передалось и мне. Волнения, владевшего мной весь вечер, как не бывало. Было похоже на то, что речь идет об ожидавшей меня новой задаче.

Прозвучал тихий звонок.

— Входите, — сказал Поскребышев.

В кабинете за длинным столом сидели В. М. Молотов, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов. И. В. Сталин стоял у торца стола, курил трубку. Я представился и доложил о прибытии.

— Как ваше здоровье, товарищ Галицкий? — спросил Сталин.

— Вполне здоров, товарищ Сталин.

— Как идут дела в резервной армии?

— Заканчиваем формирование и подготовку войск. Через две недели будем готовы выехать на фронт.

— Значит вы вполне здоровы? — повторил свой вопрос Сталин.

— Абсолютно здоров, товарищ Сталин. Даже забыл о ранах.

— Где лечились?

Я понял, что И. В. Сталин хочет услышать от меня о положении в тыловых госпиталях.

— Лечился в Свердловске. Лечение раненых поставлено очень хорошо. Почти все возвращаются в строй. Среди медперсонала много жен военнослужащих, которые работают медицинскими сестрами, санитарками. Работают без усталости день и ночь, как и весь врачебный персонал госпиталей.

Сталин слушал меня внимательно, не перебивая. Затем задал мне еще несколько уточняющих вопросов о состоянии 1-й резервной армии. Я ответил. Обращаясь к членам Государственного Комитета Обороны, Верховный Главнокомандующий сказал:

А. А. ГРЫЗЛОВ

Я. Г. КРЕЙЗЕР

— Так назначим его командующим 3-й ударной армией? Нет возражений?

Возражений не было.

— Итак, — обращаясь ко мне, продолжал Сталин, — поезжайте командовать 3-й ударной армией. Учтите, скоро она, возможно, получит задачу на наступление. Готовьтесь. Но пока об этом никому ни слова.

— Ясно, товарищ Сталин.

— Предварительно ориентируйтесь в обстановке в Генштабе. Желаю успехов.

Таков был неожиданный для меня финал вызова в Ставку. Следующее утро я провел в оперативном управлении Генерального штаба, знакомясь с обстановкой на Калининском фронте и, в частности, в полосе 3-й ударной армии.

Надо сказать, что в то время взоры всей нашей страны были обращены к Сталинграду, где шли ожесточенные бои. Героические защитники города переживали самые тяжелые дни. Враг, не считаясь ни с какими потерями, рвался к Волге. Кровопролитные бои не утихали и на перевалах Главного Кавказского хребта. Но Ставка Верховного Главнокомандования уже накапливала силы и средства для готовившегося контрнаступления наших войск на юге. Об этом, конечно, знал весьма ограниченный круг лиц. И, естественно, что в оперативном управлении Генштаба я не услышал и намека по поводу разрабатывавшихся планов разгрома противника на юге. Но и никаких признаков тревоги относительно угрозы Сталинграду и Кавказу не увидел. В Генштабе шла чрезвычайно напряженная работа, однако во всем чувствовалось спокойствие и уверенность.

Действительно, планы противника на 1942 г., предусматривавшие разгром Красной Армии и захват важнейших районов страны, были уже по существу сорваны. В результате всевозрастающего сопротивления советских войск и героических усилий труженников тыла, непрерывно усиливавших поток вооружения для фронта, враг в ходе своих летне-осенних наступательных операций понес огромные, невосполнимые потери в людях и технике.

Да и в целом вторжение на советскую землю дорого обошлось фашистам. В Генштабе меня ознакомили с германскими данными, согласно которым только за первый год войны гитлеровские войска потеряли около 1 млн. 300 тыс. солдат и офицеров, тысячи самолетов, танков и штурмовых орудий. Еще больший урон понес враг к осени 1942 г. К этому времени Красная Армия истребила свыше половины состава кадровых фашистских войск, напавших 22 июня 1941 г. на нашу страну. Силы противника явно уменьшались, особенно в качественном отношении. А мощь Советских Вооруженных Сил, несмотря на временные неудачи на юге, неизмеримо возросла. Изматывая и обескровливая врага в оборонительных боях, Красная Армия создавала предпосылки для его неизбежного полного разгрома.

Вот почему я не удивился, когда, беседуя в тот сентябрьский день 1942 г. в оперативном управлении Генштаба с полковником А. А. Грызловым, услышал от него уверенные слова:

— Мы ожидаем, что противник в скором времени будет вынужден перейти к стратегической обороне на всем фронте.

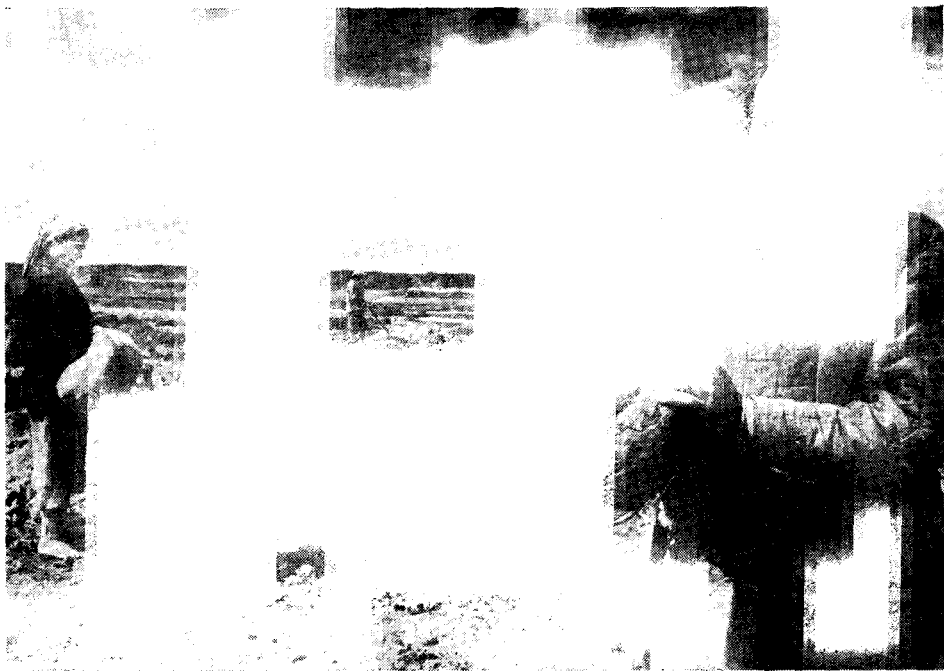
Далее Анатолий Алексеевич рассказал об обстановке на северном участке советско-германского фронта. Там, как и на западном направлении, противник был скован активными действиями наших войск. Правый сосед Калининского фронта — Северо-Западный фронт — держал в так называемом демянском «мешке» 16-ю фашистскую армию. Калининский фронт совместно с Западным наносил сильные удары по врагу, лишая его возможности перебрасывать резервы на юг.

— Немалое количество сил противника сковано, в частности, и 3-й ударной армией, — заметил А. А. Грызлов. И отыскав у себя на столе нужный документ, продолжал: — Вот последние данные: «Перед фронтом 3-й ударной армии в первой линии действуют до трех пехотных и одна танковая дивизии, до трех артиллерийских полков и 75 танков. В резерве противник имеет до одной пехотной дивизии»¹. И эти силы, конечно, намного увеличатся в случае, если 3-я ударная армия перейдет в наступление на великолукском направлении. А это, как вы уже знаете, вполне возможно.

Так мы подошли к разговору об обстановке на фронте 3-й ударной армии. А. А. Грызлов показал мне карту и дал следующие пояснения:

— Войска армии обороняются в полосе от Холма, который пока еще удерживает противник, до Урицкого на фронте около 180 км.

¹ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4308, д. 13, л. 110.

Здесь прошла война! Все что осталось от деревни Мельница Калининской области

Если говорить точнее, то передний край ее обороны проходит от Губино, что в 25—30 км севернее Холма, по восточному берегу р. Ловать до Карцева, находящегося в 20 км севернее Великие Луки, и далее до Урицкое. Войска армии у Великих Лук занимают самый западный выступ в сторону противника на всем советско-германском фронте. Отсюда ближе, чем откуда бы то ни было, до Прибалтики, до наших границ. Вы, конечно, знаете, что Великие Луки — крупный узел коммуникаций...

Это было мне хорошо известно еще со времени учебы в Академии им. Фрунзе. Я знал, что от этого города в разных направлениях отходят десять шоссе и четыре железные дороги. Здесь сходятся дороги с севера — из Дно, Новгорода, Ленинграда, с востока — из Ржева, Москвы, с запада — из Прибалтики. Отсюда идут магистрали и на юго-запад — к Германии. Не случайно еще до первой мировой войны французский генеральный штаб обратил внимание русского командования на особое стратегическое значение Великих Лук. В связи с этим тогда же был создан мощный железнодорожный треугольник Великие Луки — Новосокольники — Невель.

— Как раз на этот стратегический треугольник, — продолжал полковник Грызлов, — гитлеровское командование возлагает большие надежды. Ведь он позволяет весьма оперативно маневрировать крупными силами и средствами с севера на юго-восток и обратно.

— Отмечены ли передвижения войск противника в этом треугольнике?

— В том-то и дело. Всеми видами нашей разведки установлено, что командование группы армий «Центр» снимает сейчас войска с ряда других участков фронта и сосредоточивает их в полосе 3-й ударной армии в районах Локня, Великие Луки, Невель.

Знакомясь с обстановкой по карте и слушая пояснения, я подумал, что противник, возможно, ставит себе целью нанесение удара в общем направлении Великие Луки, Торопец, чтобы выйти на тылы войск Калининского фронта. Столь же вероятно, что он, опасаясь нашего наступления, в предвидении зимы стремился поосновательнее укрепить железнодорожную рокадную линию Ленинград — Дно — Невель — Брянск, соединявшую группы армий «Север», «Центр» и «Юг». Оба предположения, естественно, нуждались в проверке на месте.

Поблагодарив А. А. Грызлова за подробную ориентировку и высказанные им добрые пожелания, я поспешил в тот же день выехать в штаб Калининского фронта, чтобы оттуда отिरаться в 3-ю ударную армию. Предварительно, разумеется, связался по телефону с Тамбовом, попрощался с руководящим составом 1-й резервной.

Под Великими Луками

В полдень я уже в пути. Кругом — выжженная немцами земля. Утром 23 сентября добрался до Кувшиново, где располагался штаб Калининского фронта, и прежде всего пошел представиться командующему генерал-лейтенанту М. А. Пуркаеву. Когда я вошел, он был один и читал боевые донесения армий, рассматривая их по картам с нанесенной обстановкой. «Сказывается», — подумал я, — стиль бывшего штабного работника: лично прочесть все донесения, уточнить на карте все изменения, происшедшие за ночь на фронте.

Максим Алексеевич Пуркаев выслушал мой доклад о прибытии, приветливо улыбнулся и, протягивая руку, сказал:

— Вот осваиваюсь с фронтом. С картой и циркулем лучше изучишь положение в армиях и дивизиях.

Я уже знал, что командующим фронтом он назначен недавно, в начале сентября, а до этого командовал 3-й ударной армией, которую я приехал принимать. Затем он пригласил к себе члена Военного совета корпусного комиссара Д. С. Леонова и начальника штаба генерал-лейтенанта М. В. Захарова. Когда они вошли, генерал М. А. Пуркаев, представил меня и сказал:

— Это новый командующий 3-й ударной армией. Ориентируем его в обстановке.

Все подошли к столу с картами.

— 3-я ударная армия, — показывая расположение ее на карте, начал М. А. Пуркаев, — имеет в своем составе пять стрелковых дивизий, три стрелковых и одну танковую бригады, два отдельных танковых батальона и несколько специальных частей.

— Ее сосед справа — 1-я ударная армия, которой командует генерал-лейтенант В. З. Романовский, на своем правом фланге главными силами ведет активные боевые действия против демянской группировки противника. Поэтому она ослабила силы на своем левом фланге.

Слева от вас обороняется 4-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В. В. Курасова. В стыке этой армии и 3-й ударной, по сведениям разведки, возможны активные действия противника из района Невеля. Все это и определяет наши задачи на первое время. Вам надо усилить группировку войск на правом фланге для создания совместно с 1-й ударной армией надежной обороны на этом направлении. А на левом фланге вам надлежит организовать оборону вместе с генералом Курасовым, отработав план взаимодействия на случай удара противника.

На прощание, уже пожимая мне руку, генерал Пуркаев сказал: — Коллектив управления и политотдел армии сколочены и работают хорошо.

Приведенные выше указания были изложены и в приказе командующего фронтом, полученном штабом 3-й ударной армии², куда я прибыл вечером того же дня.

Там, в дер. Митрохино, в 20 км северо-западнее Торопца, меня встретили член Военного совета армии бригадный комиссар А. И. Литвинов и начальник штаба генерал-майор И. С. Юдинцев. Первого я не знал, но его открытый приветливый взгляд как-то сразу располагал и как бы говорил, что работать будем дружно. Генерала И. С. Юдинцева я хорошо знал по совместной учебе в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Встреча с ним была теплой. Выразив взаимное удовлетворение тем, что нам предстоит совместная работа, мы тотчас же приступили к делу.

Генерал Юдинцев начал с того, что вручил мне папку с рабочей картой, на которой было нанесено положение войск армии и противостоящего врага, и представил на подпись проект приказа о моем вступлении в командование войсками армии. Затем он кратко доложил о группировке войск армии и состоянии занимаемого ими оборонительного рубежа.

М. А. ПУРКАЕВ

² Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 85, л. 1826.

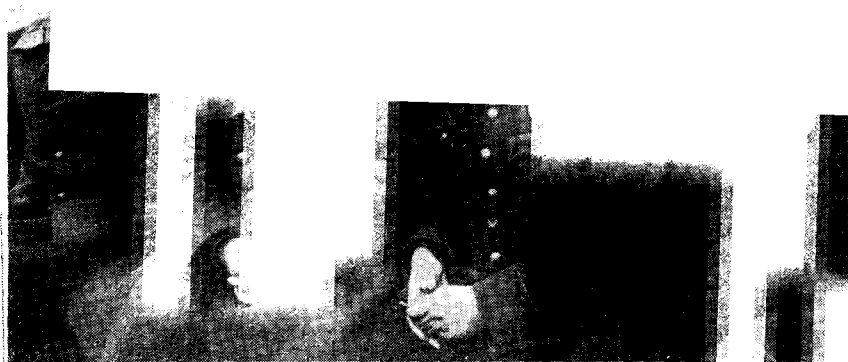
Д. С. ЛЕОНОВ

После разгрома гитлеровцев под Москвой 3-я ударная армия в составе войск Калининского фронта начиная с 9 января 1942 г. наступала из района озера Селигер на витебском направлении. За месяц упорных боев в суровых зимних условиях она продвинулась на запад на 200—250 км, подойдя в начале февраля почти вплотную к Великим Лукам. Внезапный удар 3-й и действовавшей совместно с ней 4-й ударной армий в стык немецко-фашистских групп армий «Север» и «Центр» нарушил их оперативно-стратегическое взаимодействие. К тому же глубокое вклинение в расположение вражеских войск создало угрозу флангового удара по их центральной смоленской группировке.

Но сил у Калининского фронта оставалось недостаточно, и в дальнейшем по приказу Ставки Верховного Главнокомандования он перешел к обороне.

— С того времени, — докладывал генерал И. С. Юдинцев, — войска армии занимают рубеж, который проходит восточнее городов Холм и Великие Луки, а далее тянется к пос. Урицкое. Все эти месяцы соединения и части строили и совершенствовали оборону, вели боевую подготовку. Они пополнились людьми и боевой техникой. В настоящее время в стрелковых дивизиях насчитывается от 7 до 9 тыс. человек, в стрелковых бригадах от 3,5 до 5 тыс. Общая численность личного состава армии превышает 80 тыс. человек, в том числе в боевых частях — около 70 тыс.³

³ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2066, д. 57, лл. 34, 40.

Военный совет 3-й ударной армии. Слева направо: А. И. ЛИТВИНОВ, К. Н. ГАЛИЦКИЙ, И. С. ЮДИНЦЕВ, А. И. ТЕВЧЕНКОВ

— Политико-моральное состояние войск высокое, — дополнил доклад начальника штаба член Военного совета. — Партийная прослойка среди бойцов и командиров составляет в некоторых соединениях до 30 % личного состава. Например, в 8-й гвардейской стрелковой дивизии насчитывается свыше 3300 членов и кандидатов в члены партии, в 54-й стрелковой бригаде — более 2 тыс.⁴ Комсомольцев у нас еще больше. И это понятно: ведь основную часть бойцов и командиров составляет молодежь. Словом, люди замечательные. Те, кто уже воевал, — опытные, закаленные воины. С них берет пример пополнение. И все рвутся в бой, надеются, что скоро пойдем в наступление.

Как хотелось мне порадовать и своего нового боевого товарища, и всех роинов армии известием о том, что они не ошибаются и что впереди, действительно, наступление. Это подтверждалось всем, что мне говорили в Ставке и в Генштабе. Но, во-первых, я хорошо помнил слова Верховного Главнокомандующего: «Об этом пока никому ни слова». А, во-вторых, ведь и мне еще ничего определенного не было известно.

Получив таким образом общее представление об обстановке и силах армии, я решил посвятить ближайшие дни более подробному ознакомлению с ее соединениями и частями, отделами штаба и управлениями родов войск и служб. Это, на мой взгляд, необходимое условие для успешной деятельности нового командующего. Правда, в войну возможность такого предварительного ознакомления пред-

⁴ Там же, оп. 2018, д. 171, лл. 24, 26.

ставлялась далеко не всегда. Нередко приходилось включаться в боевую жизнь войск в самый разгар операции, как это было, например, в 1941 г. при моем назначении командиром стрелкового корпуса. В данеом же случае, когда 3-я ударная армия стояла в обороне, подобная возможность была и нельзя было не воспользоваться ею.

Поэтому в тот же первый вечер после моего вступления в командование армией было определено, что текущие дела докладываются начальником штаба утром и вечером. Это позволяло использовать все остальное время с полной нагрузкой, чтобы постепенно разобраться в работе отделов и управлений, а также не просто объехать войска, но и основательно вникнуть в их боевую жизнь. Разумеется, срочные вопросы, как мы договорились, должны были докладываться начальником штаба безотлагательно.

Этот порядок вступил в силу уже на следующий день. После краткого доклада генерала Юдинцева я приступил к ознакомлению со штабом. Начал с разведывательного отдела, размещавшегося в одном из соседних домиков. Дорогой обратил внимание на многочисленные провода, протянутые связистами во все стороны деревни. Они, вероятно, были хорошо видны и с воздуха. Как бы в подтверждение этой мысли, послышался гул самолета. Над расположением штаба кружила «рама», как пазывали у нас фашистский разведывательный самолет.

— «Частый гость? — кивнув на «раму», спросил я сопровождавшего меня заместителя начальника разведотдела майора И. А. Алешина.

— Прилетает ежедневно утром и вечером.

Это значило, что противник установил местонахождение нашего штаба и ведет за ним постоянное наблюдение. Никуда не годится! Нужно в ближайшие же дни передислоцировать штаб.

Пришли в разведывательный отдел. Его начальник подполковник И. Я. Сухацкий развернул свою рабочую карту, на которой была обозначена группировка противника, место и время захвата того или иного пленного. Докладывая, он начал с района г. Холм.

— На участке севернее этого города занимают оборонительные позиции подразделения 1, 4 и 5-го авиаполевых полков противника, усиленных тремя-четырьмя артиллерийскими и четырьмя минометными батареями. Район Холма и южнее обороняют части 218-й пехотной дивизии при поддержке до 20 артиллерийских батарей и 15 танков. Штаб этой дивизии находится в населенном пункте Пустынки в 15 км юго-западнее Холма. Расположенный южнее район Подберезье удерживает 8-я танковая дивизия, усиленная 868-м и 869-м батальонами 281-й охранной дивизии. Штаб танковой дивизии, по сведениям, требующим проверки, расположен в районе Красный Бор.

Далее подполковник Сухацкий перешел к великолукскому направлению. На рубеже Великие Луки, Поречье оборонялась 83-я пехотная дивизия, штаб которой находился у железнодорожной станции Опухлики, а также 336-й и 343-й охранные батальоны при поддержке четырех артиллерийских дивизионов. В ближнем тылу — в Новосколь-

никах и Невеле — имелись гарнизоны по 500—600 человек в каждом городе. В резерве на этом направлении, в районе Опочка, Идрица, Пустошка, у противника было до двух пехотных полков.

В целом противник прочно удерживал основные оборонительные рубежи, имея на холм-локнянском направлении в первой линии до двух пехотных и одну танковую дивизии, до двух артиллерийских полков и 50 танков, а в резерве пехотный полк. На великолукском направлении в первой линии находились пехотная дивизия, артиллерийский полк, 25 танков и в резерве до двух пехотных полков. А всего перед фронтом армии противник имел примерно три пехотные и одну танковую дивизии, три артиллерийских полка и 75 танков. В резерве — пехотная дивизия⁵.

Таким образом, данные подполковника И. Я. Сухацкого совпадали со сведениями, имевшимися в Москве и сообщенными мне полковником А. А. Грызловым. Это говорило о четкой работе армейской разведки. Вообще работники разведотдела произвели хорошее впечатление. Познакомившись с ними и с их ближайшими намерениями, я побывал в тот же день и в других отделах и управлениях.

Пока в обороне

Выслушивая доклады, постепенно изучал группировку армии. Войска оборонялись в двух группах. Из них наиболее сильной и в количественном и в качественном отношении была северная, холм-локнянская.

Здесь оборонялся 2-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора И. М. Чистякова (комиссар — бригадный комиссар С. А. Егоров). В его состав входили 8-я гвардейская (командир — генерал-майор С. С. Чернюгов, комиссар — полковой комиссар П. Ф. Лобов), 33-я (командир — полковник Ф. А. Зуев, комиссар — полковой комиссар И. И. Лыткин), 117-я (командир — полковник Е. Г. Коберидзе, комиссар — полковой комиссар С. А. Беляев) стрелковые дивизии.

Первая из них занимала 25-километровый участок от Губино до г. Холм, вторая — южнее, до дер. Сонки, третья, усиленная полком 257-й стрелковой дивизии, — восточнее населенного пункта Подберезье. Они прикрывали с северо-запада все пути на Осташков, Соблаго и Торопец, обороняясь по восточному берегу р. Ловать на 95-километровом фронте. Передовые отряды соединений находились на западном берегу реки восточнее г. Холм. Стык северной группы войск с южной обеспечивал 65-й истребительный отряд, сосредоточенный в районе Ремжино, Голубево.

В резерве 2-го гвардейского стрелкового корпуса находилась 54-я стрелковая бригада (командир — полковник Н. М. Уральский, комиссар — старший батальонный комиссар В. И. Ефимов) и 146-й отдельный танковый батальон (командир — майор Н. А. Абакумов, комис-

⁵ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4308, д. 13, л. 150.

И. М. ЧИСТЯКОВ

В. И. ШВЕЦОВ

сар — батальонный комиссар К. П. Щербаков). Они располагались в районе Турово, Абрамово. Соединения корпуса имели орудий: 76-мм полковой артиллерии — 25, дивизионной — 58, 122-мм — 46, 152-мм — 2, минометов 50-мм — 160, 82-мм — 160 и 120-мм — 48. Всего же было 131 орудие и 368 минометов разных калибров. В 146-м отдельном танковом батальоне имелось 39 танков⁶.

На этом же направлении в глубине обороны, в районе Сопки, Долгие Нивы, находился и армейский резерв — 26-я стрелковая бригада (командир — полковник И. Г. Бабака, комиссар — полковой комиссар А. М. Пузыревский), 170-й отдельный танковый батальон (командир — майор И. А. Бирюков, комиссар — старший политрук А. П. Родин), имевший 37 танков, 106-й и 43-й отдельные гвардейские минометные дивизионы («катюши»). В противотанковом резерве находился 171-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (командир — полковник Г. М. Ростовцев, комиссар — старший батальонный комиссар П. Е. Никулин).

Южная группа — великолукская, подчиненная непосредственно командарму, прикрывала пути из районов Великие Луки и Невеля в направлении на Торопец и Старая Торопа, обороняясь на фронте 85 км. При этом здесь наши части находились всего в 6 км восточнее Великих Лук. Две неполные стрелковые дивизии — 257-я (без одного полка) под командованием Героя Советского Союза полковника А. А. Дьяконова (комиссар — полковой комиссар Я. Н. Кириченко) и 28-я (командир — полковник С. А. Князьков, комиссар — полковой

⁶ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 454, л. 124.

А. А. ДЬЯКОНОВ

С. С. ЧЕРНЮГОВ

комиссар А. А. Злобин) занимали оборону на широком фронте. К тому же между ними имелся значительный разрыв, заполненный лишь группами боевого охранения и 63-м истребительным отрядом.

В составе группы насчитывалось орудий 76-мм полковой артиллерии — 9 и дивизионной — 40, 122-мм — 36 и 152-мм — 6, минометов 50-мм — 70, 82-мм — 96, 120-мм — 18⁷. А всего 91 орудие и 184 миномета разных калибров.

В армейском резерве на этом направлении находились 31-я стрелковая бригада (командир — полковник И. В. Карпов, комиссар — старший батальонный комиссар И. И. Муравьев) и 184-я танковая бригада (командир — подполковник С. А. Севастьянов, комиссар — старший батальонный комиссар И. П. Омельченко), а также 107-й и 205-й отдельные гвардейские минометные дивизионы («катюши»). Противотанковый резерв составляли два истребительно-противотанковых артиллерийских полка: 699-й (командир — майор А. Н. Митрофанов, комиссар — старший политрук В. Ф. Кравцов) и 316-й (командир — майор С. Я. Фролов, комиссар — батальонный комиссар П. Т. Черненко).

Таким образом, если в северной группе войск с учетом резервов корпуса и армии на один батальон приходилось 2,5 км фронта, то в южной — 4 км. Имелась разница и в плотности артиллерии. В северной группе она составляла в среднем на 1 км фронта около двух орудий и пять-шесть минометов, а в южной — полтора орудия и два миномета.

⁷ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 454, л. 126.

Рассматривая эти данные, я не мог не видеть, что насыщенность артиллерийскими средствами даже в более сильной северной группе была крайне недостаточной. Конечно, здесь, как и в южной группе, предпринимались меры для увеличения плотности огня на наиболее вероятных направлениях удара противника. Так, на холмском и великолукском направлениях, на участках 33-й и 257-й стрелковых дивизий, имелось на 1 км фронта соответственно по 4 и 3 орудия, по 12 и 5 минометов, т. е. больше, чем в среднем по всему фронту обороны каждой группы.

И все же наличных средств было чрезвычайно мало, особенно на великолукском направлении, где скорее всего противник мог применить танки. Не намного облегчал положение тот факт, что тут мы располагали более сильным противотанковым резервом, чем в северной группе.

Вряд ли можно было признать достаточным и наличие всего лишь 122 танков в армии, оборонявшейся почти на 200-километровом фронте. Мало было также инженерных частей — три саперных батальона (225, 288 и 289-й). Примерно так обстояло дело и со средствами связи: имелись один полк связи, отдельный батальон связи, две телеграфно-строительные, две кабельно-шестовые и две телеграфно-эксплуатационные роты. Они, как доложил начальник связи армии генерал И. И. Дудков, с трудом могли обслужить потребности армии даже в период стабильной обороны.

Встречи с руководящим составом штаба и управлений родов войск и служб убедили меня в том, что это энергичные, боевые командиры. Некоторых из них я знал и прежде, например, генерал-майора артиллерии И. С. Стрельбицкого, который ранее командовал отдельной противотанковой артиллерийской бригадой, входившей в состав 3-й армии. Теперь он был начальником артиллерии 3-й ударной. Как и генерал И. С. Стрельбицкий, своей хорошей подготовкой, деловитостью и энергией выделялись начальник оперативного отдела полковник И. И. Серебряков, подполковник И. Я. Сухацкий, генерал И. И. Дудков и многие другие.

Заметны мне были и недостатки в работе некоторых отделов и управлений. Один из них заключался в односторонней направленности их деятельности.

— Что у вас главное сегодня?

Как правило, следовал ответ:

— Организация работ в обороне.

— А что будете делать, если противник или войска нашей армии перейдут в наступление?

Ответа не было. Серьезным пробелом являлось и то, что ряд отделов и управлений не поддерживал постоянной связи с соединениями и частями.

Вечером 25 сентября я собрал всех старших командиров. Сделал краткую информацию о положении на фронтах, а затем изложил требования к управлению войсками, как они мне тогда представлялись.

С. А. КНЯЗЬКОВ

И. И. ДУДКОВ

Опыт войны подтвердил, что искусство управления операцией и боем заключается в умении командиров и их штабов постоянно предвидеть ход событий. А для этого требуется хорошо знать как противника, так и возможности своих войск, детали обстановки, все возможные изменения. Следовательно, постоянная забота штабов — всеми способами обеспечить непрерывное поступление нужных данных, иначе говоря — правильно и с максимальной эффективностью использовать технические и иные средства связи и управления.

Таким образом, в современном бою особое значение приобретает обеспечение живучести и устойчивости органов управления. Обратив на это внимание собравшихся, я отметил также, что одна из особенностей современного боя состояла в его быстром развитии на большую глубину. Начавшись в одном месте, он через час-другой может разгореться и на другом участке фронта, распространиться в глубину. Причем каждая сторона перед началом и в процессе самого боя стремится всеми мерами и способами парализовать управление в войсках своего противника. Заблаговременная тщательная разведка с воздуха и наземное наблюдение за местоположением командных пунктов и узлов связи позволяют в нужный момент уничтожить их авиацией, артиллерией, различного рода десантами.

На стремительность боя с обязательным парированием усилий противника, направленных к уничтожению наших штабов, и должна быть рассчитана вся система управления войсками. Ее нужно обезопасить от любых случайностей. Располагая командные пункты, узлы

и линии связи, необходимо прежде всего обеспечить неуязвимость их с воздуха и с земли.

— А что делается у нас? Линии связи тянутся открыто. Фашистские самолеты — разведчики буквально висят над нашим командным пунктом. Следовательно, надо его сменить и впредь тщательно маскировать. Наряду с телефоном и телеграфом нужно организовать надежную связь по радио, заблаговременно подготовить все необходимое для этого. Но средства связи, разумеется, не могут заменить живого общения с войсками. Оно позволяет лучше узнать их боевую жизнь, вовремя помочь, изучить положение войск, чтобы в случае отсутствия связи в любую минуту, при любых условиях обстановки быстро прибыть в нужную дивизию или полк.

Сделав конкретные распоряжения по всем этим вопросам, я напомнил недавний приказ наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 г. о повышении требовательности к бойцам и особенно командирам всех степеней. Этот приказ должен был послужить основой всей воспитательной работы в соединениях и частях и значительного повышения уровня управления войсками в ходе войны.

26 сентября начал знакомиться с войсками армии. В тот же день генерал Юдинцев, выполняя полученные накануне указания, приступил к организации вспомогательного пункта управления на левом фланге армии для руководства южной группой войск. Возглавлять его должен был вновь назначенный заместитель командующего армией генерал В. И. Швецов. Начальнику штаба одновременно было поручено подыскать новое место для командного пункта с тем, чтобы разместить его в 12—15 км севернее дер. Митрохино. Туда должны были переехать основные отделы штаба. Остальным отделам и управлениям предстояло остаться на старом месте в качестве запасного командного пункта.

Прежде всего я поехал на КП командира 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И. М. Чистякова. А оттуда вместе с комком — в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию имени генерала И. В. Панфилова. Это прославленное соединение, героически сражавшееся в битве под Москвой, занимало ныне оборону на широком фронте севернее г. Холм. В 19-м гвардейском стрелковом полку нас встретил его командир, один из героев обороны столицы нашей Родины майор Баурджан Мамыш-Улы. Отвечая на мой вопрос, он сказал, что в 8-й гвардейской стрелковой дивизии много воинов из числа тех, кто в прошлом году стоял насмерть на волоколамском направлении.

— Наша часть, как и вся дивизия, свято хранит славные боевые традиции великой Московской битвы, — добавил комиссар полка — батальонный комиссар Ф. Д. Толстунов.

В этом я убедился, беседуя с бойцами и знакомясь с обороной и системой организации огня в полку. Его воины много потрудились на своем рубеже. Местность здесь была лесисто-болотистая, что значительно усложняло работы по устройству обороны. Но гвардейцы преодолели все трудности.

С. И. КАРАПЕТЯН

БАУРДЖАН МАМЫШ-УЛЫ

Должен отметить, что опыт войны в последующем привел к блестящему решению Красной Армией задач обороны в условиях маневренного характера вооруженной борьбы. Этому способствовало применение траншей вместо очаговой обороны, основанной на системе опорных пунктов. Однако в тот период, о котором здесь рассказывается, метод опорных пунктов был у нас все еще господствующим. И при умелом его применении давал немалый эффект.

Хорошо продуманной была и система опорных пунктов, созданных на участке обороны 19-го гвардейского стрелкового полка и связанных между собой фланговым пулеметно-артиллерийским огнем. Кое-что, правда, потребовалось улучшить. Например, дзоты, оборудованные на опушке леса, резко выделялись на фоне зелени. А те, что были расположены в глубине леса, имели весьма ограниченный сектор наблюдения и обстрела. Однако последний недостаток можно было устранить, построив в лесу вышки для пулеметов, которые таким образом смогут простреливать участки, не просматриваемые с земли. Майору Мамыш-Улы явно понравился этот совет. Что касается практических указаний о постройке вышек, то их тут же дал прибывший со мной начиняж армии полковник В. И. Зверев.

— Ставьте их, — говорил он полковому инженеру, — в лесу, в 10—20 м от опушки. На шести-семи столбах высотой от 3 до 7 м укрепите двойной сруб с амбразурами, промежуток между стенками засыпьте землей. Внутри оборудуйте площадку для установки ручного или станкового пулемета.

Несколько забегаю вперед скажу, что впоследствии строительство таких вышек получило широкое распространение в армии. Каждый

ротный оборонительный район имел по две-три «высотные» огневые точки. Прочные срубы предохраняли пулеметчиков от пуль и осколков снарядов.

Знакомя меня с личным составом полка, майор Б. Мамыш-Улы, в частности, представил двух снайперов — старшего сержанта Ибрагима Сулейманова, награжденного орденом Красной Звезды, и Ахмата Джумагулова. На счету у первого из них было 239 убитых фашистов, у второго — 101. Я от души поздравил отважных гвардейцев и пожелал им новых боевых успехов. Они же в ответ сообщили, что в дивизии за время ее пребывания в обороне снайперское движение широко разрослось.

— Таких, как мы, у нас много, — подчеркнул старший сержант И. Сулейманов. — Так что раз фашисты пришли на нашу землю — пусть не ждут пощады.

Ненависть к врагу, стремление сделать все для его разгрома чувствовались повсюду, где я побывал в те дни. И этот высокий боевой дух воинов отражался в их повседневных боевых делах.

Ознакомившись с остальными полками этой дивизии, я направился в соседнюю 33-ю. Здесь меня особенно интересовала организация противотанковой обороны. Я беседовал с артиллеристами и броневойщиками. Они были настроены так же решительно, как и панфиловцы. Рядовой Лукашин, например, отвечая на мой вопрос, сказал:

— В прошлом году под Москвой у разъезда Дубосеково 28 панфиловцев, вооруженных такими же, как у нас, противотанковыми ружьями и ручными гранатами, отбили атаку 50 вражеских танков и 14 из них подбили. Если придется, и мы будем так же действовать. Враг не пройдет.

В этом был убежден и я. Но для того, чтобы помочь воинам выполнить их задачу, нужно было сделать более надежной систему противотанковой обороны, включавшей всю артиллерию дивизии. Дело в том, что, проехав вместе с командиром дивизии полковником Ф. А. Зуевым по его участку, я обратил его внимание на существенный недостаток на двух наиболее танкоопасных направлениях — Холм, Наход и Холм, Морхово. Здесь противотанковые средства были расположены в линию. Между тем, опыт показывал, что они дают наибольший эффект при глубоком эшелонировании.

— Перестройте противотанковую оборону, — сказал я на прощанье командиру дивизии. — Должите — приеду посмотреть.

Пробыв три дня во 2-м гвардейском стрелковом корпусе, я возвратился в штаб армии. А сутки спустя, заслушав доклады о текущих делах, отправился в южную группу войск. Там нужно было, кроме всего прочего, внимательно ознакомиться с местностью севернее и южнее Великих Лук, с характером обороны противника. Это требовалось потому, что хотелось хотя бы в общих чертах продумать план будущего наступления на великолукском направлении.

В 257-й стрелковой дивизии осмотрел хорошо организованную оборону. Особенно привлек мое внимание участок 943-го стрелкового полка, откуда было примерно 5—6 км до Великих Лук. Вместе с

Снайпер АХМАТ ДЖУМАГУЛОВ

командиром дивизии Героем Советского Союза полковником А. А. Дьяконовым мы по добротному сделанным ходам сообщения вышли к переднему краю обороны. Отсюда в стереотрубу были хорошо видны Великие Луки. Города фактически не существовало. Он был превращен фашистами в руины. Высились лишь остовы церквей и других высоких зданий.

Полковник А. А. Дьяконов и командир полка подполковник И. М. Стариков доложили, что усиленная разведка ведется здесь уже несколько месяцев, с января 1942 г., когда дивизия с боями вышла на подступы к Великим Лукам. Данные разведки показывали, что все это время противник планомерно укреплялся в городе и прилегающих районах, превратив их в сильные узлы обороны.

Его опорными пунктами стали железнодорожная станция и паровозное депо, девять церквей, два монастыря, школы и другие каменные постройки. Многие подвальные помещения разрушенных домов, даже деревянных, не говоря уже о каменных, приспособлены для стрельбы из пулеметов, минометов и орудий. Уцелевшие стены угловых домов использованы для создания блокгаузов, позволяющих вести прицельный огонь по близлежащим улицам и переулкам. На верхних перекрытиях высоких зданий и колокольных церквей расставлены пулеметы и организованы наблюдательные пункты, оборудованные оптическими приборами.

На подступах к городу и на его улицах созданы противотанковые рвы, надолбы, завалы, проволочные заграждения. Противник не жалел мины различного назначения, включая и так называемые «сюрпризы». Он укрепил и приспособил к обороне остатки старой городской крепости. По берегам р. Ловать были устроены пулемет-

ные гнезда. Непосредственно по окраинам города, а также по южным, восточным и северным пригородам тянулась внутренняя кольцевая оборонительная позиция.

Все это было так. Но в то же время стали очевидны и слабые стороны обороны противника. Наиболее существенная из них заключалась в сравнительно небольших размерах великолукского узла обороны, занимавшего не более 8 км по фронту и 6 км в глубину. При этом к северу от Великих Лук постепенно расширялась нейтральная полоса, достигавшая у устья р. Насва и севернее 20 км. Примерно такая картина была и южнее города. Там по мере удаления от него нейтральная зона также увеличивалась до 8—10 км, доходя местами до железнодорожной линии Великие Луки — Невель.

Такая конфигурация фронта открывала немалые возможности для атаки гарнизона города. Когда я высказал полковнику Дьяконову эти соображения, он сразу же обрадованно воскликнул:

— Совершенно верно! А вы, товарищ командующий, не читали наш план овладения Великими Луками? Я представил его штабу армии 19 сентября.

Поскольку план этот был мне неизвестен, я предложил А. А. Дьяконову вкратце доложить его.

— Мы предлагаем, — начал командир дивизии, — взять город внезапным ударом шести штурмовых отрядов силою по 150—160 человек каждый без артиллерийской подготовки. Состав каждого отряда: рота автоматчиков — 80 человек, взводы саперов, минометчиков, гранатометчиков и рота танков (10—12 машин) с десантом автоматчиков. Удары штурмовыми отрядами нанести с нескольких направлений. На каждом из них иметь в готовности для развития успеха по одному стрелковому батальону. Для обеспечения флангов штурмовых отрядов от возможных ударов противника со стороны Насва, Новосокольники и Невель выделить на каждое направление по три-четыре стрелковые роты. Имеющиеся в армии бронепоезд и бронедрезины могут своим огнем поддержать штурмовые отряды и затем ворваться на станцию.

Речь, таким образом, шла о том, чтобы штурмовые отряды неожиданно ворвались в оборону противника и, не дав ему опомниться, смелыми действиями отдельных подразделений захватили наиболее важные опорные пункты. Затем предполагалось, пользуясь растерянностью и паникой врага, ввести в город более крупные силы, которые полностью овладеют им. План, конечно, был недоработан, учитывал не все важные детали, но в нем имелось много полезного. Так я и сказал А. А. Дьяконову, пообещав изучить его предложения и в дальнейшем вернуться к ним. Разумеется, не преминул до-
бавить:

— Наступление — это дело будущего. Теперь же нужно не забывать об общей оперативной обстановке в районе Великие Луки, Невель, Новосокольники. Здесь противник создал крупную группировку войск. Следует твердо помнить, что сегодня главное на великолукском направлении — оборона. Поэтому вам необходимо совер-

шенствовать оборонительные сооружения и систему организации огня всех видов.

Так пришлось мне несколько охладить пыл полковника А. А. Дьяконова, несомненно, отражавший наступательный порыв, которым был охвачен личный состав 257-й стрелковой дивизии. Да и не только он. Боевой наступательный дух был и в 28-й стрелковой дивизии, куда я прибыл на следующий день. И здесь потребовалось направить все внимание на выполнение задач по совершенствованию обороны. Делал я это, конечно, скрепя сердце, так как и сам все более настойчиво думал о наступлении. Но к нему нужно было еще подготовиться самым тщательным образом. А пока я не имел права и говорить о предполагаемых наступательных действиях армии.

Это обстоятельство наложило отпечаток и на встречу с командиром 28-й стрелковой дивизии полковником С. А. Князьковым. Когда мы были на переднем крае, он обратил мое внимание на один из опорных пунктов обороны противника, названный фашистами «Бастионом Ступино». Он был расположен на так называемой Ступинской высоте в 800—1000 м севернее дер. Мартяново, господствовал над окружающей местностью и позволял врагу просматривать расположение наших войск на глубину 6—8 км.

— Хорошо бы внезапным ударом захватить опорный пункт, — говорил полковник С. А. Князьков. — Это улучшит положение дивизии.

От генерала Юдинцева мне было известно, что такая попытка уже предпринималась, но не имела успеха. Повторять ее малыми силами значило вновь не добиться желаемого результата. Бросить же крупные силы против одного опорного пункта не имело смысла как раз в связи с возможным решительным наступлением в недалеком будущем. Следовательно, пока — только оборона, прочная, неприступная. Противник же пусть видит, что мы заняты лишь укреплением своих позиций и таким образом будто бы и не помышляем о наступлении.

Отдав полковнику С. А. Князькову соответствующее распоряжение, я предложил ему доложить свою оценку вражеской обороны.

— Оборона у противника сильная, — сказал командир дивизии, — гитлеровцы создавали ее не жалея сил и средств. Они сидят здесь в обороне больше полугода. Понастроили очень много хорошо укрытых огневых точек, блиндажей, окопов, ходов сообщения. Теперь создают оборонительные сооружения не только на первой линии, но и в глубине. Особое внимание уделяют укреплению населенных пунктов. Во всех узлах сопротивления и опорных пунктах они сосредоточили большое количество боеприпасов, горючего, продовольствия, топлива. Утеплили блиндажи и землянки, установили в них отобранные у населения печи. Есть и переносные железные печки. Видно, готовятся тут зимовать.

Последнее имело определенное значение для оценки намерений противника. Однако все же нельзя было исключать возможность его попыток предпринять активные действия. Так вновь я пришел к выводу, что независимо от дальнейших наших планов оборону надо

неутомимо совершенствоваться. В целом ее состояние как на северном, так и на южном участке представлялось мне удовлетворительным. В сочетании с высоким боевым духом личного состава соединений и частей это давало уверенность в том, что противник в случае, если он попытается наступать, получит должный отпор.

Стремясь сосредоточить усилия войск на этой задаче, я посвятил ей и проведенное мною на командном пункте 28-й стрелковой дивизии совещание командного состава всех соединений и частей южной группы. Свой доклад на тему об организации и проведении оборонительного боя стрелкового полка и дивизии после общих положений, основанных на опыте войны, закончил конкретными указаниями по итогам проведенной мною проверки.

Поездка в войска дала хорошие результаты. Она помогла, во-первых, ознакомиться с состоянием обороны и нацелить войска на дальнейшее ее совершенствование. Во-вторых, удалось основательно изучить местность, особенно перед передним краем наших войск, что позволяло яснее увидеть возможности наступательных действий армии.

Суммируя впечатления, я пришел к выводу, что местность севернее Великих Лук, изобиловавшая болотами, мокрыми лугами, заболоченными поймами многочисленных рек, неудобна для наступления крупных сил с многочисленной техникой, особенно танками. Поэтому, хотя оборона противника здесь была слабее, нанести главный удар на этом направлении не следовало. Южнее Великих Лук местность была более благоприятна для наступления. Тут было меньше болот, а лесные массивы позволяли скрытно подводить войска почти к самому переднему краю вражеской оборонительной полосы. Это диктовало отдать предпочтение данному направлению, несмотря на наличие здесь большего количества укреплений противника.

Следовало также учесть, что на этом пути нашим войскам придется преодолеть несколько рек. Так, р. Ловать, текущая с юга к Великим Лукам и далее на север, не очень широка, всего 30—40 м, но многоводна. Берега ее высоки и обрывисты. Она могла задерживать танки и артиллерию. Поэтому первая задача пехоты должна была заключаться в том, чтобы быстрее выйти к реке, захватить плацдармы на ее западном берегу и обеспечить наведение переправ. Что касается рек Насва и Большой Удрай, то они могли даже сослужить нам хорошую службу для прикрытия фланга нашей ударной группировки при ее продвижении вперед и в качестве оборонительных рубежей для отражения возможного контрудара противника.

Предстоящие наступательные действия требовали также тщательной подготовки тылов. Поэтому пришлось изучить их размещение. Нашелся и предлог — приближавшаяся осенняя распутица. Впрочем, она действительно требовала ознакомления с состоянием путей подвоза с целью их улучшения.

Поскольку главные силы армии располагались на северном, холмском, направлении, то там находилась и основная группировка

армейского тыла. С нее я и начал, тем более, что это позволяло избежать излишних вопросов и предположений относительно причин моего усиленного внимания к южному участку. Кроме того, ознакомление с северной группировкой тыловых учреждений давало возможность определить, какие из них нужно будет переместить к югу.

На этот раз в поездке меня сопровождал начальник тыла армии полковник А. П. Голубев. Он прежде всего показал армейскую базу снабжения, которая располагалась в районе железнодорожной станции Охват. Здесь были размещены управление базы и почти все основные полевые склады. Подвоз осуществлялся по армейской дороге Павловщина — Серезино — Охват, которую поддерживали в хорошем состоянии 131-й дорожно-эксплуатационный и 185-й дорожно-строительный батальоны.

Доложенные полковником Голубевым данные свидетельствовали, что армейская база имела двухсуточный запас продовольствия, около 1,3 боевого комплекта боеприпасов, от 2 до 4 заправок всех видов горючего. Начальник тыла считал это количество нормальным. Однако было ясно, что оно даже с учетом запасов, имевшихся в частях и соединениях, могло лишь на 2—3 дня обеспечить потребность войск в случае активных боевых действий средней интенсивности. Поэтому полковнику А. П. Голубеву тут же было приказано организовать накопление боеприпасов и горючего.

— Если потребуется, — сказал я ему, — то для этого пойдем и на уменьшение нормы расхода боеприпасов. Соответствующие предложения подготовьте совместно с командующим артиллерией и начальником оперативного отдела армии.

Затем мы поехали на великолукское направление.

Там, в районе железнодорожных станций Торопец и Скворцово, армейские склады имели отделения, которые и снабжали южную группу войск. Однако армейская дорога от Торопца через Снопово на Ушицу была в плохом состоянии. Более того, оказалось, что все склады здесь были размещены на незначительном расстоянии от железнодорожных путей и тупиков, вследствие чего их очень часто подвергала бомбежке авиация противника. Смогут ли они при таких условиях обеспечить снабжение войск, если немецко-фашистские войска перейдут в наступление на этом направлении? Подумав, начальник тыла ответил:

— С большим напряжением. Придется им основательно помогать.

В результате этой поездки стало очевидно, что тыл армии жил обособленно от оперативной обстановки. Стабильность обороны в течение длительного периода наложила на его работу своеобразный отпечаток, свойственный скорее обстановке мирного, а не военного времени. Следовало уделить ему больше внимания, как бы встряхнуть его, приблизить к задачам войск. Что касается реорганизации тыла в соответствии с целями будущего наступления, то осуществить ее в полной мере было еще рано. Ведь пока ничего

еще не определилось окончательно, план операции только рождался. Но дело в том, что и без учета будущих наступательных действий в организацию тыла требовалось внести большие изменения. Попутно же можно было перегруппировать его учреждения, усилив армейский тыл на великолукском направлении.

Принимая такое решение, я учитывал, что на любом участке главное условие нормальной работы тыла — хорошие пути подвоза. Это само по себе давало достаточное основание потребовать приведения их в должное состояние на великолукском направлении. И я приказал перебросить на юг 185-й дорожно-строительный батальон и его силами отремонтировать армейскую дорогу, идущую через Снопово. Одновременно на инженерные войска возложил строительство запасной дороги, тоже на Ушицу, но через Платично. Полковнику Голубеву с целью обезопасить отделения армейских складов от вражеской бомбежки поручил вывести их из Торопца и Скворцово в ближайшие леса, распылив имевшиеся емкости в соответствии с задачей накопления всех видов снабжения.

Кроме того, на заседании Военного совета, состоявшемся после моего возвращения из поездки, было решено привлечь к дорожным работам для их ускорения до 2 тыс. жителей ближайших населенных пунктов. В этом деле большую помощь нам оказали местные партийные и советские органы. Горячо откликнулось на призыв и население. Все это помогло быстро осуществить намеченные меры.

Основным на упомянутом заседании Военного совета был разбор состояния соединений и частей армии и их действий в обороне. Рассказав о результатах своих поездок в войска, я отметил все то положительное, что увидел за это время. Особо подчеркнул, что высокий политический подъем, которым охвачен весь личный состав, является залогом дальнейшего повышения боеготовности армии. Самыми важными на ближайшее время задачами, на мой взгляд, были организация регулярной боевой подготовки войск и штабов, усиление обороны великолукского направления.

Эту оценку поддерживали все собравшиеся. В ходе обсуждения было принято предложение бригадного комиссара А. И. Литвинова просить Военный совет фронта об усилении резервами южного участка обороны армии.

Сразу после заседания я доложил по ВЧ генералу М. А. Пуркаеву о проведенной проверке войск, кратко изложил свое мнение и решение Военного совета армии о необходимости усилить оборону великолукского направления. Командующий фронтом отнесся к просьбе положительно. Более того, он сообщил мне, что и сам в бытность свою командующим армией добивался усиления южного участка обороны, но не получил поддержки фронта.

— Теперь же, — пообещал генерал М. А. Пуркаев, — постараемся это осуществить.

Так началась работа, положившая по существу начало подготовке к активным действиям 3-й ударной армии на самом западном участке советско-германского фронта.

Подготовка удара

Предварительный замысел

В первых числах октября штаб армии переехал в небольшую деревеньку Ярмишенки, расположенную в большом лесу в 12 км севернее Шейно. Вспомогательный пункт управления во главе с заместителем командующего армией генерал-майором В. И. Шведовым был развернут на великолукском направлении вблизи дер. Харитоново. Продолжалась обычная жизнь армии, находящейся в обороне. Войска строили новые оборонительные сооружения, совершенствовали старые. И по-прежнему я никому не мог сказать, что в самое ближайшее время мы, возможно, перейдем к активным боевым действиям.

А на подготовку к ним были в то время обращены все мои мысли. Ведь если последует директива на наступление, то сроки его начала, да и в сущности успех в выполнении поставленной задачи будут во многом зависеть от того, насколько подготовлена армия к ее решению. Подготовка же, как известно, начинается с планирования операции, основой которого является ясное представление о противостоящих войсках врага, их силах и средствах, системе обороны, характере местности, на которой развернутся боевые действия, определение группировки наших сил, направления их ударов, рубежей наступления.

Даже этот обширный перечень не исчерпывает всего того, что нужно было заранее продумать и решить. Многого требовалось, например, и для того, чтобы определить возможности скрытного сосредоточения ударной группировки войск, внезапности удара. Немало вопросов возникало в отношении использования артиллерии и танков, материального обеспечения предстоящей наступательной операции.

Конечно, значительно легче было бы решать все эти вопросы с помощью хороших помощников, которых немало у командующего армией. Но, как уже известно читателю, я пока не получил разрешения привлечь их даже к разработке плана подготовительных мероприятий.

Пришлось пока одному продолжать эту работу. Естественно, решить удалось лишь главные, принципиальные вопросы наступательной операции армии. Была определена ее цель, выбраны возможные участки для нанесения ударов, намечены их направления, районы

сосредоточения войск и мероприятия по обеспечению подготовки к операции.

Изучение группировки и состояния противника на великолукском направлении показало, что его войска располагались отдельными группами, различными по составу и численности. Между ними имелись не занятые войсками участки, охраняемые лишь подвижными патрулями и разведчиками. Таким образом, практически сплошного фронта не существовало. Оборона представляла собой систему узлов сопротивления и опорных пунктов, связанных огнем пулеметов. Оборонительные сооружения и заграждения имелись только в районах этих узлов сопротивления и опорных пунктов. Значительные участки в расположении врага оставались без укреплений и были свободны для маневра наших подразделений и даже целых частей.

А это практически означало, что опорные пункты или узлы сопротивления гитлеровцев в ходе наступления могли быть нами изолированы, окружены, а затем уничтожены порознь. Кроме того, западный берег р. Ловать севернее Великих Лук, а также полоса между городом и населенным пунктом Ступино были заняты лишь усиленным боевым охранением. Главные же силы противника на этом направлении располагались в глубине на хорошо подготовленном оборонительном рубеже.

Эти обстоятельства, а также результаты изучения местности по карте и на многочисленных рекогносцировках убедили меня в том, что разгром великолукской группировки противника следует осуществить путем окружения города и уничтожения в нем врага. Одновременно нужно было быстро вывести главные силы армии в район г. Новосокольники, с тем чтобы, опираясь на него, развивать удар на юг, в направлении Невеля. Если же дальнейшее наступление окажется нецелесообразным, то открывалась возможность перейти к обороне, используя реки Насва, Бол. Удрай, а также район Новосокольники и озера к югу от него.

Соответственно этим соображениям определилось и наиболее выгодное направление главного удара — южнее Великих Лук на северо-запад к ст. Остриань на железной дороге Новосокольники — Великие Луки. Разгромив противостоящие здесь немецкие войска, мы могли выйти во фланг и тыл великолукской группировке, отбросить ее в Великие Луки и там блокировать частью сил, а главными силами, не задерживаясь, прорваться к г. Новосокольники и овладеть им. Для вспомогательного удара наиболее подходящим представлялось направление из района северо-западнее Великих Лук на юг и юго-запад. Так мы могли сковать противника в этом районе, обеспечить окружение великолукской группировки врага и во многом способствовать наступлению войск на главном направлении.

Такова была общая наметка плана наступательной операции армии.

При этом мною учитывались и возможные фланговые удары противника: на севере — со стороны Насвы и на юге — из района ст. Опухлики, расположенной на железной дороге Невель — Великие

Луки, и даже, возможно, из Невеля. Для их парирования можно было сковать северную группировку врага действиями небольших сил, выдвинутых для обороны к рекам Ловать и Насва, а против южной группировки вести активные боевые действия из района южнее Купуй в направлении ст. Опухлики или нанести второй вспомогательный удар частью сил армии из района Поречье на запад.

Идея этого плана представлялась тогда вполне реальной. Группировка противника и местность давали возможность скрытно сосредоточить ударные силы войск армии юго-восточнее Великих Лук. Внезапный и быстрый переход в наступление обеспечивал разгром частей прикрытия врага, а затем и его главных сил.

Для быстрого продвижения вперед и захвата г. Новосокольники с ходу после прорыва фронта противника нужна была сильная подвижная группа войск. Поэтому, естественно, встал вопрос: какие соединения могут выполнить эту задачу? В то время в армии наиболее подвижными были 184-я танковая бригада, два отдельных танковых батальона и лыжные батальоны, которые с наступлением холодов мы сформировали в каждой стрелковой дивизии. Кроме того, в ближайшее время, как мне сообщил командующий фронтом, в армию направлялась 44-я лыжная бригада. Все эти части, если их объединить в один войсковой организм, сколотить и обучить, могли стать своеобразной подвижной группой армии.

Одним из решающих элементов предварительного плана были внезапность и быстрота удара, которые во многом обеспечивались скрытным сосредоточением основных сил армии южнее Великих Лук. Конечно, никакой внезапности не будет, если противнику удастся, пользуясь большими разрывами между 117-й и 257-й стрелковыми дивизиями на севере и между 257-й и 28-й стрелковыми дивизиями на юге, наземной разведкой, а также агентурой, иногда проникавшей через эти разрывы к нам в тыл, вскрыть сосредоточение и развертывание наших войск для удара.

Поэтому надо было в первую очередь закрыть достаточными силами разрывы между дивизиями и не допустить проникновения в наше расположение агентуры врага. С этой целью до начала сосредоточения войск можно было использовать на севере 44-ю лыжную бригаду, а на юге — смененный ею стрелковый полк 257-й стрелковой дивизии.

В условиях, когда подготовку к наступлению приходилось вести под видом усиления обороны на великолукском направлении, многие мероприятия осуществлялись как бы в ответ на приготовления противника к наступательным действиям. Дело в том, что, по данным нашей разведки, вражеское командование предприняло в то время значительные воинские перевозки с севера. Оно явно усиливало свои войска на великолукском направлении¹. Так, с 9 по 12 октября со ст. Локня на Новосокольники проследовал 21 железнодорожный эшелон с живой силой, танками и артиллерией противника².

¹ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, л. 491, л. 221.

² Там же, ф. 317, оп. 4308, л. 13, л. 178.

Следовательно, нужно было действительно готовиться к обороне. И мы готовились. Но задача состояла в том, чтобы мероприятия по укреплению нашей обороны использовать для сосредоточения сил и средств, а затем нанести удар, упредив противника.

Итак, оборона направления Великие Луки, Торопец стала пока главной задачей армии. Поэтому все было направлено на усиление южной группы войск армии. Тщательно разрабатывались планы обороны и рекогносцировались направления возможных контрударов резервных соединений и частей. Во всех дивизиях и полках первого эшелона систематически проводилась проверка организации обороны, особенно системы огня всех видов оружия.

Начали мы и усиленные оборонительные работы на переднем крае. Наметили также создать вторую полосу обороны, для сооружения которой в распоряжении армии были выделены 21-е управление оборонительного строительства, 855-й и 874-й отдельные саперные батальоны, 165-й батальон инженерных заграждений и 94-й отдельный понтонно-мостовой батальон. В оборонительных работах должны были принять активное участие войска южной группы армии, в том числе и вновь прибывающие соединения.

Первой прибыла 381-я стрелковая дивизия. О том, что она передается нам из состава 4-й ударной армии, сообщил вечером 9 октября по телефону начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. В. Захаров. А на следующий день приехали командир этой дивизии полковник Б. С. Маслов и его заместитель по политчасти старший батальонный комиссар (ныне генерал-полковник) С. П. Васягин.

Отвечая на мои вопросы, Б. С. Маслов доложил, что дивизия сосредоточивается в лесах в 8—10 км юго-западнее г. Торопец. Находясь в резерве, она была пополнена людьми и вооружением почти до штатного состава. Теперь в ней имелось около 10 тыс. бойцов и командиров, 30 противотанковых и 44 артиллерийских орудия, 182 миномета разных калибров и 228 противотанковых ружей³.

— Ранее, — добавил Б. С. Маслов, — в боях участвовало лишь около 30% личного состава дивизии. Остальные — новое пополнение, причем около двух тысяч из них пришли совсем недавно и еще слабо обучены.

— Но стремятся как можно быстрее изучить военное дело, оружие и боевую технику, — подчеркнул старший батальонный комиссар. — И уже делают первые успехи. Этому способствует высокое политико-моральное состояние личного состава. Хорошо помогает в обучении пополнения боевой костяк дивизии. Многие делают для этого партийная организация, хотя пока она насчитывает всего 504 члена и 355 кандидатов в члены партии⁴.

Напряженную боевую учебу, как уже отмечено, вели в то время все войска армии. Ее нужно было с первого же дня организовать и во вновь прибывающих частях. На это я и указал прежде всего

³ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 454, л. 36.

⁴ Там же, д. 172, л. 30.

Б. С. МАСЛОВ

С. П. ВАСЯГИН

командованию дивизии. Ему было приказано в пятидневный срок сосредоточить части восточнее Великих Лук в районе Шейкино, Кунья, Платично. Затем нужно было выдвинуть их на линию Огородцы (северо-западнее Шейкино), Плешков, Морозово (юго-восточнее Ушицы) и привести в боевую готовность. Там, по восточному берегу р. Кунья, дивизии предстояло построить полосу обороны⁵, прикрывающую железные и грунтовые дороги, идущие от Великих Лук к городам Торопец и Старая Торопа.

— Для ускорения строительства этого рубежа к работам будет привлечен и резерв армии — 31-я стрелковая бригада. Она сосредоточится в районе Шейкино. Там вы и свяжитесь с ее командиром полковником И. В. Карповым и его заместителем по политчасти старшим батальонным комиссаром И. И. Муравьевым.

Что касается обучения личного состава, то полковник Б. С. Маслов получил указание составить план боевой подготовки на месяц и немедленно приступить к его осуществлению. Для успешного сочетания работ по строительству рубежа с учебой я рекомендовал сделать так, чтобы каждый стрелковый полк один день работал, а два дня занимался боевой подготовкой. Учебное время должно было составлять по 10 часов в день. На занятиях все роты следовало «обкатать» танками, артиллерии провести противотанковые стрельбы прямой наводкой. Ротные и батальонные тактические учения приказал

⁵ Там же, оп. 2002, д. 860, л. 27.

проводить совместно с танками и артиллерией, заканчивая их боевой стрельбой.

— Словом, боевую подготовку вести с максимальным напряжением, — сказал я на прощанье. — Через неделю приеду посмотреть, как идут занятия.

На следующий день прибыли и упомянутые выше строительные части⁶. После этого работы по созданию второй полосы обороны развернулись полным ходом.

В то же время в связи с прибытием 381-й стрелковой дивизии в состав южной группы войск и возвращением 953-го стрелкового полка 257-й стрелковой дивизии появилась возможность более прочного обеспечения стыка с 4-й ударной армией и усиления обороны на нашем левом фланге. В связи с этим командиру 28-й стрелковой дивизии полковнику С. А. Князькову было приказано перегруппировать части, сосредоточив один стрелковый полк в пос. Урицкое и организовав прочную оборону этого района. В группировке других соединений армии изменений пока не производилось. Они потребовались лишь в середине ноября.

Новая задача

В октябре еще продолжалось оборонительное сражение советских войск под Сталинградом. Страна, партия, весь наш народ нанягали неимоверные усилия, чтобы окончательно остановить врага, а затем и разгромить его. Уже велась подготовка к контрнаступлению. План Ставки Верховного Главнокомандования предусматривал нанесение мощных ударов по сходящимся направлениям с целью окружения и разгрома противника в районе Сталинграда, а также наступательные действия на других участках фронта с задачей сковывания резервов врага.

Одна из таких операций готовилась на западном направлении. Намечалось силами левого крыла Калининского и правого крыла Западного фронтов уничтожить в районе Белый, Ржев, Сычевка вражескую группировку, которая глубоко, на 150—180 км, вдавалась северо-восточнее Смоленска в район расположения наших войск⁷. Таким образом, наряду со сковыванием резервов противника, предполагалось ликвидировать плацдарм врага в треугольнике Ржев, Гжатск, Вязьма, где его войска находились в 150—160 км от Москвы, продолжая угрожать столице нашей Родины. В дальнейшем советские войска должны были развить удар на Смоленск.

Для осуществления целей этой операции, получившей кодовое наименование «Марс», предназначались от Калининского фронта 43, 41, 22 и 39-я армии.

Главный удар должны были наносить войска 41-й армии (командующий — генерал-майор Г. Ф. Тарасов, член Военного совета —

⁶ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 491, л. 217.

⁷ Там же, ф. 311, оп. 4495, д. 23, лл. 2, 3.

бригадный комиссар В. Н. Семенов), усиленные 1-м механизированным корпусом (командир — генерал-майор танковых войск М. Д. Соломатин, заместитель командира по политчасти — полковой комиссар Г. И. Купырев). Армии приказывалось прорвать оборону противника юго-западнее г. Белый и, прикрывшись с направления Ярцево, во взаимодействии с соединениями 22-й армии, ликвидировать белыйско-жиздревскую группировку противника, овладеть г. Белый, а в дальнейшем — узлом дорог г. Холм-Жирковский⁸.

Действующей северо-восточнее 22-й армии (командующий — генерал-лейтенант В. А. Юшкевич, член Военного совета — дивизионный комиссар А. М. Катков) предстояло двумя правофланговыми стрелковыми дивизиями прорвать оборону противника на р. Лучеса и наступать в восточном направлении. Затем она должна была, наращивая силу удара вводом в прорыв 3-го механизированного корпуса (командир — генерал-майор танковых войск М. Е. Катуков, заместитель командира по политчасти — бригадный комиссар Н. К. Попель), выйти в район южнее г. Оленино и в последующем во взаимодействии с 39-й армией окружить и уничтожить западно-оленинскую группировку противника⁹.

На левом крыле фронта 39-я армия (командующий — генерал-майор А. И. Зыгин, член Военного совета — генерал-майор В. Р. Бойко) имела задачу наступать в юго-западном направлении, сковать противника и не допустить переброску его резервов на направление главного удара. Для этого армии предстояло, обороняясь на флангах, в центре прорвать оборону противника, уничтожить его восточно-оленинскую группировку и в дальнейшем во взаимодействии с 22-й армией, а также 30-й армией Западного фронта овладеть городами Оленино и Чертолино¹⁰. 43-я армия (командующий — генерал-лейтенант К. Д. Голубев, член Военного совета — дивизионный комиссар С. И. Шабалов), находясь на правом фланге ударной группировки фронта, имела задачу наступать в общем направлении на Смоленск.

Одновременно войска правого крыла Западного фронта должны были прорвать оборону врага между Ржевом и Сычевкой и наступать в западном направлении на соединение с войсками 41-й армии. Таким образом, планировалось окружить всю ржевско-оленинскую группировку противника¹¹.

Нашей 3-й, а также 4-й ударным армиям по плану этой операции отводилась вспомогательная роль. Активной обороной на 450-километровом рубеже, проходившем от Холма по р. Ловать и далее к востоку от Великих Лук, через Урицкое, восточнее Велижа к Бакланово, обе армии должны были прикрывать ударную группировку Калининского фронта от возможного удара противника с северо-запада.

Ход событий, однако, привел к существенным изменениям первоначального плана операции, в том числе и в той его части, которая

⁸ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 180, л. 2.

⁹ Там же, д. 179, л. 5.

¹⁰ Там же, д. 123, л. 5.

¹¹ Там же, ф. 311, оп. 4495, д. 23, л. 3.

касалась действий 3-й ударной армии. Вместо оборонительной ей была поставлена наступательная задача.

Эти изменения были вызваны в значительной степени тем, что противнику удалось установить сосредоточение войск Калининского фронта, вследствие чего вражеское командование приступило к усиленной переброске резервов в районы Холма, Великих Лук, Оленино. Как теперь мы знаем, «в середине октября немецкая воздушная разведка обнаружила, что между городами Торопец и Калинин сосредотачиваются крупные силы русских»¹². Это позволило противнику определить, что советское командование, «очевидно, проводит подготовку крупной зимней операции против центральной группы армий»¹³.

На угрожаемый участок фронта сразу же начали прибывать вражеские войска. Так, 5 ноября генерал-лейтенант М. А. Пуркаев доносил в Ставку Верховного Главнокомандования: «В районе Холм отмечено прибытие новых танков, очевидно, доукомплектовывается 8-я танковая дивизия. В районе Бежаницы отмечено наличие автомашин с опознавательными знаками 25-й моторизованной дивизии. В районе Новосокольники, Великие Луки отмечается наличие новых частей: 12-й танковой, 3-й горнострелковой и 269-й пехотной дивизий. 83-я пехотная дивизия, ранее занимавшая оборону на различных направлениях, стянута в район Великих Лук. В районе Невеля отмечено более пехотной дивизии и 40 танков. В районе Оленино отмечается работа радиостанций 14-й моторизованной дивизии, 2-й танковой дивизии и 46-го танкового корпуса. Авиаразведка 29 октября наблюдала в 12 км северо-восточнее Оленино до 30 танков и до полка пехоты. Неоднократно в районе Васильково отмечалась работа радиостанции дивизии СС «Великая Германия» и по показаниям пленных ее прибытие ожидалось в район Белый...»¹⁴.

К этому можно добавить, что в тот период, как стало известно позднее, «...к Великим Лукам из-под Ленинграда были переброшены три дивизии: танковая, моторизованная и пехотная; в районы Витебска и Смоленска — семь дивизий из Германии и Франции; в районы Ярцево и Рославля — две танковые дивизии из-под Жиздры и Воронежа»¹⁵.

Оценивая имеющиеся данные, командующий Калининским фронтом в том же донесении Ставке от 5 ноября высказал предположение, что «противник создает группировки для концентрического удара со стороны Холма, Великих Лук и Оленино. Его ближайшая цель может заключаться в том, чтобы выйти этими группировками в район Торопец, Андреаполь. Таким маневром противник может поставить в тяжелое положение основную группу войск фронта»¹⁶.

¹² К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 270.

¹³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 3. М., 1961, стр. 15.

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2002, д. 85, л. 238.

¹⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 3, стр. 15.

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2002, д. 85, л. 238.

Этим выводом тогда же поделился со мной начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. В. Захаров. Он сказал, что германское командование, перебрасывая новые войска из глубины на наш фронт, уплотнило боевые порядки дивизий первой линии за счет вновь подошедших частей и особенно усилило великолукское направление. Сюда были переброшены с Волховского фронта 20-я моторизованная, 93-я и 291-я пехотные, 3-я горнострелковая¹⁷ дивизии, а также 1-й химический полк шестиствольных минометов. Из Рославля подошел 55-й химический минометный полк, с Брянского фронта — 286-й зенитный дивизион, а из района Борисова — 1-я бригада войск СС¹⁸.

Я, в свою очередь, заметил, что сосредоточением войск в районе Новосокольников, Невель противник, возможно, хочет прикрыть единственную железнодорожную рокаду Ленинград — Невель — Брянск, соединявшую его группы армий «Север», «Центр» и «Юг» и дававшую возможность быстрого маневрирования войсками по фронту. Кроме того, возможно, враг стремится обеспечением стыка северной и центральной групп армий в наиболее уязвимом месте обезопасить это направление на случай нашего наступления.

— И это не исключено, — согласился М. В. Захаров. — Во всяком случае вам нужно учесть все это и усилить разведку.

Мы уже знали, что противник производит перегруппировку своих сил в районе Холма и Великих Лук. Сосредоточение войск в треугольнике Новосокольников — Невель — Великие Луки он прикрывал четырьмя отдельными егерскими батальонами, переброшенными из районов Сураж и Витебск и выдвинутыми на рубеж вдоль железной дороги Великие Луки — Невель. На холм-локнянское направление прибыла 93-я пехотная дивизия. Она сменила 8-ю тапковую дивизию, которая, однако, также не убыла с нашего направления, а была лишь выведена, видимо, в резерв. В район Великие Луки были переброшены снятые с юга, с участка Поречье, Усвяты, 251-й и 257-й пехотные полки 83-й пехотной дивизии. В район же Поречья с целью прикрытия невелинского направления прибыли 591-й охранный и 5-й егерский батальоны.

Разумеется, после разговора с начальником штаба фронта разведку мы усилили. А спустя несколько дней у меня собрались член Военного совета армии А. И. Литвинов, генерал И. С. Юдинцев и подполковник И. Я. Сухадкий, чтобы вместе еще раз уточнить состав противостоящей нам вражеской группировки.

Докладывал подполковник И. Я. Сухадкий. Он отметил, что, по последним данным фронта и армейской разведки, противник имел на великолукском направлении в первой линии сравнительно небольшое количество войск — до двух дивизий. Это были 83-я пехотная дивизия, 144-й егерский полк, четыре отдельных батальона, 183-й артил-

¹⁷ Горнострелковые части были сформированы немецко-фашистским командованием в начале для действий в горах. Позднее они представляли собой обычные пехотные войска.

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 4.

лерийский полк, 183-й противотанковый дивизион и ряд других частей. Общая их численность — до 14 тыс. человек. Они насчитывали до 40 танков, около 150 орудий, 130 минометов, более 200 пулеметов.

Кроме того, в районе Ступино, Поречье оборонялись 591-й охранный и 5-й егерский батальоны, усиленные одним дивизионом 183-го артиллерийского полка. Их общий состав — около 2 тыс. человек, 12 орудий и 48 минометов. На железнодорожный участок Великие Луки — Чернозем был выдвинут 343-й охранный батальон, имевший отдельные гарнизоны в Остриани и Чернозем. Он насчитывал около 500 человек, 10 станковых и 24 ручных пулемета¹⁹.

Основные же силы врага паходились в глубине. Так, в районе Новосокольников, а также к северо-востоку и юго-востоку от него сосредоточились части 3-й горнострелковой дивизии, имевшие в своем составе 8 тыс. человек, более 100 орудий и 90 минометов. В районе Невель и в радиусе 12—14 км от него расположились 20-я моторизованная, 291-я пехотная дивизии и части неустановленной думерации. Общая численность войск в этом районе определялась в 25 тыс. человек, они имели более 100 танков. Кроме того, смененные 93-й пехотной дивизией части 8-й танковой дивизии, насчитывавшие более 7,5 тыс. человек, 70 танков, 80 орудий и 65 минометов, также сосредоточились ближе к Великим Лукам, в районе Насва. В район Фенина, Опухлики прибыли четыре горноостерских батальона, имевшие в своем составе до 4 тыс. человек, 50 орудий, 90 минометов²⁰.

Общая численность вражеских сил и средств перед фронтом нашей армии достигала 40 тыс. человек, 140 танков, более 300 орудий и до 550 минометов разных калибров²¹.

Таким образом, противник имел две сильные группировки — одну в районе Великих Лук и вторую — в районе Поречье, Фенина, Опухлики. Причем, если до последнего времени противостоявшие нам войска не имели единого командования, то теперь они его получили. Как было установлено, всю великолукскую группировку возглавил командир 59-го армейского корпуса генерал-лейтенант Шевалери, штаб которого из района Витебска недавно перешел в Новосокольники. Это также подтверждало, что противник готовился к активным действиям.

— О том же, — добавил А. И. Литвинов, — говорит состав противостоящих нам войск. По агентурным данным, это немецкие соединения и части. Подавляющее большинство в них обстрелянные опытные солдаты 25—35-летнего возраста, незначительно разбавленные пополнением. Охранные войска, да и многие другие части почти полностью укомплектованы ярыми фашистами. Кое-кто, правда, начинает поговаривать о том, что-де война слишком затянулась и что у Красной Армии большие резервы и много новой боевой техники. Но в целом личный состав этих вражеских войск, по показаниям пленных, все

¹⁹ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 157, лл. 11, 12.

²⁰ Там же, д. 14, лл. 26—28.

²¹ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 861, л. 7.

И. С. СТРЕЛЬБИЦКИЙ

И. М. СЕРЕБРЯКОВ

еще рассчитывает на победу «фюрера». Короче говоря, перед нами — отборные фашистские части.

Обсудив все имевшиеся данные, мы пришли к выводу, что противник, видимо, намеревался, прочно удерживая узлы обороны в Великих Луках и Поречье, подготовить нанесение мощных фланговых ударов по нашим войскам с севера и юга в районе восточнее Великих Лук.

Такова же была оценка обстановки, сделанная фронтом, а затем и Ставкой. Это и явилось одной из причин, потребовавших изменения первоначального плана наступательной операции «Марс».

Разумеется, Ставка при этом руководствовалась соображениями, связанными с обстановкой на всем советско-германском фронте. Главное тогда заключалось в том, чтобы сковать резервы противника, не допустив их переброски под Сталинград. Это являлось одной из главных задач ударной группировки, предназначенной для действий в операции «Марс». Между тем выяснилось, что противник готовился нанести удар во фланг и в тыл этой ударной группировки, сосредоточивая свои резервы на великолукском направлении и других участках Калининского фронта.

Следовательно, возникла необходимость упредить этот удар. Тем более, что это позволяло одновременно решить и задачу сковывания значительных вражеских резервов. Вот почему Ставка потребовала от командующего Калининским фронтом провести частную наступательную операцию силами 3-й ударной армии на великолукском

участке. Ко всему этому следует добавить, что такой ход событий, очевидно, не был неожиданным для нашего Верховного Главнокомандования. Вероятно, его и имел в виду И. В. Сталин еще в сентябре, когда он предупредил меня о предстоявших 3-й ударной армии наступательных действиях.

И вот теперь они должны были стать реальностью.

10 ноября я был вызван в штаб фронта. Выехали рано утром вместе с членом Военного совета А. И. Литвиновым, командующим артиллерией генерал-майором артиллерии И. С. Стрельбицким и начальником оперативного отдела полковником И. И. Серебряковым. Стояла поздняя осень, каждый день шли дожди, было почти полное бездорожье, и наши «Бонтамы» — английские тягачи с узкими шасси и маломощными моторами — с трудом продвигались вперед. Наконец, в середине дня прибыли в штаб фронта.

Генерал-лейтенант М. А. Пуркаев сразу же пригласил нас к себе и без всяких предисловий поставил задачу на наступление армии.

Она состояла в том, чтобы ударом на Новосокольники сорвать готовящееся наступление противника на великолукско-торопецком направлении. Прежде всего мы должны были разгромить вражескую группировку, сосредоточившуюся в районе северо-западнее и юго-западнее Великих Лук, а в дальнейшем — уничтожить противника в районе Новосокольники. Наступление армии приказывалось обеспечить от возможных вражеских ударов с флангов прочной и активной обороной холмско-торопецкого и невели-торопецкого направлений.

— Наступлением 3-й ударной армии, — пояснил командующий фронтом, — мы рассчитываем не только разгромить крупную группировку фашистских войск, но и захватить железнодорожные узлы Великие Луки и Новосокольники с целью прервать важнейшую рокадную коммуникацию противника. Кроме того, в результате вашего наступления мы должны овладеть такими районами, откуда можно, опираясь на сеть и узлы железных и грунтовых дорог, развивать в дальнейшем наступление в любом направлении.

Далее он сообщил, что в состав 3-й ударной из 43-й армии, которая по новому плану операции «Марс» не будет наступать, а перейдет к обороне, передаются: 5-й гвардейский стрелковый корпус в составе трех дивизий, 24-я гвардейская стрелковая дивизия и 2-й механизированный корпус, имевший три механизированные и две танковые бригады. Из резерва фронта армии придается артиллерия усиления — восемь артиллерийских полков различного назначения, один полк и пять отдельных гвардейских минометных дивизионов РС («катуш»), а также пять отдельных танковых полков²².

Пока генерал М. А. Пуркаев ставил задачу, я наносил ее на свою карту, которую разложил на столе рядом с картой командующего фронтом. Полковник И. И. Серебряков кратко записывал задачу в свою тетрадь. Назвав дату начала операции — 25 ноября, М. А. Пуркаев спросил меня:

²² Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 861, лл. 16, 17.

— Имеются у вас какие-либо наметки плана наступления?

— Я обдумывал различные варианты решения на случай наступления. Наиболее целесообразный из них предусматривает нанесение главного удара из района южнее Великих Лук в направлении Ново-Сокольники и, таким образом, соответствует поставленной вами задаче.

Так окончилась моя «конспирация» в этой части. Мне, конечно, было интересно, как реагировали на мой ответ А. И. Литвинов, И. С. Стрельбицкий и И. И. Серебряков. Но они держались как ни в чем не бывало, не выдав удивления. Командующий фронтом не скрыл своего удовлетворения.

— Вот это хорошо, — сказал он. — Давайте условимся: вы со своими помощниками поработаете до вечера здесь, в штабе фронта, и к исходу дня доложите свое решение на наступательную операцию Военному совету фронта. Заодно уточните в оперативном управлении план сосредоточения войск, включенных в состав армии, а также их состояние. Учтите, что эти части и соединения будут следовать к вам в основном походным порядком. И еще вопрос: возможно, вы и подготовительные мероприятия осуществляете?

— Мы выдвинули часть сил на рубеж р. Ловать севернее Великих Лук и создали сплошной фронт на великолукском направлении. Построили в глубине вторую полосу обороны по р. Кунья. Все это обеспечит прикрытие сосредоточения войск. Кроме того, детально изучали группировку и систему обороны противостоящего противника.

— Тоже неплохо, — констатировал генерал М. А. Пуркаев.

На этом мы расстались. Для работы нам был отведен один из домиков в расположении штаба фронта. Тут я и объяснил своим спутникам все, что относилось к истории моей предварительной работы над планом наступления. Был уверен: они поймут, что я не имел права говорить о ней ни с кем. И не ошибся. Более того, разговор сразу же принял непринужденный дружеский характер.

— Если уж мы ни о чем не догадывались, — пошутил А. И. Литвинов, — то противнику, наверняка, и в голову не приходит, что мы уже готовимся к наступлению.

Не теряя времени, приступили к работе. Нашу задачу осложняло отсутствие данных о передаваемых армии войсках, их численности, вооружении, не говоря уже о боевой подготовке и, следовательно, боеспособности. Кроме того, надо было знать перспективы материально-технического снабжения и особенно подвоза боеприпасов на всю операцию. Ведь мы имели на армейских складах сравнительно небольшой запас, рассчитанный к тому же на прежний состав армии.

Поэтому начал я с посещения начальника штаба фронта генерал-лейтенанта М. В. Захарова. Матвей Васильевич со свойственной ему отзывчивостью и энергией тут же дал указание начальнику отдела укомплектования полковнику А. Б. Тоддес подготовить и срочно сообщить мне все имеющиеся данные о численном составе и вооружении дивизий, передаваемых в армию.

— Относительно боеприпасов и материально-технического снабжения, — сказал генерал М. В. Захаров, — уточним через день-два.

Вскоре ко мне пришел полковник Тоддес с требуемой справкой. Из нее следовало, что мы получили хорошо укомплектованные четыре стрелковые дивизии — 9-ю, 46-ю гвардейские и 357-ю, входившие в 5-й гвардейский стрелковый корпус, и 21-ю гвардейскую. Дивизии насчитывали по 10—10,5 тыс. человек. Каждая из них имела положенные по штату 44 орудия и 188 минометов. Кроме того, в 46-й гвардейской стрелковой дивизии было 150, а в остальных — по 225 противотанковых ружей²³.

Как сообщил полковник Тоддес, штаб фронта провел большую работу по доукомплектованию и довооружению гвардейских стрелковых дивизий. В отличие от других каждая из них имела не одну, а две роты автоматчиков, 12 станковых пулеметов в пулеметной роте вместо 9, не один, а два станковых пулемета на каждую стрелковую роту, а вместо взвода — по роте противотанковых ружей в стрелковых батальонах. Кроме того, артиллерийские полки этих дивизий получили по шесть 76-мм пушечных батарей вместо пяти. Наконец, каждая гвардейская дивизия имела отдельный учебный батальон вместо учебной роты. Что касается 2-го механизированного корпуса, то он насчитывал 13 620 человек и имел 215 танков, из них 112 танков Т-34. В каждой из трех механизированных бригад — по одному отдельному танковому полку (39 танков, в том числе 23 танка Т-34 и 16 легких — Т-70). В двух танковых бригадах — по 21 танку Т-34 и по 28 Т-70²⁴.

Генерал И. С. Стрельбицкий поинтересовался укомплектованностью артиллерийских полков усиления. Но об этом у полковника Тоддеса точных данных не оказалось. Он знал лишь, что они были вооружены 122-мм и 152-мм орудиями, но количество их в полках было различное — от 12 до 24.

Затем пришел начальник отдела боевой подготовки фронта полковник Д. А. Братановский. По приказанию генерала М. В. Захарова он сообщил некоторые данные о боевой выучке передаваемых нам войск. В частности, мы узнали, что 2-й механизированный корпус был сформирован в районе Москвы лишь в сентябре 1942 г. 8 октября его части начали прибывать на Калининский фронт и были включены в состав 43-й армии. Большинство бойцов корпуса еще не участвовало в боевых действиях, а командиры взводов и рот — только из училищ. В тактическом отношении подразделения и части недостаточно сколочены. Большинство механиков-водителей танков пока слабо обучено вождению боевых машин, в особенности ночью и при движении с закрытыми люками.

Причем, добавил Д. А. Братановский, корпус был лишен условий для совершенствования боевой подготовки, так как его личный состав по решению Военного совета 43-й армии работал на ремонте и восстановлении дорог, а автотранспорт корпуса был переключен на ар-

²³ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 861, л. 16.

²⁴ Там же, л. 17.

мейские перевозки. Из-за плохих дорог много автомашин выбывало из строя²⁵.

— Считаю удовлетворительной боевую подготовку личного состава гвардейских стрелковых дивизий, — закончил он. Во главе дивизий и полков стоят опытные и обстрелянные командиры. Более 30% личного состава участвовали в боях, а остальные — это новое пополнение. В период комплектования дивизии занимались боевой подготовкой от 7 до 20 дней. Конечно, на их боевую готовность может повлиять предстоящий им 120—150-километровый марш.

Полученные данные давали определенное, хотя и довольно приблизительное представление о войсках, которые передавались армии. Их численность и боеспособность следовало учесть при принятии решения на наступление. Это, естественно, потребовало известного пересмотра замысла, созревшего у меня еще до получения задачи. Я всегда руководствовался правилом, что решение надо принимать не интуитивно, не предвзято, а на основе глубокого анализа всей обстановки в целом и ее отдельных, даже мелких элементов. Поэтому, размышляя в тот день над картой, на которой была нанесена боевая задача армии, стремился, чтобы первоначальный замысел не довелел над нами. Однако после соответствующих расчетов многие его основные положения и предварительные наброски вошли и в новое решение на операцию, поскольку полностью отвечали складывающейся обстановке.

Задача армии по глубине была сравнительно небольшой — всего 35—40 км. Но ее выполнение усложнялось не только наличием перед фронтом мощных, заблаговременно укрепленных узлов обороны и опорных пунктов противника с сильными гарнизонами, но главное — сосредоточенной под их прикрытием значительной вражеской группировки в глубине. Было ясно, что армия должна при своем продвижении вперед, с одной стороны, ломать сопротивление противостоящих войск, а с другой, — отбивать контрудары все новых и новых его частей и соединений, нацеленных еще задолго до начала нашего наступления для удара на торопецком направлении.

Кроме того, в контрударах могли участвовать войска, прибывающие в район Великих Лук, Новоскольников с ближайших участков фронта для отражения нашего наступления. Наконец, можно было ожидать удара противника и с северо-запада, со стороны г. Холм. Поэтому, составляя план своих действий, надо было продумать достаточно надежное прикрытие холмского направления, где враг, нанеся удар на Торопец, смог бы помешать развитию нашего наступления на Новоскольников.

Нельзя было не считаться и с большой протяженностью фронта армии — 180 км и наличием в ней двух группировок, отстоявших одна от другой на большое расстояние. Это усложняло предстоящую операцию, особенно управление войсками, не говоря уже о трудностях материально-технического обеспечения наступающих войск.

²⁵ Там же, д. 863, л. 6.

Принятие решения

Итак, начали мы с определения возможностей наших войск и противника. Сделав расчет соотношения сил, пришли к выводу, что имеем общее полуторное превосходство. Это позволяло увеличить его до трех-четырекратного на направлении главного удара южнее Великих Лук за счет сосредоточения здесь основных сил армии. Такое преимущество можно было сохранить хотя бы на время совершения прорыва, до подхода оперативных резервов противника. Кроме того, глубокое построение вражеской группировки и ее рассредоточенность диктовали необходимость бить немцев по частям — сначала войска первого эшелона, затем — резервы.

Из этого я и исходил, намечая последовательность выполнения задачи. Имелось в виду прежде всего разгромить и уничтожить 83-ю пехотную дивизию, часть или всю 3-ю горнострелковую дивизию и отдельные части в районе южнее Великих Лук, окружить гарнизон города. В это же время мы должны были нанести удар на Новосokolьники с целью сковать находившиеся в его районе войска противника и не допустить их контрударов на Великие Луки. В последующем, если это не удастся сделать сразу, предстояло уничтожить великолукский гарнизон и овладеть городом. Дальнейшая задача — разгром вражеской группировки в районе Новосokolьники.

Следующим был вопрос о выборе участков прорыва. Об этом я думал немало и поэтому сразу же указал на районы севернее и южнее Великих Лук. На втором из этих участков решил осуществить прорыв главными силами, на первом — одной 381-й стрелковой дивизией. В дальнейшем намечалось встречными действиями части их сил в северо-западном и юго-западном направлениях — на железнодорожную станцию Остриань — окружить Великие Луки, в то время как главные силы армии будут развивать прорыв в направлении на Новосokolьники.

Далее — о группировке наших войск.

Принятое мною решение предусматривало, что 5-й гвардейский стрелковый корпус будет наносить главный удар в направлении Петрушино (8 км юго-западнее Липец), ст. Остриань. Его задача — прорвать вражескую оборону южнее Великих Лук на участке от Мордовище до Пожары на фронте 12 км, разгромить противника в районе Остриань, Бугитино, железнодорожная станция Чернозем и основными силами продолжать наступление в общем направлении на Новосokolьники. При этом правофланговая 357-я стрелковая дивизия этого корпуса должна была нанести удар в направлении Мордовище, Крюково, во взаимодействии с частями 257-й и наступающей с севера 381-й стрелковых дивизий окружить и уничтожить фашистов в Великих Луках.

Уточнили задачи и 381-й и 257-й стрелковых дивизий. Первой из них предстояло нанести удар с рубежа р. Насва, Гороховье, Веретье-3-е в направлении Китово, Земляничина, а в дальнейшем — развивать наступление на Великие Луки, прикрывшись частью сил с се-

веро-запада. 257-я же стрелковая дивизия, продолжая обороняться на восточных подступах к городу, должна была двумя полками после прорыва обороны обойти Великие Луки с севера и юга и выйти на северо-восточную и юго-восточную окраины города. Силами этих двух дивизий, а также 357-й стрелковой дивизии 5-го гвардейского стрелкового корпуса, как уже сказано, намечалось окружить и уничтожить гарнизон противника в Великих Луках.

2-й механизированный корпус должен был составить подвижную группу. Его предполагалось ввести в прорыв, образованный дивизиями 5-го гвардейского стрелкового корпуса, с ближайшей задачей разгромить войска новосокольнической группировки противника и не допустить их ударов в направлении на Великие Луки. В дальнейшем корпусу предстояло захватить район Новосокольники.

В резерв назначались 21-я гвардейская стрелковая дивизия, которую следовало сосредоточить на рубеже р. Кунья, юго-западнее Анино, и 184-я танковая бригада — в районе Мулина (5 км севернее Успенское). Их основная задача — быть в готовности к развитию наступления в направлении Великие Луки или Новосокольники. Кроме того, они при необходимости должны были отразить возможные контрудары противника северо-западнее и юго-западнее Великих Лук.

Затем мы вместе с генералом И. С. Стрельбицким подсчитали возможную плотность артиллерийских орудий и минометов. На главном направлении мы смогли сосредоточить около 45 орудий и минометов на километр фронта, на вспомогательном, в 381-й стрелковой дивизии, — 36. Конечно, эта плотность была недостаточна, но, к сожалению, больше артиллерии мы не имели. Так, на левом фланге армии, на участке обороны 28-й стрелковой дивизии, хотя и там не исключались активные действия противника, мы оставляли всего по 8 орудий и минометов на километр фронта²⁶.

Потом я продиктовал И. И. Серебрякову, писавшему на карте, сроки выполнения задач операции:

— На первый этап — разгром противника в районе между Великими Луками и Новосокольниками и окружение Великих Лук — два дня. Второй — уничтожение великолукской группировки — три-четыре дня. Затем, очевидно, потребуется перегруппировка войск, на что уйдет еще два дня. На последний этап — разгром новосокольнической группировки — три-четыре дня. Таким образом, операция рассчитывается на 10—12 дней.

Теперь нужно было определить характер действий войск на правом фланге армии — на холм-локнянском направлении и способы управления ими.

Поскольку мне предстояло главное внимание сосредоточить на ведении операции на великолукском направлении, было целесообразно объединить все находившиеся на севере войска — три стрелковые дивизии, три стрелковые бригады, два танковых батальона, 153-й армейский запасный полк и другие специальные части —

²⁶ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 861, л. 15.

в одну группу. Так и решили. Возглавить ее поручалось командиру 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору М. П. Кутузову, назначенному вместо убитого генерала И. М. Чистякова. Этой группе войск приказывалось прочно оборонять занимаемый ею рубеж по р. Ловать, не допустить прорыва противника на торопецком направлении, в тыл наступающей ударной группировке армии.

Такая же задача ставилась выдвигаемой в район Гороховье, Низовичи 31-й стрелковой бригаде. Она должна была организовать оборону на рубеже р. Насва, обеспечивая правый фланг великолукской группы войск от возможных ударов противника из района г. Насва. С юга это же предстояло сделать 28-й стрелковой дивизии, оборонявшейся на рубеже Ступино, Норечье, Урицкое.

Наметили и новые районы для пунктов управления. Штаб армии перемещался на великолукское направление — сначала в Карташево, расположенное в 20 км западнее г. Торопец, а затем в лес юго-восточнее Великих Лук.

Все уже было нанесено на карту, оставалось доложить Военному совету фронта. Но я медлил. У меня не было сомнений в части решения на прорыв обороны противника и окружение Великих Лук. Ввод же в прорыв механизированного корпуса вызывал серьезное раздумье.

Вопросы теории, да и практики подобного ввода были ясны. Ведь еще в начале 30-х годов, когда разрабатывалась теория глубокого боя, мне, тогда командиру полка, не раз приходилось участвовать в учениях нашей Московской Пролетарской стрелковой дивизии совместно с механизированным корпусом имени К. Б. Калиновского. Да и приказ наркома обороны от 16 октября 1942 г. требовал использовать механизированные корпуса в качестве эшелона развития успеха на направлении главного удара.

Но беспокоила недостаточная боеспособность корпуса. Он уже совершил тяжелый марш по плохим дорогам, а теперь ему предстоял второй, более чем 100-километровый. Для только что сформированного соединения — это тяжелая задача. Израсходовав на марше значительную часть своих моторесурсов, он уже не сможет представлять собой должной ударной силы. В этом случае ввод его в прорыв не даст ожидаемых результатов и приведет лишь к излишним потерям.

В конце концов решил пока оставить механизированный корпус в резерве армии. Придет — тогда, выяснив на месте его состояние, можно будет окончательно определить его использование.

Наступил уже вечер, когда мы закончили выработку решения. Незадолго до этого возвратился А. И. Литвинов, успевший побывать у начальника политуправления фронта генерал-майора М. Ф. Дребеднева. Он сообщил, что М. Ф. Дребеднев дал высокую оценку политико-моральному состоянию личного состава соединений и частей, передаваемых нашей армии. Это радовало и позволяло надеяться, что они быстро подготовятся к решению предстоящих боевых задач.

Обсудив еще раз детали решения, мы пришли к единодушному выводу, что оно в целом отвечает поставленной задаче.

Военный совет фронта утвердил предложенное мною решение на операцию, внося в него небольшие уточнения. Во время обсуждения выяснилось, что и командование фронта волновал вопрос о вводе в прорыв 2-го механизированного корпуса. Генерал М. А. Пуркаев одобрил мое намерение и предложил еще раз подумать об этом, учтя боеспособность и маневренные возможности корпуса. Тут же был решен и вопрос об организации управления войсками армии, а также ориентировочно намечены районы сосредоточения прибывающих на великолукское направление войск.

Г. К. ЖУКОВ

Ночью мы возвратились к себе. Началась напряженная работа по подготовке операции. Как было намечено, штаб армии переместился на великолукское направление и временно расположился в дер. Карташево (20 км западнее г. Торопец). Отсюда было удобно управлять войсками в период их сосредоточения для наступления. А утром 19 ноября к нам в штаб неожиданно приехали генерал М. А. Пуркаев и член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов.

— С аэродрома едет представитель Ставки генерал армии Г. К. Жуков, — сказал мне командующий фронтом. — Будьте готовы доложить ему оценку обстановки, решение и план операции. Учтите, Георгий Константинович длинных докладов не терпит.

Я был готов. Но на всякий случай конспективно набросал на листах блокнота краткое содержание доклада. И сейчас, когда я пишу эти строки, странички того блокнота лежат передо мной, воскрешая в памяти события тех грозных дней.

С Г. К. Жуковым я ранее не встречался. Слышал о нем, как о грамотном, растущем полководце с твердым характером. Вскоре подъехали два «виллиса». Из первого вышел Г. К. Жуков. Одет он был в казакин, отделанный серым каракулем, со знаками генерала армии, на голове — серая генеральская папаха. Лицо Г. К. Жукова выражало непреклонность человека требовательного, властного.

Поздоровавшись со всеми за руку, Георгий Константинович, кивнув на новые петлицы, пришитые на добротной шинели генерала М. А. Пуркаева, поздравил его с присвоением очередного воинского звания — генерал-полковника. Затем, показывая на свой казакин, улыбнувшись, добавил:

— А я, как видите, в форме командира 4-й донской кавалерийской дивизии, которой командовал в середине 30-х годов, да и генеральские знаки довоенные.

Все рассмеялись. Эта шутка как-то сразу же сняла напряженность. А я подумал: шутливое замечание, которое Г. К. Жуков неожиданно сделал, не меняя серьезного выражения лица, выдает в нем человека отнюдь не высокомерного, как это кажется на первый взгляд. Ведь он готов подшутить и над самим собой.

На состоявшемся вскоре совещании Военного совета фронта и армии я доложил Г. К. Жукову оперативно-тактическую обстановку на фронте армии, обратив особое внимание на группировку, создаваемую противником в районе Насва, Великие Луки, Невель, Ново-сокольники. Высказал вышенприведенные предположения о намерениях немецко-фашистского командования на этом участке фронта. Отметил, что передаваемые в армию соединения и части заканчивают сосредоточение на великолукском направлении.

— План сосредоточения, — говорил я, — отвечает двум целям: постоянной боевой готовности войск к отражению возможного удара противника на Торопец и в то же время обеспечивает немедленный переход к наступательным боевым действиям. Причем в целях усиления готовности к отражению удара каждая прибывающая стрелковая дивизия, а также бригады 2-го механизированного корпуса размещаются так, чтобы прикрыть важнейшие пути от Великих Лук и Невеля на Торопец. Готовясь к активным боевым действиям, эти соединения и части одновременно строят оборонительные рубежи в своих районах, которые они должны удерживать, если противник упредит нас с переходом в наступление.

— Однако главное в наших мероприятиях — упредить противника и нанести ему внезапный удар, — подчеркнул я, после чего изложил свое решение.

Хотя доклад занял более часа — хотелось все изложить подробно, Г. К. Жуков меня не прерывал. Чувствовалось, что он умеет внимательно слушать, вникая во все детали дела. И еще сложилось впечатление, что к решению он отнесся положительно. Лишь один раз во время доклада представитель Ставки, взяв мою рабочую оперативную карту, циркулем измерил расстояние между сторонами, видимо, желая определить районы развертывания боевых действий.

Выслушав затем мнение командующего фронтом, поддержавшего мою оценку обстановки на фронте армии и решение на проведение операции, Г. К. Жуков сказал:

— Боевые действия армии органически связаны с операциями войск фронта и в целом наших Вооруженных Сил. Один план, даже глубоко продуманный, не в состоянии внезапно коренным образом изменить обстановку. Поэтому главное в операции армии — ее роль и значение в оперативном и стратегическом масштабах. Вот взгляните, — он пригласил нас к висевшей на стене стратегической карте, на которой сотрудник оперативного отдела ежедневно по сводкам Совинформбюро наносил положение на всех участках советско-гер-

манского фронта. Показывая на красные стрелы, обозначающие удары войск Красной Армии под Ленинградом и Демянском, под Ржевом и Вязьмой, представитель Ставки продолжал: — Все эти удары, взаимодействуя между собой, обеспечивают начавшееся сегодня контрнаступление советских войск под Сталинградом, сковывают резервы врага. Такова основная роль и 3-й ударной армии в предстоящих боевых действиях на великолукском направлении.

Здесь необходимо напомнить, что именно в тот день, 19 ноября 1942 г., когда происходило описываемое совещание в штабе 3-й ударной армии, на южном участке советско-германского фронта войска Красной Армии начали одну из решающих операций Великой Отечественной войны, внесшую огромный вклад в достижение коренного перелома во всей второй мировой войне. Мы, разумеется, не имели тогда достаточно ясного представления о масштабах этой операции. Что же касается ее последствий, то их, вероятно, еще не могла полностью предвидеть и Ставка. Но она делала все возможное для создания решающего перелома. И одно из условий этого наше Верховное Главнокомандование видело в отвлечении стратегических резервов врага от сталинградского направления активными действиями на других участках фронта.

Слушая Г. К. Жукова, я думал о том, насколько возросло наше советское военное искусство. Решительные стратегические цели контрнаступления Красной Армии, разработанные в теории еще в довоенные годы, теперь становились практикой. И, признаться, при мысли об этом охватывало чувство гордости за то, что наш народ и его армия под руководством Коммунистической партии не только выстояли в борьбе с сильным и жестоким врагом, но и нашли в себе силы для новых мощных ударов, направленных на окончательное взятие в свои руки инициативы ведения войны. И мы своими действиями здесь, под Великими Луками, должны были внести свой небольшой вклад в это великое дело.

— Притянуть на себя силы противника — главная задача 3-й ударной армии, — говорил Г. К. Жуков. — Возьмете вы Новосokolники или нет — все равно задачу будем считать выполненной, если притянете на себя силы врага и он не сможет их свясть с вашего участка для переброски на юг. Итак, своими действиями на длительное время, повторяю — на длительное время, сковать противостоящие войска и притянуть резервы ближайших немецких армий и армейских групп, что будет равносильно срыву переброски их на юг. В этом и состоит главная задача 3-й ударной армии.

Сформулированная Г. К. Жуковым цель резко меняла весь характер и сроки проведения великолукской наступательной операции. Стало ясно, что от нее не требовалась кратковременность, запланированная нами и одобренная командованием фронта. Операция должна была стать преднамеренно длительной, чтобы возможно в течение нескольких недель перемалывать силы врага. В этих условиях важное значение приобретали не только наступательные, но и оборонительные действия, что и подчеркнул Г. К. Жуков:

— Не бойтесь и обороны, главное — перемолоть побольше сил противника.

Вполне понятно, что это потребовало внести существенные изменения в решение. Общая формулировка задачи оставалась прежней. Но предстояло в ряде случаев отказаться от быстрых, мощных ударов с решительной целью и вести планомерные наступательные действия, имея сплошной фронт, неизменно продвигающийся вперед и готовый отразить сильный контрудар противника.

С учетом нового характера операции и вытекающих из него способов действий войск были внесены изменения в ранее принятое решение. Прежде всего уточнили ближайшую задачу армии. Она была несколько сокращена по глубине и заключалась теперь в разгроме великолукской группировки противника, блокировании гарнизона Великие Луки, овладении городом и выходе на рубеж оз. Кислое, Ловно, Фенина.

Что касается 2-го механизированного корпуса, то теперь уже я окончательно отказался от ввода его в прорыв в первый день наступления. Дело в том, что он, пожалуй, сумел бы овладеть Новосокольниками в первый или второй день операции, но затем вероятнее всего оказался бы в тяжелом положении. Ибо главные силы армии, ведя бой с великолукской группировкой врага, вряд ли сумели бы подойти к корпусу раньше третьего-четвертого дня операции и оказать ему помощь в борьбе с оперативными резервами противника. Результатом этого могли быть тяжелые потери, лишаящие армию крупной подвижной группировки войск, чем в значительной степени осложнялось выполнение задачи всей операции.

Итак, 2-й механизированный корпус был оставлен в армейском резерве. Сосредоточившись в районе Ушицы, Кунья, он мог быть введен нами в сражение на том или ином направлении, где создастся благоприятная обстановка для этого. В результате отпала необходимость держать в резерве 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Ее можно было использовать для усиления главной ударной группировки и для активного обеспечения ее левого фланга. С этой целью дивизия выдвигалась южнее 5-го гвардейского стрелкового корпуса с задачей нанести удар по противнику из района Чертеж в направлении Фенина.

В этом окончательном виде решение и его обоснование были в тот же день доложены мною генералу армии Г. К. Жукову и Военному совету фронта. М. А. Пуркаев, обменявшись мнениями с Г. К. Жуковым, тут же утвердил решение, отметив, что оно вполне соответствует поставленной армии задаче и дополнениям представителя Ставки.

— Однако в нем есть слабое место — оперативное построение войск армии неглубокое, одноэшелонное, — добавил он. — Придется изыскивать войска для создания второго эшелона армии. Ведь в случае ввода 2-го механизированного корпуса она остается без резервов.

Необходимо пояснить, что, готовя довольно крупную операцию, мы, действительно, располагали сравнительно небольшими силами.

Передав нам ряд новых соединений, почти исчерпал свои возможности и фронт. Все же он мог еще несколько усилить армию. И обещания генерала М. А. Пуркаева в этом отношении было для нас как нельзя более кстати.

Внимание к усилению армии и всестороннему обеспечению ее боевых действий проявил и Г. К. Жуков. В частности, он заинтересовался, как будет осуществляться поддержка 3-й ударной армии с воздуха. Прибывший к этому времени командующий 3-й воздушной армией генерал-майор М. М. Громов доложил, что она возложена на части 1-го штурмового и 1-го бомбардировочного авиационных корпусов, которые будут действовать под прикрытием истребителей 1-го истребительного авиационного корпуса. Кроме того, по Великим Лукам и железнодорожной станции Новосокольники в течение трех ночей нанесут удары части авиации дальнего действия²⁷.

— Для составления плана взаимодействия, — сообщил М. М. Громов, — в штаб 3-й ударной армии прибудет начальник штаба 3-й воздушной армии генерал-майор авиации Н. П. Дагаев. Командование авиационными частями на великолукском направлении возложено на моего заместителя генерал-майора авиации Н. Ф. Папивинова, который со своей оперативной группой будет находиться на командном пункте 3-й ударной.

Попрощавшись и пожелав нам боевых успехов, Г. К. Жуков уехал. Вскоре ушли и М. А. Пуркаев, Д. С. Леонов, М. М. Громов. Нам же предстояла еще напряженная работа над дальнейшим планированием и подготовкой операции.

Накануне наступления

На основе утвержденного командованием фронта решения был составлен план операции ударной группировки армии. Его разработал штаб под руководством генерала И. С. Юдинцева с участием начальника штаба артиллерии полковника В. И. Недзвецкого, начальника автобронетанковых войск армии полковника К. В. Ивакина и начальника штаба воздушной армии генерала Н. М. Дагаева.

Согласно плану, за два дня до начала общего наступления авангардные полки дивизий 5-го гвардейского стрелкового корпуса и 21-й гвардейской стрелковой дивизии должны были выйти на рубеж Иванцево, Некрасово, чтобы прикрыть развертывание главных сил и занятие огневых позиций артиллерией. Остальные части ударной группировки выходили в это время в выжидательный район.

Боевые задачи для 5-го гвардейского стрелкового корпуса, 257-й и 381-й стрелковых дивизий оставались прежними, но существенно

²⁷ Архив МО СССР, ф. 311, оп. 4495, д. 23, лл. 55—57.

изменились для 28-й стрелковой дивизии. Если раньше на нее возлагалась жесткая оборона своего рубежа, то теперь она должна была, кроме того, силами ударной группы в составе усиленного стрелкового полка и учебного батальона во взаимодействии с 21-й гвардейской стрелковой дивизией уничтожить противника в районе Ступино, Мартыаново и обеспечить наступление главных сил армии от контратак с направления Невель, Опухлики. Один полк 28-й стрелковой дивизии выводился в армейский резерв в район Нивнипа, Орехново, Вальнево. В резерве, как уже отмечено, оставался и 2-й механизированный корпус.

Был разработан и план артиллерийского наступления. В каждой дивизии первого эшелона создавалась артиллерийская группа из двух-трех артиллерийских полков. Армейскую артиллерийскую группу составляли три пушечных артиллерийских полка (36 орудий), артиллерия и минометы 2-го механизированного корпуса; группу реактивных минометов — шесть дивизионов РС (40 установок). Общая плотность на главном направлении достигала около 45 орудий и минометов (калибра 76 мм и выше) на 1 км участка прорыва.

Основная задача армейской артиллерийской группы состояла в подавлении и уничтожении артиллерии противника, главным образом в полосе наступления 5-го гвардейского стрелкового корпуса, а также в Великих Луках. При продвижении войск вперед, особенно в направлении Новосокольников, часть пушечных полков артиллерийской группы переподчинялась этому корпусу. В противотанковом резерве армии оставался 699-й истребительно-противотанковый полк (командир — майор А. Н. Митрофанов, заместитель командира по политчасти — майор В. Ф. Кравцов).

Дивизион бронепоездов получил задачу маневрировать на участке между станциями Великополье и Скворцово, содействуя огнем 257-й стрелковой дивизии в уничтожении огневой системы противника на восточной и юго-восточной окраинах Великих Лук.

Каждая из четырех дивизий, действовавших на направлении главного удара, усиливалась одним отдельным танковым полком. При этом танки намечалось использовать для непосредственной поддержки пехоты. Каждую танковую роту в ходе наступления должны были сопровождать не менее четырех противотанковых орудий. 184-я танковая бригада оставалась в армейском резерве и сосредотачивалась в 25 км юго-восточнее Великих Лук.

Детально спланировали действия авиации.

В ночь на 24 ноября 100 бомбардировщиков авиации дальнего действия должны были нанести удар по противнику в центре и на западной окраине Великих Лук. В ходе же наступления, как предусматривалось, войска армии поддерживались 266-й и 292-й штурмовыми авиационными дивизиями. Первой из них командовал полковник Ф. Г. Родякин (заместитель по политчасти — полковой комиссар А. Ф. Федоров), второй — полковник Н. П. Каманин (заместитель по политчасти — полковой комиссар К. Г. Присяжнюк). Прикрытие возлагалось на 274-ю истребительную авиационную дивизию (коман-

дир — подполковник П. К. Московец, заместитель по политчасти — батальонный комиссар А. А. Ионин).

Было намечено, что с началом атаки главных сил 30 штурмовиков Ил-2 под прикрытием 20 истребителей Як-7 должны подавить артиллерийские и минометные батареи и разрушить опорные пункты противника в районе Забойники, Тележниково, ст. Чернозем. Спустя 50 минут такой же группе самолетов предстояло нанести повторный получасовой удар. После этого авиации надлежало быть готовой действовать по вызову через два-три часа. Большая группа самолетов — 30 штурмовиков и 50 истребителей — оставалась в резерве и предназначалась для нанесения ударов по подходящим со стороны Насва, Новосokolынки или Невель резервам противника и для прикрытия боевых порядков главной группировки войск.

Районы сосредоточения вновь прибывающих на великолукское направление войск были намечены, как уже сказано, еще при принятии решения в штабе фронта. Окончательно мы их уточнили в ходе дальнейшей подготовки операции. Это были районы, скрытые от воздушной разведки противника, главным образом леса. Передаваемые в армию войска сосредоточивались в период с 10 по 24 ноября.

Первым 13 ноября прибыл 2-й механизированный корпус. Совершив марш в 100—120 км, его части сосредоточились в 15—20 км юго-западнее г. Торопец. Командир корпуса генерал-майор танковых войск И. П. Корчагин и заместитель по политической части бригадный комиссар Н. Г. Кудинов в тот же день явились в штаб армии. Оказалось, что корпус имел полную штатную численность личного состава — 13,5 тыс. бойцов и командиров. Однако его материальная часть была в неудовлетворительном состоянии. По докладу И. П. Корчагина, вышли из строя 300 из 650 автомашин и 54 из 215 танков²⁸.

Это, как уже знает читатель, не было для меня неожиданностью. Еще в штабе фронта, после получения информации о корпусе, мною было принято решение прежде всего привести в порядок его материальную часть. Поэтому генерал И. П. Корчагин получил приказание собрать и отремонтировать в течение 10 дней все неисправные танки и автомашины. Одновременно надлежало организовать усиленную боевую подготовку личного состава корпуса.

— Начните ее с завтрашнего же дня, — сказал я, прощаясь с И. П. Корчагиным и Н. Г. Кудиновым.

В последующие несколько дней прибыли соединения и части 5-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор А. П. Белобородов (заместитель командира по политической части — полковой комиссар А. М. Орлов). Так, 14 ноября в районе Аннино сосредоточилась 9-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И. В. Простякова (замполит — полковой комиссар М. В. Бронников), совершившая 100-километровый

²⁸ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 863, л. 9.

марш. После приведения частей в порядок она заняла рубеж обороны на р. Куныя северо-западнее Аппино.

Два дня спустя прибыла 46-я гвардейская стрелковая дивизия (командир — генерал-майор С. И. Карапетян, замполит — старший батальонный комиссар А. А. Похил), которая также приступила к подготовке рубежа обороны.

Позднее всех, к 22 ноября, закончила сосредоточение 357-я стрелковая дивизия (командир — полковник А. Л. Кроник, замполит — старший батальонный комиссар В. А. Белов). Ей пришлось пройти 130—150 км походным порядком из района северо-западнее Нелидово. Примерно такой же марш совершила и прибывшая в тот день 21-я гвардейская стрелковая дивизия (командир — полковник Д. В. Михайло, замполит — старший батальонный комиссар А. Ф. Толстопащенко), не входившая в состав 5-го гвардейского стрелкового корпуса.

Сосредоточение артиллерийских частей, передаваемых в армию, происходило с 13 по 21 ноября. В этот период прибыли 385-й гаубичный, 1190-й и 1094-й пушечные артиллерийские полки РГК, 316, 389, 699-й истребительно-противотанковые артиллерийские и 61-й гвардейский минометный полки, 43, 106, 107, 205, 240 и 410-й отдельные гвардейские минометные дивизионы (РС), 609-й и 582-й зенитные артиллерийские полки. Они сначала сосредоточивались в районе ст. Великополье, Краснополье (восточнее Успенское), а затем, получив задачу, выдвигались вперед и занимали свои огневые позиции.

Одновременно прибыли 27, 34, 36, 37, 38, 45-й отдельные танковые полки и приданные инженерные части: 54-я инженерно-саперная бригада, 28, 29 и 352-й отдельные инженерно-саперные батальоны, 164-й отдельный батальон инженерных заграждений и 63-й отдельный понтонно-мостовой батальон.

Марши совершались только в темное время суток. Длинные осенние ночи позволяли делать переходы до 35 км, а главное — они хорошо укрывали войска от вражеской воздушной разведки. Это позволяло надеяться, что сосредоточение войск останется незамеченным противником и, следовательно, наш удар будет неожиданным для него.

Но и для нас сосредоточение в таких условиях имело свои отрицательные стороны. Войска двигались по болотистой, сильно пересеченной местности, под частыми дождями, сделавшими дороги труднопроходимыми для артиллерии и всех видов транспорта. Стрелковые войска пришли утомленными, у многих обносилась обувь. Выбился из сил конский состав. В некоторых стрелковых дивизиях артиллерия и обозы отставали и растягивались на марше. В артиллерийских полках, имевших механическую тягу, выбыло из строя много тракторов. Боевые машины моторизованных и танковых частей израсходовали значительную часть моторесурсов.

Военный совет армии знал о состоянии частей и соединений и их нуждах от своих представителей, посланных встречать полки и дивизии. Мы выслали навстречу подходившим войскам дорожные подразделения, ремонтные летучки, снабдили части обувью, различным снаряжением.

А. П. БЕЛОБОРОДОВ

И. П. КОРЧАГИН

Принятыми мерами удалось в известной степени поднять боеспособность подходов частей и соединений. Но, конечно, не в такой степени, как хотелось бы. Это в особенности относится к соединениям и частям, прибывшим в армию непосредственно накануне наступления. Для более тщательной их подготовки просто уже не оказалось времени. Все же мы успели провести краткосрочные сборы офицеров штабов соединений и частей, на которых изучались способы управления современным боем, методика использования средств связи, включая и самые простейшие. Провели некоторую подготовку разведчиков, связистов, личного состава технических войск и тыла.

Заняв районы сосредоточения, вновь прибывающие войска приступали к оборонительным работам. Одновременно под видом рекогносцировок направлений контрударов, а также маршрутов выдвижения к основному рубежу командиры соединений, частей и подразделений изучали оборону противника, исходное положение для наступления, подступы к нашему и вражескому переднему краю.

20 ноября генерал И. С. Юдинцев доложил, что в основном сосредоточение закончено. Теперь ударная группировка армии насчитывала 95 608 бойцов и командиров, 519 орудий и 1346 минометов разных калибров, 224 противотанковых орудия, 46 установок гвардейских реактивных минометов, 390 танков, в том числе 160 легких (Т-60 и Т-70)²⁹.

²⁹ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 861, л. 7.

Таким образом, мы имели 2-кратное общее превосходство над противником, а на направлении главного удара могли обеспечить 3,5-кратное в живой силе и 5-кратное в артиллерии и танках³⁰. На вспомогательных направлениях в 381-й и 28-й стрелковых дивизиях оно, естественно, было меньшим — примерно 2,5-кратным.

Генерал Юдинцев высказал опасение, что такое превосходство сил, значительное для успешного прорыва обороны противника, может оказаться недостаточным для быстрого развития успеха в оперативной глубине. Это было бы верно, если бы от войск 3-й ударной армии требовались высокие темпы операции. Но ведь наша задача состояла в том, чтобы надолго сковать имеющиеся у противника оперативные резервы, да еще привлечь его силы с других участков фронта. И чем больше — тем лучше. Ведь одной армией мы все равно далеко не продвинемся. А главные силы фронта, как мы знали, сосредоточились на левом крыле для наступления против оленипской группировки противника. Следовательно, прав был генерал Г. К. Жуков, потребовав рассчитать операцию на длительное время.

В тот же день командиры соединений и частей получили задачи на наступление. А на следующее утро, как намечалось по плану, они прибыли на наблюдательный пункт командира 5-го гвардейского стрелкового корпуса. Здесь мы уточнили на местности детали предстоявшей операции и вопросы взаимодействия.

НП генерала А. П. Белобородова располагался на высоте севернее дер. Кузнецово. Ввиду близости переднего края все собравшиеся здесь командиры оделись в солдатские шинели, ушанки. Так можно было рассчитывать, что мы не привлечем внимания вражеских наблюдателей. Сразу приступили к работе.

— Окопы, которые виднеются на западном берегу Ловати, — показал я, — заняты боевым охранением противника. Они тянутся перед всем фронтом. Действительный же передний край вражеской обороны находится в глубине, на удалении от 1 до 4 км от реки, ориентировочно по линии железной дороги Великие Луки — Невель. Поэтому в первый день каждая дивизия будет наступать лишь одним авангардным полком. Его основная задача — уничтожить боевое охранение противника, разведать истинный передний край и постараться вклиниться в него. Получив данные разведки боем, мы уточним задачи артиллерийской подготовки, а на следующий день главными силами перейдем в решительное наступление.

— Авангардному полку наступать не во всей полосе дивизии? — спросил генерал-майор С. И. Карапетян.

— Конечно. Выберите сами важный участок в своей полосе и направьте туда полк. Учтите, что у противника сильное боевое охранение.

— Авангардным полкам соседних дивизий надо будет взаимодействовать между собой, — добавил генерал А. П. Белобородов.

³⁰ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 861, л. 7.

— Совершенно верно. А теперь уточним на местности боевые задачи войск. Прежде всего, чтобы всем было ясно, напомним: основная задача 5-го гвардейского стрелкового корпуса — прорвать оборону противника на фронте Иванцева, Пожары, наступать в северо-западном направлении и овладеть рубежом озеро Кислое, Остриань, Ловно, перерезав железную и шоссе дорогу Великие Луки — Новосокольники. В дальнейшем главные силы корпуса — 9-я гвардейская стрелковая дивизия, усиленная 36-м танковым полком, и 46-я гвардейская стрелковая дивизия с приданным ей 34-м танковым полком — должны продолжать наступление в общем направлении на Новосокольники. В этом же направлении при необходимости будет введен в сражение 2-й механизированный корпус, который пока остается в резерве. 357-й стрелковой дивизией, усиленной 27-м танковым полком, ударом на север на Крюково во взаимодействии с 381-й стрелковой дивизией, наступающей на Крюково с севера, завершить окружение великолукской группировки противника.

Действия по окружению Великих Лук уточнили подробнее. 357-я стрелковая дивизия после выхода в район Крюково должна была повернуть свои основные силы на восток и нанести удар по городу с запада и юго-запада. Используя ее успех, 257-я стрелковая дивизия должна из района Подберезье наступать основными силами на Великие Луки с юго-востока в направлении на Рыбки и далее на юго-западную окраину города. Ей же предстояло одним полком обойти Великие Луки с севера, овладеть Сергиевской Слободой, а затем северной окраиной города. 381-й стрелковой дивизии с ротой танков Т-34 и лыжным батальоном 257-й стрелковой дивизии приказывалось наступать из района Гороховье на Китово и далее на Земляничино, Крюково. Затем соединиться в этом районе с частями 357-й стрелковой дивизии и вместе с ней нанести удар на восток, овладев северо-западной и западной окраинами города.

— Учтите, — обратился я к полковнику Б. С. Маслову, — что 948-й стрелковый полк 257-й стрелковой дивизии, обходящий город с севера, возможно, овладеет Сергиевской Слободой раньше, чем части 357-й стрелковой дивизии выйдут к Рыбкам. В этом случае ваша 381-я должна использовать его успех и совместно с ним атаковать город с северо-запада. Если же большего успеха добьется 357-я стрелковая дивизия, то действуйте совместно с ней с запада.

Затем пояснил командиру 357-й стрелковой дивизии полковнику А. Л. Кронику:

— Может случиться, что 381-я и полк 257-й стрелковой дивизии не выйдут своевременно в район севернее и северо-западнее города. В этом и во всех подобных случаях полагаюсь на опыт и инициативу командиров дивизий. Не ожидайте соседей, стремитесь сами помочь им. А как известно, лучшая помощь — быстрое продвижение вперед. Не выйдут соседи — атакуйте Великие Луки с запада своей дивизией. Задача всех войск, наступающих на город с разных сторон, не задерживаться на окраинах, а продвигаться к центру и уничтожить вражеский гарнизон.

Генерал А. П. Белобородов уточнил задачи остальным двум своим дивизиям. Их полосы наступления хорошо просматривались с наблюдательного пункта. Поэтому командир корпуса давал пояснения, показывая все населенные пункты на местности.

Начал он с 9-й гвардейской стрелковой дивизии. Ей предстояло с исходного рубежа Ляхово, Кузнецово авангардным полком наступать на Андрейкино, прорвать оборону противника главными силами и развивать удар в направлении Остриань. Дивизии приказывалось овладеть рубежом оз. Кислое, ст. Гуцино. Выйдя таким образом в тыл великолукской группировке противника и отрезав ей пути отхода на запад, дивизии надлежало быть в готовности к отражению возможного контрудара противника из района Насвы или Новосокольники, а в последующем наступать на Новосокольники с востока.

46-я гвардейская стрелковая дивизия главный удар наносила в направлении севернее Пожары, ст. Чернозем, Сураги с задачей овладеть рубежом исключительно ст. Гуцино, Ловно. Авангардным полком она должна была уничтожить боевое охранение противника и выйти в район Костелево, главными же силами быть в готовности наступать из района севернее Ловно далее на северо-запад, на Новосокольники. Вместе с тем ей следовало подготовиться к отражению возможного контрудара противника с юго-запада или — совместно с 9-й гвардейской стрелковой дивизией — северо-запада, из района Новосокольники.

Слева от корпуса генерала А. П. Белобородова должна была наступать 21-я гвардейская стрелковая дивизия с приданным 37-м танковым полком. Ее командиру полковнику Д. В. Михайлову я пояснил:

— Основные усилия сосредоточьте на правом фланге дивизии, в районе восточнее Пожары. Прорывать оборону противника будете совместно с 46-й гвардейской стрелковой дивизией, но затем нанесете главный удар на Михеево, расширяя таким образом прорыв в юго-западном направлении. В дальнейшем вам нужно овладеть рубежом Фенина, Полибино, перерезав железную и шоссейную дороги Великие Луки — Невель. Имейте в виду, что в Невеле сосредоточены значительные резервы противника. Будьте готовы к отражению их контрудара. Слева от вас будет наступать 88-й стрелковый полк 28-й стрелковой дивизии.

— Какая задача этого полка? И могу ли я рассчитывать на помощь 28-й стрелковой дивизии в случае контрудара противника из района Невеля? — спросил полковник Михайлов.

— Полк должен уничтожить противника в сильных опорных пунктах Стушино и Мартьяново, обеспечивая ваш левый фланг, а затем свернуть вражескую оборону перед своей дивизией и выйти в район Балаболкина, т. е. к югу от вас. На остальном фронте — до м. Урицкое 28-я стрелковая дивизия будет обороняться. За вами же в армейском резерве, в районе Мулина, будет сосредоточена 184-я танковая бригада с 699-м истребительно-противотанковым артил-

лерийским полком, а в районе Орехново — 235-й стрелковый полк 28-й стрелковой дивизии. На них и возложена задача по обеспечению левого фланга ударной группы войск. На их помощь при необходимости можете рассчитывать.

— У меня аналогичный вопрос, — сказал командир 381-й стрелковой дивизии полковник Б. С. Маслов. — Ведь у дивизии будет открыт не только правый фланг, но и тыл.

— Правый фланг вам придется прикрыть частью своих сил. На случай выдвижения противника из Насвы вас с тыла прикроет 31-я стрелковая бригада. Она сейчас сосредоточена северо-восточнее Великих Лук, в Лосево, но при необходимости будет выдвинута на запад, в район Гороховые.

Таким образом, в армии имелось достаточные резервы для обеспечения флангов ударной группы войск как с севера, так и с юга.

Командирам дивизий было сообщено также время выхода танков в исходное положение и даны указания о порядке атаки пехоты совместно с ними. Они разъехались по своим соединениям, получив ясное представление обо всем, относящемся к их задачам.

Стремясь обеспечить скрытность подготовки к наступлению, я приказал дивизиям, находившимся на переднем крае, усиленно продолжать совершенствование обороны в своих районах. Бойцы рыли новые и улучшали старые окопы, строили землянки, дзоты. Сосредоточение войск для наступления производилось на широком фронте и было растянуто по времени, что также должно было создать у противника впечатление усиления оборонительных мероприятий. Даже многие наши командиры подразделений были убеждены, что мы только укрепляем свою оборону, готовясь к возможному наступлению гитлеровцев. Так, вероятно, полагал и враг, не проявлявший активности и своим огнем не препятствовавший сосредоточению наших войск на исходных позициях.

Много забот было связано с подготовкой армейских и войсковых тылов.

В период сосредоточения они в ряде соединений отстали от боевых частей на большое расстояние. Нужно было их быстро подтянуть, чтобы к началу наступления вновь прибывшие части не оказались без достаточного количества боеприпасов. Кроме того, предстояло еще получить значительное пополнение боеприпасов, горючего, продовольствия как на основной состав армии, так и для артиллерийских и танковых частей и соединений, переданных нам на усиление. Наконец, по мере сосредоточения главных сил армии на великолукском направлении существенно менялись пути снабжения значительного количества войск. Следовательно, требовалось срочно переместить базы снабжения, а также санитарные учреждения соединений и частей. А так как начать их перегруппировку мы смогли только после получения задачи на наступление, то времени на это осталось мало, всего 11—12 суток.

Конечно, при наличии хороших дорог и большого количества транспорта такой срок был бы достаточным, что подтвердилось в

дальнейшем, когда мы не раз передислоцировали армию и ее тылы в еще более сжатые сроки. Но здесь дороги были испорчены распутицей, да и нужного количества транспорта и дорожных частей мы не имели. Затруднения возросли и в связи с тем, что железнодорожные станции явно не справлялись с обработкой и перевалкой прибывших грузов. Это особенно относилось к ст. Торопец, ставшей распределительной станцией для нескольких армий Калининского фронта. А ведь часть из них готовилась к наступательной операции «Марс», и в их адрес тоже шел обильный поток грузов.

Все эти трудности пришлось преодолевать. К счастью, авиация противника не мешала нашим перевозкам, и это существенно облегчало положение. Что же касается дорог, то они несколько улучшились лишь к концу месяца, когда похолодало и земля подмерзла, а затем выпал снег. Появилась возможность вместо повозок использовать сани.

Главным же было то, что работники тыла, которым пришлось потрудиться весьма напряженно, хорошо организовали выполнение своей задачи. Они быстро переместили армейскую базу со станций Собога и Охват на станции Бубново, Назимово, Куныя. Было ускорено строительство новой дороги Торопец — Скворцово — Назимово — совхоз Ушицы. Войсковая дорога Речане — Плотично — Куныя стала армейской. Это, конечно, тоже улучшило подвоз всех видов снабжения.

В зоне действий тыла армии теперь имелось 950 км дорог, в том числе 570 км армейских и 380 км войсковых³¹. Для их ремонта, а также несения комендантской службы тыл армии имел всего лишь три неполных батальона. Пришлось выделить дополнительные силы. Большую помощь нашим дорожникам оказали местные жители. Кстати, в целях безопасности населения оно было эвакуировано из прифронтовой 25-километровой полосы. Но за ее пределами на ремонт дорог по призыву местных советских и партийных организаций ежедневно выходило до 1800 человек. Это была весьма существенная помощь, сыгравшая немалую роль в улучшении путей подвоза.

Тыл армии к началу операции располагал всего 400 автомашин 2-й и 3-й категории, из которых примерно треть попеременно находилась в ремонте. Около 2500 транспортных машин имелось в войсковых соединениях. Невелик по численности был и конский состав. И все же при таких скромных возможностях наш транспорт справился с перевозками.

В очень сжатые сроки подготовилась к приему и лечению раненых медико-санитарная служба армии, имевшая на великолукском направлении 13 госпиталей.

В ходе подготовки к наступлению был разработан и осуществлен целый ряд мероприятий по инженерно-техническому обеспечению операции.

³¹ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 279, л. 105.

Так, на р. Куныя имелись четыре довольно ветхих моста. Наши инженерные войска усилили их, доведя грузоподъемность до 50 т, а также построили шесть новых. Что касается р. Ловать, то здесь не было ни одного моста и имелся лишь один брод — в 8 км южнее Великих Лук, пригодный для пропуска боевой техники. Условия переправы осложнялись и крутыми глинистыми берегами этой реки. Вместе с тем строить здесь мосты в период сосредоточения войск было невозможно. Ведь по восточному берегу Ловати проходил передний край нашей обороны. Выход нашли: саперы заранее заготовили все детали для восьми мостов грузоподъемностью 50 т, что позволило закончить их строительство уже через сутки после начала наступления, когда был захвачен западный берег.

Успешно поработали и минеры. Они обезвредили 67 минных полей в полосе 357-й стрелковой дивизии и 30 — в полосе 28-й. А севернее р. Насва, на участке Губаны, Карцево, с целью обеспечения правого фланга ударной группировки установили 12 минных полей.

Бесстрашно, самоотверженно действовали они в ночь на 24 ноября, накануне атаки авангардных полков. Под прикрытием темноты наши отважные саперы проделали проходы для пехоты и танков в минных полях противника и прикрывали их вплоть до начала наступления.

К этому времени войска ударной группировки уже выдвинули часть своих сил для занятия исходного положения по восточному берегу р. Ловать. В полосе предстоящего прорыва действовала боевая разведка.

Оставались считанные часы до начала атаки.

Первый этап Великолукской операции

Успешное начало

Туманный рассвет 24 ноября застал меня с группой офицеров на наблюдательном пункте. Здесь я выслушал доклад подполковника И. Я. Сухацкого о результатах проведенной ночью боевой разведки. Цель ее состояла в том, чтобы установить изменения на переднем крае противника. И они оказались довольно существенными. Так, выяснилось, что вражеское командование начало усиливать свое боевое охранение перед фронтом 5-го гвардейского стрелкового корпуса и 21-й гвардейской стрелковой дивизии.

— Это подтвердили и захваченные пленные, — докладывал начальник разведотдела. — Двое из них — один из 1-го егерского батальона, второй из 743-го саперного — взяты в полосах 9-й и 46-й гвардейских стрелковых дивизий, на западном берегу Ловати. Они сообщили, что их батальоны, а также 3-й егерский и охранный только вчера заняли позиции неподалеку от реки. Более того, эти батальоны получили приказ отразить атаку наших войск.

— Похоже, что противник почувствовал угрозу...

— Да. Видимо, он обнаружил смену наших войск. Пленный сапер также показал, что его батальон до переброски на западный берег Ловати занимался строительством рубежа вдоль железнодорожной линии Великие Луки — Невель и вел оборонительные работы в опорных пунктах юго-западнее Великих Лук.

Это соответствовало имевшимся у нас данным о том, что именно там находится основной оборонительный рубеж противника перед фронтом 5-го гвардейского стрелкового корпуса и 21-й гвардейской стрелковой дивизии по линии Ступино, Марьяново, Поречье.

Таким образом, выявленные изменения состояли в усилении боевого охранения врага. Конечно, это осложняло задачу авангардных полков. Но, с другой стороны, полученные данные позволяли нам принять меры для ее облегчения. Поэтому я сразу же позвонил генералу А. П. Белобородову. Ему было дано указание авангардными полками уничтожить боевое охранение противника, не допустив его отхода на основной оборонительный рубеж. Это соответствовало задаче бить врага по частям. Кроме того, приказал артиллерией хорошо поддерживать авангардные полки по мере их продвижения, что-

бы дать им возможность быстро ворваться на передний край обороны противника. Указания командиру 21-й гвардейской стрелковой дивизии пока не удалось передать, так как он находился в авангардном полку.

Наступило утро. Но по-прежнему низко нависал туман. Наблюдательный пункт находился на высоте 286 к северу от Кунуя. Поднимаюсь на шестиметровую наблюдательную вышку, замаскированную под стог сена. Казалось бы, отсюда должен был открываться отличный обзор впереди лежащей местности. Но из-за тумана нельзя было разглядеть ни Великие Луки, ни западный берег Ловати. Единственное утешение: слабая видимость должна помочь авангардным полкам с танками и артиллерией скрытно занять исходное положение для атаки. Так и есть. Генерал А. П. Белобородов докладывает по телефону, что части заняли исходное положение, не обнаружив себя. Спрашивает, когда начинать атаку.

— Когда поднимется туман и можно будет корректировать артиллерийский огонь.

Звонит другой телефон. Слышу голос полковника Д. В. Михайлова. Он докладывает, что усиленная разведка авангардного 59-го гвардейского стрелкового полка ночью проникла на западный берег Ловати. Вслед за ней основные силы полка по решению его командира подполковника П. И. Русса также начали переправляться через реку. Еще до рассвета они продвинулись вперед на 3 км и с боем овладели дер. Ильино. Захвачены пленные из состава 3-го отдельного егерского батальона. Противник оказывает огневое сопротивление. Полк, как доложил заместитель командира по политчасти старший батальонный комиссар М. В. Подгорецкий, наступает на Каменку, через которую проходит основной рубеж обороны.

Отличная инициатива! Опытный, решительный командир никогда не упустит возможность развить успех. Так и поступил подполковник П. И. Русс. И его инициативу надо было немедленно поддержать. Приказываю полковнику Михайлову дополнительно усилить авангардный полк артиллерией. В то же время авангардному полку теперь следует действовать более решительно.

— Передайте подполковнику Руссу: нужно овладеть опорными пунктами в Каменке и к югу от нее, но ни в коем случае не атаковать с фронта, пусть обходит их с севера и юга...

Туман постепенно рассеивался, и к 10 часам видимость начала улучшаться. Назначаю атаку на 11 часов, сразу же после получасовой артиллерийской подготовки.

Ровно в 10 часов 30 минут в полосе 5-го гвардейского стрелкового корпуса артиллерия открыла огонь. На западном берегу реки встала стена артиллерийских разрывов. А спустя полчаса авангардные полки трех дивизий перешли в атаку. Противник встретил наступающих сильным огнем — ружейно-пулеметным из передовых опорных пунктов и артиллерийско-минометным из глубины обороны. Но и наша артиллерия не бездействовала. Хорошо спланированный огонь поддерживал атакующих, помогая им преодолевать сопротивление.

В стереотрубу ясно видно, как полки на широком фронте переправляются по льду через Ловать и устремляются вперед, к опорным пунктам врага на западном берегу. Но, пожалуй, фронт атаки слишком широк. Так не выбить врага из опорных пунктов. Вернее было бы сосредоточить силы на избранных участках. Не отрывая взгляда от реки, звоню генералу А. П. Белобородову, чтобы запретить фронтальные атаки. Но не успел он ответить, как я увидел, что прямо перед наблюдательным пунктом армии пехота 18-го гвардейского стрелкового полка прекратила наступление и залегла.

Командир корпуса доложил:

— Сильное огневое сопротивление. Командир 9-й гвардейской стрелковой дивизии генерал И. В. Простяков приказал провести перегруппировку подразделений полка и сосредоточить его главные силы на левом фланге, в направлении Богородицкое, где проходит основной передний край обороны противника. На это уйдет полтора — два часа. Командир полка полковник Д. С. Кондратенко и его заместитель по политчасти старший батальонный комиссар И. И. Крайнюков пошли в батальоны. Генерал Простяков организует поддержку артиллерией и выдвигает вперед танковую роту.

Одоблив принятые меры, я в течение некоторого времени заслушивал донесения с других участков. Пока, как говорят, ничего существенного не удалось добиться.

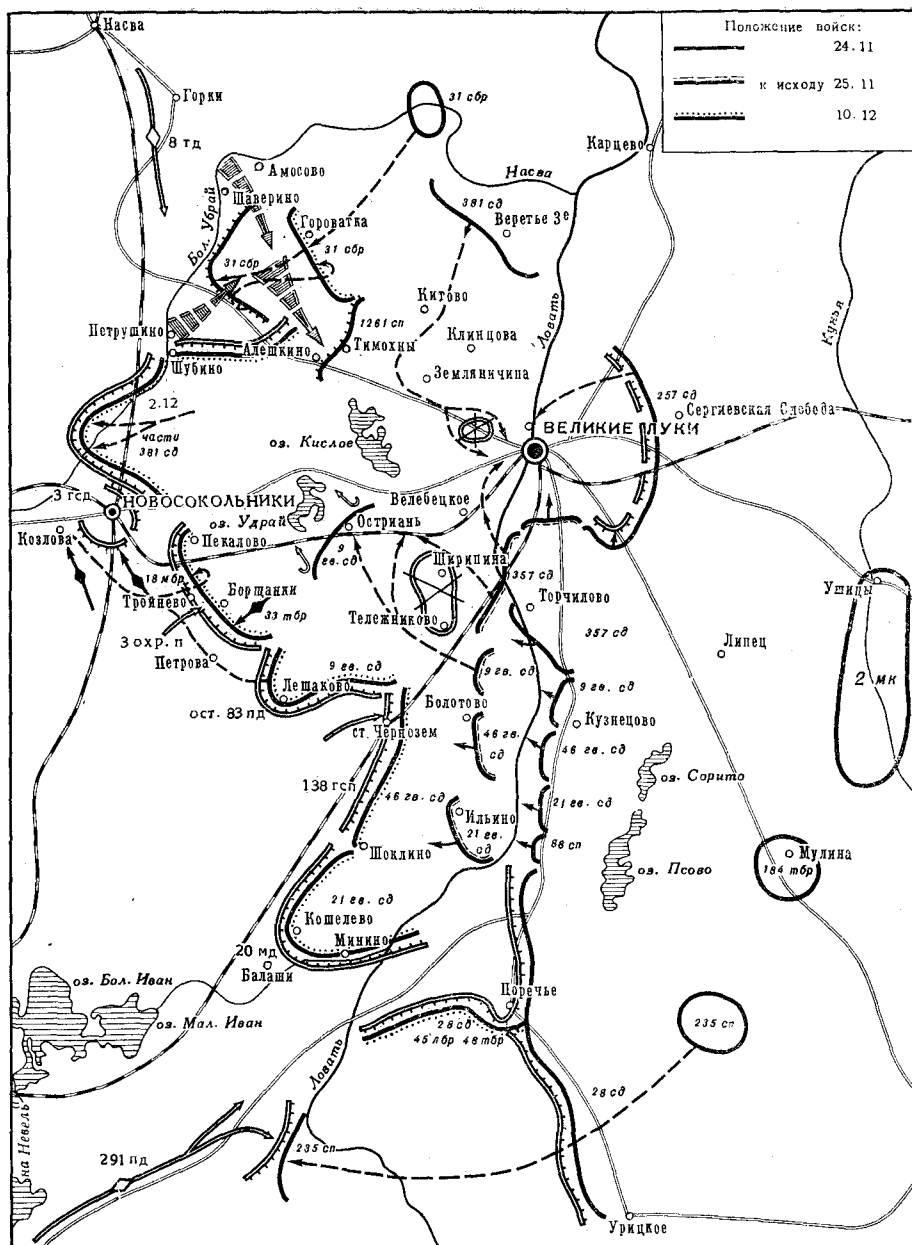
Так миновал полдень. И вот вновь устремился в атаку 18-й гвардейский полк. После кратковременного, но мощного артиллерийского налета его пехота с тапками атаковала противника, оборонявшегося в Богородицком, и овладела этим населенным пунктом. А вслед за тем начали поступать новые хорошие вести. Во второй половине дня авангардный полк 357-й стрелковой дивизии, продвинувшись на 2—3 км, овладел Давыдовом и подошел к основному переднему краю обороны противника, проходившему по железной дороге Великие Луки — Невель. Одновременно действовавший левее авангардный полк 46-й гвардейской стрелковой дивизии, продвинувшись на 5 км, вышел к переднему краю в районе южнее Болотово, где был встречен организованным огнем¹.

Ноябрьский день короток. Наступили сумерки, однако огневой бой продолжался. Под прикрытием темноты начали переправляться через Ловать и занимать исходное положение главные силы 5-го гвардейского стрелкового корпуса, 21-й гвардейской, а севернее Великих Лук — и 381-й стрелковых дивизий. Одновременно на западный берег реки выдвигались артиллерия усиления и танки, приданные стрелковым дивизиям.

Таким образом, задача по выходу войск к основному оборонительному рубежу противника была выполнена. Ударная группировка армии готовилась к прорыву.

На рассвете 25 ноября во всех частях и подразделениях проводились собрания и беседы, на которых бойцам была разъяснена боевая

¹ Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2002, д. 85, л. 399.

Боевые действия войск 3-й ударной армии в ходе Великолукской операции с 24 ноября по 10 декабря 1942 г.

задача, а также митинги. Командиры и политработники зачитали сообщение Совинформбюро об успешном наступлении наших войск в районе Сталинграда. Оно вызвало огромное воодушевление. Воины, выступая на митингах, заявляли о готовности вступить в бой с немецко-фашистскими захватчиками и быть такими же стойкими защитниками Родины, как герои Сталинграда.

Начальник политотдела армии полковой комиссар С. А. Беляев показал мне несколько записей таких выступлений. Например, рядовой Апаринков на митинге в 18-м гвардейском стрелковом полку говорил: «Советский народ с честью выдержал тяжелые испытания, выпавшие на его долю. Мы всегда были уверены в победе своего правого дела. Успешное наступление наших войск в районе Сталинграда еще больше вдохновляет нас на разгром врага»².

А вот выступление рядового Ступиева на митинге в 1264-м стрелковом полку 381-й дивизии: «Успехи наших войск под Сталинградом ярко показывают возросшую мощь Красной Армии. Но это только начало. Красная Армия с каждым днем будет увеличивать свои силы и... окончательно разгромит врага. Мы тоже получили приказ о наступлении. Все как один ринемся в бой и умножим успехи сталинградцев»³.

Эти слова выражали мысли и чувства всех бойцов армии. Их высокий наступательный порыв был залогом успеха в предстоящих боях.

Утро 25 ноября было таким же пасмурным, как и накануне. Правда, туман рассеялся к 9 часам, однако низкая облачность практически исключала пока действия авиации. Но ждать нельзя было. Войска находились в исходном положении и завершили все приготовления. Кроме того, была надежда на то, что авиация сможет действовать во второй половине дня.

Принимая решение не откладывать наступление.

Получив разрешение, генерал И. С. Стрельбицкий в 9 часов 30 минут дал команду начать артиллерийскую подготовку.

Сразу же последовал мощный залп «катюш» по опорным пунктам противника. Затем в течение целого часа артиллерия разрушала оборонительные сооружения врага и уничтожала его огневые средства. Последующие 20 минут вели огонь орудия, выделенные для стрельбы прямой наводкой и составлявшие почти половину артиллерийских групп поддержки пехоты. В заключение был осуществлен 10-минутный огневой налет по переднему краю, минометным и артиллерийским батареям противника⁴.

В 11 часов танки и пехота перешли в атаку, а артиллерия по сигналу командиров дивизий и полков перенесла огонь в ближайшую глубину вражеской обороны.

² Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4320, д. 6, л. 234.

³ Там же, л. 233.

⁴ Там же, ф. 213, ф. 2002, д. 860, л. 28.

Партийное собрание в одном из артиллерийских полков в перерыве между боями

На всем участке прорыва противник оказал яростное сопротивление. Огонь его пулеметов, противотанковых орудий и минометов был весьма плотным. Сразу же выяснилось, что не смогли мы подавить и его артиллерию. Хотя значительная ее часть была уничтожена в ходе артиллерийской подготовки, но этого оказалось недостаточно. Артиллерия врага вела сильный заградительный огонь. А так как она часто меняла огневые позиции, то и бороться с ней было трудно. Стрельба же нашей артиллерии по площадям не достигала цели.

И дело было не только в том, что не удалось полностью разведать систему огня противника. Как доложил командир 5-го гвардейского стрелкового корпуса, поступили данные о том, что гитлеровцы после атаки наших авангардных полков перегруппировали свои огневые средства. Генерал Белобородов добавил:

— Кое-где наши части вклинились в оборону противника, но были встречены контратаками. Враг обороняется активно. Видимо, он не только перегруппировал свои огневые средства, но и подвел дополнительные силы. Больше не допускаю фронтальных атак. Стремимся прорываться между вражескими опорными пунктами. Но противник ведет очень сильный огонь. Прошу подавить его артиллерию в районах Марково, Креплянка, Разинки.

— Сейчас дам команду. А вы вслед за огневым налетом армейской группы и залпом РС повторите атаку.

Артиллерия и «катюши» не заставили себя ждать. Они обрушили огонь на опорные пункты противника. Как использовали дивизии этот огневой налет? Связываюсь с ними поочередно по телефону.

— Использовали полностью, — отвечает командир 357-й стрелковой дивизии полковник А. Л. Кройник. — Танки и пехота обходят с

флангов опорные пункты Косьяново, Горущка, Кобылино. В Косьяново уже ворвались наши подразделения. Мне известно, что части 9-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Простякова овладели разъездом Забойники на железной дороге Великие Луки — Невель.

Это уже совсем неплохо. Теперь нужно скорее прорваться к шоссе Великие Луки — Новосокольники. Напоминаю об этом полковнику Кронику. Затем звоню командиру 46-й гвардейской стрелковой дивизии.

— Атака развивается успешно, — докладывает генерал-майор С. И. Карапетян. — Овладели опорными пунктами Болотово и Костелево. В район южнее Костелево подошли какие-то новые вражеские подразделения, которые непрерывно переходят в контратаки. Левофланговый полк дивизии обходит опорные пункты Вараксино и Мишуткино. Здесь тоже отражаем контратаки.

— Сосредоточивайте основные усилия в направлении ст. Чернозем. Надо перерезать дорогу из Невеля.

Следующее донесение — из 21-й гвардейской стрелковой дивизии — не радует. Оно принято полковником И. И. Серебряковым, и он докладывает:

— Дивизия пока продвигается слабо. Как показали захваченные пленные, в ее полосу спешно переброшен из района Невеля 505-й пехотный полк 291-й пехотной дивизии. Он с ходу предпринял контратаку против 64-го гвардейского стрелкового полка, действующего на левом фланге дивизии. Командир полка подполковник И. И. Осеников доносит, что идут упорные бои. На правом фланге дивизии ее наступающим частям оказывают сильное сопротивление 1-й и 3-й егерские батальоны.

Так постепенно вырисовывалась картина боев в полосе наступления армии. Окончательно же она проявилась к исходу дня, когда были получены донесения всех дивизий.

Полковник Д. В. Михайлов доложил, что части 21-й гвардейской стрелковой дивизии, отбив многочисленные контратаки 505-го пехотного полка и словив сопротивление обоих егерских батальонов, вышли на рубеж Стайки (в 10 км северо-западнее Поречья), северный берег р. Ловат. Одновременно из штаба 46-й гвардейской стрелковой дивизии поступило сообщение, что ее части овладели опорными пунктами Мишуткино и Вараксино. Существенного успеха добилась и 28-я стрелковая дивизия полковника С. А. Князькова. Ее 88-й стрелковый полк под командованием подполковника И. С. Лихобаби-на (заместитель командира по политчасти — майор К. М. Бирюков) овладел расположенным на господствующей высоте опорным пунктом Ступино.

Взятие Ступинской высоты на фоне всей операции было всего лишь небольшим тактическим эпизодом, но оно ярко показало характерные для всех наступавших частей армии черты — мужество и героизм бойцов и командиров, хорошую боевую выучку подразделений. Поэтому целесообразно рассказать о нем несколько подробнее.

С. А. БЕЛЯЕВ

И. С. ЛИХОБАБИН

Ступинская высота являлась, как отмечено выше, ключевой позицией, прикрывавшей шоссе Великие Луки — Невель. Она была изрыта многочисленными кольцевыми траншеями в три яруса со стрелковыми ячейками и пулеметными гнездами, площадками для противотанковых орудий, с хорошими ходами сообщения и блиндажами, приспособленными к обороне, с минометными позициями. Вокруг нее тянулись проволочные заграждения и минные поля.

В ночь перед атакой группа саперов во главе со старшим лейтенантом Некукаевым скрытно подползла к высоте, сделала проходы в минных полях и проволочных заграждениях и обозначила их. А утром, перед самым окончанием артиллерийской подготовки, сюда устремились 2-й стрелковый батальон под командованием майора Н. Г. Зажигина и отдельная учебная рота во главе с капитаном Копыловым. Первым с возгласом «За Родину!», «За партию!» поднялся в атаку комсомолец автоматчик Остапков, увлекший за собой всех бойцов. Наступая вслед за рвущимися артиллерийскими снарядами, они начали штурм высоты. Перебегая от воронки к воронке, ворвались в окопы противника и вступили в жестокий рукопашный бой. Их поддерживали орудия противотанкового дивизиона дивизии, которые следовали в боевых порядках полка. Они вели огонь прямой наводкой по дзотам и пулеметным гнездам гитлеровцев.

Уверенные в неприступности своих оборонительных сооружений, траншей и дзотов, вражеские солдаты отчаянно сопротивлялись.

Каждый шаг давался с боем, перешедшим вскоре в ожесточенную рукопашную схватку. Наши бойцы штыками и ручными гранатами

прокладывали себе дорогу в траншеях и ходах сообщения противника. Одновременно два других батальона полка обходили высоту с северо-востока. Встреченные сильным огнем севернее Ступино, они вынуждены были залечь. Когда же нашим войскам удалось занять почти половину высоты, противник подвел резервы и под прикрытием сильного артиллерийско-минометного и пулеметного огня перешел в контратаку. Много часов бойцы майора Н. Г. Зажигина вели упорный бой, удерживая захваченные позиции. Отдельные укрепленные участки по несколько раз переходили из рук в руки.

Командир полка ввел в бой резервную роту. А полковник С. А. Князьков, видя, что бой за высоту затягивается, сосредоточил по противнику огонь всей артиллерии дивизии и перебросил сюда свой резерв — роту автоматчиков 144-го стрелкового полка. Но и после этого бой за господствующую высоту продолжался весь день. Он закончился только ночью, когда было отражено еще несколько сильных контратак.

Так в результате 30-часового боя полк частью своих сил полностью овладел ступинским узлом обороны. При этом гитлеровцы потеряли только убитыми до 200 человек⁵. К этому времени остальные два батальона полка, медленно продвигаясь на запад, перехватили дороги, ведущие в Ступино.

Гитлеровцы не смирились с потерей ключевой позиции. Ночью на автомашинах они спешно перебросили сюда из района Певеля 90-й полк 20-й моторизованной дивизии и с утра после удара 30 бомбардировщиков при поддержке артиллерии возобновили контратаки.

Главный удар противника пришлось по подразделениям батальона капитана М. В. Войтенко.

Они понесли большие потери, но продолжали сдерживать гитлеровцев. Минометная батарея, стрелки и пулеметчики вели организованный прицельный огонь по контратакующему противнику. Дважды отбили они его натиск, уничтожив десятки фашистских солдат. Но и батальон нес потери. При отражении очередной атаки врага смертью героя пал капитан М. В. Войтенко. Командование принял его заместитель по политчасти капитан Шутов. Бойцы поклялись стоять насмерть.

Противник бросал на наши поредевшие цепи по 200—300 человек. Одной из крупных групп гитлеровцев удалось ворваться в боевые порядки подразделений на правом фланге, где находился капитан Шутов. Вспыхнула рукопашная схватка. Стреляли в упор, гремели взрывы гранат, в ход пошли и штыки.

После гибели капитана Шутова командование принял старшина 3-й пулеметной роты С. Н. Герасимов. Вот что он рассказал впоследствии:

— Нас оставалось немного. Огнем двух станковых пулеметов мы сдерживали фашистов. Но вот новая атака врага. Артиллерия про-

⁵ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 143, л. 17.

тивника накрыла нас огнем. Много раненых и убитых. Гитлеровцы ворвались на наши позиции. Тогда находившийся рядом со мной лейтенант — коррективщик 112-го артиллерийского полка дивизии, фамилии которого, к сожалению, не помню, вызвал огонь на себя. Через минуту стали рваться наши снаряды. Когда рассеялся дым, я увидел, что уцелевшие фашисты бегут с высоты. А тут из глубины подошла атакующая цепь наших бойцов. Это была резервная рота. Высота осталась за нами.

Успешно развивалось 25 ноября наступление и на вспомогательном направлении, северо-западнее Великих Лук. Еще до наступления рассвета действовавшая здесь 381-я стрелковая дивизия главными силами с танками 146-го танкового батальона без артиллерийской подготовки перешла в наступление в юго-западном и южном направлениях. Впереди продвигалась разведка. С северо-запада, со стороны г. Насва, наступление прикрывал 1263-й стрелковый полк под командованием майора И. Е. Афанасьева (замполит — майор П. Г. Иванов).

Для борьбы с дзотами и огневыми точками противника стрелковым подразделением было придано большое количество орудий полковой и дивизионной артиллерии. Они следовали в боевых порядках пехоты и при необходимости вели огонь прямой наводкой. Часть артиллерии, в том числе и приданная на усиление дивизии, следовала за наступающими полками, поддерживая их огнем.

Наступление дивизии на этом направлении было для противника неожиданным и позволило ее частям стремительными ударами сразу же уничтожить врага в ряде опорных пунктов. Вечером полковник Б. С. Маслов докладывал:

— Правофланговый 1259-й стрелковый полк под командованием подполковника Н. Г. Мысина (замполит — майор С. Н. Драница) наступал с лыжным батальоном 257-й стрелковой дивизии. Продвинувшись на 10—12 км, он овладел рубежом Мякотино, северный берег оз. Кислое и перехватил все дороги, идущие из районов Насва и Локня на Великие Луки. 1261-й стрелковый полк майора С. Я. Савичева (замполит — подполковник Д. Ф. Логачев) с танками действовал левее. Он вышел на шоссе Насва — Великие Луки.

Вечером мы с бригадным комиссаром А. И. Литвиновым, генералом И. С. Юдинцевым и полковником И. И. Серебряковым детально рассмотрели результаты первого дня боев и уточнили задачи на завтра.

Теперь стало ясно, что атака авангардных полков южнее Великих Лук в известной степени насторожила противника. Но в то же время она, несомненно, способствовала первому, правда пока еще небольшому, успеху на этом направлении. Зато удар 381-й стрелковой дивизии севернее Великих Лук оказался совершенно неожиданным для врага. Следовало также учесть, что там у него не было сильных оборонительных сооружений. Все это привело прежде всего к выводу о необходимости развивать успех дивизии полковника Б. С. Маслова. Так определилась ее дальнейшая задача: продолжать наступ-

ление на юго-восток, а частью сил нанести удар на Крюково и перерезать железную дорогу Великие Луки — Новосокольники.

Это диктовалось и тем, что 357-й стрелковой дивизии не удалось пока прорвать оборону противника и выйти в район Крюково. Помочь ей в выполнении этой задачи и должно было дальнейшее наступление 381-й стрелковой дивизии. Полковнику Маслову было отдано соответствующее приказание.

— Впереди у меня опорный пункт противника на высоте 129,2,— заметил Б. С. Маслов во время разговора по телефону.— Брать его или обходить?

— Только обходить. Ваша задача — быстрее выйти к северо-западной окраине Великих Лук.

В связи с успешными действиями 381-й стрелковой дивизии возник вопрос и о том, не пора ли ввести в сражение на ее участке предназначенную для этого 31-ю стрелковую бригаду. Но тщательная оценка обстановки показала, что время для ввода бригады еще не наступило. Целесообразнее было сделать это тогда, когда противник начнет выдвигать свои резервы северо-западнее Великих Лук. Такое же решение принял и в отношении 2-го механизированного корпуса. Ему предстояло наращивать удар в направлении Новосокольников.

Что касается 257-й стрелковой дивизии, 5-го гвардейского стрелкового корпуса и 21-й гвардейской стрелковой дивизии, то хотя они и продвинулись вперед, однако полностью свою задачу не выполнили. Следовательно, нужно было не уточнять или менять ее, а выявить возможность быстрого продвижения этих соединений вперед. Кроме того, требовалось уточнить вопросы их взаимодействия. С этой целью я и выехал в тот же вечер в штаб 5-го гвардейского стрелкового корпуса.

Встретили генерал А. П. Белобородов и начальник штаба корпуса полковник П. Н. Бибилов. Последний доложил о положении и боевых действиях частей. На вопрос о недостатках первого дня наступления он ответил:

— Хотя и удалось обойти ряд опорных пунктов, все же маневр подразделениями и огневыми средствами был недостаточным. Кроме того, не организовали должным образом разведку на флангах, слабо прикрыли их в ходе боя. Это давало противнику возможность контратаковать наши части во фланг. Сейчас устраняем недостатки.

Генерал А. П. Белобородов уточнил:

— На глубине продвижения сказалось и то, что артиллерии перед началом наступления главных сил корпуса не удалось полностью подавить систему огня противника, так как она была недостаточно разведана вчера авангардными полками.

Все это было верно. Но, возможно, вчерашние действия авангардных полков также лишили наш сегодняшний удар внезапности? Не лучше ли было и в полосе 5-го гвардейского стрелкового корпуса сегодня атаковать сразу главными силами, как это сделал командир 381-й стрелковой дивизии? Или еще вчера утром с рубежа, занятого авангардными полками, перейти в решительное наступление?

— Нет,— ответил генерал А. П. Белобородов.— Вчера мы очень мало знали об обороне противника и совсем не имели представления о его системе пулеметно-артиллерийского огня на основном рубеже. Наступление в таких условиях могло захлебнуться. Авангардные же полки все-таки хоть в какой-то мере разведали этот рубеж. Результат — итоги сегодняшнего прорыва, в целом не такие уж плохие. Они позволяют нам теперь развивать прорыв дальше.

На меня произвели большое впечатление как ясное понимание командованием корпуса недочетов первого дня боевых действий, так и принятые им меры. Все это делало вполне обоснованной убежденность в успехе, высказанную генералом А. П. Белобородовым. Я в свою очередь ознакомил его с принятым мною решением на завтрашний день. Затем мы уточнили все, что относилось к взаимодействию корпуса с соседними дивизиями. Поздно ночью я возвратился на командный пункт армии с еще более окрепшим чувством уверенности в том, что армия преодолееет все трудности и выполнит поставленную задачу.

Борьба за фланги

В течение следующих двух дней войска армии, ведя упорные бои и отбивая многочисленные контратаки противника, медленно продвигались вперед.

К исходу 27 ноября 381-я стрелковая дивизия одним полком овладела Крюково. Часть его сил с танковым батальоном была повернута полковником Б. С. Масловым на восток и вскоре ворвалась на западную окраину Великих Лук. Но здесь их остановил сильный огонь противотанковых орудий и большого числа пулеметов противника. Учебный же батальон дивизии продолжал наступать на юг, навстречу частям 357-й стрелковой дивизии. В тот день он овладел опорным пунктом Грибушино и перерезал железную дорогу Новооскольники — Великие Луки⁶.

Правофланговый 948-й стрелковый полк 257-й стрелковой дивизии, которым командовал подполковник И. М. Стариков (замполит — майор И. С. Горошников), освободил Сергиевскую Слободу. Дальнейшие его попытки наступления на Великие Луки пока не имели успеха, так как путь к городу преградили значительные силы гитлеровцев. Левофланговый 953-й стрелковый полк этой дивизии под командованием майора В. К. Чеснокова (замполит — майор П. И. Хохлов), медленно пробиваясь через внешний оборонительный обвод города, вел упорные бои за сильно укрепленные опорные пункты, созданные врагом в Таращанке и совхозе Богдановском.

Уже стемнело, когда мне позвонил генерал А. П. Белобородов.

— 357-я стрелковая дивизия,— доложил он,— левым флангом овладела опорным пунктом Горushка в 7 км юго-западнее Великих

⁶ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4330, д. 11, л. 11.

Лук. Наступающие здесь части отразили несколько яростных контратак противника со стороны расположенного северо-западнее опорного пункта Ширипина. По показаниям захваченного пленного, в районе Ширипина и к югу от него нам противостоят два пехотных полка 83-й пехотной дивизии с танками. Третий ее полк обороняет Великие Луки.

— А какова обстановка в центре и на левом фланге корпуса?

— В центре 9-я гвардейская стрелковая дивизия продвигается вперед, особенно на своем левом фланге. Ее сегодня поддерживают самолеты 292-й штурмовой авиационной дивизии, представитель которой находится со мной на КП корпуса. Успех дивизии генерала Простякова во многом обеспечили умелые действия полковника Д. С. Кондратенко. Его 18-й гвардейский полк захватил один из сильнейших опорных пунктов врага и этим обеспечил продвижение всей дивизии.

Впоследствии стали известны некоторые подробности действий 18-го гвардейского стрелкового полка в тот день. Используя успех соседа слева — 46-й гвардейской стрелковой дивизии, он через ее участок одним 3-м батальоном обошел противника, упорно оборонявшегося перед фронтом полка, и вышел в тыл вражеским опорным пунктам, захватив один из них. В результате была нарушена вся система обороны противника на этом участке. Дальнейшее решили отважные действия воинов полка и приданных ему танковых подразделений. Так, командир танкового взвода лейтенант Спевак проявил подлинный героизм. Он смело и решительно повел свои боевые машины на врага. Экипаж лейтенанта Спевака уничтожил один фашистский танк, два орудия и до 40 гитлеровцев⁷.

Об этом я узнал позднее, и воины-герои были удостоены высоких наград. Во время же разговора с генералом А. П. Белобородовым меня, понятно, особенно интересовало, использовала ли дивизия успех 18-го гвардейского стрелкового полка.

— Конечно, — заявил командир корпуса. — Генерал Простяков после доклада мне решил главными силами дивизии развивать наступление на участке этого полка, а в остальной своей полосе оставить только 22-й гвардейский стрелковый полк для сковывания обороняющегося противника. Там опытные командир полка подполковник Романов и замполит батальонный комиссар Лисман. Они, несомненно, справятся с этой задачей.

— Решение правильное, — подтвердил я. — Генерал Простяков, как и планировалось, пусть продвигается на Остриань. А как обстоят дела в 46-й гвардейской?

Положение этой дивизии внушало некоторые опасения. Вчера она вырвалась вперед и овладела ст. Чернозем на железной дороге Невель — Великие Луки, однако сегодня была контратакована с юга. При этом противник использовал отставание ее левого соседа, ослабившее фланг дивизии. Действуя значительными силами, враг

⁷ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 37.

потеснил ее левофланговый полк и овладел Вараксино. Создалась угроза тылу дивизии. Ее командир генерал С. И. Карапетян вынужден был ввести в бой все свои резервы. Этим он сумел отбросить контратакующих и восстановить положение. Но что там сейчас?

— Обстановка вновь ухудшилась, — ответил командир корпуса. — Во второй половине дня противник подтянул в район Разинки свежий 138-й горнострелковый полк 3-й горнострелковой дивизии и совместно с ранее оборонявшимися здесь частями при поддержке артиллерии и танков вторично контратаковал части дивизии. После упорных боев ему удалось снова овладеть ст. Черноем.

Итак, новое подтверждение тем сведениям, которые я получил незадолго до разговора с генералом А. Н. Белобородовым. Они состояли в том, что в полосу 21-й гвардейской стрелковой дивизии, действовавшей слева от 46-й гвардейской, начала выдвигаться 291-я пехотная дивизия противника. Недавно направленная в район Витебска, она теперь, после пачала нашего наступления, была срочно возвращена в Невель⁸.

Об этом сообщили захваченные пленные, принадлежавшие ее 505-му пехотному полку. Он первым прибыл на позиции и, как уже отмечено выше, с ходу контратаковал части 21-й гвардейской стрелковой дивизии. Успеха не добился и понес большие потери, но и продвижение наших частей на этом участке замедлилось, что, собственно, и привело к их отставанию от правого соседа — 46-й гвардейской стрелковой дивизии. Положение осложнялось, поскольку, как явствовало из показаний тех же пленных, можно было ожидать в самое ближайшее время подхода главных сил 291-й пехотной дивизии. Более того, разведотдел фронта сообщил, что противник перебросил с Волховского фронта в район Новосокельники также 20-ю моторизованную дивизию⁹.

На командном пункте армии уже разрабатывались меры по обеспечению войск от контрударов врага. Поэтому генералу А. П. Белобородову я дал указание пока что понадежнее обеспечить свой левый фланг и продолжать наступление с целью прорваться завтра в район ст. Остриань.

Едва закончился телефонный разговор, как выяснилось, что назревает дальнейшее обострение обстановки. Об этом доложил генерал И. С. Юдинцев. От партизан, действовавших в районе г. Насва, поступили сведения, что туда прибыли части 8-й танковой дивизии противника. Это подтвердила и разведка, высланная командиром 381-й стрелковой дивизии полковником Б. С. Масловым.

— 8-я танковая дивизия, — говорил генерал И. С. Юдинцев, — находилась в резерве и доукомплектовывалась. Сейчас она имеет не менее 80—90 танков и до двух пехотных полков. Сила немалая. Полковник Маслов считает возможным нанесение противником контрудара во фланг и в тыл 381-й стрелковой дивизии и поэтому

⁸ Там же, л. 47.

⁹ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 142, л. 8.

просит прикрыть направление со стороны Насвы частями армейского резерва.

Действия врага были достаточно ясны. Он принимал все эти решительные меры, чтобы не допустить расширения прорыва на Новосокольники и окружения Великих Лук. Ожесточенное сопротивление и частые контратаки в течение всех этих трех дней, собственно, и имели целью приостановить наше продвижение вперед и выиграть время для переброски крупных резервов со стороны Локни, Новосокольников и Невеля. Замысел немецкого командования представлялся довольно шаблонным: двойным охватывающим ударом от Насвы и Невеля под основание прорыва ликвидировать его и одновременно уничтожить наши части, продвинувшиеся к Великим Лукам с юга и особенно с севера.

Видимо, эту задачу и должны были выполнить 8-я танковая, 20-я моторизованная и 291-я пехотная дивизии. Судя по тому, что последняя уже введена в бой, противник явно торопился.

Ввиду важности поступивших данных я пригласил члена Военного совета бригадного комиссара А. И. Литвинова, командующего артиллерией генерала И. С. Стрельбицкого, начальника оперативного отдела полковника И. И. Серебрякова. А за те несколько минут, пока они подходили, ознакомился с разработанными штабом предложениями относительно наших дальнейших действий.

На карте, которую развернул генерал И. С. Юдинцев, были графически показаны два возможных способа обеспечения войск, блокировавших Великие Луки, от ударов противника со стороны Насвы и Новосокольников. Первый — выдвиганием находящейся в резерве армии 31-й стрелковой бригады на правый фланг 381-й стрелковой дивизии и организацией обороны их совместными силами на рубеже р. Насва, Гороватка, оз. Кислое, оз. Удрай. Второй способ — активными действиями сорвать готовящийся контрудар противника. Для этого надо было ввести в сражение в направлении Богородицкое, Остриань, Новосокольники 2-й механизированный корпус с задачей разгромить и обороняющиеся части врага, и его 8-ю танковую дивизию. Корпусу в этом случае ставилась задача захватить рубеж р. Бол. Удрай на участке Гаярево, Новосокольники.

Рассматривая карту, я подумал, что Бол. Удрай с его крутыми, глинистыми берегами и отсутствием удобных бродов являлся хорошим противотанковым препятствием и мог при необходимости послужить выгодным оборонительным рубежом.

В целом же из предложенных вариантов предпочтительным представлялся второй. Выигрыш пространства при активных действиях механизированного корпуса на Новосокольники должен был не только полностью обеспечить действия 357-й и особенно 381-й стрелковых дивизий по блокированию гарнизона Великих Лук, но, кроме того, мог способствовать захвату очень важного узла дорог — г. Новосокольники. Это ставило под угрозу коммуникации врага и лишало его возможности использовать железнодорожную линию в западном направлении на Пустышку и в южном — на Витебск,

выпуждало немецкое командование раздвоить свои усилия на оборону Новосокольников и Великих Лук.

Но понимая необходимость ввода свежих сил, чтобы закрепить и развить успех, обозначившийся в центре полосы 5-го гвардейского стрелкового корпуса, я в то же время считал преждевременным ввод в бой основного резерва армии — 2-го механизированного корпуса.

Конечно, этим можно было разгромить противника на стыке 9-й и 46-й гвардейских стрелковых дивизий, а в дальнейшем, наступая на Новосокольники, попытаться разгромить подходившие резервы врага. Но, во-первых, его оборона не была еще полностью прорвана, и это значило, что механизированному корпусу придется завершать прорыв, понеся при этом известные потери. Во-вторых, несомненно, опасно вводить его целиком в сражение за Новосокольники в условиях отсутствия сильных вторых эшелонов в наступающих дивизиях, упорной, активной вражеской обороны в центре и угрозы на флангах, осложнявшейся возможным подходом новых оперативных резервов противника для нанесения контрударов.

К тому же не был еще полностью окружен довольно значительный гарнизон Великих Лук. Таким образом, и он в сущности мог быть привлечен к нанесению контрудара совместно с оперативными резервами, появившимися в Насве и Невеле. А у нас основной резерв уже будет задействован, что может привести к срыву операции, рассчитанной на длительное время.

Размышляя обо всем этом, невольно вспомнил высказывание В. И. Ленина о гражданской войне. Тогда Владимир Ильич говорил: «Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки...»¹⁰

Все уже собрались, и обмен мнениями должен был помочь принятию правильного решения. Генерал И. С. Юдинцев доложил свои предложения. Сразу же возник ряд вопросов.

— А чем будем прикрываться с юга? — спросил А. И. Литвинов.

— Разгром 291-й пехотной дивизии противника, — ответил начальник штаба, — можно возложить на 28-ю стрелковую дивизию полковника Князькова, передав ей из армейского резерва ее же 235-й стрелковый полк и один-два танковых батальона 184-й танковой бригады.

— А удар 20-й мотодивизии противника?

— К его отражению придется привлечь 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию и один истребительно-противотанковый полк.

— С этим я согласен, — сказал генерал И. С. Стрельбицкий. — Но для обеспечения правого фланга ударной группы сил мало. Очевидно, против 8-й танковой дивизии надо выдвинуть не только 31-ю стрелковую, но и одну из бригад северной группировки армии, в частности, из 2-го гвардейского стрелкового корпуса, хотя он и обороняется там на фронте почти в 100 км.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 237.

— Значит, после всего этого механизированный корпус останется нашим единственным резервом, но и его мы введем в бой, — заметил А. И. Литвинов. — А ведь пока не известно, сколько еще войск перебросит сюда противник.

Замечания члена Военного совета были вполне обоснованы. Выслушав всех, я высказался за необходимость своими действиями упредить врага. Прежде всего подчеркнул, что события развиваются именно так, как ожидалось: противник вынужден задействовать против нашей армии свои оперативные резервы. Сковать их, а затем разгромить — в этом и заключалась наша главная задача.

Вместе с тем создававшаяся обстановка требовала принятия решения о мерах по дальнейшему развитию наступления и с усиливающимся вражеского противодействия. Нужно было своевременно наращивать удар 5-го гвардейского стрелкового корпуса на новосокольническом направлении, закончить окружение великолучского гарнизона и организовать отражение контрударов на флангах.

Но вначале мы должны были понять, где главная угроза врага, — ведь успешное выполнение наших задач зависело от правильного распределения усилий армии на каждом из названных направлений.

Наибольшую угрозу представляли готовящиеся противником контрудары на флангах, особенно на правом. Сорвать их — значит не только обеспечить себя справа и слева, но и создать предпосылки для развития успеха в центре. Следовательно, требовалось усилить войска на обоих флангах соразмерно угрожавшей им опасности, а главное — уметь использовать их для упреждения и срыва вражеских контрударов. Вместе с тем в центре предстояло наращивать удар 5-го гвардейского стрелкового корпуса. Нужные для всего этого войска необходимо было выделить, но так, чтобы непременно сохранить в качестве сильного резерва основные силы 2-го механизированного корпуса.

С этими соображениями согласились все. Причем А. И. Литвинов подчеркнул:

— Я тоже считаю, что каким бы заманчивым ни представлялся немедленный ввод 2-го механизированного корпуса в полном составе, это было бы сейчас преждевременно.

Оставалось подвести итог, и я приказал полковнику И. И. Себрякову нанести на карту следующее решение:

— На правый фланг для усиления 384-й стрелковой дивизии выдвинуть 31-ю стрелковую бригаду с истребительно-противотанковым полком. Бригаде поставить задачу: из района Гороховье, Низовичи, куда она сегодня сосредоточилась, к утру завтрашнего дня главными силами выйти на р. Бол. Удрай на участке восточнее Сопки, Горки, где запясть жесткую оборону и не допустить прорыва противника к Великим Лукам¹¹. Для этой же цели сюда выдвинуть с холмского направления 44-ю лыжную бригаду и предупредить командира 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерала М. П. Ку-

¹¹ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 48.

тузова, чтобы подготовил для переброски еще одну стрелковую бригаду¹².

Полковник И. И. Серебряков быстро паносил на карту, а генерал И. С. Юдинцев записывал задачи войскам.

— Какую из механизированных бригад корпуса генерала Корчагина можно считать самой сильной? — спросил я начальника оперативного отдела.

И. И. Серебряков назвал 18-ю механизированную бригаду, командиром которой был подполковник В. К. Максимов, а его заместителем по политчасти — майор А. М. Платин. Затем заглянул в свою папку с записями и доложил, что бригада имеет 3,5 тыс. человек, 41 танк, в том числе 23 Т-34, и 16 бронемашин¹³.

Хорошо, продолжим. В центре оперативного построения армии, на новосокольническом направлении, завтра после прорыва обороны 9-й гвардейской стрелковой дивизией ввести вслед за нею 18-ю механизированную бригаду 2-го механизированного корпуса. Ее задача — стремительно наступать в направлении Богородицкое, Громово и выйти на рубеж Тройнево (5 км юго-восточнее Новосокольники), Бол. Юдино, а в дальнейшем атаковать Новосокольники с юга и востока¹⁴. Навстречу ей из района 6—7 км северо-восточнее Новосокольников нанесут удар находящиеся там полк и лыжный батальон 384-й стрелковой дивизии. Полковника Маслова поставить в известность о задаче 18-й механизированной бригады. Генерала Корчагина предупредить, что остальные силы его корпуса пока остаются в резерве, в готовности, если потребуется, наращивать удар 18-й механизированной бригады.

Затем перешли к задачам на левом фланге армии. Разгром подходившей 291-й пехотной дивизии противника в районе юго-западнее Полибино поручался 28-й стрелковой дивизии, которая усиливалась армейскими резервами — 184-й танковой бригадой и 235-м стрелковым полком. Для составления плана боя по разгрому противника в помощь полковнику С. А. Князькову было решено немедленно направить заместителя начальника оперативного отдела подполковника Г. Г. Семенова. Ночью и я собирался приехать в 28-ю стрелковую дивизию.

Наконец, о мерах по отражению возможного контрудара 20-й моторизованной дивизии противника во фланг ударной группы войск. Эта задача возлагалась на 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

— Ее командиру Михайлову, — сказал я И. С. Юдинцеву, — сегодня присвоено звание генерал-майора. Прошу передать ему поздравления и сообщить, что на него возлагается обеспечение стыка между его дивизией, 46-й гвардейской и 28-й. На левый фланг пусть выдвинет всю противотанковую артиллерию и поставит там противотанковые мины. И последнее: одной из танковых бригад

¹² Там же.

¹³ Там же. л. 46.

¹⁴ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 31, л. 31.

2-го механизированного корпуса быть в готовности к переходу в контратаку в направлении Полибино.

После этого я отправился в 31-ю стрелковую бригаду. Ей завтра предстояли тяжелые бои с немецкими танками. Затем собирался поехать в 28-ю стрелковую дивизию.

Срыв контрударов на флангах

Два часа спустя мы с А. И. Литвиновым были уже в штабе 31-й стрелковой бригады. Теперь ею командовал подполковник А. В. Якушев. Бригада в свое время формировалась из курсантов военных училищ, они и сейчас оставались основным ее костяком. Находясь длительное время в армейском резерве, она была укомплектована почти полностью по штату, хорошо обучена и вооружена. В ее личном составе, насчитывавшем около 5 тыс. человек, примерно треть — 1566 бойцов и командиров — являлись членами и кандидатами в члены партии¹⁵.

У командира бригады, предупрежденного генералом И. С. Юдинцевым, уже собрались командиры всех батальонов и их заместители по политической части. Кратко рассказав об оперативной обстановке, создавшейся северо-западнее Великих Лук, я поставил бригаде задачу на оборону и разъяснил ее роль в обеспечении правого фланга ударной группы войск. Говорил о предстоявших жестких боях с фашистской 8-й танковой дивизией. Выразил уверенность Военного совета армии в том, что бригада с честью выполнит свою задачу по разгрому врага.

Затем в бригаде был проведен короткий митинг, на котором бригадный комиссар А. И. Литвинов призвал бойцов и командиров стойко оборонять указанный рубеж, прикрывая тем самым наши войска, наступавшие на Великие Луки. После него выступали заместитель командира бригады по политчасти старший батальонный комиссар И. И. Муравьев и многие бойцы, заверившие Военный совет, что они выполняют приказ и не пропустят врага.

Вскоре части бригады двинулись в район Гороватки для занятия обороны.

Проводив ее, мы с членом Военного совета выехали в штаб 28-й стрелковой дивизии. Прибыли туда уже поздней ночью. У полковника С. А. Князькова застали также командиров 21-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Д. В. Михайлова, 184-й танковой бригады подполковника С. А. Севастьянова, 235-го стрелкового полка подполковника И. И. Сошенко. Вместе с подполковником Г. Г. Семеновым они работали над планом боя по разгрому 291-й пехотной дивизии противника в районе юго-западнее Поречье.

Учитывая, что части этой дивизии подходили по шоссе Невель — Ступино, полковник С. А. Князьков предложил к рассвету скрытно

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2016, д. 173, л. 18.

выдвинуть в район юго-восточнее Полибино 235-й стрелковый полк с батальоном танков 184-й танковой бригады, усилив их 699-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком. Их задача — перехватить дорогу Невель — Полибино и нанести удар по подходившим вражеским колоннам, не допуская их продвижения к фронту — в стык 28-й и 21-й гвардейской стрелковых дивизий. Одновременно главные силы 184-й танковой бригады с учебным батальоном 28-й стрелковой дивизии должны были выйти в район южнее Полибино, чтобы разгромить части противника, выдвигавшиеся в северо-западном направлении. Встречный удар с северо-востока предлагалось нанести частями 21-й гвардейской стрелковой дивизии.

— Полагаю, этими силами можно будет разгромить 291-ю пехотную дивизию, — сказал в заключение полковник Князьков.

— Успеют ли части вашей дивизии выйти в названные районы?

С. А. Князьков, оказывается, предусмотрел и это.

— Успеют, — доложил он, — так как еще два часа назад, сразу после приезда подполковника Семенова и получения боевого приказа, части по моей команде начали выдвигаться в исходное положение. Если будет другое решение, их можно остановить.

Иного мнения не было. Решение командира 28-й стрелковой дивизии вполне отвечало поставленной задаче и было мною утверждено, а самому ему поручено руководство разгромом 291-й пехотной дивизии противника. Что касается согласования всех деталей плана и взаимодействия в бою, то сделать это удалось довольно быстро, поскольку благодаря той же предусмотрительности С. А. Князькова присутствовали все командиры участвующих соединений и частей.

Ночь оказалась достаточно длинной, чтобы еще затемно завершить все намеченные меры не только на флангах, но и в центре полосы наступления армии. Когда я вернулся на командный пункт, генерал А. П. Белобородов доложил по телефону, что 9-я гвардейская стрелковая дивизия произвела перегруппировку и с рассветом возобновит наступление. За ее боевыми порядками расположилась подошедшая 18-я механизированная бригада. Она была готова войти в прорыв вслед за пехотой.

Оставалось еще несколько часов для отдыха. Но в штабном блиндаже продолжалась работа. Генерал И. С. Юдинцев ставил задачи на следующий день начальникам отделов. Тут же полковник И. И. Серебряков уточнял последние данные обстановки у направленных майоров Г. Г. Галимова и И. Ф. Топорова.

Рассмотрев вместе с И. И. Серебряковым эти данные, я решил, пользуясь присутствием основных работников штаба, побеседовать с ними о наших методах управления в сложившихся условиях, резко усложнявших задачи штаба. Возникло положение, при котором для разгрома противника нужно осуществлять скрытный маневр сравнительно небольшими силами во фланг и в тыл его частям и опорным пунктам, быстро наносить хорошо согласованные удары на несколь-

ких направлениях. Все это и заставило меня вчера и сегодня ездить в войска. Надо было убедиться в способности некоторых соединений и частей выполнить поставленные им задачи. Кстати, и проверить реальность их. Войска армии вели маневренные действия небольшими боевыми группами. Сами боевые действия становились крайне разнообразными, порой неожиданными. Район боевых действий начинал напоминать слоеный пирог, и подчас штабу армии нелегко определить местоположение тех или иных своих и вражеских подразделений. В таких условиях основой управления боем наряду со своевременной постановкой задач и руководством их выполнением, должно стать поощрение боевой инициативы командиров частей и подразделений.

Примером в этом отношении могли служить командиры и штабы 5-го гвардейского стрелкового корпуса, 9-й гвардейской, 28-й и 381-й стрелковых дивизий. Генералы А. П. Белобородов и И. В. Простяков, полковники С. А. Князьков и Б. С. Маслов не только сами действовали инициативно, но и успешно учили этому своих подчиненных. Вот почему, например, подполковник И. С. Лихобабин, батальонный комиссар В. Д. Степанов, майор Н. Г. Зажигин, капитан Коньков и многие другие, оказавшись в первые же дни боев в сложных условиях, сумели принять ответственные решения, отвечавшие сложившейся обстановке, и смело осуществили их.

Вывод напрашивался сам собой: руководящий состав армии, ее штаба и родов войск должен не только хорошо знать обстановку, направлять боевые действия соединений и частей, помогать им на месте, но и способствовать проявлению инициативы.

Краткой беседой с работниками штаба армии на эту тему и закончился напряженный день 27 ноября. Она, как я убедился впоследствии, была бесполезной, ибо способствовала усилению инициативы и среди работников штаба, и в войсках. Должен, однако, подчеркнуть, что не менее существенную роль в этом сыграли высокие личные качества наших штабных работников, начиная с генерала И. С. Юдищева и полковника И. И. Серебрякова.

И помощники у них были отличные. Примером тому может служить майор Г. Г. Галимов, человек исключительной храбрости и решительности. Так, еще в 1938 г., в боях на оз. Хасан против японских захватчиков, он совершил подвиг, о котором в ту пору писали газеты, слагались стихи и песни. Командуя ротой и ведя ее в атаку, лейтенант Галимов гранатой уничтожил пулемет противника и ворвался в окоп. Когда же в него полетели гранаты, он ловил их и «любезно» возвращал обратно, уничтожая таким образом врага его собственным оружием. В этом проявилась не только безудержная смелость, но и огромное самообладание, неукротимая воля к победе. Отважный командир роты был награжден орденом Красного Знамени.

У нас майора Г. Г. Галимова знали как оперативно грамотного офицера, обладавшего высоким чувством ответственности за порученное дело и огромной работоспособностью.

Под стать ему были и другие работники штаба и всего управления

армии, что и определило в немалой степени усиление атмосферы инициативы и решительных действий войск.

28—29 ноября непрерывно поступали донесения о ходе выполнения поставленных накануне задач.

В эти дни я почти неотлучно находился на командном пункте армии, так как ход боевых действий требовал пристального внимания к развитию событий во всей полосе наступления. Приходилось направлять одновременно и наступательные действия наших войск в центре, и отражение контрударов противника на флангах.

Здесь же целесообразно показать ход боев на каждом направлении в отдельности, так как это позволит яснее представить общую картину сражения. Начну с флангов, поскольку от обеспечения их в те дни во многом зависел успех всей операции.

31-я стрелковая бригада под командованием подполковника А. В. Якушева форсированным маршем двинулась на северо-запад, в направлении Горки, и к утру 28 ноября вышла к р. Бол. Удрай, упредив таким образом противника в занятии выгодного рубежа. Однако сразу же была здесь контратакована. Враг, судя по имевшимся данным, наносил главный удар вдоль шоссе Насва — Великие Луки. В этом направлении из района Горки он бросил до 40 танков с пехотой.

Докладывая об этом еще в первой половине дня 28 ноября, старший помощник начальника оперативного отдела штаба армии Г. Г. Галимов отметил:

— Противник не достиг успеха. Обороняющиеся там 1-й и 2-й батальоны бригады с приданной противотанковой артиллерией уже отразили две вражеские атаки и продолжают стойко удерживать свои позиции. Тем не менее обостряющаяся обстановка может в ближайшее время потребовать оказания помощи 31-й стрелковой бригаде. А выдвигающаяся к этому же рубежу 44-я лыжная бригада еще не подошла. Ей идти более 60 км.

Майор Галимов был прав — о помощи следовало позаботиться. И я приказал:

— Передайте генералу Стрельбицкому, чтобы доложил, какой из противотанковых артиллерийских полков можно в случае необходимости быстро перебросить в 31-ю стрелковую бригаду.

Дальнейшие события на рубеже р. Бол. Удрай действительно развивались очень остро.

Особенно трудно пришлось головному 1-му отдельному батальону 31-й стрелковой бригады, которым командовал майор А. Н. Кошкарёв (замполит — старший политрук Н. С. Кострулин). Еще утром, выйдя к реке в районе Кучина, он был вынужден сразу же вступить во встречный бой с контратакующими частями пемецкой 8-й танковой дивизии. Он принял на себя удар, нанесенный противником из района Горки силами не менее полка пехоты с 18 танками при поддержке артиллерии, минометов и 12 самолетов. Батальон отразил попытку гитлеровцев прорваться по шоссе Насва — Великие Луки в юго-восточном направлении. В течение всего дня он успешно

отбивал их яростные атаки. Лишь с наступлением темноты противнику удалось несколько потеснить левофланговую роту, но дальше продвинуться он не смог.

В этих боях бойцы батальона подбили семь вражеских танков. Два из них вывел из строя расчет ПТР в составе красноармейцев Ткачева и Потушкова. А старший лейтенант Ф. Х. Курепто, вскочив на двигавшийся фашистский танк, рванул крышку люка и ручной гранатой уничтожил весь экипаж¹⁶.

Одновременно враг силой до батальона с 10 танками атаковал развернувшийся правее 3-й отдельный стрелковый батальон (командир — майор П. С. Шарапов, замполит — Г. В. Баранский). Но успеха не достиг и понес большие потери. Еще более значительные силы бросил противник против 2-го отдельного стрелкового батальона (командир — старший лейтенант С. Я. Савичев, замполит — Д. И. Смаль), прикрывавшего правый фланг бригады в районе южнее Сопки. Здесь наступал, но столь же безрезультатно, пехотный батальон с 16 танками¹⁷.

В упорных боях бригада удержала свои позиции. Большую роль в отражении атак фашистов сыграла ее артиллерия. Она сосредоточенным огнем последовательно накрывала атакующих. Орудия, действовавшие в боевых порядках батальонов и предназначенные для стрельбы прямой наводкой, в упор уничтожали вражеские танки. Благодаря стойкости и мужеству бойцов и командиров частей 31-й стрелковой бригады противник в тот день продвинуться вдоль шоссе Насва — Великие Луки не смог. Зато потерял только убитыми свыше тысячи солдат и офицеров, а также 14 танков.

На следующее утро бои здесь разгорелись с новой силой. Из районов Сопки и Горки противник бросил в наступление до двух полков пехоты с 50—60 танками¹⁸. После сильной артиллерийской подготовки они перешли в атаку под прикрытием авиации. Вскоре вражеское командование ввело в бой также до трех эсэсовских пехотных батальонов.

К этому времени оборона на рубеже р. Бол. Удрай была нами усилена. В бой вступил выдвинутый генералом И. С. Стрельбицким противотанковый артиллерийский полк. Левее 31-й стрелковой бригады развернулся 1263-й стрелковый полк 381-й стрелковой дивизии. Однако и он был тотчас же атакован силами до батальона пехоты с 40—50 танками из района Курово. Этим ударом противник стремился выйти с юга во фланг 31-й стрелковой бригаде.

Несмотря на созданное гитлеровцами значительное превосходство сил, они так и не смогли сломить сопротивление наших частей. Особенно яростные атаки предпринимал враг на участке 31-й стрелковой бригады. Но ее воины своей стойкостью, массовым героизмом сорвали замысел противника. Только 3-й отдельный стрелковый

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 1823, оп. 1, д. 28, л. 468.

¹⁷ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 48.

¹⁸ Там же.

батальон вынужден был оставить деревни Кучина и Корняки, да и то лишь для того, чтобы прочно закрепиться к востоку от них на более выгодном рубеже. Отбив атаки, наши части в тот день уничтожили до 400 фашистских солдат и офицеров, подбили 12 танков¹⁹.

Крайнего ожесточения достигли вражеские атаки 30 ноября. В этот день гитлеровцы вновь сосредоточили свои главные усилия против 31-й стрелковой бригады. Ее батальонам пришлось выдерживать по 3—4 атаки. Но каждая из них отбивалась с большими потерями для противника. Своим мужеством и упорством воины бригады сдержали натиск врага.

Еще успешнее действовали наши части на левом фланге армии. Здесь разведкой был обнаружен 5-километровый разрыв в обороне противника южнее Поречья, откуда вражеские подразделения, видимо, были переброшены к северу. Воспользовавшись этим, 235-й стрелковый полк и учебный батальон 28-й стрелковой дивизии с истребительно-противотанковым полком и 184-я танковая бригада скрытно вышли в указанные им районы еще в ночь на 28 ноября. С ходу они внезапно атаковали на шоссе совершавшие марш колонны 506-го пехотного полка.

Первое серьезное столкновение с противником произошло у моста через Ловать. Разведывательный отряд 235-го стрелкового полка стремительным ударом смыл оборонявшегося здесь врага, захватил мост и этим обеспечил быстрый выход главных сил полка на противоположный берег. Но для танков мост оказался непригодным. Тогда танкисты сломали лед, переправились вброд и с ходу атаковали гитлеровцев. Танковый батальон под командованием капитана Н. В. Янчаленко на предельной скорости врезался в колонны противника, которые только начали разворачиваться. Впереди шли танки командиров рот старшего лейтенанта А. М. Якушева и лейтенанта М. А. Максимова. Огнем и гусеницами они уничтожали фашистов.

Немецкий авангардный полк был сметан и понес большие потери. У шоссе остались 8 разбитых орудий, десятки автомашин и повозок, множество убитых вражеских солдат и офицеров.

Пока враг приводил в порядок свои силы, наша пехота, танки и артиллерия закрепились, перекрыв шоссе Невель — Великие Луки. Но к утру 29 ноября противник, подведя, видимо, главные силы дивизии, вновь начал прорываться на северо-восток. Упорный бой длился трое суток. Несмотря на большое численное преимущество, враг не добился успеха. Ему удалось только несколько оттеснить 235-й стрелковый полк от шоссе на восток. Но основная цель нами была достигнута: удалось не только задержать 291-ю пехотную дивизию, но и до подхода ее к фронту нанести ей серьезные потери.

В этих боях было уничтожено более 20 орудий, десятки минометов, большое количество стрелкового оружия и до 2 тыс. солдат и офицеров противника²⁰.

¹⁹ Там же, л. 49.

²⁰ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 157, л. 4.

Успех обеспечили умелая организация разведки, четкое взаимодействие танков, артиллерии и пехоты, твердое управление войсками. Следует подчеркнуть, что, задержав в общей сложности на четверо суток главные силы 291-й пехотной дивизии, наши части тем самым сорвали и контратаки ранее вышедшего к линии фронта ее 505-го пехотного полка. Его удары успешно отразил наш 88-й стрелковый полк. Таким образом, удалось предотвратить обострение обстановки на данном направлении.

Но и этим не исчерпывается значение боев у шоссе Невель — Великие Луки.

Дело в том, что разгром 506-го пехотного полка противника позволил главным силам 184-й танковой бригады с учебным батальоном 28-й стрелковой дивизии нанести удар во фланг и тыл вражеской группировке, оборонявшейся севернее Поречья. Одновременно для усиления действовавшего против нее 144-го стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии мною 29 ноября была направлена прибывшая из резерва 45-я лыжная бригада под командованием полковника А. И. Серебрякова (заместитель командира по политчасти — майор Е. С. Нерубайлов).

Все это позволило перечисленным частям небольшими отрядами, используя лесистую местность, обойти очаги сопротивления противника. Продвигаясь вперед, они вышли в район, расположенный в 7—8 км западнее Поречья, и создали угрозу окружения всей пореченской группировки врага, насчитывавшей в общей сложности до трех пехотных полков. Сюда же был переброшен и выполнивший свою прежнюю задачу 235-й стрелковый полк.

Правда, полностью завершить окружение пореченской группировки не удалось. Противник, хотя и с опозданием, подвел в этот район главные силы 291-й пехотной дивизии, а также перебросил из Невеля один полк 20-й моторизованной дивизии. В результате превосходство в силах перешло к врагу. Наши части здесь перешли к обороне. В то же время 21-я гвардейская стрелковая дивизия, наступавшая с севера навстречу левофланговым частям 28-й стрелковой дивизии и 45-й лыжной бригаде, выбила гитлеровцев из лесного массива в 12—15 км северо-западнее Поречья.

Таким образом, попытка противника нанести контрудар по левому флангу ударной группировки войск армии была сорвана. 291-я пехотная дивизия и полк 20-й моторизованной дивизии врага понесли значительные потери. Больше того, тактическое положение гитлеровцев в этом районе значительно ухудшилось. Сильная пореченская группировка оказалась зажатой в узком «мешке» протяженностью до 12 км, выход из которого по шоссе Ступино — Невель мог быть перехвачен нашими войсками.

Срыв подготовленных противником контрударов на флангах оказал благоприятное влияние на ход боевых действий ударной группировки армии в центре полосы наступления.

Еще утром 28 ноября мне позвонил генерал А. П. Белобородов. Он доложил, что 9-я гвардейская стрелковая дивизия возобновила наступление и продвинулась на 2 км. Это радовало. Но оказалось, что в прорыве обороны участвует частью сил и введенная командиром корпуса 18-я механизированная бригада. Это могло ослабить ее последующий удар. В то же время выяснилось, что дивизия в состоянии самостоятельно завершить прорыв. Поэтому пришлось потребовать, чтобы мехбригада была, как и предусматривалось, использована только для действий в глубине вражеской обороны.

Затем последовало донесение об успешных действиях 357-й стрелковой дивизии под командованием полковника А. Л. Кроника.

Возобновив наступление, ее части на подступах к узлу сопротивления противника в районе Баталиха, Ширипина, Шелково были встречены сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Надо сказать, что враг создал здесь тщательно продуманную систему огня. Как и в первые дни, продвижению наступающих особенно мешали пулеметы и отдельные орудия, расположенные на обратных скатах многочисленных холмов и высот. Эти огневые точки плохо или совсем не просматривались нашими наблюдателями и поэтому с трудом подавлялись огнем артиллерии и минометов.

На правом фланге дивизии наступал 1090-й стрелковый полк под командованием майора П. Ф. Корниенко (заместитель командира по политчасти — майор Н. Е. Рысик). Здесь разведка обнаружила возможность обхода сильно укрепленной высоты восточнее Баталихи. Командир полка немедленно ею воспользовался. Высланный им батальон с танками обошел высоту и уничтожил находившихся на ней вражеских пулеметчиков. Развивая успех батальона, полк с приданными ему танками разгромил опорный пункт противника в Баталихе и открыл себе путь к разъезду Велебецкое.

Как только определился успех на правом фланге, командир дивизии полковник А. Л. Кроник оставил 1188-й стрелковый полк майора М. Е. Хейфеца (заместитель командира по политчасти — батальонный комиссар В. Д. Степанов) для временного блокирования опорных пунктов противника в Шелково и Ширипина, а главные силы дивизии — 1190-й и 1192-й стрелковые полки с 27-м отдельным танковым полком бросил на север, в направлении разъезда Велебецкое, с задачей перерезать железную и шоссейную дороги Великие Луки — Новоскольники.

Перегруппировка была осуществлена довольно быстро. Холмистая местность и успешное продвижение правофлангового 1190-го стрелкового полка способствовали маневру. Выйдя к разъезду, стрелковые полки вслед за танками под прикрытием огня артиллерии начали атаку. Гитлеровцы, занимавшие траншею южнее железной дороги, не выдержав дружного натиска, стали отходить на север и северо-запад. Значительная их часть была уничтожена либо взята

в плен, а наши части захватили Велебецкое и участок железной дороги западнее Великих Лук.

Теперь великолукский гарнизон оказался полностью отрезанным. Кроме того, от города была изолирована вражеская группировка, находившаяся в 6—8 км к юго-западу от него в районе Ширипина и прилегающих к нему населенных пунктов, где, по показаниям пленных, оборонялись подразделения 251-го и 257-го пехотных полков 83-й пехотной дивизии, 343-й и 344-й охранные батальоны, имевшие не менее 20 танков.

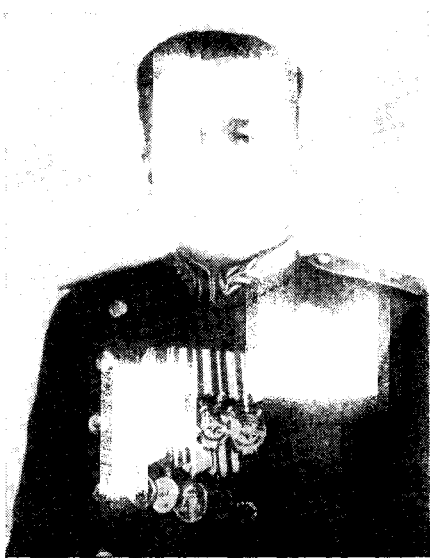
Когда в середине дня 28 ноября я узнал об этом, а также о выходе 381-й стрелковой дивизии к востоку от ст. Остриань, стало ясно, что появилась возможность порознь окружить группировки противника, упорно оборонявшиеся в Великих Луках и в районе Ширипина, Федьково, Марково. Но для этого нужно было, чтобы в район Остриань быстрее прорвалась и 9-я гвардейская стрелковая дивизия, наступавшая с юго-востока. По моему указанию такая задача и была тогда же поставлена ей командиром 5-го гвардейского стрелкового корпуса.

Во второй половине того же дня, прикрыв свой тыл и фланг 22-м гвардейским стрелковым полком, которым командовал подполковник И. Н. Романов (заместитель командира по политчасти — батальонный комиссар Г. Ф. Лисман), дивизия остальными силами нанесла удар на северо-запад. Обойдя вражеские части, упорно оборонявшиеся в районе Федьково и Марково, 18-й и 31-й гвардейские стрелковые полки прорвались в район южнее и юго-западнее Остриань и вышли с запада на подступы к Ширипину. Поздно вечером об этом доложил генерал А. П. Белобородов. Корпус справился со сложной задачей, показав хорошую тактическую подготовку командиров и войск.

Так ширипинская и великолукская группировки были отрезаны одна от другой и полностью окружены. Невольно подумалось: противник тот же, что и в прошлом году, а вот окружаем мы его и громим. Значит, многому научились за полтора года войны.

Но окружение — полдела. Теперь нужно было быстрее уничтожить зажатые в кольцо группировки. Имея в виду эту задачу, приказал 357-ю стрелковую дивизию направить на Великие Луки для уплотнения фронта окружения гарнизона города, а 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию нацелить на быстрейшую ликвидацию ширипинской группировки.

Одновременно нужно было принять меры для развития успеха 18-й механизированной бригады, вырвавшейся к этому времени далеко вперед. Еще в первой половине дня она с боями вышла к западу от Сурагино. Впереди были населенные пункты Кожино, Сенькина Гора, превращенные противником в опорные пункты. Подойдя к ним, усиленный танками батальон был остановлен интенсивным огнем. Тогда командир бригады подполковник В. К. Максимов подтянул остальные силы. В бою, продолжавшемся до вечера, бригада уничтожила на подступах к Кожино до батальона гитлеров-

И. В. ПРОСТЯКОВ

А. Л. КРОНИК

цев, а в районе Петрова разгромила второй эшелон штаба 59-го армейского корпуса врага.

Таким образом, она достигла рубежа в 7—8 км юго-восточнее Новосокольников и теперь продолжала продвигаться к этому городу. Но ведь к северо-востоку от него наши части подвергались сильным контратакам 8-й танковой дивизии противника. А из Невеля вражеское командование подводило еще и 20-ю моторизованную, причем пока нельзя было точно определить, где именно нанесет она удар. Следовательно, 2-му механизированному корпусу нужно быть готовым не только к выдвижению еще одной бригады для развития успеха 18-й механизированной, но и к вводу своих главных сил для действий в любом направлении.

Такая задача и была поставлена мною генералу И. П. Корчагину вечером 28 ноября.

Итак, обстановка на участке прорыва после четырех дней упорных боев складывалась довольно благоприятно. Оборона противника была прорвана, немецкий гарнизон в Великих Луках блокирован. Полностью окружена вражеская группировка южнее и юго-западнее Ширинина. Наши войска углубились в расположение врага на 12—15 км и продолжали продвигаться вперед.

Конечно, оставалось еще немало трудностей. Ведь бои развернулись в полосе до 60 км, причем одновременно в нескольких районах. Противник оказывал сильное сопротивление на подступах к Новосокольникам. На р. Бол. Удрай наши части упорной обороной сдерживали рвущуюся к Великим Лукам 8-ю танковую дивизию. На левом фланге шли бои с пореченской группировкой, там же, вероят-

нее всего, следовало ожидать контрудара 20-й моторизованной дивизии. Наконец, значительных усилий требовала задача уничтожения великолукского гарнизона, который теперь оказался у нас в тылу, и окруженной в районе Ширипина довольно крупной группировки врага.

Позвонив начальнику штаба фронта генералу М. В. Захарову, я доложил обстановку к исходу 28 ноября. Кроме того, хотелось узнать, как идет наступление трех левофланговых армий фронта, начавших в тот день наступление по плану операции «Марс».

М. В. Захаров выслушал мой доклад с явным удовлетворением, поздравил с первым успехом. Что касается действий 41, 22 и 39-й армий, то, как он сообщил, все они перешли в наступление. Противник повсюду оказывал им упорное сопротивление, предпринимая сильные контратаки пехоты с танками. Наибольшего успеха достигла 41-я армия, прорвавшая вражескую оборону южнее г. Белый. К исходу дня в прорыв был введен 1-й механизированный корпус. 22-я армия пока лишь на отдельных направлениях вклинилась в оборону гитлеровцев на 3—5 км. 39-я армия только на одном участке продвинулась вперед на 3—4 км²¹.

Все это означало, что ход боевых действий на левом крыле фронта пока не мог оказать существенного воздействия на обстановку в полосе наступления нашей армии. Тем не менее операция «Марс» началась, и это позволяло надеяться, что, хотя бы в дальнейшем, она скует значительные вражеские резервы.

Пока же противник усиливал нажим на великолукском направлении. Продолжая яростные контратаки силами 8-й танковой дивизии, он одновременно всячески поддерживал свою окруженную ширипинскую группировку. В то время как она, используя опорные пункты в Ширипина, Марково, Забойниково, Тележниково, Федьково и Шелково, продолжала оказывать упорное сопротивление частям 9-й гвардейской и 357-й стрелковых дивизий, вражеское командование извне предпринимало непрерывные контратаки, стремясь деблокировать ее.

Особенно сильные удары наносили гитлеровцы из района севернее железнодорожной станции Чернозем в направлении Торчилихи, Забойниково, пытаясь прорвать фронт 9-й гвардейской стрелковой дивизии. Контратаки пехоты с танками поддерживала фашистская авиация, которая по несколько раз в день обрушивала на наши войска удары с воздуха. Она также снабжала окруженные войска боеприпасами и продовольствием. Так, 29 ноября в районе Федьково было сброшено с самолетов 19, а 30 ноября — 26 парашютов с грузами²².

Но гвардейцы выстояли, хотя им пришлось вести бои одновременно фронтом на северо-запад и юго-восток. Эффективную поддержку им оказывали летчики 3-й воздушной армии генерала

²¹ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 454, лл. 3, 4.

²² Там же, д. 860, л. 41.

М. М. Громова. Наши самолеты блокировали окруженную группировку, уничтожали ее огневые средства и живую силу, вступали в бой с вражеской авиацией. Только 30 ноября они сбили 5 и подбили 2 бомбардировщика Ю-88²³.

Мужество и стойкость наших оборонявшихся частей, высокий наступательный порыв соединений ударной группировки армии были залогом дальнейшего успешного выполнения поставленных им задач. Большое воодушевление среди всего личного состава вызывали вести, поступающие в те дни с южного участка советско-германского фронта, где войска Красной Армии окружили и громили врага под Сталинградом. Глубоко обрадовало наших воинов также то, что и об их боевых успехах узнала 29 ноября вся страна.

В тот день по радио было передано сообщение Совинформбюро «Новый удар по противнику». В нем говорилось: «На днях наши войска перешли в наступление в районе восточнее Великие Луки... Преодолевая упорное сопротивление противника, наши войска прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника. В районе Великие Луки фронт немцев прорван протяжением 30 километров... Наши войска продвинулись в глубину от 12 до 30 километров..., прерваны железные дороги Великие Луки — Невель, Великие Луки — Новосокольники... Противник, пытаясь задержать продвижение наших войск, ведет многочисленные и ожесточенные контратаки... Наступление наших войск продолжается...» Среди отличившихся были названы дивизии полковников Б. С. Маслова, Д. В. Михайлова, С. А. Князькова²⁴.

Это сообщение было тут же отпечатано нами и разослано во все части и подразделения. На следующий день его опубликовали все дивизионные и армейские газеты, и оно заняло важное место в политической работе в войсках, явилось призывом к новым подвигам.

Одной из самых важных для нас в те дни являлась задача ликвидации группировки противника, окруженной в районе к югу и юго-западу от Ширипина. Тем самым мы могли высвободить блокировавшие ее дивизии, которые крайне нужны были для дальнейшего развития наступления. Эта задача была возложена на 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию с частью сил 357-й стрелковой.

Нельзя было больше откладывать и усиление 18-й механизированной бригады, которая продолжала вести упорные бои на подступах к Новосокольникам. Отдельные ее танки прорвались на юго-восточную окраину города, но были встречены огнем противотанковых орудий противника.

Вражеский гарнизон оказался весьма значительным. Захваченные в городе пленные принадлежали 3-й горнострелковой дивизии. Они показали, что совместно с ними обороняется 10-й танковый полк и что в последние дни сюда подтянуты новые части, в том числе

²³ Там же, д. 454, л. 28.

²⁴ «Правда», 29 ноября 1942 г.

артиллерийские и полк шестиствольных минометов. Таким образом, сил 18-й механизированной бригады было явно недостаточно, чтобы сломить сопротивление врага. Кроме того, у прорвавшихся на окраину танкистов уже кончались боеприпасы. А тут, как назло, разразился сильнейший буран, затруднивший как подвоз боепитания и горючего, так и выдвижение пехоты к городу.

Трудно было рассчитывать и на помощь бригаде со стороны 1259-го стрелкового полка, наступавшего на Новосокольники с северо-востока. Он встретил сильное сопротивление в 6—7 км от города и продвигался чрезвычайно медленно.

Поэтому прежде всего генералу И. П. Корчагину было приказано организовать более прочное взаимодействие 18-й механизированной бригады с этим полком. Одновременно последний удалось усилить. Этому способствовал новый успех наших войск, окружавших Великие Луки. Они к тому времени окончательно сомкнули кольцо вокруг великолукского гарнизона противника. При этом 357-я и главные силы 381-й стрелковых дивизий несколько продвинулись на восток, и полковник Б. С. Маслов получил возможность вывести в свой резерв ряд подразделений 1263-го стрелкового полка.

— Передайте полковнику Маслову, — сказал я И. И. Серебрякову, выслушав его доклад об обстановке в районе Великих Лук, — следующее приказание: вывести из боя весь 1263-й стрелковый полк и сегодня же ночью перебросить его для совместных действий с 1259-м. Командиру дивизии выехать туда же и организовать удар на Новосокольники двумя полками с северо-востока.

Дальнейший ход событий, однако, позволил перебросить туда не один, а два полка. Это выяснилось к утру 30 ноября, когда 1261-й стрелковый полк 381-й стрелковой дивизии под командованием майора С. Я. Савичева (заместитель по политчасти — подполковник Д. Ф. Логачев) и 953-й стрелковый полк 257-й стрелковой дивизии, которым командовал майор В. К. Чесноков (заместитель по политчасти — майор П. И. Хохлов), подошли к упорно обороняемому противником совхозу Богдановскому. Тем самым кольцо вокруг Великих Лук затянулось еще крепче.

Появилась возможность вывести из боя и 1261-й стрелковый полк, перебросив и его к северо-востоку от Новосокольников, что и было сделано.

Таким образом, к 1 декабря там сосредоточилась вся 381-я стрелковая дивизия.

Перечисленные меры обеспечили нанесение двух сильных ударов — 9-й гвардейской и части сил 357-й стрелковых дивизий по окруженной ширипинской группировке противника и 381-й — по Новосокольникам с северо-востока. Выполнение обеих задач началось одновременно в ночь на 2 декабря после соответствующей подготовки.

Командир 9-й гвардейской стрелковой дивизии генерал И. В. Простяков с целью расколоть ширипинскую группировку и затем уничтожить ее по частям принял решение главными силами нанести удар

в юго-восточном направлении — на Марково, Тележниково. Прикрытие с запада он возложил на один из батальонов 18-го гвардейского стрелкового полка, занявшего позиции на рубеже Остриань, Демя. В полках были созданы штурмовые группы, имевшие в своем составе по 1—2 танка, 1—2 орудия, взвод нехоты и 2—3 санеров с толовыми пашками. Это диктовалось тем, что, например, в опорном пункте Марково, оборонявшемся подразделениями 251-го пехотного полка, охранного батальона и 1-го химического минометного полка, разведкой было обнаружено пять дзотов, много блиндажей, 20 отдельных окопов с пулеметами. Для их разгрома и предназначались штурмовые группы.

Штурмовые группы сыграли важную роль в успешном разгроме ширипинской группировки. Они обходили оборонительные сооружения и внезапными ударами уничтожали врага. За ними шли основные силы 9-й гвардейской стрелковой дивизии и 1188-й стрелковый полк 357-й стрелковой дивизии, довершавшие уничтожение противника.

Большую помощь нашим частям оказали летчики 266-й штурмовой авиационной дивизии под командованием полковника Ф. Г. Родякина (заместитель командира по политчасти — полковой комиссар А. Ф. Федоров). Действуя небольшими группами, они громили огневую силу гитлеровцев.

Захватив Шелково и вклинившись в район расположения противника, гвардейские части нанесли удары на юго-восток и юго-запад, дробя окруженную группировку. Одновременно с востока наступал 1188-й стрелковый полк. Ожесточенные бои длились всю ночь на 2 декабря и следующий день. Преодолевая упорное сопротивление врага, атакующие неуклонно продвигались вперед. Утром 3 декабря они овладели опорным пунктом Федьково, а к исходу дня — Марково, Тележниково, Ширипина. Весь этот район был очищен от врага. За сутки с небольшим наши войска полностью ликвидировали окруженную ширипинскую группировку противника, насчитывавшую до 3,5 тыс. солдат и офицеров²⁵.

Большого успеха добилась и 381-я стрелковая дивизия, сосредоточившая, как уже отмечено, все свои силы к северо-востоку от Новосокольников. Наступая в западном направлении при поддержке штурмовой авиации, она продвинулась на 6—7 км, обошла этот город с севера, овладела несколькими населенными пунктами и перерезала железную дорогу Насва — Новосокольники.

Оценка обстановки на фронте армии к вечеру 2 декабря показывала, что, несмотря на ее общее улучшение, предстояло еще решить ряд трудных задач. В первую очередь представлялось необходимым выполнить две из них — овладеть Новосокольниками, которые упорно оборонялись крупными силами противника, и устранить угрозу на правом фланге, где постепенно подходившие части 8-й танковой дивизии врага усиливали атаки, стремясь прорваться к Великим

²⁵ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 58.

Лукам. В соответствии с этим мною было принято решение оставить в резерве две танковые и 43-ю механизированную (без танкового полка) бригады, а остальные силы 2-го механизированного корпуса использовать совместно с 381-й стрелковой дивизией для овладения Новоскольниками²⁶.

В тот же вечер на командном пункте корпуса, куда вместе со мною прибыли генерал И. С. Стрельбицкий, полковник И. И. Серебряков и командующий бронетанковыми и механизированными войсками армии полковник К. В. Ивакин, мы спланировали с генералом И. П. Корчагиным предстоящие боевые действия.

Прежде всего рассмотрели имевшиеся данные о 3-й горнострелковой дивизии противника, оборонявшейся в Новоскольниках. Выяснилось, что она уже в течение недели строила оборону в районе города. Дивизия была усилена танками и дивизионом штурмовых орудий. Все это показывало, что овладение Новоскольниками будет нелегким делом. Взвешивая окончательно все за и против, я вспомнил указание генерала армии Г. К. Жукова: главное — сковать силы врага, привлечь на себя его резервы. И все сомнения отпали.

Тут же мною была поставлена 2-му механизированному корпусу следующая задача: силами 18-й и вводимой в бой 34-й механизированных бригад, а также танкового полка 43-й механизированной бригады нанести утром 3 декабря удар на Новоскольники с юго-запада и с юга, уничтожить части 3-й горнострелковой дивизии противника и во взаимодействии с 381-й стрелковой дивизией, наступающей с севера и северо-востока, овладеть городом. Командование всеми действующими там нашими войсками возлагалось на генерала И. П. Корчагина. Они усиливались 1198-м гаубичным (командир — майор Д. М. Кузнецов, замполит — майор Н. А. Мазуленко) и 1094-м пушечным (командир — майор Ф. К. Жевнов, замполит — батальонный комиссар И. И. Федосеев) артиллерийскими полками.

— Выдвижение войск на исходные позиции и всю подготовку, — говорил я генералу И. П. Корчагину, — нужно закончить в течение ночи. Начало наступления — в 9 часов. Артиллерийскую подготовку вести по целям в соответствии с имеющимися у вас данными разведки. В организации артиллерийского наступления и взаимодействия артиллерии с бригадами вам поможет генерал Стрельбицкий. Он останется здесь. А полковник Серебряков сейчас поедет к командиру 381-й стрелковой дивизии. С ним передайте все ваши указания полковнику Маслову и сигналы взаимодействия.

Затем перешли к задачам оставшихся в резерве двух танковых бригад и пехоты 43-й механизированной бригады. Их приказал сосредоточить к югу от Великих Лук, в районе Брюхново, Кузнецово, в готовности действовать против частей 8-й танковой дивизии противника, а в случае, если это не потребуется, — то на Новоскольники.

²⁶ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 75.

Отдавая такое предварительное распоряжение, я еще не был полностью уверен в том, что натиск частей вражеской 8-й танковой дивизии вынудит нас основательно усилить оборону на направлении ее ударов. Обстановка там была еще недостаточно ясной, и представлялось вероятным, что героически сражавшейся 31-й стрелковой бригаде удастся отразить атаки. Но в то же время оставались и серьезные опасения. Они-то и подсказывали необходимость быть готовыми к любому изменению обстановки.

Эти соображения определили и решение относительно использования прибывшей поздним вечером из фронтового резерва 26-й стрелковой бригады. Приказ о ее передаче в состав армии был получен еще накануне. Когда же я возвратился с командного пункта генерала И. П. Корчагина, в штабе армии уже ждали командир бригады полковник И. Г. Бабак и замполит А. М. Пузыревский. И. Г. Бабак доложил, что прибывшие части сосредоточиваются в районе совхоза Ущица.

— Обстановка вам известна? — спросил я.

— Да, я уже был у генерала Юдинцева, — ответил командир бригады.

— Следовательно, понимаете, что времени на отдых, к сожалению, дать не могу?

— Бригада готова к выполнению боевой задачи.

Ответ хороший. Он внушал уверенность, что вновь прибывшая бригада займет достойное место в 3-й ударной армии.

— Действовать будете в направлении Новосокольников или на северо-запад — на Горки. Задачу получите завтра утром.

Да, утро разрешило все сомнения. Хочу еще раз подчеркнуть, что они были продиктованы сложностью обстановки тех дней. Будь у армии больше сил, разумеется, можно было бы мощным ударом овладеть Новосокольниками и одновременно на правом фланге отбросить 8-ю танковую дивизию противника. Но резервы оказались недостаточными для быстрого осуществления обеих этих задач. Оставалось, следовательно, одно — маневрировать силами и средствами, что мы и делали, внимательно следя за малейшими изменениями в обстановке.

Такие изменения и начались 3 декабря как раз там, где мы их опасались, — на правом фланге.

Утро, казалось, не предвещало грозных событий. Примерно в 9 часов позвонил генерал И. П. Корчагин. Он доложил, что наступление на Новосокольники началось успешно. 34-я механизированная бригада с танковым полком 43-й механизированной бригады нанесли удар по противнику южнее Петрова и продвинулись на северо-запад. Части 381-й стрелковой дивизии тоже начали атаку вовремя. Выслушав, я приказал направить усилия на обход Новосокольников с юго-запада, рассчитывая, что если наши танки выйдут в тыл 3-й горнострелковой дивизии, то овладение городом будет предпринято.

В это время и пришли генерал И. С. Юдинцев и майор Г. Г. Галимов с тревожным известием: противник двумя группами по 25—30 танков в каждой с двумя полками пехоты под прикрытием 50 самолетов атакует с 8 часов 31-ю стрелковую бригаду²⁷.

— Об этом,— докладывал Г. Г. Галимов,— только что сообщил начальник штаба бригады подполковник А. Ф. Марсов. Он доносит, что вражеские танки прорвались через боевые порядки наших частей в районе Боброво. Командир бригады полковник А. В. Якушев сам повел в бой свой резерв — две роты автоматчиков с противотанковой батареей.

Наступил момент, когда нужно было без промедления помочь 31-й стрелковой бригаде. Противник мог подтянуть туда новые силы, и одна она, конечно, его не остановит. Вот и пригодились резервы, которые мы придерживали, как теперь подтвердилось, с полным основанием. Тотчас же принимаю решение:

— 26-й стрелковой бригаде немедленно выступить в район Тимохны с задачей остановить врага, действуя совместно с 31-й стрелковой бригадой. Командира находящейся в резерве 36-й танковой бригады подполковника М. И. Пахомова предупредить, чтобы быстро подготовился к выдвигению в тот же район Тимохны. Генерал-майору авиации Папивину передать, чтобы использовал все имеющиеся штурмовики для удара по частям 8-й танковой дивизии.

Майор Г. Г. Галимов записал распоряжения и поспешил к телефону.

Мы же с генералом И. С. Юдинцевым обсудили свои дальнейшие возможности. Они оказались невелики. В резерве оставалась лишь одна 33-я танковая бригада. Какими же силами будем развивать наступление на Новосokolьники? И опять вспомнилось: главное — сковывание и уничтожение резервов противника. А их, как магнит, будет притягивать к окруженному 9-тысячному гарнизону Великих Лук. Здесь и нужно бить врага. Вот почему сейчас главная задача — разгром 8-й танковой дивизии. И если потребуется, против нее придется бросить также часть сил 357-й и 384-й стрелковых дивизий.

А для удара на запад можно теперь использовать 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию, завершившую ликвидацию ширипинской группировки противника. Это позволит генералу И. П. Корчагину все имеющиеся у него силы сосредоточить для овладения районом Новосokolьников.

Соответствующие распоряжения были отданы немедленно.

А обстановка на правом фланге все более обострялась.

Наступая на Боброво, в стык между 3-м и 2-м отдельными стрелковыми батальонами 31-й стрелковой бригады, гитлеровцы нанесли особенно сильный удар по первому из них. Встреченные огнем всех видов оружия и не сумев вклиниться в оборону с фронта, они перенесли свои усилия на фланги, окружая подразделения батальона.

²⁷ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 49.

И. Г. БАБАК

П. Ф. ЛОБОВ

Наши воины стойко оборонялись и, переходя в контратаки, в рукопашных схватках отбрасывали пехоту противника. Истребители танков расстреливали и сжигали огнем из противотанковых ружей прорвавшиеся боевые машины врага. И все же батальон был окружен. Две роты автоматчиков, выдвинутые командиром бригады, попали под сильный артиллерийский и минометный огонь и не смогли прорваться на помощь 3-му батальону.

Окруженные продолжали упорную героическую борьбу, удерживая свой район обороны. Командир батальона майор П. С. Шарапов умело руководил боем. Поредевшие подразделения всеми огневыми средствами истребляли фашистов. И только после того, как большая часть бойцов была убита или ранена, противник ценою огромных потерь ворвался в Боброво, а затем захватил и расположенный южнее населенный пункт Заслонина.

Но и этим врагу не удалось разъединить части 31-й стрелковой бригады и развить успех в направлении на Великие Луки. 3-й отдельный стрелковый батальон своим героическим сопротивлением дал возможность выиграть время и произвести перегруппировку частей. С левого фланга бригады был переброшен 4-й отдельный стрелковый батальон под командованием капитана А. Б. Смехова (замполит — старший политрук З. А. Шифрин), который в результате упорной обороны остановил противника. Большую помощь ему оказала подоспевшая штурмовая авиация, наносившая массированные удары по танкам и артиллерии врага. Наши истребители в воздушных боях сбили пять фашистских бомбардировщиков. Потери же

наземных войск гитлеровцев составили в тот день только убитыми до 2 тыс. солдат и офицеров, 34 уничтоженных танка, 2 броневика, 3 автомашины²⁸.

Стойкая и в конечном счете успешная оборона ярко показала высокий боевой дух личного состава 31-й стрелковой бригады, его верность воинскому долгу, беспредельную преданность Родине, Коммунистической партии. Коммунисты были на самых опасных участках, их мужество и бесстрашие вдохновляло всех воинов.

Огромный политический подъем, царивший в бригаде, нашел свое высшее выражение в массовом притоке заявлений о вступлении в Коммунистическую партию. И чем ожесточеннее были бои, тем больше было таких заявлений. Так, только 3 декабря в 1-м стрелковом батальоне было принято в партию десять человек. Один из них, красноармеец И. Н. Кочетков, в своем заявлении писал: «У меня убит брат, другой ранен. Я прошу принять меня в кандидаты партии. Буду мстить фашистским зверям за своих братьев. Если потребуется, отдам кровь и жизнь за нашу Советскую Родину»²⁹. Так было во всех батальонах. За шесть дней боев в бригаде вступило в партию 214 человек³⁰.

Враг не прошел. А во второй половине 3 декабря к востоку от Боброво развернулись подразделения 26-й стрелковой бригады.

Но не приходилось сомневаться в том, что вражеское командование готовилось к нанесению нового удара на Великие Луки. Нужно было принять все меры к его отражению. Особенно тревожил слабо прикрытый левый фланг 31-й стрелковой бригады. Его необходимо было усилить.

А в резерве, как уже сказано, оставалась лишь одна танковая бригада. Задействовать ее в столь сложной обстановке было бы неоправданным риском. Разумеется, нечего было и думать ни об ослаблении наших частей, окружавших Великие Луки, ни о переброске сил с левого фланга, где противник мог воспользоваться этим и возобновить контратаки. Наконец, нельзя было оттянуть и 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию, нанесшую к тому времени удар на Сурагино и наступавшую на Тройнево с целью выйти левее 18-й механизированной бригады.

Оставалось одно: выдвинуть для прикрытия левого фланга 21-й стрелковой бригады хотя бы один полк из состава войск, наступавших на Новосокольники.

Между тем обстановка в районе Новосокольников показывала, что и там наших сил было мало для достижения решительного успеха.

Выполняя поставленную задачу, 34-я механизированная бригада с танковым полком 43-й механизированной бригады прорвались к городу. Командир бригады полковник Н. Е. Краснов действовал весьма решительно. Свой танковый полк он направил для обхода

²⁸ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 50.

²⁹ Там же, ф. 1823, оп. 1, д. 28, л. 470.

³⁰ Там же, л. 477.

Новосокольников с юго-запада. Маневр был осуществлен успешно. Полк, с которым шел заместитель командира бригады по политчасти старший батальонный комиссар В. П. Ищенко, достиг Козлово. Его передовой танковый батальон овладел этим населенным пунктом, расположенным в 4 км западнее Новосокольников. Но дальнейшее продвижение наших танков было остановлено огнем штурмовых орудий противника. Их там оказалось до двух десятков. Батальон вынужден был отойти.

Сильным огнем противотанковых орудий с подготовленных позиций были встречены и главные силы бригады, наступавшие на южную окраину города. Подавить полностью вражескую артиллерию не удалось. Не смогли выполнить эту задачу и отважно действовавшие летчики 264-й штурмовой авиационной дивизии (командир — полковник Н. И. Оленев, заместитель по политчасти — полковник И. А. Завиденко), поддерживавшей наступление частей 2-го механизированного корпуса. Они во многом помогли нашим танкам и пехоте. Но сил атакующих явно было недостаточно, чтобы взломать прочную оборону врага. В результате наступление частей мехкорпуса приостановилось, а 381-я стрелковая дивизия не продвигалась совсем.

Докладывая об этом вечером 3 декабря, генерал И. П. Корчагин отметил, что, по данным разведки, оборонявшаяся в районе Новосокольников 3-я горнострелковая дивизия противника с многочисленными частями усиления получила новое подкрепление — еще один дивизион штурмовых орудий и два отдельных пехотных батальона. Для ее поддержки с воздуха вражеское командование бросило также крупные силы авиации.

Учитывая все это, а также очевидную для противника недостаточность наших сил в районе Новосокольников, следовало считаться с возникшей и здесь возможностью вражеского контрудара. Встретить его неподготовленными — означало бы угрозу целостности нашего фронта на этом направлении и объединение усилий 3-й горнострелковой дивизии с ударами 8-й танковой, продолжавшей рваться на выручку к великолукскому гарнизону. Этого можно было не допустить лишь при условии исключения всякой возможности прорыва противника к Великим Лукам.

Итак, вновь подтверждалась истина, что нельзя везде иметь превосходящие силы и что успех зависит от правильного сочетания, а нередко и чередования наступления с обороной. Выполнив ближайшую задачу наступательной операции армии, мы достигли и другой важной цели — привлекли на себя довольно значительные вражеские резервы. Соотношение сил изменилось в пользу врага. Значит, требовалось найти решение, которое позволило бы и при таких ухудшившихся условиях не только закрепиться на достигнутых рубежах, но и продолжать сковывать врага, уничтожать его силы и средства.

Единственно правильным в такой обстановке представлялось решение о переходе к обороне в районе Новосокольников. Тем самым можно было успешнее отразить возможный контрудар на этом направлении, а также перебросить отсюда хотя бы небольшую часть

сил против 8-й танковой дивизии. Следует подчеркнуть, что такое решение являлось, конечно, вынужденным. Оно отнюдь не означало отказа от овладения Новосокольниками. Выполнение этой задачи приходилось лишь отложить до того момента, когда освободятся силы на других участках.

После обмена мнениями с А. И. Литвиновым, И. С. Юдинцевым и И. П. Корчагиным я позвонил командующему фронтом, чтобы доложить свое решение о переходе к обороне под Новосокольниками. Но связаться с генералом М. А. Пуркаевым не удалось. Он был в одной из армий на левом крыле фронта. Поэтому решение было доложено генералу М. В. Захарову. Он согласился со мной, пообещав передать все командующему фронтом.

После этого полковник И. И. Серебряков, вернувшийся из 381-й стрелковой дивизии, записал боевое распоряжение 2-му механизированному корпусу о переходе к обороне южнее и юго-восточнее Новосокольников, а частям 381-й стрелковой дивизии — северо-восточнее города. Одновременно мною было приказано перебросить 1261-й стрелковый полк этой дивизии для прикрытия левого фланга 31-й стрелковой бригады.

Своевременность всех этих мер подтвердил весь ход дальнейших событий. Более того, пожалуй, 1261-й стрелковый полк 381-й стрелковой дивизии следовало даже немного раньше выдвинуть левее 31-й стрелковой бригады.

Именно по левому ее флангу нанесла удар утром 4 декабря 8-я танковая дивизия противника, к которой на автомашинах прибыло значительное подкрепление — эсэсовская пехотная бригада. Правда, теперь сил у нас здесь было больше, однако вражеским танкам и пехоте, не считавшимся с потерями, удалось к середине дня продвигнуться вперед на 4—5 км. Отсюда им оставалось не более 10—12 км до Великих Лук.

Но к этому времени в район прорыва форсированным маршем вышла и 36-я танковая бригада 2-го механизированного корпуса под командованием подполковника М. И. Пахомова (заместитель по политчасти — батальонный комиссар Ф. И. Чернов). Кроме того, 1261-й стрелковый полк 381-й стрелковой дивизии, переброшенный из района Новосокольников, уже успел занять оборону в районе Калининко, на шоссе Великие Луки — Насва. Наконец, и 1188-й стрелковый полк 357-й стрелковой дивизии был развернут между Калининко и Великими Луками, составив как бы третий эшелон наших войск на этом направлении.

Противник встретил непреодолимую оборону. В результате дальнейших ожесточенных боев, продолжавшихся несколько дней, 31-я стрелковая бригада совместно с 36-й танковой и 26-й стрелковой бригадами при непрерывной поддержке нашей авиации огнем и контратаками остановили в районе северо-западнее Калининко 8-ю танковую дивизию и действовавшие с ней эсэсовскую бригаду и ряд частей усиления. Дальнейшие попытки врага прорваться на юго-восток не имели успеха.

Больше того, 7 декабря 36-я танковая бригада совместно с полком 381-й стрелковой дивизии успешно контратаковали левый фланг 8-й танковой дивизии. Одновременно части 26-й стрелковой бригады перешли в контратаку на ее правом фланге. После упорных боев к 10 декабря наши части отбросили противника на 3—4 км, овладев населенными пунктами Кузнецово, Ряднево, Шатилово, Сухорецкие³¹.

Контрудар, на который вражеское командование возлагало большие надежды, был окончательно сорван. Понеся очень большие потери в личном составе и танках, противник перешел к обороне.

В известной мере оправдались и предположения о его намерениях в районе Новосокольников. Здесь уже на следующий день после перехода к обороне наши части подверглись сильным ударам врага, пытавшегося отбросить их от города. Но бригады 2-го механизированного корпуса были теперь к этому подготовлены. Заблаговременно заняв указанные им рубежи, они в течение пяти дней вели упорные оборонительные бои.

Особенно сильные удары наносил противник с 10 по 13 декабря. Так, 10 декабря он 30 танками с пехотным полком атаковал правый фланг 18-й механизированной бригады на узком участке в 4 км юго-восточнее Новосокольников. Бригада выстояла, нанеся врагу большие потери. На следующий день гитлеровцы такими же силами, но уже при поддержке артиллерии и авиации, обрушились на ее левый фланг. После ожесточенного боя командир бригады был вынужден отвести ее левофланговые подразделения от Тройнево. Но дальше противник не смог продвинуться.

Еще менее успешными были его атаки против 34-й механизированной бригады. Понеся большие потери и не добившись своей цели, он и на этом направлении вновь перешел к обороне.

Таким образом, к 10—13 декабря войска 3-й ударной армии разгромили противника западнее и юго-западнее Великих Лук, хотя продвинулись вперед всего на 20—25 км. При этом была окружена и уничтожена ширипинская группировка и полностью окружен гарнизон Великих Лук, на флангах отражены контрудары, предпринятые силами крупных вражеских резервов. Тем самым основная задача, поставленная армии, была выполнена.

Этот период Великолукской операции, особенно после прорыва обороны противника и подхода его оперативных резервов, характерен одновременным возникновением в полосе наступления армии нескольких крупных и важных очагов борьбы. Каждый из них требовал пристального внимания. Поэтому перед командованием армии встала довольно сложная задача — постоянно выделять из этого сложного, порой запутанного и противоречивого комплекса отдельных сражений те, которые являлись для данного момента решающими. На них надо было сосредоточить все внимание и основные усилия войск.

³¹ Архив МО СССР, ф. 243, оп. 2002, д. 860, л. 51.

С данным обстоятельством непосредственно связана особенность действий армии, состоявшая в широком маневре соединениями и частями. Так, полки 384-й стрелковой дивизии перебрасывались из-под Великих Лук к Новосокольникам, а затем на правый фланг ударной группировки войск. Широко осуществлялся маневр частями в 9-й гвардейской и в 28-й стрелковых дивизиях. Это компенсировало в какой-то степени нехватку резервов. Последние же быстро выдвигались на наиболее важные участки боевых действий.

Другая примечательная черта тех дней, особенно начиная с первых чисел декабря,— сочетание наступательных и оборонительных действий войск на широком фронте с подготовкой второго этапа операции. В ходе его нам предстояло выполнить две взаимосвязанные задачи: отразить дальнейшие попытки прорыва противника с запада к Великим Лукам и освободить этот город, разгромив оборонявшуюся в нем вражескую группировку.

Подготовка к новому удару

Окружение немецко-фашистских войск в Великих Луках и на подступах к городу было закончено, как уже показало, еще 29 ноября. В последующие два дня кольцо вокруг города продолжало сжиматься. Но в дальнейшем, встретив упорное огневое сопротивление на хорошо оборудованных позициях, окружившие город части 357-й и 257-й стрелковых дивизий перешли к обороне. Надо было провести тщательную разведку, вскрыть огневую систему противника, установить его численность.

Первые сведения о составе вражеского гарнизона мы получили 30 ноября. В тот день мне позвонил командир 257-й стрелковой дивизии полковник А. А. Дьяконов. Он доложил, что захвачено несколько пленных из 83-й пехотной дивизии, сообщивших, что ее командир генерал-лейтенант Шерер возглавляет великолукский гарнизон. От них также стало известно, что в городе сосредоточены значительные силы этой дивизии и большое количество отдельных частей. Более подробные сведения были получены к 2 декабря от пленных, взятых нашими частями, окружившими Великие Луки, а также из штабных документов противника.

В результате было установлено, что общая численность окруженного в Великих Луках гарнизона достигала 8—9 тыс. человек, располагавших 100—120 артиллерийскими орудиями различных систем, 10—15 танками и штурмовыми орудиями.

В его состав входили следующие части и подразделения 83-й пехотной дивизии: 277-й пехотный полк, батальон 251-го пехотного полка с ротой танков, батальон 257-го пехотного полка, саперный батальон, дивизион противотанковой артиллерии, два дивизиона 183-го артиллерийского полка, велосипедный эскадрон, рота штурмовых орудий, часть тылов. Кроме того, в городе оборонялись 336-й и 343-й отдельные охранные батальоны, дивизион 270-го и батарея 736-го

Саперы режут проволочное заграждение

дивизиона тяжелых артиллерийских полков резерва главного командования, 17-й дивизион артиллерийской инструментальной разведки, дивизион 13-го химического полка шестиствольных минометов, зенитно-артиллерийский дивизион, батальон связи, железнодорожный батальон, большое количество различных тыловых частей и подразделений³². Почти все специальные и тыловые подразделения действовали в качестве пехоты.

Приступить к немедленной ликвидации окруженного великолукского гарнизона не позволяла сложившаяся к тому времени на фронте армии обстановка. Больше того, развернувшиеся в первой неделе декабря бои северо-западнее города, а также в районе Новоскольников, заставили даже снять из-под Великих Лук 381-ю стрелковую дивизию. Оставлены там были лишь 257-я и 357-я стрелковые дивизии, насчитывавшие к тому времени не более чем по 2,5 тыс. активных бойцов³³.

По возможности мы их пополняли, поставив задачу наряду с блокированием города, ведением огневых боев и усиленной разведки готовиться также к штурму Великих Лук, что они и делали.

Особенно энергично взялся за это дело командир 257-й стрелковой дивизии полковник А. А. Дьяконов. Здесь в стрелковых батальонах сформировали и обучили пять штурмовых отрядов, состоявших из лучших, отличившихся в боях воинов, среди которых было много коммунистов и комсомольцев. Они усиливались орудиями сопровождения и 1—2 танками. Каждый отряд разбивался на пять групп. В одну из них входили шесть разведчиков, имевших при себе автоматы, дымовые шашки и гранаты. Группа штурма насчитывала 25 человек. В ней имелись 2 бойца с дымовыми гранатами, а кроме того 10 стрелков, расчет ручного пулемета, 10 саперов с зарядами тола, ножницами для резки проволоки и лестницами. Группа обеспечения состояла из 40 человек, вооруженных двумя ручными и одним станковым пулеметами, тремя 50-мм минометами, одним ампулометом. В ее состав входили и 17 стрелков. Группа закрепления имела десять стрелков, несколько саперов и расчет противотанкового ружья. Группу резерва составляли пять-шесть бойцов. А всего каждый такой отряд насчитывал 90—100 человек³⁴.

В тылу дивизии был построен снежный штурмовой городок с различными препятствиями, где полковник А. А. Дьяконов по очереди обучал свои штурмовые отряды. Но хотя он по-прежнему считал, что городом можно овладеть малыми силами, нанеся без артиллерийской подготовки внезапный ночной удар, этот план нельзя было признать реальным. Ведь вражеский гарнизон был весьма многочисленным, опирался на целую систему мощных укреплений и, будучи уверен в помощи извне, явно намеревался обороняться с большим упорством. Следовательно, подготовка к штурму Великих Лук требовала

³² Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 43.

³³ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 141, л. 20.

³⁴ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 52.

достаточных сил, которых мы пока не имели. В последующие дни, однако, возникла возможность вплотную заняться этими приготовлениями в должном масштабе.

1 декабря из информации штаба фронта стало известно, что операция «Марс» на левом крыле не получила ожидавшегося развития. 22-я и 39-я армии сумели добиться лишь незначительного продвижения. 41-я армия вышла восточнее дороги Белый — Холм-Жирковский, но подверглась сильному контрудару на фланге и фактически приостановила наступление³⁵. Не имели успеха и армии Западного фронта³⁶.

При таких условиях Военный совет нашей армии считал, что 8-й эстонский стрелковый корпус, прибывший, как нам стало известно, в резерв фронта и сосредоточившийся в районе Торопца, целесообразнее всего было бы использовать на великолукском направлении. Не вызывало сомнений, что ввод его в бой на левом крыле фронта, где действовали три армии, как говорится, погоды не сделает. Передача же корпуса 3-й ударной армии позволяла нам создать резерв в составе двух его дивизий, а третью использовать совместно с 257-й и 357-й для штурма Великих Лук. В этом случае можно было усилить и наши части, наступавшие тогда на Новосokolьники, перегруппировав туда все бригады 2-го механизированного корпуса.

В тот же день по ВЧ я доложил эти соображения командующему фронтом. Генерал М. А. Пуркаев одобрил предложенный замысел. О передаче нам 8-го эстонского стрелкового корпуса он обещал сообщить несколько позднее. Прошло пять дней. Наши части под Новосokolьниками перешли к обороне. На правом фланге шли ожесточенные бои с 8-й танковой дивизией противника. И вот 6 декабря позвонил генерал М. А. Пуркаев.

— Вам передается 8-й эстонский стрелковый корпус. Полагаю, что часть его сил целесообразно использовать для ликвидации противника, окруженного в Великих Луках. Корпус подойдет к вам 9 декабря.

В тот же день был получен соответствующий приказ командующего фронтом³⁷.

Сразу же после этого приступили к разработке плана штурма Великих Лук. Начали с рассмотрения последних данных об обороне противника в городе и на подступах к нему.

Подполковник И. Я. Сухацкий принес карту, на которой были показаны вскрытые нашей разведкой вражеские оборонительные сооружения. Он доложил, что в систему великолукского узла обороны входит не только город, но и ряд окрестных населенных пунктов. Основной рубеж обороны, на котором фронт противника был сплошным, проходил по примыкающим к городским окраинам и железнодорожному узлу поселкам Зенцы, Курьяниха, Гнилка, Шутова, Али-

³⁵ Там же, ф. 311, оп. 4495, д. 23, лл. 3, 4.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, ф. 509, оп. 127100, д. 3, л. 34.

городов, Ново-Селенино, Таращанка, Мишнев-Бово, Безымянный, совхоз Богдановский. Все они были приспособлены к круговой обороне и связаны между собой огнем. Кроме огневых точек, оборудованных в различных постройках, здесь имелось много блиндажей и дзотов с покрытием в 3—4 наката бревен толщиной 30—40 см.

С северо-запада все подступы к Великим Лукам прикрывал опорный пункт на высоте 129,2, господствовавший над окружающей местностью, с юга — дер. Никулино и совхоз Богдановский, расположенные на возвышенности и также превращенные в опорные пункты. Как было установлено после освобождения города, построенные здесь дзоты выдерживали прямые попадания снарядов 152-мм гаубиц-пушек, а окопы в траншеях для стрелков были защищены броневыми плитами. Оборонительные сооружения дополнялись большим количеством препятствий — минных полей и проволочных заборов.

— Внутри города, — продолжал И. Я. Сухацкий, — гитлеровцы приспособили к длительной обороне крепость, железнодорожный узел, а также тактически выгодно расположенные крупные каменные здания — церкви, заводы и фабрики, школы, бани, жилые дома. Все подвальные помещения оборудованы для стрельбы из минометов и артиллерийских орудий. Угловые дома превращены в блокгаузы, и из них простреливаются прилегающие улицы. На чердаках высоких зданий и церквей оборудованы наблюдательные пункты и пулеметные гнезда.

— Есть какие-либо новые данные о группировке противника?

— Нет. По показаниям пленных, гарнизон ожидает помощи и пока получил задачу упорно обороняться. Вчера один из пленных рассказывал, что командир 83-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Шерер улетел из Великих Лук на самолете, оставив за себя начальником гарнизона командира 277-го пехотного полка подполковника фон Засса. Пообещал пробиться с остальными силами дивизии в город.

Эти показания следовало, конечно, учесть. Ведь теперь, когда контрудар противника с северо-запада был нами сорван, вражеское командование могло попытаться повторить его, например, с юга или юго-запада, перегруппировав свои войска. Значит, эти направления и требовалось усилить дивизиями прибывающего 8-го эстонского стрелкового корпуса, использовав часть его сил и для участия в овладении Великими Луками.

— Для штурма города совместно с 257-й и 357-й, вероятно, можно предназначить 7-ю стрелковую дивизию эстонского корпуса, — заметил генерал И. С. Юдинцев. — Она у него наиболее укомплектованная, имеет около 10 тыс. человек, вооружена по штату.

Предложение было принято. Задачу же названной дивизии следовало определить с учетом того, что она еще не имела достаточного опыта и впервые должна была участвовать в боях. Так и решили. Дело в том, что намечалось нанести по великолукскому гарнизону два удара: главный с северо-запада и запада с целью расколоть силы противника и тем самым облегчить последующее их уничтожение, а также вспомогательный — с юга. Первый из них предполагалось

осуществить частями 257-й и 357-й стрелковых дивизий. В связи с этим мы решили, что свои позиции на восточной и южной окраинах они сдадут 7-й стрелковой дивизии эстонского корпуса, которая и нанесет одним полком вспомогательный удар.

Остальные две дивизии этого корпуса оставались в резерве, причем они должны были расположиться к западу и юго-западу от города, усилив таким образом внешний фронт окружения. Начать штурм решили 12 декабря, предварительно проведя смену войск и завершив их подготовку.

На основе этого решения к 7 декабря был разработан план боевых действий по овладению Великими Луками и разгрому вражеского гарнизона.

Общий замысел сводился к тому, чтобы двумя упомянутыми ударами разрезать гарнизон на две, а при возможности и три части, после чего уничтожить их порознь. 257-я стрелковая дивизия с 10 танками Т-34 должна была овладеть северо-западным районом города до р. Ловать, а в дальнейшем развивать наступление через центральные улицы к железнодорожной станции. Правее предстояло действовать 357-й стрелковой дивизии с 12 танками Т-34 и 3 танками КВ. Она получила задачу с рубежа Золотниково, Рыбики наступать в направлении крепости, а после овладения западной частью Великих Лук — к центру города, где соединиться с 257-й стрелковой дивизией. Последняя усиливалась минометным полком и двумя батареями пушечного артиллерийского полка и, таким образом, имела 154³⁸, а 357-я (она была усилена тремя артиллерийскими дивизионами) — 202 орудия и миномета³⁹. 7-й стрелковой дивизии эстонского корпуса, располагавшей 179 орудиями и минометами, отводилась вспомогательная роль: левофланговым полком нанести удар с юга на участке совхоз Богдановский, р. Ловать по центральной части города навстречу дивизиям, наступавшим с запада, а главными силами активно сковывать противника на остальном фронте восточнее города⁴⁰.

Для штурма города была создана армейская артиллерийская группа в составе двух пушечных артиллерийских дивизионов (18 орудий) и девяти дивизионов РС («катюш»). Ее основная задача заключалась в борьбе с артиллерией и минометами противника. Значительную часть дивизионной артиллерии включили в состав штурмовых отрядов для поддержки их действий и стрельбы прямой наводкой. Всего артиллерийская группировка войск, предназначенных для захвата города, насчитывала 566 орудий и минометов различных калибров⁴¹.

Артиллерийская подготовка штурма должна была продолжаться 2 часа 15 минут. Предполагалось нанести также в ночь перед атакой бомбовый удар с воздуха по опорным пунктам противника в

³⁸ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 123, л. 158.

³⁹ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 31, л. 10.

⁴⁰ Там же, л. 8.

⁴¹ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 123, лл. 156, 159.

центральной и западной частях города, а наступление войск поддерживать штурмовой авиацией.

9 ноября начали прибывать части 8-го эстонского стрелкового корпуса. В тот же день его командир генерал-майор Л. А. Пэрн с заместителем по политчасти полковым комиссаром А. А. Пуста приехали на командный пункт армии. Докладывая Военному совету о состоянии корпуса, они рассказали и историю его формирования.

Надо сказать, что создание этого корпуса было одним из ярких проявлений единства народов нашей Родины в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В Красной Армии тогда были и другие национальные соединения. С одним из них — 201-й латышской стрелковой дивизией — мне, как уже знает читатель, довелось встретиться на фронте в феврале 1942 г. И я сохранил глубокое уважение и искреннее восхищение беззаветной храбростью и самоотверженностью воинов-латышей во главе с командиром и комиссаром дивизии полковником Г. Г. Паэгле и полковым комиссаром Э. Д. Бирзитом. Несколько забегаая вперед, отмечу, что столь же мужественно, смело сражался и личный состав прибывших в 3-ю ударную армию эстонских дивизий.

Пока же мы с интересом слушали рассказ генерал-майора Л. А. Пэрна и полкового комиссара А. А. Пуста. Полагаю, целесообразно передать здесь хотя бы кратко то, что я тогда узнал от них, а впоследствии — из документов и других источников.

Эстонская ССР, как известно, была в начале войны захвачена врагом, установившим на ее территории режим террора и насилия. Здесь, как и на всей временно оккупированной советской земле, патриоты социалистической Родины вели самоотверженную борьбу против оккупантов. Под руководством ЦК КП(б) Эстонии действовали многочисленные партизанские отряды. Тысячи эстонцев храбро сражались в составе действующих войск Красной Армии. Настойчиво стремились на фронт и многие их соотечественники, сумевшие вырваться с оккупированной территории.

По их просьбе ЦК КП(б) Эстонии и Совнарком республики 24 октября 1941 г. обратились к Председателю Государственного Комитета Обороны СССР И. В. Сталину с просьбой разрешить формирование эстонского войскового соединения Красной Армии — дивизии. Они сообщали, что для ее укомплектования имелось не менее 18 тыс. эстонцев. Командиром дивизии предлагалось назначить заведующего военным отделом ЦК КП(б) Эстонии подполковника К. Кангера⁴².

Идя навстречу этим пожеланиям, Государственный Комитет Обороны СССР принял 18 декабря 1941 г. постановление о создании эстонской дивизии Красной Армии. Сформировать ее было решено на территории Уральского военного округа⁴³. В ходе выполнения

⁴² Л. А. Ларин. Эстонский народ в Великой Отечественной войне. Таллин, 1964, стр. 116.

⁴³ Там же.

Л. А. ПЭРН

И. Я. СУХАЦКИЙ

этого постановления выяснилось, что одной дивизии недостаточно для использования имевшегося количества личного состава. И 19 мая 1942 г. партийные и государственные органы Эстонии обратились за разрешением сформировать эстонский стрелковый корпус, включив в его состав одну из гвардейских стрелковых дивизий, уже имеющую боевой опыт, на которую могли бы равняться эстонские дивизии. Просьба была удовлетворена.

— И вот мы здесь, — улыбаясь, сказал генерал Л. А. Пэрн.

Он доложил, что корпус прибыл в составе трех дивизий и частей усиления. Его 19-я гвардейская стрелковая дивизия имела около 10 тыс. человек, 7-я и 249-я эстонские с 85-м артиллерийским, 45-м танковым и запасным полками — 27 311 человек⁴⁴. Полковой комиссар А. А. Пуста добавил к этому, что высокое политико-моральное состояние личного состава позволило в сравнительно короткий срок провести формирование и обучение корпуса. Во всех ротах и батареях успешно работали партийные и комсомольские организации, ряды которых быстро росли за счет лучших воинов. В частности, только в двух эстонских дивизиях насчитывалось 1374 члена и кандидата в члены партии, 2799 комсомольцев⁴⁵.

Начав рассказывать о том, с каким большим подъемом принимали воины корпуса присягу, А. А. Пуста вынул из полевой сумки пачку газет.

⁴⁴ Архив МО СССР, ф. 1175, оп. 133214, д. 1, л. 20.

⁴⁵ Там же, ф. 509, оп. 127133, д. 2, л. 16.

— Лучше прочитаю вам описание этого момента, сделанное в нашей газете «Красноармеец». Она издается в 7-й стрелковой дивизии на эстонском языке, но я буду переводить на русский. Вот хотя бы эту выдержку: «На лесной просеке стоят в два ряда командиры. Громко читают они текст военной присяги, подписывают и возвращаются в строй. Четырехугольником выстроились полки 7-й дивизии. Бойцы принимают военную присягу. Тысячи людей повторяют как один: «Я клянусь...» Молча наблюдают старые сосны за суровым воинским праздником. В вековых русских лесах сыны эстонского народа собирают силы для новой борьбы. В душе каждого бойца горячая любовь к своей Родине, жгучая ненависть к оккупантам...» А вот письмо, которое в день вручения боевых знамен частям воинского корпуса направили М. И. Калинин. «Клянемся вам, дорогой Михаил Иванович, свято хранить и держать в чистоте это Красное боевое знамя. В победных боях пронесем его сквозь горнило Отечественной войны... как символ нерушимой дружбы русского и эстонского народов».

Беседа всех нас взволновала. Ознакомившись с обстановкой и задачей, поставленной корпусу, Л. А. Пэрн и А. А. Пуста вскоре поднялись, чтобы выехать в 7-ю стрелковую дивизию, выдвигавшуюся в район сосредоточения. Они пригласили и меня посмотреть части на марше.

Поехали мы вместе. Дивизия выдвигалась в район Ушицы, расположенной в 18—20 км к востоку от Великих Лук. На подходе к Ушице мы ее и увидели. Машина медленно обгоняла колонну рослых крепких бойцов в новеньком зимнем обмундировании, в валенках. Стрелковые подразделения имели на вооружении винтовки, в том числе самозарядные карабины, а некоторые — автоматы, противотанковые ружья — все последнего выпуска. Станковые пулеметы и минометы были установлены на специально приспособленных повозках. В походных колоннах двигалась артиллерия на конной тяге, включая и 122-мм гаубицы. Тракторы тащили 122-мм пушки и 152-мм гаубицы-пушки корпусного артиллерийского полка.

Вспомнилось, что мне уже доводилось видеть одну эстонскую дивизию, располагавшуюся в 1940 г. недалеко от 24-й Железной, которой я тогда командовал. И вот теперь, глядя на 7-ю эстонскую стрелковую дивизию, я с удивлением видел, что ее огневая мощь в пять-шесть раз больше, чем у той, довоенной.

Словом, выглядела дивизия весьма внушительно. Это впечатление усиливалось четким походным порядком, подтянутостью бойцов и командиров. С некоторыми из них я тут же поговорил и убедился, что они прошли хорошую подготовку в период учебы. Командиры обнаружили отличную осведомленность относительно действий в современном бою, бойцы продемонстрировали хорошее знание оружия. Чувствовались также высокая дисциплина, организованность подразделений. И действительно, как я вскоре узнал из документов, пове-

⁴⁶ «Punaväelane», 18.IV 1942 г.

рочная комиссия Военного совета Московского военного округа перед отправкой корпуса на фронт определила, что 78,3% его личного состава подготовлено отлично и хорошо⁴⁷.

Свое впечатление я высказал Л. А. Пэрну и А. А. Пуста, а также подошедшим представиться командиру дивизии полковнику А. А. Василь и его заместителю по политчасти старшему батальонному комиссару А. И. Рауду. При всем этом нельзя было забывать, что эстонским частям еще только предстояло боевое крещение. Почти две трети из командного состава, 8 из каждых 9 сержантов и 92,5% рядовых, как доложил генерал Пэрп, пока «не нюхали пороха»⁴⁸.

Поэтому представлялось правильным ранее принятое решение об использовании их сначала на вспомогательном направлении с тем, чтобы они постепенно приобрели боевой опыт.

На следующий день 7-я эстонская стрелковая дивизия сменила часть сил 257-й и 357-й на восточной и южной окраинах Великих Лук. Две другие дивизии прибывшего корпуса сосредоточивались западнее города. В частности, 249-я под командованием полковника А. И. Сауэселъг (заместитель командира по политчасти — старший батальонный комиссар Н. Г. Пуусепи) заняла оборону за боевыми порядками 381-й на рубеже Заречье, Калинин, оз. Кислое, а 19-я гвардейская — на рубеже Креплянка, Федьково, Марково, Тележниково⁴⁹.

Таким образом, войска заняли исходное положение. Для завершения подготовки к штурму оставалось менее двух суток. Потом этот срок увеличился еще на один день, так как из-за сплошного тумана, полностью исключившего возможность эффективных действий артиллерии и авиации, пришлось перенести начало штурма на 13 декабря. Это время было использовано с максимальной нагрузкой. Командиры дивизий еще 11 декабря согласовали детали взаимодействия в соответствии с боевым приказом. Все предназначенные для штурма войска, каждый воин знали свою задачу и были готовы к ее выполнению.

⁴⁷ Архив МО СССР, ф. 509, оп. 127133, д. 2, л. 15 н/об.

⁴⁸ Эти данные о состоянии 8-го эстонского стрелкового корпуса фигурируют и в послевоенной исторической литературе (см.: П. А. Ларин. Указ. соч., стр. 134).

⁴⁹ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 143, л. 60.

Отражение контрудара. Штурм Великих Лук

Прорыв в город

В частях и подразделениях царил высокий наступательный порыв. Этому в немалой степени способствовала хорошо поставленная политическая работа. Командиры и политработники, все коммунисты и комсомольцы разъясняли значение предстоящих действий по освобождению Великих Лук и разгрому оборонявшейся в городе вражеской группировки. Огромное воодушевление вызвала читка последних сводок Совинформбюро об успехах советских войск под Сталинградом.

Наши воины особенно гордились тем некоторым сходством, которое они находили — разумеется, с учетом различных масштабов — между своими задачами под Великими Луками и грандиозной операцией по ликвидации 330-тысячной армии Паулюса. И в какой-то мере это сравнение было оправдано, хотя здесь, под Великими Луками, советские войска окружили сравнительно небольшую группировку противника. Так или иначе, Сталинград уже тогда стал для всех советских воинов синонимом победы, вдохновлявшим на еще большие усилия в борьбе с врагом. Это определяло и воодушевление, наступательный порыв войск нашей армии, готовившихся к штурму.

Высокий пафос борьбы в сочетании с конкретными задачами воинов звучал и в отданных им боевых приказах. Так, командир 257-й стрелковой дивизии полковник А. А. Дьяконов писал, обращаясь к личному составу частей и подразделений:

«Славные бесстрашные стрелки! Вы должны скрытно сосредоточиться для атаки, в процессе артподготовки ближе подползти к объекту атаки и, пользуясь дымовыми гранатами и дымовыми пашками, молниеносным броском ворваться в здание. Помните, что противнику легче поразить того, кто будет лежать перед зданием долго или топтаться на месте...

Герои штурмовых отрядов! Вам первым вместе с танками предстоит ворваться в город и проложить дорогу всем. От вас зависит судьба штурма... Помните: смелость, отвага, быстрота сломят все препятствия...

Командиры! От вас зависит все. Командуйте четко своими подразделениями. Показывайте пример храбрости, смекалки, и вы заслужите славу.

За нашу прекрасную Родину, за великое дело Ленина — вперед на штурм, боевые друзья!»

Хотя начало штурма и было отложено на сутки, утро 13 декабря вопреки ожиданиям также выдалось туманное.

— Могут ли самолеты действовать хоть небольшими группами? — спрашивая находившегося на наблюдательном пункте генерал-майора авиации Н. Ф. Панивина.

— Вряд ли, — отвечает он. — Сейчас позвоню командующему воздушной армией.

Вернувшись через несколько минут, он ничем нас порадовать не мог: генерал М. М. Громов передал, что пока ни одного самолета выпустить нельзя.

Советуюсь с генералами А. И. Литвиновым и И. С. Юдинцевым.

— Противник уже обнаружил наши войска на исходных позициях, — говорит А. И. Литвинов. — Больше откладывать начало штурма нельзя. Да и войска не стоит расхолаживать. Может быть, завтра погода будет еще хуже.

Начальник штаба армии придерживается такого же мнения:

— На внешнем фронте противник упорно контратакует 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Обстановка там может усложниться. Откладывать больше нельзя.

— Как с готовностью артиллерии? — обращаюсь к генералу И. С. Стрельбицкому.

— Артиллерия готова. Корректировка огня крайне затруднена, но цели у нас пристреляны.

Принимаю решение начинать, надеясь, что туман и нам кое в чем поможет: прикроет пехоту от прицельного огня противника.

В 10 часов прогремел залп тяжелых реактивных минометов РС. За ним артиллерия и минометы открыли шквальный огонь по переднему краю противника, а вскоре и по его оборонительным сооружениям. В 12 часов последовал заключительный мощный 15-минутный налет всей артиллерии, после чего она перенесла огонь в глубину, к окраине города.

И сразу же двинулись в атаку танки. Каждый из них тащил за собой своеобразный прицеп с десантом — тяжелые сани, на которых были установлены высокие деревянные сооружения в виде треугольника. Они имели двойные степки, между которыми плотно лежали камни и песок и предохраняли находившихся внутри десантников — группы пехоты с пулеметами — от пуль и осколков снарядов и мин¹. Такие сани и прежде успешно применялись нашими войсками в зимних боях на некоторых участках фронта. Теперь этот опыт пригодился и под Великими Луками.

¹ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 59.

За танками устремились вперед штурмовые отряды, затем главные силы атакующих батальонов. Все звуки боя перекрывал неумолчный грохот артиллерии. Но с нашего наблюдательного пункта были хорошо видны частые вспышки выстрелов танковых пушек, красноты огоньки ружейно-пулеметного огня. Сначала атакующие двигались быстро. Танки и орудия сопровождения безостановочно пробивали путь пехоте, наступающей перебежками.

Но вскоре продвижение замедлилось. Части продолжали идти вперед, однако уже не столь стремительно. Ясна и причина: резко усилился артиллерийский и пулеметный огонь противника.

К тому же в ходе нашей артподготовки не удалось полностью разрушить оборонительные сооружения, состоявшие из проволочных заграждений, минных полей, рвов и эскарпов, дзотов и блиндажей. Часть их пришлось преодолевать танкам и сопровождающей артиллерии. Важную роль при этом сыграли действия штурмовых групп, уничтожавших вражеские укрепления. Захваченные позиции закрепляли стрелковые роты, следовавшие сразу же за штурмовыми отрядами.

Когда атакующие достигли города, темпы продвижения стали еще меньше. Да это и не удивительно: начались ожесточенные уличные бои за каждый квартал, за каждое здание, превращенное гитлеровцами в огневую точку.

Первым доложил командиру 257-й стрелковой дивизии полковник А. А. Дьяконов: «Штурмовые отряды ворвались на окраину, продвигаются вперед». Связываюсь с ним по телефону:

— Значит, первую линию прорвали?

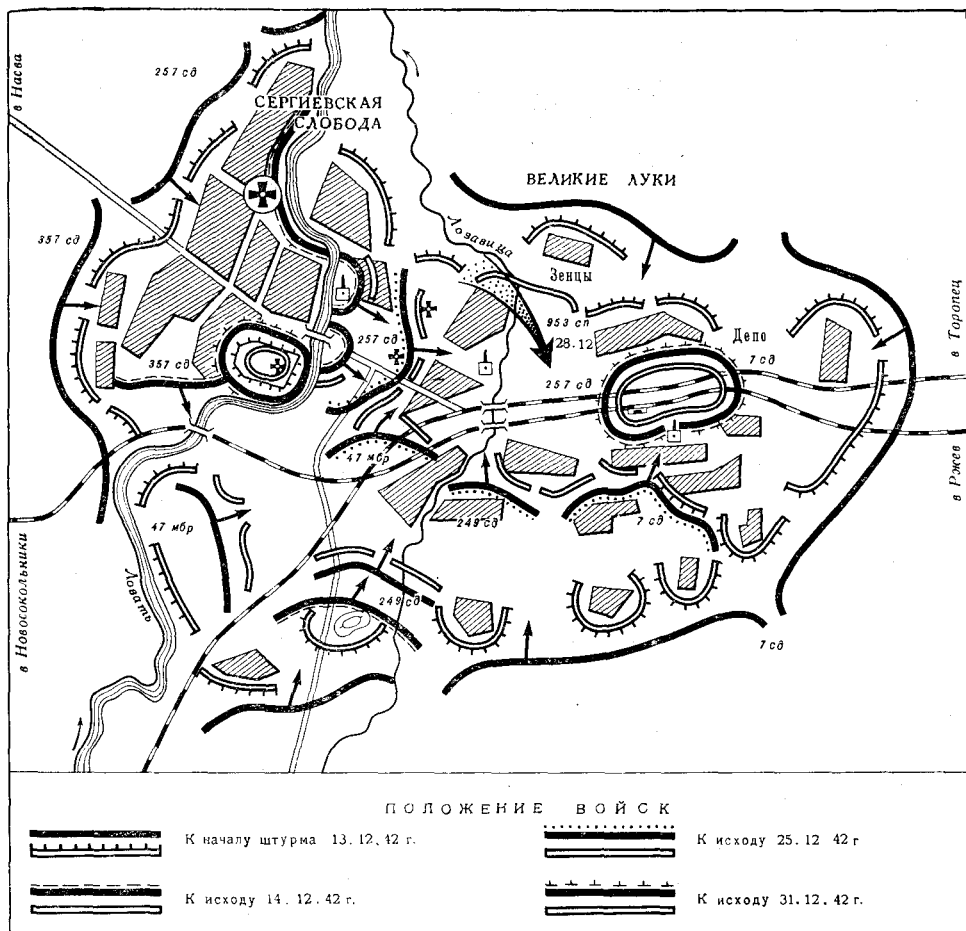
— Прорвали. Сейчас полки ведут бой в городе. Пробивают себе дорогу орудиями сопровождения. Противник упорно сопротивляется в каждом доме. В ход пошли гранаты, местами идут рукопашные схватки. За штурмовыми отрядами двигаются стрелковые роты.

Поскольку упорное сопротивление встретили обе дивизии, нанесявшие главный удар, следовало принять решение на тот случай, если одна из них начнет отставать от другой. Поэтому, в частности, полковнику А. А. Дьяконову приказал:

— Прежде всего выходите к реке. Если же справа от вас отстанет 357-я — наносите удар на юго-восток. Этим вы поможете ускорить и ее продвижение.

Затем позвонил командиру 357-й стрелковой дивизии полковнику А. Л. Кронику. Он получил указание в случае необходимости содействовать левому соседу ударом на северо-восток.

Бои принимали все более напряженный характер. На участке 257-й стрелковой дивизии первым ворвался в город штурмовой отряд 3-го батальона 953-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Ф. В. Денисова. Имея два танка и несколько орудий сопровождения, он завязал бой на Коломенской улице. Здесь пример мужества и бесстрашия показал парторг роты сержант Винатовский. Увлекая за собой в атаку бойцов, он вместе с ними решительно выбивал гитлеровцев из их укрытий. Над первым же отвоеванным у про-

Ход боевых действий при штурме Великих Лук

тивника домом сержант Винатовский укрепил красный стяг. Отважные бойцы очистили от врага несколько зданий. Сержант Винатовский пал смертью храбрых. Память о герое и поныне свято хранят жители Великих Лук. Улицу, на которой началось освобождение города, они называли именем Винатовского.

В упорном бою гитлеровцам удалось подбить оба танка, но остановить отряд старшего лейтенанта Денисова они не смогли. Продвигавшиеся впереди автоматчики Амурлаев, Бекричев, Гальмьяров и Говорков во главе с младшим сержантом А. Д. Сергеевым атаковали пулеметный дзот, преграждавший путь отряду. В амбразуры полетели гранаты, дзот был уничтожен. Тогда из-за горящего дома навстречу отряду выдвинулись два фашистских танка, на ходу стреляя

Уличный бой в Великих Луках

из пушек и пулеметов. Но в следующую же минуту оба они были подбиты. Это быстро и метко сработали артиллеристы батареи старшего лейтенанта М. А. Подкосова. И отряд вновь пошел вперед.

Так дом за домом отвоевывали наши воины у врага. Более того, ожесточенные схватки вспыхивали на каждом этаже, в подвалах и на чердаках. Выбитые из зданий гитлеровцы тут же занимали позиции в траншеях, которыми они заранее изрыли весь город. Особенно упорные бои шли на перекрестках улиц, простреливаемых врагом со всех сторон. Наконец, оказалось что и между домами проделаны ходы сообщения, позволявшие обороняющимся маневрировать силами.

Какая отвага и самоотверженность требовались, чтобы громить врага в этих исключительно сложных условиях! Поистине массовый героизм проявляли части, штурмовавшие город. Например, командир одного из штурмовых отрядов старший лейтенант В. Я. Кобылин, даже будучи ранен, не покинул поля боя, продолжал руководить действиями своих подразделений. Таких примеров множество.

Преодолевав отчаянное сопротивление противника, части 257-й стрелковой дивизии в результате четырехчасового боя овладели северо-западной частью города и блокировали врага, упорно оборонявшегося в монастыре, расположенном в Сергиевской Слободе. Их успешные действия способствовали быстрейшему продвижению и 357-й стрелковой дивизии, которая в начале штурма оказалась скована

организованным огнем противника. Теперь и она ускорила наступление, с боями овладев несколькими западными кварталами города.

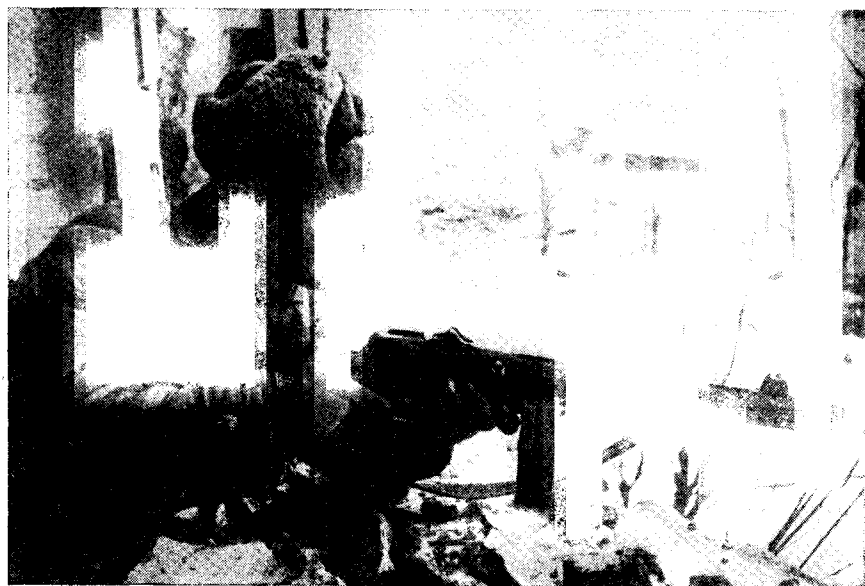
Взламывая оборону гитлеровцев, 357-я стрелковая дивизия также весь день вела бои за каждый дом, этаж, враг же предпринимал здесь одну за другой контратаки. Успешно отбивая их, воины дивизии громили фашистов, вынуждая их оставлять свои позиции. В ходе боев бывало и так, что некоторые объекты, за которые враг держался особенно упорно, по нескольку раз переходили из рук в руки. Но в конечном итоге ими прочно овладевали наши подразделения.

Так, искусно проникая через дворы и проломы в заборах, штурмовые группы 2-го батальона майора М. Ф. Яковлева из 1190-го стрелкового полка проложили дорогу танкам и вместе с ними, преодолев всевозможные заграждения, продвинулись по ул. Круглой на юго-восток.

Следовавшие за ними подразделения были задержаны противником на перекрестке двух улиц. Командир полка майор П. Ф. Корниенко приказал штурмовому отряду лейтенанта Н. П. Сабинина атаковать угловое здание и блиндажи вокруг него, выбить из них гитлеровцев. Боевая задача была немедленно доведена до командиров групп и всех бойцов. Скрытно обойдя дом, отряд приблизился к нему вплотную. В блиндажи полетели гранаты. Ворвавшись в дом, наши бойцы овладели вторым этажом.

Гитлеровцы, оставшиеся на первом и в подвале, вскоре поняли невыгодность своего положения. Ходами сообщения они выбрались

Младший сержант А. Д. СЕРГЕЕВ, награжденный за боевые успехи двумя орденами Красного Знамени

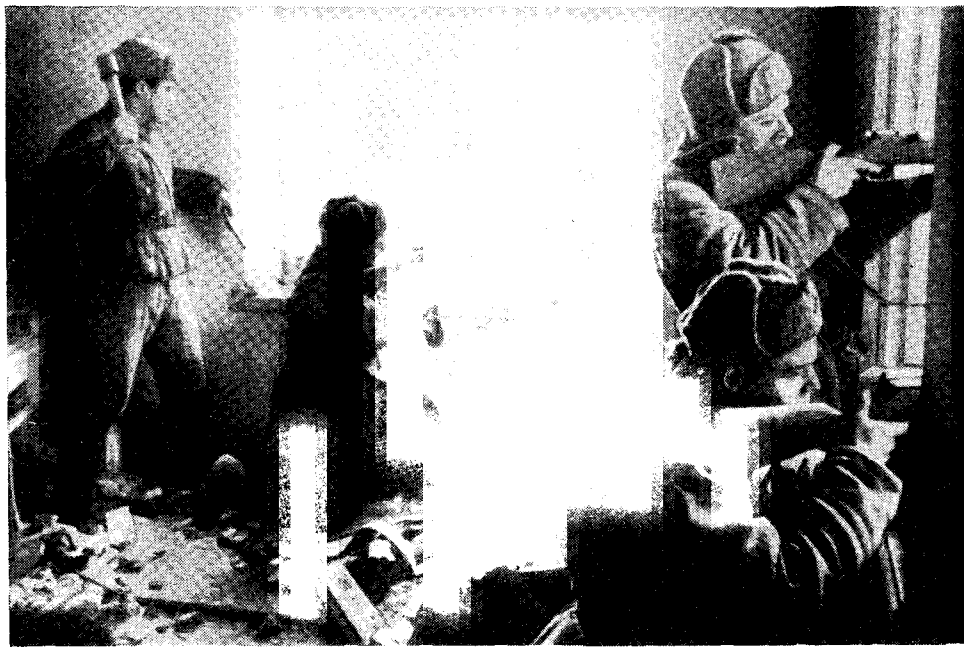
через соседние дома наружу и, подтянув артиллерию, бросились в контратаку. По зданию, теперь целиком занятому отрядом лейтенанта Сабина, ударили орудия, минометы и пулеметы. Трижды контратаковал враг, стремясь отбить выгодную позицию. Но каждый раз откатывался назад, неся большие потери.

Зато отряду лейтенанта Сабина удалось, используя захваченную позицию, подавить ближайшие огневые точки противника. Вскоре фашисты были выбиты из соседнего здания, и полк смог продолжать наступление.

В этом бою старший лейтенант Григорьев, лейтенант Соболев, старший сержант Боровских, боец Щербинин и многие другие бойцы и командиры проявили высокое мужество, храбрость, воинское мастерство.

К вечеру полк частью сил вышел к р. Ловать. Батальон М. Ф. Яковлева с ходу захватил мост. Противник немедленно контратаковал превосходящими силами. Ему удалось вновь овладеть мостом. Однако майор П. Ф. Корниенко вовремя выдвинул вперед свои резервные подразделения. Их повел в бой заместитель командира полка по политической части майор Н. Е. Рындик. Наши воины снова отбросили врага на восточный берег. После этого мост еще несколько раз переходил из рук в руки. Только к ночи им прочно овладел полк майора Корниенко.

Отвоевывая дом за домом...

Части 7-й эстонской стрелковой дивизии в этот день перешли в наступление на фронте более 18 км. Ее левофланговый 300-й стрелковый полк (командир — подполковник В. И. Вырк, замполит — старший батальонный комиссар Н. Р. Конгро) нанес удар в направлении совхоза Богдановский и далее к южной окраине Великих Лук, имея задачу овладеть районом ул. Подолищенской, а затем ул. Преображенской. Кроме того, 27-й (командир — подполковник Г. Г. Кунд, замполит — старший батальонный комиссар М. М. Кукли) и 354-й (командир — подполковник А. Пехк, замполит — капитан Э. А. Пальм) стрелковые полки действовали тремя усиленными батальонами. Они наступали из района Максимова в направлении Божно, Рыбики, из Подберезья на Болотово, Шутово, Быбики (Восточные) и из Смоленино на Таращанку, Зенцы².

К исходу дня 13 декабря после энергичного штурма подразделения 27-го стрелкового полка овладели населенным пунктом Божно³, 354-го — прорвали оборону противника и вышли на подступы к населенным пунктам Ново-Селенино и Таращанка. 300-й стрелковый полк подошел к окраине совхоза Богдановский⁴.

Такова была обстановка, когда я приехал на наблюдательный пункт командира 357-й стрелковой дивизии полковника А. Л. Кроника. Здесь же застал и его заместителя по политчасти старшего батальонного комиссара В. А. Белова. Он только что вернулся из полка майора Корниенко, где участвовал в атаке. Выслушав А. Л. Кроника и В. А. Белова, я попросил соединить меня по телефону с майором П. Ф. Корниенко. Вскоре он уже докладывал слегка охрипшим от напряжения боя голосом, но спокойно:

— Удерживаем мост и два квартала на восточном берегу. Свой резерв я уже ввел в бой, а противник продолжает контратаковать. Первыми прорвались на восточный берег шестеро бойцов во главе с майором Яковлевым. Под прикрытием их огня сюда вышла одна рота, а за ней и остальные силы полка. Враг не прекращал контратак, стремясь любой ценой отбить мост. Его натиск отражали наши подразделения, занявшие позиции среди руин ближайших домов.

Этого было достаточно, чтобы представить, как трудно пришлось полку и его отважному командиру. Отвечаю ему:

— Вас поддержит командир дивизии, а пока необходимо закрепиться на захваченном полком рубеже. — И добавляю: — За героизм и мужество по Указу Президиума Верховного Совета СССР Военный совет награждает вас и майора Яковлева орденами Красного Знамени. Высокие награды ждут и всех отличившихся воинов полка.

Вот когда в голосе майора Корниенко почувствовалось волнение:

— Будем держаться. Не подведем, товарищ командующий.

² Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 31, л. 12.

³ Там же, д. 143, л. 58.

⁴ Там же.

По окончании телефонного разговора выясняем вместе с полковником Кроником возможности немедленной отправки подкрепления 1190-му стрелковому полку. Командир дивизии, оказывается, уже наметил для этого роту автоматчиков из своего резерва и одну из рот 1192-го стрелкового полка. Но нужна была еще хотя бы одна артиллерийская батарея.

Выделить ее в условиях, когда задействованы все силы дивизии, оказалось нелегко. Однако в конце концов нашлась и такая возможность. Посоветовал поставить во главе этого отряда одного из самых смелых и энергичных командиров.

— Пошло подполковника Тавтая из штаба артиллерии дивизии, — сказал командир дивизии.

Подполковник И. А. Тавтай был мне хорошо знаком еще со времени войны с белофиннами. В 24-й Железной стрелковой дивизии, которой я в то время командовал, он проявил себя храбрым и волевым командиром. Разумеется, выбор полковника Кроника был одобрен, и еще до моего отъезда из его дивизии отряд во главе с подполковником Тавтаем выступил на усиление 1190-го стрелкового полка и в дальнейшем оказал ему немалую помощь.

Прощаясь с полковником А. Л. Кроником, я поставил ему задачу на завтра: развить успех майора П. Ф. Корниенко, продолжать наступление к центру города, нанося главный удар правым флангом дивизии. Сообщил также, что в целях усиления взаимодействия с ней 257-я стрелковая дивизия будет наносить удар своим левым флангом, с тем чтобы, как и предусматривалось, части обеих дивизий соединились в центральной части города. Туда же с юга должен был продвигаться 300-й стрелковый полк 7-й естонской дивизии. Позволив ее командиру полковнику А. А. Вассиле, поставил ему эту задачу. Одновременно приказал резервный учебный батальон майора А. А. Эрмеля немедленно направить в район захваченного моста, где он должен был поступить в распоряжение командира 357-й стрелковой дивизии.

В ту же ночь я побывал и у полковника А. А. Дьяконова. Знакомление с обстановкой показало, что 257-я стрелковая дивизия не только сама наступала успешно, но могла и в дальнейшем содействовать быстрейшему продвижению правого соседа. Поэтому полковнику Дьякову было приказано:

— Противника, засевшего в монастыре, небольшими силами блокируйте. Направьте туда также несколько тяжелых орудий и саперов для уничтожения вражеских укреплений. Остальную артиллерию, в том числе крупнокалиберную, подтяните в боевые порядки штурмовых отрядов. Пусть прямой наводкой разрушают долговременные огневые точки противника. Основная задача дивизии на завтра — сосредоточить усилия для прорыва в центр города по восточному берегу Ловати. Так вы выйдете в тыл вражеским частям, которые контратаками сдерживают наступление 357-й стрелковой дивизии.

Таким образом, в первый день штурма был достигнут определенный успех. Полностью выполнила поставленную задачу 257-я стрел-

ковая дивизия. Действия 357-й и 7-й эстонской стрелковых дивизий были несколько незавершенными, что объяснялось целым рядом причин.

Прежде всего о недостатках, выявившихся в тот день. 7-я эстонская стрелковая дивизия располагала слишком кратковременным сроком для подготовки к штурму, что не могло не сказаться на ее действиях. Что же касается 357-й стрелковой дивизии, то наряду с особенно сильным сопротивлением, оказанным ей противником, дала себя знать недостаточно четкая организация наступления частей. Далеко не все ее штурмовые отряды сыграли возложенную на них главную роль в создании необходимых условий для продвижения батальонов и полков. А это, в свою очередь, явилось результатом слабой подготовки и несклоченности этих отрядов, неудовлетворительной организации взаимодействия между ними, остальными подразделениями батальонов и поддерживающей артиллерией.

Говоря о взаимодействии, нельзя не подчеркнуть, что отсутствовал и должный контакт между наступающими частями дивизий и армейской артиллерийской группой. В результате они не получили от нее необходимой поддержки огнем для быстрейшего овладения опорными пунктами врага в Рыбиках (Западных), совхозе Богдановском, Таращанке.

Неслаженно действовали артиллерийские группы 357-й и 7-й эстонской стрелковых дивизий. В этом сказалась недоработка штаба артиллерии армии.

Надо признать, что и командование армии не предусмотрело своевременных мер по организации управления войсками, штурмовавшими Великие Луки. Первый день показал, что надо было назначить единого начальника, который бы командовал всеми стрелковыми дивизиями и отдельными частями, штурмовавшими город, и создать временный штаб для управления и организации взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации. Ведь армия имела 180-километровый фронт, причем вела активные боевые действия в полосе, достигавшей 70—80 км. Только в составе ее ударной группировки насчитывалось 16 войсковых соединений. В этих условиях командарму и его штабу при самом пристальном их внимании к руководству штурмом города, естественно, приходилось часто отрываться для управления боевыми действиями на остальном фронте.

Самой неприятной в этом была невозможность исправить данный недостаток. Заранее мы вполне могли создать вспомогательный пункт для управления войсками, штурмующими город, во главе, скажем, с заместителем командарма генералом В. И. Швецовым, или возложить эту задачу на командира и штаб 5-го гвардейского либо 8-го эстонского стрелковых корпусов. Не сомневаюсь, что каждый из них блестяще справился бы с ней. Но не сделали этого вовремя. Поскольку же никакого резервного органа управления у нас в армии не было, то комплектование его теперь, когда штурм уже начался, представлялось делом длительным и потому нецелесообразным. Варианты, касавшиеся командиров и штабов корпусов, также являлись не-

осуществимыми, так как они вели к недопустимой ломке сложившейся в них системы управления в ходе напряженных боевых действий.

Короче, реорганизация в данный момент могла повлечь за собой потерю управления на том или другом участке сражения, быть может, всего лишь на несколько часов, но с неизбежными печальными результатами.

Сложившаяся в те дни обстановка усугублялась тем, что после отражения контрудара 8-й танковой дивизии вражеское командование, по-прежнему стремясь отбросить наши части от Новосокольников, предприняло и новые попытки прорваться к Великим Лукам, па этот раз с юго-запада. Теперь оно сосредоточило значительные силы в районе Лешаково, Копюшки. Кроме ранее действовавших здесь подразделений 251-го и 257-го пехотных полков 83-й пехотной дивизии, частей 20-й моторизованной дивизии, 138-го горнострелкового полка, двух охранных и егерских батальонов, сюда были переброшены 291-я пехотная дивизия, 11-й отдельный танковый батальон (30 танков) и прибывший с Волховского фронта 3-й охранный полк⁵.

С утра 11 декабря, когда мы усиленно готовились к штурму Великих Лук, после сильной артиллерийской подготовки до двух немецких пехотных полков с танками атаковали один из полков 9-й гвардейской стрелковой дивизии, значительно ослабленной в ходе предыдущих боевых действий. После упорных боев противнику удалось на узком фронте продвинуться вперед на 3 км. В последующие три дня атаки повторялись с возрастающей силой. Враг вводил в бой все новые части, в связи с чем нам пришлось выдвинуть на это направление также и 19-ю гвардейскую стрелковую дивизию под командованием генерал-майора Д. М. Барина (заместитель по политчасти — полковой комиссар Н. К. Филиппов).

О последующих боях на этом участке речь будет впереди. Пока же отмечу, что обстановка была напряженной как здесь, так и на других направлениях, где действовали войска армии. О реорганизации управления ими не приходилось и думать.

Это хорошо понимали не только Военный совет, но и весь личный состав штаба и управления армии. Он единоподушно принял на себя всю тяжесть сочетания руководства боевыми действиями на всем фронте армии с непосредственным управлением войсками, штурмовавшими город. И сделал все возможное, чтобы справиться с этим нелегким делом, которое к тому же в дальнейшем резко осложнилось в связи с предпринятыми противником извне новыми попытками прорваться в Великие Луки.

⁵ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 106.

Враг упорствует

Весь день 14 декабря бои шли с неослабевающим напряжением. Очищая от врага квартал за кварталом, улицу за улицей, штурмовые отряды к исходу дня овладели почти всей левобережной частью города, за исключением крепости.

Особенно успешно действовал 948-й стрелковый полк 257-й стрелковой дивизии (командир — подполковник И. М. Стариков, заместитель по политчасти — майор И. С. Горошников). Еще накануне его подразделения подошли к р. Ловать в районе вишнего завода, который гитлеровцы упорно стремились удержать. А так как с его территории они прикрывали сильным огнем подступы к реке, то подавить их сопротивление пришлось огнем ампулометов, подвезенных сюда ночью. Первый же залп не только привел к значительному опустошению боевых порядков обороняющихся, но и основательно деморализовал их.

Воспользовавшись замешательством врага, штурмовой отряд майора Рыжкова форсировал Ловать и ворвался на территорию завода. За ним начали продвигаться и остальные подразделения.

Упорное сопротивление продолжали оказывать также блокированные гарнизоны противника в Сергиевском монастыре и на территории городской больницы. Но и оно было сломлено умелыми действиями стрелковых подразделений во взаимодействии с артиллерийской батареей младшего лейтенанта Белько и саперами во главе со старшим лейтенантом Михайловым⁶.

Под ударами наших частей, бросая убитых и раненых, гитлеровцы вынуждены были отходить на восточный берег Ловати. В левобережной части города осталась лишь часть их разбитых подразделений, усевшая укрыться в старинной крепости.

Вечером на командный пункт армии приехали командующий и член Военного совета фронта. Выслушав доклад об обстановке, генерал М. А. Пуркаев сообщил, что решено послать парламентариев к командире вражеского гарнизона подполковнику фон Зассу.

Они должны были направиться к нему в 14 часов 15 декабря для вручения ультиматума. К этому же времени приказывалось прекратить боевые действия и передать по радио через оконные усилители следующее обращение к немецким солдатам и офицерам:

«Сегодня ровно в 14 часов Красная Армия прекращает огонь из всех видов оружия против осажденного гарнизона Великих Лук и направляет своих парламентариев к начальнику великолукского гарнизона для вручения ультиматума командования Красной Армии о прекращении бессмысленного сопротивления и ведения переговоров о судьбе гарнизона».

Идея была прекрасная, но, учитывая крайне упорный, ожесточенный характер сопротивления гитлеровцев, оборонявшихся в Великих Луках, ее осуществление представлялось мне маловероятным. Тем

⁶ Там же, л. 70.

более, что противник продолжал отчаянные попытки прорваться к городу с юго-запада, и они, несомненно, были известны окруженному гарнизону. И все же мы действительно должны были выполнить свой долг — дать немецким солдатам и офицерам возможность капитулировать и этим сохранить себе жизнь.

За смелыми и решительными людьми у нас дело не стало. Вскоре я представил М. А. Пуркаеву и Д. С. Леонову старшего лейтенанта М. Д. Шишкина и лейтенанта И. В. Смирнова, охотно взявшихся выполнить поручение, которое при хорошо известных нам нравах гитлеровцев являлось весьма опасным. Комапдующий фронтом после краткой беседы о стоявшей перед парламентарями задаче вручил им текст ультиматума для передачи подполковнику фон Зассу.

С утра 15 декабря в городе вновь шли ожесточенные бои. Но ровно в 14 часов наши войска прекратили огонь. Заговорили радиостанции:

— Внимание! Внимание! Идут советские парламентары! Внимание!

Плечом к плечу, неся белый флаг и не обращая внимания на свистывание вражеских пуль, шли М. Д. Шишкин и И. В. Смирнов к позициям противника. Он же прекратил стрельбу из автоматов только тогда, когда парламентары достигли проволочных заграждений. В стереотрубу с нашего наблюдательного пункта было отчетливо видно, как две фигуры в армейских полубухах поднялись на гребень высоты, занятой врагом. Шли не торопясь, обходили некоторые места, видимо, мины, которых, как мы знали, было там много. Вот навстречу вышли двое. Сблизились с парламентарями. Вместе они поднялись на бруствер, потом скрылись из виду.

Дальнейшее мы узнали после возвращения парламентарев. Все произошло в течение нескольких минут. Шишкина и Смирнова с завязанными глазами доставили в штаб, где они оказались в окружении гитлеровских офицеров. Среди них был и фон Засс. Пакет с ультиматумом он отказался принять, заявив:

— В переговоры не вступаю, ни о какой капитуляции не может быть речи. Таков приказ фюрера.

Нам было известно, что командир окруженного гарнизона имел радиосвязь не только со штабом 83-й пехотной дивизии, располагавшимся в районе северо-западнее НовоСокольников, но даже и со ставкой Гитлера. Об этом сообщил пленный майор из штаба 277-го пехотного полка, командиром которого являлся фон Засс. Впоследствии мы узнали и о том, что 14 декабря, т. е. накануне прихода наших парламентарев, «фюрер» отдал по радио приказ гарнизону Великих Лук обороняться до последнего солдата, заверив, что посылает им помощь⁷.

Этим и объяснялось поведение фон Засса при встрече с нашими парламентарями. Они были выведены, разумеется, с завязанными глазами за пределы укреплений и вскоре возвратились на командный

⁷ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 115.

И. В. СМІРНОВ

М. Д. ШИШКИН

пункт армии⁸. За мужество и бесстрашие старший лейтенант М. Д. Шишкин и лейтенант И. В. Смирнов были награждены орденами Красного Знамени.

Бои возобновились. И хотя на следующий день мы обратились по радио уже непосредственно к немецким солдатам и офицерам с призывом сложить оружие, гарантируя всем сдавшимся в плен сохранение жизни, однако окруженный гарнизон продолжал упорно обороняться.

Объяснение тому не приходится искать. Достаточно напомнить, что тогда был еще только декабрь 1942 г. Уроки Сталинграда, где гитлеровцы в то время крупными силами пытались деблокировать свою окруженную группировку, пока не были усвоены немецкими солдатами и офицерами. Впрочем, как известно, и в дальнейшем гитлеровское командование, все более усиливая драконовские меры, добивалось от своих войск упорства в обороне.

Оно и теперь использовало этот метод, в том числе и в Великих Луках. По рассказам пленных, фон Засс был известен своей крайней жестокостью не только по отношению к советским людям, подвергшимся массовому уничтожению в Великих Луках, но и к немецким солдатам, которых он за малейшую провинность собственноручно расстреливал. Им был издан приказ, согласно которому тот, кто не проявлял достаточного рвения в бою, подлежал военному суду. Попытка же сдаться в плен вела не только к расстрелу без суда, но и к репрессиям против семьи виновного.

⁸ Там же, ф. 217, оп. 4306, д. 143, л. 37.

Наряду с этим вражеское командование стремилось всеми возможными способами поддержать дух окруженных. Были пущены в ход не только «твердые» обещания оказать им помощь, причем «не позже 16—17 декабря», но и прямой обман относительно обстановки на этом участке фронта. Так, солдат уверяли, что они вообще не были окружены, и многие из них узнали об этом лишь после того, как попали в плен. Кроме того, им заявляли, что в кольце в районе Великих Лук находятся советские части, так как-де немецкие войска прорвали фронт к юго-западу от города.

Любопытно, что источником подобной заведомо лживой информации были приказы Гитлера, следовавшие в те дни один за другим. Как мы потом узнали, всего их было шесть. На основании этих приказов офицеры и солдаты окруженного гарнизона награждались железными крестами и «костмедалями». Их в массовом порядке повышали в званиях. Усиленно предоставлялись отпуска с оговоркой о том, что они будут использованы «не немедленно, а по окончании напряженного положения». Что касается начальника гарнизона подполковника фон Засса, то он был объявлен «героем», награжден рыцарским крестом, доставленным ему в Великие Луки 16 декабря специальным самолетом, и получил обещание, что г. Великие Луки будет назван его именем⁹.

Весь этот поток репрессий, лжи и инсинуаций создавал в окруженных войсках атмосферу, способствовавшую их упорному сопротивлению.

Но прошли назначенные сроки, а цель вражеского командования — деблокада великолукского гарнизона — так и не была достигнута. Правда, войска противника, наносившие упомянутый выше удар с юго-запада, 14 декабря захватили Громово, но при этом продвинулись всего на 1 км. На следующий день подошедшая 19-я гвардейская стрелковая дивизия совместно с 9-й выбили гитлеровцев из Громово, восстановив положение. После этого врагу потребовалось четыре дня, чтобы подтянуть новые силы и опять нанести удар в направлении Великих Лук.

На этот раз в наступлении, помимо ранее перечисленных войск, участвовали также переброшенные сюда несколько отдельных батальонов 6-й авиаполевой дивизии.

Утром 19 декабря до трех пехотных полков с 50 танками атаковали во фланг 19-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Об этом мне тотчас же доложил заместитель командира по политчасти полковой комиссар Н. К. Филиппов, временно принявший командование в связи с серьезной болезнью генерал-майора Д. М. Баринова. Сообщив о том, что противник наносит удар по частям дивизии в ее стыке с 9-й гвардейской стрелковой, а также о принятых мерах, Н. К. Филиппов попросил назначить нового командира дивизии.

Это действительно было необходимо, поскольку из 19-й гвардейской стрелковой дивизии несколько ранее убыли также заместитель

⁹ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 115.

командира и начальник штаба. В результате полковник Филиппов оказался, так сказать, в четырех лицах. Что касается кандидатуры на должность командира дивизии, то я сразу же подумал о полковнике И. Д. Васильеве, которого хорошо знал еще с 1921 г., когда вместе учились на командных курсах «Выстрел». Опытный боевой командир, он теперь возглавлял штаб 2-го механизированного корпуса и уже не раз просил перевести его на более привычную командную должность. Решив обсудить эту кандидатуру на Военном совете и с генералом Пэрном, ответил Н. К. Филиппову:

— Новый командир дивизии придет к вам завтра. Пока организуйте прикрытие стыка. Задача — не допустить прорыва противника на Алексейково.

Военный совет, а также командир 8-го эстонского стрелкового корпуса генерал Л. А. Пэрн высказались за назначение полковника И. Д. Васильева командиром 19-й гвардейской стрелковой дивизии. Сдав дела новому начальнику штаба мехкорпуса, он на следующий день вышел на командный пункт дивизии.

А противник продолжал наносить удары уже на нескольких участках. Одновременно с наступлением против 19-й стрелковой дивизии он перешел к активным действиям на участке 28-й стрелковой дивизии. Ее 235-й стрелковый полк был атакован частями 6-й авиационной дивизии, стремившимися ударом на юг ликвидировать угрозу окружения гитлеровцев, попавших в «мешок» в районе Поречья.

Докладывавший об этом полковник И. И. Серебряков сообщил, что 235-й стрелковый полк отбил атаку. В ответ я высказал сожаление по поводу того, что мы не имели возможности снять в центре ни одной части для усиления 28-й стрелковой дивизии полковника С. А. Князькова, которая только в этом случае могла быстро покончить с пореченским «мешком». Оказалось, у полковника Серебрякова была еще одна новость:

— Из штаба фронта сообщили, что нам передана из 4-й ударной армии 360-я стрелковая дивизия. Она уже на подходе. Может быть...

— Нет, ее частями не сможем усилить дивизию полковника Князькова. Организуйте встречу и направьте 360-ю пока в район Ширипина.

Это направление было тогда для нас самым важным, ведь именно там противник упорно рвался к Великим Лукам. Особенно требовалось усилить участок левофлангового полка 9-й гвардейской стрелковой дивизии. С этой целью мною было также приказано перебросить в район Ботово (севернее ст. Чернозем) 44-ю и 45-ю лыжные бригады под командованием полковников П. Ф. Лобова и А. И. Серебрякова.

Ожесточенные атаки врага, по-прежнему стремившегося любой ценой пробиться к городу с юго-запада, потребовали от нас в последующие дни выдвинуть на это направление и другие силы.

Так, 20 декабря была введена в бой находившаяся в резерве 36-я танковая бригада под командованием подполковника М. И. Пашомова (заместитель по политчасти — подполковник Ф. И. Чернов). Она прибыла в район Пупково в тот момент, когда 291-я пехотная

дивизия с 40 танками ценою огромных потерь продвинулась на 2 км и овладела этой деревней. С ходу вступив в бой, наши отважные танкисты остановили врага, нанеся ему новый тяжелый урон.

В стык 9-й и 19-й гвардейских дивизий пришлось выдвинуть 921-й и 925-й стрелковые полки 249-й эстонской дивизии полковника А. И. Сауэсельга (заместитель по политчасти — старший батальонный комиссар Н. Г. Пуусепи). И это было очень кстати. Ибо на следующий день, 21 декабря, противник перегруппировал сюда свои силы и нанес мощный удар из района Борцапка, Чернозем, Ловно. Ему удалось захватить Алексейково, но продвинулся он не более чем на 2—3 км.

Эстонские части в этом ожесточенном бою проявили высокое мужество и отвагу. Воинов 921-го стрелкового полка вел в контратаку их командир полковник О. Ю. Муллас, получивший в тот день ранение. Совместными усилиями двух полков с подоспевшими 44-й, 45-й лыжными бригадами и 45-м отдельным танковым полком противник и здесь был остановлен.

22 декабря обстановка на этом направлении еще более обострилась. К тому времени здесь против нас действовали четыре пехотные, моторизованная и авиаполевая дивизии, эсэсовская пехотная бригада, до восьми отдельных батальонов, а также отдельные танковые части численностью до бригады¹⁰.

Гитлеровцы несли серьезные потери. Так, только 22 декабря при отражении атак было уничтожено 20 фашистских танков и большое количество пехоты. Но потери не останавливали вражеское командование, стремившееся сохранить инициативу в своих руках. Поэтому атаки не ослабевали. Они следовали одна за другой.

Враг бешено рвался вперед. В результате на обороняемых войсках армии юго-западных подступах к Великим Лукам сложилось напряженное и опасное положение.

Хотя к вечеру 22 декабря подошли 360-я стрелковая дивизия (командир — полковник В. Г. Позняк, заместитель по политчасти — полковник И. Ф. Попов) и 100-я стрелковая бригада (командир — подполковник Е. В. Воронков, заместитель по политчасти — старший батальонный комиссар С. Башиев), их было недостаточно, чтобы восполнить нехватку резервов. И все же с прибытием этих соединений наши силы возросли. Побеседовав с их командирами, я убедился, что они уже ознакомлены с обстановкой, и потому сразу же поставил им задачи. 360-ю стрелковую дивизию приказал к утру развернуть на рубеже Грибушино, Ширицина, 100-ю стрелковую бригаду — левее, в районе Баталихи. При этом подчеркнул:

— Учтите, что от этого рубежа до Великих Лук всего 8 км. Ваша задача — не допустить прорыва противника к городу.

Некоторое усиление наших войск, сражавшихся на юго-западных подступах к Великим Лукам, сказалось уже на следующий день. Про-

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 143, стр. 37.

тивнику лишь кое-где удалось продвинуться на незначительное расстояние. На остальных же участках его ожесточенные атаки были отбиты.

Вместе с тем теперь появилась возможность попытаться перехватить на этом участке инициативу. Особенно важно было выбить врага из Алексейково и овладеть высотами, расположенными западнее этого населенного пункта. Такую задачу я и поставил 360-й стрелковой дивизии, усилив ее 44-й, 45-й лыжными бригадами и 45-м отдельным танковым полком.

Утром 24 декабря дивизия под командованием полковника В. Г. Позняка с частями усиления нанесла удар на Алексейково. Одновременно начал наступление и противник. Завязались ожесточенные встречные бои, переходившие в рукопашные схватки. К 15 часам 44-я лыжная бригада под командованием полковника П. Ф. Лобова, ломая сопротивление врага, продвинулась вперед на 3 км. После упорного боя она заняла Алексейково. Затем наши части устремились на высоты, где гитлеровцы успели основательно укрепиться. Противник яростно оборонялся, непрерывно контратаковал. Высоты неоднократно переходили из рук в руки.

Вражеское командование всячески усиливало свою ударную группировку. Так, когда во избежание окружения своих частей в пореченском «мешке» оно вывело оттуда 1-ю пехотную бригаду СС и 5-й егерский батальон, то сразу же перебросило их к северу от Алексейково. Туда прибыла и 6-я авиационная дивизия.

Мы же не имели возможности для значительного наращивания своих сил на этом направлении. Удалось лишь сменить понесшие в упорных боях значительные потери 44-ю и 45-ю лыжные бригады 26-й стрелковой, а также 184-й танковой, высвободившимися в связи с отходом пореченской группировки противника. Тем не менее последовавшие новые попытки врага прорваться к окруженному в Великих Луках гарнизону не имели успеха.

Атаки, в которых участвовало по 30—40 танков с пехотой, поддерживаемых авиацией, были отбиты благодаря стойкости наших войск. Хорошо помогла штурмовая и бомбардировочная авиация 3-й воздушной армии, возобновившая боевые вылеты в связи с улучшением погоды. Потеряв еще до 25 танков и сотни солдат и офицеров, противник вынужден был прекратить атаки, однако, как показал дальнейший ход событий, лишь для того, чтобы подготовить новое наступление.

Штурм продолжается

Бои в городе продолжались и в дни отражения вражеского удара извне. Но поскольку одновременно мы производили перегруппировку, они тогда несколько утихли. Когда же удар противника был отбит, штурм крепости и западной части Великих Лук возобновился.

Теперь для разгрома великолукского гарнизона мы привлекли также и 249-ю эстонскую стрелковую дивизию, которой командовал с

24 декабря полковник И. Я. Ломбак, и 47-ю механизированную бригаду под командованием подполковника И. Ф. Дремова (заместитель по политчасти — батальонный комиссар П. И. Солодахин). Первая из них, сменив полк 7-й эстонской дивизии, наступала с юга, вторая развернулась левее и наносила удар на центр города с юго-запада во взаимодействии с правофланговыми частями 357-й стрелковой дивизии. С северо-запада по-прежнему штурмовала город 257-я стрелковая дивизия.

Наступление началось 25 декабря. В 13 часов, после артиллерийской подготовки, наша пехота пошла в атаку. Танки огнем и гусеницами прокладывали ей дорогу. Артиллеристы, ведя огонь прямой наводкой, обеспечивали продвижение вперед.

После упорных трехдневных боев 28 декабря части 257-й стрелковой дивизии ворвались в северную и центральную части города. К этому же времени успешно действовавшая 47-я механизированная бригада прорвала укрепления на южной окраине и оттуда вышла к центру. Большую помощь ей, особенно в уничтожении наиболее прочных укрытий врага, оказали огнемётные танки 13-го отдельного гвардейского танкового полка подполковника В. А. Галкина (заместитель по политчасти — подполковник И. П. Тарасов). К вечеру только четыре квартала, удерживаемые противником, отделяли бригаду от наступавшей ей навстречу 257-й стрелковой дивизии.

Гитлеровцы по-прежнему оказывали отчаянное сопротивление, обороняя каждое здание и нередко переходя в контратаки. Слыша шум боя юго-западнее города, они все еще надеялись на помощь извне. Особенно упорно оборонялся противник в больших каменных зданиях, которые он превратил в мощные опорные пункты. Но наши подразделения все же овладевали и ими.

Уличные бои не затихали ни днем, ни ночью. Немецкое командование, используя погожие дни, бросило крупные силы авиации, которым была поставлена задача громить с воздуха наши войска, действовавшие в городе. Но вражеские бомбардировки неизменно встречали отпор со стороны советских истребителей. 29 и 30 декабря над Великими Луками шли непрерывные воздушные бои. Бывали часы, когда в воздухе находилось до 300 немецких и советских самолетов одновременно¹¹.

Наиболее ожесточенный характер приняла борьба в последние предновогодние дни 30 и 31 декабря. Теснимые с трех сторон, остатки гарнизона под угрозой полного уничтожения начали отходить из центра города на восток, к железнодорожному узлу, где были подготовлены укрепления. 257-я стрелковая дивизия и 47-я механизированная бригада полностью овладели центральными кварталами, захватив более 300 пленных. 357-я стрелковая дивизия добила остатки противника в юго-западной части города, продолжая блокировать его части, засевшие в крепости. 249-я и 7-я эстонские стрелковые дивизии овладели южной и юго-восточной окраинами.

¹¹ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 113.

К. А. АЛЛИКАС

И. Я. ЛОМБАК

К исходу 31 декабря город был в наших руках. Лишь две разъединенные немецкие группировки — в крепости и в районе железнодорожного узла за р. Лозавицей продолжали оказывать сопротивление.

Поздно вечером ко мне в блиндаж пришли генерал-майор А. И. Литвинов и начальник политотдела армии полковник С. А. Беляев. Они предложили еще раз обратиться к немецким солдатам с предложением о капитуляции. Я согласился. Ведь теперь-то остатки гарнизона должны были понять, что их положение безнадежно. Договорились передать наше предложение через радиостановки, чтобы его слышали все немецкие солдаты. Тут же составили текст обращения.

Ровно в полночь наша артиллерия умолкла. Притихли и немцы. Лишь кое-где постреливали пулеметы. И вот заговорила наша звуковещательная станция. Обращение, переданное, разумеется, на немецком языке, гласило:

«Город Великие Луки уже в руках Красной Армии. Вы остались одни. На помощь извне не надейтесь. Те части, которые шли вам на помощь, разбиты и остановлены. Вам хорошо известно, что окруженные части либо сдаются в плен, либо уничтожаются. Свой солдатский долг вы уже выполнили, и я отдаю должное храбрости ваших офицеров и солдат. Но ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно и бессмысленно.

Не желая напрасного кровопролития, я предлагаю вам прекратить бесполезное сопротивление и сдаться в плен. Сотни ваших солдат уже

находятся у нас в плену. Они все в полной безопасности. Всем сдающимся в плен немецким солдатам и офицерам я гарантирую жизнь, хорошее обращение и возвращение на родину после войны. Ваш ответ ожидаю до 4 часов по московскому времени.

Командующий армией»¹².

Ответа не последовало. Поэтому уже с утра 1 января 1943 г. мы приступили к уничтожению оставшихся окруженных частей. Надо сказать, что одновременно над крепостью и железнодорожным узлом пами были сброшены с самолетов листовки, в которых, в частности, говорилось: «Согласно международным правилам ведения войны советское командование обратилось к немецкому командованию с предложением сложить оружие. Командование Красной Армии декларирует: кто сдастся в плен — тот больше не наш враг»¹³.

Как выяснилось позже из показаний пленных и из трофейных документов, эти листовки оказали известное воздействие на часть солдат противника. Но командованию остатков гарнизона, усилившему карательные меры, удалось все же продолжать упорное сопротивление. В результате первые попытки наших войск прорваться на восточный берег Лозавицы с фронта не увенчались успехом. Тем более, что гитлеровцы успели превратить эту речку в недоступный для танков рубеж. Они углубили ее дно, эскарпировали берега, создали вдоль нее полосу сильных опорных пунктов. Особенно мешал нашим войскам фланговый огонь из укреплений в поселке Зенцы.

Чтобы очистить путь для дальнейшего продвижения, командир 257-й стрелковой дивизии полковник А. А. Дьяконов решил уничтожить эти укрепления ударом с севера и северо-запада, одновременно атаковав противника и левее, через Лозавицу. Этот замысел и принес успех.

Во многом он был обеспечен храбрыми и умелыми действиями воинов 953-го стрелкового полка во главе с майором В. К. Чесноковым. Перед фронтом полка на восточном берегу Лозавицы находились мощные укрепления, сооруженные противником. Поэтому майор В. К. Чесноков решил атаковать их с тыла. Оставив небольшое прикрытие, он повел свои подразделения в обход. По западному берегу реки они обошли поселок Зенцы и достигли его северо-западной окраины. Здесь полк развернулся фронтом на юг и, двигаясь по западной окраине поселка, с боем прорвался в тыл противника.

Маневр полка создал благоприятные условия для преодоления реки остальными частями дивизии.

С юга наступала 47-я механизированная бригада. Первыми начали действовать ее саперы под руководством капитана Г. Л. Янкелевича. Под сильным огнем противника они построили переправу через Лозавицу. Благодаря этому на восточный берег вскоре устремились тяжелые танки. За ними в атаку пошла пехота, поддержанная огнем артиллерии. Сокрушая сопротивление врага, бригада продвигалась на

¹² Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 863, л. 60.

¹³ Там же, ф. 770, оп. 127406, д. 2, л. 1.

северо-восток вдоль железной дороги. Каждый метр территории приходилось отвоевывать в жестоком бою.

Дни сменялись ночами, а кровопролитные схватки не утихали. И все же воины бригады штурмом овладели зданием вокзала и пристанционными постройками, а 4 января завязали бой за водокачку и остальную территорию железнодорожной станции.

Рядом с ними, восточнее Лозавицы, наступала 249-я, а в районе Ново-Селенино — 7-я эстонские стрелковые дивизии¹⁴. В этом бою был смертельно ранен командир 354-го эстонского полка подполковник А. Пехк. Все туже стягивалось кольцо вокруг оборонявшихся в районе железнодорожной станции и паровозного депо остатков немецкого гарнизона.

В этот момент и нанес противник новый удар извне.

Провал попыток деблокады

С утра 4 января после часовой артиллерийской подготовки до двух полков пехоты с 50 танками возобновили наступление с юго-запада в направлении Алексейково. Их удар пришелся по позициям 1193-го стрелкового полка 360-й стрелковой дивизии, имевшего к тому времени в строю всего 400 бойцов.

Несмотря на свою малочисленность, полк под командованием подполковника И. В. Трухачева (заместитель по политчасти — подполковник И. А. Коверин) сражался мужественно и отважно. Но сдержат натиск превосходящих сил танков и пехоты не смог и отошел на 3 км к северу. К середине дня противник занял Бурцево и Алексейково. Ему также удалось окружить оборонявшийся левее 1-й батальон 1195-го стрелкового полка.

Но ненадолго. Несмотря на значительное численное превосходство врага, батальон в течение шести часов вел бой в окружении, не отступив ни на шаг. А с наступлением темноты командир батальона капитан Я. П. Сивожелезов вывел своих бойцов из окружения, прорвавшись через боевые порядки противника¹⁵.

Вечером подполковник И. Я. Сухадский докладывал полученные данные о том, что в сегодняшних атаках главный удар наносила немецкая 205-я пехотная дивизия, переброшенная с Западного фронта. По показаниям пленных, дивизия получила задачу прорваться к Великим Лукам. Было отмечено также появление еще одного отдельного егерского батальона — 6-го. По-прежнему в атаках участвовали 20-я моторизованная и 6-я авиаполевая дивизии. По всем признакам подошли и новые танковые части.

В связи с этим я приказал перебросить с правого фланга 33-ю танковую бригаду подполковника С. Л. Гонтарева (заместитель по политчасти — подполковник В. Р. Орловский) и развернуть ее до рассвета за 360-й стрелковой дивизией.

¹⁴ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 143, л. 82.

¹⁵ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 115.

Вскоре позвонил командующий фронтом. Он сообщил, что выезжает к нам и что завтра утром в армию прибудет генерал армии Г. К. Жуков.

Я начал готовиться к краткому докладу. Обстановка была ясна: для противника деблокада остатков гарнизона являлась, несомненно, прежде всего делом престижа. Иначе он не стал бы терять тысячи людей и десятки танков ради спасения нескольких сот своих солдат и офицеров, оставшихся еще в городе. Следовательно, вражеское командование будет и впредь подводить сюда новые силы и предпринимать попытки прорваться к городу. Как в этих условиях пужно действовать нам: нанести сильный удар с целью разгрома противника, рвущегося к Великим Лукам, или по-прежнему обороняться, перемалывая его войска?

За этими раздумьями и застал меня генерал М. А. Пуркаев, приехавший поздно ночью. Он считал, что пужно подготовить удар по флангу вклинившегося противника. Однако прибывший рано утром Г. К. Жуков отклонил это предложение. Выслушав командующего фронтом и меня, он затем попросил связать его по телефону с командирами 360-й и 9-й гвардейской стрелковых дивизий, чтобы получить последние данные об обстановке на их участках.

Из разговора с полковником В. Г. Позняком и генералом И. В. Простяковым выяснилось, что противник продолжает атаковать крупными силами и даже продвинулся еще несколько вперед за последние часы. Отметив на своей карте положение наших и вражеских войск, Г. К. Жуков подвел итог:

— Бои упорные, гитлеровцев нобили много. Это соответствует задаче армии. Но и в наших частях потери немалые, да и дивизии воюют уже давно. Значит, падо усилить 3-ю ударную за счет фронтовых резервов. — И, обращаясь к М. А. Пуркаеву, добавил: — Прошу подумать и доложить, можете ли перебросить сюда одну-две дивизии из соседних армий.

Что касается нанесения флангового удара по противнику, то, признав это решение в общем правильным, представитель Ставки указал, что для данной конкретной обстановки оно не годится. Так мы лишь израсходуем резервы, говорил он, а противник в ответ на удар выставит сильный заслон и будет в другом месте прорываться. Поэтому пужно и резервы, и части, снятые с других участков, эшелонированно ставить перед фронтом наступающих немецких дивизий. Пусть они сами разобьются о нашу оборону. В этом случае их потери будут несравненно больше. Да и в город им так не прорваться. А с остатками гарнизона падо кончать.

Г. К. Жуков пробыл у нас недолго. Как известно, он писал впоследствии: «В начале января 1943 года Ставка поручила мне и К. Е. Ворошилову координацию действий Ленинградского и Волховского фронтов по прорыву блокады Ленинграда в районе Ладожского озера»¹⁶. Туда он и спешил, заехав в 3-ю ударную армию по пути из

¹⁶ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 461.

Москвы, чтобы помочь и в успешном завершении Великолукской операции. Уезжая, пообещал через несколько дней побывать у нас снова.

Что касается усиления армии, то и этот вопрос был решен. К сожалению, выделенные резервы могли быть подведены лишь в течение нескольких дней. А за это время обстановка у нас на внешнем фронте вновь резко обострилась.

Уже во второй половине дня 5 января противник ценою тяжелых потерь несколько потеснил 360-ю стрелковую дивизию. Бросив в бой на узком участке до батальона пехоты с 15 танками, он ворвался в дер. Борщанка. Взаимодействуя с подошедшей 33-й танковой бригадой, дивизия полковника В. Г. Позняка остановила натиск гитлеровцев. Залпом двух дивизионов РС и огнем артиллерии прорвавшийся враг был разгромлен. Но отбить Борщанку не удалось, так как в ней закрепились подоспевшие вторые эшелоны противника.

К тому времени мною уже было отдано распоряжение перебросить на участок 360-й стрелковой дивизии также один из полков 46-й гвардейской. Он должен был подойти туда ночью. Сообщив об этом В. Г. Позняку, приказал группировать основные силы в центре и на правом фланге дивизии, где фашистские войска особенно настойчиво рвались к городу.

Однако этого было явно недостаточно, так как, по данным нашей разведки, противник, обладавший и без того уже весьма значительным численным превосходством, продолжал усиленно перебрасывать резервы к западу от Великих Лук. В частности, стало известно о прибытии новой дивизии — 331-й пехотной. Причем, как показали пленные, ее посетил командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге, поставивший ей задачу во что бы то ни стало не позднее 10 января прорваться в город и деблокировать окруженных¹⁷.

Таким образом, обстановка требовала от нас быстрых и решительных действий. Обменявшись мнениями с А. И. Литвиновым и И. С. Юдинцевым, я принял решение использовать часть сил, сражавшихся в городе, для недопущения прорыва противника извне. Это могло задержать на несколько дней ликвидацию остатков великолукского гарнизона. Но иного выхода не было. Да к тому же нам все равно требовалось некоторое время для подготовки завершающего удара по сохранившимся двум очагам сопротивления — в крепости и в районе железнодорожного узла.

В соответствии с принятым решением в ночь на 6 января мы вывели 47-ю механизированную бригаду к северо-западу от города и развернули ее фронтом на запад. Одновременно два полка 357-й стрелковой дивизии были повернуты на 180 градусов. Они расположились на окраине города фронтом на юго-запад и заняли оборону, используя для этого ранее захваченные нашими частями немецкие укрепления.

¹⁷ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 142, л. 14.

Как мы и ожидали, утром 6 января 331-я пехотная дивизия была введена в бой. Одновременно противник бросил в атаку только что прибывшие 2, 6 и 8-й отдельные егерские батальоны. Но они совместно с ранее действовавшими здесь фашистскими войсками, в том числе и танковыми, наступая на узком участке, смогли лишь еще немного продвинуться вперед и овладеть деревнями Печище и Демя. Цели же своей, состоявшей в том, чтобы расширить вклинение, не достигли, так как их атака в направлении Ширипина была отбита нашими частями.

Здесь врагу противостояли воины 19-й гвардейской и 360-й стрелковых дивизий, 44-й лыжной и 100-й стрелковой бригад. В жестоком бою, не прекращавшемся в течение всего дня, они проявили величайшую самоотверженность и стойкость. Противнику дорого обошлись те несколько сот метров, на которые он смог продвинуться. Он оставил там множество трупов своих солдат и офицеров. Немалые потери понесли и наши части. В этом бою пал смертью героя командир 44-й лыжной бригады полковник П. Ф. Лобов, был тяжело ранен командир 100-й стрелковой бригады полковник Е. В. Воронков¹⁸.

Оправдались и предположения о возможности нового вражеского удара на Великие Луки с северо-запада. Утром 7-января здесь был брошен в атаку 8-й пехотный полк 8-й танковой дивизии с 25 танками. Судя по всему, эти силы должны были выйти в тыл нашим войскам в районе Новоскольников и тем самым содействовать успеху ударной группировки, рвавшейся к Великим Лукам с юго-запада. Однако данная затея успеха не имела. Правда, ударом с северо-запада по подразделениям 381-й стрелковой дивизии в районе Алешкино противник несколько потеснил их. Но контратакой, в которой участвовала и заблаговременно выдвинутая 47-я механизированная бригада, он был отброшен в исходное положение. При этом было уничтожено 17 фашистских танков и до 200 солдат и офицеров.

В последующие дни гитлеровцы наступали еще более крупными силами. Группировка, наносившая удар с северо-запада, была усилена пехотным полком 93-й пехотной дивизии, танками и саперным батальоном. На этот раз ее удар оказался более чувствительным. И все же она продвинулась лишь на 1—2 км. Стойкое сопротивление наших войск вынудило противника прекратить наступление на этом участке и перейти к обороне.

Иначе обстояло дело к юго-западу от города. Здесь гитлеровское командование 8 января ввело в бой еще одну дивизию — 707-ю пехотную.

Необходимо подчеркнуть, что в ходе боев последних дней противник на этом участке понес огромные потери. Однако путем непрерывной переброски крупных резервов он поддерживал свое значительное численное превосходство. Именно это обстоятельство, а также то, что гитлеровское командование, не считаясь ни с какими по-

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 143, л. 75.

терями, стремилось любой ценой прорваться к Великим Лукам, позволяло ему вклипиться в папу оборону.

Враг продвинулся почти за месяц всего на несколько километров, причем вбиваемый им клин был очень узкий, и при наличии у нас достаточных сил и средств можно было бы не только простреливать его насквозь с двух сторон, но и мощным двухсторонним ударом отрезать всю прорывавшуюся к городу группировку. Однако малочисленность наших войск, к тому же значительно ослабленных в ходе боев, лишала нас такой возможности. Удавалось только сдерживать противника, перемалывая его атакующие войска на каждом рубеже, к которому ему удавалось пробиться.

Поэтому каким бы узким ни был клин, он в условиях численного превосходства вражеских войск становился по мере их приближения к городу все более опасным. Казалось, достаточно противнику еще немного усилить натиск, и он прорвется в город.

В таких условиях ввод в бой 8 января свежей 707-й пехотной дивизии представлял весьма серьезную угрозу. Ведь теперь против нас на небольшом участке действовали в общей сложности четыре пехотные и одна моторизованная дивизии, поддерживаемые большим количеством танков, артиллерии и авиации. В результате новых боев гитлеровцам удалось 9 января пересечь железную дорогу Новоскольники — Великие Луки и вновь приблизиться к городу. Теперь их отделяло от него расстояние в 4—5 км¹⁹.

Бои переместились в район Донессьево — Белодедово. Здесь они приняли еще более ожесточенный характер. Враг бросил в атаку все свои силы, надеясь, что еще один рывок позволит ему достичь цели.

Но наши воины, сражаясь с неиссякаемой доблестью и стойкостью, не дали ему продвинуться больше ни на шаг. 9 января начали подходить переброшенные из 43-й армии по железной дороге части 32-й стрелковой дивизии²⁰, которой командовал полковник И. С. Безуглый (заместитель по политчасти — полковой комиссар Г. В. Рябухин). Ввиду весьма напряженного положения ее авангардный 113-й стрелковый полк под командованием подполковника К. Х. Беляева (заместитель по политчасти — майор П. М. Степовой) с ходу был введен в бой и совместно с 184-й танковой бригадой обрушился на фланг наступающего врага, нанеся ему большие потери. Остальные части этой дивизии вместе с 47-й механизированной бригадой и 56-й инженерной бригадой были развернуты в 4 км западнее Великих Лук. 10 января и они вступили в ожесточенные бои с рвущимися к городу немецкими войсками.

В этот момент снова к нам на командный пункт приехал генерал армии Г. К. Жуков. Выслушав доклад, он заявил:

— Поедьте в 357-ю стрелковую дивизию. Она у вас, видимо, находится между двух огней. Заодно проверим ее готовность к от-

¹⁹ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 860, лл. 83, 88.

²⁰ Там же, л. 116.

ражению удара с юго-запада и к уничтожению вражеского гарнизона в крепости.

При въезде в город внимание Г. К. Жукова привлек один из немногих сохранившихся в городе домов. На нем развеялся красный флаг, а на листе фанеры, прикрепленной к стене дома, было написано: «Военный комендант города Великие Луки».

— Установили, значит, власть в городе?

— Комендатура работает почти неделю, — ответил ехавший с нами А. И. Литвинов. — Появляются первые жители. В основном возвращаются из близлежащих деревень. Кое-кто прятался в подвалах. Измучились в оккупации, смотреть больно. Делаем для них все возможное.

В машине воцарилось молчание. Каждый из нас в эти минуты думал о том, сколько горя и страданий принесли нашему народу ненавистные захватчики и что недалек час, когда мы погоним их с родной земли. Сколько тяжелых ран оставит еще на ней война, прежде чем будет разгромлен враг!..

Вот и командный пункт полковника А. Л. Кроника. Командир дивизии встретил нас у входа в блиндаж. Он доложил Г. К. Жукову, что по решению Военного совета армии дивизия обороняет западную часть города. В связи с этим бои по уничтожению противника в крепости временно приостановлены. Его блокирует лишь 1188-й стрелковый полк. Два других — 1190-й и 1192-й расположились в обороне фронтом на юго-запад.

Г. К. Жуков внимательно слушал, пристально вглядываясь в А. Л. Кроника. Потом спросил:

— Служили в 1922 г. старшиной кавалерийского эскадрона?

— Да, — ответил А. Л. Кроник. — А вы, товарищ генерал армии, были тогда командиром этого эскадрона. Неужели узнали меня?

— Узнал, как видите, даже в темноте. Сколько таких встреч на войне!..

Войдя в блиндаж, представитель Ставки заинтересовался, имеется ли у командира дивизии план взятия крепости. Вопрос был не случайным. Во-первых, великолукская крепость, одна из сильнейших в старину, когда ею не удалось овладеть ни псам-рыцарям из Ливонского ордена, ни шляхетскому войску Стефана Батория, была и поныне «крепким орешком». Во-вторых же, и это основное, представителю Ставки нужно было убедиться, что, хотя главное внимание командования армии, как и должно быть, направлено на отражение прорыва извне, все же не забыта и подготовка к ликвидации остатков вражеского гарнизона.

— План имеется, — ответил полковник А. Л. Кроник. И по приказанию Г. К. Жукова доложил: — В захвате крепости будут участвовать 1188-й стрелковый полк, один батальон 1190-го стрелкового полка и разведывательная рота дивизии. Самое уязвимое место крепости — ее западная часть, где укрепления разбиты нашей артиллерией. Естественно, что именно там враг и ожидает нашего удара. Чтобы окончательно убедить его в этом, мы в ночь перед штурмом

организуем к западу от крепости демонстрацию сосредоточения сил, которую противник, несомненно, засечет. Кроме того, утром начнем там же наступление одной ротой. Рассчитываем, что в итоге гитлеровцы стянут свои основные силы к этому участку. Тогда и нанесем главный удар с востока, куда заблаговременно переправим части через Ловать по льду. Там сохранился высокий вал, но уверен, что быстро преодолеем его внезапной атакой с неожиданного для противника направления.

— План хороший,— одобрил Г. К. Жуков.— Доля риска в нем, конечно, есть, но без риска не обойтись. А как готовитесь к штурму?

Полковник Кроник доложил, что личный состав тщательно отрабатывает предстоящие действия по захвату крепости. Созданы штурмовые группы, в которые включены также саперы. Всей подготовкой и организацией взаимодействия выделенных для взятия крепости подразделений непосредственно руководит заместитель командира дивизии полковник М. Ф. Букштынович. К этому я добавил, что план также предусматривает нанесение перед атакой удара с воздуха силами эскадрильи штурмовиков. Отметил, что одновременно приступим и к ликвидации противника в районе железнодорожного узла.

— Сколько времени уйдет на подготовку?

— Дня четыре.

— Ну что ж, верю в ваш успех,— сказал Г. К. Жуков. А позднее, когда мы возвращались в штаб армии, подчеркнул, обращаясь ко мне: — Пусть действующие в городе части готовятся по вашим планам к штурму, вы же все свое внимание по-прежнему направьте на отражение прорыва извне. Постарайтесь выиграть время до подхода выделенных вам резервов.

Так мы и делали.

В течение двух дней после отъезда представителя Ставки противник продолжал упорно атаковать с северо-запада, особенно же с юго-запада. Его попытки прорваться на участке 32-й стрелковой дивизии и 47-й механизированной бригады были отбиты. К юго-западу же от города ему удалось занять деревни Копытово и Лиценку. В результате расстояние, отделявшее его от Великих Лук, сократилось до 3,5—4 км.

В тот день Военный совет армии обратился к войскам, противостоявшим натиску противника, со следующим воззванием: «Товарищи бойцы, командиры и политработники! Кровью героев освобожден город Великие Луки. Советский народ восхищен вашим великим подвигом. Озверелый враг снова пытается прорваться в город и втоптать в грязь наши завоевания... Не бывать этому! Родиной, партией судьба Великих Лук вверена нам, дорогие товарищи. Ни шагу назад! Умереть, но не пропустить врага! За Родину, за партию, вперед к новым победам!».

С удесятеренной энергией ринулись в бой наши части. К исходу 12 января враг был остановлен на рубеже Копытово, Лиценка, Копшино, Грибушино, ставшем пределом его продвижения к городу. Бои здесь не утихали еще два дня.

В значительной степени перемолотая нашими войсками и уже явно выдыхавшаяся ударная группировка противника, собрав последние силы, словно азартный игрок, все поставивший на одну карту, пыталась преодолеть последние километры. Но вновь усеяв поле боя своими горящими танками и убитыми солдатами и офицерами, окончательно разбилась о стойкую оборону наших воинов, сражавшихся с беспредельным мужеством и героизмом.

Приведу лишь один пример.

На участке 47-й механизированной бригады гитлеровцы силами до полка пехоты с 15 танками атаковали высоту в районе дер. Маленка, расположенную в 3,5 км к западу от Великих Лук. Оборонял его сводный стрелковый батальон под командованием старшего политрука И. Ф. Сергеева. Уже три атаки отбили в этот день наши воины, нанеся врагу большие потери. Но он продолжал лезть напролом. Вот началась четвертая атака. Охватив батальон с трех сторон и выдвинув вперед 4 танка, фашисты начали взбираться на высоту.

И. Ф. Сергеев организовал круговую оборону. Бойцы поклялись стоять насмерть, не отдать высоту. А вражеские танки уже подошли вплотную к окопам, ведя огонь из пушек и пулеметов. Но вот навстречу полетели гранаты. Один за другим остановились три танка. Один из них был подбит бойцом И. И. Теофановым, второй — старшиной Сергеевым, третий — старшим политруком И. Ф. Сергеевым. Отважный командир сразу же после этого поднял батальон в контратаку. Дружным решительным ударом враг был опрокинут и обратился в бегство. В этом бою И. Ф. Сергеев был тяжело ранен. Контратаку возглавил капитан И. Я. Кирилловский. Враг был отброшен почти на 1 км от высоты и оставил на ней свыше 200 своих убитых солдат и офицеров и 3 подбитых танка.

Это был один из последних боев с группировкой противника, пытавшейся пробиться к Великим Лукам. Несмотря на ее непрерывное усиление подходившими резервами, вражескому командованию так и не удалось осуществить свой план прорыва в город.

Наши войска, хотя им пришлось решать очень сложные задачи, успешно с ними справились. Они не только еще до 1 января 1943 г. очистили от врага Великие Луки, в основном ликвидировали окруженный гарнизон и обрекли на уничтожение его остатки, но и сорвали план прорыва извне. Успех в борьбе с деблокирующими частями объяснялся прежде всего заблаговременным занятием оборонительных позиций на направлениях вероятных ударов противника, маневром и эшелонированием сил и средств на угрожаемые участки. В результате враг, пробившись на том или ином рубеже, неизменно встречал и на следующем организованную оборону. Большую роль сыграла и ее активность.

Частые контратаки, преимущественно по флангам неприятельского клина, тормозили его продвижение, оттягивали силы с острия и в то же время в сочетании со стойкостью обороны лишали противника возможности расширять прорыв.

Провал плана немецко-фашистского командования под Великими Луками и непреодолимую стойкость наших войск с горечью признали и гитлеровские генералы. Так, К. Типпельскирх впоследствии писал: «С величайшим трудом и ценой огромных потерь... немецкие дивизии сумели вбить клин глубиной 10 километров и шириной 3 километра в оборону русских прикрывающих сил. 12 января их главные части, совершенно истощенные и обескровленные, остановились, не дойдя всего 3 километра до западной окраины города...»²¹

В результате месяца кровопролитных боев враг, постепенно прогрызая нашу оборону и вдавливая фронт, смог на очень узком участке продвинуться на столь незначительное расстояние, что оно составляло в среднем не более 400 м в сутки. Да и это было им достигнуто лишь ценою огромных потерь. Они составили 15 тыс. убитых и раненых солдат и офицеров, большое количество уничтоженной техники и вооружения.

Во всех наступавших вражеских соединениях и частях потери превышали половину их личного состава. Об этом свидетельствовали и показания пленных. Так, один из них, унтер-офицер 557-го пехотного полка 334-й пехотной дивизии, рассказал: «За последние несколько дней из 500 человек наш батальон потерял более 300 солдат и офицеров. Другие батальоны понесли еще большие потери. В связи с этим наш 557-й пехотный полк был расформирован, а его остатки влиты в 558-й пехотный полк»²².

Более того, в борьбе за Великие Луки гитлеровское командование вновь обнаружило авантюризм своих методов ведения боевых операций. Ибо, упрямо продвигая свои войска вперед, оно поставило их в крайне невыгодное положение. Выше уже говорилось, что вражеская группировка, вклинившаяся в нашу оборону на участке шириной до 3 км и глубиной до 10—12 км, оказалась под угрозой фланговых ударов, которыми наши войска могли разрезать ее на части и полностью уничтожить. Правда, для этого нужны были значительные силы, которых мы, к сожалению, тогда не имели. Но даже и при таких условиях нами частично была использована возможность нанесения фланговых ударов, о чем будет сказано ниже.

Взятие великолукской крепости

В то время как на подступах к Великим Лукам шли ожесточенные бои, остатки гарнизона города продолжали упорно обороняться, видимо, до последних дней веря, что их «выручат». Эту надежду поддерживали не только звуки близкой артиллерийской канонады, но и главным образом фашистское радио, в чьи заклинания и обещания прийти на помощь все еще верили окруженные. Другая причина их сопротивления состояла в усилившихся карательных мерах.

²¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 270.

²² Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4320, д. 11, л. 43.

Так, пленные рассказали, что на днях фон Засс приказал без суда расстрелять трех солдат, заподозренных в «недостаточной устойчивости духа» и будто бы сговаривавшихся сдаться. Выяснилось также, что сразу после окружения города, еще в первых числах декабря, у каждого солдата была взята расписка об отказе сдаться в плен при любых обстоятельствах. Вот как рассказывал об этом один из пленных: «Расписка — документ. Хранится она в штабе дивизии. Поднимешь руки — по расписке этой найдут семью. А знаете, что произойдет, если в это вмешаются господа из гестапо? Вот я и стрелял, пока мне ваш солдат на голову не прыгнул».

И все же стойкость немецких солдат, поддерживавшаяся подобными способами, заметно упала. Сознание бессмысленности дальнейшего сопротивления охватывало все большее количество окруженных. Многие из них при малейшей возможности бросали оружие и сдавались. Если в начале боев в городе в плен попадали единицы, в лучшем случае десятки неприятельских солдат, в день, то в последние несколько суток перед окончательным разгромом остатков гарнизона только на участке 257-й стрелковой дивизии было взято около 500 пленных.

Но примерно такое же количество продолжало обороняться в крепости, а отряд поменьше — в районе железнодорожного узла.

Крепость представляла собой старинное каменное сооружение в западной части города. Расположенная на возвышенности, она господствовала над окружающей местностью. Вокруг крепости тянулся земляной вал, состоявший из двух ярусов. Первый из них, служивший как бы основанием для второго, имел высоту до 11 м с наклоном в 50—70 градусов. Второй, столь же крутой, возвышался еще на 10 м над площадкой первого, причем по его гребню располагались окопы со стрелковыми ячейками и гнездами для пулеметов. Внутри крепости на площади 200 × 350 м уцелело несколько прочных каменных зданий — церковь, тюрьма, три жилых дома. В их подвалах гарнизон крепости укрывался в период артиллерийского обстрела и бомбежки.

Высокие, крутые валы с обледеневшими скатами делали крепость недоступной не только для танков, но и для пехоты. К тому же и приблизиться к ней было нелегко. Засевшие в крепости гитлеровцы, имея танки и артиллерию, а также значительное количество минометов и пулеметов, вели по атакующим плотный и сильный огонь.

Первая попытка штурма крепости была предпринята частью сил 357-й стрелковой дивизии с 7 танками еще 3 января. Атака началась в 15 часов после артиллерийской подготовки, однако успеха не имела. В крепость проникли только два тяжелых танка 13-го гвардейского танкового полка под командованием капитана И. Т. Слободяна и младшего лейтенанта П. И. Шеметова. Но и им пришлось сразу отойти на исходные позиции, так как наступавшая за ними пехота сильным огнем противника была отсечена. При повторной атаке, начавшейся три часа спустя, в крепость ворвался только танк младшего лейтенанта П. И. Шеметова. Пехота опять была вынуждена под вра-

жеским огнем залечь. Танкисты попытались вновь отойти. Но так как этому помешала вражеская контратака, они вступили в бой.

Бессмертный подвиг, совершенный в тот день героическим экипажем, — одна из незабываемых страниц истории сражения за Великие Луки. Ринувшись в одиночку на окруживших его гитлеровцев, краснозвездный танк огнем и гусеницами уничтожил противотанковое орудие и большую группу вражеской пехоты. Вскоре фашистам удалось его поджечь. Не имея возможности вернуться к своим и не желая сдаваться врагу, танкисты направили горящую машину в расположенное в крепости озеро.

Вот имена членов экипажа, пяти верных сынов русской земли, павших смертью героев: командир танкового взвода гвардии младший лейтенант Павел Иванович Шеметов, старший механик-водитель гвардии техник-лейтенант Петр Георгиевич Ребриков, старший радист гвардии старший сержант Михаил Федорович Прияткин, командир орудия гвардии старшина Семен Алексеевич Гуков, младший механик-водитель гвардии старший сержант Андрей Ефимович Касаткин.

В мае 1943 г. танк был извлечен из озера, на берегу которого и был похоронен отважный экипаж. А в 1952 г. жители города перенесли останки героев на братское кладбище и установили на могиле мемориальную доску, на которой золотом написаны их имена. Память о них свято хранят Великие Луки. Одна из улиц города названа улицей Пяти танкистов.

Прошло 12 дней, прежде чем мы смогли возобновить штурм крепости, что было вызвано указанными выше причинами. За это время была сорвана попытка вражеского прорыва извне, а также проведена соответствующая подготовка к разгрому остатков окруженных частей. Произошло и еще одно событие. О нем стоит рассказать хотя бы для того, чтобы еще раз показать авантюризм, характеризовавший действия немецко-фашистского командования в районе Великих Лук зимой 1942/43 г.

Отчаявшись осуществить намеченный широкий план, предусматривавший не только деблокаду великолукского гарнизона, но и захват города, а также окружение находившихся к западу от него наших войск, гитлеровцы решили устроить хотя бы имитацию прорыва. И вот из разбитых подразделений 8-й танковой дивизии они сформировали «отряд особого назначения» в составе 20 танков. Закрасив на них свои опознавательные знаки, нарисовали красные звезды. Впереди колонны поставили три наших трофейных танка. Вечером 13 января во время упомянутой выше безуспешной атаки в районе дер. Маленка сюда подтянули и «отряд особого назначения».

Воспользовавшись перегруппировкой наших танков, которая производилась в этом районе под прикрытием дымовой завесы, он прорвался через боевые порядки 360-й стрелковой дивизии и на большой скорости, не открывая огня, устремился к городу. Но на пути у него были еще и части 357-й стрелковой дивизии, стоявшие в обороне на западной окраине. Они быстро раскрыли маневр врага и открыли по

нему огонь. 12 танков было подбито, но 8 все же прорвались в крепость.

Трудно сказать, чего хотел этим достичь противник — подогреть дух остатков частей фон Засса или дать прессе Геббельса возможность трубить о «соединении» деблокирующих войск с гарнизоном Великих Лук. Ведь на большее ему не приходилось рассчитывать.

Рассказанный эпизод, естественно, ничего не мог изменить в судьбе окруженных. Он привел лишь к тому, что враг потерял еще 20 танков, так как и прорвавшиеся в крепость были вскоре уничтожены.

Штурм крепости начался, как было намечено по плану, 15 января в 11 часов. Предварительно была проведена 25-минутная артиллерийская подготовка и нанесен бомбовый удар с воздуха. Надо сказать, что к тому времени всеми видами разведки мы достаточно полно вскрыли огневые позиции артиллерии, минометов, а также пулеметные точки противника. Это позволило прицельным огнем артиллерии дезорганизовать всю систему вражеской обороны на валу и внутри крепости. Наша авиация так же точно накрывала бомбами важнейшие укрепления и огневые точки гитлеровцев.

Применили мы и ампулометы. Из наклонно установленной трубы, смонтированной на саях, сжатый газ выталкивал стеклянную ампулу с горючей смесью. Летела она по крутой траектории на расстояние до 300—350 м. Разбиваясь при падении, ампула создавала небольшой, но устойчивый очажок пожара, поражая живую силу противника и поджигая его блиндажи. Сводная ампулометная рота под командованием старшего лейтенанта Старкова, в составе которой было 17 расчетов, в течение первых двух часов выпустила 1620 ампул²³.

Но и после такого мощного огневого удара гитлеровцы продолжали упорно обороняться. Как и предполагалось, наша атака с запада, где противник сосредоточил свои основные силы, успеха не имела. Сильный огонь окруженных и крутые обледенелые скаты крепостного вала не позволили также прорваться с юга. С востока же один из штурмовых отрядов проник в крепость. Овладев с боем ее северо-восточной частью, он, несмотря на многократные контратаки противника, закрепился на захваченных позициях. Для развития успеха здесь был введен в бой резерв — батальон 1190-го стрелкового полка.

Одновременно наши артиллеристы под огнем врага втащили на вершину крепостного вала противотанковые орудия и открыли огонь прямой наводкой по оборонявшимся. Сюда же выдвинулись ампулометчики старшего лейтенанта Старкова. Действуя под прикрытием пехоты, они подожгли вражеский танк, два орудия и несколько огневых точек.

Поддерживаемые артиллерией и ампулометами, штурмовые группы настойчиво продвигались вперед. Завязались рукопашные схватки. Огнем, штыком и гранатой наши бойцы уничтожали всех, кто оказывал сопротивление. Старшина роты противотанковых ружей

²³ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 93.

Обстрел Великолукской крепости артиллерийским полком под командованием майора Ф. К. ЖЕВНОВА

Николай Романов вместе с шестью бойцами поджег два вражеских танка. Еще три танка были подбиты нашими противотанковыми орудиями.

К полуночи в крепость ворвались наши подразделения с северо-запада, запада и юго-запада. Бой продолжался до рассвета. Около 100 гитлеровцев попытались с боем прорваться из крепости на запад. Но большая их часть была уничтожена, а остальные взяты в плен. После этого сопротивление последних групп противника было сломлено.

К 7 часам утра 16 января наши части полностью овладели крепостью. Над самым высоким ее зданием взметнулся красный стяг. В боях за крепость было взято 235 пленных, захвачено 9 танков, много орудий, минометов, стрелкового вооружения, военного имущества. На территории крепости, в траншеях и окопах было обнаружено 336 убитых вражеских солдат и офицеров.

А во второй половине этого же дня был ликвидирован и последний очаг сопротивления — в районе железнодорожного узла в восточной части города.

Здесь наступление началось 14 января. Оно велось со всех сторон. С запада действовали части 257-й стрелковой дивизии. Им пришлось прежде всего штурмовать укрепления, созданные гитлеровцами в этой части города, носившей название Курьянихи. Противник использовал не только развалины домов в качестве огневых точек, но и имел здесь большое количество прочных дзотов. Однако и это не помогло ему удержать позиции.

При овладении Курьянхой большую изобретательность проявил командир группы саперов лейтенант Подголин. В тот момент наши подразделения были остановлены сильным огнем из дзота и расположенного рядом полуразрушенного дома. Подавить вражеские минометы и пулеметы артиллерией не удалось, так как поблизости не оказалось для нее подходящей огневой позиции. Атака же силами пехоты могла привести к значительным потерям. Тогда-то лейтенант Подголин и придумал средство устранить препятствие. Саперы под его руководством погрузили взрывчатку в сани, укрепив на них сорванный с подбитого вражеского орудия передний щит. Затем столкнули их под горку к полуразрушенному дому. Раздался мощный взрыв. Остатки стен здания рухнули, завалив и засевшего за ними противника, и расположенный рядом дзот. Вслед за этим наши подразделения прошли вперед.

Успешно наступали и эстонские части, наносившие удар по железнодорожному узлу с северо-востока и с юга, через поселок Алигродово. Их взаимодействие хорошо организовал командир корпуса генерал Л. А. Пэрн со своим штабом.

В результате в первый же день войны 249-й эстонской дивизии, решительно преодолевая сопротивление врага, вышли к северу от Алигродово. Вперед вырвался 917-й стрелковый полк, которым командовал капитан Н. Е. Леокене (заместитель по политчасти — капитан Я. Ю. Авик). Его подразделения уничтожили несколько дзотов у железнодорожного полотна, заняли ряд пристанционных строений и захватили 25 пленных. Стремительно наступали и части 7-й эстонской стрелковой дивизии, которой с 6 января командовал полковник К. А. Алликас. Прорвав оборону противника, они с боем заняли северо-восточную окраину Алигродово²⁴.

На следующий день войны 249-й стрелковой дивизии освободили район железнодорожной станции и атаковали паровозное депо. Для захвата этого крупного объекта был выделен специальный отряд 917-го стрелкового полка, который смелым ударом сломил сопротивление врага и к 17 часам ворвался в депо. А вскоре 3-й батальон этого же полка захватил железнодорожную станцию.

Решающую роль в бою за станцию сыграл взвод лейтенанта О. Михельсона. Он первым ворвался в ее здание, оказавшись в коридоре длиной 60 м, вдоль которого вели огонь гитлеровцы. Наши бойцы не растерялись. Они ринулись в комнаты, расположенные по сторонам коридора, очищая их от врага ручными гранатами. Фашисты вынуждены были бежать на второй этаж, а вскоре начали оттуда через пролом в потолке забрасывать атакующих гранатами. Но лейтенант Михельсон нашел свободный проход на третий этаж, и противник оказался между двух огней. После этого взвод совместно с подоспевшими другими подразделениями полка быстро очистил от гитлеровцев все здание.

²⁴ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 95.

Продолжала успешно наступать и 7-я эстонская стрелковая дивизия. Ее 354-й стрелковый полк под командованием майора А. А. Эрмеля, громя оборонявшегося противника, после упорного боя занял электростанцию. Дальнейшему продвижению вперед мешал вражеский дзот, находившийся невдалеке от станции. Тут стрелковым подразделениям помогли артиллеристы. Правда, по условиям местности они не смогли вести огонь из орудий. Но дело решило мужество и самоотверженность заместителя командира 1-й батареи 779-го артиллерийского полка по политчасти старшего лейтенанта Степанова. Он смело бросился вперед и, метнув две гранаты, попал ими в амбразуру и обезвредил дзот.

Решающим стал день 16 января.

В 12 часов 7-я эстонская стрелковая дивизия овладела находившимся около железнодорожной станции зданием больницы, которое использовалось гитлеровцами в качестве крупного опорного пункта. Здесь и в нескольких прилегающих домах было взято в плен около 600 фашистских солдат и 28 офицеров.

249-я эстонская стрелковая дивизия заняла последние укрепления врага в районе железнодорожного депо и взяла 260 пленных. Теперь у врага оставалось последнее убежище, в котором отсиживался фон Засс со своим штабом и довольно большой группой солдат.

Сведения о его местонахождении мы получили еще в дни подготовки к завершающему штурму. Для их уточнения в 257-й стрелковой дивизии была создана разведывательная группа во главе со старшим сержантом Капустиным. В ее состав вошли 12 добровольцев, в том числе немецкие антифашисты Ф. Августин и Ф. Гольц. С помощью последних разведчики, одетые в немецкую форму, беспрепятственно прошли через вражеские посты и вскоре приблизились к штабу гарнизона. Он находился в глубоком бетонированном подвале в нескольких сотнях метров восточнее железнодорожной станции. На подступах к нему располагалась целая система дзотов, надежно прикрывавших гитлеровцев от возможного нападения.

Все это разведчики установили. Но группа вызвала подозрение охраны штаба. Гитлеровцы потребовали, чтобы разведчики подошли поближе. Ф. Августин начал объясняться с часовыми. Но те, имея сторожкие инструкции, решили все же проверить группу и начали ее окружать. Пришлось открыть огонь. Уничтожив гранатами до 20 гитлеровцев, наши разведчики начали отходить. Вырваться из расположения врага оказалось неизмеримо труднее, чем проникнуть в него. Опять помогли немецкие антифашисты. С их помощью разведчики обошли ряд постов. Однако кое-где пришлось пустить в ход и оружие. К рассвету группа старшего сержанта Капустина без потерь возвратилась в свою дивизию, доставив ценные сведения, очень нужные нам.²⁵

²⁵ Там же, ф. 317, оп. 4320, лл. 11, 118.

Они были переданы 249-й эстонской стрелковой дивизии, которая первой вышла к району расположения штаба гарнизона. Ее командир полковник И. Я. Ломбак создал отряд в составе 30 пехотинцев и саперов с артиллерийской батареей, которому и было поручено разгромить последнее убежище врага. Отряд возглавил майор Э. Лемминг из штаба артиллерии дивизии.

Атака началась в полдень 16 января. Майор Лемминг разделил свой отряд на две группы, которые быстро окружили штаб противника, уничтожив несколько дзотов и взяв восемь пленных. Вслед за тем через парламента было передано предложение сложить оружие и сдаться. Фон Засс отклонил его, заявив, что намерен ждать помощи.

Любопытно, что, как вскоре стало известно от пленных, гитлеровское командование действительно уверяло по радио фон Засса, что обещанная ему помощь подойдет «с минуты на минуту». Последняя радиogramма командира 83-й пехотной дивизии генерала Шерера гласила, что деблокирующие части будто бы находятся уже в 500 м от убежища и что можно пробиваться им навстречу. И это в то время, когда противник был отброшен от города и потерял всякую надежду пробиться к нему. Поистине нет меры лживости фашистских генералов даже в отношении своих ближайших подчиненных...

Отказ капитулировать вынудил наших воинов применить более действенные меры. На крыше подвала были взорваны один за другим два мощных заряда взрывчатки. В результате образовалось отверстие, в которое тотчас же полетели ручные гранаты. В 15 часов 30 минут отряд майора Лемминга ворвался в подвал и захватил в плен 52 немецких солдата и офицера во главе с начальником уже несуществующего вражеского гарнизона фон Зассом²⁶.

На судебном процессе, состоявшемся после окончания войны в Великих Луках, фон Засс за совершенные им злодеяния был признан военным преступником и по приговору суда повешен на площади города, который Гитлер обещал назвать его именем.

Закончились длительные и упорные бои по окончательной ликвидации великолукского гарнизона противника. С разгромом последних очагов сопротивления древний русский город Великие Луки был очищен от фашистских захватчиков и навсегда возвращен Родине.

За время боев в городе наши войска уничтожили более 5 тыс. и взяли в плен около 4 тыс. вражеских солдат и 80 офицеров, захватили 113 орудий, 87 минометов, в том числе 29 шестиствольных, 20 танков и штурмовых орудий, тысячи винтовок и автоматов, 155 автомашин, 6 складов, 456 вагонов, 40 паровозов и много других трофеев²⁷.

В своем приказе по итогам штурма Великих Лук Военный совет армии дал высокую оценку умелым и самоотверженным действиям наших войск. Всем воинам, участвовавшим в боях за освобождение

²⁶ Архив МО СССР, ф. 1334, оп. 342905, д. 1, л. 87.

²⁷ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 863, л. 59.

города, объявлялась благодарность. Командирам частей и соединений было приказано представить отличившихся бойцов и командиров к награждению орденами и медалями.

Борьба за Великие Луки явилась одним из первых на Калининском фронте примером боев за сильно укрепленный город. А так как нам предстояло освободить еще немало городов, изучение и использование опыта штурма Великих Лук, естественно, могло во многом облегчить эту задачу. Вот почему мы тогда же провели специальное совещание командиров соединений и их заместителей по политчасти, на котором всесторонне разобрали итоги боев по окружению и ликвидации великолукского гарнизона, сильные и слабые стороны действий наших войск. К этому вопросу я вернусь ниже, так как предварительно необходимо рассказать и о том, чем же закончились бои к западу от Великих Лук.

Для вражеских войск, прорывавшихся к городу, ликвидация великолукского гарнизона явилась тяжелым ударом. Они утратили цель своего наступления. В то же время эти войска, как уже отмечено, сами оказались в сложном положении. Противник был вынужден принять срочные меры, чтобы обезопасить свой узкий клин от наших ударов. 13 января он начал переходить к жесткой обороне. Одновременно 6-я авиаполевая и 708-я пехотная дивизии были брошены на усиление основного клина.

Отходить от Великих Лук гитлеровцы не собирались, так как они еще надеялись в дальнейшем преодолеть оставшееся небольшое расстояние и вновь овладеть городом. В соответствии с этим враг начал закрепляться на занимаемых им позициях.

Но не успел. Наши войска, преградив противнику путь к городу и измотав его в кровопролитных боях, одновременно подготовили контрудар с целью разгрома фашистских войск юго-западнее Великих Лук. Такая возможность появилась в связи с подходом резервов — 150-й стрелковой дивизии и 23-й стрелковой бригады. Конечно, и их прибытие не обеспечивало решения задачи на окружение и уничтожение всех или хотя бы большей части находившихся здесь вражеских дивизий. Однако можно было попытаться отсечь северную часть клина, где находились две дивизии противника.

Таков и был наш план. Для его осуществления мы сосредоточили 150-ю стрелковую дивизию и 23-ю стрелковую бригаду в районе Грибушино, откуда они должны были нанести удар на запад, в середину вражеского клина. 357-я стрелковая дивизия, высвободившаяся после штурма города, и переброшенная на ее участок 46-я механизированная бригада 2-го механизированного корпуса предназначались для вспомогательных действий с северо-запада.

С утра 16 января соединения армии перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление и отбивая многочисленные контратаки, 150-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н. О. Гузь (заместитель командира по политчасти — полковник А. Д. Серюков), и 46-я механизированная бригада (командир — подполковник Н. Л. Манжурин, заместитель командира по политчасти —

подполковник С. И. Чистяков) медленно, но неуклонно продвигались навстречу одна другой. В этот день они уничтожили более 400 гитлеровцев и подбили 8 танков.

Расстояние между нашими наступающими частями несколько сократилось, и на следующий день 150-я стрелковая дивизия и 23-я стрелковая бригада с боями продвинулись до Иванцева. Здесь завязались тяжелые бои. Противник, увидевший реальную угрозу рассеяния своей группировки и опасавшийся окружения, начал отводить войска с вершины клина, прикрывая их сильными арьергардами.

В боях, продолжавшихся по 21 января, соединения армии выбили фашистов из ряда укрепленных селений и вышли на рубеж Демя, Алексейково, Борщанка, почти полностью уничтожив вражеский клин. Территория, для захвата которой гитлеровцам потребовалось 22 дня кровопролитных боев, была освобождена нашими войсками в течение 5 суток.

После этого фронт стабилизировался.

Итоги Великолукской операции

Сражение в районе Великих Лук, которое иногда не без оснований называют «Сталинградской битвой в миниатюре», вошло в летопись Великой Отечественной войны как одна из успешных операций. В ходе ее была окружена и уничтожена значительная группировка вражеских войск в крупном городе. Своими действиями части и соединения 3-й ударной армии притянули на себя и сковали на довольно узком 50-километровом фронте в общей сложности до 10 дивизий противника, не позволив использовать их на других направлениях.

Немецко-фашистское командование группы армий «Центр» перебрасывало к Великим Лукам резервные дивизии с различных фронтов. Особенно важно то, что большая их часть была переброшена из района Витебска и Смоленска. Дело в том, что, как нам тогда было известно, гитлеровцы готовили там крупную наступательную операцию в целях облегчения положения своих войск на юге. Видимо, наступление левофланговых армий Калининского фронта и проведение Великолукской операции и заставило противника отказаться от этого намерения.

Примечательны в связи с этим высказывания западногерманского военного историка генерал-майора Бутлара. Он, в частности, писал: «В районе севернее и южнее Великих Лук русским удалось прорвать оборону немцев...; сам город, хорошо подготовленный к обороне, был окружен. Гитлер приказал гарнизону города удерживать его во что бы то ни стало... Пытаясь освободить окруженные войска, немцы предприняли контрудар извне..., но их наступление выдохлось... Русским удалось расчленить гарнизон на две группы..., которые вынуждены были капитулировать. В целом это наступление... сковало значительные силы немцев и увеличило их потери в людях и технике»²⁸.

²⁸ «Мировая война 1939—1945 гг.». М., 1957, стр. 209.

Были уничтожены полностью 83-я пехотная дивизия и свыше десяти отдельных частей, разгромлены 291-я пехотная, 3-я горнострелковая, 20-я моторизованная и 8-я танковая дивизии, значительный урон понесли 205, 331 и 708-я пехотные и 6-я авиаполевая дивизии. Потери противника в живой силе составили в ходе Великолукской операции много тысяч убитыми и ранеными, более 4,5 тыс. пленными. Было также уничтожено 250 вражеских танков, 470 орудий, 300 минометов (включая и шестиствольные), 900 ручных и 800 станковых пулеметов, тысячи винтовок и автоматов, 1150 автомашин. Кроме того, наши войска захватили большое количество танков, орудий, минометов, более 200 пулеметов, около 2,5 тыс. винтовок и автоматов, 330 автомашин, много различного военного имущества²⁹.

Для стабилизации положения на этом участке немецко-фашистскому командованию и в дальнейшем пришлось посылать новые войска, ослабляя свои позиции на других фронтах.

Воины 3-й ударной армии, сражаясь во имя освобождения Родины от фашистских захватчиков, продемонстрировали высокий наступательный порыв, стойкость и упорство в обороне. За героизм, мужество, воинскую отвагу, проявленные в Великолукской операции, свыше 10 тыс. бойцов и командиров были удостоены высоких правительственных наград. 257-я стрелковая дивизия, действовавшая на главном направлении и внесшая существенный вклад в освобождение Великих Лук, была преобразована в гвардейскую.

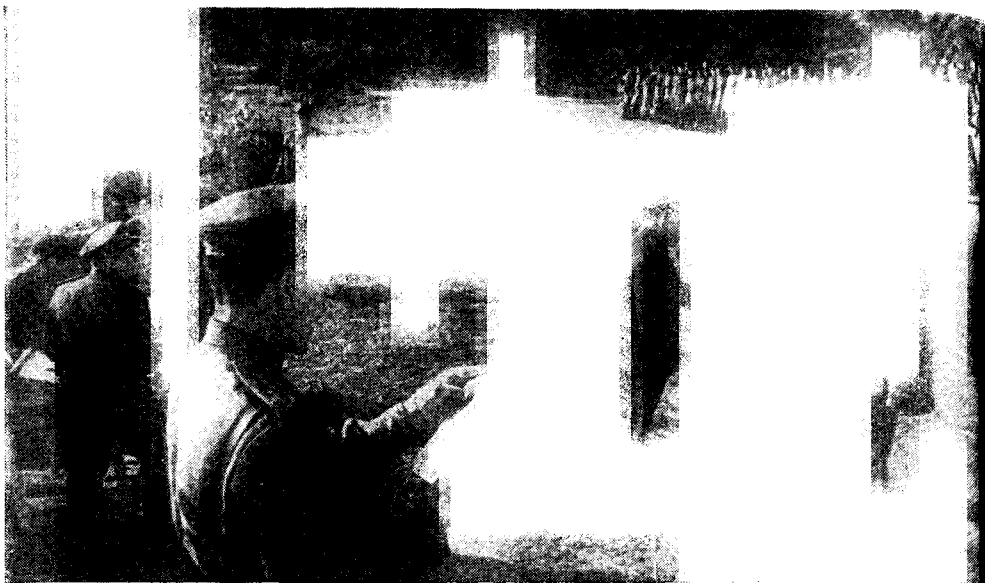
Успех под Великими Луками был широко отмечен советской печатью. В газетах публиковались многочисленные статьи приезжавших в нашу армию писателей: А. Фадеева, Б. Полевого, Р. Бершадского и многих военных корреспондентов. Так, Александр Фадеев в статье «Великие Луки» писал в «Правде»: «Великие Луки были взяты частями Красной Армии решительным ударом... благодаря исключительному героизму наших бойцов и умелому командованию...»³⁰.

В те же дни «Красная звезда» воспроизвела ряд высказываний английской и американской прессы. «Красная Армия, — писала лондонская «Санди экспресс», — превзошла прежде совершенные ею чудеса... Последние ее достижения являются особенно крупными. Заняты Великие Луки — сильнейшая база противника на всем Центральном фронте»³¹. А агентство Ассошиэйтед Пресс откликнулось на это событие следующим образом: «Немцы превратили Великие Луки в одну из своих основных крепостей, которая была укреплена с применением всех ресурсов и всех возможностей германского военно-инженерного искусства и упорно защищалась. Занятие Великих Лук послужило новым доказательством способностей Красной Армии наносить сокрушительные удары по наиболее упорно обороняемым

²⁹ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 863, л. 59.

³⁰ «Правда», 10 января 1943 г.

³¹ «Красная звезда», 6 января 1943 г.

германским укрепленным пунктам»³². Наконец, «Нью-Йорк таймс» отмечала: «Немцы считали Великие Луки неприступными, но сейчас силы русских возросли настолько, что они сумели занять этот город»³³.

Рост оперативного искусства наших командиров и штабов, высокий боевой дух войск сказались в этой операции очень ярко. Советские части и соединения осуществляли не просто наступление, а окружали и уничтожали силы противника. В ходе этих действий был накоплен и применен богатый опыт ведения наступательного боя, особенно в крупном населенном пункте. Подавляющее большинство командиров и штабов соединений правильно оценивало обстановку, умело планировало действия в сложных условиях и успешно осуществляло намеченные планы.

Несмотря на трудные природные и метеорологические условия, наши войска в Великолукской операции проявили высокую маневренность, являвшуюся характерной особенностью боевых действий. С началом операции на направлении главного удара была создана группировка, обеспечивавшая значительный перевес над противником на наиболее важном направлении и, следовательно, успех прорыва. В дальнейшем она претерпела изменения в связи с непрерывно обострявшейся обстановкой.

Маневрирование силами и средствами в значительной мере диктовалось и тем, что боевые действия вскоре после прорыва развернулись в нескольких районах. В частности, в конце ноября они велись

³² «Красная звезда», 8 января 1943 г.

³³ Там же.

Вручение правительственных наград командующим 3-й ударной армией

войсками армии в Великих Луках, а также северо-западнее города и в районах Новосокольников, Ширпица и юго-западнее Поречья.

В условиях отсутствия достаточных резервов решающую роль играл быстрый маневр силами и средствами с второстепенных на наиболее важные участки фронта.

Так, своевременное выдвижение 235-го стрелкового полка и 184-й танковой бригады на пути, по которым двигалась с юго-запада 291-я немецкая пехотная дивизия, привело к тому, что один ее полк был разгромлен, а остальные части задержаны с подходом к фронту и тоже понесли при этом значительные потери. В результате удар этой дивизии на Великие Луки был сорван. Выход наших войск на коммуникации и тылы отдельных вражеских группировок заставил их под угрозой окружения отказаться от обороны весьма сильных Пореченского и Марьяновского узлов сопротивления и отойти за р. Ловать.

Не менее широко применялся маневр и непосредственно в боях за Великие Луки. Например, успех 257-й стрелковой дивизии был в немалой степени обеспечен быстрым выдвижением одного из ее полков па р. Лозавица.

Так активный маневр до некоторой степени возмещал недостаток сил. Причем он широко применялся нашими войсками не только в наступлении, но и в обороне, особенно в ходе упорных, напряженных боев при отражении контрударов противника, рвавшего к Великим Лукам сначала с северо-запада, а затем и с юго-запада. Удары 8-й танковой дивизии противника, пытавшейся прорваться с северо-запада к Великим Лукам, были парированы благодаря стремительной переброске сначала 34-й стрелковой бригады, а затем частей 381-й

стрелковой дивизии, 26-й стрелковой и 36-й танковой бригад на угрожаемое направление.

Маневр 44-й и 45-й лыжных бригад и развертывание их севернее Алексейково не позволил врагу развить достигнутый им успех при наступлении на Великие Луки с юго-запада. В начале января, когда противник находился в 4—5 км от города и опасность прорыва нарастала с каждым днем, силами частей 357-й стрелковой дивизии, 47-й механизированной и 56-й инженерной бригад был создан еще один заслон. Этот маневр вместе с последующей переброской сюда частей 32-й стрелковой дивизии позволил окончательно остановить продвижение врага.

Операция дала богатейший опыт борьбы за сильно укрепленный город. Со всей очевидностью подтвердилось положение, что такая борьба требует предварительной изоляции города от остальной обороны противника, что и было осуществлено в первые же дни. И тот факт, что бои затянулись почти на полтора месяца, был исключительно следствием уже отмеченной нехватки резервов, вынудившей вскоре после окружения Великих Лук большую часть войск армии использовать для отражения сильных контрударов врага.

Управление войсками, особенно в ходе развития операций, было весьма затруднено.

Начав наступление силами 7 стрелковых дивизий, 1 стрелковой, 3 механизированных и 3 танковых бригад, армия завершала операцию, имея на великолукском направлении в своем составе 12 стрелковых дивизий, 8 стрелковых и лыжных бригад, 5 механизированных и 5 танковых бригад. Получили мы и большое количество артиллерии и гвардейских минометов. Только в нашей ударной группировке насчитывалось 16 соединений. В то же время в армии имелось всего два корпусных управления. Правда, мы все же в дальнейшем создали вспомогательный пункт управления во главе с заместителем командующего армией генерал-майором В. И. Швецовым. Но это несколько облегчило управление лишь на правом фланге ударной группировки. Таким образом, ход боев в районе Великих Лук дал еще одно подтверждение правильности предпринятого в дальнейшем расширения и укрепления корпусной системы в наших войсках.

Следует отметить и особенности уличных боев в Великих Луках. Одна из них состояла в том, что борьба развернулась одновременно на значительном пространстве, другая — в том, что наши подразделения и части нередко прослаивались вражескими. И то и другое вызвало немалые дополнительные затруднения в управлении войсками. Однако их удалось устранить такими мерами, как приближение командных пунктов к боевым порядкам, предоставление широкой инициативы командирам подразделений всех степеней, созданием дополнительной сети наблюдательных пунктов, повышением устойчивости связи путем многократного дублирования и т. п.

Большую помощь армии накануне и в ходе операции оказывали партизаны. В западной части Калининской области действовало тогда 9 партизанских бригад в составе 34 отрядов, насчитывавших

4,5 тыс. человек. Они были объединены в оперативную группу партизанских отрядов под руководством батальонного комиссара Кривошеева.

Об этом нам рассказал прибывший в штаб армии 27 ноября 1942 г. начальник оперативного отдела Центрального штаба партизанского движения полковник С. Г. Соколов. Он также сообщил, что в течение четырех месяцев, предшествовавших началу нашего наступления, партизаны, препятствуя сосредоточению вражеских войск, взорвали 87 железнодорожных мостов, пустили под откос 98 воинских эшелонов и 1 бронепоезд противника, уничтожили 74 паровоза, 425 вагонов, цистерны и платформы. Ими было убито более 10 тыс. фашистских солдат и офицеров³⁴.

Эти действия отважных народных мстителей явились важным вкладом в успех Великолукской операции. С началом ее было очень важно обеспечить дальнейшее усиление боевых, а также разведывательных операций партизан на железных дорогах, ведущих от Новосокольников на Насву, Невель, Идрицу. Такую задачу и поставил им Военный совет армии. Она была доведена полковником С. Г. Соколовым до оперативной группы батальонного комиссара Кривошеева и успешно выполнялась ею.

Так, в конце декабря мы получили от командира 2-й Калининской партизанской бригады П. В. Рындина сообщение о подходе в район юго-восточнее Насвы немецкой 8-й танковой дивизии. Эти данные помогли своевременной организации обороны на направлении Насва — Великие Луки. Сообщил он нам и о том, что бойцы его бригады только за ноябрь 1942 г. сбили немецкий транспортный самолет, взорвали 40 мостов на нескольких шоссе, ведущих к Великим Лукам, а также стрелки и железнодорожное полотно на ряде участков и 5 воинских складов, разгромили 15 полицейских охранных волостных комендатур и уничтожили 80 вражеских солдат и офицеров³⁵.

Операция была поучительной и в отношении использования различных родов войск.

Основным принципом построения боевых порядков пехоты являлась достаточная их глубина, создание и обучение штурмовых отрядов в составе подразделений первого эшелона. Эти отряды прокладывали дорогу следовавшим за ними частям. Действуя смело и решительно, они продвигались вперед, обходя очаги сопротивления врага, ликвидация которых возлагалась на вторые эшелоны. За счет последних при необходимости частично пополнялись в ходе боя штурмовые отряды.

Артиллерия, в частности полковая и до 60% дивизионной, при штурме города действовала непосредственно в боевых порядках штурмовых отрядов и частично следовала за ними, ведя огонь прямой наводкой. Без сопровождения артиллерии пехоте, как правило, не

³⁴ Центральный партархив Института марксизма-ленинизма, ф. 69, оп. 1, д. 31, лл. 284—287.

³⁵ Калининский партийный архив, ф. 479, оп. 1, д. 339, лл. 73—78.

удавалось уничтожить своими огневыми средствами противника, за-
севшего в каменных зданиях, приспособленных к упорной обороне.
Поэтому можно без преувеличения сказать, что артиллерия являлась
главной огневой силой при бое в городе.

В качестве примера тому можно привести следующие цифры: ар-
тиллерия 257-й стрелковой дивизии в период штурма Великих Лук
уничтожила 159 дзотов и блиндажей противника, подавила огонь
16 артиллерийских и 12 минометных батарей, уничтожила 205 пуле-
метных точек и много живой силы противника³⁶.

Артиллерия вместе с танками, которых, к сожалению, было мало,
пробивала путь атакующим частям. Пушки и гаубицы всех калибров
следовали вместе со штурмовыми отрядами, ведя огонь прямой на-
водкой. Герои-артиллеристы на руках выкатывали свои орудия на
позиции и громили опорные пункты врага часто со сверхблизких дис-
танций — 100, а то и 70 м. Это было вызвано тем, что в уличных боях
наши подразделения иногда отделяла от противника одна лишь улица.
Снаряды к орудиям подносились тоже на руках. Тут артиллеристам
оказывала, конечно, помощь и пехота.

Что касается артиллерии, ведущей огонь с закрытых позиций, то
она применялась главным образом для подавления и уничтожения
артиллерийских и минометных батарей противника и для постановки
заградительного огня при отражении вражеских контратак.

Танки, в том числе и огнеметные, сыграли в уличных боях важ-
ную роль. По 1—2, реже по 2—3 машины действовали совместно со
штурмовыми отрядами. Огнем разрушая дзоты и долговременные ог-
невые точки противника, уничтожая его живую силу, они способст-
вовали продвижению стрелковых подразделений и артиллерии. Танки
иногда применялись для стрельбы с места, из-за укрытий, но большей
частью прикрывали броней пехоту и вели ее за собой. В ряде случаев
танки своими бортами закрывали амбразуры дзотов или огневых то-
чек в каменных зданиях, обеспечивая пехоте и саперам уничтожение
находившегося в них противника.

Авиация, несмотря на неблагоприятную погоду, державшуюся
большую часть периода боев, сумела оказать огромную помощь на-
земным войскам. Она уничтожала огневые средства, минометные и
артиллерийские батареи вражеского гарнизона и своими мощными
ударами по гитлеровцам, рвавшимся к городу, способствовала отра-
жению их контрударов. 4—6 января, в дни напряженных боев
с крупной группировкой противника, наступавшей на Великие Луки
с юго-запада, соединения 3-й воздушной армии произвели 800 само-
лет-вылетов, чем во многом помогли остановить врага.

Истребительная авиация хорошо прикрывала наши войска от уда-
ров с воздуха. Успешно выполнила она еще одну важную задачу —
сорвала попытки вражеского командования организовать с помощью
самолетов Хе-100 и Ю-52 снабжение окруженного в городе гарнизо-
на боеприпасами и продовольствием.

³⁶ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 860, л. 68.

Убедившись в том, что транспортные самолеты сбиваются нашими истребителями, гитлеровцы перебросили из Кенигсберга подразделения планеров. При полетах к Великим Лукам они буксировались самолетами Ю-88, но в 10—15 км от города отцеплялись и дальше следовали самостоятельно. Но и эта затея не увенчалась успехом. Большинство уцелевших планеров совершало посадку на территории, занятой нашими войсками. Остальные же уничтожались в воздухе истребителями³⁷.

Инженерные войска активно действовали в период подготовки и штурма города. Дивизионные саперы были в основном включены в штурмовые отряды — в среднем по два отделения в каждый. Армейские же придавались дивизиям для выполнения задач по преодолению противотанковых и противопехотных препятствий и подрыва различных оборонительных сооружений. Так, саперы, действовавшие в составе 257-й стрелковой дивизии, уничтожили 35 дзотов противника. В отдельных случаях подрыв крупных очагов вражеской обороны осуществляли большие отряды, насчитывавшие по 20—25 саперов.

Подразделения химической защиты в широких размерах применяли дымовые завесы для маскировки передвижения наших частей и огнеметно-зажигательные средства, которыми противнику был нанесен большой урон в технике и живой силе. Применялись и фугасные огнеметы. Из средства оборонительного они были превращены в наступательное, так как наши воины, установив их на сапы, использовали в ходе штурма.

Тыл армии, возглавляемый сначала генералом А. Н. Голубевым, а затем сменившим его полковником Д. Е. Лубоцким, сумел организованно принять новые соединения армии и обеспечить их всем необходимым. Войскам, выходящим в исходное положение, были своевременно подвезены боеприпасы, продовольствие и другие грузы. Если учесть, что части получили 2,5 боекомплекта боеприпасов, 3—4 заправки горючего, запас продовольствия на 4—5 суток, то легко понять, что это была сложная задача. И работники тыла армии с честью справились с ней. Тому во многом способствовали их усилия по организации бесперебойной работы железной дороги, обеспечивавшей подвоз грузов нередко непосредственно в районы тылов дивизий.

Успешно справились с задачей снабжения войск и автотранспортные подразделения и части. В каких невероятно трудных условиях им приходилось работать! Было немало случаев, когда шоферы по целым суткам сидели за рулем, непрерывно, днем и ночью подвозя в войска боеприпасы и другие грузы по плохим проселочным дорогам. Хорошо поработала и дорожная служба, воины которой трудились не покладая рук.

Добрым словом хочется вспомнить и работников медицинских учреждений армии. Санитары и врачи спасли от смерти многие тысячи воинов и возвратили их в строй.

³⁷ Там же, ф. 311, оп. 4495, д. 24, лл. 50—51.

Важнейшим залогом успеха Великолукской операции явилось высокое политико-моральное состояние войск армии. Бойцы и командиры, воспитанные Коммунистической партией, рвались в бой с ненавистными фашистскими захватчиками. Примером отваги и самоотверженности для всего личного состава были коммунисты и комсомолы. В нашей армии, как и в целом в Советских Вооруженных Силах, они составляли боевое ядро, на которое опирались командиры и политработники в организации и ведении боя. Перед началом операции, в конце ноября 1942 г., в 3-й ударной насчитывалось 27 413 членов и кандидатов в члены партии, 11 520 комсомольцев³⁸.

Это была огромная сила. В ходе боев, несмотря на значительные потери, численный состав партийных организаций не только не уменьшался, но, напротив, постоянно рос. Приток заявлений о приеме в партию непрерывно увеличивался. Вот, например, одно из них: «В партбюро полка. Заявление. Идя в наступление, прошу принять меня, комсомольца Лапина Евгения Михайловича, по социальному положению колхозника, бойца Красной Армии, в родную непобедимую партию большевиков. Обещаю в бою вести себя коммунистом. А если убьют, прошу считать, что погиб Лапин Евгений Михайлович коммунистом за Родину, за партию. Прошу рассмотреть мое заявление. Лапин Евгений, красноармеец».

Так писали тысячи воинов армии.

За время боев в 9-й гвардейской стрелковой дивизии вступило в партию около 600 человек, в 357-й — 500, в 28-й — 450³⁹. Примерно такое же количество бойцов и командиров вступило в партию и в других дивизиях. Число командиров, вступивших в течение ноября — декабря 1942 г. в члены партии, составило 1166, в кандидаты — 881 человек⁴⁰.

Партийно-политическая работа во всех звеньях была направлена на то, чтобы еще лучше закалить идейно каждого воина, вдохновить его на подвиги, помочь в овладении наиболее эффективными методами ведения боя. Наша операция началась после успешного наступления под Сталинградом и окружения там 330-тысячной группировки врага. Естественно, что основным в войсках армии стал лозунг «Бить врага по-сталинградски!».

Формы политической работы применялись самые разные: информация об успехах на других фронтах, особенно под Сталинградом, и вытекающие отсюда наши боевые задачи, короткие митинги, беседы, широкое освещение героических подвигов бойцов и командиров в дивизионных и армейской газетах, в многочисленных листовках-молниях, чтение бойцам писем, полученных из освобожденных от фашистской оккупации районов.

Большое воодушевление вызывали сообщения о трудовых победах в тылу, где ковалось оружие для фронта. Вместе со всем советским

³⁸ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2016, д. 172, л. 17.

³⁹ Там же, оп. 4320, д. 11, лл. 49, 50.

⁴⁰ Там же, л. 63.

народом бойцы и командиры армии участвовали в сборе средств в фонд обороны. К концу операции общая сумма собранных в армии денег превысила 15 млн. рублей. Во время боев и особенно при штурме Великих Лук главное внимание в партийно-политической работе уделялось наступающим взводам и ротам непосредственно на поле боя.

Важнейшее значение мы придавали правильной расстановке коммунистов и комсомольцев. Составляя цементирующее ядро каждого подразделения, они сражались на самых трудных и опасных участках, первыми поднимались в атаку, увлекая за собой всех воинов.

Как известно, Михаил Иванович Калинин очень тонко подметил влияние личного примера фронтовых политработников. В одной из бесед с ними он говорил: «Если сам храбр и умен в бою, то и агитация твоя будет более доходчивой до каждого красноармейца». Именно так и поступали политработники нашей армии. Там, где создавалось наиболее острое положение, где требовался личный пример героизма, туда они и устремлялись.

Так, при отражении контрудара противника на Великие Луки помощник начальника политотдела армии по комсомольской работе майор Ракин в ходе боя пришел на небольшую высотку, которую обороняла сильно поредевшая рота. Ее уже несколько раз атакowali гитлеровцы. Положение стало особенно тяжелым, когда они попытались обойти высоту. Майор Ракин под огнем врага поднялся на гребень высоты и крикнул: «Товарищи, ни шагу назад! Умрем, но не отступим!» Все двадцать оставшихся в строю бойцов во главе с майором Ракиным ринулись на противника, отбросили его. Фашисты вновь и вновь атакowali. По наши воины стойко оборонялись до подхода подкрепления. Почти все погибли, но не отступили, с честью выполнив свой воинский долг ⁴¹.

О героическом подвиге защитников высоты узнал в те дни весь личный состав армии. Бойцы с гордостью называли их «нашими панфиловцами» и клялись отомстить врагу за смерть своих товарищей.

Большую работу проводили работники политотдела армии и фронта по ведению пропаганды среди войск противника. Только за первую неделю наступления было выпущено 10 листовок-обращений, действенность которых подтвердили многие перешедшие на нашу сторону немецкие солдаты. Это особенно относится к 3-й горнострелковой дивизии, в которой было много австрийцев. В дальнейшем после окружения вражеского гарнизона Великих Лук было выпущено 28 листовок для немецких солдат общим тиражом 200 тыс. экземпляров. Они печатались в специальной походной типографии, переданной нам политуправлением фронта. Наша авиация почти ежедневно сбрасывала их над городом. На этом участке фронта была установлена мощная звуковещательная станция, которая за 20 дней работы провела 243 передачи. Сюда же мы перебросили окопную радиостанцию, организовавшую за время осады города 276 передач ⁴².

⁴¹ Там же, ф. 317, оп. 4320, д. 6, л. 242.

⁴² Там же, ф. 213, оп. 2016, д. 394, л. 71.

В передачах по радио, а также с помощью окопных усилителей непосредственно из наших боевых порядков участвовало около 80 немецких военнослужащих, добровольно перешедших на сторону советских войск. Они разъясняли окруженным безнадёжность их положения, беспочвенность и бессмысленность дальнейшего сопротивления, рассказывали о гуманном обращении Красной Армии с военнопленными. И конечно, в этих передачах сообщалось о победах Красной Армии под Сталинградом и на Северном Кавказе.

Все это оказало известное влияние, особенно на последнем этапе боев в городе, когда число сдавшихся в плен значительно возросло.

Политическая работа в период Великолукской операции была исключительно успешной, многосторонней и в то же время целенаправленной. Она полностью отвечала поставленным армии задачам. И в их осуществлении огромную роль сыграли воспитательная работа, которую вели командиры, политработники, все коммунисты, их личный пример в бою.

* * *

Наступательные действия войск Калининского фронта, проведенные зимой 1942/43 г., совпали с историческими сражениями Красной Армии под Сталинградом и, несомненно, в известной степени оперативно влияли на ход боев на юге. Что касается Великолукской операции, задуманной в качестве вспомогательной, то по мере развития событий она переросла в основную на Калининском фронте.

При ее осуществлении ставились две важнейшие задачи: овладеть великолукским плацдармом, разгромив действовавшую там немецко-фашистскую группировку, и сковать значительные силы и средства противника в стратегическом треугольнике Великие Луки, Новосокольники, Невель. Тем самым мы должны были лишить вражеское командование возможности перебросить их на другие участки советско-германского фронта, в первую очередь на сталинградское направление.

В ходе Великолукской операции, продолжавшейся около 50 дней, эти задачи войсками 3-й ударной армии были выполнены.

Перед новым броском на запад

Бои за улучшение позиций

Стабилизация фронта в районе Великих Лук была, разумеется, связана с общим развитием событий войны. Как известно, в начале февраля 1943 г. советские войска одержали знаменательную победу под Сталинградом, завершив ликвидацию более чем 300-тысячной немецко-фашистской группировки. «Победа под Сталинградом — крупнейшее военно-политическое событие в ходе борьбы народов против германского фашизма. Она внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в Великой Отечественной войне и всей второй мировой войне... Стратегическая инициатива прочно и окончательно перешла в руки Советского Верховного Главнокомандования»¹.

Советские войска достигли крупных успехов и на многих других направлениях. Была освобождена большая часть Северного Кавказа. В январе — марте Южный, Юго-Западный, Воронежский и Брянский фронты, нанеся мощные удары, разгромили несколько армий противника, очистив от оккупантов огромную территорию на юге страны, вплоть до восточной части Донбасса, Харькова, Белгорода, Курска. Войска Западного и левого крыла Калининских фронтов, наступая в общем направлении на Смоленск, вышли на подступы к этому городу. Еще в январе армии Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду героического города Ленина.

Эти выдающиеся победы, в которые внесла свой вклад и 3-я ударная армия успешным проведением Великолукской операции, изменили весь ход борьбы. Начался новый период Великой Отечественной войны.

Поскольку главные события развертывались на южном участке советско-германского фронта, то обе стороны, естественно, там и сосредоточили свои основные силы. А это, в свою очередь, привело к ослаблению на ряде других участков, в том числе и в полосе 3-й ударной армии. Однако налицо были два обстоятельства, одно из которых делало это ослабление относительным, а другое — вре-

¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. I. М., 1970, стр. 344, 345.

мешным. Первое определялось непрекращавшимися и часто весьма интенсивными боями так называемого местного значения, которые всю весну и лето вели войска 3-й ударной, второе — особенностями начертания ее фронта, потребовавшими в последующем осуществить небольшую по масштабу, но довольно важную наступательную операцию.

Речь идет об овладении районом Невеля. Дело в том, что, как мы понимали, дальнейшие удары левого крыла и центра Калининского, а также Западного фронтов, несомненно, должны были иметь целью освобождение Смоленска, а затем и Витебска. В этих условиях приобретала большое значение и судьба Невеля, через который проходила одна из важнейших коммуникаций, связывавших группы армий «Север» и «Центр». Таким образом, овладение Невелем должно было затруднить для врага маневр силами и средствами из Прибалтики в Белоруссию, а также на Украину. Кроме того, оно выводило наши войска во фланг витебской группировки противника.

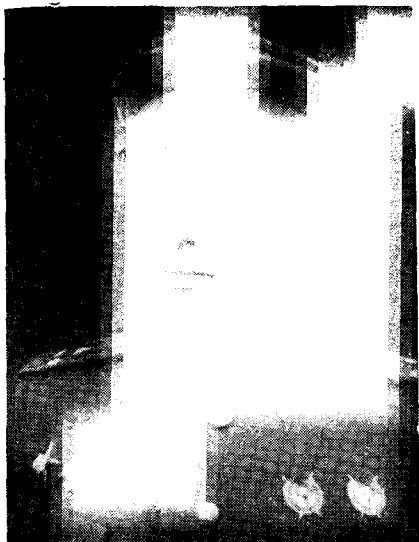
Было ясно, что наступление на Невель с подобными целями станет возможно не скоро, быть может, через несколько месяцев, по мере развития ударов армий, действовавших на смоленско-витебском направлении. Однако мы не сомневались, что именно таков будет дальнейший ход событий. Об этом свидетельствовали и очевидная оперативная целесообразность подобных ударов, и возрастающая день ото дня мощь нашей Красной Армии, делавшая реальным их осуществление.

Вот почему уже с весны 1943 г. частенько думалось о будущей Невельской наступательной операции. Эти размышления и связанные с ними предварительные наметки немало помогли впоследствии, когда нам действительно довелось планировать и готовить такой удар. К ним я вернусь ниже. Здесь же отмечу, что в сущности с ними были связаны и упомянутые бои «местного значения», которые мы вели весной и летом. Основной их целью являлось улучшение позиций для будущего наступления.

Так, в течение 5—7 мая 21-я и 46-я гвардейские стрелковые дивизии вели бои в районе железнодорожной станции Чернозем. Действуя частью сил, они несколько потеснили противника, захватив выгодный рубеж. В конце того же месяца подразделения 28-й стрелковой дивизии, в результате разведки боем выбили противника из укрепленного пункта Бекезы. В конце июня части 46-й гвардейской стрелковой дивизии овладели важной высотой в районе дер. Птахино. В середине сентября 28-я стрелковая дивизия разгромила гитлеровцев у Святой горы, где ими был оборудован опорный пункт, и заняла его.

Чтобы представить масштаб и характер этих, а также многих других боев за улучшение позиций, расскажу хотя бы об одном из них.

На участке 46-й гвардейской стрелковой дивизии в расположении противника находилась крупная высота, господствовавшая над окружающей местностью. По названию близлежащей деревни

Г. Г. СЕМЕНОВ

П. С. РОМАНЕНКО

высота именовалась Птахинской. Врагу она позволяла просматривать оборону наших войск на 6—8 км, от нас же закрывала глубину расположения гитлеровцев. Приняв решение овладеть высотой, мы обнаружили, что она сильно укреплена гитлеровцами. По ней проходило несколько линий траншей полного профиля, соединенных между собой и с тылом глубокими ходами сообщения. Здесь было много дзотов, пулеметных гнезд и площадок, расположенных по двухъярусной системе. Высота имела круговую оборону, прикрытую двумя поясами колючей проволоки в 4 кола и минными полями.

Брать высоту предстояло подразделениям 141-го гвардейского стрелкового полка. Его командир, способный и смелый подполковник П. С. Романенко, предложил нанести внезапный ночной удар силами штурмового отряда без артиллерийской подготовки. Этот план был одобрен. В состав штурмового отряда подполковник Романенко выделил 80 стрелков, 20 разведчиков и 10 саперов во главе со старшим лейтенантом Ширяевым, снабдив его, помимо штатного вооружения, средствами ближнего боя — гранатами, бутылками с горючей жидкостью. Поддерживать отряд должны были два артиллерийских дивизиона и три роты 82-мм минометов. Кроме того, командир полка держал в резерве стрелковую роту на случай необходимости усилить отряд старшего лейтенанта Ширяева.

Подготовка подразделений к штурму велась весьма тщательно. Ознакомившись с данными аэрофотосъемки Птахинской высоты, П. С. Романенко решил провести учение на высоте, сходной с Пта-

хинской по конфигурации. На этой высоте были воспроизведены укрепления, в точности соответствовавшие вражеским. Бойцы штурмового отряда изо дня в день отрабатывали все детали предстоящих действий — учились резать проволоку бесшумно, переползать через заграждения, искать и обезвреживать мины, тренировались в метании гранат в траншеи, в ведении рукопашного боя.

Следует пояснить, что в полку, как и во всех частях и соединениях армии, к тому времени было много молодых солдат, прибывших на пополнение. Значительное их число вошло и в состав штурмового отряда. Поэтому учения, проведенные под руководством подполковника Романенко, были очень ценными, так как они дали молодежи навыки, необходимые и для боя вообще, и для выполнения поставленной задачи в частности. Большую роль сыграло и то, что костяк отряда составляли бывалые воины, чей боевой опыт помог всем бойцам успешно отработать детали взятия высоты.

Но вот все было готово.

23 июня с наступлением темноты две группы разграждения по 10 бойцов в каждой, возглавляемые сержантами Ившиным и Горбенко, проделали шесть проходов в минном поле, обезвредив 736 противотанковых и противопехотных мин². Колоссальная работа для 20 человек! К 24 часам весь штурмовой отряд занял исходное положение в 400 м к востоку от высоты.

Решительный бросок — и наши подразделения уже в траншеях противника. Фашисты были застигнуты врасплох. Выскочив из блиндажей, они бросились к пулеметам. Но было уже поздно. Наши воины косили гитлеровцев огнем автоматов, многих уничтожили гранатами — очень эффективным оружием в таком ночном бою. Вражеские пулеметы так и не успели открыть огонь. Большое количество гранат, метко брошенных в блиндажи, вывело из строя и тех гитлеровцев, которые еще только просыпались.

Но, конечно, не всех удалось уничтожить сразу. В четырех блиндажах, атакованных первой группой, возглавляемой лейтенантом Бойцовым и действовавшей в центре, находилось до 80 вражеских солдат и офицеров. Часть из них уцелела. Оставшись без пулеметов и минометов, фашисты схватились за автоматы, винтовки, ножи. Завязался жестокий рукопашный бой. Наших было втрое меньше. Но внезапность атаки дала им значительные преимущества. К тому же вскоре подошли вторая и третья группы отряда, действовавшие с разных сторон.

Общими силами остатки вражеского гарнизона были выбиты из ходов сообщения и окопов на склонах высоты. В результате штурма было уничтожено 50, ранено 80 вражеских солдат и офицеров, захвачено 7 станковых и ручных пулеметов, 18 автоматов, 40 винтовок³.

Прошел всего лишь час после начала боя, когда группа младшего

² Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 866, лл. 215—216.

³ Там же, л. 218.

лейтенанта Кадырова первой достигла вершины центральной части высоты и водрузила там красный флаг. Как и было запланировано, подполковник П. С. Романенко ввел в это время в бой резервную роту. Она вышла на западные скаты высоты и вскоре уже отражала контратаки противника, бросившего сюда подразделения с соседних участков.

Первую контратаку враг предпринял в 5 часов 24 июня силами батальона 504-го пехотного полка 291-й пехотной дивизии. Ее отбили, как и вторую, следовавшую два часа спустя. В 10 часов началась третья контратака, в ней участвовал и саперный батальон. И на этот раз натиск гитлеровцев был отражен с немалыми для них потерями.

Так как стало ясно, что противник не примирится с потерей высоты, подполковник Романенко усилил ее гарнизон стрелковым батальоном, шестью танками Т-34. Его также поддерживали огнем и два артиллерийских полка. Благодаря этому в течение дня были успешно отбиты еще три вражеские контратаки.

Наращивал свои силы и противник. Подтянув еще один пехотный батальон и до десяти артиллерийских батарей, а затем и почти все части 291-й пехотной дивизии, он в течение трех следующих дней непрерывно пытался вернуть утраченную высоту. 27 июня враг ввел в бой даже один из батальонов 1-й пехотной бригады СС, а очередную контратаку начал мощной артиллерийской подготовкой. Но его отчаянные усилия не увенчались успехом. Все контратаки были отражены героическими действиями подразделений, захвативших высоту. Всего за четыре дня боев противник потерял убитыми и ранеными до 700 солдат и офицеров.

В один из этих дней с наступлением темноты мы с членом Военного совета генералом А. И. Литвиновым и командиром 46-й гвардейской стрелковой дивизии генералом С. И. Карапетяном по ходам сообщения пришли на Птахинскую высоту. Вся она была словно перепахана вражескими снарядами. Казалось, будто кто-то орудовал здесь гигантской мотыгой. Но ни интенсивным огнем артиллерии, ни контратаками враг не смог сломить стойкость гвардейцев. Здесь же в траншеях, опоясавших скаты высоты, ее мужественные защитники были награждены орденами и медалями.

Вслушав доклад подполковника П. С. Романенко, я согласился с его выводом о том, что противник начинает выдыхаться, но, несомненно, постарается подтянуть резервы и вновь попытается захватить высоту. В связи с этим командир полка, а также генерал С. И. Карапетян получили указания о дальнейшем усилении ее гарнизона.

Действительно, после 27 июня вражеские контратаки начали ослабевать, но уже 3 июля возобновились с новой силой и продолжались еще четверо суток. В эти дни в них участвовали все ближайшие резервы врага, в том числе и «особый» батальон, сформированный из личного состава полевой офицерской школы, усиленный 10 танками. Однако и защитников высоты стало больше. Ее гарнизон теперь насчитывал 450 человек. Кроме автоматов и винтовок, они

имели на вооружении 9 станковых и 19 ручных пулеметов, 16 противотанковых ружей, 11 минометов, 3 легких орудия. Их поддерживали огнем свыше 50 артиллерийских батарей и два дивизиона «катюш»⁴.

Этими силами контратаки вновь были отбиты. Окончательно выдохшемуся врагу пришлось примириться с потерей выгодной позиции.

Бои по отражению попыток гитлеровцев вернуть себе высоту изобиловали многими примерами мужества и отваги наших бойцов и командиров. Очень эффективным был огонь батареи старшего лейтенанта Власова, находившейся на высоте. Отважные артиллеристы смело выкатывали орудия на прямую наводку, расстреливая контратакующую пехоту и танки. Меткий огонь батареи во многом способствовал успешной обороне высоты.

Противнику, который стремился любой ценой добиться своей цели и потому лез напролом, неоднократно удавалось в ходе контратак добираться до окопов обороняющихся. Но каждый раз советские воины уничтожали гитлеровцев или вынуждали их сдаваться в плен. Так действовало, например, подразделение капитана Безуглова, окружившее большую группу фашистов, прорвавшихся на его позиции. При этом только боец Струнник сразил 20 вражеских солдат, а боец Мелябаев — 10.

А на другом участке гитлеровцам удалось даже захватить несколько окопов в тот момент, когда у оборонявшихся в ходе напряженного боя кончились патроны. Но и это не помогло врагу. Командир роты лейтенант Рахматулин повел своих бойцов в рукопашную схватку. Ударом приклада он оглушил фашистского офицера в одном из окопов, а в это время были очищены от противника и остальные. Не выдержав рукопашного боя, часть гитлеровцев была уничтожена, другие бежали⁵.

Высота осталась в наших руках. Эта победа стоила нам немалых потерь, в особенности ранеными. Но противник, не добившись успеха, понес значительно больший урон. Число убитых и раненых фашистских солдат и офицеров превысило 3 тыс. человек. Кроме того, 141-й гвардейский стрелковый полк захватил в этих боях 1 танк, 1 орудие, 6 противотанковых ружей, 130 винтовок, 30 автоматов, 10 ручных пулеметов, 8 станковых пулеметов, 5 радиостанций⁶.

Примерно такой же характер носили бои и на ряде других участков. Они были проведены успешно и во многом улучшили позиции частей и соединений армии, в особенности на ее левом фланге. Это очень помогло в дальнейшем, когда именно там нам довелось осуществить Невельскую наступательную операцию. Бои за высоты и другие выгодные позиции, кроме того, явились одновременно и

⁴ Архив МО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 866, л. 222.

⁵ Там же, л. 224.

⁶ Там же.

школой воинского опыта для прибывшего к нам пополнения, и проверкой боевой готовности частей и подразделений. Они показали высокую выучку, умение осуществлять внезапные удары, стойкость и мужество, высокое политико-моральное состояние личного состава армии⁷.

Главное — внезапность, стремительность

Необходимость проведения Невельской наступательной операции выявилась уже в начале августа 1943 г.

То был знаменательный период в истории Великой Отечественной войны. Полнейший крах потерпело последнее крупное наступление противника на советско-германском фронте, завершившееся разгромом сильнейшей немецко-фашистской группировки в грандиозной Курской битве. Измотав врага в оборонительных боях, советские войска перешли в контрнаступление, которое вскоре переросло в общее наступление Красной Армии.

Главным по-прежнему оставалось южное направление, однако одновременно развернулись и наступательные действия наших армий на центральном участке фронта. Здесь 7 августа нанесли удар по врагу основные силы Западного фронта. 6 дней спустя должен был своим левым крылом приступить к проведению Духовщинско-Смоленской операции и Калининский фронт. В дальнейшем Ставка планировала начать активные действия также армиями Брянского фронта. Все эти удары должны были привести к началу освобождения Белоруссии, а также сковать крупные силы противника на витебском, могилевском и гомельском направлениях, не допустить переброски его резервов на юг.

В связи с этими замыслами Ставки потребовались и активные действия на правом крыле Калининского фронта с целью овладения Невелем. Выше уже говорилось, что освобождение этого города давало возможность перерезать коммуникации противника в стыке между группами армий «Север» и «Центр». Следует добавить, что удар на Невель позволял также отвлечь вражеские резервы с витебского направления.

Такую задачу и поставил 3-й ударной армии новый командующий Калининским фронтом генерал армии А. И. Еременко. В Невельской операции должна была участвовать и соседняя слева 4-я ударная армия, которой теперь командовал мой бывший заместитель генерал-майор В. И. Швецов. Ей предстояло нанести вспомогательный удар на Городок.

8 августа, на следующий же день после начала наступления Западного фронта и за 5 дней до нанесения удара войсками левого крыла и центра Калининского фронта, генерал А. И. Еременко вызвал меня и генерала В. И. Швецова на свой командный пункт.

⁷ Там же, ф. 317, оп. 4320, д. 20, л. 47.

Об Андрее Ивановиче Еременко у меня остались самые теплые воспоминания. Он был несколько горяч, но, вспыхнув, умел быстро овладеть собой. Войсками управлял твердо, умело, решительно. В то же время добрую мысль всегда поддерживал. Услышав новое, хорошо обоснованное предложение, в интересах дела безо всякого предубеждения мог отказаться от своего прежнего мнения. Словом, был настоящим военным руководителем — коммунистом, военачальником крупного масштаба. Такое впечатление оставила первая встреча с ним.

Изложив цели Невельской операции, он сказал:

— Начнем ее примерно в начале октября. Так что времени для тщательной подготовки у вас достаточно. Но и терять его нельзя. Поэтому свои предложения представьте завтра же.

Поскольку главный удар на Невель и вспомогательный на Городок предстояло наносить в расходящихся направлениях, то очень важно было заранее организовать взаимодействие обеих армий и обеспечение их смежных флангов. Силы, которые должны были выделены для этого, тут же со свойственной ему решительностью определил А. И. Еременко. Взяв мою рабочую карту, он показал на ней направление наступления правофланговой 360-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии. Она должна была наносить удар на Лукашево и далее между озерами Езерице, Ордово. Это полностью обеспечивало стык двух армий. Соответствующую пометку сделал и генерал В. И. Швецов на своей карте.

Теперь можно было приниматься за выработку решения, что и было сделано сразу же после моего возвращения в штаб армии. Деятельное участие в этом принял ее основной руководящий состав.

Надо сказать, что у нас в управлении армии к тому времени произошли некоторые перемены. Вместо уже упомянутого генерал-майора В. И. Швецова заместителем командующего был назначен бывший командир 28-й стрелковой дивизии генерал-майор С. И. Князьков, начальником штаба — генерал Ф. А. Зуев, оперативный отдел возглавил подполковник Г. Г. Семенов, отдел боевой подготовки — полковник С. Е. Исаев. На должность командующего артиллерией армии прибыл генерал-майор артиллерии М. О. Петров, начальника штаба инженерных войск — подполковник М. Г. Григоренко.

Все они были боевыми, опытными командирами, хорошими организаторами, быстро вошли в армейский коллектив и многое делали для дальнейшего усиления ее боеготовности. Это положительно сказалось, в частности, и на организации обучения нового пополнения, и в целом на боевой учебе, которая в течение весны и лета напряженно велась во всех соединениях и частях.

Значительно изменился и состав армии. В ней вскоре после окончания Великолукской операции осталось всего лишь пять стрелковых дивизий — 21-я и 46-я гвардейские, 28, 357 и 381-я, четыре стрелковые бригады — 23, 37, 100 и 145-я, а также 78-я танковая бригада и различные части усиления. Армия теперь прикрывала с запада Великие Луки, а также район к югу от этого города. Ее

полоса обороны, передний край которой проходил по линии Жары, Гороватка, Шугурово, Островиты, оз. Дергановское, Милино и далее по восточному берегу р. Ловать, Хондошки и Лоскатухино, составляла по фронту 105 км⁸.

Вот почему при выработке предложений по подготовке Невельской операции мы пришли к выводу, что для обеспечения успеха желательно усилить армию хотя бы двумя стрелковыми дивизиями, танковой бригадой, 10—12 артиллерийскими и минометными полками, инженерными, дорожными и автомобильными частями. Для нанесения же главного удара наиболее подходящим по условиям местности представлялось направление Усвяты — Невель. А так как оно находилось за разграничительной линией с 4-й ударной армией, то возникла необходимость несколько расширить влево полосу 3-й ударной.

Эти предложения, основой которых был замысел превращения тактического прорыва в оперативный в первый же день наступления с целью внезапного и стремительного удара на Невель, мы и представили на следующее утро командующему фронтом. Вскоре генерал А. И. Еременко утвердил замысел, что и нашло отражение в полученной нами в начале сентября директиве на проведение Невельской операции.

Что касается усиления армии, то удовлетворить просьбу фронт не смог в связи с развернувшимися активными действиями его главных сил на витебском направлении. 3-й ударной армии передавались 178-я и 185-я стрелковые дивизии. Но, во-первых, они были значительно ослаблены в предшествующих боях (каждая из них насчитывала не более 3 тыс. человек) и вследствие этого могли использоваться пока лишь для обороны. Во-вторых же, взамен них из состава армии выводились хорошо укомплектованные 381-я стрелковая дивизия и 145-я стрелковая бригада, которые перебрасывались на витебское направление. Правда, фронт передавал нам и два полковых укрепленных района — 5-й и 118-й, а также ряд отдельных артиллерийских частей. Но в целом силы армии увеличились незначительно.

Пришлось готовиться к проведению операции имеющимися войсками.

Принятое мною предварительное решение на наступление предусматривало быстрый прорыв обороны противника с последующим вводом эшелона развития успеха, нацеленного непосредственно на овладение Невелем. Это, разумеется, была лишь общая идея операции. Ее превращение в развернутый план боевых действий потребовало дальнейшей большой и кропотливой работы. Причем отдельные детали решения с течением времени уточнялись, а кое в чем и изменялись.

Это вполне закономерно. Ибо принятие решения на наступление — процесс глубоко творческий, в ходе которого командующий

⁸ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 14.

обязан учитывать все изменения обстановки в период приготовлений, все возникающие новые возможности как своих войск, так и противника. Иначе ничто не спасет от ошибок. В данном же случае такой подход был особенно необходим по ряду причин.

Первая из них состояла в том, что первоначальная идея удара на Невель возникла еще в конце весны, т. е. почти за полгода до операции, и потому не могла соответствовать нынешним изменившимся условиям. Тогда весной, сразу же после Великолукской операции, наступление на Невель мне представлялось чем-то вроде того удара, который был нанесен нами зимой силами 18-й механизированной бригады. Но ведь мы так и не овладели Новоскольниками в то время. И не только вследствие недостаточности действовавших там наших сил, но и потому, что не удалось использовать фактор внезапности, а также развить прорыв в стороны флангов. Следовательно, это нужно было помнить при подготовке и проведении Невельской операции.

Учитывая происходящие изменения в обстановке и для этого тщательно изучая силы и намерения противника, пришлось уделить особенно пристальное внимание прирезанной нам части полосы 4-й ударной армии. Она, как уже отмечалось, была выгодной по условиям местности. Но там предстояло еще выбрать наиболее подходящий участок для прорыва и выявить как можно подробнее все, что касалось оборонявших его вражеских войск, их укреплений, системы огня, подступов к Невелю на этом направлении. Все эти данные не могли не оказать существенного влияния на детали нашего плана операции.

Многое меняло и то обстоятельство, что имевшихся у армии в окончательном варианте сил и средств в сентябре оказалось меньше, чем предполагалось в августе. Это сузило наши возможности при создании ударной группировки войск.

Итак, прежде всего об участке прорыва. Наш выбор пал на рубеж Жигари, Лоскатухино. Он далеко не был идеальным. Лесисто-болотистая, сильно пересеченная местность с обилием естественных преград позволяла организовать прочную оборону малыми силами на промежуточных рубежах. Действия же наступающих войск в этих условиях были затруднены. Осложняли их также незначительная ширина единственного шоссе (6 м) и выявившаяся полная непригодность проходившей параллельно грунтовой профилированной дороги для движения тяжелых машин, особенно в дождливое время. А ведь наступать нам предстояло в октябре, в период осенней распутицы.

Тем не менее выбранный нами участок имел существенные преимущества перед другими. Хотя и этот район изобиловал болотами, речками и озерами, все же здесь их было меньше, чем севернее. Кроме того, тянувшееся здесь шоссе являлось единственным в полосе армии, ведущим к Невелю с востока. Наконец, отсюда мы могли нанести удар в стык дивизий противника, являвшийся самым уязвимым местом его обороны.

Это, конечно, не означает, что вражеская оборона на избранном нами участке была слабой. Напротив, по мере поступления данных разведки выяснилось, что гитлеровцы здесь сильно укрепились. Их оборонительная полоса состояла из двух, а кое-где и трех линий траншей, соединенных ходами сообщения. Траншеи были оборудованы открытыми пулеметными площадками и дзотами, позади которых располагались блиндажи на каждое пехотное отделение. Передний край обороны прикрывали две полосы минных полей глубиной 40—60 м каждая, а также два ряда проволочных заграждений в 2—4 кола, дополненные на некоторых участках спиралью Бруно и малозаметными препятствиями.

Противник создал сильную систему огня, особенно перед передним краем обороны. Каждый доступный для движения войск клочок земли простреливался пулеметами и минометами. Особенно опасным был фланговый огонь многочисленных крупнокалиберных пулеметов, находившихся в специально построенных деревянно-земляных укрытиях с узкими горизонтальными амбразурами в нескольких направлениях. В глубине обороны, по р. Шестихе, проходил второй оборонительный рубеж, на котором располагалось до трех пехотных батальонов. Общая глубина полосы обороны, не считая рубежа на подступах к Невелю с востока, тянувшегося по линии озер, достигала 6—7 км⁹.

Местность благоприятствовала оборонявшимся. Здесь имелось множество озер, а перед находившимися между ними перешейками, как и переправами через р. Симоновка, враг создал предмостные укрепления. Западный берег этой речки, кроме того, был оборудован противотанковыми препятствиями, траншеями и огневыми позициями для пулеметов и противотанковой артиллерии, мосты заминированы. Основательно укрепился противник и на шоссе Усвяты — Невель. Здесь имелись даже противотанковые железобетонные надолбы в 5—6 рядов.

В целом оборона гитлеровцев перед фронтом армии представляла собой систему сильных опорных пунктов и узлов сопротивления.

Один из них располагался и в районе деревень Правоборье и Борсаково — как раз там, где мы намечали нанести главный удар. Оборудованный здесь узел обороны прикрывал шоссе Усвяты — Невель. Передний край проходил по командным высотам, с которых глубина нашего расположения просматривалась на 3, а местами и на 4—5 км. Вдоль всего переднего края тянулась траншея, имевшая в глубину разветвленную сеть глубоких ходов сообщения. На всем ее протяжении через каждые 25 м были оборудованы стрелковые ячейки, а через 100 м — гнезда для ручных и станковых пулеметов. Пулеметные площадки имелись и в ходах сообщения. Перед траншеей были два ряда проволочных заграждений, линия рогаток, проволока внаброс и минные поля большой плотности.

⁹ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 8.

Все подступы надежно прикрывались фланкирующим огнем пулеметов. Внутри узла обороны было организовано тесное огневое взаимодействие между опорными пунктами, что позволяло им создавать сплошную полосу многослойного огня. Выдвинутый вперед опорный пункт Масликово надежно прикрывал фланкирующим огнем подступы к Борсакову и Правоборью. В свою очередь эти пункты, составлявшие узел сопротивления, обеспечивали фланги и тыл Масликова. Таким образом, все направления, ведущие к вражескому переднему краю, простреливались косоприметным огнем.

К началу наступления всеми видами разведки было установлено, что этот узел сопротивления на фронте 2,5 км оборонялся 3-м батальоном 2-й авиационной дивизии, поддерживаемым 2-м артиллерийским полком, имевшим 18 орудий 105 мм и 75 мм. Кроме того, он обеспечивался 12 зенитными пушками, в том числе 9 50-мм и 3 20-мм. Что касается упомянутого батальона, то он насчитывал 710 солдат и офицеров. Они размещались в 18 блиндажах с перекрытиями в 5—6 рядов бревен. Оттуда можно было добежать за несколько секунд до стрелковых ячеек и пулеметных гнезд. Часть личного состава постоянно находилась в 5 дзотах и на 3 наблюдательных пунктах. Вооружение батальона составляли 12 станковых и 36 ручных пулеметов, 13 минометов 81,4 мм и 50 мм, 80 автоматов, до 500 карабинов и 9 противотанковых ружей¹⁰.

Таков был один из многих узлов сопротивления на участке, где мы решили нанести главный удар.

Следует добавить, что и после прорыва вражеской обороны войскам армии предстояла нелегкая задача. Взглянув на карту, можно увидеть, что г. Невель со всех сторон окаймлен озерами. На разделяющих их нескольких дефилах, ширина которых не превышает 2 км, противник отрыл противотанковые рвы, а на дорогах установил мины и железобетонные надолбы в 5—8 рядов. Вокруг города была создана система инженерных сооружений, села и поселки на подступах к нему превращены в опорные пункты. Это, конечно, тоже во многом облегчало оборону даже при наличии ограниченных сил.

И действительно, в Невеле был небольшой гарнизон. В его состав входили 343-й охранный батальон, строительный батальон 43-го армейского корпуса, тыловые части и учреждения, всего немногим более 2 тыс. человек¹¹.

Казалось бы, небольшое количество войск противника, оборонявшихся на избранном нами участке прорыва, а также слабость невелинского гарнизона позволяли нанести удар сравнительно малыми силами.

Однако дело обстояло далеко не так. Известно, что в тот период «в районе Невеля оборонялось... 5 дивизий 16-й армии группы армий

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 307, оп. 4306, д. 151, л. 53.

¹¹ Там же, ф. 235, оп. 2004, д. 132, л. 59.

«Север». Это были 83, 205, 263, 331-я пехотные и 2-я авиаполевая, входившие в состав 43-го армейского и 2-го авиаполевого корпусов, а также целый ряд отдельных батальонов, в том числе охранных. Противник имел большое количество артиллерии и минометов¹².

В результате тщательного изучения противостоявших войск мы довольно хорошо знали, что они собой представляют. Так, 2-я авиаполевая дивизия, в стыке которой с 263-й пехотной нам предстояло прорывать оборону, занимала сильно укрепленные позиции, была хорошо вооружена и имела в значительной мере кадровый состав, особенно среди младших командиров. Она формировалась осенью 1942 г. из солдат аэродромных служб и различных спецподразделений фашистских ВВС. Боевой дух в них поддерживался различными внешними атрибутами. В частности, действуя в качестве пехоты, они носили, однако, погоны и эмблемы авиационных частей и им даже присваивалось звание летчиков (Flieger). Дивизия имела 4 усиленных пехотных батальона четырехротного состава, артиллерийский полк, противотанковый дивизион, батарею штурмовых орудий, дивизион 120-мм минометов, специальные подразделения. Вооружена она была также скорострельными авиационными и крупнокалиберными станковыми пулеметами. Дивизия насчитывала на 1 октября 4,5 тыс. солдат и офицеров.

263-я пехотная дивизия считалась одной из лучших в вермахте. Сформированная в 1940 г. в Баварии из выкормышей «гитлерюгенда», она участвовала в захвате Франции, а после вторжения в нашу страну действовала в составе центральной группировки немецко-фашистских войск. В начале 1943 г. дивизия была переброшена под Великие Луки. И хотя к началу Невельской операции ее уже основательно разбавили контингентом тотальной мобилизации, однако ее личный состав наполовину состоял из награжденных железными крестами.

Остальные три из названных пяти дивизий, в том числе и 83-я пехотная, понесли большие потери во время Великолукской операции, были в дальнейшем заново укомплектованы и также представляли собой немалую силу.

Таким образом, противостоявшие войска не уступали нашим по численности. Кроме того, они, как мы понимали, могли быть усилены в весьма короткий срок. Так, в районах Ловно, Слозино, южнее Опухликов и вблизи Шестихи находились резервные вражеские части численностью не менее дивизии, которые могли уже через 6—8 часов после начала нашего наступления выдвинуться на угрожаемый участок. Наконец, развитая сеть железных, шоссейных и улучшенных грунтовых дорог позволяла противнику примерно в такой же срок перебросить для обороны Невеля еще до двух пехотных дивизий из Новосокольников, Полоцка, Городка.

¹² «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 276.

Все это нельзя было не учитывать при принятии решения на Невельскую операцию. Ведь для достижения успеха требовалось не только нанести достаточно мощный удар, чтобы быстро прорвать оборону и стремительно овладеть Невелем, но и надежно закрепить на захваченном рубеже, обеспечив отражение контрударов, которые, несомненно, будут предприняты противником после подхода его резервов.

Планирование Невельской операции

Следовательно, трудности, связанные для нас с условиями местности и необходимостью прорывать сильно укрепленную оборону противника, дополнялись, как уже сказано, недостатком сил и средств, особенно артиллерии и танков. Не имея общего численного превосходства над противником, мы могли создать его на участке прорыва лишь за счет ослабления сил на всем остальном фронте армии.

И на это пришлось пойти. Принятым мною решением предусматривалось сосредоточить на 4-километровом участке на рубеже Жигари, Лоскатухино 21-ю и 46-ю гвардейские, 28-ю и 357-ю стрелковые дивизии, 31-ю и 100-ю стрелковые и 78-ю танковую бригады со средствами усиления¹³. Таким образом, на участок прорыва перебрасывались четыре наиболее боеспособные дивизии из имевшихся шести, две из трех стрелковых бригад, а также все танки и почти вся артиллерия армии. Остальной 100-километровый фронт предстояло оборонять силами двух ослабленных стрелковых дивизий, одной стрелковой бригады и двух полевых укрепленных районов.

Рискованное решение! Вместе с тем оно было принято на основе строгого расчета. Это делало риск оправданным.

Расчет строился на том, что сильная ударная группировка способна успешно осуществить основной замысел операции — быстрый прорыв обороны, стремительное овладение Невелем и занятие выгодных позиций для неизбежной дальнейшей борьбы. Такое развитие событий обеспечивалось созданием значительного превосходства сил на направлении главного удара и тщательно продуманным планом операции, учитывавшим как условия местности и характер обороны противника, так и имевшиеся у него силы, в том числе ближайшие резервы.

Решение предусматривало осуществить прорыв обороны врага на указанном 4-километровом фронте двумя стрелковыми дивизиями. Поддерживать их должна была почти вся артиллерия армии. Это позволяло создать высокую плотность артиллерии. Эффективность же ее огня обеспечивалась наличием обширных разведывательных данных об обороне противника. Немедленно после осуществления прорыва намечалось ввести в образовавшуюся брешь эшелон развития успеха (танки и пехоту на автомашинах), которому предстояло

¹³ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4320, д. 202, л. 14.

стремительно наступать в глубину. Вслед за ним выдвигались еще одна стрелковая дивизия и стрелковая бригада, предназначавшиеся для развития наступления в сторону флангов¹⁴.

Этим мы предполагали достичь двух целей — выйти за сутки к Невелю и обеспечить наступающую группировку от контрударов на ее флангах. При таком развитии событий можно было не опасаться попытки гитлеровцев воспользоваться ослаблением нашей обороны на остальном фронте армии. Им будет уже не до этого, так как они окажутся вынужденными все резервы, в том числе и с великолукского направления, бросить к Невелю, а также в район Городка, куда должна была нанести вспомогательный удар 4-я ударная армия.

В целом, следовательно, основу принятого решения составляла всесторонняя оценка обстановки. Она позволила учесть реальное соотношение сил, выбрать наиболее выгодный участок прорыва, рассчитать время, необходимое для переброски вражеских резервов, с тем чтобы до их подхода выполнить основную задачу операции — овладеть районом Невеля и закрепиться в нем.

Но мало принять решение, нужно также создать все необходимые предпосылки для его успешного осуществления. А они состояли в детальном уточнении задач участвующих в операции войск, тщательной подготовке соединений и частей, обеспечении внезапности удара и стремительности последующих действий.

Внезапность и стремительность были основным залогом достижения целей операции. Конечно, эти факторы всегда являются неизменными условиями наступления. Но в данной обстановке они были особенно важны, ибо в противном случае противник мог быстро усилить не только гарнизон Невеля, но и оборону подступов к нему, подтянув резервы и тем самым свести до минимума эффективность наших усилий. И если бы при этом мы все же овладели городом, то лишь ценою больших потерь, чего, конечно, нельзя было допустить.

Только скрытным проведением всех подготовительных мероприятий можно было обеспечить внезапность удара. Но об этом речь будет идти позднее. Здесь же следует отметить, что уже при разработке решения и планировании операции мы стремились максимально ограничить круг людей, информированных о готовящемся наступлении, что в обстановке военных действий и связанных с ними случайностей является первостепенным условием сохранения тайны. Так, в разработке решения вместе со мной принимали участие лишь член Военного совета А. И. Литвинов и начальник штаба Ф. А. Зуев, а в последующем к составлению плана операции были привлечены только начальники родов войск и служб, начальник оперативного отдела подполковник Г. Г. Семенов и два его старших помощника, которые от руки писали все необходимые документы.

Введению противника в заблуждение, по крайней мере в части характера наших намерений, должно было способствовать также принятое мною решение относительно активных действий на ряде

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 11.

участков фронта армии. Имелось в виду осуществить их силами оставшихся в обороне 178-й, 185-й стрелковых дивизий, 23-й стрелковой бригады, а также отряда под командованием полковника Н. И. Чикарькова, имевшего в своем составе 153-й армейский запасный полк и четыре армейских заградительных отряда. Они должны были для этого выделить по 1—2 батальона, задачей которых и являлось ведение активных действий на нескольких участках 100-километровой полосы армии обороны с целью скрыть направление главного удара и сковать силы врага.

Что же касается высоких темпов прорыва обороны и последующего наступления, то они, как мы видели, отчасти обеспечивались созданием значительного превосходства сил путем их массирования на узком участке. Но одного этого было мало. Требовалось создать достаточно сильную подвижную группу, которая смогла бы после прорыва обороны развить успех, быстро достичь Невеля и овладеть им, не дав противнику опомниться. Это позволило бы сосредоточить дальнейшие усилия всей ударной группы на закреплении успеха.

Соответствующая такой задаче группировка войск и была определена планом операции. Он в соответствии с принятым мною решением предусматривал прорыв обороны противника первым эшелоном войск армии — 28-й и 357-й стрелковыми дивизиями, усиленными двумя минометными полками. Эшелон развития успеха, который мы создавали, не располагая крупным танковым или механизированным соединением, включал единственную в составе армии 78-ю танковую бригаду, 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию, один из полков которой должен был действовать на автомашинах, а также три артиллерийских полка, в том числе один противотанковый и один зенитный. В резерв выделялись 46-я гвардейская стрелковая дивизия, 31-я и 100-я стрелковые бригады, составлявшие как бы третий эшелон.

Необходимо сказать, что такое глубокое построение войск было подсказано опытом войны. Впоследствии, изучая боевые действия других наших армий, я убедился, что многие из них также шли по этому пути при решении наступательных задач. И это вполне закономерно. Если в 1941 — 1942 гг. вражеская оборона имела очаговый характер и не растягивалась на большую глубину, то последующие серьезные поражения вынудили гитлеровцев перейти к созданию многополосных оборонительных систем. Но и это им не помогало. Советское военное искусство все более совершенствовалось. Продуманно, творчески решая проблемы меняющейся обстановки, наши военачальники постоянно искали, находили и совершенствовали методы успешной борьбы с врагом в любых условиях. Так, в частности, появились и различные формы глубокого оперативного построения войск при прорыве многополосной обороны врага. В описываемое время они еще только рождались, однако уже первый опыт их применения полностью себя оправдал.

Глубокое оперативное построение войск армии, являвшееся одной из особенностей и Невельской операции, вполне отвечало трудным условиям боевых действий в лесисто-болотистой местности, крайне

осложнявшим маневр войск по фронту. Оно также соответствовало необходимости непрерывно наращивать силу удара из глубины.

Так, важную роль должен был сыграть эшелон развития прорыва. Войдя в прорыв, 78-я танковая бригада с посаженным на автомашины полком 21-й гвардейской стрелковой дивизии, согласно плану наносила удар в направлении Соколы, Вашеничино, Столбово с задачей захватить дефиле между озерами и в дальнейшем овладеть Невелем. Ей предстояло, не задерживаясь в городе, сразу же выдвинуться на рубеж озер Верхитно, Должно, Плисса, Невель, где занять оборону до подхода главных сил пехоты.

Создание этой небольшой подвижной группы лишило нас возможности использовать танки для непосредственной поддержки пехоты при прорыве обороны противника. Но, имея всего лишь одну танковую бригаду, я вследствие высказанных выше соображений предпочел использовать ее для развития успеха, возложив прорыв первой полосы обороны на пехоту и артиллерию. Последующий ход боевых действий показал обоснованность такого решения. Тем более что, как подтвердилось в дальнейшем, в условиях лесисто-болотистой местности, множества минных заграждений и хорошо организованной системы огня противника танки не смогли бы успешно осуществлять непосредственную поддержку пехоты при прорыве обороны.

Не менее существенную задачу в ходе операции предстояло выполнить армейскому резерву. Так, 46-я гвардейская стрелковая дивизия должна была двигаться за левым флангом ударной группы, а с выходом последней в район Невеля выдвинуться к Королиновке, Тимофеевке в готовности к отражению вражеских контратак. 100-я и 31-я стрелковые бригады предназначались для развития успеха соответственно в сторону правого и при необходимости левого флангов.

Следует вновь подчеркнуть, что прикрытию флангов уделялось при планировании операции большое внимание. Мы надеялись, что слева нас обеспечат войска 4-й ударной армии, но, учитывая возможные осложнения, все же предназначали для этой цели и свою 31-ю стрелковую бригаду. Действуя на левом фланге нашей ударной группы, она должна была наступать на юго-запад. Правый же фланг предстояло прикрывать 357-й стрелковой дивизии, наступавшей после прорыва обороны на север и следовавшей за ней 100-й стрелковой бригаде, а в случае необходимости также 46-й гвардейской стрелковой дивизии.

Всю операцию мы спланировали в пять этапов. На первом из них войска после перегруппировки должны были скрытно сосредоточиться в намеченных районах в глубине нашей обороны. Одновременно следовало закончить сосредоточение всех материальных средств, необходимых для операции, в первую очередь — боеприпасов. Второй этап — занятие исходного положения для наступления. Здесь основная задача состояла в том, чтобы быстро и скрытно создать нужную группировку войск, подведя ее к переднему краю.

Третий этап — артиллерийская подготовка, атака, прорыв первой полосы обороны противника на глубину 6—7 км, до р. Шестиха. Чет-

вертый — стремительный удар эшелона развития прорыва, захват им межозерных дефиле на подступах к Невелю, овладение городом и одновременное расширение прорыва к северу и к югу от него остальными силами наступающих войск. Наконец, на пятом этапе частям эшелона развития предстояло закрепить севернее и западнее города п, используя межозерные дефиле, организовать здесь прочную оборону в готовности к отражению контратак подходящих резервов противника. Тогда же в район северо-восточнее и юго-западнее Невеля должны были выйти соединения резерва армии с тем, чтобы разгромить всю невелискую группировку противника и завершить выполнение задач операции.

Артиллерийское обеспечение мы планировали вместе с генералом М. О. Петровым. Надо сказать, что знал я Михаила Осиповича еще с начала 30-х годов, когда он был заместителем начальника артиллерии Московского военного округа. Широко образованный, вдумчивый человек, опытный артиллерист, он и теперь обнаружил творческий подход к решению стоявшей перед нами задачи.

Прежде всего было учтено, что противник имеет сильно развитую оборону с большим количеством запасных позиций для пулеметов, минометов и орудий. В первой ее линии, как было вскрыто всеми видами разведки, на направлении нашего главного удара находилось более 100 огневых точек, до 80 блиндажей, 16—20 минометных позиций, 12—16 отдельных орудий, 12 артиллерийских батарей¹⁵. Кроме этого, 8 артиллерийских батарей могли быть привлечены дополнительно с соседних участков.

Подсчет целей показал, что для уничтожения и подавления только огневой системы обороны противника на участке прорыва необходимо создать плотность не менее 160—180 орудий и минометов на километр фронта, а также по 25—30 орудий для ведения огня прямой наводкой. Но ведь еще надо было разрушить и оборонительные сооружения врага как на переднем крае, так и в глубине.

Для удовлетворения этих потребностей оказались недостаточными силы входивших в состав армии 11 пушечных, гаубичных и минометных, а также истребительно-противотанкового и зенитных артиллерийских полков¹⁶. Поэтому пришлось привлечь на период подготовки и поддержки атаки артиллерию двух дивизий и двух стрелковых бригад эшелона развития успеха и резерва, полковую артиллерию и отдельный истребительно-противотанковый дивизион для стрельбы прямой наводкой, а также 82-мм и 120-мм минометы для уничтожения противника в первой траншее, сопровождения пехоты и захвата второй траншеи. В итоге было намечено сосредоточить на участке прорыва 814 из имевшихся в армии 886 орудий и минометов¹⁷.

В этом также был элемент риска, но, как я уже говорил, обстановка делала его оправданным.

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 7.

¹⁶ Там же, ф. 213, оп. 2074, д. 51, л. 80.

¹⁷ Там же, ф. 317, оп. 4320, д. 202, л. 14.

Всю артиллерию, предназначенную для операции, мы разделили на две группы. Первой из них — армейской — непосредственно командовал генерал М. О. Петров. Она состояла из трех пушечных и одного гаубичного артиллерийских и одного гвардейского минометного («катюши») полков, а также двух артиллерийских полков, взятых из дивизий третьего эшелона на период подготовки и поддержки атаки. Вторую группу составляли средства командующих артиллерией дивизий.

Армейской артиллерийской группе были поставлены следующие задачи: в период разрушения доразведать и уничтожить артиллерийские и минометные батареи противника, подавить огневые точки в опорных пунктах на переднем крае и в глубине вражеской обороны; с основных огневых позиций обеспечить ввод в бой частей эшелона развития прорыва до рубежа Мошенино, Осетки (7—8 км); не допустить контратак противника в глубине его обороны с направлений Пупково, Королиновка и Осетки, Кошелево; воспретить подход резервов с направлений Кудинково, Бугры, а также Королиновка, Белянки и Тимофеевка, Кошелево.

Артиллерия стрелковых дивизий должна была также участвовать в уничтожении огневых точек противника в опорных пунктах на переднем крае. Кроме того, ей ставились задачи обеспечить огневым валом захват первой и второй вражеских траншей, а в дальнейшем последовательными сосредоточениями и огневыми налетами содействовать овладению вторым оборонительным рубежом на р. Шестиха (в глубине 6—7 км).

Продолжительность артиллерийской подготовки мы определили в полтора часа. Период разрушения с закрытых огневых позиций должен был длиться 1 час, уничтожение огневых точек на переднем крае орудиями, поставленными на прямую наводку, — 20 минут, подавление — 10 минут. После этого артиллерии предстояло сопровождать атаку пехоты огневым валом в течение 35 минут. Для прикрытия войск с воздуха была организована группа противовоздушной обороны в составе малокалиберного зенитного полка и отдельного зенитного артиллерийского дивизиона.

Авиационное обеспечение Невельской операции возлагалось на 3-ю воздушную армию. Для составления соответствующего плана начальник ее штаба генерал-майор авиации Н. П. Дагаев прибыл к нам в конце сентября. В связи с этим я пригласил генералов Ф. А. Зуева и М. О. Петрова, которые кратко ознакомили его с намеченными наступательными действиями ударной группы и поддерживающей ее артиллерии. Затем мы перешли к вопросам авиационного обеспечения, для которого, как сообщил Н. П. Дагаев, выделялись 241-я штурмовая и 240-я истребительная авиационные дивизии.

Поскольку Военный совет фронта определил на всю операцию не более 1 тыс. самолето-вылетов, от нас потребовалось использовать их с максимальной эффективностью. Мы отработали во всех деталях вопросы взаимодействия, составили расписание, определявшее, какими самолетами и в каком их количестве обеспечивается с воздуха

наше наступление, как поддерживается связь с ними. Договорились, что во время сосредоточения войск на главном направлении и при выдвижении в исходное положение истребительная авиация прикроет район Черноем, Былинки, оз. Серутское, а также станции снабжения армии — Кунью, Таборы, Великополье, Великие Луки.

В период подготовки войск к атаке авиации предстояло нанести бомбовые и штурмовые удары по опорным пунктам гитлеровцев в Леонидово, Ефимцево, Никифорово, Жидки и Боханово, расположенным на переднем крае обороны врага, а также в Политики, Кошелево, Бол. Будница, находившихся на направлении ввода частей эшелона развития прорыва. Для этого предназначались 36 Ил-4 и 60 Ил-2 под прикрытием 50 истребителей. В дальнейшем до 60 штурмовиков под прикрытием 25 истребителей, действуя группами по 6—8 самолетов по вызову с наблюдательного пункта 3-й ударной армии или на основе данных своей воздушной разведки, должны были обеспечить продвижение частей 28-й стрелковой дивизии до рубежа р. Шестиха на глубину 6—7 км и действия эшелона развития прорыва в направлении Невеля¹⁸.

План авиационного обеспечения особо предусматривал прикрытие с воздуха ударной группы армии слева, со стороны Городка и Полоцка. Одновременно поставили и задачу панесения бомбо-штурмовых ударов с целью нарушения железнодорожного сообщения противника на линиях Полоцк — Дретунь и Невель — Городок. Авиация должна была также вести непрерывную разведку в направлении Пустошки и Витебска для своевременного обнаружения резервов противника при их выдвижении к участку прорыва. Ведь нам было очень важно знать, куда именно направит враг свои войска для контрударов, чтобы своевременно принять соответствующие меры противодействия. На второй и третий день операции истребительной авиации надлежало прикрывать район Невеля, а штурмовикам — находиться в боевой готовности к отражению контратак пехоты и танков противника на подступах к этому городу.

Согласованием вопросов авиационного обеспечения завершилась разработка плана операции. Взяв его с собой, мы с А. И. Литвиновым отправились в штаб Калининского фронта к генералу армии А. И. Еременко. Внимательно рассмотрев наш план, Андрей Иванович одобрил его. Положительно отзывались о проделанной в армии работе также член Военного совета фронта генерал-лейтенант Д. С. Леонов и начальник штаба генерал-лейтенант В. В. Курасов.

— Помните, — сказал А. И. Еременко, утвердив план, — главное — это полная внезапность и самая тщательная подготовка.

Вообще-то, эти два понятия нередко вступают в противоречие. Станешь готовить войска — можешь раскрыть противнику замысел операции. Поэтому особое внимание мы уделяли скрытности всех подготовительных мероприятий, которые проводились нами в течение второй половины августа и всего сентября.

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 30.

Да, в отличие от предшествовавшей Великолукской операции у нас теперь было много времени на подготовку. И мы его не теряли.

Так, к моменту утверждения плана Невельской операции Военным советом фронта тыловые части и подразделения под руководством начальника тыла армии полковника Д. Е. Лубоцкого провели большую работу по материально-техническому обеспечению войск. Было подвезено 3,5—4 боекомплекта боеприпасов и 14-суточный запас продовольствия, что в целом составляло около 9 тыс. т, а также свыше 420 т горючего, 250 т инженерного имущества¹⁹.

Тем временем инженерные войска армии, возглавляемые генерал-майором В. И. Зверевым, выполняя задачу обеспечения перегруппировки войск и подвоза необходимых грузов, построили вновь и капитально отремонтировали до 200 км дорог, полностью или частично восстановили десятки небольших мостов, соорудили на р. Ловать четыре цовых, в том числе два тяжелых для переправы танков. Они заготовили и сборные мосты для танков, которые предназначались для быстрой установки на р. Шестиха, в глубине обороны противника. Саперы строили командные и наблюдательные пункты, помогали войскам оборудовать исходные позиции. Были созданы также отряды заграждения с резервом мин для закрепления захваченных рубежей²⁰.

Этим подготовительным мероприятиям мы уделяли много времени и забот, так как от их успешного осуществления в немалой степени зависело выполнение задач операции.

Основное же внимание, конечно, было направлено на всестороннюю подготовку войск, предназначавшихся для наступления. Следует иметь в виду, что в то время в составе армии не было корпусных управлений, и все ее соединения и отдельные части на 105-километровом фронте подчинялись непосредственно командарму. Это вызывало немалые трудности, особенно в условиях подготовки наступательной операции на одном из участков и необходимости сочетать ее с прочной обороной остальных. Кроме того, опыт показывал, что такое положение резко осложняет управление войсками и в ходе боевых действий. Ведь именно так получилось в первый период Великолукской операции.

Учитывая ее уроки, я в период подготовки принял решение временно объединить оборонявшиеся на великолукском направлении 178-ю стрелковую дивизию, 5-й и 118-й полевые укрепленные районы, 23-ю стрелковую бригаду в оперативную группу во главе с моим заместителем генерал-майором С. А. Князьковым. Это должно было несколько облегчить управление ими, а также остальными войсками, в первую очередь ударной группой. Что касается 185-й стрелковой дивизии и отряда полковника Н. И. Чикарькова, обороняв-

¹⁹ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4320, д. 202, л. 13.

²⁰ Там же, л. 15.

пихся в центре нашей полосы, юго-западнее Великих Лук, то они по-прежнему непосредственно подчинялись комендарму, так как их участки вплотную прилегали к направлению главного удара.

Еще в августе, сразу же после получения задачи на подготовку к Невельской операции, мы усилили разведку. Вплоть до начала наступления она велась непрерывно на всем фронте и особенно на намеченном участке прорыва и в прилегающих к нему районах. Под руководством начальника разведывательного отдела штаба армии полковника И. Я. Сухацкого были разработаны и осуществлены самые различные формы получения необходимых сведений о враге.

Силами небольших подразделений велась разведка боем, ночной поиск, устраивались засады с целью добыть «языка». Объектами поиска были передовые и отдельные наблюдательные посты противника, выдвинутые вперед огневые точки, часовые. Много ценных данных дали разведчики, осуществлявшие круглосуточное наблюдение. Кроме общевойсковых, были созданы также наблюдательные пункты артиллеристов и саперов. На участках прорыва каждой дивизии действовали по 14—15 таких пунктов, в том числе по 5 командирских, с которых вражеская оборона просматривалась на глубину 6—10 км ²¹.

Всеми этими видами разведки мы стремились вскрыть вражескую группировку, выявить ее численный состав, систему огня, количество пулеметов на переднем крае, а также артиллерийских и минометных батарей. Мы хотели иметь ясное представление и об инженерных заграждениях противника, расположении его минных полей, определить участки для прохода танков и пехоты, с тем чтобы накануне наступления они были разминированы саперами.

Разведка обеспечила получение достаточно точных данных. Передний край обороны противника был сфотографирован авиацией фронта. Все это сыграло большую роль в достижении успеха операции.

Незадолго до начала операции я собрал командиров соединений ударной группы войск и их заместителей по политчасти. Предстояло поставить им задачи на наступление. Но не хотелось этим ограничиваться, и потому рассказал о том, какой представлялась мне вся картина операции. Особенно подробно разобрал предстоящие действия частей эшелона развития прорыва, порядок взаимодействия танков и пехоты, поддержки их артиллерией, авиационного обеспечения. И полагаю, это помогло собравшимся яснее увидеть, что наступление эшелона развития являлось как бы эпицентром операции и что в то же время его успех по существу зависел от выполнения поставленных задач каждым из остальных соединений.

В частности, командованию 78-й танковой бригады было указано, что у нее одна цель — г. Невель, которого необходимо достичь как можно быстрее. Обеспечение флангов бригады возлагалось на 28-ю, а в дальнейшем и на 46-ю гвардейскую стрелковые дивизии. 21-я

²¹ Там же, л. 24.

гвардейская стрелковая дивизия, двигаясь непосредственно за танками, должна была при необходимости поддержать их удар всей своей артиллерией и вместе с ними войти в Невель. Конкретные задачи получили и командиры остальных соединений.

Затем на картах и с помощью макетов местности мы отработали все детали операции и взаимодействия участвующих в ней дивизий и бригад, а также артиллерийских частей. Отдельно провели такое же занятие с командирами батальонов и рот 78-й танковой бригады и предназначенного для совместного с ней продвижения на автомашинах 59-го гвардейского стрелкового полка. В заключение организовали тактические учения, в которых участвовали все командирские танки бригады и автомашины с пехотой, отработывавшие действия подразделений эшелона развития прорыва.

Боевую и политическую учебу, как уже говорилось, напряженно вели все соединения армии. В тех, которые были выделены для наступления, занятия проводились в соответствии с предстоящими задачами операции. Части и подразделения учились скрытно выходить в исходное положение, взаимодействовать в ходе атаки, вести огонь на ходу. Организовывались ротные и батальонные учения со стрельбами в условиях, близких к боевым. Так, части 28-й стрелковой дивизии провели около 50 ротных и батальонных учений, на которых отработывалось взаимодействие пехоты и артиллерии при прорыве обороны противника и в ближайшей глубине.

Особое внимание уделялось овладению навыками стремительных действий, являвшихся одним из важнейших залогов успеха. Ведь противник тоже готовился к боям. И мы знали, что у него основательно отработана система обороны с укрытием своих войск в период нашей артиллерийской подготовки и с последующим быстрым занятием боевых позиций. Поэтому, если стрелковые подразделения начнут атаку несвоевременно, отстанут от огня артиллерии, пусть даже на небольшое расстояние, то этого уже достаточно, чтобы уцелевшие в блиндажах гитлеровцы вскочили в свои окопы и открыли огонь из пулеметов. Опоздание хотя бы двух-трех наступающих подразделений, как показывал опыт, нередко вело к срыву выполнения поставленной задачи, к бесцельной потере сотен людей.

И наши войска настойчиво учились. Занятия велись по 10—12 часов в сутки как в дневное, так и в ночное время. Они помогали добиваться высоких результатов.

Так, пехота научилась за 5 минут до окончания артподготовки выходить на участки в 150 м от разрывов снарядов своей артиллерии, а с последним переносом огня стремительно бросаться в атаку и занимать траншеи противника, очищать их от врага гранатами, штыком и автоматом, быстро устанавливать пулеметы для отражения возможных контратак, использовать огонь артиллерии для дальнейшего броска вперед. Подразделения учились обходить опорные пункты и быстро продвигаться на заболоченной местности²². Части, предназна-

²² Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 158, л. 21.

ченные для эшелона развития прорыва, обучались главным образом стремительности наступления, совместным действиям пехоты и танков, смелому вклинению в глубину вражеской обороны.

Все это делалось для того, чтобы с возможно меньшими потерями выполнять поставленные задачи.

3 октября началась перегруппировка войск и сосредоточение их в исходных районах для наступления. На долю штабов армии и соединений в этот период выпала ответственная задача: снять многие соединения и части с других участков фронта армии и стянуть их к левому флангу, встречать при подходе к участку прорыва, регулировать их передвижение, выводить в предназначенные им районы. Офицеры штабов, действуя в качестве «колонновожатых», во многом помогли осуществить скрытно перегруппировку нескольких дивизий со всей их боевой техникой и тылами.

Как я уже упомянул, мы приняли целый ряд мер для маскировки и сохранения в тайне своих намерений. До последнего момента решение на наступление было известно ограниченному кругу лиц. Никаких документов по этому вопросу в соединения и части не рассылалось. Все приказы их командирам отдавались устно мною или начальником штаба армии.

Для перегруппировки использовали лесные массивы, скрывавшие войска. Все передвижения войск, как правило, происходили исключительно в ночное время. Связь прокладывалась по кабельным и шестовым линиям, а новые ее трассы выбирались в лесах, вдали от дорог. Блиндажи для узлов связи и пунктов управления строились только по ночам, или в местах, недоступных для наблюдения противника. Районы сосредоточения войск и станции снабжения прикрывались с воздуха истребителями. Соблюдение мер маскировки строго контролировалось.

Все это способствовало скрытному проведению перегруппировки и сосредоточения войск. К тому же происходившая одновременно перегруппировка соединений 39-й армии, действовавшей левее 4-й ударной, до некоторой степени дезориентировала противника. Как потом стало известно, вражеское командование предполагало, что главный удар будет нанесен не на Невель, а значительно южнее.

К 5 октября перегруппировка и выход в районы сосредоточения были завершены. Соединения и части продолжали усиленную подготовку к наступлению. Командиры стрелковых полков и артиллерийских групп производили рекогносцировку, согласовывали взаимодействие непосредственно на местности. Командиры батальонов, рот и взводов намечали и распределяли пути выдвижения подразделений к исходным пунктам. Саперы приступили к устройству проходов в своих минных полях и проволочных заграждениях.

Артиллерийские части сначала сосредоточивались в 6—8 км от районов своих будущих огневых позиций, выслав для их оборудования и устройства наблюдательных пунктов отдельные подразделения. Здесь была также организована артиллерийская комендантско-регулирующая служба, не допускавшая передвижения днем по местам,

наблюдаемым противником. С целью скрыть сосредоточение большой массы артиллерии от каждого артиллерийского полка для пристрелки выделялось лишь по одному орудью, а от всей армейской артиллерийской группы — только один дивизион. Одновременно дополнительно определялись и засекались цели, доразведывалась система огня противника.

В ночь на 6 октября я перешел на наблюдательный пункт командира 28-й стрелковой дивизии. Сюда прибыли также член Военного совета генерал А. И. Литвинов, командующий артиллерией армии генерал М. О. Петров, начальник оперативного отдела подполковник Г. Г. Семенов и еще два офицера штаба. Мы имели устойчивую связь с передовым командным пунктом управления армии, развернувшимся в нескольких километрах позади нас в дер. Ворохобы, а через его узел связи — со всеми войсками армии. Кроме того, поддерживалась радиосвязь со всеми левофланговыми соединениями армии. На передовом командном пункте находились генерал Ф. А. Зуев, часть офицеров штаба и политотдела. На правом фланге был развернут упоминавшийся выше вспомогательный пункт управления во главе с моим заместителем генерал-майором С. А. Князьковым. Через него я мог при необходимости руководить и правофланговыми войсками армии.

В ту же ночь дивизии первого эшелона скрытно заняли исходное положение для наступления. Одновременно вышли в свои районы 24-я гвардейская стрелковая дивизия и 78-я танковая бригада. Запала огневые позиции артиллерия.

В 3 часа 6 октября точно в назначенное планом операции время командиры дивизий, бригад и отдельных частей доложили, что полностью подготовились к наступлению.

Как всегда, огромную роль в успешной организации подготовки и операции сыграли высокое политико-моральное состояние наших войск, их наступательный порыв, целенаправленная воспитательная деятельность командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций. Эта работа велась под руководством Военного совета и по разработанному политотделом армии, возглавляемым полковником Ф. Я. Лисициным, подробному плану. Он был целиком подчинен главной идее операции, состоявшей в том, чтобы, скрытно и тщательно подготовясь, внезапно нанести мощный и стремительный удар, а затем быстро закрепить его результаты. В соединения и части с целью оказания практической помощи их политсоставу и партийных организациям была направлена группа работников политотдела армии, руководимая заместителем начальника политотдела полковником Н. И. Закамским.

В обстановке высокого политического подъема в период подготовки к операции значительно усилился приток заявлений о вступлении в партию. За это время в ее ряды было принято более 1,5 тыс. лучших солдат и офицеров, а в комсомол — свыше 2 тыс.²³ К началу наступ-

²³ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 17, л. 158.

ления в соединениях и частях армии насчитывалось 12942 члена и 7702 кандидата в члены партии, 9060 комсомольцев²⁴.

Многое было сделано для правильной расстановки коммунистов и комсомольцев. Благодаря этому число ротных и равных им партийных организаций достигло 931. В каждой из них имелось от 6 до 10 коммунистов, являвшихся опорой командиров, активными агитаторами, действовавшими и словом и личным примером.

Большое место в деятельности парторганизаций занимала информация о внутреннем и международном положении страны, о боевых действиях на фронтах. Лекции и доклады на эти темы, проводимые политработниками, беседы агитаторов в подразделениях вызывали огромное воодушевление среди личного состава. Крупные успехи советских войск, начавших массовое изгнание врага с советской земли и уже форсировавших Днепр, вызывали гордость, восхищение, стремление внести свой вклад в дело полного освобождения Родины от захватчиков.

Солдаты и офицеры с интересом знакомились с опытом успешных боев на других фронтах, широко пропагандировавшимся нашими командирами и политработниками. Это помогло и в подготовке к Невельской операции.

Так, в подразделениях состоялась целая серия бесед. Сначала собирали коммунистов-агитаторов. Получив подробные разъяснения о характере местности и предстоящих боевых действиях данного подразделения, они затем проводили такие же беседы со всеми бойцами. Важное место при этом занимали темы взаимной помощи подразделений различных родов войск, действий небольших групп пехоты и каждого бойца в условиях лесов и болот. Коммунисты и комсомольцы и в ходе учений стремились быстрее и в совершенстве овладеть всеми необходимыми навыками и приемами, помогая затем в этом и своим товарищам по отделению, взводу, роте.

Широкая партийно-политическая работа способствовала успешному завершению всей подготовки. Накануне наступления были проведены партийные и комсомольские собрания, короткие митинги в частях. В ответ на обращение Военного совета армии весь личный состав войск дал клятву выполнить поставленную задачу. Эти собрания и митинги вновь показали эффективность партийно-политической работы, проведенной в ходе подготовки, мощный наступательный порыв и высокую боеготовность войск армии²⁵.

* * *

Приближался час атаки. В предшествующую ей ночь, как всегда, я мысленно перебирал все, что сделано для успеха операции. Вспомнил и недавний приезд командующего фронтом. Он побывал у нас в первых числах октября. Внимательно ознакомившись с приготовлениями, Андрей Иванович на прощанье сказал:

— Желаю успеха. До встречи в Невеле!

Верилось, что этой встречи не придется долго ждать.

²⁴ Там же, оп. 4320, д. 20, л. 46.

²⁵ Там же, ф. 213, оп. 2016, д. 318, л. 8.

Дашь Невель!

Атака

4 часа 6 октября. Еще далеко до рассвета. На переднем крае, казалось, все замерло. Но эта тишина обманчива. Там, впереди, бесшумно движется наша пехота.

Поскольку расстояние между нашим и вражеским передним краем было здесь довольно значительным, мы решили по возможности сократить его. В течение трех последних ночей наши части постепенно выдвигались вперед. Немного, не более чем на 200—250 м за ночь. И каждый раз отрывали новую траншею. Противник не мог не обнаружить это движение, но не препятствовал ему, считая, вероятно, что мы просто улучшаем свои позиции.

И вот теперь, в ночь перед наступлением, готовые к атаке части находятся уже в 300 м от траншей врага.

Еще одна хорошая новость, на этот раз из штаба фронта — о действиях партизан в тылу врага в районах Невеля, Идрицы, Себежа, Полоцка, Борковичей и ближайших к ним населенных пунктов. В эту ночь, предшествующую нашему наступлению, они по заданию Военного совета уничтожили несколько гарнизонов противника. А накануне доблестные партизаны провели ряд диверсий. В районе Идрицы пустили под откос эшелон с воинской частью противника, на участке Себеж — Зилуне взорвали эшелон с боеприпасами, на железнодорожной линии между станциями Игрице и Кожаново уничтожили провода телеграфно-телефонной связи на протяжении 3 км и разрушили мост, на перегоне Полоцк — Борковичи устроили крушение, в результате которого было разбито 27 вагонов и уничтожено около 400 вражеских солдат и офицеров¹.

...Часы показывают 5. А через несколько минут раздаются оружейные выстрелы, автоматные и пулеметные очереди. Но и это еще не наступление, а пока лишь разведка боем. Мы ведем ее не только здесь, где готовимся к прорыву, но и на ряде других участков фронта армии. Так легче сбить с толку противника и в то же время уточнить расположение огневых точек его переднего края на направлении на-

¹ Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2074, д. 54, л. 8.

шего главного удара, засечь огневые позиции артиллерии и минометов и установить, не сменил ли он их.

В разведке боем на участке прорыва участвуют две стрелковые роты — по одной от каждой дивизии первого эшелона. Их задача — вызвать своим наступлением интенсивный пулеметный и артиллерийско-минометный огонь противника. Кроме того, мы рассчитывали, что действия двух рот заставят гитлеровцев увеличить свои силы в первой траншее, которую затем накроет наша артиллерия. Наконец, при наибольшем успехе разведки боем можно было бы захватить отдельные участки первой траншеи и контрольных пленных.

Но то, что с первых же минут завязалась ожесточенная перестрелка, было неприятным признаком. Он означал, что противник быстро обнаружил наши роты, и им теперь, пожалуй, не прорваться к первой траншее. К такому выводу мы с генералами А. И. Литвиновым и М. О. Петровым пришли, следя с наблюдательного пункта за действиями обоих подразделений. Начало светать, и в стереотрубу можно было видеть, что продвигались они очень медленно, в основном ведя огневой бой.

Это предположение вскоре оправдалось. Зато основную, самую важную задачу роты выполнили. Почти два часа вели они бой, и за это время удалось обнаружить новые огневые точки на переднем крае противника и огневые позиции нескольких артиллерийских и минометных батарей. К тому времени, когда роты были отведены в исходное положение, генерал М. О. Петров со своим начальником штаба полковником В. И. Недзвецким напесли дополнительные данные на планшет для окончательного уточнения целей артиллерийской подготовки.

В 7 часов артиллерия приступила к контрольной пристрелке, а в 8 часов 40 минут, как и было запланировано, огнем на разрушение укреплений противника началась артподготовка. В ней участвовало свыше 800 артиллерийских и минометных стволов. Их огонь в течение часа обрушивался на передний край и опорные пункты врага в глубине, на огневые позиции артиллерийских и минометных батарей. Потом прямой наводкой по огненным точкам на переднем крае ударили более 100 орудий.

В 9 часов 55 минут раздался залп двух полков «катюш». После этого вся артиллерия перенесла огонь на вторую траншею врага. В это же время несколько групп по 6—8 самолетов 211-й штурмовой авиационной дивизии полковника П. М. Кучма (заместитель по политической части — подполковник К. А. Пушкарский) нанесли массированный бомбовый удар по фашистским опорным пунктам сперва на переднем крае, а затем в ближайшей глубине обороны.

Противник вначале был настолько ошеломлен, что почти совсем не отвечал огнем. Но через некоторое время из глубины обороны открыли огонь отдельные орудия, а затем и целые батареи. Они вели огонь главным образом по переднему краю наших войск.

10 часов. Приказываю начать атаку. Телефон и радиостанции разносят одно слово: «Волга». Это сигнал к наступлению. Одновременно

на переднем крае над всем участком прорыва взвиваются красные и зеленые ракеты, в ротах и батальонах играют сигналисты, зовущие в бой. И вот уже вслед за огненным валом идут в атаку стрелковые полки. Гремит раскатистое дружное «Ура!»

Справа наступает 357-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора А. Л. Кроника (заместитель по политчасти — подполковник В. А. Белов), слева — 28-я во главе с ее командиром полковником М. Ф. Букштыновичем (заместитель по политчасти — подполковник М. Х. Шапиро).

Противник встречает их беглым огнем. Не все его огневые точки на переднем крае подавлены в ходе артиллерийской подготовки. Да иначе и не бывает. Ведь даже при самой тщательной разведке не удается выявить местоположение всех до единого вражеских орудий и пулеметов. Кроме того, противнику уже после начала артиллерийской подготовки, как правило, удается хотя бы частично сменить огневые позиции артиллерии и укрыть живую силу, а тотчас же по окончании ее вновь выдвинуться для обороны своего переднего края.

Так получилось и теперь, что, конечно, не было неожиданностью для наших воинов. И они бесстрашно ринулись вперед, чтобы окончательно сломить сопротивление передовых частей врага.

Наибольшего успеха добились в ходе первой атаки подразделения 88-го стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии, которым командовал подполковник И. С. Лихобабин (заместитель по политчасти — ка-

Бойцы 88-го стрелкового полка 28-й стрелковой дивизии врываются в горящую деревню Правоборье

питан Г. Н. Дуркин). С наблюдательного пункта, расположенного на небольшой возвышенности примерно в 1 км от переднего края, я отчетливо видел, как они смелым, решительным броском достигли первой траншеи противника. Затем их скрыла сплошная завеса огня и порохового дыма. Тут же полковник Букштынович доложил, что это был батальон майора Б. Д. Васильева. Во время последнего огневого налета он вплотную подошел к траншее гитлеровцев и первым ворвался в нее. Вслед за ним шли другие подразделения.

Дым слегка рассеялся, и они вновь стали видны, теперь уже на второй линии траншей. Там рвались ручные гранаты. Кое-где на бруствере шли рукопашные схватки, но в основном борьба велась в окопах.

Хуже было в 144-м стрелковом полку, которым командовал подполковник Ф. А. Голенков (заместитель по политчасти — подполковник А. М. Рябинин). Гитлеровцы прижали его подразделения к земле очень плотным огнем. Наши солдаты быстро окапывались, но они находились в ложине, по которой били десятки вражеских пулеметов. Особенно был опасен фланкирующий огонь со стороны Масликово.

Мелькнула мысль: хорошо бы тут использовать танки. Увы, у нас всего лишь одна танковая бригада, и ее надо сохранить для решающего удара на Невель. Поэтому приказываю армейской артиллерийской группе вновь панести массированный удар по расположенному в Масликово опорному пункту. Одновременно и полковник Букштынович уже подтягивает орудия, чтобы поставить их на прямую наводку и бить по вражеским огневым точкам. Опять гремит канонада. Наша артиллерия своим огнем помогает подавить уцелевшие при артподготовке дзоты противника.

И вот вновь идет в атаку 144-й стрелковый полк. Вскоре его подразделения врываются в опорный пункт Варсаково. А в это время сквозь редкий перелесок мне отчетливо было видно в бинокль, как батальон 88-го стрелкового полка врывается в горящую деревню Правоборье. Доставлены первые плешные. Один из них заявил, что огонь нашей артиллерии и действия авиации ошеломили немецких солдат. Большая часть снарядов рвалась в траншеях, и потому потери в людях были исключительно велики. Пленный рассказал, что из его отделения осталось в живых только двое².

Прошел всего лишь час после начала атаки. Но уже в наших руках два опорных пункта врага. Участок прорыва расширен до 2,5 км по фронту и 2 км в глубину. Наряду с решительной атакой стрелковых подразделений большую роль сыграла при этом артиллерия. Она сопровождала атакующих на глубину до 800 м огнем валом, а затем последовательным сосредоточением огня. Четким взаимодействием пехоты и артиллерии достигнут первый успех.

Так не пора ли вводить эшелон развития прорыва? Нет, для этого еще не наступило время. Мы имели всего лишь 54 танка, и нельзя было рисковать ими, введя в узкую 2,5-километровую брешь. Ведь

² Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4320, д. 20, л. 7 об.

М. Ф. БУКШТЫНОВИЧ

Д. Е. ЛУБОЦКИЙ

оборона противника взломана лишь на участке 28-й стрелковой дивизии. 357-я пока не добилась успеха. Ее передовые подразделения остановлены перед проволочными заграждениями сильным огнем вражеской артиллерии и минометов.

Произошло это отчасти потому, что основная часть наших орудий крупного калибра была использована главным образом в полосе 28-й стрелковой дивизии, где противник имел наиболее мощные укрепления. В результате самый сильный узел сопротивления был нами уничтожен, а тот, что послабее, в полосе 357-й стрелковой дивизии частично уцелел. Этому способствовал и характер местности, на которой он располагался, — ряд возвышенностей, прикрывавших фашистские огневые позиции. Кроме того, по докладу генерала А. Л. Кроника, противник к моменту окончания нашей артиллерийской подготовки успел перебросить сюда тактические резервы и огневые средства, в том числе артиллерию.

Но и оттягивать надолго ввод эшелона развития прорыва я не мог, ибо от этого зависел успех всей операции. Тем более, что противник уже начал со стороны Масликово контратаки на левом фланге дивизии полковника Букштыновича. Правда, они успешно отбивались, но дальнейшее промедление с развитием прорыва могло осложнить обстановку. Принимая решение еще раз попытаться сломить сопротивление на участке 357-й с помощью артиллерии и одновременно ввести в бой второй эшелон 28-й стрелковой дивизии — ее 235-й стрелковый полк, с тем чтобы его силами расширить прорыв вправо.

Я. Г. КОЧЕРГИН

Д. В. МИХАЙЛОВ

Это в условиях, когда несколько продвинулась вперед и соседняя слева 360-я стрелковая дивизия 4-й ударной армии, позволило бы ввести и эшелон развития.

То были тревожные минуты. Донесения из 357-й стрелковой дивизии оставались неутешительными. Но вот двинулся вперед второй эшелон 28-й. С надеждой всматриваюсь вдаль, куда стремительно уходит 235-й стрелковый полк под командованием подполковника Н. А. Шабронова (заместитель по политчасти — майор А. Ф. Ракин). А вскоре, в полдень, полковник М. Ф. Букштынович докладывает, что этот полк приступил к расширению прорыва в сторону правого фланга 28-й стрелковой дивизии. Он также сообщает, что противник отступает с боями.

Конечно, при планировании операции мы рассчитывали прорвать оборону на участках двух дивизий, притом на всю тактическую глубину. Но искусство руководства боем не терпит упрямой приверженности заранее установленным рамкам плана, и выполнение задачи во многом зависит от учета как всех возможностей, открывающихся в ходе сражения, так и возникающих осложнений.

Обстановка требовала сделать выбор — ждать успеха 357-й стрелковой дивизии и тем самым потерять много драгоценного времени либо ввести эшелон развития только на участке 28-й стрелковой дивизии. Эта дилемма была решена так: теперь, когда прорыв еще немного расширен, а гитлеровцы начали отход и, следовательно, смену огневых позиций своей артиллерии, можно рассчитывать, что введенные

в бой танки ворвутся на плечах врага на его вторую позицию, а затем стремительно пойдут вперед, к Невелю. И я сказал командующему бронетанковыми и механизированными войсками армии полковнику Н. И. Прокопец:

— Пора!

Одновременно приказал генералу М. О. Петрову сосредоточить огонь артиллерии на флангах прорыва.

Взятие Невеля

В 12.20 над колонной эшелона развития прорыва, стоявшей наготове, взлетели зеленые ракеты — сигнал наступления. С наблюдательного пункта было видно, как в узкую горловину прорыва двинулась 78-я танковая бригада полковника Я. Г. Кочергина (заместитель по политчасти — подполковник И. Г. Кривоногов). На большой скорости шли ее танковые батальоны с десантом автоматчиков, а за ними на автомашинах — 59-й гвардейский стрелковый полк, возглавляемый подполковником Н. М. Чеботаревым (заместитель по политчасти — майор З. А. Шифрин).

Они двигались двумя колоннами. В состав правой — под командованием командира 264-го танкового батальона майора Д. Н. Дудченко входили: 264-й танковый батальон (без одной роты), три батареи 163-го истребительно-противотанкового артполка, два взвода саперов, стрелковый батальон 59-го гвардейского стрелкового полка на автомашинах с 120-мм минометной батареей, батарея 1622-го зенитно-артиллерийского полка, дивизион 827-го гаубичного артиллерийского полка. В левой — 263-й танковый батальон с ротой 264-го танкового батальона, три батареи 163-го истребительно-противотанкового артполка, два взвода саперов, два стрелковых батальона 59-го гвардейского стрелкового полка на автомашинах с 120-мм минометной батареей, батарея 1622-го зенитного артполка, дивизион 827-го гаубичного артиллерийского полка. Командовал колонной командир 263-го танкового батальона майор И. Ф. Дедык.

Бойцы мотострелкового батальона 78-й танковой бригады составляли десант (по 5—6 человек на каждом танке). Противотанковые и зенитные орудия были рассредоточены по колоннам. 69-й и 64-й гвардейские стрелковые полки 21-й гвардейской стрелковой дивизии не удалось посадить на автомашины, так как транспортных средств у нас, к сожалению, не хватило. Эти части двигались за указанными колоннами³.

При формировании колонн возник вопрос о том, кто должен их возглавить — общевойсковые командиры, поскольку в колоннах, кроме танков, было значительное количество пехоты и артиллерии, или танкисты. Я счел целесообразным отдать предпочтение последним. Ведь предстоял быстрый рывок вперед более чем на 30 км, и совер-

³ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 158, л. 51.

его надо было за один день. Промедление хотя бы на сутки, как уже отмечалось, поставило бы нас в невыгодное положение, так как противник, пользуясь хорошей сетью дорог, мог успеть подтянуть резервы, и тогда город пришлось бы брать в упорных и, возможно, длительных боях. Кому же, как не танкистам, более подготовленным к стремительным, маневренным действиям, возглавить такое дело! Бои показали, что решение было правильным.

Построение колонн эшелона развития прорыва также отвечало требованиям обстановки и выполняемой задаче. Хотя участок прорыва был узким, последующие действия и необходимость маневрирования с целью обхода узлов сопротивления противника требовали наступления на сравнительно широком фронте. И это облегчалось тем, что каждая из колонн была вполне самостоятельна и в случае необходимости могла собственными силами выполнять поставленную задачу. Что касается рассредоточения противотанковых и зенитных батарей по колоннам, то оно позволяло отражать нападение вражеских танков и авиации с фронтов и флангов.

Командование частями эшелона развития прорыва было возложено на командира 21-й стрелковой дивизии генерал-майора Д. В. Михайлова. Он действовал в тесном контакте с командиром 78-й танковой бригады полковником Я. Г. Кочергиным.

Начав движение в быстром темпе, колонны, однако, вскоре пошли медленнее. Встретились заболоченные участки дорог и, главное, минные поля. Пришлось направить туда начальника штаба инженерных войск армии подполковника М. Г. Григоренко, приказав ему обеспечить продвижение колонн, а танкистам — усилить темп наступления. Саперы действовали отважно и умело. Особо отличилась в этот момент саперная рота старшего лейтенанта Толстикова. Ее бойцы, бестрашно двигаясь впереди танков под огнем противника, разведали и разминировали дорогу на значительном участке.

Колонны быстрее пошли вперед. При этом хорошо проявили себя и батальоны 59-го гвардейского стрелкового полка. Они не отставали от танков, несмотря на огонь с флангов и плохое состояние дорог. Местами стрелкам приходилось буквально на руках тащить автомашины по несколько сотен метров, но затем они быстро догоняли танкистов.

Больше всего колоннам мешал огонь противника. Чтобы подавить его, мною были вызваны штурмовики авиадивизии полковника П. М. Кучма. Вот они снизились до 300—400 м, и на ребрах их плоскостей на мгновение возникли огоньки, а от них к земле потянулись голубые трассы. Это заработали скорострельные авиационные пушки, поливавшие огнем позиции врага на флангах прорыва. Понеслись с воздуха и реактивные снаряды. Это были те же самые «катюши», только подвешенные к крыльям самолетов. Взрываясь, они охватывали цели багровым пламенем, над которым вздымался густой коричневый дым. Зрелище внушительное и для врага гибельное.

Пытаясь все же остановить наше наступление, противник бросил в бой и свою авиацию. Но фашистским «юнкерсам» преграждают путь

истребители авиадивизии полковника Г. В. Зимина (заместитель по политчасти — подполковник Н. Ф. Коротков). Короткий воздушный бой заканчивается полной победой наших славных соколов. Несколько вражеских бомбардировщиков сбито, остальные уходят на запад. А штурмовики продолжают громить фашистскую пехоту и артиллерию с воздуха.

Надо сказать, что вражеская авиация в течение всего дня пыталась воспрепятствовать нашему наступлению. Она совершила 117 самолето-вылетов, в том числе 74 силами бомбардировщиков. Но все ее попытки воздействовать на ход событий были сорваны мужественными зенитчиками и летчиками 240-й истребительной авиадивизии. 100 вылетов совершили наши истребители, настигая воздушного врага везде, где он появлялся. За день они сбили 8 самолетов противника⁴.

Большую поддержку наступающим войскам оказала и 211-я штурмовая авиадивизия. За 256 самолето-вылетов штурмовики подавили огонь 10—12 артиллерийских и 3—4 минометных батарей, рассеяли и уничтожили до 3 пехотных батальонов, выдвигавшихся из глубины к участку прорыва, разгромили несколько штабов и пунктов снабжения противника⁵.

Тесное взаимодействие танкистов, саперов, пехоты, артиллерии и авиации, их решительные совместные удары обеспечили успех. Части эшелона развития прорыва к 14 часам преодолели оборону противника. Вырвавшись на шоссе в районе Косенки, они на предельной скорости устремились к Невелю, уничтожая на своем пути отходящие обозы, артиллерию противника и отбрасывая к северу и югу уцелевшие мелкие группы гитлеровцев. Безостановочное движение позволило передовым частям наступающих колонн упредить отступающие с основного оборонительного рубежа подразделения 2-й немецкой авиаполевой дивизии в выходе на р. Шестиху и захватить здесь мосты. Танки успешно переправились на противоположный берег. Противник в панике бежал, бросив на огневых позициях орудия, которые он даже не успел вывести из строя.

Оставшиеся на восточном берегу реки гитлеровцы оказались отрезанными. Они еще не знали об этом и потому спешили к мостам, чтобы быстрее переправиться на западный берег. Но поздно! Подойдя к одному из мостов, большая группа вражеских солдат и офицеров неожиданно была обстреляна пулеметчиками 59-го гвардейского стрелкового полка, находившегося уже по ту сторону реки. Гитлеровцы залегли. Однако тут же попали под огонь подошедших с востока остальных частей 21-й гвардейской стрелковой дивизии и ее артиллерии. Оставшиеся в живых немецкие солдаты — до 50 человек — сдались в плен.

Тем временем достигла реки другая, вдвое бóльшая группа. Стремясь вырваться из огневого кольца, она попыталась переправиться

⁴ Архив МО СССР, ф. 311, оп. 4495, д. 175, л. 38.

⁵ Там же, л. 37.

вброд. Сделать это удалось лишь немногим. Большинство же было уничтожено огнем с фронта и тыла.

А танковые батальоны с десантом пехоты и основными силами 59-го гвардейского стрелкового полка продолжали стремительно наступать, прокладывая себе путь огнем и гусеницами. Шедшая навстречу вражеская батарея, не успев свернуть с дороги, была раздавлена. Такая же участь постигла обоз, охраняемый пехотинцами. Кое-где по танкам стреляли отдельные орудия, пулеметы. Но танкисты и следовавшие за ними на автомашинах стрелки не задерживались. Они шли к главной своей цели — Невелю.

Наступление по-прежнему успешно поддерживала наша авиация. Например, при подходе головных танковых подразделений к узлу дорог в районе населенного пункта Столбово две группы по 8 штурмовиков Ил-2 в каждой во главе с капитанами Помухгинским и Шамрай нанесли сильный удар по находившемуся здесь противнику. Они снизились до 300 м и огнем пушек и пулеметов уничтожали вражескую артиллерию и пехоту. Результаты этого штурмового удара увидели наши танкисты, когда они захватили с ходу Столбово: вокруг горели 16 автомашин, валялись разбитые 4 полевых и 5 противотанковых орудий. Были уничтожены и их расчеты, а также много пехоты⁶.

Так было разгромлено довольно значительное резервное подразделение, выдвинутое противником, вероятно, с целью задержать движение наших танков и пехоты.

Еще один заслон был встречен при подходе к Невелю. Танки накрыли гитлеровцев огнем, частью уничтожив их и обратив остальных в бегство.

Казалось, путь в город был открыт.

Но вот из-за облаков внезапно вырвались 18 «юнкерсов», тотчас же начавших бомбить наши танки⁷. 1622-й зенитно-артиллерийский полк открыл огонь по вражеским самолетам. Находящийся на КП полковника Я. Г. Кочергина заместитель командира 240-й авиационной дивизии дал патрулировавшим над колоннами истребителям сигнал к атаке. К сожалению, они находились на большой высоте, и вражеским самолетам удалось уйти. Но добыча их была невелика. Им удалось разбить пять пустых автомашин.

Полковник Я. Г. Кочергин доложил по радио: «Танки не повреждены, ускорил темп движения». А в 16 часов танковые батальоны с десантом автоматчиков, уничтожив в коротком бою на окраине группы гитлеровцев, вступили в Невель⁸.

Таким образом, 6 октября 1943 г. войска 3-й ударной армии, провав в ходе двухчасовой атаки вражескую оборону, спустя еще 4 часа силами эшелона развития прорыва достигли цели наступления — г. Невеля.

⁶ Архив МО СССР, ф. 311, оп. 4495, д. 135, лл. 89—90.

⁷ Там же, д. 210, л. 164.

⁸ Там же, ф. 213, оп. 2074, д. 51, л. 82.

Первой ворвалась в город танковая рота 263-го танкового батальона, которой командовал капитан Марков. Впереди стремительно двигался танк заместителя командира батальона капитана Е. С. Пирожникова. Огнем и гусеницами он уничтожил бронемашину и несколько противотанковых орудий, стоявших на шоссе у въезда в Невель, и устремился вперед. Достигнув центра, капитан Пирожников с красноармейцем Овчинниковым водрузили красное знамя на здании городского Совета⁹.

Неподалеку, на двухэтажном здании комендатуры, еще развевался флаг со свастикой. Танкисты ударили по нему бронебойно-зажигательными снарядами. Гитлеровцы начали выскакивать из окон, пытаясь отойти к реке. Но здесь их настигали автоматные и пулеметные очереди.

Застигнутые врасплох подразделения немецкого гарнизона не смогли организовать сопротивление и почти не использовали имевшиеся у них огневые средства. Большинство из них, бросая оружие, технику, оставляя раненых, стремилось убежать из города. Относительно организованное сопротивление было оказано только на железнодорожной станции и в отдельных пунктах северо-западной части города. Внутри города бой был коротким. Засевшие в отдельных домах и оказывающие сопротивление, а также разбегающиеся группы противника уничтожались огнем танковых пушек и пулеметов, автоматов мотопехоты, гранатами.

Вслед за танками в город вошли подразделения 59-го гвардейского стрелкового полка, которыми командовали майор В. Н. Соловьев и капитан П. А. Рыбин¹⁰.

263-й и 264-й танковые батальоны, захватив телеграф, вокзал, мосты, в соответствии с поставленной задачей двинулись на западную окраину города. Первой и туда вышла танковая рота капитана Маркова. Вплотную за ней следовали шесть автомашин с пехотой. Их появление было столь неожиданным для врага, что немецкий регулировщик, стоявший на окраине города, принял забрызганные грязью танки за свои и флажком указал им, что путь свободен. А как только обстановка выяснилась, весьма удивился и тут же сдался в плен.

Часть танков заняла железнодорожную станцию. Здесь стояли два длинных эшелона. Их охрана при первых же выстрелах разбежалась. Тогда из вагонов начали выскакивать люди. Это были невеличане, которых гитлеровцы силой хотели увезти в Германию. 1600 человек были спасены от угона в фашистскую неволю.

Когда в 16 часов 40 минут я получил от полковника Я. Г. Кочергина радиogramму о том, что Невель взят и ведется очищение его от мелких групп противника, то, признаться, усомнился. Успех был подоготовлен всем, что сделали паши войска, но уж очень стремительно он достигнут. Не произошло ли недоразумение? В ответ на запрос по

⁹ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 158, л. 111.

¹⁰ Там же, д. 12, л. 117.

радио немедленно пришло подтверждение полковника Кочергина, рассеявшее все сомнения.

Почти одновременно начальник разведки полковник И. Я. Сухацкий принес перехваченное донесение, переданное какой-то немецкой радиостанцией открытым текстом. В нем говорилось: «К Невелю движутся несколько частей противника. Танки русских в городе...»

Итак, Невель наш! Приказываю генералу Ф. А. Зуеву, находящемуся на передовом командном пункте, где имелся аппарат ВЧ, сообщить об этом командующему фронтом. Он сразу же доложил ему устно, а вслед за тем послал следующее письменное донесение:

«Командующему войсками Калининского фронта.

К исходу 6.10.43 г. эшелон развития прорыва ударной группы армии в составе 78-й танковой бригады, 24-й гвардейской стрелковой дивизии, 163-го противотанкового и 827-го гаубичного артиллерийских полков после прорыва обороны противника частями 28-й стрелковой дивизии стремительным выдвижением, уничтожая по пути отдельные гарнизоны врага, овладел г. Невель и занял оборону севернее и северо-западнее города. В городе Невель уничтожен гарнизон противника и захвачено много складов, машин и другого имущества. Имеются пленные. Количество трофеев подсчитывается. Командарм на НП. Зуев»¹¹.

Теперь настал черед генералу А. И. Еременко усомниться. И он тоже потребовал подтверждения. Пришлось мне поехать на передовой командный пункт и подробно доложить ему по ВЧ об итогах первого дня операции.

Заодно рассказал о дальнейших намерениях. Предложил развить успех, превратив его в глубокий оперативный прорыв. Речь шла о том, чтобы наступать в направлении Идрицы или Полоцка, до которых было 80—100 км. Для этого просил усилить армию двумя-тремя стрелковыми дивизиями и хотя бы одной танковой бригадой из резерва фронта. План был таков: создать группу войск в составе 78-й танковой бригады с 59-м гвардейским стрелковым полком на автомашинах, а также 31-й и 100-й стрелковых бригад, которые в течение ночи сосредоточить в Невеле, усилить эту группу мощной артиллерией и с утра 7 октября при поддержке авиации продолжить наступление, наращивая затем удар резервами, выделенными фронтом. Оборону Невеля предлагалось организовать главными силами 24-й гвардейской стрелковой дивизии.

Командующий фронтом, выслушав, довольно долго молчал. Видно, обдумывал ответ. Затем сказал:

— Теснее взаимодействуйте с 4-й ударной армией. Вместе с ней расширяйте прорыв. Завтра с утра авиация окажет вам значительную поддержку. Больше пока ничем помочь не могу. И учтите: воздушная разведка отмечает движение войск противника по железной дороге от Идрицы к Невелю. Наша авиация нанесла по ним удар, но будьте готовы встретить их западнее Невеля. Как думаете там действовать?

¹¹ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 141, л. 97.

Стало ясно, что генерал А. И. Еременко не готов к ответу на высказанные предложения. Подумалось: на войне упущенный благоприятный момент не повторяется. Упустим успех...

Но я не считал тогда, да и теперь далек от мысли о том, что генерал А. И. Еременко не видел необходимости в предложенных мною действиях. Дело в ином. Обстановка на Калининском фронте в целом была тогда очень напряженной. Войска его центра и левого крыла в результате почти двухмесячных напряженных боев совместно с армиями Западного и Брянского фронтов добились значительных успехов. Наступая в полосе шириной до 400 км, они взломали оборону группы армий «Центр» и, громя противника, выбили его из ряда западных областей РСФСР и положили начало освобождению Белоруссии. Одновременно с небольшой по масштабу Невельской операцией южнее началось повое крупное наступление наших войск на фронте более 550 км. Важную роль в нем играл удар главных сил Калининского фронта, действовавших на витебском направлении с целью обхода с севера белорусской группировки немецко-фашистских войск.

Естественно, что все ресурсы фронта и основное внимание его командования были направлены на выполнение этой задачи. Невельская же операция, проводившаяся севернее направления главного удара фронта, рассматривалась как вспомогательная, с ограниченными целями, состоявшими в нарушении важной коммуникации врага и сковывании части его сил.

И теперь, когда цели в основном были достигнуты войсками 3-й ударной армии, командующий фронтом, по-видимому, предпочитал ограничиться закреплением захваченных здесь позиций. К тому же предложенный мною план требовал усиления армии, что в условиях напряженных боев на направлении главного удара фронта, вероятно, было не так легко сделать. Более того, несколько забегая вперед, отмечу, что по этим и другим соображениям удар на Полоцк так и не был осуществлен нашими войсками вплоть до лета 1944 г.

Таким образом, оставалось лишь ответить на вопрос командующего. И я доложил, что на завтра, 7 октября, главная задача армии — расширение прорыва, выход ее основных сил в район севернее и западнее Невеля. Добавил, что контратаки врага встретим должным образом. А. И. Еременко поинтересовался также обеспечением войск всем необходимым. В связи с этим я доложил, что боеприпасы, продовольствие и горючее соединениям, прорвавшимся в Невель, будут подвезены армейским транспортом в течение ночи. Командующий фронтом был удовлетворен ответом и вновь пожелал успехов в дальнейшем выполнении задачи.

После окончания разговора по ВЧ мы с генералом Ф. А. Зуевым засели за карту, чтобы подвести итоги дня и наметить конкретные задачи войск на завтра.

К тому времени прибыло донесение о том, что Невель окончательно очищен от противника, при этом уничтожено до 600 вражеских солдат и офицеров и взято около 400 пленных. К исходу дня наши

части закрепились северо-западнее и западнее города. Таким образом, в течение одного дня соединения армии достигли основных целей операции, продвинувшись вперед более чем на 35 км, что в условиях сильно укрепленной обороны в лесисто-болотистой местности было большим успехом.

Нельзя также не отметить, что этому во многом способствовал своевременный ввод в строй армейской дороги от базы снабжения до шоссе Усваты — Невель. Дорожные части двигались непосредственно за дивизиями первого эшелона, работали самоотверженно, часто под огнем противника. И успешно справились с поставленной задачей, обеспечив возможность не только бесперебойного подвоза снабжения, но и создав лучшие условия для наращивания сил наступающих войск.

Этими улучшившимися условиями нам и предстояло теперь воспользоваться. Дело в том, что нужно было принять меры к дальнейшему расширению прорыва на север, что одновременно должно было ускорить и продвижение 357-й стрелковой дивизии. Особенное же беспокойство вызывало то обстоятельство, что соседняя 360-я стрелковая дивизия 4-й ударной армии пока вышла лишь на рубеж р. Шестики южнее населенного пункта Барсуки и, следовательно, находилась в 20—22 км восточнее левого фланга главных сил 3-й ударной армии¹².

Оценив обстановку, отдал приказ 28-й стрелковой дивизии усилить 7 октября удар на север. Для обеспечения же левого фланга решил немедленно ввести в сражение находившуюся в резерве 31-ю стрелковую бригаду.

Выполняя поставленную задачу, эта бригада, возглавляемая полковником Л. А. Бакуевым (заместитель по политчасти — подполковник С. И. Нашанбургский), вечером 6 октября начала выдвигаться в указанном направлении. В течение ночи она уничтожила отходившие группы гитлеровцев и к утру 7 октября с боями вышла в район Барсуков. Так ею был расширен прорыв до 10—12 км по фронту. Продолжая успешное наступление, бригада к исходу дня заняла рубеж Печице, оз. Емонец, тем самым обеспечив с юга войска, овладевшие Невелем¹³.

Прорыв в северном направлении 7 октября расширяли части 28-й стрелковой дивизии. Они вышли в район Бусолова, но здесь были встречены сильными контратаками. Продвижение дивизии замедлилось. С целью наращивания удара на этом направлении и дальнейшего расширения участка прорыва к северу с утра 8 октября была введена в сражение 46-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала С. И. Карапетяна (заместитель по политчасти — полковник С. И. Чистяков). Она успешно выполнила поставленную задачу, выйдя к исходу дня к Сыровквишино, а на следующий день в район Гололобы и таким образом расширив прорыв до 20—25 км на

¹² Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 39.

¹³ Там же, ф. 213, оп. 2074, д. 51, лл. 11—14.

фронту¹⁴. Ее успех сказался и на действиях соседних соединений: начали продвигаться вперед 28-я и 357-я стрелковые дивизии.

Ход этих боевых действий подтвердил, что соединения резерва армии были введены в сражение весьма своевременно. Благодаря этому они не только успешно расширили прорыв в сторону флангов, но и наращивали силу ударов войск первого эшелона, способствовали их продвижению, особенно северо-восточнее Невеля, громя подходившие резервы противника. Это еще раз подтвердило преимущества глубокого оперативного построения армии во время прорыва, конечно, при правильном выборе времени и направлений ввода в сражение соединений резерва армии.

Запоздалые усилия врага

В эти же дни противник резко усилил сопротивление, а затем перешел и к контратакам. Как мы вскоре узнали, вражеское командование, стремясь не допустить дальнейшего наступления наших войск, начало спешно подтягивать резервы с других участков фронта в район западнее и северо-западнее Невеля. В результате оно перебросило сюда крупные силы авиации, две пехотные дивизии — 58-ю из района Волхова и 122-ю из-под Старой Русы, а также 281-ю охранную дивизию из района Новоржева¹⁵.

Однако высокий темп наступления наших войск лишил гитлеровцев возможности сосредоточить все перебрасываемые резервы одновременно в район Невеля. Противник вынужден был вводить их в бой по частям, что делало безуспешными все его попытки ликвидировать прорыв или воспрепятствовать развитию наступления.

Для борьбы с подходившими вражескими резервами успешно использовались обе поддерживавшие нас авиационные дивизии 3-й воздушной армии.

Дело в том, что вражеская авиация уже 7 октября резко усилила свою активность. В этот день она совершила 305 самолето-вылетов, т. е. почти втрое больше, чем накануне, в том числе 211 силами бомбардировщиков. Самолеты противника теперь, как и в последующие дни, особенно усиленно бомбили Невель. Хотя наступавшие войска находились в основном вне города, тем не менее наша авиация энергично прикрывала его, спасая население от фашистских бомб. Нередко воздушной разведке врага удавалось обнаружить и части армии. За этим немедленно следовали удары бомбардировщиков, подчас весьма чувствительные. Однако они дорого обходились противнику.

Советские истребители смело вступали в бой с воздушными пиратами и, несмотря на численное превосходство последних, неизменно наносили им поражение.

Так, 7 октября, когда 15 фашистских бомбардировщиков Ю-87 пытались бомбить части 21-й гвардейской стрелковой дивизии север-

¹⁴ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 45.

¹⁵ Там же, ф. 235, оп. 2004, д. 132, лл. 62, 71.

нее Невеля, в воздухе находилась пара наших истребителей Як-7. Летчики младшие лейтенанты Мартынов и Афанасьев бесстрашно атаковали численно превосходящего врага. С первого же захода сбили два «юнкерса», которые упали в расположении наших войск. Новая атака, и сожжены еще два бомбардировщика. Уцелевшие самолеты противника, сбрасывая бомбы куда попало, в том числе и в расположение своих войск, в беспорядке ушли на запад¹⁶.

Всего за 7 октября враг потерял в воздушных боях около десяти самолетов¹⁷.

В последующие три дня фашистская авиация непрерывно увеличивала число самолето-вылетов, постепенно доведя их до 600 в день. Потери наших войск, естественно, возросли, но еще больший урон понес противник. Так, только 10 октября в воздушных боях был сбит 41 вражеский самолет¹⁸. Гитлеровцы неистовствовали. 11 октября их авиация совершила до 900 самолето-вылетов, из них 550 — силами бомбардировщиков¹⁹.

Но это были уже последние усилия врага. В следующие дни произошло резкое падение активности его авиации. По-видимому, это было вызвано как большими потерями, так и бесперспективностью ее действий на этом участке фронта. Следует иметь в виду, что расчеты вражеского командования, связанные с переброской упомянутых выше резервов, были нами сорваны, в результате чего стала очевидна безнадежность его попыток восстановить положение в районе Невеля.

Большую помощь и в этом оказала нам авиация. Она срывала железнодорожные перевозки, а также наносила удары по колоннам войск противника. Так, в ночь на 8 октября для ударов по этим целям 240-я штурмовая авиадивизия совершила 118 самолето-вылетов, а на следующую ночь — еще 107, на этот раз по скоплению вражеских войск западнее Невеля. В результате здесь возникло 5 крупных очагов пожара, 19 взрывов, а также было разбито более 50 автомашин²⁰.

Смелыми и высокоэффективными действиями летчики 241-й штурмовой и 240-й истребительной авиационных дивизий заслужили глубокую благодарность воинов 3-й ударной армии. Выше всяких похвал руководили своими отважными соколами командиры этих дивизий полковник П. М. Кутма и полковник Г. В. Зимин.

Очень успешной была и помощь партизан. Надо сказать, что 1943 год был периодом самого широкого развития партизанского движения на Невельщине. За это время отважные патриоты, действовавшие в тылу врага, пустили под откос 45 эшелонов с войсками, боевой техникой, военными грузами, уничтожили 117 автомашин и 5 складов с боеприпасами, взорвали и сожгли 73 моста на шоссе и железных дорогах. Партизанами Невельского района было уничтожено более 23 тыс. гитлеровцев.

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 311, оп. 4495, д. 135, л. 69.

¹⁷ Там же, д. 175, л. 38.

¹⁸ Там же, д. 135, л. 70.

¹⁹ Там же, л. 44.

²⁰ Там же, ф. 311, оп. 4495, д. 135, л. 44.

Несмотря на то что немецкое командование неоднократно посылало против партизан карательные отряды, бросало против них авиацию, народные мстители не только не прекращали, а, наоборот, наращивали удары по врагу. Их ряды непрерывно пополнялись патриотами, стремившимися внести свой вклад в борьбу с фашистскими захватчиками.

В дни нашего наступления в районе Невеля партизанские отряды усилили удары по боевым частям и базам врага, подрывали мосты на дорогах, железнодорожные пути. Их действия, особенно на линии Локня — Невель, нарушали перевозки противника, задерживали подход резервов немецко-фашистских войск. Незабываемы эти подвиги славных патриотов. Их организаторов и вожаков М. М. Шатухо, Н. Г. Охотина, бесстрашных партизан М. Рындову, Т. Ф. Климович, героически погибших в боях с фашистскими захватчиками, и ныне помнят и чтят в Невеле.

Решающую роль в срыве вражеского замысла, направленного на то, чтобы восстановить положение в районе Невеля, сыграли, разумеется, наши наступающие войска. Задача в те дни состояла не только в удержании Невеля и отражении контратак резервов противника, но и в дальнейшем расширении прорыва. И она была с честью выполнена.

Начиная с утра 8 октября почти во всей полосе наступления развернулись ожесточенные бои с контратакующими войсками. Всего в этот день враг ввел в бой вновь прибывшие части общей численностью не менее двух дивизий.

Наиболее сильный удар нанесли гитлеровцы западнее Невеля по позициям 69-го гвардейского стрелкового полка 21-й гвардейской стрелковой дивизии. Здесь в контратаке участвовало до полка фашистской пехоты с 12 танками при поддержке авиации. Им удалось потеснить наши подразделения на одном из участков и приблизиться к городу. Частью сил контратакующие подошли к огненным позициям 47-го гвардейского артиллерийского полка.

Но дальше они не смогли продвинуться ни на шаг. По приказу командира артиллерийского полка майора В. В. Игнатенко две батареи, развернувшись, открыли огонь прямой наводкой по вражеской пехоте и танкам. В это время командир 69-го гвардейского стрелкового полка майор Ф. И. Ушаков выдвинул свой резервный батальон под командованием майора В. Н. Соловьева. Подоспели и несколько танков 78-й танковой бригады. Их силами при поддержке артиллерии майор Ф. И. Ушаков организовал контратаку. Вражеские подразделения, прорвавшиеся в расположение наших войск, были уничтожены. В ходе напряженного боя, продолжавшегося несколько часов, положение на этом участке было восстановлено²¹.

Одновременно была контратакована группа из 35 автоматчиков 59-го гвардейского стрелкового полка, оборонявшая высоту северо-западнее Невеля. Выбить их с занимаемой позиции сначала попыталось

²¹ Там же, ф. 317, оп. 4320, д. 20, л. 47.

небольшое вражеское подразделение. Но после нескольких неудач противник бросил для захвата высоты свыше 300 солдат и офицеров с несколькими танками. Упорный бой длился несколько часов. Организованным огнем гвардейцев под командованием лейтенанта Анисимова все атаки гитлеровцев были отбиты. Потеряв более 100 человек, враг отошел на исходные позиции. Так благодаря стойкости, мужеству, боевому мастерству наши бойцы удержали важный рубеж²².

Но и после этого контратаки против 21-й гвардейской стрелковой дивизии не прекращались. Пришлось усилить ее 78-й танковой бригадой. Это еще прочнее сцементировало оборону и обеспечило удержание занятых рубежей.

Правее успешно отражала сильный натиск врага 100-я стрелковая бригада под командованием полковника А. А. Морецкого (заместитель по политчасти — подполковник Сактаган Башиев). В ее составе было много воинов-казахов, сражавшихся мужественно и самоотверженно. Бригада проявила большую стойкость в обороне, отбив все контратаки противника.

Здесь 8 октября совершила свой бессмертный подвиг героическая дочь казахского народа пулеметчица Маншук Маметова. Участвуя в отражении контратаки и находясь на фланге батальона, она метким огнем буквально косила наступающих гитлеровцев. Обнаружив пулемет, они открыли по нему минометный огонь. Даже будучи ранена в голову осколками мины, Маншук лишь на мгновение перестала стрелять. Враги опять пошли в атаку, полагая, что пулемет им уже не страшен. Но вдруг он вновь заговорил. Собрав последние силы, отважная девушка открыла огонь по фашистам в упор. Подоспевшие ей на помощь бойцы увидели перед ее окопом десятки убитых гитлеровцев. Но и юная героиня была мертва.

За беспримерное мужество и самопожертвование в бою Президиум Верховного Совета СССР присвоил Маншук Маметовой посмертно звание Героя Советского Союза.

В частях армии были и другие женщины, храбро переносившие все тяготы и опасности напряженных боев. В большинстве они добровольно вступили в ряды воинов Красной Армии. Славные патриотки Родины не только самоотверженно боролись за жизнь раненых на поле боя и в медицинских подразделениях, отлично несли службу в частях связи, тыла и других, но и с оружием в руках, подобно Маншук Маметовой, сражались против захватчиков.

Так, еще летом 1943 г. к нам прибыла группа из 50 девушек, окончивших снайперские курсы, созданные по решению ЦК ВЛКСМ. Они метко разили врага в период обороны. В дальнейшем эта группа пополнилась вновь прибывшими и в ее составе насчитывалось уже 100 девушек-снайперов. Все они доблестно участвовали в боях, нанося немалый урон противнику. В частности, о девушках-снайперах, героически сражавшихся при отражении контратак севернее Невеля, ярко рассказывал тогда Военному совету армии видный писатель-воин

²² Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4320, д. 20, л. 49.

Девушки-снайперы. Впереди — Александра ШЛЯХОВА показывает на пальцах количество фашистов, уничтоженных ею в этот день

Владимир Ставский, находившийся в 3-й ударной армии и собиравший материал для книги о девушках-снайперах.

9 и 10 октября контратаки продолжались с неослабевающей силой. По-прежнему наиболее яростным был натиск противника с северо-западнее Невеля. Случалось, отдельные группы гитлеровцев с танками вклинивались в нашу оборону. Но затем они неизменно отбрасывались назад или уничтожались. Так было, например, на одном из участков 21-й гвардейской стрелковой дивизии, когда вражеские танки прорвались почти вплотную к огненным позициям 163-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, которым командовал подполковник Г. М. Харьков. Здесь они были остановлены сплошной стеной огня и, понеся значительные потери, поспешно повернули назад. Артиллеристы этого полка помогли отразить и все другие контратаки противника на участке 21-й гвардейской стрелковой дивизии.

На левом фланге в течение нескольких дней столь же стойко отбивала натиск гитлеровцев 31-я стрелковая бригада. Врагу и здесь не удалось добиться успеха.

Отражая частью сил контратаки противника, мы на многих участках продолжали наступление. Ввиду значительно возросшего сопротивления здесь бои также были чрезвычайно напряженными. И все же наши войска унорно продвигались вперед. Так, 9 октября части

Девушки-снайперы. Первая слева — командир женской роты снайперов Н. А. ЛОБКОВСКАЯ

46-й гвардейской стрелковой дивизии заняли 10 населенных пунктов. Вновь продвинулась в этот день и 28-я стрелковая дивизия. Один из ее полков прорвался к оз. Бол. Иван и занял межозерное дефиле, выйдя таким образом севернее рубежа 21-й гвардейской стрелковой дивизии. Это значительно расширило прорыв и существенно улучшило положение частей, оборонявшихся севернее Невеля.

В ночь на 10 октября и весь следующий день мы продолжали теснить противника, распирая фронт прорыва. Наибольшего успеха добилась 46-я гвардейская стрелковая дивизия. Переправившись через р. Еменку, ее полки лесными дорогами вышли во фланг противнику. С ходу атаковав гитлеровцев, гвардейцы отбросили их на северо-запад, заняли железнодорожную станцию Опухлики и вышли на рубеж р. Балаздынь. На станции было захвачено 40 орудий, около 100 пулеметов, 30 минометов, 9 складов с военным имуществом, 3 паровоза, 60 вагонов, 15 автомашин. В тот день продвинулись вперед не только соединения ударной группы, но и наносившие правее отвлекающий удар 185-я стрелковая дивизия и 153-й армейский запасный полк.

Но силы противника продолжали возрастать за счет подходивших резервов. Утром 11 октября наступлению 28-й стрелковой дивизии противостояли уже почти полностью части 58-й и 122-й пехотных дивизий врага. Наши войска на этом участке больше не смогли продвигаться вперед, о чем мне и доложил в то утро полковник М. Ф. Букштынович, прося разрешения перейти к обороне. Командир 28-й стрелковой дивизии был, несомненно, прав. Более того, 46-я гвардейская и 357-я стрелковые дивизии, хотя и продолжали теснить

гитлеровцев, по и здесь численное превосходство было уже на стороне противника.

В первые дни операции вследствие стремительных темпов нашего наступления фашистское командование не успело вовремя подвести и сосредоточить резервы, а потому было вынуждено вводить их в бой по частям. И это привело к бесплодности попыток ликвидировать прорыв. Гитлеровцы не смогли даже помешать его дальнейшему расширению. Но теперь у нас уже не было такого преимущества. Противник завершил сосредоточение своих резервов, которые вместе с ранее действовавшими в районе Невеля пятью немецкими дивизиями обеспечили ему превосходство сил.

При таких условиях армии, которая, продвинувшись на 35 км, и освободив Невель, а также расширив прорыв до 30 км по фронту, уже выполнила поставленную задачу, целесообразнее было временно, до подхода резервов, перейти к обороне. Это свое решение я доложил командующему фронтом. Он согласился, сообщив, что противником остановлена и 4-я ударная армия.

Приказ о переходе к обороне был немедленно передан всем войскам армии. Им была поставлена задача прочно закрепиться на достигнутых рубежах в готовности к отражению возможных контрударов противника. Одновременно нужно было позаботиться о восстановлении резервов. С этой целью 46-я гвардейская стрелковая дивизия получила приказ передать свой участок соседним соединениям, после чего она была выведена в резерв.

Серьезный успех

На этом 3-я ударная армия завершила Невельскую наступательную операцию. Впоследствии в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза А. И. Еременко дал ей следующую оценку: «Это был серьезный успех. История войн знает немного примеров, когда операция, проводившаяся на широком фронте против мощной обороны противника, завершалась бы прорывом всей полосы обороны противника и овладением важным оперативным пунктом фактически в течение одних суток. Ведь действия войск на вторые сутки операции носили характер закрепления первоначального успеха»²³.

Действительно, операцию мы начали 6 октября, а уже на следующий день столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 3-й ударной армии, освободившим Невель. Отличившимся при этом 21-й гвардейской и 28-й стрелковым дивизиям, 78-й танковой и 31-й стрелковой бригадам было присвоено почетное наименование «Невельских». Начиная же со второго дня шли бои за закрепление достигнутых позиций и дальнейшее расширение прорыва.

Таким образом, Невельская операция была и в самом деле одной из самых скоротечных. Ее успех обусловила тщательная и всесторонняя подготовка, правильный выбор направления главного удара, мас-

²³ А. И. Еременко. Годы возмездия. М., 1969, стр. 116.

сирование сил и средств, решительность действий, героизм наших войск. В результате и получилось, что операцию мы готовили около двух месяцев, а выполнили ее главную задачу за один день.

Особенность этих действий состояла не только в скоротечности, но и в том, что ход операции почти полностью совпал с оперативным замыслом, а это также случается на войне не часто. Такой результат — следствие строгого расчета в определении всех деталей подготовки и проведения наступления, глубокого изучения всего относящегося к противнику — его сил, характера обороны, наличия резервов и возможностей их переброски с других участков.

В связи с этим особое внимание уделялось наиболее полному использованию всех видов разведки, непрерывности ее действий по наблюдению не только за опорными пунктами врага, но и за каждой его артиллерийской и минометной батареей. В результате в ходе подготовки операции разведкой армии и ее соединений была вскрыта как в целом группировка противника, так и большая часть ее узлов обороны, расположение минных полей, система огня, вплоть до отдельных дзотов и пулеметных гнезд. Все это позволило провести эффективную артиллерийскую подготовку, а на участке 28-й стрелковой дивизии, которая вела разведку особенно интенсивно, быстро прорвать оборону и обеспечить проход танков.

Более того, широкая и непрерывная разведка способствовала и дальнейшему успеху операции. Ибо, хорошо зная пути, по которым враг мог подвести дополнительно войска, мы заранее подготовили и осуществили с помощью авиации и партизан меры по срыву своевременной переброски резервов противника и их быстрого сосредоточения. Практически, таким образом, наступающие не только полностью взяли в свои руки оперативную инициативу, но и в известной степени контролировали, оказывали эффективное воздействие на контрмеры, предпринимаемые командованием противостоящих войск.

В то же время 3-й ударной армии удалось обеспечить внезапность удара — важнейшее условие успеха боевых действий. Это было достигнуто прежде всего скрытностью подготовки.

Опросы пленных показали, что противник имел весьма смутное представление о наших приготовлениях, а главное — не считал их значительными и опасными для себя. Так, захваченный в плен помощник коменданта Невеля заявил: «О том, что русские готовятся к наступлению, мы знали, хотя сроки его начала известны не были. Мы настолько были уверены в прочности Невельского оборонительного района, что если бы кто-нибудь заявил, что в первый день наступления русские могут быть в Невеле, его сочли бы сумасшедшим. Наличие сильных оборонительных сооружений, занятых войсками, и сплошные озера, окружающие город, с укрепленными перешейками между ними должны были служить для русских непроходимым барьером. Мы считали, что для взятия Невеля вам потребовалось бы не меньше усилий, чем в боях за Великие Луки. И вдруг все так неожиданно рухнуло. Сдача Невеля — скандальный провал нашего командования».

Это свидетельство подтверждается и ставшим известным позднее из трофейных документов донесением командования группы армий «Центр» в ставку Гитлера. В нем лаше наступление на Невель прямо характеризовалось как «внезапный удар»²⁴.

Внезапность была обеспечена и стремительностью действий наших войск. О ее влиянии на ход событий уже достаточно сказано. Можно лишь добавить, что гитлеровцы даже не успели взорвать ни один из десяти мостов, имевшихся на пути к городу. В связи с этим характерен следующий эпизод, о котором мы узнали из показаний пленного офицера, служившего в штабе немецкого гарнизона г. Невеля. Он рассказал, что там узнали о наступлении лишь в 15 часов 6 октября, т. е. за час до вступления наших войск в город, но и тогда... не поверили донесению. Офицера связи 2-й авиаполевой дивизии, докладывавшего о подходе советских танков, начальник гарнизона не пожелал слушать, заявив ему: «Вы, голубчик, очевидно, сегодня крепко выпили, пойдите вначале протрезвитесь, а потом придете и доложите обстановку на фронте»²⁵.

Невельская операция дала убедительное доказательство тому, что выполнение задачи наступления в целом складывается из частных успехов, смело и решительно развиваемых до полного разгрома противника. Она подтвердила, что пробитая во вражеской обороне брешь должна быть немедленно использована для значительного наращивания удара.

Именно этому принципу было подчинено решение о вводе в сражение эшелона развития прорыва, принятое уже через два часа после начала атаки. В тот момент еще только одна дивизия первого эшелона вклинилась во вражескую оборону, что являлось довольно скромным успехом. Однако решающим для упреждения подхода резервов противника был фактор времени. Поэтому и требовалось безотлагательно ввести эшелон развития, что полностью себя оправдало. Он обеспечил не только наращивание удара, но и ту стремительность действий, которая в конечном счете и привела к освобождению Невеля, создала условия для выполнения задач операции в целом, свела к минимуму возможные контрмеры противника.

Своевременным оказался и ввод в сражение резерва армии. В частности, действия 46-й гвардейской стрелковой дивизии позволили в переломный момент операции, когда наступление частей 28-й стрелковой дивизии замедлилось, развить успех армии в сторону правого фланга, а 31-й стрелковой бригады — обеспечить левый. Этот пример показывает, что одним из важнейших условий достижения успеха, наряду с высоким наступательным порывом войск, их мужеством и героизмом, хорошей боевой выучкой, являются оперативное предвидение, по возможности точное определение того или иного поворотного пункта в ходе наступления и быстрое принятие необходимых мер.

²⁴ Архив ИМЛ, инв. № 13587, л. 219.

²⁵ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, лл. 83—84.

Взаимодействие войск в ходе наступления было организованным и действенным. И тут немалую роль сыграли штабы, начиная от армейского и кончая полковыми. Особенно успешно поддерживалось взаимодействие частей 21-й гвардейской стрелковой дивизии (начальник штаба — полковник В. А. Табачный) и 78-й танковой бригады (начальник штаба — подполковник Г. М. Котин) как в период ввода и стремительного продвижения к городу, так и в боях за Невель и позже, на рубежах к северу и к западу от него. Хорошо взаимодействовали соединения 3-й ударной и 3-й воздушной армий, чему способствовал тесный контакт между их командованием и начальниками штабов генералами Ф. А. Зуевым и Н. П. Дагаевым.

Удар на Невель принес значительный успех и потому, что он осуществлялся не посредством «выталкивания» противника, а смелым и решительным прорывом в его тыл, упреждением отходящего врага в выходе к узлам дорог, межозерным дефиле и переправам через реки. Как подтвердили и последующие боевые действия наших войск, особенно начиная с зимы 1943/44 г., использование для этого танков с десантом пехоты, а также групп автоматчиков давало наибольший результат. В небольшом масштабе, в соответствии с имевшимися ресурсами, этот эффективный метод был применен и в Невельской операции.

Большую роль в достижении успеха операции сыграла целеустремленная систематическая партийно-политическая работа в частях и подразделениях. Наступление к Невелю и последующие ожесточенные оборонительные бои севернее и западнее города продемонстрировали высокий моральный дух солдат и офицеров армии, умение командиров и политработников всех степеней, партийных организаций мобилизовать войска на выполнение боевых задач. Немаловажную роль играл и осуществлявшийся политработниками повседневный строгий контроль за снабжением подразделений в бою всем необходимым вплоть до горячей пищи.

Партийная работа в частях не прекращалась и в ходе боев. Более того, чем сложнее и напряженнее была обстановка, тем гибче и настойчивее она велась. Почью, когда бои немного утихали, командиры и политработники подводили итоги дня, отмечали лучших бойцов, рассказывали об их подвигах, учили весь личный состав подразделений на примерах доблести, мужества, воинского мастерства. Агитаторы доводили до каждого бойца сводки Совинформбюро о победах на других фронтах, рассказывали о предстоящих боевых задачах.

Партийные собрания были непродолжительными. На них решительно вскрывались недостатки в организации боя, в действиях отдельных воинов. Краткими были решения, неизменный смысл которых, как и содержание всей партийно-политической работы в эти дни, состоял в двух словах: «Коммунисты, вперед!».

И во всех боях — в наступлении и при отражении яростных контратак подошедших вражеских резервов впереди всегда были коммунисты и комсомольцы. Они своим примером воодушевляли всех бойцов на ратные подвиги, являлись подлинными вожаками подразделений и частей в бою. Огромный политический подъем, усиливший

наступательный порыв наших войск, лучше всего характеризуют такие данные: за пять дней боев в ходе Невельской операции в партийные организации поступило около 1300 заявлений о вступлении в партию²⁶.

Все сказанное выше и обеспечило успех операции. В ходе ее противнику были нанесены тяжелые потери. Так, наши войска нанесли большое поражение 263-й нехотной и наголову разгромили 2-ю авиаполевую дивизии. В этих двух соединениях в ротах, имевших до начала операции по 90—100 солдат, осталось не более 30. Видимо, для «объяснения» причин разгрома 2-й авиаполевой дивизии ее командир полковник Петцольд был срочно вызван в Германию²⁷.

Всего же за пять дней боев враг потерял убитыми и ранеными 7 тыс. и пленными свыше 400 солдат и офицеров. Наши части захватили 2 танка, 86 артиллерийских орудий, 115 минометов, около 500 пулеметов, 144 склада с вооружением, до 40 продовольственных, вещевых и других складов, более 250 автомашин и тракторов, много стрелкового оружия, боеприпасов и другого военного имущества. Кроме того, было уничтожено 6 танков, 7 бронемашин, 150 орудий, 100 минометов, свыше 200 пулеметов, более 350 автомашин²⁸.

Значение Невельской операции далеко не исчерпывалось освобождением города и ряда других населенных пунктов, а также нанесением чувствительных потерь врагу. Вот как докладывало Гитлеру командование группы армий «Центр» о последствиях нашего наступления на Невель: «Внезапный удар противника на стыке групп армий («Центр» и «Север». — К. Г.) при поддержке танков и авиации привел к глубокому прорыву и вынудил оттянуть северный фланг 2-го авиаполевого корпуса и южный фланг 43-го корпуса. Таким образом, с группой армий «Север» имеется разрыв около 20 км»²⁹.

Оставим на совести гитлеровских генералов то, что они и в этом случае, как, впрочем, и во всех других, пытались преуменьшить масштабы своего поражения. Во-первых, им не пришлось «оттягивать» фланги двух корпусов, так как их войска просто были обращены в бегство. Во-вторых, разрыв составил не 20, а почти 30 км. В-третьих же, были созданы благоприятные условия для последующего наступления наших войск на Витебск и Полоцк, ибо освобождением Невеля завершилось сокрушение треугольника вражеской обороны, построенного на мощных узлах сопротивления Новосокольники, Великие Луки, Невель. Противник лишился своеобразного щита, прикрывавшего единственную рокадную железную дорогу Дно — Новосокольники — Невель — Орша, связывавшую группы армий «Север» и «Центр» и дававшую гитлеровскому командованию свободу маневра вдоль всего северного крыла советско-германского фронта³⁰.

²⁶ Архив МО СССР, ф. 243, оп. 2016, д. 318, л. 8 об.

²⁷ «История Великой Отечественной войны 1941—1945», т. 3. М., 1961, стр. 373.

²⁸ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 47.

²⁹ Архив ИМЛ, инв. № 13587, л. 219.

³⁰ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3, стр. 374.

По окончании Невельской операции мы с генералом А. И. Литвиновым собрали в штабе армии командиров соединений и частей и провели подробный ее разбор. При этом успех не помешал вскрыть и недостатки, имевшие место в ходе наступления. Этот разбор должен был стать началом подготовки к выполнению новых наступательных задач.

Они были поставлены армии уже в середине октября. Вновь вызвав меня к себе, генерал А. И. Еременко потребовал, чтобы 3-я ударная была готова к концу месяца перейти в наступление вместе с 4-й ударной в направлении Усть-Долыссы. Задача — разгромить противостоявшую группировку в составе двух пехотных и двух охранных дивизий и обеспечить плацдарм для дальнейшего наступления в направлении Пустошки. Наступать мы должны были лишь наличными силами, поскольку противник перед нами, по данным фронта, имел сравнительно немного сил, а впереди находился партизанский край.

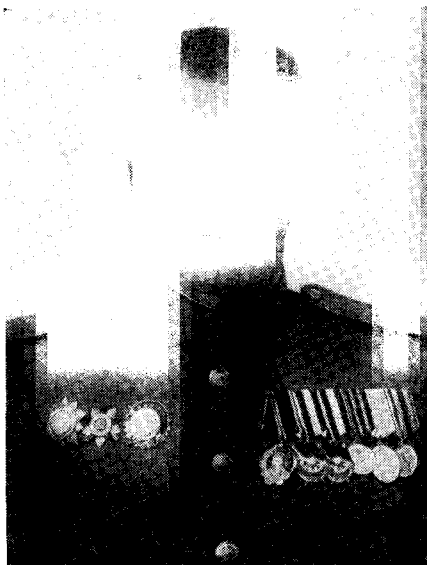
Уточнив детали боевой задачи, я вернулся в армию.

В последующие дни произошли два события, в результате которых готовить операцию пришлось с новыми начальником штаба и командующим артиллерией армии. Первое из них состояло в том, что генерал-майор Ф. А. Зуев был назначен командиром 79-го стрелкового корпуса, а взамен него к нам прибыл генерал-майор В. Л. Бейлин. Ранее он возглавлял штаб 2-го гвардейского стрелкового корпуса, входившего в состав 3-й ударной армии, и потому знал ее войска, а также полосу их действий. Все это в сочетании с большим опытом и хорошей оперативной подготовкой позволило ему быстро освоиться с должностью начальника штаба армии.

Другое событие было чрезвычайно тягостным.

Произошло оно 20 октября. В предшествующие трое суток мы с генералом М. О. Петровым находились на наблюдательном пункте, расположенном северо-восточнее Невеля, где руководили отражением контратак противника. Спать почти не приходилось, и мы оба, естественно, были основательно утомлены. Но едва возвратились в штаб армии, как позвонил генерал С. А. Князьков, который теперь возглавлял южную группу войск армии. Он сообщил, что на нашу сторону перешел немецкий солдат-танкист и что, по его словам, завтра утром танковая часть, в которой он служил, совместно с пехотой нанесет удар на Невель.

В связи с этим генерал М. О. Петров высказался за то, чтобы находившийся в районе Невеля 163-й гвардейский истребительно-противотанковый артиллерийский полк в течение ночи усилить 243-м отдельным зенитным артиллерийским полком. Он также просил разрешения выехать немедленно в Невель и на месте организовать противотанковую оборону этих двух полков. Получив согласие, генерал М. О. Петров с начальником своего штаба полковником В. И. Недзвецким и адъютантом выехали в район Невеля. Это было примерно в 23 часа 20 октября.

В. Л. БЕЙЛИН

М. О. ПЕТРОВ

Уехали и словно в воду канули. Вскоре выяснилось, что в Невель они не прибыли. Приказ, касающийся усиления обороны города, в том числе и противотанковой, мы, конечно, передали по связи, и он был осуществлен. Но где же Михаил Осипович и его спутники? Начались розыски.

Первые данные, которые удалось получить, были такие: автомобиль генерала М. О. Петрова видели, когда он на большой скорости промчался в сторону расположения противника. Неужели уехал к немцам? Нет, быть этого не могло! Михаил Осипович Петров — честнейший человек, глубоко преданный Родине, партии, ненавидящий врага всеми силами души. Таково было единодушное мнение Военного совета армии. Мы не сомневались, что произошла какая-то трагическая случайность³¹.

И не ошиблись.

Впоследствии удалось полностью восстановить картину героической гибели генерала М. О. Петрова, сопровождавших его офицеров и шофера. Началось с того, что последний не знал дороги из Великих Лук на Невель и в темноте не заметил нужного поворота. А так как эта же дорога вела к Витебску, то вскоре машина, двигавшаяся на большой скорости, миновала нашу разграничительную линию с 4-й ударной армией, а затем и передний край ее 16-й литовской стрелковой дивизии. Видевшие машину бойцы подавали предостерегающие сигналы, но их, вероятно, не заметили сидевшие в машине. Затем

³¹ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4374, д. 62, л. 96.

солдаты литовской дивизии услышали стрельбу из пулеметов и автоматов.

Об этом рассказал мне командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант Н. М. Хлебников. Дальнейшие события, как он сообщил, стали известны из попавшей в наши руки газеты «Танковый кулак», издававшейся в 20-й танковой дивизии 41-го танкового корпуса противника. В ней было написано, что все спутники генерала были убиты при обстреле машины, а сам он бежал. Даже враг не смог скрыть мужества советского генерала. М. О. Петров в течение трех суток ползком пробирался по расположению противника, пытаясь прорваться к своим. Но, когда осталось преодолеть последние несколько метров, его обнаружил патруль. Одного из фашистских солдат он застрелил из своего пистолета, но в тот же момент и сам был убит. Никаких оперативных документов гитлеровцы у него не обнаружили. Следовательно, он успел их уничтожить.

Все мы тяжело переживали гибель генерал-майора артиллерии Михаила Осиповича Петрова, верного сына советской Родины, который предпочел умереть, но не сдаться врагу.

На должность командующего артиллерией армии к нам прибыл генерал-майор артиллерии В. С. Нестерук. Он и принял участие в подготовке нового наступления.

В те дни в связи с предстоящей очередной операцией существенно изменился и состав армии. Из ранее входивших в нее шести дивизий остались три — 21-я, 46-я гвардейские и 28-я стрелковые, из четырех бригад две — 100-я стрелковая и 78-я танковая. Взамен выбывших соединений нам были переданы 115, 146, 326 и 18-я гвардейская стрелковые дивизии. Армия была также усилена 34-й и 118-й танковыми бригадами³².

Наконец, произошли большие перемены и во фронтовом масштабе. Во второй половине октября в полосу Калининского фронта прибыли три хорошо укомплектованные гвардейские армии — 6, 10 и 11-я в составе девяти-десяти дивизий каждая. Предназначались они для мощного удара, который планировалось нанести здесь в ноябре — декабре. Одновременно Калининский фронт был переименован в 1-й Прибалтийский, а правее был организован 2-й Прибалтийский.

Эти изменения далеко не являлись чисто формальными. Они означали, что оба фронта нацеливаются на освобождение Прибалтики, что предстоит новое крупное наступление. Такое содержание приняла в связи с новым наименованием фронтов и вся партийно-политическая работа в войсках. Ее основой стал лозунг «Освободим Белоруссию и Советскую Прибалтику!».

Командующим 2-м Прибалтийским фронтом, в который вошла и 3-я ударная армия, был назначен генерал армии М. М. Попов. 29 октября он утвердил разработанный нами план операции, которая в соответствии с указаниями Ставки Верховного Главнокомандования имела целью отбросить противника от Невеля дальше на запад. План

³² Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 152, лл. 6—41.

предусматривал прежде всего разгром вражеских войск на рубеже железной дороги Невель — Полоцк. Затем имелось в виду глубоко охватить с юга и юго-запада группировку фашистских войск, оборонявшуюся западнее Невеля, и в последующем во взаимодействии с частями 6-й гвардейской армии разгромить ее³³.

Операция началась в начале ноября. К этому времени установилась теплая сухая погода. Просохли и раскисшие были лесные дороги. Это благоприятствовало наступлению, которое на первых порах было весьма успешным. Войска армии продвинулись далеко на запад от Невеля и вышли на подступы к небольшому городу Пустошка. До этого крупных боев не было. Огромным лесисто-болотистым районом, по которому продвигались войска армии, фактически владели партизанские отряды. Противник занимал здесь лишь отдельные населенные пункты. Там-то их и уничтожали наши наступающие части.

На подступах же к Пустошке гитлеровцы оказали упорное сопротивление. Так обстояло дело и на участке наступавшей левее нас и тоже втянувшейся в партизанский край 4-й ударной армии. Приблизившись к Полоцку, она, как и мы под Пустошкой, встретила резко усилившееся противодействие врага.

Дело в том, что выход частей 3-й и 4-й ударных армий в район Пустошка, Дретунь и их соединение с партизанскими отрядами серьезно обеспокоили немецко-фашистское командование. Вот как оценивал в связи с этим обстановку в полосе немецкой 3-й танковой армии начальник ее штаба генерал О. Хейдкемпер, впоследствии изложивший свои соображения в воспоминаниях о том времени: «...Противник... попытается расширить свой прорыв на юг..., а боевой состав войск 3-й танковой армии в эти критические дни самый низкий с начала мая, к тому же протяженность фронта увеличилась на 100 км... Из района прорыва Невель, установив связь с крупными партизанскими районами Лепель и Россоны, противник может начать развитие зимней операции, последствия которой для групп армий «Север» и «Центр» нельзя даже представить и которая может иметь решающее значение для всего Восточного фронта»³⁴.

Разумеется, навстречу нам вражеское командование немедленно выдвинуло крупные силы.

В результате, несмотря на успешное наступление, наши две армии, как это ни странно, сами оказались в очень трудном положении. Немецкую оборону мы прорвали на узком фронте и, устремившись на запад, заняли весьма обширный район. А горловина-то прорыва так и осталась узкой. По ширине она не превышала 8—9 км, причем большая ее часть проходила по озерам Невель, Емонец и Ордово. Идущая через эту горловину единственная дорога насквозь простреливалась минометным, а на ряде участков даже пулеметным огнем гитлеровцев. К тому же начиная с 15 ноября погода, столь

³³ Там же.

³⁴ О. Heidkämper. Witebsk. Kampf und Untergang der 3. Panzerarmee. Heidelberg, 1954, S. 28, 29.

благоприятная в первых числах месяца, испортилась — начались проливные дожди, наступила распутица. Подвоз продовольствия и, главное, боеприпасов практически прекратился. Двигаться через горловину почти нельзя было даже ночью.

Таким образом, после успешного наступления к Пустошке положение нашей 3-й ударной армии осложнилось.

Продвинувшись на 70—80 км и выйдя на подступы к Пустошке, мы достигли, как планировалось, рубежа шоссеиной дороги Новоскольщики — Идрица. Но при этом фронт армии протяженностью 110—120 км принял форму дуги, основание которой паходилось на линии шоссе Невель — озеро Нещердо.

Между тем наши силы были невелики. Недавно переданные в состав армии соединения были слабо укомплектованы. А те, что ранее участвовали в боях в районе Невеля, понесли тогда немалые потери и уже не обладали прежней боеспособностью. Тем более что даже перед Невельской операцией, например, численный состав имевшихся в армии стрелковых дивизий не превышал 6 тыс. человек, а стрелково-вые бригад — 4 тыс. человек³⁵.

Теперь же он был еще меньшим. А пополнение не поступало и в ближайшее время не предвиделось. Обещанные же Военным советом 2-го Прибалтийского фронта для усиления армии танковый и кавалерийский корпуса пока что использовались на другом участке.

В те трудные дни нас постигла еще одна горестная утрата. 14 ноября очередью фашистского пулемета был сражен находившийся в войсках нашей армии выдающийся писатель Владимир Ставский. Он пробыл у нас около двух месяцев, и мы хорошо узнали и полюбили этого замечательного человека, горячего пропагандиста идей нашей Коммунистической партии, автора талантливых книг о советских людях, страстных статей и очерков о войне, зажигающих в сердцах воинов жажду к битве с врагом, укрепляющих их решимость к завоеванию победы.

Владимир Ставский много писал и о боевых делах войск 3-й ударной армии. И не только писал, но и участвовал вместе с ними в наступлении. Он был храбрым воином, и мы знали, что свое первое ранение он получил еще в годы гражданской войны в боях с бело-гвардейцами. Во время Невельской операции В. П. Ставский находился в передовых подразделениях 59-го гвардейского стрелкового полка 21-й гвардейской стрелковой дивизии, когда она ворвалась в Невель.

Вот несколько записей из фронтового дневника В. П. Ставского, которые хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Писатель вел их, находясь в 59-м гвардейском стрелковом полку, стремительно наступавшем 6 октября 1943 г. на Невель в составе эшелона развития прорыва. Эти строчки очень отрывочны, они написаны В. П. Ставским наспех, в короткие минуты передышки между боями.

³⁵ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 4.

6 октября он записал: «В 5.00 митинги побатальонно. Во 2-м 6-не выступал заместитель по политчасти капитан Дмитриенко. Клятва. Поднял автомат: «Клянусь от имени всех, что вы все будете держать оружие, пока в вас бьется сердце». Целует оружие, и все поднимают оружие, и целуют, и клянутся... В 12.00 двинулись... Приказ — не останавливаться. У переднего края противника — болото, проход узок, машины застревают, а противник ведет огонь... Пришлось снять пехоту (с автомашин. — К. Г.) и мостить настил. Машины тащили на руках. И — вперед, вперед, вперед... Из кустов огонь. Наши ручные пулеметы и автоматы бьют по кустам. По большаку уже горят деревни... Выбегает население, радостно встречает...»

И далее: «Бой — 15 м[инут]. Взято 5 пленных. Бой против засевших по блиндажам немцев. Полторы сотни перебито... При въезде в город — из окон автоматная и пулеметная стрельба. Пришлось развернуться... В рабочем поселке сопротивление — до 2 рот немцев. Немцы истреблены и пленены. Около церкви — тюрьма. Туда — автоматчики со старшим лейтенантом Дудых... Освободили арестованных — чел[овек] 150... На ст. Невель-1... Поезд с 500 жителями — для отправки в Германию. Их привели организованно в комендатуру на площади между церквями. Тут же распустили».

Несколько строк дневника относятся к событиям, связанным с отражением вражеских контратак. Так, 9 октября В. П. Ставский записал: «Немцы 2 полками наступали. Артподготовка — 3000 снарядов и 4000 мин. После этого — 120 самолетов. Потом танки и пехота. Шесть раз атаковали. Подбито 7 танков и истреблено до 900 фрицев».

Эти скупые черновые записи хорошо отражают стремительность наступления и напряженность боев тех дней. Они многое говорят и об их авторе. Писатель плечом к плечу с гвардейцами шел в бой, вместе с ними громил врага и отбивал его контратаки.

С болью в сердцах узнали воины армии о гибели Владимира Ставского. Он был с почестями похоронен в Великих Луках, где, как и в Невеле, его именем названа лучшая улица. Осталась светлая память о нем, его произведения, которые и ныне учат молодое поколение любви к социалистической Родине, доблести в борьбе за мир и безопасность ее народов. Остался и знак любви и уважения войск 3-й ударной к павшему на поле боя писателю-воину — некролог, подписанный Военным советом и всем руководящим составом армии. Вот его текст:

«14 ноября в одной из наступающих частей гвардейского соединения при выполнении служебного долга погиб депутат Верховного Совета СССР писатель Владимир Петрович Ставский».

За годы Отечественной войны В. П. Ставский побывал почти на всех фронтах действующей армии. Во время успешных наступательных операций Красной Армии и в дни, когда Красной Армии приходилось отступать, в самые тяжелые минуты В. П. Ставский появлялся в полках и батальонах, в походных колоннах и боевых порядках, там, где решалась судьба боя, куда звал его долг писателя-патриота. Острым доходчивым словом художника-большевика, писателя-агитатора,

В. П. СТАВСКИЙ (в центре) и Ф. А. ЗУЕВ беседуют с бойцом

личной храбростью своей и бесстрашием он вселял в бойцов и командиров бодрость духа, уверенность в победе над врагом, разжигал неугасимую ненависть к врагу, поднимал воинов Красной Армии на ратные подвиги во имя нашей славной Родины.

Несколько раз В. П. Ставский приезжал на наш участок фронта. Он побывал во многих частях и подразделениях, изучал отважные действия разведчиков, снайперов, артиллеристов, танкистов и пехотинцев, на поле боя собирал материалы для своих будущих книг о героях Великой Отечественной войны. Его можно было видеть везде — в окопах и траншеях, в землянках и у костра, ведущим душевные, теплые беседы с бойцами и офицерами. Эти беседы многое давали ему, как писателю, для создания художественных образов, а бойцов вдохновляли на борьбу с немецкими захватчиками, воспитывали в них чувство глубокого патриотизма и любви к Родине, нашей партии.

В. П. Ставский знал сотни бойцов и офицеров по именам, по фамилиям и по их подвигам. В свою очередь, бойцы и командиры хорошо знали Владимира Петровича по его книгам, по его делам воина-большевика и горячо любили его. Всеобщим любимцем был он в гвардейском соединении, где командиром генерал-майор Михайлов. В этом соединении он пробыл целый месяц, участвуя вместе с ним в походах и боях, разделяя с бойцами и тяготы сражений, и радость побед. О гвардейцах и их боевых делах он готовил большую работу.

Преждевременная смерть оборвала кипучую жизнь бойца-писателя.

Славный образ Владимира Петровича Ставского — замечательного большевика и прекрасного товарища, большого писателя и храброго, бесстрашного воина, горячо любившего свою Родину и глубоко ненавидевшего врага, останется навеки в памяти бойцов и командиров Красной Армии. Его страстное большевистское слово шагает вместе с нами, как воин в строю, разя ненавистного врага, борясь за грядущий день нашей победы.

К. Галицкий, А. Литвинов, П. Мирошников, В. Бейлин, Ф. Лисицын, Д. Михайлов, А. Давыдов, Я. Кочергин, В. Жабин, А. Толсто-пятенко, И. Кривоногов.

16 ноября 1943 г.»³⁶

В день, когда был написан этот некролог, войска армии в центре вели упорные встречные бои с подходившими частями противника, а на флангах отражали его контратаки.

Положение вновь ухудшилось в связи с тем, что оказалось безуспешным наступление соседней справа 6-й гвардейской армии. Оно было начато 10 ноября с целью разгромить вражескую группировку северо-западнее Невеля и срезать занимаемый ею выступ в 4—5 км от города³⁷. Противнику удалось отразить удар 6-й гвардейской армии, и она перешла 15 ноября к обороне³⁸.

Воспользовавшись этим, немецко-фашистское командование перебросило оттуда часть своих сил для контратак в районе юго-западнее Пустошки против наиболее выдвинувшихся вперед 18-й гвардейской, 115-й стрелковых дивизий и 78-й танковой бригады 3-й ударной армии. Видимо, одновременно сюда же подводились резервы из глубины группы армий «Север». В условиях, когда нас, как и 4-ю ударную армию, с тылом связывала лишь узкая горловина прорыва, эти контратаки, особенно на флангах, были чрезвычайно опасны.

Враг же продолжал перебрасывать на наш участок все новые силы. 17 ноября его пехота с танками при мощной поддержке артиллерии предприняла целую серию настойчивых контратак, стремясь отсечь и окружить 18-ю гвардейскую, 115-ю стрелковые дивизии и 78-ю танковую бригаду³⁹.

Сложившаяся оперативная обстановка требовала либо наращивать удар нашей армии в направлении Пустошки новыми фронтовыми резервами и развивать его на Резекне или Опочку, либо во избежание возможного окружения отвести ее главные силы на выгодный рубеж, сократить фронт и перейти к жесткой обороне. Этот вопрос я и поставил вечером 17 ноября, когда докладывал по ВЧ М. М. Попову создавшуюся обстановку. Генерал М. М. Попов категорически отклонил оба предложенных варианта. Не считая нужным ни усиливать, ни от-

³⁶ Архив МО СССР, ф. 317, оп. 4320, д. 116, лл. 338—339.

³⁷ Там же, ф. 239, оп. 2224, д. 18, лл. 115, 122, 127.

³⁸ Там же, л. 140.

³⁹ Там же, лл. 144, 145.

водить армию, он потребовал имеющимися в ее составе войсками «прочно удерживать и улучшать занимаемый рубеж юго-западнее Пустошки, контролируя шоссе и железную дорогу Новосокольники — Идрица»⁴⁰.

Намерение это, разумеется, было хорошее, но, к сожалению, неосуществимое. Для выполнения поставленной задачи мы не располагали необходимыми силами, их не хватало даже для обеспечения флангов. В таких условиях удар противника по нашим тылам из районов северо-западнее Невеля и оз. Нещердо мог бы привести к полному окружению войск армии. Тем не менее было сделано все возможное для предотвращения этой угрозы. Существование же ее подтверждалось тем, что и в течение 18 и 19 ноября шли ожесточенные бои в районе юго-западнее Пустошки. Противник продолжал подводить свежие войска, стремясь уничтожить прорвавшуюся сюда группировку наших частей.

Потребовались срочные меры, которые позволили бы сократить протяженность фронта армии и укрепить оборону, а также создать армейский резерв, отсутствие которого тяжело сказывалось на ходе боев.

С этой целью в ночь на 20 ноября части 18-й гвардейской и 115-й стрелковых дивизий и один стрелковый полк 146-й стрелковой дивизии были отведены с северо-западного выступа фронта на 6—8 км к более выгодному рубежу обороны, проходившему по линии озер Островито, Фролово и населенных пунктов Зимари, Поддача⁴¹. На прежнем рубеже каждая из этих дивизий оставила передовой отряд в составе усиленного стрелкового батальона с артдивизионом, батареей 76-мм и батареей 45-мм полковой артиллерии. В дальнейшем 18-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена в армейский резерв в район Тимоново.

Вечером 20 ноября в штабе армии мы с А. И. Литвиновым и В. Л. Бейлиным внимательно изучили сложившуюся расстановку сил, возможности противника и своих войск.

Конфигурация фронта не могла не подсказать вражескому командованию наличие условий для окружения армии, и оно наверняка уже готовило нанесение удара с такой целью. Это подтверждали данные нашей разведки. Армия же к рассматриваемому времени была значительно ослаблена понесенными потерями. Особую тревогу вызывала все более усиливавшаяся нехватка боеприпасов. На пополнение в короткие сроки рассчитывать не приходилось.

Всесторонне оценив обстановку, мы окончательно пришли к выводу, что задача, поставленная 17 ноября командующим фронтом, невыполнима и что дальнейшие попытки ее осуществления могут привести к катастрофическим последствиям. Тут же был подготовлен соответствующий доклад Военному совету фронта. В нем вновь были

⁴⁰ Там же, л. 144.

⁴¹ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 275, л. 234.

изложены ранее высказанные мною генералу М. М. Попову предложения.

Когда мы уже подписали доклад, у меня мелькнула мысль: не послать ли его одновременно и в Москву? А. И. Литвинов и В. Л. Бейлин решительно поддерживали это намерение. И вот в докладе, адресованном фронту, появилась надпись: «Копия Ставке Верховного Главнокомандования».

* * *

Ждать пришлось недолго. Спустя несколько часов, рано утром 21 ноября раздался звонок ВЧ. Москва или фронт? Оказалось, что вызывал Генеральный штаб.

— Говорит Антонов, — услышал я в трубке телефона.

Заместитель начальника Генерального штаба задал несколько вопросов, касавшихся содержания доклада, видимо, с целью его уточнения. Затем сообщил, что изложенные в докладе предложения одобрены Генеральным штабом.

— Об этом сообщено генералу Попову, — говорил А. И. Антонов. — Вас же Ставка назначила командующим 11-й гвардейской армией 1-го Прибалтийского фронта вместо генерала Баграмяна, который вступил в командование этим фронтом. К месту новой службы вам надлежит выехать сегодня же.

Такого оборота дела я не ждал. К тому же нелегко было уезжать из армии, с которой успел сродниться, да еще в трудный для нее момент. Единственное, что я мог сделать, это использовать оставшиеся до отъезда часы для принятия первоочередных мер по укреплению обороны армии.

Прежде всего пригласил генералов А. И. Литвинова и В. Л. Бейлина, сообщил о новом назначении. Затем, не теряя времени, составили план отвода наиболее далеко выдвинутых на запад соединений, усиления флангов, дополнительных мероприятий по подвозу боеприпасов.

Едва закончили эту работу, как вновь позвонили из Ставки. Мне было приказано немедленно выехать в 11-ю гвардейскую армию, не ожидая вновь назначенного командующего 3-й ударной генерал-полковника Н. Е. Чибисова. Сообщили также, что до прибытия последнего в армию его обязанности временно будет исполнять заместитель командующего 2-м Прибалтийским фронтом генерал-лейтенант М. И. Казаков.

Итак, настало время проститься с 3-й ударной. Собрав всех офицеров и генералов полевого управления армии, я сообщил о своем отъезде, рассказал о мероприятиях по организации обороны войск армии, разработанных Военным советом. Затем поблагодарил за хорошую совместную службу, пожелал дальнейших боевых успехов. Не имея возможности увидеться с войсками, все же успел позвонить по телефону командирам всех дивизий, попрощался и попросил передать

солдатам и офицерам мою искреннюю благодарность и добрые пожелания.

Как только прибыл генерал М. И. Казаков, я выехал в 11-ю гвардейскую армию.

Что касается 3-й ударной, с которой мне посчастливилось пройти трудный и славный путь боев в переломный период войны, то она и в дальнейшем внесла весомый вклад в дело освобождения Родины и окончательного разгрома врага. Приятно знать, что войска этой армии в последующих битвах уже под командованием генерала В. И. Кузнецова, вместе с которым мне довелось пережить тяжелое начало войны, дошли до Берлина и что именно ее воинам выпала великая честь водрузить над рейхстагом знамя Победы.

Южнее Невеля

Готовое решение?

Штаб 11-й гвардейской армии размещался в деревушке Батрачки, расположенной где-то в 8—10 км к востоку от оз. Езерище. Путь туда был не дальний, но кружной, через горловину прорыва, и потому у меня оказалось достаточно времени, чтобы подумать обо всем, связанном с переводом в другую армию.

Предстояли неизбежные трудности. В 3-й ударной я уже хорошо изучил своих подчиненных, да и они, полагаю, привыкли к командарму, к определенным требованиям, методам. Иначе говоря, сработались. Поэтому и управлять войсками было легче. Очень важную роль при этом играло ясное представление о состоянии каждого соединения и не только способностях, но и склонностях его командира.

Пусть это не покажется странным, ибо, как известно, в любом деле, в том числе и в военном, индивидуальные особенности людей много значат. Один командир успешнее действует при нанесении фронтальных ударов, другой охотнее применяет обходный маневр. Некоторые самостоятельны в своих решениях, иные нуждаются в опеке и т. д. Наконец, уровень подготовки и опыт тоже не у всех одинаковы. Поэтому знать своих подчиненных стремится каждый военный руководитель, независимо от того, действует он в масштабе объединения, соединения, части или подразделения.

Только при таком условии он может правильно определить, кому под силу та или иная боевая задача. Разумеется, в военной обстановке далеко не всегда удается с этим считаться, да к тому же приходится вырабатывать навыки для борьбы за достижение поставленных целей, но ведь и это лучше всего достигается тогда, когда хорошо знаешь людей.

Итак, предстояло знакомиться, срабатываться с новыми боевыми товарищами. Но в такой ли относительно спокойной обстановке, в которой прошли первые месяцы после моего приезда в 3-ю ударную армию, стоявшую тогда в обороне, или уже в ходе осуществления наступательной операции? Этого я пока не знал точно. Однако не сомневался, что готовится новая операция с участием 11-й гвардейской армии. О том свидетельствовала не только быстрая смена

командования фронта и армии, по и главным образом сложившаяся обстановка.

Дело в том, что полностью использовать в оперативном отношении результаты Невельской операции 3-й ударной армии, а также наступательных действий 4-й ударной можно было лишь при условии ликвидации занятых врагом выступов к северу и к югу от Невеля или, по крайней мере, одного из них.

Наиболее благоприятные для этого условия, как я уже упоминал в предыдущей главе, сложились в первой половине октября, непосредственно после успешного завершения Невельской операции, когда, по-видимому, можно было, усилив 3-ю и 4-ю ударные армии, расширить прорыв на северо-запад, к Идрице или на юго-запад, в направлении Полоцка. Соответствующие предложения тогда по ряду причин не были приняты, и использовать удобный момент не удалось. Когда же в ноябре подобная попытка была предпринята к северо-западу от Невеля, то ее уже не смогли осуществить три армии — 3-я, 4-я ударные и 6-я гвардейская, хотя последняя специально предназначалась для расширения горловины прорыва.

Эти размышления были прерваны грохотом осколков по обшивке бронетранспортера, в котором я ехал из 3-й ударной. Да, мы двигались как раз через горловину прорыва под минометным обстрелом противника справа и слева. Машина шла медленно, даже ее гусеницы с трудом преодолевали глубокую грязь, покрывавшую дорогу. И только броня прикрывала от вражеского огня, еще и еще раз напоминавшего об остроте положения наших войск, прорвавшихся к западу от Невеля и фактически оказавшихся в «мешке».

Конечно, теперь обстановка была уже не та, что год назад, когда подобная ситуация в полосе 41-й армии Калининского фронта привела к тяжелым осложнениям. В то время эта армия, участвуя в упоминавшейся выше операции «Марс», взломала оборону противника на участке шириной 5—6 км и ввела в прорыв 1-й механизированный корпус для развития успеха в общем направлении на Ярцево. В дальнейшем участок прорыва не был расширен, а затем противнику удалось закрыть брешь и окружить прорвавшиеся войска. И они были выведены из вражеского кольца лишь ценою огромных дополнительных усилий. Результаты же прорыва остались неиспользованными.

Ныне это не должно было повториться. За год, прошедший с тех пор, наша Красная Армия обрела огромную мощь, позволявшую наносить врагу эффективные удары не только на главных направлениях, но и на всем фронте.

Многое говорило о том, что такой удар готовился и на нашем участке, в частности, к югу от Невеля. Я не мог не знать, что 11-я гвардейская армия заняла часть прежней полосы 4-й ударной. Ясно было и то, что теперь, после ее прорыва на запад, она стояла как раз перед южным выступом фронта противника, над которым с северо-запада нависали находившиеся в «мешке» войска 4-й ударной.

Следовательно, открывалась реальная возможность срезать этот выступ решительным встречным ударом двух армий в общем направ-

лении на Городок. Причем именно 11-я гвардейская, будучи значительно сильнее 4-й ударной, да к тому же действуя с более выгодных позиций, должна была сыграть решающую роль в наступлении.

Если это так, думал я, то в 11-й гвардейской мне предстоит начать по существу с использования и развития успеха 3-й ударной.

Это радовало.

И вот утром 22 ноября я прибыл в Батрачки. Это полусожженная врагом деревушка, затерявшаяся среди болот и лесов. Добираться до нее было нелегко, но я не мог не отдать должное генералу И. Х. Баграмяну, который в бытность командующим 11-й гвардейской выбрал Батрачки для размещения армейского управления. Здесь, в лесной глуши, оно было довольно надежно укрыто от авиации противника и проникновения его разведки.

Встретили член Военного совета армии генерал-майор танковых войск П. Н. Куликов и начальник штаба генерал-майор Н. П. Иванов. Проводили в отведенный мне домик. И первое, что я услышал от них, было слово «наступление». Мои предположения более чем оправдались: предстояла наступательная операция, причем планировалось начать ее 26 ноября, т. е. через 4 дня!

Это значило, что все те трудности, которые всегда возникают перед новым командующим, возрастали во много раз. Ведь нужно было руководить операцией на основе готового решения, по уже разработанному плану. Следовательно, требовалось изучить их безотлагательно и определить, насколько они соответствуют поставленной задаче. Для этого, естественно, нужно было ознакомиться и с обстановкой в полосе армии, с ее силами и средствами, с обороной противника. Необходимо было и убедиться в полной готовности каждого соединения и частей обеспечения к проведению операции. А установление необходимого контакта и взаимопонимания с руководящим составом армии, ее соединений, взаимодействующих войск, авиации и, наконец, фронта?

На все перечисленные, а также многочисленные другие заботы, выпадающие на долю командарма перед наступательной операцией, я имел менее четырех суток. Не только каждый час, но и каждая минута была дорога. Поэтому сразу же развернул врученную мне генералом Н. П. Ивановым карту с обстановкой и решением на наступление, принятым ранее генералом И. Х. Баграмяном.

Полоса предстоящего наступления 11-й гвардейской армии имела 28—30 км по фронту и проходила от оз. Ордово и населенного пункта Скобино справа до Усвят, оз. Немцево, Сидар, Смоловки, Тетерков слева. Передний край обороны противостоящего врага тянулся от южных берегов озер Ордово и Езерище на юго-восток к Пуляхам, Ковалям, оз. Немцево. Задача армии, как было показано на карте, состояла в том, чтобы перейти в наступление в общем направлении на Городок, Витебск с целью разгрома городокской группировки противника.

При этом ближайшей целью было прорвать его оборонительную полосу в направлении железнодорожной станции Бычиха и во взаимо-

действии с войсками 4-й ударной армии, наносящей встречный удар из «мешка» на Вировлю, Бычиху, окружить и уничтожить расположенные южнее Невеля три пехотные дивизии врага, а затем овладеть Городком. Главный удар 11-я гвардейская армия должна была нанести своим правым флангом на 8-километровом фронте, наступая сначала в западном направлении — на ст. Бычиха, а затем вдоль невелиского шоссе в южном — на Городок. Частью сил армии надлежало нанести вспомогательный удар на своем левом фланге из района оз. Немцево в направлении Сидары с задачей расширения прорыва на юг и свертывания обороны противника перед соседом слева — 43-й армией. В дальнейшем же предстояло развивать наступление в обход Витебска с запада и во взаимодействии с 43-й армией овладеть этим городом¹.

Вспомогательный удар, как я понял, должен был также обеспечивать главную ударную группировку 11-й гвардейской от возможного контрудара противника с юга.

По собственному опыту я знал, насколько важен выбор направления главного удара, являющийся основным в решении командующего армией и отражающий его оперативный замысел. Он должен учитывать как группировку противника, его оборонительные укрепления и доступность местности для действий различных родов войск и их нормального снабжения, так и возможности создания на участке прорыва необходимого превосходства в силах и средствах и наиболее выгодного его использования. Изучая решение генерала И. Х. Баграмяна, я убедился, что все это им было учтено. Вместе с тем карта не отражала главного, на чем основывалось решение, а именно: роли и места армии во фронтовой операции, общего замысла командующего фронтом.

— Мне об этом ничего не известно, — ответил на мой вопрос генерал Н. И. Иванов.

Перешли к деталям подготовки операции. Начальник штаба по моей просьбе сначала доложил о составе войск армии, их состоянии и местоположении.

11-я гвардейская армия была к 25 октября по железной дороге переброшена с брянского направления в район юго-западнее Великих Лук в составе трех гвардейских стрелковых корпусов — 8, 16 и 36-го. Затем с 16 по 20 ноября ее войска совершили 120-километровый марш в район юго-восточнее Невеля. Здесь, по обе стороны шоссе, ведущего к нему из Усвят, на удалении 20—25 км от линии фронта они и сосредоточились.

Марш был очень тяжелым. Почти все время шли дожди, грунтовые дороги стали труднопроходимыми, а местами и совсем не пригодными для артиллерии и автотранспорта. Машины и орудия нередко тащили на руках пехота. Все, что можно, двигали по шоссе Великие Луки — Невель. В то же время пелетная погода помогла провести марш скрытно от противника.

¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 1.

8-й гвардейский стрелковый корпус в составе 5, 26 и 83-й гвардейских стрелковых дивизий сосредоточился в 5—15 км южнее и юго-восточнее Невеля. 16-й (1, 11 и 31-я гвардейские стрелковые дивизии) — в районе Рыбаково, Прудок, Казаково, 36-й (16-я, 84-я гвардейские и 360-я стрелковые дивизии) — Жигары, Кошелево, Лоскатухино. В полосе предстоящего наступления армии к тому времени оборонялся 83-й стрелковый корпус, имевший 29, 234 и 235-ю стрелковые дивизии. 22 ноября, в день моего приезда, он также вошел в подчинение 11-й гвардейской. Перед наступлением его должны были сменить дивизии первого эшелона гвардейских корпусов².

На период проведения операции армия усиливалась 1-м танковым корпусом, имевшим 101 средний танк и 12 самоходно-артиллерийских установок, 10-й гвардейской танковой бригадой (46 средних танков) и 2-м гвардейским танковым полком (17 тяжелых танков)³. Ей были также приданы 15-я и 21-я артиллерийские дивизии. Армия имела и две зенитные артиллерийские дивизии (17-ю и 46-ю), два истребительно-противотанковых, один гаубичный и четыре пушечных артиллерийских полка, три гвардейские минометные бригады и пять гвардейских минометных полков («катюш»). В ее составе были 10-я штурмовая инженерно-саперная бригада и три отдельных саперных батальона⁴.

По докладу генерала Н. П. Иванова задачи стрелковым корпусам и дивизиям, а также танковым и артиллерийским соединениям были уже поставлены. Их командиры закончили рекогносцировки. В настоящий момент они на местности ставили задачи командирам полков. На 23—24 ноября намечалась такая же работа с командирами батальонов, рот и подразделений усиления. Одновременно была начата отработка взаимодействия пехоты с танками, артиллерией и авиацией. Смену частей 83-го стрелкового корпуса и занятие исходного положения предстояло произвести в течение двух ночей — на 25 и 26 ноября. Войска продолжали разведку и наблюдение за противником. Инженерным подразделениям было приказано с 23 ноября приступить к проделыванию проходов в своих минных полях, а в дальнейшем и во вражеских. Ремонтные работы велись на основных дорогах, но они пока еще были в плохом состоянии⁵.

Существенное дополнение к докладу начальника штаба сделал член Военного совета армии генерал П. Н. Куликов. Он сообщил, что, несмотря на непродолжительность подготовительного периода, в основном выполнены в указанный срок все намеченные мероприятия, но плохо с подвозом боеприпасов. В дивизиях нужно иметь 1,5 боекомплекта снарядов и мин, а пока что у них было от 0,3 до 0,5 боекомплекта. Подвоз осуществлялся с армейских складов, расположенных в районе Великих Лук. Но движение автотранспорта по основной армейской дороге протяженностью 120 км вследствие ее непроезжего

² Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2074, д. 52, л. 33.

³ Там же, ф. 358, оп. 5920, д. 10, л. 69.

⁴ Там же, оп. 5916, д. 424, л. 8.

⁵ Там же, лл. 5—6.

И. Х. БАГРАМЯН и В. В. КУРАСОВ

состояния на ряде участков и осенней распутицы ночи полностью приостановилось⁶.

— Считаю необходимым, — говорил мне генерал П. Н. Куликов, — доложить об этом Военному совету фронта и просить его об оказании помощи армии в подвозе боеприпасов.

Конечно, он был прав. Должен сказать, что Петр Николаевич Куликов, как я неоднократно убеждался в этом, был политработником крупного масштаба. Он прошел большую школу гражданской и Великой Отечественной войн и обладал богатым опытом и высоким чувством воинского долга, был предельно требовательным не только к подчиненным, но и к себе. С первого и до последнего дня нашей совместной службы, длившейся с момента моего приезда в 11-ю гвардейскую армию и до самого конца войны, мы с ним делили все невзгоды и радости. И его помощь всегда была очень весомой, так как он обладал ценной способностью видеть слабые звенья в подготовке операций и принимать меры к их укреплению.

Так было и на этот раз. Действительно, самым тревожным из всего, что я узнал по приезде в 11-ю гвардейскую, являлось неудовлетворительное положение с подвозом боеприпасов. Исправить его требовалось безотлагательно. При недостаточности же транспортных средств армии она вряд ли могла справиться с такой задачей без помощи фронта.

⁶ Там же, д. 326, л. 300.

Итак, в итоге первого, разумеется, довольно общего ознакомления с задачей на предстоявшее наступление и ходом подготовки к нему возникло два важных вопроса. Нельзя было до конца уяснить задачу армии, не зная ее роли во фронтовой операции. Хотелось также срочно получить дополнительные транспортные средства, от которых теперь в сущности зависело многое. А так как и без того предстояло побывать у командующего фронтом, чтобы представиться, решил отправиться к нему тотчас же.

— Еду в штаб фронта, по возвращении еще раз рассмотрим решение на наступление,— сказал я П. Н. Куликову и Н. П. Иванову. Начальника штаба попросил к вечеру подготовить вместе с разведывательным отделом все имеющиеся данные о противнике.

Во второй половине дня прибыл в штаб фронта. Генерал армии И. Х. Баграмян принял очень радушно. У него я застал члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта Д. С. Леонова и начальника штаба генерал-лейтенанта В. В. Курасова.

— Уточняем план проведения предстоящей операции,— пояснил Иван Христофорович. И, улыбнувшись, добавил.— Ведь я примерно в таком же положении, как и вы,— прибыл в штаб фронта всего три дня назад. Познакомились ли с состоянием армии и ее задачей? Какие имеются вопросы?

— Ознакомился пока очень кратко. Вопросы такие: какова роль 11-й гвардейской в операции фронта и какая помощь может быть оказана армии в подвозе боеприпасов?

— Начнем с первого вопроса,— сказал И. Х. Баграмян.

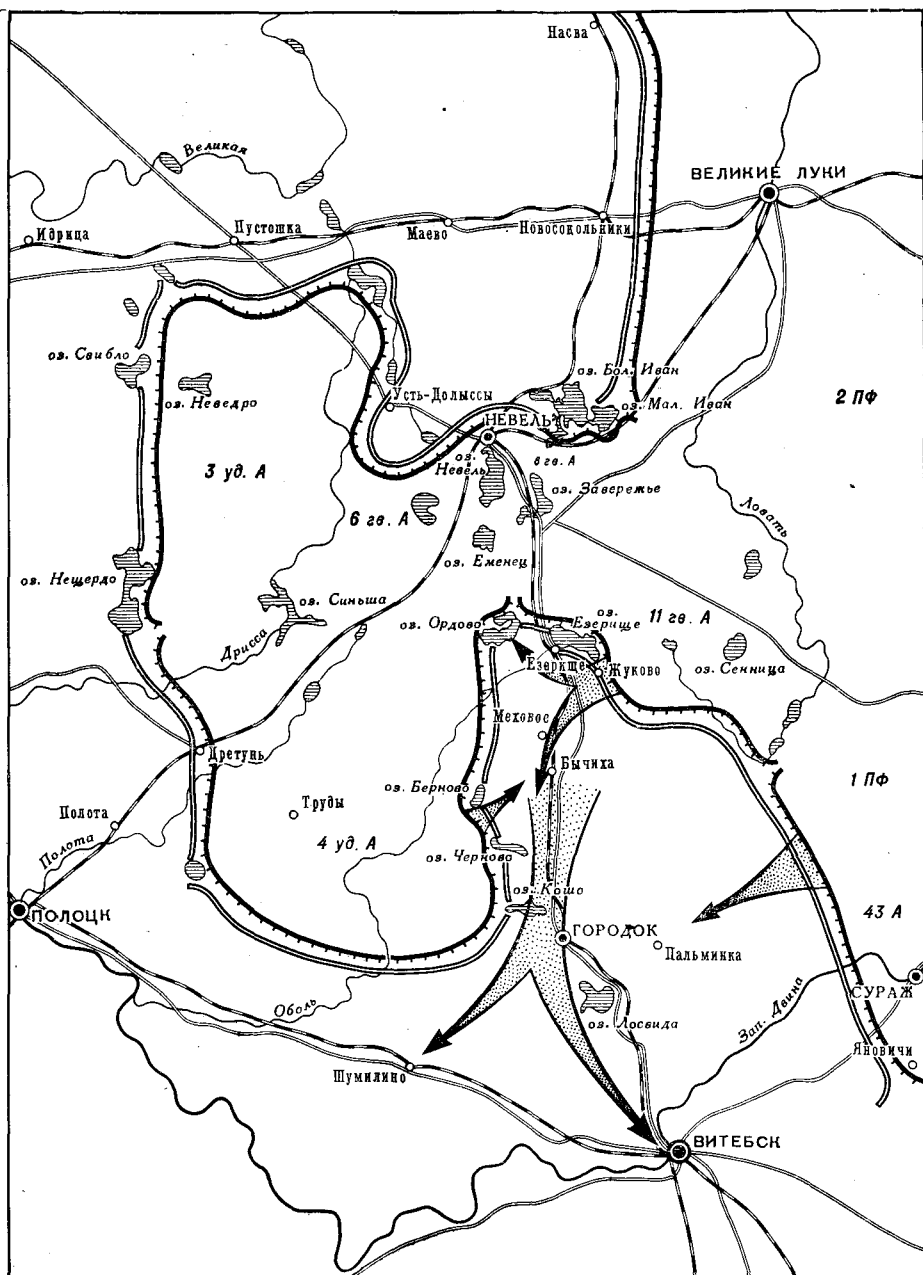
Он пригласил меня к столу, на котором лежала развернутая карта с обстановкой в полосе фронта. Красными стрелами были намечены направления предстоящих ударов его войск, синими — возможных контрударов и контратак врага. Были показаны также части и соединения, которые немецко-фашистское командование могло подвести из глубины на тот или иной участок фронта и когда. Наконец, черные линии с условными знаками обозначали оборонительные рубежи и отсечные позиции противника до Городка и Витебска включительно.

Пока я всматривался в карту, командующий изложил цель предстоящей операции фронта. Она состояла в том, чтобы разгромить городокско-витебскую группировку противника, овладеть Витебском, выйти на линию войск, прорвавшихся на запад, к Пустошке, Дретунь, и создать условия для последующего наступления на Полоцк⁷.

По существу это и был ответ на мой вопрос. Сопоставив уже известную мне задачу армии с общим замыслом фронтовой операции, я увидел, что 11-й гвардейской предназначается основная роль в его осуществлении.

— Да, вы наносите главный удар в операции фронта,— подтвердил Иван Христофорович.— На первом ее этапе 11-й гвардейской армии предстоит окружить и уничтожить 87-ю, 252-ю пехотные и

⁷ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 275, л. 2.

Замысел командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта на Городокскую операцию и положение войск фронта к началу наступления

2-ю авиаполевую дивизии противника, овладев Городком. Здесь с вами взаимодействует 4-я ударная. На втором этапе она же должна содействовать вашему наступлению на Витебск, выйдя силами своей подвижной группы в составе 3-го гвардейского кавалерийского и 5-го танкового корпусов в район Старое Село, Савченки, Дворище и перерезав шоссе и железные дороги Витебск — Городок и Витебск — Полоцк. Когда возьмете Витебск и выйдете в район Сиротино, Шумилово, эта подвижная группа будет передана вам. В овладении Витебском 11-й гвардейской армии должна содействовать и 43-я, которая тремя дивизиями нанесет удар с востока в направлении Бабиничи, Витебск. С юга операция обеспечивается наступлением 39-й армии в направлении Лобаны, Святогоры.

Слушая командующего фронтом, я делал соответствующие пометки на своей рабочей карте. В заключение генерал армии И. Х. Баграмян сообщил, что для поддержки наступления 11-й гвардейской выделены главные силы 3-й воздушной армии.

— Заместитель ее командующего генерал-майор авиации Н. И. Синяков, — сказал он, — будет находиться на вашем наблюдательном пункте. С ним и решите все детали взаимодействия. Достаточно ли ясно ответил я на ваш первый вопрос?

— Вполне.

— Что касается второго вопроса, то на него ответит член Военного совета.

— Полагаю, — заметил Д. С. Леонов, — что для ускорения подвоза боеприпасов сможем выделить 11-й гвардейской армии один автобатальон.

— Вот и договорились, — сказал И. Х. Баграмян, прощаясь. — Все, что я рассказал, подробно изложено в директиве⁸, которую вручит генерал В. В. Курасов. Жду вашего решения на наступление армии.

Будет ли принято мною новое решение? Или оно останется прежним? Теперь это зависело от результатов изучения имевшихся данных о противнике. Некоторое представление о его обороне и резервах дала карта командующего фронтом. В связи с этим у меня возникли кое-какие сомнения относительно ранее избранного направления главного удара. Но требовались более подробные сведения о противнике.

К сожалению, на этот раз не было таких возможностей для его изучения, какие я имел перед Великолукской и особенно Невельской операциями. Ведь до начала наступления, согласно намеченным срокам, оставались считанные дни. И все же надеялся, что многое подскажут данные, имевшиеся в армии.

С них и начал по возвращении в Батрачки. Когда у меня вновь собрались П. Н. Куликов и Н. П. Иванов с начальником разведывательного отдела подполковником И. И. Чесаковым, приказал последнему доложить группировку противника на первом рубеже обороны и в глубине, систему его укреплений.

⁸ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 375—284, лл. 2—5.

Положив передо мной свою рабочую карту с последними данными, подполковник И. И. Чесаков сообщил, что оборонительный рубеж на этом участке готовился фашистскими войсками в течение длительного времени. Особенно напряженно велись здесь работы летом и осенью 1943 г. Рубеж получил наименование «Позиция пантеры». Слушая начальника разведки, я вспомнил, что уже встречался с этим рубежом, успешно прорванным нами в Невельской операции. Его название, вероятно, должно было намекать на якобы готовившийся под его прикрытием некий «прыжок пантеры», т. е. удар по нашим войскам. Тем не менее удары теперь наносила Красная Армия, и гитлеровцев уже не спасали ни их пристрастие к громким наименованиям, которые они давали своим оборонительным рубежам, вроде «Восточного вала», «Позиции пантеры» и т. п., ни тотальные мобилизации.

Однако по опыту Невельской операции мне было известно, что создаваемую врагом многополосную оборону прорывать нелегко. Тем более что за прошедшие с тех пор полтора месяца он, несомненно, еще основательнее укрепил ее как на стыке двух групп армий, так и на витебском направлении.

Так и оказалось. По данным разведки 11-й гвардейской армии, в ее полосе оборона противника состояла из нескольких линий траншей, блиндажей в 3—5 накатов, соединенных ходами сообщения с траншеями. Множество подбитых в прошлых боях немецких танков и бронемашин было врыто в землю и использовалось в качестве бронированных пулеметно-артиллерийских точек. Враг укрепил каждую высотку, деревню, каждый выгодный клочок земли. Весь район обороны был насыщен минными полями, опутан паутиной колючей проволоки, простреливался со всех направлений.

Выгодность вражеского рубежа состояла и в том, что он был оборудован на местности, почти не просматриваемой нами, да к тому же труднопроходимой, а местами и совсем недоступной для движения боевой техники. Серьезным препятствием являлись многочисленные реки, ручьи, болота, многие из которых не промерзали до конца декабря⁹.

— Гитлеровцы рассчитывают, — говорил И. И. Чесаков, — прочно зазимовать здесь. По показаниям пленных, все блиндажи оборудованы печами, а офицерские обставлены отнятой у местного населения мебелью.

Далее он сообщил, что строящаяся вторая линия обороны противника еще не полностью закончена, но все же и там имеются траншеи и пулеметные площадки. Кроме того, еще в сентябре враг приступил к сооружению тылового оборонительного рубежа на линии восточнее ст. Бычиха, Смоловка. На отдельных его участках уже открыты окопы и траншеи полного профиля, установлены проволочные заграждения. Оборудован и ряд опорных пунктов вдоль шоссе и железных дорог. Леса и рощи противник использовал для огневых позиций зенитной артиллерии и для размещения складов и штабов.

⁹ Там же, л. 45.

За главной полосой восточнее ст. Бычиха он создал еще ряд промежуточных оборонительных рубежей. Сведений об их количестве и характере наша разведка не имела вследствие крайне ограниченного срока подготовки операции, а также неблагоприятной для аэрофотосъемок погоды.

Данные о противостоявших нам вражеских войсках были довольно подробными. Из них явствовало, что в полосе предстоящего наступления перед нашими войсками оборонялись 365-й пехотный полк 211-й пехотной дивизии, 129-я пехотная дивизия, части 2-й и 6-й авиаполевых, 87-й пехотной дивизий противника. Всего в первой линии было до трех дивизий. Эта группа войск имела около 300 орудий и минометов¹⁰.

— Кроме того, — отметил И. И. Чесаков, — в оперативном резерве противник здесь имеет 20-ю танковую и 252-ю пехотную дивизии. Он может также перебросить сюда войска с других участков.

— А как вы оцениваете характер предстоящих оборонительных действий врага и имеющиеся у него возможности для маневрирования силами и средствами?

— Следует ожидать, что наше наступление заставит его усилить свою городокскую группировку за счет 20-й танковой и 252-й пехотной дивизий, а также других войск путем их переброски с ближайших участков фронта. Этими силами он может либо нанести контрудар, либо уплотнить свои войска в первой линии, тем самым укрепив оборону городокского направления. Что касается маневра, то в этом отношении у немецко-фашистского командования имеются большие возможности. Оно располагает сетью улучшенных грунтовых дорог, которые подходят к переднему краю и пригодны для движения всех видов транспорта. Кроме того, в распоряжении противника находятся шоссе Городок — Езерице и Городок — Витебск, имеющие хорошее каменное покрытие.

Именно в этом и заключалась для нас главная трудность при проведении предстоящей операции. К такому выводу я пришел, сопоставив все, что стало мне известно из карты командующего фронтом и данных армейской разведки с содержанием ранее принятого решения на наступление.

Во-первых, предусматривая нанесение главного удара на правом фланге и вспомогательного — на левом, оно не обеспечивало сковывания врага на всем фронте, что являлось первоочередной задачей в условиях его способности к широкому маневру крупными силами. Во-вторых, имея у себя в тылу заранее подготовленные промежуточные рубежи, противник легко мог при отходе последовательно восстанавливать сплошную линию фронта. В результате нашим наступающим соединениям потребуется каждый раз вновь и вновь прорывать оборонительные полосы, что приведет в основном к фронтальным ударам, которые лишь в дальнейшем могут сопровождаться охватами, обходами и окружением противника.

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, лл. 46—47.

Новый план

Чтобы избежать такого невыгодного развития операции, следовало нанести рассекающий главный удар не на правом фланге, как предусматривалось ранее принятым решением, а в центре оперативного построения армии. Одновременно требовались вспомогательные удары на обоих флангах. Только так можно было сковать противника на всем фронте, лишить его возможности как маневрировать силами, так и воссоздавать в глубине сплошную линию обороны, а следовательно, и обеспечить быстрее дробление и уничтожение окружаемой группировки.

Отпустив И. И. Чесакова и оставив у себя ненадолго его карту, я изложил П. Н. Куликову и Н. П. Иванову вышеприведенные сообщения. И в заключение сказал, что ранее принятое решение, являющееся по существу предварительным, следует соответственно пересмотреть. Хорошо понимал, что это потребует напряженной работы штабов и войск, усложнит их задачи в короткий подготовительный период. Но верил, что зато им будет легче в бою, быстрее и меньшей кровью добьемся успеха. П. Н. Куликов и Н. П. Иванов положительно отнеслись к идее нового решения.

Оно в основном уже сложилось. Нужно было лишь еще немного времени, чтобы продумать некоторые детали. Поэтому я предложил вновь собраться через несколько часов, пригласив и весь руководящий состав управления армии.

Время в размышлениях над картой прошло быстро. Но теперь уже можно было считать решение окончательно сформировавшимся. За несколько часов довольно напряженной работы удалось сделать все необходимые наметки, в том числе и касающиеся построения войск для наступления.

И вот поздней ночью мы опять собрались. Вслед за членом Военного совета и начальником штаба пришли начальник оперативного отдела полковник Ф. Н. Бобков, командующие артиллерией, бронетанковыми и механизированными войсками армии генерал-лейтенант артиллерии П. С. Семенов и полковник С. И. Токарев, начальник инженерных войск армии полковник Н. Т. Держицкий. Когда они представились, я выразил сожаление, что в течение дня не имел возможности познакомиться с ними и состоянием их дел. Добавил, что придется это делать уже в ходе совместной работы, так как времени на подготовку операции у всех нас очень мало. Затем перешел к главному.

Замысел операции заключался в том, чтобы прорвать оборону противника на 8-километровом участке Булины, Пуляхи и, нанося главный удар в направлении Меховое (5—6 км севернее ст. Бычиха), Городок, срезать северо-западную часть городокского выступа фронта противника, при этом во взаимодействии с 4-й ударной армией окружить и уничтожить вражескую группировку — 87-ю и 252-ю пехотные и часть сил 2-й авиационной дивизий в районе оз. Ордово, Меховое, оз. Езерище. В последующем предстояло стремительно раз-

вивать наступление основными силами армии на Городок, овладеть им и, разгромив сосредоточенную там группировку противника, тем самым ликвидировать городокский выступ в целом. Дальнейшая задача — основными силами развивать успех в направлении Шумилино и, обойдя Витебск с северо-запада, отрезать пути отхода противника и во взаимодействии с 43-й армией, наступающей с востока, овладеть городом.

Для осуществления этого замысла я решил главный удар нанести в центре силами 36-го и 16-го гвардейских стрелковых корпусов в направлении Меховое, Городок. Предусматривались также два вспомогательных удара. Один из них на правом фланге с участка между озерами Ордово и Езерище в направлении населенного пункта Езерище. Эта задача возлагалась на группу войск в составе 29-й стрелковой и 5-й гвардейской стрелковой дивизий под командованием моего заместителя генерал-майора А. С. Ксенофонтова. Вспомогательный удар на левом фланге из района западнее оз. Немцево в направлении на Сидары должен был нанести 83-й стрелковый корпус (без 29-й стрелковой дивизии).

Намечалось построение войск армии в два эшелона. Первый составляли на правом фланге группа генерала А. С. Ксенофонтова, на главном направлении — 36-й и 16-й гвардейские стрелковые корпуса, на левом фланге — две дивизии 83-го стрелкового корпуса; второй эшелон — две дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса, сосредоточенные в районе Пустошь, Козлово, Скородумово. Эшелон развития прорыва — 1-й танковый корпус, занимавший исходное положение в районе Алексеевка, Коровница.

Соединения и части, наступающие на правом фланге и на главном направлении, строились также в два эшелона. В первый эшелон группы генерала А. С. Ксенофонтова назначалась 29-я, в 36-м гвардейском стрелковом корпусе — 360-я стрелковая, 84-я и 16-я гвардейские, в 16-м — 11-я и 31-я гвардейские, во второй соответственно — 5-я и 1-я гвардейские стрелковые дивизии. Танковая бригада и танковый полк придавались дивизиям первого эшелона, а танковый корпус намечалось ввести в прорыв на участке главного удара с задачей стремительно наступать на Городок, Витебск.

Глубокое эшелонирование войск должно было обеспечить непрерывное наращивание силы удара в ходе операции как для окружения противника севернее Городка, так и для развития успеха на юг. Решение определяло и задачу первого дня наступления — выход дивизий первого эшелона на рубеж Аскерино, Меховое, Цари на глубину 12—14 км. Артиллерию предусматривалось распределить таким образом, чтобы ее плотность на 1 км фронта прорыва в полосе 36-го гвардейского стрелкового корпуса составляла не менее 200 орудий, а на участке 16-го гвардейского стрелкового корпуса — 225—230 орудий.

На основе этого решения генералу Н. П. Иванову было приказано составить план операции, с тем чтобы завтра представить его командующему фронтом, генералу П. С. Семенову — план артилле-

рийского наступления, а полковнику Ф. Н. Бобкову вместе с представителем штаба 3-й воздушной армии — план авиационного обеспечения.

Всю ночь продолжалась напряженная работа в штабе армии, и к утру 23 ноября план операции был готов. Он предусматривал проведение ее в четыре этапа, каждый из которых включал решение той или иной промежуточной оперативно-тактической задачи.

На первом этапе войскам армии предстояло в течение суток уничтожить главные силы противостоящего врага, прорвать тактическую зону его обороны на всю глубину, обеспечить ввод в прорыв 1-го танкового корпуса и развить, таким образом, тактический прорыв в оперативный. Продвижение за сутки должно было составить 12—14 км.

При этом на группу войск генерала А. С. Ксенофонтова возлагалось овладение населенным пунктом Езерице.

36-му гвардейскому стрелковому корпусу, усиленному 2-м гвардейским танковым полком прорыва, тремя артиллерийскими бригадами, минометной бригадой, четырьмя артиллерийскими полками, гвардейской минометной бригадой, истребительно-противотанковым полком, двумя зенитными полками и двумя инженерными батальонами, надлежало прорвать оборону противника в полосе Булины, Мамоново шириной 4—4,5 км. Нанося главный удар в направлении Зезулино, Аскерино, он имел задачу к исходу дня продвинуться на 10—12 км к рубежу Мапаревка, Аскерино. Его правый фланг обеспечивала 360-я стрелковая дивизия, наступавшая на Рудню. Корпус поддерживался подгруппой армейской артиллерии в составе пушечной бригады и трех пушечных полков.

16-й гвардейский стрелковый корпус, усиленный 10-й гвардейской танковой бригадой, четырьмя артиллерийскими и минометной бригадами, четырьмя артиллерийскими и минометными полками, гвардейской минометной бригадой, двумя инженерными батальонами, двумя ротами ранцевых огнеметов, должен был прорвать оборону на 3-километровом участке Мамоново, Пуляхи. Он наносил главный удар в направлении Кошкино, развивая его вдоль шоссе на Городок. К исходу первого дня наступления корпусу предстояло продвинуться на 12—14 км и овладеть рубежом Воронята, Николаенки, Будница, а в дальнейшем наступать на Городок. Для его поддержки выделялась подгруппа армейской артиллерии в составе пушечной бригады и четырех пушечных полков.

83-й стрелковый корпус имел следующую задачу: своей правогофланговой 234-й стрелковой дивизией, используя успех 16-го гвардейского стрелкового корпуса, свертывать вражескую оборону в направлении Цари, а левофланговой 235-й — нанести удар на Сидары, уничтожить противника в районе Шаврово, а затем свертывать его оборону перед правым флангом 43-й армии.

Второй этап операции также должен был длиться сутки. Теперь основная задача заключалась в развитии оперативного прорыва с целью окружения и уничтожения приозерной группы войск против-

ника силами 36-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с войсками 4-й ударной армии, а на левом фланге армии — свертывания его обороны в полосе 83-го стрелкового корпуса и перед правым флангом 43-й армии. Глубина продвижения на втором этапе должна была составить от 10 до 16 км.

С выходом дивизий первого эшелона на фронт Безносенки, Бол. Горелыши вводились в бой 1-й танковый и 8-й гвардейский стрелковый корпуса, предназначенные для развития прорыва. Двигаясь по шоссе Певель — Городок, танковый корпус к исходу второго дня операции должен был овладеть Городком.

В течение третьего дня наступления, составлявшего третий этап операции, планировалось продвижение на 13—15 км. При этом основной задачей армии являлось окружение и уничтожение группы войск противника, оборонявшей северо-восточную часть городокского выступа. На случай, если бы 1-му танковому корпусу не удалось накануне с ходу освободить Городок, он должен был овладеть им теперь во взаимодействии со стрелковыми дивизиями, после чего выйти южнее города на рубеж оз. Кошо, Ореховное, Козырево и продвигаться к Витебску.

На четвертом этапе, для которого отводилось три суток, основная задача заключалась в том, чтобы сначала ударом на юго-запад в направлении Шумилино отрезать пути возможного отхода витебской группировки противника на запад, а затем левым флангом армии овладеть Витебском, а правым — выйти на рубеж Сиротино, Шумилино. При этом на левом фланге успех 1-го танкового корпуса планировалось наращивать наступлением 8-го во взаимодействии с 16-м гвардейским стрелковым корпусом.

В целом глубина операции составляла до 100 км, среднесуточный темп наступления — 13—15 км, продолжительность — 5—6 суток.

Плотность артиллерии на направлении главного удара была окончательно намечена для полос 36-го гвардейского стрелкового корпуса в 200 орудий и минометов на 1 км фронта, 16-го — 236, в группе войск генерала А. С. Ксенофонтова — около 90, на участке 83-го стрелкового корпуса — 43. Кроме того, на двухкилометровом участке прорыва каждой из четырех дивизий первого эшелона были выдвинуты для ведения огня прямой наводкой по 50—60 орудий полковой и истребительно-противотанковой артиллерии.

План определял и задачи авиации. Важная роль отводилась ведению воздушной разведки в полосе армии до линии Лутня, Городок, оз. Вымно и в направлении Витебск, Лепель, главным образом с целью обнаружить подход вражеских резервов. Истребительная авиация должна была прикрыть наши войска в районе озер Езериче, Немцево и Завесно, а в дальнейшем также полосу прорыва и продвижение частей 1-го танкового и 8-го гвардейского стрелкового корпусов. Ночным бомбардировщикам По-2 предстояло нанести перед операцией удары по вражеским войскам в основном в районе Зезюлино, а также Пыльки, Булины, Кошкино. На эти же районы нацеливались действия бомбардировочной авиации с началом наступления. А штур-

мовая после окончания артиллерийской подготовки должна была уничтожать огневые средства противника и его живую силу, почти непрерывно находясь над полем боя.

Выполнение этих задач командующий 3-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Н. Ф. Папивин возложил на 1-й истребительный авиационный корпус и 259-ю истребительную авиационную дивизию, 3-й штурмовой авиационный корпус и 211-ю штурмовую авиационную дивизию, 113-ю бомбардировочную авиационную дивизию и на два полка 314-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии (По-2). Из их состава отдельно была выделена авиация для сопровождения и поддержки 1-го танкового корпуса.

Противовоздушная оборона армии возлагалась на 17-ю и 46-ю зенитно-артиллерийские дивизии. Они должны были прикрывать войска в исходном положении, а затем продвигаться вслед за наступающими частями¹¹. Инженерное обеспечение операции включало ведение инженерной разведки, продельвание и пропуск войск через 100 проходов в наших заграждениях и минных полях и 50 — во вражеских, организацию комендантской службы. Инженерные части также должны были обнаруживать минные поля в глубине вражеской обороны и обеспечивать их преодоление или обход, восстанавливать дороги и мосты на пути наступления войск, оборудовать армейские пункты управления¹².

Занятие войсками исходного положения для наступления предполагалось осуществить в течение двух ночей. В ночь на 25 ноября ударной группировке предстояло сменить части 83-го стрелкового корпуса, выведя на передний край батальоны первого эшелона стрелковых полков. Следующей ночью, накануне наступления, исходное положение должны были занять батальоны второго и третьего эшелонов полков и танковые части, а артиллерия — завершить выход на огневые позиции. Устанавливался и срок готовности связи со всеми соединениями армии с новых командных и наблюдательных пунктов — к утру 24 ноября.

Таков был в общих чертах план операции, сохранивший, разумеется, ряд ранее намеченных деталей. Однако теперь и они были подчинены пересмотренному решению. Я не мог не отдать должное генералу Н. П. Иванову, всем работникам штаба армии и руководящему составу родов войск, проделавшим в столь невероятно короткий срок огромную работу. И от души поблагодарил их.

Итак, к исходу первых суток после моего вступления в командование 11-й гвардейской армией нередко мной лежал новый план операции.

Но ведь я еще не успел даже побывать на переднем крае. Правда, при принятии решения во многом помогло довольно основательное знакомство с районом действий, непосредственно прилегавшим к территории, которую мне довелось изучить в 3-й ударной армии в те-

¹¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 275—284, лл. 5, 46.

¹² Там же, д. 275, лл. 41—47.

чение полутора лет. Да и оборона противника здесь была примерно такой же, как там. И все же, прежде чем подписать план, решил посмотреть передний край, понаблюдать хотя бы немного за вражеской обороной и, если потребуется, внести необходимые коррективы, в особенности в выбор участка прорыва.

Вместе с начальником разведывательного отдела штаба армии отправились на передний край. Всю первую половину дня мы провели в первой траншее. Кое-где пробирались ползком. Но зато представление о местности стало полнее. Я увидел, что ее пересеченный характер позволял противнику организовать систему перекрестного пулеметного огня, выбирать укрытые огневые позиции для артиллерии и минометов, скрытно маневрировать силами и средствами, устраивать тапковые засады. Но еще хуже была местность справа и слева от намеченного участка прорыва. Там имелось особенно много болот и еще не промерзших ручьев, которые могли значительно замедлить продвижение наступающих войск.

Стало ясно, что участок прорыва намечен правильно, хотя и здесь будет нелегко, так как рельеф местности давал большие выгоды обороняющемуся противнику. Особое беспокойство вызывали дороги. Многие из них после непрерывных дождей стали почти непригодными, что могло затруднить снабжение войск армии в ходе наступления.

Что касается вражеской обороны, то, как подтвердили наблюдения, она состояла в основном из опорных пунктов, созданных на почти непрерывной цепи командных высот. Это требовало сплошного ее подавления и, следовательно, некоторых небольших поправок в намеченном распределении сосредоточенного огня в ходе артиллерийской подготовки.

Они были внесены по возвращении в штаб армии. После этого план операции, подписанный мною, членом Военного совета генералом П. Н. Куликовым и начальником штаба генералом Н. П. Ивановым, был вручен начальнику оперативного отдела полковнику Ф. Н. Бобкову, которому поручалось доставить его командующему фронтом. А вечером генерал И. Х. Баграмян сообщил по ВЧ, что план рассмотрен и утвержден. Причем несколько уточнен раздел, касающийся взятия Городка. Для овладения им приказывалось использовать 1-й танковый корпус, усилив его 10-й гвардейской танковой бригадой и пехотой 16-го гвардейского стрелкового корпуса. 8-й гвардейский стрелковый корпус надлежало ввести в бой на стыке 16-го и 36-го, причем последний направить на паселенный пункт Филиппенки, расположенный юго-западнее Городка¹³.

— Усиление танкового корпуса необходимо, — пояснил командующий фронтом, — так как он недоукомплектован, а задачи перед ним весьма ответственные.

Эти уточнения также были внесены в план операции. Они были направлены к тому, чтобы армия мощным ударом танков с нехотой с ходу овладела Городком и в дальнейшем, создав основную группи-

¹³ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 275, л. 44.

ровку северо-западнее Витебска, неожиданно для противника атаковала этот город с запада. Тем самым имелось в виду облегчить овладение им и дальнейшее развитие операции, обеспечить перехват основных путей отхода витебской группировки врага и условия для полного ее разгрома. В случае успешного решения этой задачи предполагалось в дальнейшем ввести в сражение подвижную группу в составе 5-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов и развивать наступление на Полоцк или Лепель.

Теперь план был окончательно готов. Более того, он уже осуществлялся.

Приказ выполним!

Наряду с планированием операции все эти дни начиная с 22 ноября велась всесторонняя подготовка к наступлению. Вечером 23 ноября были уточнены задачи войскам. Соединения и части завершали все необходимые приготовления. Усилились ремонтные работы на дорогах, по которым доставлялось снабжение.

Особое внимание было обращено на подвоз боеприпасов. Он несколько ускорился благодаря помощи фронта автотранспортом. Кроме того, пришлось организовать доставку боеприпасов на позиции силами артиллеристов и пехотинцев. Для этого выделялись специальные группы, сформированные из наиболее физически сильных бойцов, которые на себе переносили снаряды и мины к тем огненным позициям, куда нельзя было их подвезти из-за бездорожья или нехватки транспорта. В результате всех этих усилий количество боеприпасов в войсках к исходу 24 ноября увеличилось вдвое.

И все же положение в этой части оставалось тревожным. Несмотря на все принятые меры, к утру 25 ноября, когда войска, предназначенные для наступления в первом эшелоне, произвели смену частей 83-го стрелкового корпуса и заняли исходное положение, а их командиры перешли на наблюдательные пункты, мы имели всего лишь один боевой комплект снарядов. Причем их почти не оставалось даже на головных отделениях артиллерийских складов, а подвоз по-прежнему был затруднен из-за плохого состояния дорог.

Не приходится и говорить о том, насколько опасно было начинать операцию без достаточного количества боеприпасов. Вызывала озабоченность и в целом крайняя ограниченность сроков подготовительного периода, лишившая нас возможности должным образом позаботиться о всестороннем обеспечении операции, дальнейшем повышении боевой выучки войск и тщательной отработке их взаимодействия в предстоящем наступлении.

Ко всему этому прибавилась и неблагоприятная погода. В предшествующие дни мы очень надеялись на ее улучшение. Но она, напротив, все более ухудшалась. С самого утра 25 ноября стоял густой туман, не прекращался дождь. Синоптики предсказывали такую же погоду и на последующие дни. Это значило, что не только авиация

не сможет действовать, но и артиллерийская подготовка в условиях плохой видимости будет малоэффективной. Между тем без достаточного авиационного и артиллерийского обеспечения, естественно, нельзя было рассчитывать на успех при прорыве прочной вражеской обороны, тем более в условиях, когда основные огневые средства противника располагались на не просматриваемых нами позициях.

Поэтому, признаться, с тяжелым сердцем докладывал я днем по ВЧ командующему фронтом о том, что части заняли исходное положение для наступления. Не преминул напомнить о неблагоприятных прогнозах синоптиков.

— Настойчиво продолжайте подготовку к операции, — ответил генерал И. Х. Баграмян. Но после небольшой паузы неожиданно добавил. — Позвоните мне еще раз вечером.

Нетрудно было догадаться, что и Военный совет фронта обеспокоен создавшимися условиями. Но не от него зависела отсрочка операции, и, вероятно, вопрос этот решался в Ставке. Разумеется, приказание командующего фронтом было тотчас же продублировано штабом командирам корпусов и начальникам родов войск. Но в душе я верил, что Ставка не потребует начать наступление в столь неблагоприятных условиях.

Прошло два часа. До вечера было еще далеко. И вдруг раздался звонок ВЧ. Слышу голос командующего фронтом:

— Товарищ Сталин разрешил перенести начало операции на первые числа декабря. Он приказал начать боевые действия не раньше, чем установится хорошая зимняя погода, когда можно будет использовать авиацию и все рода войск, особенно танки. В связи с этим примите меры, чтобы противник не смог прорвать вашу оборону в направлении Невеля и отрезать 4-ю ударную армию. В течение ближайших двух ночей соответственно перестройте боевые порядки войск.

— Замечательное решение! — вырвалось у меня. — Теперь мы сможем отвести с переднего края максимально возможное число частей и подразделений во вторые эшелоны и в резерв, развернуть боевую подготовку. Постараемся к концу месяца довести запас боеприпасов в войсках не менее чем до полутора боевых комплектов и иметь на головных отделениях артиллерийских складов четверть боекомплекта, а на складах — боекомплект. Немедленно начнем перебазирование всех складов из Великих Лук в ближайшие к нам районы. Что касается Невеля, то двумя дивизиями прикроем его от возможного удара противника.

Командующий фронтом одобрил все эти мероприятия.

Закончив разговор по ВЧ, я невольно вздохнул с облегчением. Ведь даже одна лишняя неделя для подготовки значила очень много. Но и теперь нельзя было терять время. Пригласив П. Н. Куликова и Н. П. Иванова, также глубоко тревожившихся по поводу незавершенности подготовки, обрадовал и их.

Начальнику штаба поручил сообщить во все корпуса и дивизии, что срок наступления перенесен, а также отдал все необходимые

распоряжения относительно упомянутых выше мероприятий. Для обороны направления Езериче, Невель решили оставить 29-ю и 5-ю гвардейскую стрелковые дивизии.

Вскоре генерал Н. П. Иванов представил предложения об отводе большей части соединений в тыл и доложил, что уже начата разработка плана боевой подготовки войск на 10—12 дней.

В течение ближайших двух ночей отвод основных сил соединений первого эшелона был закончен. На наблюдательных же пунктах работа продолжалась. Здесь велось круглосуточное наблюдение за противостоявшим врагом, его огневой системой, заграждениями, оборонительными сооружениями. Ночами на всем фронте армии осуществлялись разведывательные поиски. Словом, наверстывали все то, что не успели сделать раньше для тщательного изучения противника и более детального ознакомления с характером местности, главным образом на участке прорыва.

Теперь нашлось время и для лучшей отработки вопросов управления и взаимодействия войск в ходе наступления, а также для того, чтобы ближе познакомиться с командирами корпусов, дивизий и частей усиления. С этой целью я решил прежде всего провести занятие на тему предстоящей операции. Изготовили миниатюр-полигон — большой ящик с песком, на котором был воссоздан рельеф местности, переднего края и глубины обороны противника, показаны его группировка, а также близкое к реальному положение наших войск. Все были извещены заранее и соответствующим образом подготовились.

Занятие состоялось 29 ноября. Кратко напомнив решение на операцию и основные указания по взаимодействию, я предоставил слово командующему артиллерией генерал-лейтенанту артиллерии П. С. Семенову.

Он сообщил, что артиллерийская подготовка начнется мощным 20-минутным огневым налетом всей артиллерии по переднему краю и ближайшей глубине обороны противника. При этом минометы всех видов будут вести огонь по первой траншее, полковые и дивизионные группы — по второй, а также по минометным батареям и противотанковым орудиям противника на глубину 1—1,5 км, группа разрушения, включавшая артиллерию крупных калибров, — по узлам обороны в Зезюлино, Мамоново и Кошкино.

На армейскую артиллерию возлагалась задача подавить артиллерийские батареи и наблюдательные пункты противника. Группа реактивных минометов нанесет удары по скоплениям вражеских войск в районах Зезюлино, Ляхи, Осечи, Грибачи. Затем намечалось в течение часа разрушать артиллерией оборонительные сооружения противника, уничтожать его живую силу и технику. Закончится артподготовка повторным 20-минутным огневым налетом. В течение следующих 25 минут артиллерия будет сопровождать танки и пехоту подвижным огнем на глубину 600—800 м¹⁴.

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 275, л. 74.

В заключение генерал П. С. Семенов обстоятельно ответил на вопросы командиров соединений. Хотя наша совместная служба длилась пока всего неделю, но я уже неоднократно убеждался в его хорошей теоретической подготовке и большом практическом опыте. Работать с ним было легко, и вскоре мы понимали друг друга с полуслова. Что касается действий артиллерии в предстоящей операции, то он планировал их детально и безукоризненно.

Свое решение на прорыв и дальнейшее развитие боевых действий докладывал командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Федюнькин. Я уже знал, что до июля 1943 г. он командовал 11-й гвардейской стрелковой дивизией, которая весьма успешно действовала тогда севернее Орла в Болховской операции. В ходе ее он и был назначен командиром корпуса, хорошо проявив себя и в этой должности. Во всем его облике чувствовалась энергия. Докладывал он уверенно, основываясь на сравнительно небольшом, но богатом опыте.

Генерал Федюнькин наметал нанести главный удар силами 11-й гвардейской стрелковой дивизии с 10-й гвардейской танковой бригадой на участке Кriuки, Алексеенки в направлении Кошкино, Николаенки и далее на Филимоново, Ковали. Левее, в направлении Короли, Выпешки, должна была наступать 31-я гвардейская стрелковая дивизия. Второй эшелон корпуса — 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию планировалось ввести во второй день операции для развития наступления на юг¹⁵.

— Как обеспечиваете ввод в прорыв 1-го танкового корпуса? — спросил я.

— Захватываем рубеж Свинки, Горелыши, с которого и вводятся в прорыв его бригады, — ответил И. Ф. Федюнькин. — Поддерживаем танки огнем корпусной артиллерии, обеспечиваем их продвижение нашими саперными подразделениями и соответственно последнему приказу переподчиняем ему на рубеже ввода 10-ю гвардейскую танковую бригаду.

Затем получил слово командир 1-го танкового корпуса генерал-лейтенант танковых войск В. В. Бутков.

— Прошу генерала Федюнькина, — начал он, — помочь нам в преодолении минных полей, которые возможны в глубине обороны противника, огнем своей артиллерии не допустить контратак танков противника на флангах при вводе в прорыв и освободить нам дорогу на Свинки, так как объезд ее затруднен довольно болотистой местностью.

Докладывая о боевом порядке корпуса при вводе в прорыв и в ходе наступления на Городок и далее на юг, В. В. Бутков обнаружил тонкое понимание деталей поставленной задачи. И это не удивительно. Он имел большой опыт руководства танковыми соединениями, хорошо знал и остальные рода войск, умело разбирался в сложных оперативных вопросах. Под его командованием 1-й танковый корпус,

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 275, л. 45.

И. Ф. ФЕДЮНЬКИН

В. В. БУТКОВ

действуя совместно с 11-й гвардейской армией, минувшим летом сыграл большую роль при прорыве обороны противника севернее Орла.

Выслушав доклад генерала В. В. Буткова, я отдал генералу И. Ф. Федюнькину распоряжение о том, чтобы 1-я гвардейская стрелковая дивизия была введена в бой одновременно с танковым корпусом и вместе с ним наступала на Городок. В связи с этим считал необходимым кратко рассказать об успешных совместных действиях танков и пехоты в Невельской операции. Они наступали стремительно, не оглядываясь на фланги, обеспечиваемые стрелковыми частями, обходили опорные пункты врага.

— Так должен действовать и ваш корпус совместно с 1-й гвардейской стрелковой дивизией, — обратился я к генералу В. В. Буткову. — Уничтожением отдельных частей противника не занимайтесь, это сделают другие. Ваша задача — стремительно наступать на Городок и овладеть им.

Доклад о планируемых действиях 36-го гвардейского стрелкового корпуса сделал его командир генерал-майор П. Г. Шафранов. Он отметил, что основной задачей корпуса является быстрый прорыв обороны и выход в район Лаптевки на соединение с войсками 4-й ударной армии с целью окружения приозерной группировки противника в составе не менее трех дивизий. Поэтому главный удар корпус наносит на своем левом фланге силами 84-й и 16-й гвардейских стрелковых дивизий со 2-м гвардейским танковым полком во взаимодействии с 16-м гвардейским стрелковым корпусом. С выходом в район Лап-

тевки им предстоит наступать на юго-запад. Вспомогательный удар на правом фланге корпуса нанесет в направлении Езерище 360-я стрелковая дивизия. Она будет взаимодействовать с группой генерала А. С. Ксенофонтова с целью окружения противника севернее Езерище¹⁶.

Это полностью соответствовало плану операции. Но следовало также учесть, что могла возникнуть необходимость повернуть 84-ю гвардейскую стрелковую дивизию на северо-запад с целью быстрейшего уничтожения окружаемой группировки противника. Пришлось указать на это генералу П. Г. Шафранову. Но он был достаточно опытен, чтобы не заметить столь существенного обстоятельства. Возглавляя сначала 16-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а в дальнейшем корпус в тех же летних боях под Орлом и затем под Брянском, генерал П. Г. Шафранов показал себя не только волевым и оперативно грамотным, но и инициативным командиром. И я не удивился, когда он ответил:

— Предусмотрен и возможный поворот 84-й на северо-запад.

Что касается командира 8-го гвардейского стрелкового корпуса — энергичного и решительного генерал-лейтенанта П. Ф. Малышева, то ему не пришлось докладывать. Как уже отмечено, одна из его дивизий — 5-я гвардейская была включена в группу генерала А. С. Ксенофонтова. Другую — 26-ю в предшествующие дни фронт временно подчинил 4-й ударной армии. После этого мне оставалось лишь вывести в армейский резерв единственную оставшуюся в корпусе 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В результате оказалось как бы в резерве и управление этого корпуса.

Генерал П. Ф. Малышев, естественно, был весьма огорчен тем, что корпусу не придется участвовать в боевых действиях на первом этапе операции. Но я выразил уверенность, что корпус сыграет важную роль на последующих этапах, когда ему предстоит после овладения Городком выйти в район западнее Витебска.

В то же время 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию, находившуюся пока в армейском резерве, имелось в виду ввести в бой с целью наступления либо на юго-запад для развития прорыва, либо на север для окружения и разгрома приозерной группировки противника.

В связи с этим я предложил командиру дивизии генерал-майору Я. С. Воробьеву доложить предполагаемый характер ее действий в том и другом случае, что он и сделал со знанием дела.

Заканчивая занятия, я напомнил всем собравшимся, что необходимо продолжать напряженную подготовку к операции в соответствии с планом.

Время шло, а погода не улучшалась. Продолжались дожди, иногда со снегом. Поэтому и дороги, несмотря на ремонтные работы, не удавалось привести в хорошее состояние. Все же подвоз в войска

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 275, л. 44.

П. Г. ШАФРАНОВ

П. Ф. МАЛЫШЕВ

боеприпасов и всего необходимого продолжался, и постепенно накапливались нужные запасы.

В начале декабря мы с П. Н. Куликовым по вызову генерала И. Х. Баграмяна прибыли на заседание Военного совета фронта. Я доложил о ходе подготовки армии к операции. Затем Иван Христофорович позвонил в Москву генералу А. И. Антонову. Сообщив, что пока еще не скованы льдом ни болота, ни речки Овсянка и Кабишпанка, находящиеся в полосе предстоящего наступления, и что, по данным синоптиков, неблагоприятная погода продержится еще в течение двух недель, он просил отложить начало операции на это время.

— Алексей Иннокентьевич, — озабоченно говорил он, — не хотелось бы первую мою фронтовую операцию начинать в такую погоду, которая может во многом ее осложнить. Как нам быть?

Ответных слов А. И. Антонова мы не слышали. Но по тому, как проянилось лицо И. Х. Баграмяна, догадались: Генштаб не возражает против отсрочки. И действительно, положив трубку, командующий фронтом сообщает:

— Антонов обещал доложить Верховному Главнокомандующему и поддержать нашу просьбу.

На следующий день мы получили от Военного совета фронта распоряжение продолжать подготовку к операции и ждать дополнительного указания о времени ее начала.

Приготовления велись с максимальным напряжением. Мы продолжали накапливать боеприпасы, готовить штабы и войска. Отдел

боевой подготовки армии во главе с подполковником А. Т. Воронцовым срочно составили программу обучения еще на две недели. В основе ее лежало требование учить войска тому, с чем они столкнутся в предстоящих боях. Занятия велись в соответствии с Боевым уставом пехоты 1942 г. и проектом Полевого устава 1943 г. Подразделения и части учились атаке вражеских траншей с системой дзотов, быстрому прорыву тактической обороны на глубину 5—6 км, обходу опорных пунктов, преследованию противника, закреплению захваченных рубежей.

Стрелковые взводы и роты тренировались в быстром развертывании для атаки, ведении залпового огня, наступлении в небольших колоннах отделений за танками. Во все дивизии были направлены группы офицеров штаба армии и управлений начальников родов войск, что обеспечило тщательную отработку взаимодействия стрелковых подразделений с артиллерией, в том числе орудиями сопровождения, с танками, саперами.

Офицерский состав совершенствовал навыки командования подразделениями, особенно взводами и ротами на поле боя, управления огнем, взаимодействия. Большое внимание уделялось подготовке штабов батальонов и полков. На занятиях они тренировались вместе со своими подразделениями. Тактические учения части проводили с боевыми стрельбами, в которых участвовали пулеметы, минометы и артиллерия. Здесь мы стремились добиться четкого взаимодействия всех видов огня, его сочетания с движением войск вперед. Пулеметчики, минометчики, расчеты орудий сопровождения учились вести огонь в промежутки между наступающими стрелковыми взводами.

В ходе подготовки во всех стрелковых полках были выделены штурмовые батальоны, предназначенные для действий в первом эшелоне при прорыве обороны противника. Их обучали стремительной атаке, обходу его опорных пунктов. Каждый такой батальон усиливался 8—10 танками, батареями 76-мм орудий, батареями 45-мм орудий, одним-двумя орудиями 122 мм, которые должны были вести огонь прямой наводкой по дзотам или бетонированным огневым точкам, саперной ротой, взводом огнеметчиков. Один из взводов в каждой роте штурмового батальона был полностью вооружен автоматами.

Проводились такие учения на специально оборудованных участках местности, в основном соответствовавших тем, где батальонам предстояло действовать при прорыве. Здесь отрабатывались занятие исходного положения, атака за огневым валом, взаимодействие пехоты, танков, артиллерии и саперов при наступлении в глубине вражеской обороны. Пехота училась не только «прижиматься» к разрывам снарядов своей артиллерии, но также и передвигать в боевых порядках орудия сопровождения, что неизбежно должно было потребоваться ввиду трудных условий местности. 122-мм орудия в этих случаях предстояло буксировать танками.

Наряду с боевой учебой значительная часть личного состава по-прежнему работала на подноске боеприпасов и продовольствия. Правда, мы приблизили армейские базы снабжения, а головные отделения

всех полевых артиллерийских складов перебросили в районы Скураты и Фролово, расположенные к востоку от Бол. Будницы. Это значительно уменьшило протяженность путей подвоза. Но дороги настолько раскисли от дождей, что даже трехосные грузовики застревали в грязи.

Поэтому и пришлось пойти на крайние меры. В дивизиях были составлены планы доставки всего необходимого для наступления. Штабы разработали график, предусматривавший поочередное выделение из каждой дивизии подразделений общей численностью до 2 тыс. бойцов ежедневно из состава частей, находившихся в глубине полосы армии. Были также намечены маршруты движения, установлены нормы для каждого красноармейца с учетом, конечно, его сил. Ведь каждому из них предстояло взвалить на носилки, а то и на плечо полутора-двухпудовый снаряд или другой соответствующий груз и тащить его по бездорожью 15—20 км.

И тащили. Понимали, что иного выхода нет. Знали, что это поможет подготовить мощную артиллерийскую поддержку во время наступления, обеспечить достижение успеха с меньшими потерями. А потому и делали, казалось бы, невозможное. Только за период с 1 по 5 декабря таким способом были доставлены тысячи тонн снарядов и мин, много продовольствия. В результате к началу наступления удалось накопить в войсках почти 1,5 боекомплекта снарядов и мин, 1,5 заправки горючего для автотранспорта, 3,8 заправки для танков, почти 7-суточный запас продовольствия.

Каждая дивизия выделяла также от 300 до 500 вьючных лошадей в день. Но все же основное количество грузов поднесли вручную бойцы. В среднем в этот период ежедневно работало на доставке боеприпасов и продовольствия около 14 тыс. человек¹⁷.

Это был поистине настоящий подвиг воинов армии, создавший одну из самых необходимых предпосылок для осуществления намеченной операции.

Одновременно проводились и другие подготовительные мероприятия. Так, было развернуто в первой линии 7 госпиталей и во второй — 12 и 4 эвакуационных пункта. Максимальное приближение к войскам этапов эвакуации раненых, как и в целом работа по материально-техническому и медико-санитарному обеспечению предстоящей операции в условиях дождей, бездорожья, непролазной грязи, потребовала больших усилий от работников войскового и армейского тыла. Они успешно справились со своей задачей под руководством начальника тыла армии генерал-майора интендантской службы Ф. З. Лазаревича, его заместителя по политчасти полковника Ю. Б. Ибатулина и начальника медико-санитарной службы полковника медицинской службы В. И. Потапова.

Если учесть, что значительная часть личного состава наряду с боевой учебой по-прежнему работала на подноске боеприпасов, то

¹⁷ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 5.

легко понять, какого большого напряжения сил потребовала подготовка к операции.

В этих условиях особенно велика была роль политорганов и партийных организаций. Они активно помогали командирам в успешном выполнении намеченных мероприятий. Армия имела сильную и полнокровную партийную организацию, насчитывавшую на 13 декабря 1943 г. 28 647 членов и кандидатов в члены партии¹⁸. Число комсомольцев составляло 19 848¹⁹. Личный пример коммунистов и комсомольцев, повседневная разъяснительная работа в частях и подразделениях способствовали успешному проведению боевой учебы и всех многочисленных подготовительных мероприятий.

Партийно-политическая работа в войсках армии и в этот период была направлена на разъяснение задач по дальнейшей борьбе за полное освобождение советской земли от оккупантов. Весь личный состав широко информировался о новых успехах Красной Армии, особенно на юге, где наши войска, преодолев Днепр и освободив Киев, развернули бои за очищение Правобережной Украины от противника. Враг был уже изгнан и из восточных районов Белоруссии, в полном освобождении которой предстояло участвовать и нашей армии. Это задача, понятная и близкая каждому бойцу, усиливала наступательный порыв войск, их готовность к новым ударам по несправедливым захватчикам.

Опыт наступательных боев 1942—1943 гг. был широко использован и в воспитательной работе. Наряду с политической информацией большое место в ней заняли практические вопросы подготовки операции. Во всех частях и подразделениях политработники совместно с командным и начальствующим составом добивались повышения боевой готовности частей, подразделений, отдельных бойцов. Проверялись состояние оружия, снаряжения и обмундирования, наличие продовольствия и боеприпасов, организация их распределения, хранения и доставки.

Эффективная помощь политработников в устранении недостатков также способствовала повышению действенности агитационно-пропагандистских мероприятий. Важную роль сыграло и то, что по указанию Военного совета армии перед наступлением все политработники находились в траншеях первого и второго эшелонов, проводили короткие беседы с бойцами.

С огромным воодушевлением встретили солдаты, сержанты и офицеры приказ о наступлении.

Сразу же после его получения состоялись партийные и комсомольские собрания. Их участники поклялись вновь быть первыми в бою, вести за собой всех воинов. В частях и подразделениях проводились короткие беседы по разъяснению поставленных задач. Там, где позволяла обстановка, состоялись митинги. В 84-й гвардейской стрелковой дивизии приказ на наступление был получен одновремен-

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2086, д. 21, л. 46.

¹⁹ Там же, ф. 358, оп. 203670, д. 1, л. 375.

но с вручением боевых знамен частям и наград отличившимся в предшествующих боях. Здесь царила особенно торжественная обстановка. В подразделениях были организованы беседы о чести знамени и священном воинском долге. 783 воина дивизии получили ордена и медали²⁰.

С большим подъемом прошли митинги и беседы во всех частях, изготовившихся к новому удару по врагу. О воодушевлении, охватившем воинов армии, об их высоком наступательном порыве ярко свидетельствовали взволнованные выступления бойцов и командиров.

Так, комсомолец рядовой Босарев говорил на митинге в своей части: «Комсомольцы нашего подразделения с честью выполнят приказ о наступлении. Всю ненависть, которая накопилась в нас к врагу, мы вольем в мощный огонь своего оружия». А боец Каримов заявил: «Наш народ с нетерпением ждет, когда мы разобьем врага. Скоро мы пойдем в бой, и каждый из нас отдаст все, чтобы выполнить боевой приказ Родины»²¹.

Приказ звал в бой.

²⁰ Там же, ф. 367, оп. 5938, д. 53, л. 57.

²¹ Там же, л. 59.

Гвардейцы наступают

Трудный день

Указание фронта начать операцию 13 декабря мы получили за три дня до этой даты. Погода несколько улучшилась, начались заморозки, поля покрылись легким снегом, дороги стали более проходимыми. Да и нельзя было больше оттягивать операцию. Этого не позволяли обстоятельства, имевшие важное значение не только для нашего фронта, но и для других.

В то время готовилось большое наступление войск Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов. Оно должно было начаться в первой половине января 1944 г. Было совершенно очевидно, что войска нашего 1-го Прибалтийского фронта должны нанести удар раньше. Противник в этом случае будет скован в маневре и не сможет перебросить под Ленинград свои резервные дивизии. Наш удар мог также вынудить врага оттянуть сюда значительную часть сил, быть может, и с Ленинградского фронта. Наконец, сковав и громя довольно значительную группировку немецко-фашистских войск, мы тем самым должны были содействовать успеху и на юго-западном направлении.

11 и 12 декабря я провел в передовых частях. Убедился, что приказание о создании укрытий для войск и техники на исходных позициях в основном выполнено. Так, в полках 11-й и 16-й гвардейских стрелковых дивизий и во всей четырехкилометровой глубине их районов сосредоточения были оборудованы блиндажи, землянки и другие укрытия не только для людей, но даже для лошадей и боевой техники.

Заботились мы об этом по очень простой причине: противник мог и упредить нас. Если бы ему удалось установить нашу готовность к наступлению, он, несомненно, постарался бы первым открыть огонь. Вот и пригодились бы укрытия!

Удовлетворяла и в целом готовность войск. Я чувствовал уверенность в их силе, в умении громить врага, в их воле к достижению успеха, в опыте и мастерстве командиров соединений и частей. Но старый солдат всегда перед боем озабочен. Хочется мысленно заглянуть вперед, предусмотреть все, в том числе и худший вариант раз-

вертывания событий. Как всегда тревожил вопрос: что еще нужно сделать, чтобы выполнить задачу с меньшими потерями? Впереди трудные, кровопролитные бои на пути к окончательной победе, и, конечно, не всем нам суждено дожить до нее. Но чем искуснее мы войдем, тем меньше теряем людей и тем большему их числу доведется до конца участвовать в борьбе с врагом и увидеть великое торжество Победы, вернуться к близким, к мирному труду.

С этими мыслями возвратился я вечером 12 декабря в штаб армии. Перед боем — последний взгляд на карту, последняя проверка: все ли предусмотрено, полностью ли учтены возможные действия противника?

В том, что он будет упорно сопротивляться, сомнений нет. Так же ясно, что вражеское командование немедленно начнет перебрасывать к месту нашего удара новые части. Но откуда? От этого зависело решение о том, по каким узлам железных и шоссейных дорог лучше всего нанести удар фронтовой авиацией, чтобы помешать или хотя бы задержать подход резервов противника. А если 3-й воздушной армии не удастся добиться такого успеха? Следовательно, даже прорвав тактическую зону обороны врага, мы будем вынуждены вести тяжелые, затяжные бои в глубине.

И тут опять возникнет проблема боеприпасов. Их у нас и сейчас не густо, могло бы быть побольше, чтобы надежнее обеспечить взлом обороны противника. А как будет в глубине? Вот рядом с картой лежит новый прогноз погоды. Синоптики опять предсказывают волну потепления. И если теперь мы подносили снаряды за 15—20 км, то ведь с продвижением войск вперед линия снабжения растянется на 40—50 км и более. Причем все подразделения и части будут вести боевые действия, и вряд ли удастся отрывать их для подвоза боеприпасов.

Потепление и неизбежные при этом туманы, облачность угрожали нам и такой опасностью, как ограничение действий авиации. Если это произойдет в последующие дни, то еще полбеды. Но стоит погоде испортиться в самом начале нашего наступления, и тогда окажется под вопросом успех действий по прорыву обороны, мы не сможем помешать подходу вражеских резервов, будем вынуждены отражать их контрудары.

И вот эта оперативная карта с нанесенными на пей стрелами наших ударов и сроками их завершения уже не даст ответов на все могущие возникнуть задачи, их придется решать в ходе боя. Причем решать так, чтобы при любых трудностях и осложнениях добиться успеха. Да и могли же синоптики ошибиться!..

Увы, многие из этих тревожных предположений оправдались. Но не будем забегать вперед.

Под утро 13 декабря вместе с П. Н. Куликовым я прибыл на свой наблюдательный пункт. Он был оборудован на высоте 213,3 в районе населенного пункта Бородушки в 2 км от линии фронта на направлении главного удара. Сюда же приехали генерал П. С. Семенов, начальник оперативного отдела полковник Ф. Н. Бобков с двумя

своими старшими помощниками майорами Ф. Д. Свердловым и И. Ф. Скоковым, начальник разведки подполковник И. И. Чесаков. Им предстояло помогать в управлении войсками. Здесь и заместитель командующего 3-й воздушной армией генерал-майор авиации Н. И. Синяков.

Занялся поздний декабрьский рассвет. Часы показывают половину девятого. Вглядываюсь в оборону противника — там пока спокойно, на переднем крае — обычная слабая перестрелка. Но небо не сулит ничего хорошего. Пасмурно, низкая облачность. Словно назло прогноз погоды начал сбываться как раз к началу наступления. И генерал-майор авиации Н. И. Синяков тут как тут.

— Погода не позволяет использовать авиацию, — докладывает он. — Может быть, сможем во второй половине дня...

Остается лишь ответить:

— Будем надеяться. — Тут же обращаюсь к генералу П. С. Семенову: — Придется переложить на армейскую артиллерию часть задач авиации, особенно по уничтожению артиллерийских батарей противника в районах Кошкино, Зезюлино и севернее, усилить огонь армейской группы за счет одной из артиллерийских бригад 36-го гвардейского стрелкового корпуса.

Генерал Семенов уходит, чтобы отдать необходимые распоряжения. Теперь докладывает полковник Бобков:

— Пехота и танки полностью заняли исходное положение. Все проходы для них в своих и вражеских минных полях и проволочных заграждениях сделаны и приняты командирами соответствующих подразделений. Командиры соединений докладывают: войска готовы к наступлению. Связь со всеми работает устойчиво.

Это хорошо. Но теперь все зависит от артиллерии. Возвращается генерал Семенов.

— Артиллерия готова к открытию огня. Подавление артиллерийских батарей противника будет усилено. Начинаем вовремя?

Смотрю на часы. Стрелки приближаются к девяти.

— Ровно в девять давайте сигнал.

Через несколько минут раздался первый залп гвардейских реактивных минометов. Вслед за тем открыли огонь артиллерия и минометы. Более полутора тысяч стволов обрушили шквал огня на вражеские позиции. В стереотрубу видно, как разлетаются во все стороны бревна разбитых блиндажей, сплошные взрывы покрывают передний край обороны противника. Спустя 20 минут — огонь на разрушение оборонительных сооружений. Проходит еще полчаса. Канопада гремит не умолкая. Но каковы ее результаты?

— По докладам командиров артиллерийских групп, — сообщает П. С. Семенов, — первый налет удачен. Артиллерия противника не отвечает, почти не ведут огня и его минометы и пулеметы. Судя по допесениям, подавлено много вражеских огневых точек и батарей.

Я был настроен не столь оптимистично. Вероятно, действительно удалось подавить немало огневых средств противника. Но, конечно, не все и даже не большую их часть. Ведь нам они почти не видны.

Авиация действовать не может, а артиллерии приходится вести огонь не по целям, а по площадям. Между тем после первых же ее выстрелов фашисты, наверняка, отвели свои уцелевшие орудия, минометы и пулеметы в укрытия, а после окончания нашей артиллерийской подготовки вновь выдвинут их и начнут бить по нашим наступающим пехоте и танкам. Весь вопрос в том, где и сколько их, этих уцелевших...

— По окончании запланированной артиллерийской подготовки, — приказываю генералу Семенову, — произведите повторный огневой налет по переднему краю обороны и по всем ранее обнаруженным и считающимся подавленными артиллерийским и минометным батареям противника.

Приказание выполнено. После этого, в 11 часов, артиллерия перенесла огонь в глубину вражеской обороны, и над передним краем взвились красные и зеленые ракеты.

Началась атака.

В который раз с неизменным волнением смотрю, как стремительно выскакивают из окопов сотни бойцов и, возглавляемые командирами, бегут к траншеям противника. Вот их обгоняют танки. Гитлеровцы встречают огнем, но пока что редким. Разрывы вражеских снарядов не часты. Но радоваться еще рано. И действительно, с каждой минутой усиливается огонь вражеских минометов и орудий, все чаще то там, то тут посреди боевых порядков наступающих возникают багрово-дымные вспышки взрывов.

Даю команду:

— Огневой вал задержать на втором рубеже, подавить вражеские батареи.

Но и эта мера не привела к нужному результату. Правда, передовым подразделениям удалось ворваться на передний край. Вот уже захвачена почти вся первая линия окопов. Но дальше продвинуться пехота не смогла. Ей пришлось залечь. Вражеский огонь продолжал усиливаться.

Теперь уже не было сомнений, что перед нами сильный противник, который даже после мощной артиллерийской подготовки сохранил значительные огневые средства и организованное управление войсками. Конечно, он понес большие потери, но, видимо, в основном лишь на переднем крае, где усилия нашей артиллерии были весьма эффективными. Другое дело — артиллерийские и минометные батареи в глубине обороны, вражеские опорные пункты в деревнях, скрытые от наземного наблюдения. Многие из них уцелели. Вот почему артиллерия врага открыла массированный огонь уже через семь—десять минут после того, как наша пехота и танки двинулись в атаку.

Поступающие донесения подтверждают, что особенно сильными огневыми средствами враг располагал в районах Зезулино и Мамоново. Там его орудия били прямой наводкой.

Хорошо, что мы позаботились обеспечить наступающие войска достаточным количеством артиллерии. В стереотрубу вижу, как интенсивно ведут огонь орудия 84-й гвардейской стрелковой дивизии

генерал-майора Г. Б. Петерса (заместитель по политчасти — полковник П. П. Евсеев). И ее пехота, как и части 16-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Е. В. Рыжикова (заместитель по политчасти — полковник А. А. Котунов), вместе с танками продолжают продвигаться вперед.

Все же и здесь наступление идет медленным темпом. Только к 16 часам первые эшелоны полков частично овладели второй линией траншей. В центре участка прорыва наши подразделения вышли даже к линии опорных пунктов, расположенных по высотам и в населенных пунктах Зезюлино, Мамоново, Кошкино, продвинувшись на глубину до 1 км. Для того, чтобы овладеть этими опорными пунктами, командиры полков в 16 часов 30 минут ввели в бой и свои вторые эшелоны. Но и они вследствие чрезвычайно сильного огня противника почти не имели продвижения. Не следовало ли ввести их в бой еще раньше, быстрее наращивать силу удара?..

Уже несколько раз звонил генерал Баграмян, но я пока ничем не мог порадовать командующего фронтом. Нужны были новые усилия.

Вызываю по телефону генерала И. Ф. Федюнькина, чьи войска лишь на правом фланге овладели второй траншеей. Собираюсь указать ему на медленное наращивание удара. Но вот он докладывает:

— Противник подтянул к участку прорыва резервные части 129-й пехотной дивизии. Несколько их контратак силою до двух батальонов, поддержанных артиллерией, отражены подразделениями 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Противник понес при этом значительные потери, но продвижение наших частей задержано.

Это первые последствия того, что в самом начале наступления войска не были поддержаны ударами с воздуха и в дальнейшем авиационным обеспечением. Пользуясь свободой маневра, враг, несомненно, подводит и другие резервы. Следовательно, не только усилится его противодействие, но можно ожидать и мощного контрудара. Как важно сейчас осуществить более глубокий прорыв хотя бы и на узком участке! Указываю на это генералу И. Ф. Федюнькину. Добавляю:

— Слабо используете артиллерию. Вы имеете сотни стволов. Пока не стемнело, ударьте одновременно и по передовым вражеским частям, и по их глубине.

Огонь артиллерии 16-го гвардейского стрелкового корпуса сразу же усилился. Однако и это не обеспечило продвижения на его участке. А день постепенно уходит. Неужели он так и не принесет успеха?

Но вот у телефона командир 36-го гвардейского стрелкового корпуса генерал П. Г. Шафранов. Он сообщает первую обнадеживающую весть: 84-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Г. Б. Петерса вышла к шоссе Невель — Городок, продвинувшись на 2 км¹.

— Противник контратакует, — докладывает генерал Шафранов. — Подавляем его сосредоточенным огнем артиллерии. Хуже в 16-й гвардейской стрелковой дивизии. Она продвинулась лишь на 400—

¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 203, д. 1, л. 214.

600 м. Остановлена пулеметно-артиллерийским огнем. Там засечены 15 станковых пулеметов противника, одновременно ведущих огонь на участке 49-го гвардейского стрелкового полка, и по 17 пулеметов на участках 43-го и 46-го гвардейских стрелковых полков, а также два артиллерийских дивизиона, одна 150-мм батарея и пять-шесть минометных батарей.

Оценивая обстановку, можно было, разумеется, еще и еще раз повторять себе, что причины неудачи первых часов атаки — в отсутствии авиационной поддержки, в слабой эффективности артиллерийской подготовки. Стало также ясно, что мы недостаточно разведали огневую систему противника в его ближайшей глубине. Потому и не справилась наша артиллерия с ее подавлением, особенно на рубеже высот Зезулино, Мамоново. В результате в ходе атаки нашей пехоты и танков по ним вели огонь до 25 артиллерийских и минометных батарей противника. Видимо, нужно было выделить больше артиллерии для стрельбы прямой наводкой, чтобы подавить станковые пулеметы и орудия противотанковой обороны.

Не мог я не видеть, что уже в эти часы в связи с осложнившейся обстановкой дала себя знать ограниченность наших запасов снарядов и мип, вынуждавшая строго лимитировать их расход. Противник же, как теперь ясно, имеет больше боеприпасов и расходует их без оглядки на снабжение. В результате, имея на участке прорыва в четыре-пять раз большее количество артиллерийских стволов, мы оказались не в состоянии использовать такое значительное превосходство.

Теперь не оставалось сомнений и в том, что полки с онезданием ввели в бой вторые эшелоны, так как передовые батальоны нуждались в поддержке сразу же после овладения первой траншеей. А это было еще в 12—13 часов. Но так как они в это время оказались в ходе атаки за грядой холмов, то их уже не видели некоторые командиры полков, управлявшие боем по телефону со своих старых наблюдательных пунктов. Между тем такая связь при плотном артиллерийском огне противника оказалась недостаточно надежной.

Словом, крайне неблагоприятное сочетание невыгодных для нас условий, при которых началась операция, с совершенно очевидными промахами в первые часы наступления. И вот результат — задача дня не выполнена.

Здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство. Как уже говорилось, нарастающие удары Красной Армии вынудили немецко-фашистское командование искать наиболее выгодные для оборонительных действий рубежи, тщательно укреплять их, создавая глубокую, многополосную оборону и насыщать ее большим количеством огневых средств. Поэтому и в описываемое время, и в последующий период войны вплоть до ее окончания наступательные действия наших войск далеко не всегда приносили успех сразу. Несколько забегаю вперед, напомним, что даже невиданная по масштабам и мощи артиллерийская и авиационная подготовка, с которой в апреле 1945 г. начал Берлинскую операцию 1-й Белорусский фронт, не обес-

печила подавления значительной массы вражеских огневых средств на рубеже Зесловских высот.

И тем не менее как в тот раз, так и в бесчисленных предшествующих наступательных операциях войска Красной Армии прорывали оборону противника, несмотря на все его ухищрения. Неизменно побеждало советское военное искусство, одной из отличительных черт которого является гибкая стратегия и тактика, позволявшие быстро оценивать все изменения и осложнения в обстановке, решительно вносить коррективы в первоначальные планы больших и малых операций и новыми путями выходить к намеченным целям.

Такая задача возникла к вечеру 13 декабря и перед 11-й гвардейской армией.

Рождение успеха

— Возможно, стоит усилить удар вводом в бой полков второго эшелона дивизий? — заметил пачальник оперативного отдела полковник Ф. П. Бобков.

— И поддержать их армейской артиллерией? — добавил генерал П. С. Семенов.

Нет, это не годилось. В условиях, когда враг уже успел расставить свои огневые средства на почти невидимых для наших артиллеристов позициях, да и к тому же усиленно подводил резервы, ввод в бой вторых эшелонов дивизий на всем участке прорыва мог привести лишь к напрасным потерям. Но тогда где же выход? Найти наиболее уязвимое место в обороне противника и там сосредоточить основные усилия? Да, это элементарная истина. И такое место мы уже знаем — участок 84-й гвардейской стрелковой дивизии, которая прорвалась к шоссе Невель — Городок, оседлала его и закрепилась.

Прорыв и там невелик — всего полтора километра по фронту и около двух — в глубину. Но не это останавливает. Прорыв можно расширить. Главная беда в том, что в соответствии с поставленной задачей нам следует наступать на юго-запад, а направление прорыва на участке 84-й гвардейской стрелковой дивизии ведет на запад. Но так ли уж это плохо? Ведь ударив на запад, на Сурмино, мы при успешном развитии прорыва получим возможность повернуть оттуда на юго-запад, на Меховое. Более того, при этом улучшатся условия для окружения и разгрома находящейся севернее езерещинской группировки врага и в то же время мы выйдем на фланг сосредоточенной южнее городокской группировки.

Так родилось новое решение. Конечно, оно требовало быстрой перестройки плана операции. Но при этом можно было не менять состав войск первого оперативного эшелона, направив основные усилия остальных соединений армии на новое направление. Там пужно сосредоточить всю мощь огня армейской артиллерии и на том же участке ввести в сражение 1-й танковый корпус, усилив его стрелковой дивизией.

Еще несколько минут вглядываюсь в карту. И вот отброшены все сомнения. Действовать нужно только так, и успех будет обеспечен.

Объявляю решение. Полковник Бобков получает приказание подготовить соответствующее распоряжение войскам, в том числе и о перегруппировке в течение ночи эшелона развития прорыва. Генералу Семенову ставлю задачу на артиллерийское обеспечение удара на участке 84-й гвардейской стрелковой дивизии.

Теперь нужно отправиться на этот участок, поближе познакомиться с командиром дивизии генералом Г. Б. Петерсом, помочь ему в подготовке завтрашней атаки. Со мной едет старший помощник начальника оперативного отдела армии майор Ф. Д. Свердлов.

Минут через сорок мы были на наблюдательном пункте командира 84-й гвардейской стрелковой дивизии. Генерал Петерс доложил, что его части вышли на рубеж в 400—500 м западнее шоссе. Дальнейшее продвижение остановлено сильным огнем и контратаками противника. Выслушав, я кратко обрисовал ему обстановку в полосе наступления армии, откровенно сказал:

— Вся надежда, Георгий Борисович, на успех вашей дивизии. — Затем рассказал о намечаемых на завтра действиях на участке 84-й гвардейской. — Сейчас вам пужно выдвинуть вперед часть артиллерии и поставить ее для стрельбы прямой наводкой вдоль шоссе, с тем чтобы не допустить здесь дальнейших контратак противника. Главная задача дивизии — при поддержке всей армейской артиллерии обеспечить завтра с утра ввод 1-го танкового корпуса. Свой наблюдательный пункт выдвиньте на шоссе, лично организуйте взаимодействие артиллерии и пехоты.

Генерал Г. Б. Петерс ответил коротко, уверенно:

— Все будет исполненно.

— Часа через два, — сказал я ему на прощанье, — к вам приедет генерал В. В. Бутков. Уточните с ним направления движения танковых бригад, окажите им помощь всей имеющейся у вас артиллерией и атакуйте своими полками вслед за танками. Генералу П. Г. Шафранову будет отдано приказание поддержать и танковый корпус, и вас основными силами корпусной артиллерии, а слева — ударом 16-й гвардейской стрелковой дивизии.

Хорошую мысль подал при этом разговоре майор Ф. Д. Свердлов. Он предложил одну из артиллерийских бригад корпусной группы придать непосредственно танковому корпусу. Действительно, этим можно было облегчить генералу В. В. Буткову задачу взаимодействия танков с артиллерией. Поэтому я поручил Ф. Д. Свердлову немедленно передать от моего имени соответствующее распоряжение генералу П. С. Семенову или начальнику его штаба полковнику Б. И. Беляеву и направить командира переподчиняемой артиллерийской бригады на новый НП генерала Г. Б. Петерса. Уезжая, оставил здесь же и майора Ф. Д. Свердлова для помощи в организации взаимодействия пехоты, танкового корпуса и артиллерии.

Далее было необходимо поставить задачи на завтрашний день тем соединениям, которые привлекались к осуществлению нового

решения. Это были 1-й танковый корпус и находившаяся в армейском резерве 83-я гвардейская стрелковая дивизия 8-го гвардейского стрелкового корпуса. Поэтому, возвратившись в штаб, приказал вызывать их командиров генералов В. В. Буткова и Я. С. Воробьева. Затем позвонил командующему фронтом, доложил о неудаче первого дня наступления и принятом мною решении. Генерал И. Х. Баграмян отнесся очень внимательно к изменениям, вносимым в план, дал ряд полезных советов, обещал помочь авиацией. Новое решение он одобрил.

К этому времени прибыли генералы В. В. Бутков и Я. С. Воробьев. Уточнил ранее поставленные им задачи. Изменялся рубеж ввода танкового корпуса в сражение, направление же действий оставалось прежним. Завтра с утра, используя успех 84-й гвардейской стрелковой дивизии, он должен был в ее полосе нанести удар сначала на запад, а затем на юг вдоль шоссе и овладеть Городком².

Сообщив, что усиливаем корпус артиллерийской бригадой и что ее командир уже находится на наблюдательном пункте генерала Г. Б. Петерса, предложил и В. В. Буткову выехать туда же для согласования взаимодействия.

Генералу Я. С. Воробьеву было приказано подготовить 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию к вводу завтра в полдень в прорыв вслед за танковым корпусом. Последующая задача — развить успех в западном и северо-западном направлении и во взаимодействии с 5-й гвардейской и 29-й стрелковыми дивизиями окружить езериченскую группировку противника, поступив при этом в распоряжение командира 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта П. Ф. Малышева, который объединит войска, действующие южнее озерного района.

Вместо дивизии генерала Я. С. Воробьева в армейский резерв выводилась 1-я гвардейская стрелковая дивизия из состава 16-го гвардейского корпуса. В последующем имелось в виду ввести ее в прорыв между 84-й и 83-й гвардейскими стрелковыми дивизиями для развития успеха на юго-запад.

Остальным дивизиям первого эшелона армии была поставлена задача в течение ночи продолжать активную разведку, привести части в порядок и с 8 часов утра 14 декабря возобновить наступление на своих участках. Это вряд ли могло привести к их успеху, так как противник продолжал усиливать свою оборону. Но зато мы могли сковать его главные силы левее участка 84-й гвардейской стрелковой дивизии и тем самым создать более благоприятные условия для ввода 1-го танкового корпуса, а затем и 83-й гвардейской стрелковой дивизии.

Эти предположения полностью оправдались.

С рассветом следующего дня противник вновь начал контратаки. Он предпринимал их по всему фронту, действуя на узких участках силами до батальона пехоты при поддержке 7—15 танков и штурмовых орудий.

² Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 17.

Г. Б. ПЕТЕРС

Я. С. ВОРОБЬЕВ

Контратаки, в которых участвовали подошедшие за ночь части 20-й танковой дивизии, не были для нас неожиданностью. Дивизии первого эшелона к ним готовились и потому успешно их отразили. Правда, при этом действовавшие на левом фланге и в центре 16, 11 и 31-я гвардейские стрелковые дивизии почти совсем не продвинулись вперед. Но это объяснялось тем, что противнику пришлось сосредоточить против них крупные силы, что, по-видимому, и помешало ему отразить наш главный удар на участке 84-й гвардейской стрелковой дивизии.

Части этой дивизии совместно с выдвинутой вперед 159-й танковой бригадой 1-го танкового корпуса под командованием полковника С. П. Хайдукова (заместитель по политчасти — майор А. В. Павлов) возобновили наступление рано утром. 243-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал полковник П. Г. Чурусов (заместитель по политчасти — майор К. И. Скорик), вскоре вместе с танками продвинулся вперед и достиг района Пыльки. К югу от этого населенного пункта вышел и действовавший левее 247-й полк под командованием полковника И. И. Василенко (заместитель по политчасти — майор А. Я. Богач). Вслед за 159-й в прорыв вошла также 117-я танковая бригада подполковника А. С. Воронкова (заместитель по политчасти — подполковник А. К. Чибизов) и 44-я мотострелковая полковника Г. Г. Скрипка³.

³ Архив МО СССР, ф. 367, оп. 5938, д. 53, л. 632.

Генералы Г. Б. Петерс и В. В. Бутков умело руководили боем, хорошо организовали взаимодействие пехоты, танков, артиллерии.

Успешно наступая и уничтожая противника, танкисты совместно с частями 84-й гвардейской стрелковой дивизии к середине дня продвинулись вперед на 4 км. При этом генерал В. В. Бутков был тяжело контужен. Когда об этом мне сообщил по телефону начальник его штаба полковник Д. А. Биберган, ему было приказано немедленно отправить генерала в госпиталь, а самому вступить во временное командование корпусом и выполнять прежнюю задачу — нанести стрелительный удар вдоль Невельского шоссе на юг, на Городок.

Как вскоре выяснилось, корпус встретил на своем пути несколько опорных пунктов врага. Учитывая болотистый характер местности, их следовало не обходить, а разгромить противника и продолжать наступление вдоль шоссе. Однако полковник Биберган вместо этого решил, причем без достаточной предварительной разведки, совершить маневр по бездорожью западнее населенного пункта Подгрудники⁴. Сопротивление противника здесь, действительно, было слабее, но много танков завязло в топком грунте, и их пришлось вытаскивать, на что корпус потерял много драгоценного времени. И это в условиях, когда обозначился успех и нужно было быстро развивать его!

Еще в середине дня, как и намечалось, была введена в бой 83-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Я. С. Воробьева (заместитель по политчасти — полковник М. А. Потапов). Она сразу же начала быстро продвигаться вперед, нанеся противнику серьезные потери. Ею были взяты и первые группы пленных. Успех 83-й гвардейской стрелковой дивизии улучшил условия для наступления действовавшей правее 360-й стрелковой дивизии под командованием полковника И. И. Чиннова (заместитель по политчасти — подполковник П. А. Хижинков), и она к вечеру 14 декабря также несколько продвинулась вперед.

Таким образом, во второй половине дня в полосах этих дивизий явно обозначился успех. В других же положении почти не изменилось.

В такой обстановке целесообразнее всего было продолжать наращивание основных усилий армии на участке дивизий, действовавших теперь под руководством командира 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерала П. Ф. Малышева (заместитель по политчасти — полковник Н. С. Родионов). Здесь я и решил развивать успех, с тем чтобы во взаимодействии с войсками 4-й ударной армии окружить и уничтожить противника, находящегося севернее и южнее участка прорыва. В остальных полосах атаки прекращались до выхода танкового корпуса в район севернее Городка⁵.

Окружение войск противника намечалось осуществить прежде всего в районе южнее оз. Езерище.

⁴ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 12.

⁵ Там же, л. 19.

Это и был тот выступ фронта, протянувшийся от Городка к северо-востоку, на который враг стянул значительные силы, намереваясь закрыть узкую брешь, пробитую в поясе 3-й и 4-й ударными армиями, и таким образом замкнуть кольцо вокруг них. Осенью, как мы видели, немецко-фашистскому командованию не удалось осуществить этот замысел, но оно все еще не отказалось от него. Положить конец подобным попыткам и должен был совместный удар 11-й гвардейской и 4-й ударной армий. Предстояло не только срезать выступ, откуда враг угрожал советским войскам, действовавшим западнее Невеля, но и уничтожить сосредоточенные здесь фашистские силы.

Начало выполнению этой задачи было положено нами 13 и особенно 14 декабря успешным прорывом на запад. Теперь нужно было ее завершить.

В ночь на 15 декабря войскам были поставлены новые задачи. Окружение приозерной группировки противника возлагалось на 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию во взаимодействии с 166-й стрелковой дивизией 4-й ударной армии, наступавшей с запада, и на правофланговую группу войск нашей армии в составе 29-й стрелковой и 5-й гвардейской стрелковых дивизий, наступавших с севера. 1-му танковому корпусу под командованием полковника Д. А. Бибергана (заместитель по политчасти — полковник И. Д. Зайцев) приказывалось к исходу 15 декабря соединиться с 5-м танковым корпусом 4-й ударной армии в районе ст. Бычиха и создать таким образом внешний фронт окружения севернее Городка.

36-й гвардейский стрелковый корпус генерала П. Г. Шафранова (заместитель по политчасти — полковник Н. В. Кутин) должен был вместе с 1-м танковым корпусом развивать успех на юг — на Городок и на юго-запад. В связи с этим ему передавалась из армейского резерва 1-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Н. А. Кропотина (заместитель по политчасти — полковник В. Д. Акимов) ⁶.

Таким образом, группировка армии к исходу 14 декабря претерпела значительные изменения по сравнению с предшествующим первым днем операции. Прежними остались лишь первоначальный участок и состав правофланговой группы, в которую входили 5-я гвардейская и 29-я стрелковые дивизии.

Левее действовали 360-я, а также 83-я и 84-я гвардейские стрелковые дивизии, объединенные под руководством командира 8-го гвардейского корпуса. Туда же вслед за танковым выдвигался 36-й гвардейский стрелковый корпус, имевший теперь в своем составе 16-ю и 1-ю гвардейские стрелковые дивизии. В занимавшем прежние позиции и перешедшем к обороне 16-м гвардейском стрелковом корпусе оставались две дивизии — 11-я и 31-я. Левофланговый 83-й стрелковый корпус, также оборонявшийся, имел 234-ю и 235-ю стрелковые дивизии.

⁶ Там же, л. 20.

Утром 15 декабря мною было принято решение передать 36-му гвардейскому стрелковому корпусу также 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию с задачей ввести ее в бой вслед за 1-й.

Иначе говоря, 6 из 11 стрелковых дивизий, танковый корпус и основная масса средств усиления нацеливались теперь для ударов на переместившемся несколько севернее главном направлении. Кроме того, совместно с ними действовали и две правофланговые дивизии — 5-я гвардейская и 29-я.

Такое значительное массирование сил и средств было предпринято для того, чтобы полнее использовать успех на узком участке, пока противник еще не успел подвести к нему оперативные резервы. А они, по сообщениям партизан и данным авиаразведки, уже выдвигались из Витебска по железной дороге и шоссе. Там были отмечены эшелоны и колонны грузовиков с войсками, направлявшимися в сторону участка прорыва. Для обеспечения скрытности они двигались только почтами.

Но хотя мы и знали об этом, тем не менее помешать их подходу не могли. Авиация была не в состоянии сделать это сначала из-за продолжавшейся непогоды, а во второй половине дня 14 декабря, когда метеорологические условия несколько улучшились, — из-за сильного противодействия врага. Едва поднимались в воздух наши самолеты, как появлялась и фашистская авиация. Причем она не только прикрывала свои войска и коммуникации, но и наносила бомбовые удары по частям 1-го танкового, 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов. Налеты осуществлялись группами от 10 до 30 бомбардировщиков. Наша же истребительная авиация, базировавшаяся на слишком удаленных от фронта аэродромах, не всегда успевала прикрыть соединения армии⁷.

Партизаны, правда, уничтожили два воинских эшелона врага, и это была ощутимая помощь, однако возможности полностью сорвать переброску резервов противника мы не имели. Наконец, и на усиление армии нельзя было рассчитывать, так как командующий фронтом резервами не располагал.

В этих условиях добиться решительных результатов мы могли только максимально возможным массированием сил и средств на направлении обозначившегося успеха. Так и сделали.

Враг в «котле»

Утром 15 декабря после артиллерийской подготовки войска 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов вместе с частями 1-го танкового корпуса возобновили наступление. Преодолевая сопротивление врага, они медленно, но упорно продвигались вперед. По-прежнему наиболее успешно действовала 83-я гвардейская стрелковая дивизия. Она выполняла две задачи: главными силами наносила удар на севе-

⁷ Архив МО СССР, ф. 311, оп. 4495, д. 223, л. 16.

ро-запад в направлении Сурмино с целью перехватить возможные пути отхода езериченской группировки противника, а одним полком — на запад в направлении Лаптевки (10 км северо-западнее Мехового), где намечалось соединиться с частями 4-й ударной армии и тем самым окружить врага.

Командир дивизии генерал Я. С. Воробьев действовал весьма решительно, и уже к 17 часам ее главные силы овладели населенными пунктами Райны, Ренице и завязали бой за Сурмино.

Здесь наступал 248-й гвардейский стрелковый полк под командованием полковника Д. И. Сироткина (заместитель по политчасти — майор Г. К. Аксенов). Его батальоны форсировали топкие места, преодолели лесные заросли и внезапной атакой вышли в тыл 365-му пехотному полку 211-й пехотной дивизии, оборонявшейся фронтом на север перед 29-й стрелковой дивизией. Один из батальонов полка овладел населенным пунктом Кайки, где располагался 187-й артиллерийский полк противника, и захватил исправные орудия и боеприпасы. Уцелевшие вражеские солдаты в панике бежали.

В это время 250-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал подполковник С. А. Скрынников (заместитель по политчасти — майор Н. В. Казаков), при поддержке артиллерийского дивизиона 83-й гвардейской стрелковой дивизии быстро продвинулся на запад и решительной атакой овладел Лаптевкой, являвшейся важным узлом дорог. Сюда же вскоре начали подходить с запада передовые части соединений 4-й ударной армии.

Командование немецкой 211-й пехотной дивизии, несомненно, увидело угрозу окружения. Стремясь избежать этой опасности, противник предпринял сильные контратаки с севера. Таким путем он рассчитывал отбить у 250-го стрелкового полка Лаптевку и находившуюся здесь переправу через р. Оболь, а также единственную в этом районе дорогу на юг.

Генерал Воробьев немедленно усилил 250-й гвардейский стрелковый полк подразделениями 252-го. Их совместными усилиями менее чем за 12 часов были отбиты пять яростных контратак гитлеровцев, пытавшихся пробиться уже не только с севера, но и с запада. Лаптевка и переправа остались в наших руках. Противник же, потеряв в ходе своих контратак только убитыми более 400 солдат и офицеров, был вынужден мелкими группами пробиваться на юг стороной, по болотистой низине, бросив всю боевую технику и обозы⁸.

Успех 83-й гвардейской стрелковой дивизии оказал благоприятное влияние на действия правофланговой группы войск армии, наступавшей с севера. Уже во второй половине дня 15 декабря сопротивление противника перед ее фронтом резко ослабло. Гитлеровцы в страхе перед грозившим им окружением начали поспешно отходить. Тотчас же 5-я гвардейская и 29-я стрелковые дивизии под командованием генерал-майора Н. Л. Солдатова (заместитель по политчасти — полковник И. Г. Шерепгин) и генерал-майора Я. Л. Штеймана (замести-

⁸ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 22.

тель по политчасти — подполковник И. К. Чистилин) начали преследование. Успешно наступала и 360-я стрелковая дивизия под командованием полковника И. И. Чиннова. Действуя правее 83-й гвардейской стрелковой дивизии, она овладела районным центром и железнодорожной станцией Езерице, а также населенными пунктами Рудня, Ароново, Слобода.

Тогда же, во второй половине дня, была введена в бой 31-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор И. К. Щербина (заместитель по политчасти — подполковник В. А. Дибров). Войдя в прорыв на стыке 83-й и 84-й гвардейских стрелковых дивизий, она к вечеру продвинулась на юго-запад на 8 км и достигла рубежа Дворец, Козлово.

83-я и 84-я гвардейские стрелковые дивизии в этот день овладели рядом населенных пунктов, выйдя на рубеж оз. Островито, Макуры, Курилины, Рябохи, шоссе севернее Куландино. Здесь они встретили упорное сопротивление противника, неоднократно переходившего в контратаки. Так, вырвавшийся вперед 243-й полк 84-й гвардейской стрелковой дивизии был дважды контратакован двумя батальонами пехоты с 12 танками и штурмовыми орудиями. Гвардейцы успешно отбили натиск врага, уничтожив несколько танков⁹.

При отражении контратак особо отличился батальон капитана Романа Факира. Вынудив гитлеровцев отойти в исходное положение, он нанес по ним удар и продвинулся вперед. Теперь наши бойцы оказались в 60 м от фашистов, засевших в траншеях промежуточной позиции. Командир батальона приказал окопаться. А затем вызвал огонь артиллерии и вновь повел своих бойцов в атаку. Гвардейцы ворвались в немецкие траншеи и завязали рукопашный бой. Капитан Факир, расстреливая гитлеровцев из автомата и забрасывая гранатами, пробился с группой бойцов к командному пункту фашистского батальона. Находившиеся там гитлеровцы сложили оружие. После боя гвардейцы отправили в тыл большую партию пленных, в том числе двух офицеров.

Вечером 15 декабря на наблюдательном пункте мы с членом Военного совета генералом П. Н. Куликовым и начальником оперативного отдела штаба армии полковником Ф. Н. Бобковым подвели основные итоги трехдневных боев.

Было очевидно, что принятые в начале наступления меры, продиктованные неблагоприятно сложившейся обстановкой, полностью оправдали себя и позволили преодолеть непредвиденные трудности. Решающим оказалось своевременное использование небольшого, но единственного в первый день успеха 84-й гвардейской стрелковой дивизии. Даже ввод танкового корпуса в прорыв на чрезвычайно узком 1,5-километровом участке дал важные результаты. Это было достигнуто благодаря сильной поддержке артиллерии и четкому взаимодействию корпуса с двумя стрелковыми дивизиями, из которых

⁹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 61.

одна обеспечивала ввод танков в прорыв, а другая наносила удар вслед за ними.

И вот результаты: если первый день операции был в основном неудачным, то последующие два принесли несомненный успех. Мы расширили фронт наступления с 8 до 20 км. При этом рассекли вражескую группировку на две части. Одна из них — 211-я пехотная дивизия с приданными ей частями была расчленена. Остатки разбитых фашистских частей рассеялись по лесам и уже не оказывали организованного сопротивления. Их вылавливали специально выделенные для этой цели наши подразделения. Всего в этих боях войска армии уничтожили более 7 тыс. гитлеровцев, 21 танк, 13 самолетов, 114 орудий и минометов, более 250 пулеметов. Было захвачено у противника 57 орудий и минометов, 95 пулеметов¹⁰.

Несколько групп гитлеровцев успели уйти в юго-западном направлении. Они пробились в район действий 87-й, 252-й пехотных и 2-й авиаполевой дивизий. Но и эти дивизии уже в «мешке». Нам оставалось продвинуться до ст. Бычиха, чтобы, соединившись с наступающими в том же направлении с запада частями 4-й ударной армии, замкнуть кольцо вокруг этих вражеских дивизий. Одновременно предстояло нанести по ним удары с севера, востока и юга с целью рассеяния и уничтожения всей этой группировки противника.

В соответствии с таким замыслом мною были определены задачи войскам на 16 декабря.

С целью завершить полное окружение трех фашистских дивизий 16-му гвардейскому стрелковому корпусу надлежало силами 1-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий совместно с частями 1-го танкового корпуса с утра наступать в направлении ст. Бычиха и расположенного в 8—10 км к югу от нее населенного пункта Загоряны. Там они должны были соединиться с войсками 4-й ударной армии и тем самым отрезать вражеской группировке пути отхода на юг. 11-я гвардейская стрелковая дивизия, как и 83-й стрелковый корпус, пока оставалась в обороне.

8-му гвардейскому стрелковому корпусу ставилась задача нанести удары с севера в нескольких направлениях. Действовать он должен был в составе 29-й стрелковой дивизии, передаваемой ему из правофланговой группы войск, которая уже выполнила свою задачу и потому расформировывалась, а также 83-й гвардейской. Силами первой из этих дивизий корпусу предстояло наступать в направлении дер. Власенки, расположенной в 8 км юго-западнее населенного пункта Меховое, где соединиться с частями 4-й ударной армии. Одновременно ему надлежало 83-й гвардейской стрелковой дивизией нанести удар на Рудиху, Масляки с целью рассеяния окружаемой группировки противника. 5-я гвардейская стрелковая дивизия выводилась в резерв.

Наконец, с востока должен был теснить вражескую группировку 36-й гвардейский стрелковый корпус, вновь действовавший в преж-

¹⁰ Там же, л. 12.

нем составе. Ему предстояло наступать в направлении населенного пункта Большие Горелыши, что в 10—12 км северо-западнее ст. Бычиха, дробя и уничтожая войска противника.

Позвонил командующий фронтом.

— Поздравляю с первым успехом, — сказал он. — Теперь надо быстрее добывать отходящие фашистские части. Как думаете действовать дальше?

Я доложил, особо отметив, что основным силам 16-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов ставится задача наряду с окружением и уничтожением врага развить глубокое обходное движение вдоль шоссе и железной дороги Невель — Городок.

— Это правильно, — ответил командующий фронтом. — В окружении и уничтожении 87-й, 252-й пехотных и 2-й авиаполевой дивизий вам помогут части 4-й ударной армии, в том числе ее 5-й танковый корпус, которые нанесут удар в направлении ст. Бычиха.

После разговора с командующим фронтом я поочередно связался с командирами корпусов и поставил им задачи на завтра.

С рассвета 16 декабря наступление возобновилось.

Примерно через час на наблюдательный пункт армии, перенесенный поближе к атакующим войскам, позвонил командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерал П. Ф. Малышев. Он доложил, что часть сил дивизий прочесывает леса и уничтожает подразделения разбитых частей 211-й пехотной дивизии. Главные же силы корпуса, наступающие на юг, пока не встречают сопротивления, так как противник отходит по всему фронту. Поэтому дивизии свернули свои боевые порядки и продолжают движение в колоннах, что обеспечивает более высокий темп. В связи с этим я приказал генералу П. Ф. Малышеву усилить преследование, громить арьергарды вражеских частей, перехватывать пути отхода, дробить и уничтожать врага. Добавил:

— Продолжайте прочесывание лесов и ликвидацию 211-й пехотной дивизии. Ни в коем случае не допускайте отхода оттуда даже мелких вооруженных групп гитлеровцев, иначе они выйдут на тылы основных сил вашего корпуса.

— Эта задача возложена на 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию, — ответил командир корпуса. — Не сомневаюсь, что она будет выполнена генералом Воробьевым.

А во второй половине дня со мной связался по телефону генерал Я. С. Воробьев. Он доложил, что задача по разгрому разрозненных частей 211-й пехотной дивизии выполнена. Мелкие очаги сопротивления уничтожены, захвачено много пленных. Полки 83-й гвардейской стрелковой дивизии идут в колоннах, быстро продвигаясь на юг.

Вслед за тем по радио поступило донесение командира 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерала И. Ф. Федюнькина. Он сообщал, что его войска вышли к ст. Бычиха и соединились с 4-й ударной армией. К вечеру стало известно, что главную роль в завершении окружения еще трех вражеских дивизий сыграли 159-я танковая

бригада 1-го танкового корпуса, которой в связи с ранением полковника С. П. Хайдукова теперь командовал подполковник Ф. Ф. Семибратов, и передовой отряд 1-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Н. А. Кропотина. Прорвавшись к ст. Бычиха и соединившись там с подошедшими с запада частями 5-го танкового корпуса 4-й ударной армии, они полностью замкнули кольцо окружения¹¹.

Итак, в «котел» вслед за 211-й попали главные силы 87-й, 252-й пехотных и остатки 2-й авиаполевой дивизий врага.

Первые итоги

Фронт окружения сразу же усилили дивизии 16-го гвардейского стрелкового корпуса, двигавшиеся за танкистами. Они немедленно приступили к уничтожению блокированной группировки, нанося удар с юга. Громили ее также части 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов, наступавшие соответственно с севера и востока. С запада действовала 4-я ударная армия.

Гитлеровцы оказали яростное сопротивление. Некоторые наши командиры дивизий и полков попытались было посылать парламентариев с предложением о сдаче в плен. Но это лишь в отдельных случаях давало положительные результаты. Большая же часть окруженных, понуждаемая своими офицерами, которые скрывали от солдат их безнадежное положение, продолжала сражаться. Более того, командование вражеских частей стремилось затягивать переговоры, чтобы получить известную передышку и использовать ее для организации обороны.

Учитывая подобную тактику противника, рассчитанную на заведомый обман, Военный совет армии приказал усилить действия по уничтожению окруженной группировки. «Огневой ультиматум» оказался более действенным и в большинстве случаев быстро вынуждал гитлеровцев сдаваться.

К сожалению, в полной мере осуществить этот метод мы не могли, так как все острее испытывали нехватку боеприпасов. В результате многие окруженные части продолжали оказывать сопротивление. В частности, продолжался их отход в южном и юго-западном направлениях, где они рассчитывали вырваться из кольца наших войск. Но ни во второй половине 16 декабря, ни на следующий день это им не удалось. Соединения армии, действовавшие с юга, громили пробивавшихся из окружения гитлеровцев. В то же время арьергарды противника уничтожались нашими войсками, наступавшими с севера и востока.

К исходу 17 декабря враг явно начал выдыхаться. Он все реже предпринимал контратаки. Чувствовалось, что и управление войсками окруженной группировки нарушено. Это подтверждали многие факты.

¹¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 27.

Вот один из них. В деревню, недавно занятую нашими войсками, на полном ходу въехала легковая машина. Остановилась. Наши бойцы в маскхалатах подошли к ней. Из машины выглянул фашистский капитан и спросил по-немецки: «Какая часть?». Через несколько минут он уже в качестве пленного сообщил, что является командиром артиллерийского дивизиона. Оказалось, ему было приказано занять огневые позиции восточнее Селище и поддерживать действия находящегося здесь пехотного батальона. Вот он и ехал, чтобы выбрать позиции, но оказалось, что они уже заняты нашими частями, а немецкий пехотный батальон больше не нуждался в поддержке, так как его разгромили наступающие подразделения. Пленный артиллерийский офицер был весьма обескуражен «неточностью» полученного им приказа.

В итоге боевых действий войск 11-й гвардейской армии в течение 16 и 17 декабря было уничтожено около 2400 вражеских солдат и офицеров, 2 танка, 49 орудий и минометов, около 100 пулеметов, захвачено 497 пленных, 60 орудий и минометов, 130 пулеметов и много другого вооружения и боевой техники¹².

Части сил окруженных 87-й и 252-й пехотных дивизий удалось все же прорваться на запад, хотя при этом они подверглись ударам войск 4-й ударной армии и понесли значительные потери. Полностью были разгромлены остатки 2-й авиаполевой дивизии, пытавшиеся пробиться на юг.

Пленный командир одного из ее взводов рассказал, что роты потеряли до 70% личного состава. Так, в 7-й роте, начавшей 16 декабря отход из района Межа в составе 110 человек со штатным комплектом вооружения, к исходу 17 декабря осталось 36 солдат, 5 ручных пулеметов, 9 автоматов. По словам другого пленного, батальон, в котором он служил, был соединен с другим, причем в них обоих оставалось три роты по 20—30 человек в каждой. Ефрейтор 7-го отдельного егерского батальона, попав в плен, показал, что в его роте из 250 человек, имевшихся 13 декабря, уцелело 16. Он же сообщил, что дивизия при попытке прорваться из кольца бросила все тяжелое вооружение, артиллерию и батарею десятиствольных минометов¹³.

В целом же пятидневные бои войск армии привели к уничтожению сил противника во всей северо-западной части городокского выступа. Тем самым была расширена до 30—35 км, т. е. в несколько раз, горловина прорыва южнее Невеля, что, в свою очередь, привело к существенному улучшению оперативного положения 3-й и 4-й ударных армий.

Таким образом, несмотря на тяжелые условия местности и отсутствие поддержки авиации, действиям которой помешала плохая погода, армия успешно выполнила основную задачу первого этапа наступления, состоявшую в окружении и уничтожении войск врага в районе Езерище, Бычиха.

¹² Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 15.

¹³ Там же, ф. 367, оп. 5938, д. 53, л. 673.

Одновременно были созданы выгодные условия для выполнения дальнейшей задачи — завершения разгрома всей городокской группировки. Они определялись тем, что к исходу 17 декабря в центре и на правом фланге армии сильная группировка наших войск в составе шести стрелковых дивизий и танкового корпуса заняла далеко выдвинутое вперед охватывающее положение по отношению к левому флангу основных сил противника, оборонявшихся северо-восточнее Городка. Развернувшись фронтом на юго-восток, она готовилась нанести удар по врагу, угрожая ему ловым окружением.

Результаты боев, следовательно, были весьма положительными. В то же время за пять дней мы фактически выполнили лишь план первых двух дней. В связи с этим возникал вопрос: насколько реален был план операции? Стало ясно, что при его разработке мы переоценили свои возможности, не учли всех могущих возникнуть и действительно возникших осложнений. И то, что успех все же был достигнут, явилось результатом как совершенствования плана уже в ходе операции, так и мастерства командного состава корпусов и дивизий, героизма и самоотверженности всех солдат и офицеров армии, сумевших выполнить резко усложнившиеся боевые задачи.

В трудной обстановке, обострившейся к тому же вследствие особенно упорного сопротивления врага, опиравшегося на мощную оборонительную систему, от наших войск потребовались беспредельное мужество, огромное напряжение сил, величайшая воля к победе. И все эти качества советских воинов ярко проявились в ходе боев.

Неоценимую роль в усилении наступательного порыва войск сыграли политорганы армии. Это особенно наглядно видно на примере деятельности политотдела 84-й гвардейской стрелковой дивизии, возглавляемого полковником П. П. Евсеевым. Здесь в дни боев во всех частях и подразделениях из рук в руки переходили боевые листки и бюллетени, рассказывавшие о героических делах особо отличившихся воинов дивизии. Разумеется, об этом писали и дивизионная многотиражка, и армейская газета «Боевая тревога», также широко пропагандировавшие боевые подвиги. Но при всей оперативности наших журналистов, делавших очень большое и важное дело, листовки все же опережали их почти на сутки, а это в боевой обстановке большой срок. Ибо, как известно, героический акт рождает десятки и сотни подвигов.

Так было и в 84-й гвардейской. Вот один из характерных примеров.

В числе первых во время боев была выпущена листовка об умелых действиях стрелковой роты одного из передовых батальонов дивизии. Ее командир старший лейтенант Кононов умело подготовил и лично возглавил атаку в первый, самый трудный день наступления. Стремительным ударом с фланга рота разгромила опорный пункт противника, обеспечив всему батальону возможность сравнительно быстро занять вражеские траншеи, а затем и развить этот успех¹⁴.

¹⁴ Там же, л. 642.

Когда листовку с описанием этих смелых действий в тот же день прочитали бойцы отделения сержанта Винокурова, они поклялись сражаться столь же бесстрашно и самоотверженно. Получив задачу обезвредить вражеское орудие, стрелявшее прямой наводкой по нашим танкам, введившимся в прорыв, отделение выполнило ее, так сказать, с превышением. И весьма значительным.

Ползком сержант Винокуров и его бойцы бесшумно подобрался к огневой позиции противника, внезапным ударом уничтожили оружейный расчет и, захватив пушку со снарядами, открыли из нее огонь по фашистам. Прежде всего они уничтожили другое противотанковое орудие врага и этим расчистили путь нашим танкам. Затем отважные воины развернули захваченную пушку и огнем во фланг гитлеровцам нанесли им большие потери. В тот же день новая листовка разнесла весть о смелых действиях отделения сержанта Винокурова по всей дивизии¹⁵.

Так один подвиг рождает новых героев.

Пример бесстрашия и самопожертвования во имя разгрома врага, как и всегда, показывали коммунисты и комсомольцы. В самые напряженные и решающие дни они первыми бросались туда, где требовалось, быть может, ценою жизни обеспечить успех.

Вся армия узнала о бессмертном подвиге коммуниста Н. И. Рожка в момент ввода 10-й гвардейской танковой бригады в прорыв на участке 84-й гвардейской стрелковой дивизии. Танк лейтенанта Рожка, возглавив атаку, ворвался в расположение противника, уничтожил два противотанковых орудия и тем самым расчистил дорогу остальным танкам своей роты. Вскоре танк, которым командовал Н. И. Рожок, истребил до 20 фашистов, но затем был подбит, а отважный лейтенант сражен осколком вражеского снаряда. Танкисты вынесли с поля боя тело своего командира. В кармане у него нашли следующее письмо:

«Политотделу бригады. Наши грозные машины получают боевую задачу. Задача очень сложная, но я забыл, что такое страх, не стал бояться смерти. Как танкист, гвардеец, как офицер Красной Армии заверяю партию своим партийным билетом, клянусь перед Родиной, перед партией, перед своими боевыми товарищами, что я не струшу в бою и поведу свою грозную машину в яростный бой, в жестокую атаку. Я и мои товарищи будем отважными, смелыми и не опозорим высокого звания гвардейцев»¹⁶.

Лейтенант Н. И. Рожок до конца выполнил свою клятву, как и все воины армии, сражавшиеся с беззаветной храбростью и победившие в схватке с сильным врагом.

Не могу не сказать и о тех, кто всегда был рядом со сражающимися воинами, обеспечивал им связь, под огнем врага доставлял им горячую пищу, выносил раненых с поля боя и нередко вместе с бойцами вступал в схватку с врагом. Это были наши отважные девушки-

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 367, оп. 5938, д. 53, л. 643.

¹⁶ Там же, л. 76.

комсомолки, проявившие в ходе всей операции величайшее мужество и самоотверженность.

Всему фронту стало известно имя санинструктора 1-й Московской гвардейской стрелковой дивизии Лены Ковальчук. За спасение жизни сотен бойцов и офицеров она была награждена тремя боевыми орденами, в том числе орденом Ленина¹⁷. Санинструктор 2-го стрелкового батальона 556-го стрелкового полка Таия Бородина с самого начала наступления с оружием в руках шла в боевых порядках, личным примером воодушевляя бойцов. В первый же день боя она оказала помощь и вынесла с поля боя 30 раненых бойцов и офицеров. За свои боевые дела Таия была награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Санинструктор 16-й гвардейской стрелковой дивизии Нина Воскресенская под огнем противника в течение первых двух дней наступления на поле боя оказала помощь 84 раненым. Санитарка Александра Белова спасла жизнь 18 тяжелораненым бойцам и командирам. Когда она выносила с поля боя тяжелораненого командира роты лейтенанта Жиботкова, враг открыл по ней огонь. Белова была ранена, но, преодолевая боль, доставила командира на батальонный медицинский пункт.

Комсомолки Лебедева, Рудь, Земляная, Гребнева, работавшие в медико-санитарном батальоне 16-й гвардейской стрелковой дивизии, не раз спасали жизнь раненым, отдавая для переливания свою кровь. Так, однажды во время операции не оказалось крови нужной группы для тяжелораненого бойца Смирнова. Работавшая в операционной санитарка Рудь тут же отдала ему 500 г крови и этим спасла жизнь солдату. Таких примеров множество.

Комсомолки были и хорошими организаторами, агитаторами. Например, в роте автоматчиков, где комсоргом избрали санинструктора Шуру Болтычеву, каждый комсомолец всегда хорошо знал и отлично выполнял боевую задачу. И сама Шура Болтычева за мужество и отвагу, проявленные в бою, была дважды удостоена правительственных наград.

Связистку Асю Мурашеву глубоко уважали все бойцы 545-го артиллерийско-минометного полка. Она хорошо знала свое дело и ее линии всегда работали бесперебойно. А если во время боя случались повреждения, не раз сама устраняла их под огнем противника. Так же мужественно действовала линейный надсмотрщик роты связи 167-го стрелкового полка Наташа Лушкина.

Казалось бы, скромна и неприметна должность повара. Но как много значит она в боевой обстановке, особенно в период непрерывных многодневных схваток с врагом. И это доказала своим бесстрашием и самоотверженностью комсомолка Андреева — повар 3-го стрелкового батальона 77-го гвардейского стрелкового полка. На комсомольском собрании она, как и другие, дала клятву выполнять свою задачу с честью. И вот дважды в день под огнем противника достав-

¹⁷ Там же, д. 77, л. 6.

ляла она бойцам горячую нищу в термосах до тех пор, пока фашистская пуля не оборвала ее жизнь. За смерть бесстрашной комсомолки бойцы батальона отомстили гитлеровцам, разгромив в тот же день одно из вражеских подразделений.

Как множество ручейков образует могучую реку, так и подвиги тысяч и тысяч воинов-гвардейцев сливались в общий боевой успех армии.

Его высоко оценила Родина. Спустя несколько дней мы все с радостью услышали по радио приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось: «За успешно проведенную операцию по прорыву сильно укрепленной обороны немцев к югу от города Невель отличившиеся в этой операции соединения и части представить к награждению: орденом Красного Знамени — 83-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора Воробьева, 16-ю гвардейскую ордена Ленина Карачевскую стрелковую дивизию генерал-майора Рыжикова, 15-ю артиллерийскую дивизию полковника Корочкина, 159-ю танковую бригаду полковника Хайдукова, 403-й пушечный артиллерийский полк полковника Завьялова, 10-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду полковника Поляковского, 24-й гвардейский минометный полк подполковника Дорохова; орденом Суворова II степени — 84-ю гвардейскую Карачевскую стрелковую дивизию генерал-майора Петерса»¹⁸.

А 22 декабря, когда мы вышли уже на подступы к Городку, в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении указанных соединений и частей.

Высокие награды воодушевили воинов армии на новые битвы с врагом. Впереди был Городок, превращенный противником в крупный узел обороны. А на пути к нему стояла сильная группировка гитлеровских войск. Кроме того, фашистское командование могло еще и подкрепить ее резервами. Успеет ли оно перебросить их? От этого во многом зависел дальнейший ход событий. Следовательно, нам нужно было действовать быстро и решительно.

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 18.

На витебском направлении

Взятие Городка

Наше дальнейшее наступление было направлено на то, чтобы ударом на юго-восток перехватить дорогу Вышедки — Городок и отрезать возможные пути отхода вражеским войскам, оборонявшимся на стыке нашей и 43-й армий¹.

Но не следует забывать, что в ходе проводимой операции противник всего лишь за пять дней уже дважды попадал в окружение и оказывался разгромленным. Поэтому неудивительно, что он с особой настороженностью и нервозностью следил за действиями наших войск и, обнаружив угрозу нового «котла», в ночь на 18 декабря начал поспешно отводить свою группировку, противостоявшую до этого левому фланговому 83-му стрелковому корпусу 11-й гвардейской армии и правому флангу 43-й армии. Отход прикрывался с флангов частями 20-й танковой и 129-й пехотной, а также остатками отдельных подразделений и боевых групп 87-й и 252-й пехотных дивизий, избежавшими окружения в предыдущие дни.

Наши войска в эту ночь готовились к нанесению упомянутого удара. Производилась необходимая перегруппировка частей, подвозились боеприпасы, саперы настилали гати для движения артиллерии. Отход противника был обнаружен тотчас же, как только он начался, в 2 часа ночи. Получив донесение об этом, я отдал 83-му стрелковому корпусу, которым командовал генерал-майор А. А. Дьяконов (заместитель по политчасти — полковник Г. С. Мовшев), приказ о переходе в преследование.

Как, вероятно, помнит читатель, А. А. Дьяконов ранее командовал дивизией, отличившейся во время Великолукской операции 3-й ударной армии. Я хорошо знал его как всесторонне подготовленного, энергичного и инициативного командира. К сожалению, 83-й стрелковый корпус, которым он теперь командовал, был ослаблен в ходе предшествовавших боев, к тому же действовал лишь двумя стрелковыми дивизиями — 234-й и 235-й и имел незначительные средства усиления. Основательно поредели и ряды 36-го гвардейского стрелкового корпуса, которому также было приказано нанести своим левым флан-

¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 31.

гом удар по отступающему врагу. Наконец, противник отходил весьма поспешно, прикрыв, как уже сказано, свои фланги крупными силами танков и пехоты.

В результате ему удалось оторваться основными силами от наших преследующих войск. И хотя они продвинулись в течение 18 декабря на этом участке на довольно значительное расстояние — до 12 км, однако уничтожить удалось лишь часть арьергардов и оставшие подразделения гитлеровцев. Не имело успеха и наступление 16-го и части сил 8-го гвардейских стрелковых корпусов на правом фланге армии, имевших задачу продвигаться вперед и с запада перерезать противнику пути отхода. Здесь гитлеровцы сильно уплотнили свои боевые порядки, подтянули танки и штурмовые орудия. Их огнем и контратаками был остановлен и введенный в бой 1-й танковый корпус, потерявший при этом до десятка боевых машин.

Наступательные возможности армии снизились. И не только вследствие понесенных ею потерь, хотя и они были немалыми. Особенно значительный урон понесли мы в танках. В частности, 10-ю гвардейскую танковую бригаду и 2-й танковый полк в связи с этим пришлось еще 17 декабря вывести из боя для восстановления подбитых танков. Намного уменьшилось и количество оставшихся в строю боевых машин в 1-м танковом корпусе. Начала давать себя знать также усталость войск, почти без передышки наступавших уже шесть дней в основном по бездорожью — по лесам и болотам.

Кроме того, вновь все острее чувствовалась нехватка боеприпасов. Теперь, когда улучшились дороги и можно было использовать не только автомашины, но и санный транспорт, появились новые осложнения: мы вновь отделились от баз снабжения, а главное — фронтовые склады еще только начали получать боеприпасы в значительных количествах.

Этим в основном и объяснялось то, что не удалось разгромить фашистскую группировку, оборонявшуюся на стыке нашей и 43-й армий и поспешно отошедшую под угрозой окружения.

Вышеприведенные обстоятельства заставили задуматься и над дальнейшей задачей, поставленной нам вечером 18 декабря. Она была изложена в телеграмме штаба фронта, которую мне тотчас же принес полковник Ф. Н. Бобков. Армии для усиления ее правого фланга передавалась 47-я стрелковая дивизия и приказывалось не только нанести удар всеми силами в направлении Городка и овладеть им, но и к исходу 19 декабря выйти на рубеж озер Лосвида и Удобно, имея главную группировку северо-восточнее озера Лосвида, а в последующем освободить Витебск².

Я отметил на карте рубеж, куда мы должны были выйти за один день. Далеко... Достаточно ли штаб фронта учитывает реальность этой задачи? Видимо, он исходил из того, что противник не сумеет в ближайшие дни перебросить в полосу армии новые части. Но гитлеровцы как раз успели значительно усилить свою группировку се-

² Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 17.

вернее Городка с целью любой ценой остановить продвижение наших соединений на юг вдоль шоссе и железной дороги. Это подтверждали и захваченные пленные.

Но приказ есть приказ, и нужно сделать все для его выполнения.

— Когда прибывает 47-я стрелковая дивизия?

— Сегодня ночью, — ответил полковник Бобков.

— Дивизию подчинить командиру 8-го гвардейского стрелкового корпуса, выслать ей навстречу офицера оперативного отдела. Генералу Малышеву передайте приказ прикрыть ею правый фланг корпуса. Ему же придется 10-я гвардейская танковая бригада, заканчивающая восстановление своих подбитых машин. Задача корпусу — с утра нанести удар вдоль железной дороги на Большой Прудок. Это в 4—5 километрах севернее Городка. Обойдя последний с запада силами 83-й и 26-й гвардейских стрелковых дивизий, выйти к исходу дня на рубеж реки Бережанка. Одновременно ввести в бой 5-ю гвардейскую стрелковую дивизию, нанеся ею удар на Городок с севера. 16-му гвардейскому корпусу наступать левее, обходя Городок с востока.

Не один, а более пяти дней вели мы бой за Городок.

Надо сказать, что вражеское командование отводило ему важное место в системе своей обороны на подступах к Витебску. Чтобы удерживать в своих руках Городок, противник создал четыре линии укреплений. Три из них располагались одна за другой на подступах к нему, четвертая опоясывала его окраины. При сооружении этой мощной многополосной обороны была довольно умело использована пересеченная местность, изобиловавшая господствующими высотами, озерами, речками. Наконец, противостояли нам здесь весьма значительные вражеские силы — части 20-й танковой, 256-я, 129-я пехотные и 6-я авиационная дивизии, поддерживаемые более чем 40 артиллерийскими и минометными батареями, в том числе тяжелыми шестиствольными минометами³.

Противник оказывал сильное сопротивление. Используя выгодные для обороны условия, гитлеровцы повсюду встречали наши наступающие части организованным огнем артиллерии и минометов, непрерывными контратаками танков с пехотой. Уже в первые дни пришлось вывести из боя 1-й танковый корпус, понесший значительные потери в материальной части. Это, естественно, резко снизило ударную мощь армии.

Лишь к исходу 21 декабря в результате напряженных боев наши войска прорвали первые два оборонительных рубежа противника. Общее продвижение частей, наступавших в центре, за период с 18 декабря составило около 35 км. Таким образом, среднесуточный темп наступления на этом этапе по сравнению с предшествующим увеличился вдвое и достиг 8—10 км. В то же время правофланговые войска продвигались медленнее, так как встречали особенно упорное сопротивление врага. Они прошли с боями только 15 км. Вследствие этого

³ Там же, л. 53.

нам не удалось осуществить замысел на охват и последующее окружение группировки противника, оборонявшейся севернее Городка.

Тем не менее войска армии нанесли противнику тяжелые потери. В боях на подступах к городу было уничтожено до 4,5 тыс. вражеских солдат и офицеров, 5 танков, 87 орудий, 340 станковых и ручных пулеметов, захвачено 4 танка, 45 орудий и более 130 пулеметов⁴.

Теперь мы приблизились к третьему укрепленному рубежу, проходившему по южному берегу оз. Кошо, рекам Горожанка и Пальминка. Он имел на всем протяжении траншеи полного профиля с ходами сообщения, проволочные заграждения в один-два ряда и на отдельных участках — минные поля. Враг непрерывно подводил подкрепления. Наши же силы вновь значительно уменьшились в связи с тем, что командующий фронтом вывел в свой резерв 83-й стрелковый корпус.

Поскольку при этом полоса наступления армии осталась прежней, неизбежно последовала перегруппировка войск. И как ни стремились мы провести ее в сжатые сроки, все же на нее ушло более суток. Главное же изменение состояло в том, что плотность боевых порядков войск армии вновь значительно уменьшилась. Теперь мы наступали без 83-го стрелкового и 1-го танкового корпусов.

Наступление возобновилось 23 декабря. Перед этим во всех частях и подразделениях состоялись короткие митинги, посвященные вышеупомянутому приказу Верховного Главнокомандующего и Указу Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами соединений армии за успешную операцию в районе Езерице. Выступавшие с гордостью говорили о высокой оценке, которую дала Родина этим боевым действиям, заявляли о своей готовности к дальнейшим битвам с врагом до полного его разгрома.

В 11 часов началась артиллерийская подготовка. Она велась по целям, выявленным накануне в ходе разведки боем, предпринятой каждой дивизией силами стрелкового батальона при поддержке трех-четырех артиллерийских дивизионов. Артиллерийская подготовка длилась час и, как мы вскоре могли убедиться воочию, в немалой степени нарушила прочность вражеской обороны.

Ровно в полдень наши части с новым порывом пошли в атаку. Противник встретил их сильным огнем, но не смог остановить. Упорно продвигаясь вперед, советские воины прорвались к вражеской траншее сначала на нескольких участках, а затем и по всему фронту наступления. Гитлеровцы продолжали отчаянно сопротивляться, в результате чего бои до последней минуты носили крайне ожесточенный характер. Силошь и рядом вспыхивали рукопашные схватки.

В этом бою, происходившем при относительном равенстве сил на участках борьбы, решающими оказались огромное моральное превосходство наших войск, их высокий наступательный порыв, непреодолимая воля к победе. К исходу дня гитлеровцы уже выдыхались.

⁴ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 53, л. 426.

А вскоре они начали с боями отходить, прикрываясь сильными арьергардами.

Так за день боев соединения армии прорвали оборонительный рубеж, проходивший севернее Городка по южному берегу оз. Копы и рекам Горожанка и Пальминка. С наступлением темноты наши части прекратили атаки.

Вечером, когда я обдумывал дальнейшие действия, позвонил командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерал П. Ф. Малышев.

— Удар по Городку с севера, — сказал он, — вряд ли будет успешным. Тут наступает одна 5-я гвардейская стрелковая дивизия, и противник оказывает упорное сопротивление. Полагаю целесообразным завтра с утра главные усилия сосредоточить в полосе 83-й и 26-й гвардейских стрелковых дивизий, обходящих город с запада.

Удар с запада, конечно, пужно было нанести. И как можно сильнее. Но следовало учесть, что там наши войска встретят наибольшие трудности. Городок, превращенный гитлеровцами в мощный узел сопротивления, был подготовлен к длительной обороне. Это подтверждали и пленные, и захваченные нами документы врага. Имеющиеся данные показывали, что развитая оборонительная система с большим количеством дзотов, опоясывавшая окраины, была особенно укреплена и насыщена огневыми средствами в полосе, прилегавшей к шоссе Городок — Витебск. Это осложняло задачу войск, наступающих с запада. Кроме того, там же перешеек между озерами, кстати сказать, прикрывавшими город со всех сторон, пересекала речка. Столь же трудными были и условия к востоку от Городка.

Все это давало основания предполагать, что наиболее вероятным являлся прорыв в город с севера. Однако его, несомненно, можно было облегчить одновременными сильными ударами с запада и востока, способными отвлечь значительную часть сил противника из полосы наступления 5-й гвардейской стрелковой дивизии.

Таким образом, предложение генерала П. Ф. Малышева относительно удара 83-й и 26-й гвардейских стрелковых дивизий с запада принималось, с тем, однако, чтобы вскоре после них и 5-я гвардейская стрелковая дивизия всеми силами начала наступление с севера. С востока должен был действовать одной дивизией 16-й гвардейский стрелковый корпус генерала И. Ф. Федюнькина.

Что же касается времени наступления, то откладывать его до утра не следовало. Представлялось более целесообразным организовать ночной штурм. Во-первых, он будет неожиданным для противника, уже привыкшего за последние дни к тому, что мы начинаем наступать утром или даже в полдень. Во-вторых, гитлеровцы в темноте окажутся вынужденными вести неприцельный огонь, который не принесет нам существенного вреда. Наконец, в-третьих, ночью мы сможем эффективнее использовать имеющееся небольшое количество танков с десантом пехоты.

— Итак, начинайте штурм в полночь, — сказал я в заключение генералу П. Ф. Малышеву.

Затем соответствующий приказ был отдан и генералу И. Ф. Федюнькину.

Выполняя поставленную задачу, части 83-й и 26-й гвардейских стрелковых дивизий с запада и 11-я гвардейская стрелковая дивизия с востока с танками и поддерживающей артиллерией глубокой ночью панесли удары на Городок. Наступление развивалось медленно. Но вскоре, когда противник был вынужден сосредоточить свои главные силы против фланговых ударов, с севера на него обрушилась 5-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. А. Солдатова (заместитель по политчасти — полковник И. Г. Шеренгин). Стремительным броском преодолев вражескую оборону, ее части пробились к Городку.

Первым к его окраине прорвался батальон под командованием старшего лейтенанта Тернавского. В темноте он сумел обойти сильный опорный пункт противника и выйти в глубину оборонительных позиций, прикрывавших город. Обнаружив наше подразделение, гитлеровцы предприняли контратаку против его левого фланга. Но командир батальона быстро перебросил туда свою резервную роту во главе с лейтенантом Юрко. Успешно отразив контратаку, батальон при поддержке артиллерии продолжал наступление и к рассвету вышел на окраину города.

Преодолевая упорное сопротивление врага и нанося ему чувствительные потери, части 5-й гвардейской стрелковой дивизии после прорыва непосредственно к городу начали штурмовать его одновременно на нескольких участках. Атаки гвардейцев были настолько стремительны, что противник вынужден был оставить ряд важных позиций, подготовленных на окраине к длительной обороне. Вскоре наши части овладели северо-западной частью города. Разгорелись уличные бои.

Теперь противник начал переброску значительных сил против 5-й гвардейской стрелковой дивизии, что, естественно, сразу же ослабило его противодействие на флангах. Это дало возможность 11-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор А. И. Максимов (заместитель по политчасти — полковник А. К. Плотиных), прорваться при поддержке танков на юго-восточную окраину и с боем овладеть ею. С запада, слолив сопротивление гитлеровцев, в город вступила 83-я гвардейская стрелковая дивизия. Ей хорошо помогла 10-я гвардейская танковая бригада. Танки, взяв на броню десант пехоты, стремительно прорвались к железнодорожной станции — центральному очагу сопротивления немцев.

Успех, достигнутый на северо-западной окраине и в районе станции, быстро дал себя почувствовать и на других участках. Правда, в некоторых районах города еще продолжалось ожесточенное сопротивление, хотя оборона противника была уже разобщенной. Сильный бой шел в центре города возле церкви, но и здесь гитлеровцы вскоре были выбиты из зданий, из которых они вели огонь.

В боях за Городок вновь первыми шли на штурм коммунисты и комсомольцы. Примеров тому множество.

Бессмертна слава пулеметчика 83-й гвардейской стрелковой дивизии Владимира Макарова, незадолго до этих боев принятого кандидатом в члены партии. Когда понадобилось поддержать огнем наступающую роту, он выдвинулся со своим расчетом далеко вперед. Однако рота под сильным огнем противника залегла, и расчет оказался в окружении контратакующих гитлеровцев. Вскоре у пулемета остался в строю один Макаров. Гитлеровцы кричали ему: «Рус, сдавайся». Макаров отвечал огнем пулемета, сразив не одного фашиста. Но вот враги заметили, что у Макарова кончились патроны. Они вплотную окружили его, требуя сдаться. Метнув в фашистов последние две гранаты, он кинулся на них врукопашную и пал смертью героя. Его гибель дорого обошлась противнику. Когда к месту неравной схватки несколько позднее подошли наши наступающие подразделения, они увидели вокруг мертвого В. В. Макарова десять убитых им гитлеровцев⁵.

В той же дивизии героически сражался коммунист старший сержант Матвеев. Он возглавлял расчет минометчиков, выдвинутый на передний край. При отражении контратаки был израсходован весь боезапас. Не имея возможности пополнить его, наши бойцы во главе с Матвеевым вступили в рукопашную схватку с ворвавшимися в траншею гитлеровцами. Матвеев сначала бил по ним в упор из автомата, а когда кончились патроны, разил врагов прикладом. Даже будучи ранен, он не отступил ни на шаг. А тем временем подоспела помощь, и противник был отброшен.

В боях на подступах к городу отважно действовали и воины 5-й гвардейской стрелковой дивизии, увлекаемые примером коммунистов. Когда батальон старшего лейтенанта Меркулова получил приказ на прорыв вражеской обороны, первыми пошли в атаку коммунисты во главе с командиром и его заместителем по политчасти капитаном Рудневым. В течение всего боя они находились в рядах атакующих, личным примером воодушевляя бойцов⁶.

Во время уличных боев комсомолец сержант Хром во главе своего стрелкового отделения бесстрашно ворвался в здание, где действовали две пулеметные точки врага. Он первым вступил в рукопашную схватку и расстрелял трех гитлеровцев. Остальных уничтожили бойцы его отделения. Оба вражеских пулемета были захвачены в исправном состоянии⁷.

Постепенно сопротивление ослабевало. Противник начал отходить, бросая орудия, пулеметы.

К полудню город был полностью очищен от гитлеровцев.

В боях за Городок гитлеровцы потеряли только убитыми до 2500 солдат и офицеров⁸. Кроме того, нами было захвачено 29 орудий, 2 танка, 48 минометов, 41 автомашина, много стрелкового вооруже-

⁵ Архив МО СССР, ф. 367, оп. 5938, д. 53, л. 650—651.

⁶ Там же, л. 651.

⁷ Там же, л. 654.

⁸ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 144.

ния и некоторое количество боеприпасов, уничтожено 26 орудий, 36 минометов, 43 автомашины и другая боевая техника⁹.

Жители освобожденного города радостно встречали воинов армии, избавивших их от ига ненавистных оккупантов. Вспомнилось, что несколько дней назад, будучи в Езерице, я встретился с секретарем Витебского обкома партии И. А. Стуловым. Вместе мы и порадовались тому, что освобожден уже один из районов области — Меховский, и с горечью отметили все пережитое его населением за время оккупации. 70% замученных, расстрелянных или угнанных в Германию жителей района... Повсюду развалины, пепелища... Примерно такую же картину представлял собой и Городок. Но теперь это был уже второй освобожденный район Витебщины. И мы верили, что недалек день, когда и она и все другие захваченные врагом советские земли будут полностью очищены от оккупантов.

Об этом говорили и выступавшие на митинге, который состоялся в освобожденном Городке. В нем участвовали жители города и ближайших сел, представители воинов армии, бойцы Городокской партизанской бригады, которая в составе пяти отрядов при активной помощи населения всего района отважно вела борьбу против оккупантов в течение почти двух с половиной лет. Комиссар бригады председатель Городокского райисполкома Ф. Е. Рыбаков, открывший митинг, а также выступавшие вслед за ним жители города горячо благодарили Красную Армию за освобождение от фашистского ига. Эти же чувства были выражены в принятом участниками митинга письме Центральному Комитету партии¹⁰.

Военный совет армии с первого же дня освобождения Городка помог местным партийным и советским организациям в налаживании нормальной жизни. При содействии нашей службы тыла городская хлебопекарня уже на следующий день начала выпускать продукцию. Вскоре открылись три школы. Усиленно велись работы по восстановлению железнодорожного полотна. Политотдел армии выделил группу пропагандистов во главе с заместителем начальника политотдела полковником К. Е. Захаренко, которые прочитали для населения, партизан и районного партийного актива ряд докладов о ходе военных действий на фронтах Великой Отечественной войны, о внутреннем и международном положении страны.

Подробно разъяснялось постановление Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

Взятием Городка 11-я гвардейская армия завершила выполнение задачи полной ликвидации городокского выступа фронта противника. Оборонявшимся здесь гитлеровским войскам были нанесены тяжелые потери. Наконец, овладение Городком дало нам важный узел дорог, что должно было в значительной степени облегчить транспортировку

⁹ Там же, л. 48.

¹⁰ Там же, ф. 367, оп. 5938, д. 77, л. 1.

грузов и маневрирование войсками в ходе последующих боевых действий.

Вечером 24 декабря Москва салютовала войскам, освободившим Городок. В приказе Верховного Главнокомандующего, переданном в тот день по радио, говорилось: «Войска 1-го Прибалтийского фронта, развивая стремительное наступление, сегодня, 24 декабря, штурмом овладели городом и крупной железнодорожной станцией Городок — важным опорным пунктом обороны немцев на витебском направлении. В боях за овладение городом Городок... особенно отличились: 5-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия генерал-майора Солдатова, 26-я гвардейская Восточно-Сибирская стрелковая дивизия генерал-майора Корженевского, 83-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия генерал-майора Воробьева, 11-я гвардейская Краснознаменная стрелковая дивизия генерал-майора Максимова, 10-я гвардейская танковая бригада полковника Бурлыга...».

В ознаменование одержанной победы указанным дивизиям и танковой бригаде было присвоено наименование «Городокских». Всем войскам, участвовавшим в боях за овладение Городком, приказом Верховного Главнокомандующего объявлялась благодарность.

С радостным волнением слушали приказ воины армии. Он передавался в тот момент, когда наши части уже вновь перешли в наступление, теперь на юг от Городка. Но политработники по указанию начальника политотдела армии полковника Д. Ф. Романова сумели быстро доставить радиоприемники непосредственно в боевые порядки войск. Сюда же были выдвинуты громкоговорители и радиоусилительные установки. И над полем боя прозвучали торжественные слова приказа Верховного Главнокомандующего, а затем и победный гром московского салюта. Воины армии поддержали его огнем по врагу и могучим «Ура!»

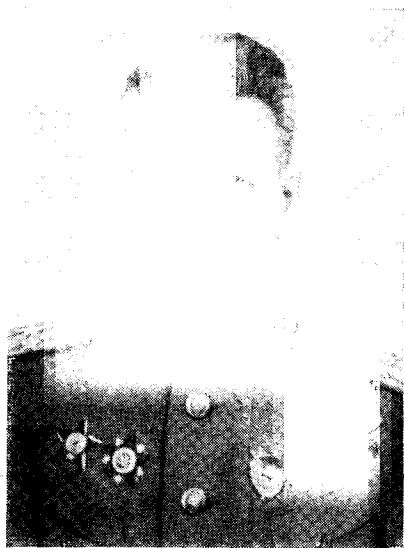
Наутро в частях и подразделениях перечитывали приказ, опубликованный в дивизионных и армейской газетах. У всех было радостное, приподнятое настроение. Оно создало обстановку огромного воодушевления и на состоявшихся в тот день митингах. Во всех речах звучала одна мысль, единое стремление — с честью выполнить боевые задачи, разгромить врага.

Так, выступая на митинге в одном из полков 83-й гвардейской стрелковой дивизии, старший сержант Штык говорил: «Весть о присвоении нашей дивизии почетного наименования «Городокской» и награждении ее орденом Красного Знамени воспринята мной как высокая награда Родины. В этой дивизии я с момента ее формирования и вместе с ней прошел большой путь борьбы с немецкими захватчиками. Поэтому сегодняшний день мне особенно радостен. Обещаю в предстоящих боях делать все от меня зависящее, чтобы славу нашей дивизии умножить».

Как бы продолжая эту мысль, выступивший затем сержант Барнов заявил: «Наша дивизия в тяжелых боях завоевала почетное наименование «Городокской» и орден Красного Знамени. Это большая награда для всех нас. Так будем же достойными воинами и покажем

К. Е. ЗАХАРЕНКО

Н. В. КУТИН

врагу силу и мощь нашего оружия. В прошедших боях все мы воевали неплохо. Я лично во время отражения контратаки истребил 12 гитлеровцев, подбил три вражеские бронемашины и один танк. В грядущих боях приложу все силы к тому, чтобы еще больше истребить фашистов и как можно быстрее освободить Витебск от немецко-фашистских захватчиков»¹¹.

Освобождение Витебска и являлось дальнейшей задачей войск 11-й гвардейской и соседней справа 4-й ударной армий.

Последние бои 1943 г.

После освобождения Городка войска армии продолжали наступать к югу, в направлении Витебска. Преодолевая ожесточенное сопротивление, они к исходу 25 декабря с боями продвинулись лишь на 4—5 км. Дальнейшее наступление было остановлено мощным и тщательно организованным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем, а также контратаками врага. Мы стояли перед укрепленным рубежом противника, проходившим по линии Белодедово, Слобода, Боровка, разъезд Залучье, Шпаки¹².

Как выяснилось впоследствии, это была внешняя полоса обороны Витебска, расположенная в 25 км от него и имевшая две-три линии траншей полного профиля, проволочные заграждения и минные поля.

¹¹ Архив МО СССР, ф. 367, оп. 5938, д. 53, л. 649.

¹² Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 25.

В 6—8 км южнее проходил второй рубеж, тянувшийся от Завязья через Городище к оз. Лосвида. Был еще и третий — по линии р. Пестуница, Михали, оз. Сосна, расположенный в 5—8 км от города. Эти рубежи были тактически выгодны как по своему расположению на местности, так и по возможностям постепенного перехода войск на новые позиции в глубине.

Все населенные пункты и господствующие высоты в промежутках между ними гитлеровцы превратили в опорные пункты.

Таким образом здесь была создана сплошная зона обороны глубиной в десятки километров, прикрывавшая город с севера, северо-запада и даже запада. Особенно основательно были укреплены те направления, где противник ожидал нашего наступления, в частности дороги, идущие к Витебску из Городка, Сиротино, Полоцка. В довершение ко всему этому в мощный узел обороны был превращен и сам Витебск, который Гитлер приказал удерживать «до последнего солдата».

Немецко-фашистское командование придавало Витебску исключительно важное значение. И не только потому, что он является крупным узлом коммуникаций. Гитлеровцы называли Витебск «воротами Прибалтики», которые якобы они ни в коем случае не отдадут.

Эти хвастливые уверения, как известно, рухнули, хотя и не в ту зиму, когда на Витебск наступали 11-я гвардейская и 4-я ударная армии. Город был освобожден позднее, следующим летом, в самом начале грандиозной Белорусской операции четырех наших фронтов, в ходе которой советские войска очистили от врага всю Белоруссию и значительную часть Прибалтики. Однако даже тогда взятие Витебска, хотя оно осуществлялось в условиях, лишивших противника возможности перебрасывать сюда резервы, потребовало героических усилий 39-й и 43-й армий.

Кстати, небезынтересны оценки обороны противника в районе Витебска, данные впоследствии командующими этими двумя армиями. Так, генерал-полковник И. И. Людников писал: «Гитлеровское командование считало Витебск основным опорным пунктом на левом крыле группы армий «Центр» и стремилось любыми мерами удержать его. Противник создал здесь оборонительные рубежи, связанные между собой системой отсечных позиций, с большим умением использовал особенности пересеченной местности»¹³. А вот строки из воспоминаний генерала армии А. П. Белобородова: «По уточненным разведанным, перед войсками армии противник создал развитую, преимущественно сплошную, траншейную, глубоко эшелонированную оборону, приспособленную к лесисто-болотистой местности, озерам и рекам. Позиции главной полосы обороны были насыщены множеством средств поражения»¹⁴.

Остается добавить, что такой была оборона противника и в тот декабрьский вечер, когда 11-я гвардейская армия подошла к ее пер-

¹³ «Освобождение Белоруссии. 1944». М., 1970, стр. 505.

¹⁴ Там же, стр. 301.

вому рубежу к югу от Городка. Строительство укреплений и создание опорных пунктов здесь велось более года. Особенно широко оно развернулось в июле 1943 г., сразу же после сокрушительного разгрома гитлеровцев под Курском, и было в основном закончено еще в период Невельской операции 3-й ударной армии.

Когда же части 11-й гвардейской армии освободили Городок, противник срочно уплотнил боевые порядки своих войск на витебском направлении, перебросив сюда новые соединения с других участков фронта. К 26 декабря против нашей и наступавшей правее 4-й ударной армий действовали 3-я и 4-я авиаполевые, 256-я и 197-я, ранее разгромленные и теперь значительно пополненные 87, 211 и 129-я пехотные дивизии, часть сил 12-й пехотной дивизии, 505-й отдельный танковый батальон, 190-й дивизион тяжелых штурмовых орудий, 990-й артиллерийский дивизион резерва главного командования и ряд других отдельных частей¹⁵.

Такова была оборона противостоявшего нам врага. Располагали ли мы достаточными силами и средствами, чтобы взломать ее, разгромить противника и освободить Витебск? Прежде чем ответить на этот вопрос, полагаю целесообразным привести здесь одно из высказываний Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Оно поясняет масштабы и характер действий наших войск в зимнюю кампанию 1943/1944 г. на различных фронтах и, в частности, на направлении, где действовала и 11-я гвардейская армия, а также принятые тогда соответствующие принципы распределения сил и средств.

В своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков отмечал: «В результате глубокого и всестороннего анализа обстановки Ставка решила в зимнюю кампанию 1944 года развернуть наступление от Ленинграда до Крыма включительно... Планируя действия советских войск на зиму 1944 года, имелось в виду главные средства и силы сосредоточить на 1, 2, 3 и 4-м Украинских фронтах, чтобы создать там более значительное превосходство над противником и в короткие сроки разгромить войска групп армий «Юг» и «А». Что касается других фронтов северного, северо-западного и западного направлений, то Ставка решила давать туда более ограниченные силы, чтобы не раздвигать их и не отвлекать с тех участков, где будут решаться главные задачи»¹⁶.

В том и состояла одна из замечательных особенностей в деятельности Ставки Верховного Главнокомандования по руководству боевыми действиями на громадном советско-германском фронте, что она умело определяла направления для нанесения главных ударов в соответствии со своим общим стратегическим замыслом. Наиболее законченное выражение это нашло в мощных ударах силами нескольких фронтов, наносимых последовательно на различных направлениях.

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5946, д. 424, лл. 7—8.

¹⁶ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1970, стр. 523—524.

В частности, зимой 1943/44 г. такие удары с решительными целями крупнейшего стратегического и политического значения были направлены на полную ликвидацию блокады города Ленина и освобождение Правобережной Украины с выходом на юго-западные границы СССР. На других же участках советско-германского фронта намечались наступательные действия ограниченного характера. Так, «на северо-западном направлении войска должны были выйти к границам Прибалтийских республик. Западному направлению ставилась задача возможно большего освобождения территории Белоруссии»¹⁷.

Таким образом наше направление, хотя ему всего лишь через несколько месяцев предстояло стать главным, пока что оставалось второстепенным со всеми вытекающими отсюда последствиями при распределении сил и средств.

Что это означало в конкретных условиях 1-го Прибалтийского фронта при осуществлении наступательной операции на витебском направлении, можно увидеть на примере нашей 11-й гвардейской армии. Так, через несколько дней после ее выхода к упомянутому рубежу Белодедово, Слобода, Боровка, разъезд Залучье, Шпаки, когда мы уже получили более ясное представление о противостоящих нам фашистских войсках, соотношение наших и вражеских сил оказалось следующим: по пехоте — 1,2 : 1, орудиям и минометам — 3 : 1, но с учетом наличия боеприпасов фактически 1 : 1, по пулеметам — 1,6 : 1, по танкам — 0,9 : 1¹⁸.

Следовательно, мы имели небольшое превосходство лишь в численности пехоты, но уступали врагу в количестве танков. Такое соотношение сил при наличии мощной многополосной обороны противника означало, что поставленная 11-й гвардейской армии задача во взаимодействии с 4-й ударной овладеть Витебском к 30—31 декабря была, конечно, нереальной. И полагаю, что командующий фронтом не поставил бы ее, если бы располагал достоверными данными о наличии сил у противника и характере его обороны. К сожалению, такие сведения были получены штабами фронта и армии значительно позднее, уже в ходе боевых действий по прорыву вражеской обороны на подступах к Витебску.

Сложность обстановки, следовательно, состояла не только в том, что от недавнего нашего превосходства над противником в силах и средствах не осталось и следа, но и в том, что нам это пока не было известно.

Разумеется, я видел многие серьезные трудности: снижение наступательных возможностей войск, ослабленных предшествующими боями и не получавших пополнения; продолжавшуюся острую нехватку боеприпасов, вследствие чего мы могли использовать свою артиллерию и минометы не более чем на половину их огневой мощи; крайне недостаточные данные о противнике и характере его

¹⁷ Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 524.

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 63.

обороны на этом еще повом для нас участке. Принимались и все возможные меры: усилили разведку, бросили весь автомобильный и гужевой транспорт на обеспечение снабжения.

Но если данные о противнике мы вскоре сумели основательно пополнить, то подвоз боеприпасов так и не достиг необходимых размеров. Отчасти это произошло не только из-за удлинившихся до 180 км путей от баз до огневых позиций, но и в значительной мере из-за того, что в первые дни фронт не имел возможности полностью удовлетворить наши потребности. Что же касается значительного пополнения бойцами, в котором все острее нуждались войска армии, то оно пока не поступало. Силы 11-й гвардейской значительно уменьшились в связи с упоминавшимся выше выводом 83-го стрелкового корпуса в резерв фронта, а 1-го танкового корпуса — на доукомплектование.

Таким образом, армия стала слабее, а поставленная ей задача — сложнее. Это и определило ход и исход наших боевых действий под Витебском, которым мы пытались овладеть не только при фактическом превосходстве сил противника, но и по существу безо всякой подготовки. Чтобы убедиться в последнем, достаточно напомнить: уже через 6—7 дней после взятия Городка мы должны были овладеть Витебском.

Казалось бы, в сложившихся крайне неблагоприятных условиях армия не могла наступать.

И все же она шла вперед. Медленно, с огромным напряжением сил, отвоевывая в среднем не более километра в день, наши соединения продвигались на юг. Этого удавалось добиваться непрерывными ударами то на одном, то на другом направлении. Только в результате короткой боевой разведки, дивизии выявляли какое-либо относительно слабое звено в обороне противника, а затем, уничтожив тот или иной опорный пункт, получали возможность несколько продвинуться вперед.

Не всегда полностью использовались неожиданно возникавшие благоприятные условия. Это происходило иногда вследствие медлительности при выдвижении артиллерии крупного калибра для стрельбы прямой наводкой, недостаточно скрытного сосредоточения частей для удара и т. п.

Главное же заключалось в мощности обороны противника, в наличии у него крупных сил, которыми он не только упорно оборонялся, но и непрерывно контратаковал. Особенность этих контратак состояла в том, что они предпринимались сравнительно небольшими силами — до батальона с 8—12 танками, но на многих участках и притом в разное время. Едва одна наша часть успевала отбить натиск врага, как то же самое повторялось перед фронтом другой части. Эта тактика противника, как нам было хорошо известно по предыдущим наступательным операциям, имела целью непрерывно сдерживать наступающих, вынуждая их готовиться к отражению контратак.

И хотя они неизменно отбивались в основном массированным огнем артиллерии и минометов, в том числе противотанковых орудий,

действовавших с близких дистанций, а контратакующие отряды почти полностью уничтожались, все же противнику при этом удавалось выигрывать время. Затем на угрожаемый участок подходили его резервы, и нам снова приходилось менять направления ударов.

В результате с 25 по 31 декабря войска армии продвинулись лишь на 5—7 км.

Наиболее успешно действовали наступавшие на правом фланге три гвардейские стрелковые дивизии — 11-я из состава 16-го гвардейского стрелкового корпуса, 31-я и 26-я из 8-го.

Преодолев первый оборонительный рубеж противника, они очистили от его войск леса западнее оз. Лосвида. В центре и на левом фланге армии продвижение было несколько меньшим.

К исходу последнего дня 1943 г. соединения на правом фланге армии подошли ко второму рубежу, тянувшемуся на юго-запад от названного озера. Здесь они вновь были остановлены сильным огнем врага. Правее этот рубеж проходил по южному берегу оз. Зароновское. Туда вышли соединения 4-й ударной армии, которые также были вынуждены приостановить наступление.

Приближался Новый год. Вечером мы с членом Военного совета генералом П. Н. Куликовым решили обсудить с некоторыми работниками штаба и командующими родами войск вопросы дальнейшего наступления.

К этому времени генерал-майор Н. П. Иванов был переведен в другую армию, а начальником нашего штаба по моему ходатайству Военный совет фронта утвердил бывшего начальника оперативного отдела полковника Ф. Н. Бобкова, образованного и опытного офицера, вдумчивого и серьезного штабного работника. В начале войны он возглавлял штаб дивизии. В середине 1942 г. стал заместителем начальника, а затем и начальником оперативного отдела 11-й гвардейской армии.

Его организаторские способности особенно проявились в июльско-августовских боях армии при проведении Болховской операции севернее Орла, а потом и в Городокской операции. Он почти всегда был со мной на наблюдательных пунктах, откуда осуществлялось все управление войсками, и часто выполнял фактически обязанности начальника штаба армии. Будучи утвержден в этой должности, он хорошо справился с ней.

Естественно, нужен был и новый начальник оперативного отдела. Хотя отдел был укомплектован грамотными и боевыми офицерами, такими как подполковник А. В. Соколов, майоры И. Ф. Скоков, Ф. Д. Свердлов, Ю. В. Плотников, Н. В. Рягузов, В. С. Бучичев и другие, все же они не имели опыта по руководству крупным штабным коллективом. Поэтому я решил посоветоваться с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом В. В. Курасовым. Владимир Васильевич сразу же указал подходящую кандидатуру.

— У вас в 16-й гвардейской стрелковой дивизии, — сказал он, — начальником штаба полковник Иван Иванович Леднев. Офицер опыт-

Ф. Д. СВЕРДЛОВ

Ю. В. ПЛОТНИКОВ

ный, хорошо подготовленный. До войны окончил Академию Генерального штаба. Когда я в конце 1941-го и начале 1942-го руководил штабом 4-й ударной армии, он там же был начальником оперативного отдела. Знаю его хорошо.

Штаб 16-й гвардейской стрелковой дивизии находился неподалеку от армейского КП — всего в двадцати минутах езды. Приехав туда, я сразу же стал говорить с командиром дивизии о намерении перевести И. И. Леднева в штаб армии. Генерал-майор Е. В. Рыжиков искренне огорчился. Но подумав, призвал:

— Да, для дела это, конечно, будет лучше.

Вскоре пришел полковник И. И. Леднев. На мой вопрос о том, как он относится к предполагаемому назначению, последовал краткий, но вполне ясный ответ:

— Раз нужно — я готов.

В это время в блиндаж командира дивизии вошел молодой майор.

— Разрешите обратиться к командиру дивизии? — спросил он меня. — Я начальник оперативного отделения майор Данилевич. Принес на подпись итоговое боевое донесение.

Затем он доложил генералу Е. В. Рыжикову ход боев дивизии за день и последнюю обстановку. Докладывал он четко, очень кратко, но в то же время не упускал важных подробностей, а по отдельным полкам указывал характер действий некоторых батальонов.

Генерал Рыжиков подписал донесение, и майор А. А. Данилевич вышел.

— Очень способный офицер,— сказал о нем полковник Леднев.— В штабе дивизии работает уже два года. Он прекрасно проявляет себя на оперативной работе.

— Так давайте возьмем его в штаб армии,— сказал я.— Замена ему есть?

— Конечно,— ответил генерал Е. В. Рыжиков,— а для него это будет большой школой. На место А. А. Данилевича мы поставим одного из начальников штабов полков, да и помощник у него хороший, можно выдвинуть.

— Так и решим,— сказал я на прощание.

На следующий день полковник И. И. Леднев прибыл в штаб армии и приступил к работе. Он показал себя вполне подготовленным штабным офицером, хорошо понимающим природу современных операций. Вскоре ему было присвоено воинское звание генерал-майора, в дальнейшем он стал начальником штаба армии. После окончания Великой Отечественной войны возглавлял штаб Таврического военного округа. В нашей армии он пользовался большим уважением и любую работу — от составления боевого донесения до разработки оперативной части плана операции — выполнял быстро, умело и безопшочно.

Полковники Ф. Н. Бобков и И. И. Леднев участвовали и в состоявшемся поздно вечером 31 декабря обсуждении вопросов дальнейшего наступления.

Первым докладывал генерал П. С. Семепов. Он сообщил, что если завтра потребуется осуществить артиллерийскую подготовку, то для этого можно будет израсходовать не более четверти боекомплекта¹⁹. Доложенные им данные объясняли и причины отсутствия достаточного количества боеприпасов: чрезвычайно высокий расход снарядов, вызванный крайне упорным характером боев, и трудности снабжения. Последние в основном сводились к тому, что на базах фронтового подчинения некоторое время не было достаточных запасов снарядов. Теперь боеприпасы поступили в большом количестве, и фронт выделил часть из них нам. Генерал П. С. Семенов отметил, что на их вывозку брошен весь наличный транспорт, но, как показал предварительный расчет, ввиду дальности перевозок даже к исходу 2 января мы будем иметь на огневых позициях только половину, а на дивизионных складах — четверть боекомплекта²⁰.

— Положение противника в этом отношении лучше,— сказал он в заключение,— так как расстояние от его баз до огневых позиций раз в пять короче. Кроме того, мы располагаем фактически одной дорогой для подвоза боеприпасов, а у противника их несколько. Вот почему он ведет огонь непрерывно, в то время как наши возможности, несмотря на наличие большего числа орудий, ограничены.

В это же время я доложил полковник И. И. Леднев вышеприведенные данные о соотношении сил в полосе армии, показывавшие, что противостоявший враг по меньшей мере не слабее нас.

¹⁹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 65.

²⁰ Там же.

И. И. ЛЕДНЕВ

А. А. ДАНИЛЕВИЧ

Все это заставляло задуматься: можно ли продолжать наступление в тяжелых зимних условиях имеющимися силами, да еще при нехватке боеприпасов и почти без всякой поддержки авиации из-за нелетной погоды? Правда, в наших руках инициатива. Мы можем и впредь создавать превосходство в силах и средствах на отдельных направлениях, но при сложившихся условиях таким путем удастся лишь уничтожить ту или иную группу обороняющихся. Противник же немедленно усиливает данный участок и контратаками вновь останавливает нас.

Результат налицо: наступаем с темпом 1—2 км в день либо ведем целыми сутками бои вообще без какого-либо продвижения вперед. Сумеем ли мы при таких условиях овладеть Витебском?

— В создавшейся обстановке, — как бы отвечая на этот вопрос, сказал генерал П. Н. Куликов, — трудно рассчитывать на достижение решительного успеха. Полагаю, что и обеспечить артиллерию боеприпасами за короткий срок не успеем. Автотранспорт работает с предельной нагрузкой, большего сделать он не сможет. К тому же войска нуждаются в пополнении людьми, боевой техникой...

Да, без хорошей подготовки продолжать наступление нельзя. Основную задачу операции — разгром городокской группировки противника — армия выполнила. Попытка же взять Витебск оставшимися силами и без тщательных приготовлений вряд ли принесет успех. Этот вывод полностью поддержали все присутствовавшие.

Вскоре я изложил его по ВЧ командующему фронтом. После некоторого размышления генерал И. Х. Баграмян согласился с тем, что продолжать наступление сейчас нецелесообразно. Он приказал временно перейти к обороне, подтянуть тылы, подвезти боеприпасы, дать

некоторый отдых личному составу. Но после этого все же возобновить наступление на Витебск имевшимися силами.

Разумеется, мы обменялись новогодними поздравлениями и пожеланиями боевых успехов. Но праздника в обычном смысле этого слова у нас в штабе армии не получилось. Большая часть ночи ушла на то, чтобы довести до войск распоряжения о временном переходе к обороне и подготовке к последующему возобновлению наступления.

И все же самую торжественную минуту, когда радио донесло до нас звон кремлевских курантов, встретили и мы праздничным тостом за новые победы в наступавшем году, который должен был принести полное освобождение советской земли от фашистских оккупантов.

Снова — вперед!

В течение последующих двух ночей основные силы армии были отведены на 5—8 км в тыл. На переднем крае каждая дивизия оставила по одному полку, имевшему задачу огнем держать противника в постоянном напряжении, вести непрерывную разведку, выявлять вражеские огневые точки, позиции минометов и артиллерии. Войска же, выведенные в тыл, после небольшого отдыха приступили к доукомплектованию.

Впрочем, то, что мы делали, скорее можно назвать переформированием. Ведь пополнения в армию пока не поступало. Поэтому перед нами встал вопрос: как поступить — сохранить штатное число рот и батальонов с малочисленным составом или сделать подразделения полнокровными за счет уменьшения их общего количества? Из этих двух зол меньшим было второе, его мы и выбрали. Да и нельзя было поступить иначе, так как роты и батальоны, несущие на себе основную тяжесть боя на том или ином участке, могут успешно выполнять боевую задачу лишь при наличии достаточного числа активных бойцов.

В итоге численный состав подразделений был увеличен, но их количество основательно сократилось. Правда, в некоторые стрелковые роты мы перевели часть бойцов из тыловых и специальных подразделений, отсюда же взяли недостающее количество лошадей для артиллерийских и минометных батарей. Однако в основном доукомплектование одних батальонов произвели за счет других. Одновременно шло сколачивание созданных таким путем подразделений, велась боевая и политическая учеба.

Времени на все это у нас было немного, поскольку уже 5 января предполагалось возобновить наступление. Поэтому подготовка велась далеко не столь основательно, как хотелось бы. В частности, сведения о противнике были по-прежнему недостаточными. Авиаразведка из-за нечетной погоды дала в этом отношении немного. Передовые части также сумели лишь до некоторой степени «прощупать» передний край обороны противника огнем, разведкой боем и действиями раз-

ведывательных подразделений. Что же касается количества боеприпасов, которое удалось доставить с баз, то и оно оказалось значительно меньшим, чем ожидалось, так как прошли сильные снегопады, дороги то и дело заметала вьюга.

Словом, армия ни по наличию сил и средств, ни по степени готовности не была в состоянии осуществить решительное наступление на большую глубину — а нас все еще отделяли от Витебска примерно 20 км — против сильного врага, опиравшегося на мощную оборону. Но наступать хотя бы и с ограниченными целями нужно было непременно.

Это требование диктовалось общей обстановкой, вновь выдвинувшей перед нашим и соседними фронтами задачу сковывания сил противника. Продолжалось мощное наступление советских войск на юге. Заканчивалась подготовка удара Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов по группе армий «Север». Можно было не сомневаться, что враг попытается перебросить под Ленинград свои силы с ближайших участков, в том числе и из Витебска.

Не допустить этого, создав здесь возможно большую напряженность, — такова была задача наших войск на витебском направлении, в том числе и 11-й гвардейской армии.

Итак, мы возобновили наступление. Однако не 5 января, так как из-за сильного снегопада не только не могла действовать авиация, но и артиллерия оказалась лишена возможности вести прицельный огонь. Перенесли начало наступления на следующий день. Погода улучшилась ненадолго, но дальнейшая отсрочка была невозможна, и войска армии получили приказ нанести удар по врагу.

Отмечу, что в тот день мы смогли выделить по четверти боекомплекта на орудие для артиллерийской подготовки и столько же для последующего ведения огня. И это при наступлении против сильно укрепленных вражеских позиций. Естественно, что при таких условиях эффективность огня артиллерии оказалась недостаточной.

Правда, 6 января наши стрелковые соединения совместно с бригадами 1-го танкового корпуса, вновь введенными в бой и действовавшими в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, продвинулись на ряде участков. Но на следующий день дела пошли хуже. Противник, действуя с заранее подготовленного оборонительного рубежа, сильным огнем артиллерии, в том числе многочисленных противотанковых орудий, нанес нашим наступающим частям серьезные потери, особенно в танках. Так, в 89-й танковой бригаде за два дня боев вышли из строя 43 из 50 боевых машин²¹.

Бои носили еще более упорный и ожесточенный характер, чем прежде. Маневрируя своими огневыми средствами, враг останавливал атакующих, прижимал их к земле и вынуждал отходить на исходные позиции.

²¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 75.

Особенно препятствовали наступлению широко используемые противником и часто менявшие свои огневые позиции отдельные танки, штурмовые орудия, тяжелые минометы и орудия, выдвинутые для стрельбы прямой наводкой. Там же, где наши части добивались успеха и несколько продвигались вперед, гитлеровцы немедленно предпринимали контратаки силами до батальона пехоты при поддержке 5—8 танков и штурмовых орудий. Гвардейцы жгли вражеские «тигры» и «фердинанды», уничтожали пехоту, но продвигаться вперед не могли вследствие непрерывных дальнейших контратак немецко-фашистских войск.

Опять начали появляться новые части противника, ранее не отмеченные в полосе армии. Значит, вражеское командование продолжало наращивать свои силы в районе севернее Витебска, стремясь его удержать во что бы то ни стало. И все же мы продвигались вперед. Достигалось это применением непрерывно меняющихся тактических приемов, в частности ночными атаками, одновременными действиями на разных направлениях силами полков при поддержке 8—10 танков и т. д.

В результате в упорных боях наши части то там, то тут освобождали отдельные населенные пункты, уничтожали или отесняли группы противника. Но в целом боевой итог этих действий был по-прежнему невелик, продвижение оставалось незначительным.

Чтобы дать представление о характере боев тех дней, расскажу несколько подробнее о том, как был взят вражеский опорный пункт в Кухори.

Это небольшой поселок, расположенный на возвышенности, господствующей над местностью. Преобладающие здесь каменные дома противник оборудовал как доты и приспособил их к круговой обороне. На окраинах поселка были вырыты окопы полного профиля с ходами сообщения между ними. Невдалеке от открытых пулеметных площадок располагались блиндажи в 3—5 накатов для укрытия солдат во время нашего артиллерийского огня. В 30—40 м впереди траншей тянулись проволочные заграждения в три ряда. Любой пункт на подступах к поселку простреливался многостойным огнем пулеметов и автоматов.

Гарнизон Кухори состоял из двух рот численностью по 80—100 человек, имевших на вооружении 8—9 станковых, 10—12 ручных пулеметов, несколько противотанковых ружей, 2 штурмовых орудия, а также батарею минометов. Кроме того, гарнизон поддерживался из глубины обороны огнем не менее трех артиллерийских и трех минометных батарей.

С 9 по 11 января опорный пункт гитлеровцев в поселке Кухори дважды подвергался атакам подразделений одного из полков 16-й гвардейской стрелковой дивизии. Но прорваться к нему не удалось даже силами двух стрелковых батальонов с ротой саперов, поддерживаемых артиллерией. При очевидном превосходстве своих сил и ведении атаки с разных направлений наши подразделения все же не добились успеха. Объяснялось это просто: как потом подтвердилось,

гитлеровцы в период артиллерийской подготовки сидели в укрытиях и потерь почти не несли. Как только наши орудия прекращали огонь, вражеский гарнизон по сигналу наблюдателей занимал свои позиции и встречал наши подразделения сильным огнем.

Командир 16-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Е. В. Рыжиков с полным основанием решил, что действовать нужно иначе, а именно внезапной ночной атакой силами хорошо подготовленного отряда. Такой отряд был создан в 43-м гвардейском стрелковом полку, которым командовал полковник А. П. Скрынник (заместитель по политчасти — майор Курбатов). В его состав включили стрелковый батальон, усиленный разведротой и саперами. Организовали несколько штурмовых групп. Каждая из них заранее получила конкретную боевую задачу.

Разведчикам предстояло первыми под прикрытием темноты атаковать противника и уничтожить его пулеметные дзоты, а главное — вызвать панику, которой должен был воспользоваться стрелковый батальон. Далее надлежало вступить в бой штурмовым группам, предназначенным для действий против врага, оборонявшегося в каменных зданиях.

На подготовку и тренировку штурмовых групп отвели двое суток. Этого, пожалуй, было достаточно, поскольку подступы к объекту нападения были уже ранее разведаны с достаточной полнотой. И все же каждая группа накануне днем еще раз внимательно изучила указанные ей подходы. Отрабатывали и систему сигнализации. Атаку решили провести глубокой ночью, действуя с двух направлений — с запада вдоль шоссе и с северо-востока.

К 2 часам ночи разведрота, а за нею и стрелковый батальон скрытно сосредоточились для броска в 200—300 м от переднего края противника. Сделать это было нелегко, так как гитлеровцы ракетами почти непрерывно освещали подходы к переднему краю. Но наши воины действовали умело, и врагу не удалось обнаружить их сосредоточение. В течение часа велось наблюдение за противником.

В 3 часа разведчики начали движение вперед. С помощью саперов, проделавших несколько проходов в проволочных заграждениях, они бесшумно приблизились к фашистским дзотам и внезапно забросали их амбразуры гранатами и толовыми пашками. Одновременно были уничтожены пулеметы, установленные на открытых площадках. После этого разведчики ворвались в здания, где находились гитлеровцы. Враг растерялся. Он смог ответить лишь беспорядочной стрельбой, не причинившей нашим воинам урона. В это время двинулся вперед атакующий батальон. И только теперь открыла огонь артиллерия противника. Но она опоздала. Батальон находился уже внутри вражеских укреплений, что и укрыло его от огня.

К 6 часам после упорного боя поселок был полностью очищен от фашистов, потерявших только убитыми 30 солдат и одного офицера. Кроме того атакующие захватили батарею минометов, 7 станковых и 4 ручных пулемета, 1 орудие в исправном состоянии и с боезапасом. В нашем же батальоне потерь убитыми не было, а число ране-

ных не превышало 10 человек. И этот, разумеется, очень важный показатель, и в целом успех атаки 14 января были результатом правильно организованного и хорошо подготовленного удара.

Но ведь в Кухори находился лишь один из нескольких десятков опорных пунктов, созданных противником на пути к Витебску. Они входили в общую систему его обороны и располагались в таком порядке, чтобы держать под интенсивным обстрелом все не только ближние, но и дальние подступы к городу. Причем многие из этих опорных пунктов были значительно более мощными, чем Кухори, и на овладение каждым из них требовалось много времени и сил.

Так мы наступали вплоть до 10 февраля. Наступали, несмотря на то что враг, продолжавший перебрасывать резервы против 11-й гвардейской армии, еще 9 января превзошел ее и в численности войск. Испытывая систематические перебои в подвозе боеприпасов и отсутствии авиационной поддержки, мы медленно, но наступали. И даже пытались ускорить продвижение вперед. Но сколько ни выезжали мы с П. Н. Куликовым то в одну, то в другую дивизию, чтобы помочь в поисках наиболее подходящих решений и способов ведения боя, одно это не могло повысить темп наступления, обеспечить прорыв к Витебску и овладение им.

Конечно, добрый совет всегда хорош. Да и командиры дивизий сами были людьми опытными в военном деле. Поэтому у нас широко применялись самые различные методы борьбы с врагом. Однако в современной войне даже искусным маневром нельзя компенсировать недостаточность огня. И наряду с хорошими советами нужно было усилить соединения боевой техникой, помочь им всей мощью армейской артиллерии.

Но ничего этого сделать мы не могли. Армейские резервы в ходе проведенной операции были исчерпаны.

В результате упорных боев, длившихся более месяца, войска армии сокрушили численно превосходящего врага и преодолели вторую полосу его обороны на витебском направлении. Но вслед за тем к 10 февраля мы оказались перед новым рубежом, который гитлеровцы успели создать в 12—13 км к северо-западу от Витебска. Эта промежуточная оборонительная полоса проходила по линии Подборье (иск.), Шатрово. Здесь наши соединения встретили вновь резко возросшее сопротивление.

Необходимо напомнить, что к тому времени произошли большие перемены в обстановке на северо-западном направлении. Событием огромного значения явилась полная ликвидация блокады Ленинграда, последовавшая в результате успешного наступления армий Ленинградского и Волховского фронтов. Громя противника, они продолжали быстро продвигаться на запад. В свою очередь войска нашего правого соседа — 2-го Прибалтийского фронта овладели Новосокольниками. Крупные силы группы армий «Север» были накануне полного разгрома.

В этих условиях потеряла свое прежнее значение задача отвлечения вражеских резервов на витебском направлении. Сковывать про-

тивника мы могли и активной обороной. Что же касается наступления с целью прорыва к Витебску и овладения им, то необходимыми для этого силами 11-я гвардейская армия не располагала. Более того, весьма проблематичной была и возможность ее дальнейшего продвижения вперед в имевшемся составе.

Поэтому с разрешения командующего фронтом я отдал приказ о прекращении наступления. На этом и закончились боевые действия армии на витебском направлении, являвшиеся по существу продолжением Городокской операции.

Не числом, а умением

В ходе Городокской операции 11-я гвардейская армия, прорвав оборону противника и развивая успех, сначала окружила и почти полностью уничтожила группу войск противника силою до пехотной дивизии, оборонявшуюся на северной оконечности городокского выступа фронта в районе Езерище. Затем совместно с 4-й ударной армией окружила и разгромила в районе к западу и северо-западу от ст. Бычиха другую группировку фашистских войск, состоявшую почти из трех пехотных дивизий.

В последующем гвардейцы нанесли серьезное поражение основным вражеским силам, оборонявшимся на дугообразной линии севернее Городка, завершили полностью ликвидацию городокского выступа фронта, овладели Городком — укрепленным районом и важным опорным пунктом противника, прикрывавшим с севера Витебск. И, наконец, вышли на ближние подступы к последнему, прорвав еще два мощных оборонительных рубежа немецко-фашистских войск.

Эти боевые действия составляли часть фронтовой операции, в которой 11-я гвардейская армия играла главную и решающую роль. Операция была довольно сложной и имела ряд особенностей.

Одна из особенностей заключалась в том, что замысел операции возлагал на 11-ю гвардейскую армию задачу, не терпящую отлагательств. Мы должны были прежде всего нанести удар с целью расширить горловину прорыва 3-й и 4-й ударных армий, тем самым облегчив их положение и обеспечив им возможность продолжать продвижение на запад. Неотложностью этой задачи собственно и объяснялось то, что приказ начать наступление армия получила, не завершив полностью приготвлений и не накопив необходимых запасов на всю операцию, в первую очередь боеприпасов.

Последнее обстоятельство начало сказываться со всей остротой не сразу.

При выполнении первой своей задачи, наряду с вполне понятными трудностями, связанными с необходимостью прорывать сильно укрепленную оборону противника и наступать на местности, малопригодной для движения войск, армия имела в активе ряд благоприятных факторов. Она располагала значительными силами и могла создать решающее превосходство на участке прорыва. Выгодной для

нас являлась и конфигурация фронта противника, представлявшая собой выступ, который тянулся от Городка на северо-восток, заканчиваясь в районе озер юго-западнее Невеля. Этот длинный и сравнительно неширокий «язык» был весьма уязвим.

Как видно из хода наступления, благоприятные условия армии использовала полностью, трудности преодолела, выполнив с честью неотложную задачу ликвидации городокского выступа фронта противника.

Другая особенность операции состояла в том, что ее успешный ход был в немалой степени обеспечен изменением первоначально запланированного направления главного удара. В связи с этим целесообразно высказать некоторые соображения.

План, о котором идет речь, был в целом правильным. Он основывался на положении военной теории о наибольшей выгоде того направления главного удара, которое выводит ударную группировку в район, позволяющий успешно выполнить поставленную боевую задачу. Оно должно обеспечить возможность наилучшего применения сил и средств на всю глубину удара, создать условия для оперативного и тактического взаимодействия войск внутри боевого построения, а также с соседями. И это также учитывалось при планировании. Намечалось нанести главный удар вдоль Невельского шоссе на юг.

Таким образом, основные силы армии по кратчайшему направлению должны были выйти к ближайшему объекту действий — Городку, овладение которым обеспечивало выполнение дальнейшей задачи — ликвидацию всего городокского выступа и уничтожение находившейся в его пределах группировки гитлеровцев. При этом достигалось и эффективное взаимодействие с 4-й ударной армией, которая наносила встречный удар.

Как видим, все было задумано правильно. Но вот началась операция, и оказалось, что как раз на кратчайшем направлении враг намного сильнее, чем мы предполагали. Так вновь подтвердилась истина, гласящая, что первоначальный план не всегда является лучшим. Конечно, не легко заменить его другим уже в ходе операции, но иного пути к достижению успеха при таких обстоятельствах не существует. Нужно лишь сделать это своевременно и обоснованно, полностью учтя выявившуюся обстановку.

К этому мы и стремились в Городокской операции, когда изменили ранее намеченное направление главного удара. Здесь надо отдать должное командующему фронтом ныне Маршалу Советского Союза И. Х. Баграмяну, решительно поддержавшему изменение, которое способствовало перерастанию небольшого тактического успеха в оперативный и обеспечило выполнение поставленной задачи.

Но одно изменение повлекло за собой и ряд других. Нанеся удар не на юго-запад, как планировалось, а на запад, армия затем, на втором этапе операции, повернула на юг. После же освобождения Городка мы наступали на юго-запад в направлении оз. Лосвида и, наконец, оттуда на юго-восток с целью окружения вражеских войск, обороняв-

шихся перед центром и левым флангом армии. В этих непрерывных «зигзагах» вокруг заданной оси наступления заключалась еще одна особенность операции. И она также подтверждает, что план — не догма, а руководство к действию, требующее гибкости в управлении войсками, реалистичной оценки обстановки и всех ее деталей, выявляющихся в ходе боев, поисков новых решений, обеспечивающих выполнение поставленной задачи даже в неблагоприятно складывающихся условиях.

Чаще всего я с оперативной группой штаба армии и начальниками родов войск находился на наблюдательном пункте в 2—4 километрах от войск, действовавших на главном направлении. Правда, иногда, в особенно трудные моменты боя тянуло поближе к сражающимся частям, хотелось помочь на месте. Но рассудок подсказывал, что таким путем, как говорится, потеряешь больше, чем найдешь. Ибо опыт научил, что гибкое управление войсками армии возможно лишь в том случае, когда командующий в состоянии видеть, оценивать и влиять на ход ее боевых действий, нередко довольно различных по своему характеру.

Ведь сплошь и рядом бывает так, что на одном направлении армейской полосы наступления войска успешно продвигаются вперед, на другом — отражают контратаки, а кое-где уже перешли в преследование. Управление всеми этими боевыми действиями требует единого и четкого руководства. Поедешь в одну дивизию — упустить из виду развитие событий в других, не сможешь вовремя учесть те или иные изменения в обстановке. Конечно, на месте всегда находится начальник штаба. Но пока он свяжется с уехавшим в войска командармом, могут оказаться упущенными драгоценные на войне минуты.

Поэтому глубоко убежден, что во время наступательной операции место командарма — на командном или наблюдательном пункте, имеющем устойчивую связь со всеми корпусами и дивизиями.

В рассматриваемой операции это было особенно важно прежде всего потому, что обстановка очень быстро менялась, и в ходе боев надо было нередко буквально на ходу менять решения, чтобы наносить удары в новых направлениях.

На наблюдательном пункте передо мной на раскладном столике лежала оперативная карта, на которой отмечались малейшие изменения обстановки. Она позволяла следить за действиями противника во всей полосе армии и, сопоставляя их с данными всех видов разведки, определять его намерения, видеть опасность, угрожавшую тому или иному соединению, и принимать необходимые меры, не дожидаясь подчас запаздывавшей просьбы о помощи, а также определять новые, более выгодные направления ударов и заблаговременно ставить соответствующие задачи войскам.

Такое управление, конечно, возможно при наличии постоянной надежной связи со всеми соединениями. И должен отметить, что в ходе операции у нас работала безотказно как проводная, так и радиосвязь. Большая заслуга в этом принадлежала начальнику связи

армии полковнику Я. Г. Давыденко и всему большому коллективу связистов.

Для Городокской операции характерна также непрерывность боевых действий армии. Да и любое наступление с решительной целью не терпит пауз. Оно требует наносить непрерывные удары по врагу, не давая ему передышки, как бы это ни было трудно. Так мы и стремились вести операцию, несмотря на постоянную нехватку боеприпасов и необходимость перегруппировок, порой довольно крупных.

Непрерывность ударов сковывала противника, не позволяла ему маневрировать силами, приводить свои войска в порядок и создавать новый сплошной фронт обороны в глубине. Вместе с тем она до некоторой степени облегчала нашим войскам выполнение поставленных задач, так как даже после небольшой передышки врагу удавалось основательно закрепиться на новых рубежах, и тогда наступать становилось еще труднее. Вот почему мы избегали пауз даже в тех случаях, когда меняли направления ударов.

Все сказанное достаточно ясно говорит о напряженном характере боевых действий 11-й гвардейской армии в ходе Городокской операции. Он определялся, с одной стороны, наличием у противника на витебском направлении крупной группировки войск и мощной многополосной обороны, а с другой — неблагоприятными условиями, резко ограничившими возможность всестороннего применения имевшихся у нас сил и средств.

Так, пелетная погода почти совершенно лишила армию поддержки авиации. Располагая довольно значительной артиллерией, мы оказались не в состоянии полностью использовать ее мощь, так как не имели достаточного количества боеприпасов. Запасы, созданные в войсках к началу операции были исчерпаны уже в первые три дня. Поэтому в дальнейшем мы могли расходовать лишь столько снарядов, сколько успевали подвезти в условиях растяжки коммуникаций до 180 км и недостаточности транспортных средств.

Вследствие этих причин основная боевая нагрузка легла на атакующие части, что и потребовало от их личного состава колоссального напряжения сил. Выдержать его могли лишь советские воины, вдохновляемые благородными целями защиты своей социалистической Родины. И они с честью справились с трудной задачей.

По темпам наступления эту операцию можно условно разделить на два периода.

Первый из них — с 13 по 25 декабря характеризовался стремительными действиями, в ходе которых армия последовательно прорвала основной и ряд промежуточных рубежей, заблаговременно подготовленных гитлеровцами к обороне. При прорыве широко применялся метод дробления противостоявшей вражеской группировки с последующим разгромом ее по частям. Именно в эти дни и была выполнена основная задача — ликвидация городокского выступа фронта противника.

Второй период оказался еще более напряженным. Его особенно сильно являлось изменившееся в пользу противника соотношение сил

в полосе наступления армии. Но и теперь, когда мы лишились численного превосходства, наши войска продолжали громить врага, взламывать его оборону и неуклонно продвигаться вперед. Конечно, гораздо медленнее, чем до тех пор.

Характерно, что и в условиях, когда численное превосходство перешло к противнику, мы все же продолжали наносить ему одно за другим поражения. Одной из важнейших предпосылок тому являлось применявшееся нами решительное массирование сил и средств на избранном направлении главного удара. И чем меньшими ресурсами располагала армия, тем все больше усиливалась такая концентрация. Это можно увидеть из данных относительной плотности войск на главном направлении. Так, 13—14 декабря 1943 г. при прорыве обороны южнее Невеля на дивизию приходилось 2 км фронта, а, например, 12 января 1944 г. на подступах к Витебску мы сосредоточили на 11-километровом участке восемь стрелковых дивизий и танковый корпус, оставив на остальном 15-километровом фронте менее двух дивизий.

Таково еще одно подтверждение тому, что Красная Армия побеждала врага не числом, а умением.

Большая роль в достижении успеха принадлежала правильно поставленной, повседневной партийно-политической работе в войсках. У нас, как и во всей Красной Армии, она носила наступательный характер. Как известно, в 1943 г. Советские Вооруженные Силы добились крупных успехов в борьбе с ненавистным врагом и прочно захватили стратегическую инициативу. Каждая одержанная победа придавала нашим воинам новые силы, вела к нарастанию наступательного порыва войск, рождала массовый героизм в боях за освобождение родной земли от захватчиков.

Поэтому широкая информация о победах советских войск на различных участках фронта занимала первостепенное место в партийно-политической работе. Вместе с тем она неизменно связывалась с конкретными боевыми задачами соединений и частей армии. Так родился близкий и понятный каждому воину лозунг: «Новыми боевыми успехами ответим на победы других армий и фронтов!» С этой мыслью и шли в бой гвардейцы.

Еще во время подготовки к операции большое воодушевление в соединениях и частях армии вызвало праздничное выступление Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина 6 ноября 1943 г. и его приказ от 7 ноября. От имени партии, руководившей гигантской борьбой, И. В. Сталин дал оценку действиям советских войск и поставил задачу завершить изгнание врага с нашей земли, полностью разгромить его и освободить народы Европы от коричневой чумы.

Командиры, политработники, партийные организации армии пропагандировали героические дела гвардейцев. Для этого, как я уже упоминал, широко использовались листовки, плакаты, боевые листки п, конечно, армейская и дивизионные газеты.

Стремление быстрее очистить от врага советскую землю резко усиливалось всем тем, что видели наши воины в освобожденных ими

городах и селах. Фашисты оставили немало следов своих зверских расправ над мирным населением. Например, сразу же после освобождения Городка стало известно, что только на окраине, носящей название Воробьевых Гор, гитлеровцы расстреляли или заживо погребли около 5 тыс. советских граждан. Массовые казни производили оккупанты в другом районе города — Волковском Посаде. А на центральной площади Городка они для устрашения советских людей повесили 40 человек²².

Все эти и подобные им бесчисленные факты немедленно становились известны всем воинам армии. Политорганы приглашали в части и подразделения местных жителей, которые рассказывали бойцам об ужасах оккупации. Такие беседы усиливали ненависть к фашистам, звали к отмщению, к разгрому врага.

Первыми, как всегда, были коммунисты. На партийных собраниях, проводившихся в перерывах между боями, обсуждались конкретные боевые задачи. Красноармейцы, сержанты и офицеры всех рангов советовались на этих собраниях, как лучше громить врага. Были при этом и споры, и критика, но больше всего — добрых советов, основанных на боевом опыте.

Главным же в деятельности коммунистов был, конечно, их личный пример в бою. Он увлекал вперед всех воинов, рождал массовый героизм. Конечно, и потери были наибольшими среди коммунистов и комсомольцев. Но места павших в бою занимали сотни и тысячи вновь принятых в ряды партии и комсомола. И приток заявлений все более возрастал. Так, только за пять дней с 20 по 25 декабря 1943 г. заявления о вступлении в члены партии подали 310 человек, в кандидаты — 424, в комсомол — 197²³. Всего же в ходе операции в ряды партии было принято около 2 тыс. воинов армии, оправдавших в боях высокое звание коммуниста.

* * *

Говоря о значении Городокской операции, следует указать на то, что она позволила резко улучшить оперативную обстановку на невелико-полоцком направлении. Был срезан городокский выступ фронта противника, который, глубоко вдаваясь в расположение войск 1-го Прибалтийского фронта, давал немецко-фашистским соединениям возможность занимать охватывающее положение по отношению к 3-й и 4-й ударным и левому флангу 6-й гвардейской армий, действовавшим западнее и юго-западнее Невеля. После ликвидации выступа противник, естественно, лишился этого преимущества. Возможности снабжения и общее оперативное положение 3-й и 4-й ударных армий существенно улучшились, отпала и реальная угроза их окружения. Для войск 1-го Прибалтийского фронта открылась возможность дальнейших действий на Полоцк и Идрицу.

²² Архив МО СССР, ф. 367, оп. 5938, д. 53, л. 652.

²³ Там же, л. 651.

Противник в ходе операции понес существенный урон. Были разгромлены 129, 87, 252-я пехотные, 2, 3 и 6-я авиаполевые, 20-я танковая дивизии, два пехотных полка 211-й пехотной дивизии, несколько охранных, строительных и саперных батальонов. Серьезное поражение потерпели 256-я и 197-я пехотные дивизии. Общий урон противника составил многие тысячи убитыми и ранеными, 1200 — пленными. Было уничтожено до 50 вражеских танков, около 700 орудий и минометов, 1500 пулеметов, захвачено 6 танков, 315 различных орудий и минометов, более 500 пулеметов, 240 автомашин, 2700 автоматов и винтовок²⁴.

В заключение хотелось бы отметить, что Городокская операция была сравнительно небольшой, но одной из самых сложных, какими мне довелось руководить в ходе войны. Она, как и предыдущие, обогатила нас немалым опытом не только в части ведения операции, но и в особенности в деле ее подготовки.

Этот опыт был тщательно проанализирован во всех звеньях командного состава армии. Он научил командиров и штабы лучше планировать и обеспечивать бой, более четко организовывать взаимодействие родов войск и с соседями, твердо управлять войсками в сложной обстановке, полнее использовать великолепную боевую технику, которую давал нам советский народ. Опыт этот 11-я гвардейская успешно использовала в дальнейшем, когда ее воинам довелось принять участие в Белорусской операции — одной из самых грандиозных операций Красной Армии в Великой Отечественной войне.

²⁴ Там же, ф. 358, оп. 5916. д. 424, л. 57.

Вперед! — Белорусская операция

В ученье как в бою

11-й гвардейской армии не пришлось вновь наступать на Витебск, хотя мы к этому уже готовились. 10 апреля 1944 г. был получен приказ командующего фронтом, согласно которому нам надлежало сдать свою полосу обороны войскам 43-й армии и сосредоточиться в лесах в районе Невеля. 11-я гвардейская выводилась в резерв Ставки Верховного Главнокомандования¹.

Практически это означало, что мы будем усиленно готовиться к новым наступательным операциям и получим значительное пополнение. Так мною и был понят упомянутый приказ. Действительно, сразу же после его получения начало прибывать пополнение — до 3 тыс. человек в день. Это были бойцы, прошедшие трех-четырёхмесячное обучение в запасных полках и бригадах, хорошо одетые, подтянутые, настроенные по-боевому. Всего в течение нескольких дней армия получила 20 тыс. человек².

Благодаря этому мы смогли довести численность каждой дивизии до 7200—7300 солдат и офицеров.

Прибывали и новое вооружение, боевая техника, снаряжение. Значительно увеличился наш парк автомобилей и гусеничных тягачей для артиллерии, гужевого транспорт.

Особенно радовало прибытие 120 самоходных артиллерийских установок СУ-76, которые тогда в массовом количестве начали поступать в войска. Кроме того, армия получила около 9 тыс. автоматов, 6,5 тыс. винтовок, 42 полковые пушки и 167 противотанковых орудий образца 1943 г.³

Весьма внушительно выглядело теперь вооружение дивизий. Каждая из них имела дивизион самоходных артиллерийских установок в составе 13 СУ-76, 48 орудий 122-мм и 76-мм калибра, 30 противотанковых пушек, 75 минометов среднего и крупного калибра, около 2 тыс. автоматов, более 350 различных пулеметов, 18 зенитных

¹ Архив МО СССР, ф. 235, оп. 2129, д. 37, л. 476.

² Там же, ф. 241, оп. 12938, д. 6, л. 281.

³ Там же, л. 284.

пулеметов крупного калибра, 3,5—4 тыс. винтовок, 80—90 автомашин⁴. Девять таких дивизий, входивших тогда в состав армии, представляли собой большую силу, способную нанести мощные удары по врагу.

Окончательно доукомплектовывались соединения армии уже на новом месте расположения близ Невеля. Разместить такое большое количество войск и боевую технику в лесах оказалось делом довольно сложным. Но все это сделали быстро и основательно, по-хозяйски. Построили лесные землянки, в которых поселили весь личный состав. Орудия и автомашины расположили в аппаратах — земляных укрытиях с надежными стенками, замаскировали их. Так же скрытно разместили склады, обозы, лошадей.

Маскировке уделяли особое внимание. Офицеры штаба армии на самолетах По-2 регулярно совершали контрольные облеты. Если замечали плохую маскировку той или иной части, тут же командирам указывалось на это, следили за устранением недостатков. Но в целом в данном отношении все было сделано хорошо, и противник, видимо, не обнаружил района расположения армии. Во всяком случае налетов его авиации на наши войска не было. Поэтому ни разу не пришлось использовать средства противовоздушной обороны, хотя они были всегда наготове. Да и все части расположились в таком порядке, что в случае необходимости их можно было быстро привести в состояние боевой готовности.

Еще при выводе армии в резерв Ставки я, как и ожидал, был ориентирован относительно того, что войска следует готовить к новым наступательным боям. Поэтому главной задачей стала боевая учеба. Ее мы организовали сразу же, как только части построили свои лагерь.

Уже 13 апреля Военный совет армии провел совещание командиров соединений и их заместителей по политической части, посвященное конкретным задачам боевой подготовки. Открывая совещание, я подчеркнул, что в основу предстоящей работы мы должны положить весь тот ценный боевой опыт, который накоплен войсками армии в предыдущих наступательных операциях.

Этому вопросу посвятил большую часть своего выступления и член Военного совета генерал П. Н. Куликов. Он сказал, что для пропаганды боевого опыта необходимо использовать все имеющиеся средства и формы — практические занятия, беседы командиров подразделений, дивизионную печать, боевые листки. Эта задача, говорил он, должна стать главной и в партийно-политической работе в частях. Вместе с тем генерал П. Н. Куликов напомнил, что освоение ценного опыта может быть успешным лишь в том случае, если будут тщательно разобраны и допускаявшиеся недостатки в организации и ведении боев. В заключение он призвал должным образом организовать освоение новой боевой техники и сколачивание подразделений, хорошо подготовить их к предстоящим наступательным боям.

⁴ Там же, л. 286.

Командующий артиллерией армии генерал П. С. Семенов привлёк внимание участников совещания к некоторым недостаткам в организации боя во время Городокской операции. Так, он отметил, что в ряде случаев пехота при занятии исходного положения для атаки располагалась слишком далеко от противника. Поэтому неизбежно возникала пауза между окончанием артиллерийской подготовки и началом атаки. Воспользовавшись ею, гитлеровцы успевали организовать огонь, что вело к срыву атаки. Эффективность использования артиллерии подчас снижалась из-за того, что та или иная дивизия слабо разведала систему обороны врага, расположение его огневых средств. С другой стороны, и артиллерия, случалось, в ходе наступления отставала от пехоты, оставляла ее без должной огневой поддержки.

Генерал П. С. Семенов высказался за то, что все эти недочёты необходимо предотвратить с помощью тщательной отработки соответствующих навыков во время учений. Он также отметил необходимость проведения занятия с командирами батальонов и полков по совершенствованию методов использования огневых средств пехоты в бою, маневрирования силами и огнем при атаке опорных пунктов противника.

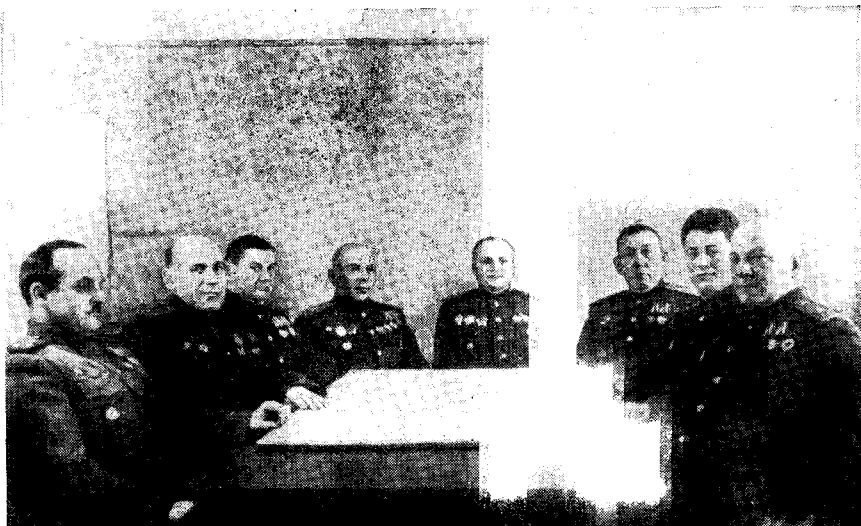
Его поддержал назначенный в феврале вместо генерала Ф. Н. Бобкова новый начальник штаба армии генерал-майор И. И. Семенов. В таком же духе высказались и другие участники совещания, излагая свои соображения относительно боевой и политической учебы.

Я также считал, что ее нужно нацелить прежде всего на устранение слабых сторон. В целом же она должна была обеспечить всестороннюю подготовку к предстоявшему нам участию в крупных летних наступательных операциях в составе мощной группировки, включавшей силы нескольких фронтов. Даже имея такое довольно общее представление о характере дальнейших задач армии, я понимал, что в летних боях мы будем прорывать сильные оборонительные рубежи противника, стремительно наступать в глубине его обороны, форсировать реки, преследовать врага, совершать маневр с целью окружения его войск, быстрого их расчленения и уничтожения.

Между тем некоторые из этих видов боевых действий являлись для войск армии сравнительно новыми, что и требовало особенно тщательной подготовки.

Нужно было неустанно отрабатывать тесное взаимодействие стрелковых частей с артиллерией и танками, учить артиллеристов помогать пехоте не только огнем по закрытым целям, но и стрельбой прямой наводкой по оборонительным сооружениям противника.

Особенно большую помощь наступающим частям могли оказать новые самоходно-артиллерийские установки, являвшиеся весьма эффективным боевым средством. Основательная лобовая броня и мощное вооружение позволяли им подходить на близкое расстояние к укреплениям врага, быстро уничтожать его огневые точки. А так как и применение СУ-76 было для войск армии делом новым, то требо-

Командование 11-й гвардейской армии. Слева направо: Ю. Б. ИБАТУЛИН, Д. Ф. РОМАНОВ, В. Г. ГУЗИЙ, П. Н. КУЛИКОВ, К. Н. ГАЛИЦКИЙ, И. И. СЕМЕНОВ, П. С. СЕМЕНОВ, В. М. ЗВЕРЕВ

валось уделить большое внимание совместным учениям стрелковых частей и самоходно-артиллерийских дивизионов.

В целом же в основу всей боевой подготовки следовало положить обучение войск стремительному наступлению на большую глубину. Указывая на это, я подчеркнул, что такой характер учебы будет одновременно способствовать еще большему повышению боевого духа воинов армии в канун нового решительного наступления против сильного и озлобленного неудачами врага. В заключение участникам совещания было сообщено, что в течение ближайших двух дней они получат подробный план, разрабатываемый начальником отдела боевой подготовки штаба армии полковником А. Т. Воронцовым, с указанием тематики занятий и учений, сроков их проведения.

Совещание прошло по-деловому и в немалой степени содействовало в дальнейшем успешному развертыванию боевой и политической подготовки войск армии.

В тот же день на заседании Военного совета армии мы решили вопросы, связанные с назначением новых командиров некоторых соединений.

Дело в том, что в последние дни ряд генералов получил новые назначения. Так, командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант П. Ф. Малышев вступил в командование войсками 4-й ударной армии. Убыли в другие армии командиры 1, 5 и 11-й гвардейских стрелковых дивизий генерал-майоры Н. А. Кропотин, Н. Л. Солдатов и А. И. Максимов. Конечно, отдел кадров фронта мог довольно быстро прислать замену. Но и у нас за время боев выросло

много опытных и храбрых офицеров, способных успешно командовать. Так, незадолго до этого начальник штаба 36-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор А. Г. Маслов был выдвинут на должность командира 83-й гвардейской стрелковой дивизии и, как оказалось, вполне заслуженно.

Достойными кандидатами на должность командиров дивизий являлись и начальники штабов 8-го и 16-го гвардейских стрелковых корпусов полковники Н. Г. Цыганов и П. Ф. Толстиков. Первого из них мы решили назначить командиром 11-й гвардейской стрелковой дивизии, которую он хорошо знал, а второго — командиром 1-й гвардейской стрелковой.

На должность командира 5-й гвардейской стрелковой дивизии вместо генерала Н. Л. Солдатова назначили его заместителя полковника Н. Л. Волкова, хорошо зарекомендовавшего себя в последней операции.

Что касается 8-го гвардейского стрелкового корпуса, то мы сочли, что его вполне мог возглавить генерал-майор М. Н. Завадовский, прибывший на днях из госпиталя. До ранения он длительное время был командиром 18-й гвардейской стрелковой дивизии, которой теперь командовал полковник С. М. Даниелян. Генерал Завадовский имел большой боевой опыт и широкий военный кругозор, и ему можно было смело доверить руководство корпусом.

Соответствующие представления, посланные нами в тот же день в штаб фронта, были утверждены. Отмечу, что все выдвинутые нами командиры соединений в последующих операциях отлично управляли своими войсками. Н. Г. Цыганов и П. Ф. Толстиков стали генералами. Им, как и М. Н. Завадовскому, за героизм, проявленный в боях, было присвоено звание Героя Советского Союза.

После совещания командного состава боевая учеба развернулась во всех соединениях и частях армии. Занятия с бойцами, сержантами и старшинами, с каждой категорией командного состава велись по специально разработанным программам. Проводились штабные игры, сборы офицеров, тактическая подготовка войск в полевых условиях, специальные учения по преодолению рек, совершению маршей.

Большая и разнообразная программа занятий требовала разработки очень напряженного графика, в котором все было расписано по минутам. Это наглядно показывает установленный тогда следующий распорядок дня: подъем — 10 минут, физзарядка — 15, утренний туалет — 20, проверка и осмотр — 15, завтрак — час, утренние занятия — 6 часов, обед и дневной отдых — полтора часа, вечерние занятия — 4 часа, чистка оружия — 30 минут, ужин — час, массовая работа и личное время — полтора часа, вечерняя переключка и туалет — 30 минут, сон — 7 часов.

Таким образом, боевой и политической учебе отводилось ежедневно до 10 часов. В то же время установили еженедельный день отдыха, разумеется, с баней, а иногда и с выступлениями художественной самодеятельности, концертами навещающих нас фронтовых театральных бригад. Хорошо отдохнув, воины армии на следующий день с новыми силами принимались за боевую учебу.

В подготовке стрелковых соединений основное внимание уделялось тактическим занятиям. Им отводилось 60% учебного времени. Саперы, разведчики, артиллерийские вычислители, истребители танков, снайперы, санитары и др. занимались по отдельным программам.

Даже старшин рот и батарей мы выделили в особые группы. Они занимались по специальной программе, учитывавшей особенности роли старшин как в период подготовки операции, так и в бою. Ведь от них во многом зависит своевременная доставка боеприпасов, ремонт и содержание оружия, питание и обмундирование бойцов. Опытный и смелый старшина — надежная опора командира роты. Поэтому мы не только отдельно обучали, но и провели десятидневные сборы старшин. Для занятий с ними привлекали лучших командиров рот и батальонов, а также преподавателей армейских курсов младших лейтенантов. Сбор старшин дал очень хороший результат и, несомненно, повысил их роль в подразделениях.

Как уже отмечено, большое внимание уделялось маскировке. Благодаря этому удалось укрыть от наблюдения вражеской авиации место расположения войск.

Но как замаскировать целую армию во время учений? Ведь это почти 100-тысячное войско, ежедневно выходившее на учебные поля для занятий по стрельбам, отработке наступательных действий, форсирования рек, оврагов и других преград. Причем всю учебу нужно было проводить в условиях, близких к реальной боевой обстановке. Прямо скажем, полная скрытность при проведении таких учений невозможна. Однако максимально оградить их от наблюдения все же удалось. Это подтверждается тем, что каких бы то ни было попыток воздушного нападения не было.

К 10 мая, т. е. менее чем за месяц, каждый батальон провел 12—15 учений продолжительностью по 6—8 часов каждое. Кроме наступления и атаки укрепленной позиции врага, были отработаны бои батальона в лесу, в населенном пункте, форсирование реки.

Поскольку последнее нам особенно пригодилось впоследствии при форсировании Березины и Немана, расскажу об этих занятиях несколько подробнее.

Отрабатывались два варианта форсирования реки. Первый — в условиях, когда противник заранее подготовил оборону водного рубежа, развернув перед ним систему всевозможных заграждений, обеспеченных передовыми отрядами и артиллерийским огнем из глубины, второй — при отсутствии подготовленных оборонительных сооружений врага. Учения проводились на реках Уна и Оболь, а также на оз. Ордово. От командиров батальонов, полков и дивизий требовалось избрать наиболее выгодный рубеж подхода к водной преграде, тщательно изучить ее глубину, скорость течения, характер обороны, определить свои возможности по форсированию с учетом артиллерийской и авиационной поддержки, действий саперов, применения переправочных средств.

Вот как проходило, например, учение 95-го гвардейского стрелкового полка 31-й гвардейской стрелковой дивизии.

Поставлена боевая задача. От командиров и бойцов требуется много изобретательности и находчивости, чтобы выполнить ее точно и в срок. Причем учения проводятся так, чтобы как можно большее число не только офицеров, но и сержантов получили практику командования подразделениями в сложных условиях форсирования, когда нужно действовать особенно быстро и четко.

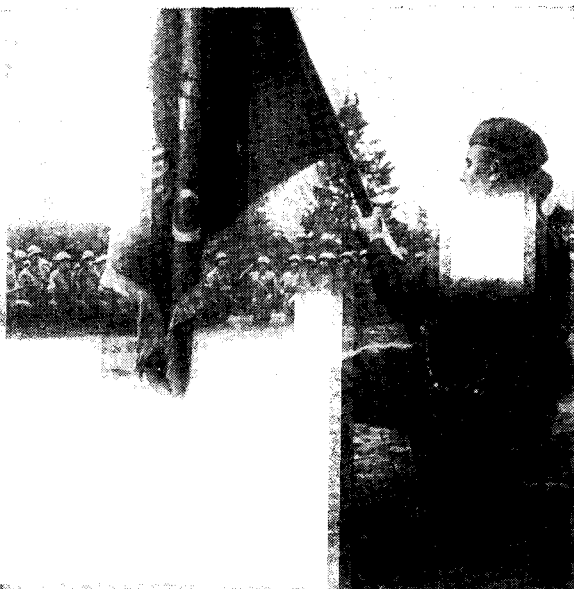
Из этих соображений руководитель учения командир дивизии генерал-майор И. К. Щербина дает все новые и новые вводные: то «убьет» командира полка, то «выведет из строя» понтоны, «разбомбит» автомашины с элементами сборного моста и т. п., тем самым все более усложняя обстановку.

Вскоре вместо командира полка полковника П. А. Лещенко, который стоит тут же, рядом с руководителем учения, уже командует его заместитель. Полковник Лещенко, конечно, волнуется. Ведь он лишен возможности даже дать добрый совет.

А бойцы продолжают свое нелегкое дело. Подтаскивают к реке тяжелые бревна и хворост, укрепляют подходы к ней, мастерят плотки.

Группы саперов спускают на воду понтоны. Зенитчики занимают позиции, прикрывая переправу, связисты тянут и тщательно маскируют провода, артиллерия «открывает огонь» по противоположному берегу.

Один из плотиков перевернулся, и бойцы оказались в воде. Но никаких условностей! Людей надо немедленно спасать. Так это придется делать в бою. Вступает в действие спасательная служба, кото-

Командир 18-й гвардейской стрелковой дивизии полковник С. М. ДАНИЕЛЯН, поднимая гвардейское знамя, зачитывает священные слова клятвы перед строем

рая также предусмотрена. Более того, «спасенных» направляют в расположенную недалеко в укрытии землянку-баню, жарко натопленную для тех, кто попал в холодную воду.

Когда все элементы переправы отработаны и полк, хотя и не без «потерь», форсировал реку, руководитель приказывает все начинать сызнова. Бойцы возвращаются в исходное положение, посредники опять берут в руки секундомеры. Оказывается, форсирование было проведено недостаточно быстро.

В другом случае учение пришлось повторить и одному из полков 11-й гвардейской стрелковой дивизии. При подходе понтонов к берегу бойцы действовали медленно и недостаточно организованно. Пока они, боясь замочить ноги, аккуратно сходили с понтона, «противник», засевший на крутом берегу, мог уничтожить их пулеметным огнем. Указав на опасность, которой подвергались переправлявшиеся бойцы, полковник Н. Г. Цыганов приказал повторить маневр. На этот раз все было совсем по-другому. Бойцы так стремительно покинули понтон, что только брызги сверкали.

Кстати, должен сказать, что у нас на войсковых учениях действовало правило: обязательно повторить маневр, если можно его отработать лучше.

Тем, кто сомневался в необходимости такого метода, приходилось напоминать суворовские слова: «Тяжело в учении — легко в бою». А впоследствии, уже во время наступления, довелось не раз слышать от командиров и бойцов, что именно учеба во многом помогла им выполнять сложные задачи в ходе боев.

К 10 мая месячная программа обучения была закончена. Сколоченность и боевая выучка подразделений значительно повысились. Войска научились вести наступательный бой в различных условиях. Офицерский состав получил необходимые дополнительные навыки в организации взаимодействия и управления. Но сделано, конечно, было еще не все, особенно в тех подразделениях, куда пополнение продолжало поступать и в ходе учебы.

Поэтому я с большим удовлетворением узнал из полученного в тот же день приказа, что период боевой учебы нам продлен еще на две недели — до 25 мая. Сразу же поручил полковнику А. Т. Воронцову послать в части дополнительные программы по боевой подготовке.

Нужно было, чтобы подразделения продолжали отработку быстрого занятия исходного положения для атаки, практиковались выдерживать боевое построение в ходе наступления, умело осуществлять маневр в глубине обороны, сохраняя в то же время основное направление наступления. Стремительность атаки, быстрое развертывание и свертывание подразделений на поле боя — эти элементы также предстояло совершенствовать. Само собой, командирская подготовка должна была помочь лучше осуществлять взаимодействие, широкий маневр войск.

Учеба продолжалась с прежним напряжением, и это, конечно, значительно повысило уровень подготовки войск армии к боям. Бойцы стали действовать увереннее, с должной сноровкой. В командирских решениях заметно усилились творческий подход, разумная инициатива.

Обо всем этом я пишу потому, что широкий круг читателей, особенно молодых, мало знаком с той напряженной боевой учебой, которую в ходе войны мы осуществляли, как правило, перед каждой крупной наступательной операцией. Военное дело требует хорошей выучки и тренированности войск, мастерства командиров всех степеней.

Каждое решение командира должно быть обоснованным, учитывающим все особенности обстановки, в которой оказалась его часть или подразделение, и имеющиеся возможности. В то же время решение нужно принимать быстро, так как на войне дорога каждая минута. Наконец, командир должен уметь излагать свой замысел кратко и четко, с тем чтобы он был точно понят подчиненными. Эти и многие другие необходимые командиру навыки приобретаются не сразу, им нужно постоянно учиться, совершенствовать их. Вот почему мы уделяли большое внимание командирской подготовке.

В армейском масштабе были проведены шестидневные сборы командиров стрелковых батальонов, на которых отрабатывались задачи наступательных действий. Занятиями руководил заместитель командующего армией, а в качестве преподавателей были привлечены наиболее опытные заместители командиров стрелковых дивизий, а также руководящий состав штабов артиллерии, бронетанковых и механизированных войск армии, начальник связи. Много времени отвели и обмену опытом командиров батальонов.

Одновременно мною был проведен учебный сбор командиров корпусов и дивизий. В свою очередь, последние организовали трехдневные сборы полковых командиров и пятидневные — ротных. Соответствующую серию сборов для офицеров-политработников организовал политотдел армии. Кроме того, перед каждым тактическим учением проводились специальные занятия с офицерским составом. Конечно, не забывали и о самостоятельной работе командиров, выделяя им для этого время, правда, весьма ограниченное. Осповательно готовились и штабы, работники которых проходили специальную учебу.

Освоение техники и ее применения в бою происходило на полигонах, которые мы построили своими силами, создавая на них условия, близкие к боевым. Здесь проводились боевые артиллерийские стрельбы, совместные учения стрелковых частей с танками, самоходными орудиями, инженерными подразделениями. На этих же полигонах «обстреливались» артиллерией и «обкатывались» танками бойцы и офицеры нового пополнения, еще не участвовавшие в боях.

Словом, учились все — от солдата до генерала. И это принесло немалую пользу подготовке личного состава армии к предстоявшим боям.

В ряде гвардейских стрелковых дивизий окончание боевой подготовки совпало со знаменательным событием — вручением частям дивизий гвардейских знамен.

Марш на оршанское направление

25 мая начальник штаба армии генерал-майор И. И. Семенов доложил мне только что полученное письменное распоряжение начальника Генерального штаба о перегруппировке армии в район южнее г. Лиозно. Переброску войск приказывалось совершить комбинированным способом: стрелковые соединения должны были двигаться походным маршем, танки, артиллерия на тракторной тяге, а также вся тяжелая боевая техника — по железной дороге⁵.

Судя по району новой дислокации, можно было предположить, что армия передавалась 3-му Белорусскому фронту. О многом говорил и тот факт, что для ее переброски на расстояние 250—300 км были установлены весьма сжатые сроки — с 27 мая по 11 июня. Это значило, что возникла необходимость быстро сосредоточить армию на новом направлении.

Причем практически мы располагали еще меньшим сроком, так как, согласно приказу Генерального штаба, марш в целях обеспечения скрытности перегруппировки предстояло совершать только в темное время суток. Будь это осенью или зимой — куда ни шло. А ведь наступал как раз тот период года, когда, как говорят, заря с зарею сходится. Короткие летние ночи были не единственной трудностью.

⁵ Архив МО СССР, ф. 237, оп. 2430, д. 13, л. 179.

Войскам предстояло двигаться вдоль фронта по нескольким маршрутам, которые, разумеется, следовало проложить на местности, наиболее скрытой от вражеской авиаразведки, по возможности в лесах, т. е. по самым плохим дорогам.

Наконец, на подготовку к маршу нам отводилось менее двух суток. За это время штабу армии нужно было определить и подготовить соответствующие железнодорожные станции к погрузке танков и тяжелой артиллерии, составить график и расчет движения войск, распределить между дивизиями маршруты, точно определить места дневок, проверить их санитарное состояние, наметить пункты пополнения горючим, обеспечения питанием и фуражом, разведать дороги и имеющиеся вблизи них колодцы. Следовало организовать также маскировку войск и обеспечение их от возможного воздушного нападения.

Впрочем, не стоит даже пытаться перечислить все то, что требовалось сделать в эти дни штабу и всему управлению армии, а также штабам соединений, войскам. Поэтому коснусь, да и то лишь частично, установленного нами порядка движения частей.

Уже во второй половине дня 25 мая армейский график был разослан в войска. На его основе штабы корпусов разработали свои планы марша. Каждая дивизия получила точный расчет движения, который она должна была строго соблюдать, так как от этого зависело успешное проведение марша всех войск армии. Ведь в условиях ранних летних рассветов опоздание какой-либо одной колонны даже на 20—30 минут с входом в лесной массив на дневку влекло за собой демаскировку всех расположившихся там частей.

У всех бойцов проверили состояние обуви и обмундирования, произвели необходимый ремонт или замену, тщательную подгонку. Проверке подверглись даже портянки.

Поскольку это кое-кому может показаться странным, приведу всего лишь один пример. Во время Великолукской операции к нам в армию пришла походным порядком дивизия, укомплектованная недавно призванной молодежью. Так вот из-за плохой подгонки обмундирования, а в особенности в результате неумелого обращения с портянками сотни бойцов дивизии получили в пути травмы и отстали, а другие по той же причине оказались небоеспособными. Чтобы этого не произошло теперь, мы и занимались такими, казалось бы, мелочами, игравшими, однако, важную роль в подготовке к длительному трудному маршу.

Такие же соображения заставили тщательно подготовить и отремонтировать весь транспорт, в том числе и гужевой. Надо сказать, что в тот период, когда проходимость даже самых мощных автомашин была сравнительно невелика, гужевой транспорт много значил для войск. Поэтому лошадей, а их было у нас до 5 тыс., в частях очень берегли. Многих из них во время подготовки к маршу перековали, подогнали упряжь, отремонтировали все неисправные повозки, заготовили достаточное количество брезента и веревок для крепления грузов. Тщательно подготовили и ротные кухни.

Политорганы и партийные организации провели во всех частях беседы о правилах предстоящего марша, о значении маскировки. Это во многом помогло соблюдению установленного порядка.

Корнуса, дивизии и полки выслали по своим маршрутам рекогносцировочные группы в составе представителей общевойсковой штаба, артиллеристов, офицеров инженерной службы, связи, тыла и т. д. Эти группы на месте определяли потребности в различных средствах для обеспечения нормального движения колонн. В районы дневок были направлены продовольствие и материалы для ремонта транспорта.

Большую работу пришлось проделать инженерным войскам армии. Выдвигаемые вперед саперные части заблаговременно улучшали, насколько это было возможно, дороги, строили настилы в болотистых местах, ремонтировали старые и сооружали новые мосты. Всего за время перехода они отремонтировали более 105 км дорог, построили и усилили мосты общей протяженностью свыше 500 погонных метров⁶.

27 мая, точно в установленный срок, соединения и части армии двинулись в далекий путь.

Для управления войсками на марше штаб армии выделил оперативную группу из шести офицеров во главе с заместителем начальника оперативного отдела полковником А. П. Макарьевским. Перемещаясь, она собирала от корпусов сведения о ходе марша, обрабатывала их и докладывала Военному совету армии. Через эту группу шли и наши распоряжения в войска. Примерно по такой же схеме действовали оперативные группы в корпусах и дивизиях. Штаб армии создал также еще четыре группы во главе с майорами В. С. Бучичевым, С. А. Вагановым, капитанами С. И. Ольчевым и М. М. Исаджаняном. Они контролировали движение войск, находясь непосредственно на маршрутах. В результате всех этих мер мы всегда имели самые последние сведения, и управление войсками на марше не нарушалось.

Причем связь осуществлялась главным образом подвижными средствами — автомашинами, мотоциклами, конными посыльными. Радиосвязью разрешалось пользоваться только на прием, что также способствовало скрытности движения войск.

В тех же целях строго запрещалось пользование осветительными приборами ночью, разведение костров. Ротные кухни топились лишь сухими дровами, дающими мало дыма. Не только войска, но и штабы соединений и частей на дневки располагались исключительно в лесах.

Особое внимание уделялось сторожевому охранению двигающихся войск и воздушному наблюдению. Две трети средств противовоздушной обороны всегда были готовы к действию. Но открывать огонь по самолетам противника разрешалось лишь в случае их прямого нападения.

⁶ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 20455, д. 10, л. 113.

День за днем преодолевали войска все новые трудности. В пути нас застали сильные ливни, что резко осложнило обстановку на марше. Но если средств для укрытия войск от дождей у нас было достаточно, то предотвратить размыв дорог мы, естественно, не могли. Поэтому, несмотря на самоотверженные усилия инженерных частей, некоторые участки оказались совершенно непроходимыми. Пришлось менять маршруты отдельных соединений. Кое-где, особенно в низинах, бойцы не раз вытаскивали застрявшие в грязи орудия, автомашины.

Когда подошли к Западной Двине, возникло еще одно серьезное осложнение. Впереди лежащая местность на протяжении 40—50 км почти полностью была лишена лесов. Здесь встречались лишь отдельные рощицы. Это значило, что войскам предстояло двигаться чуть ли не на виду у противника. Ведь отсюда было не более 30—40 км до линии фронта, и вражеская авиаразведка легко могла обнаружить нас.

Чтобы не допустить этого, пришлось проделать большую работу. Прежде всего произвели тщательную рекогносцировку местности. Для этого были направлены вперед от всех соединений и частей группы офицеров. Они выбрали для дневок наиболее подходящие рощи. С учетом расстояния между ними перестроили и весь график марша. И хотя эти изменения несколько замедлили движение войск, тем не менее именно они помогли скрытно провести армию по открытой местности.

Преодолев все трудности, войска в течение 12 дней завершили марш и прибыли в новый район, не потеряв боеспособности и почти не имея отставших.

Исключительно важную роль в этом сыграла партийно-политическая работа, которая велась на протяжении всего пути. Благодаря ей каждый боец хорошо понимал свою ответственность за выполнение поставленной задачи, и это способствовало высокой дисциплине и организованности марша, обеспечило его скрытность. В результате мы не встретили противодействия со стороны противника, хотя он и имел в этом районе значительные силы бомбардировочной авиации.

Этот успех высоко оценило командование 3-го Белорусского фронта. В его приказе говорилось: «Марш частей и соединений 11-й гвардейской армии был организован и совершен образцово, войска своевременно вышли в указанный район сосредоточения»⁷.

Воины армии, конечно, устали после долгого и трудного марша. Но все были очень довольны тем, что успешно прошли нелегкий путь. В частях и подразделениях царило бодрое, приподнятое настроение. Личный состав был охвачен тем особым душевным подъемом, который вызывается сознанием честно выполненного долга, своей силы и готовности к новым боевым делам. Таким образом, трудный марш еще больше закалял воинов армии, укрепил их веру в свои силы в канун новых решительных битв с врагом.

⁷ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 48.

Фронтальный или фланговый удар!

Итак, войска 11-й гвардейской армии сосредоточивались в районе южнее г. Лпозно, откуда удобнее всего было нанести удар в направлении Орши. Эту задачу и предстояло нам выполнить в начале готовившейся Белорусской операции.

Общую ориентировку о предстоявшем в 20 числах июня наступлении я получил от командования 3-го Белорусского фронта еще до начала марша войск армии. Так мне стало известно, что 11-я гвардейская будет наступать на главном направлении, в полосе Минской автомагистрали, нанося удар на Борисов. Вскоре уже на марше к нам на командный пункт прибыл начальник оперативного управления фронта генерал-майор П. И. Иголкин, который передал мне подписанную Военным советом фронта директиву о проведении наступательной операции и подробно рассказал о предстоящей боевой задаче.

Директива требовала, чтобы армия нанесла удар в полосе Минской автомагистрали в направлении Толочин, Борисов. Ближайшая задача — прорвать оборону противника на 10,5-километровом участке Остров-Юрьев, Кириево и во взаимодействии с 5-й и 31-й армиями разгромить оршанско-богушевскую группировку врага. К исходу третьего дня наступления войска 11-й гвардейской должны были выйти на рубеж Грязино, Заболотье и в дальнейшем, развивая быстрое наступление вдоль автомагистрали, к исходу десятого дня достичь Березины в районе Борисова и форсировать ее⁸.

Как сообщил П. И. Иголкин, армия усиливалась 2-м гвардейским Татинским танковым корпусом, которым командовал генерал-майор танковых войск А. С. Бурдейный (заместитель по политчасти — полковник А. К. Кропотин). После прорыва тактической зоны вражеской обороны нам надлежало в целях развития успеха ввести этот корпус в прорыв с рубежа Забежница, Шалашино, с тем чтобы он из района северо-западнее Орши нанес удар на юг и к исходу четвертого дня операции овладел районом Староселье.

Мы должны были также к утру третьего дня наступления обеспечить ввод в сражение 5-й гвардейской танковой армии, которая ударом на Борисов могла облегчить выполнение нашей задачи.

Левая разграничительная линия 11-й гвардейской — Кириево, исключительно Орша, правая — Добромысль, Яново. Таким образом, ширина полосы наступления нашей армии достигала 40 км.

В соответствии с директивой справа от нас в направлении Богушевск, Сенно наступала 5-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н. И. Крылова. Сосед слева — 31-я армия, которой командовал генерал-лейтенант В. В. Глаголев. Она наносила удар по обоим берегам Днепра в направлении Дубровно, Орша и имела задачу к исходу третьего дня наступления освободить Оршу⁹.

⁸ Там же, л. 32, 33.

⁹ Там же, д. 216, л. 31; д. 505, лл. 33, 35.

Для содействия 31-й армии в овладении этим городом мы должны были нанести удар по нему с северо-запада одной дивизией нашего левофлангового корпуса.

В полосе предстоявших армии боевых действий на фронте западнее Добромысль, восточнее Бабиновичи, Протасово, Кириево оборонялись и готовили плацдарм для наступления 152-й полевой укрепленный район и две стрелковые дивизии 31-й армии — 88-я под командованием полковника Ф. Т. Ковтунова (заместитель по политчасти — подполковник И. И. Попков) и 192-я, которой командовал полковник А. И. Ковалевский (заместитель по политчасти — П. Н. Кизца).

Итак, армии предстояло действовать на центральном направлении фронта вдоль Минской автостреды, прорывая оборону противника на 10-километровом участке и имея затем полосу наступления шириной 40 км.

Прежде всего, естественно, возник вопрос о том, какие силы противника противостоят нам на этом направлении. Поэтому сразу же после отъезда П. И. Иголкина я пригласил начальника разведывательного отдела штаба армии. В эту должность недавно вступил переведенный к нам из 3-й ударной армии полковник И. Я. Сухацкий. Опытный и энергичный разведчик, он уже успел собрать некоторые необходимые данные и теперь сообщил, что в полосе предстоящего наступления нам противостоят 78-я штурмовая и 256-я пехотные дивизии.

Войсковой, воздушной и радиоразведкой, а также по донесениям партизан было установлено, что противник в тактической зоне обороны создал две оборонительные полосы. Первая — глубиной 3—7 км имела 2—3 позиции, оборудованные каждая 2—3 линиями траншей, прикрытых проволочными заграждениями, минными полями и противотанковым рвом. Вторая полоса обороны проходила на удалении 6—12 км от переднего края. Она была подготовлена слабее, чем первая, однако имела на ряде участков одну-две линии траншей. Тыловая полоса обороны проходила по западному берегу р. Оршица. Таким образом, противник располагал 11—14 линиями траншей, эшелонированных в глубину до 20—25 км и прикрытых 6—7 рядами проволочных заграждений различного типа и сплошными противотанковыми и противопехотными минными полями¹⁰.

Ознакомившись с этими данными, я не мог не понять, что придется иметь дело с чрезвычайно прочной обороной врага. К тому же ее значительно усиливали особенности местности. Обширные пространства вдоль Минской автомагистрали были заболочены, и это неизбежно должно было затруднить для нас применение танков и маневр артиллерией.

Было над чем задуматься. В то же время имеющиеся весьма общие сведения о противнике были совершенно недостаточны. Их требовалось пополнить в первую очередь. Поэтому И. Я. Сухацкому бы-

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 90.

лю приказано без промедления выехать в штаб 31-й армии, а также в штабы 88-й и 192-й стрелковых дивизий и получить более подробные данные о группировке противника и его обороне.

Так еще во время марша мы по существу уже приступили к подготовке операции.

Опыт показывал, что прорыв глубоко эшелонированной обороны требует предварительной большой и кропотливой работы. Вот перечень только основных мероприятий, которые нам предстояло осуществить с момента выхода в район сосредоточения: на основе директивы командования фронта принять решение на наступление армии, спланировать операцию и ведение боя во всех звеньях командования, уточнить на местности взаимодействие родов войск, подготовить плацдарм для нанесения удара, организовать управление, произвести смену двух оборонявшихся впереди дивизий и развертывание соединений и частей в исходном положении, создать необходимые запасы боеприпасов, продовольствия, материально-технических средств.

И на все это нам было дано примерно 10—12 дней. Между тем за каждым из перечисленных мероприятий стояла еще и большая подготовительная работа. В частности, прежде чем принять решение, нужно было детально изучить противника и его оборону. Ибо только при таком условии можно рассчитывать на успех. Отсутствие ясного представления о силах и возможностях врага ведет к их недооценке, просчетам при выборе направлений для ударов, излишним потерям, а нередко и к невыполнению поставленных задач.

Вот почему все имеющиеся средства разведки и наблюдения мы стремились полностью и с максимально возможной эффективностью использовать до принятия решения. Более того, данные о противнике проверялись и уточнялись вплоть до самого начала операции. В войну это стало обязательным правилом, которого мы неукоснительно придерживались.

Изучали не только количественный, но и качественный состав вражеских дивизий, их боевой техники и оборонительных сооружений, стремились побольше узнать и о тех, кто командовал противостоявшими нам войсками. Кстати, последнее всегда было для меня не безразлично, так как ход борьбы показывал неодинаковое поведение различных фашистских генералов в обстановке, которую мы им навязывали. Вскрыть замыслы врага, его возможные решения удавалось лишь тогда, когда это делалось не посредством «угадывания», а с учетом как в целом военно-теоретических взглядов противника, выраженных в его уставах и наставлениях, так и «почерка» того гитлеровского генерала, который возглавлял вражеские войска на данном участке.

Как уже показано, изучение противника мы начали еще до подхода войск армии к району сосредоточения.

2 июня вместе с начальником штаба генералом И. И. Семеновым, командующими родами войск генералом П. С. Семеновым и полковниками Н. Т. Держицким и А. Н. Бурлыга я побывал на командных пунктах 88-й и 192-й стрелковых дивизий и 152-го полевого укреп-

ленного района. К тому времени нами уже было получено распоряжение командующего фронтом о передаче этих дивизий во временное подчинение 11-й гвардейской армии и включении 152-го полевого укрепленного района в ее состав¹¹.

Но ознакомление с ними пришлось несколько отсрочить, так как прежде всего хотелось получить представление о противнике. Командиры дивизий полковники Ф. Т. Ковтунов и А. И. Ковалевский и комендант УР полковник А. Е. Клец доложили имевшиеся у них данные. А на рассвете следующего дня в защитных комбинезонах и касках мы направились к первой линии траншей. До позднего вечера пробыли на переднем крае. Исходили всю первую траншею, а там, где ее не было, пробирались ползком.

Особенно внимательно изучали мы намеченный командующим фронтом участок прорыва. Здесь сразу же бросились в глаза остовы сгоревших машин, стоявшие в одиночку или группами невдалеке от переднего края противника. Оказалось, что это несколько десятков наших танков, сожженных вражеской артиллерией во время предпринятых войсками Западного фронта минувшей осенью и зимой попыток наступления на данном участке.

Конечно, мне было известно, что тогда не удалось здесь добиться успеха. Но одно дело услышать об этом, а другое — увидеть печальный след героических, но безрезультатных атак. И если уже в то время вражеская оборона была столь сильна, то теперь она, несомненно, стала еще более мощной. Ведь противник продолжал лихорадочно укреплять свои рубежи, особенно на важнейших направлениях. Конечно, неизмеримо возросла наша мощь, и врага ждали удары огромной силы. Но это отнюдь не значило, что мы можем пренебречь опытом предшествующих боев. Напротив, следовало его полностью учесть. А для этого опять-таки прежде всего хорошенько изучить противника.

На переднем крае мы побывали еще не раз. Одновременно под руководством полковника И. Я. Сухачкого энергично действовала наша разведка. И постепенно картина начала проясняться.

Передний край оборонительного рубежа противника проходил по линии западнее Добромысль, Бабиновичи, Протасово, Остров-Юрьев, Кириево. На левом фланге армии эта линия пересекала Минскую автомагистраль между 471-м и 472-м километрами от Москвы. Таким образом, противостоявший нам враг располагался на одном из важнейших участков стратегического направления Москва — Минск, что и определило построение и организацию его обороны. Времени для того, чтобы как можно сильнее укрепиться, было у него более чем достаточно. И он полностью использовал его. Сюда были выдвинуты специальные саперные части, согнано для принудительных работ много местных жителей.

В результате противник создал мощную оборону с прочными полевыми сооружениями и множеством дзотов. Значительная часть

¹¹ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 67.

стрелковых ячеек и пулеметных гнезд имела бронешитки и бронеколлапаки. Жилые блиндажи для солдат были сделаны прочно, с перекрытиями в 5—6 бревенчатых накатов. Изнутри их усилили броневыми плитами. Часть блиндажей имела амбразуры для ведения огня. Личный состав укрывался также в «лисых норах» — вырытых в толще земли глубоких наклонных щелях. Система огня позволяла простреливать каждый метр обороняемого участка и подступов к нему.

С целью повышения устойчивости и живучести оборонительных позиций противник создал своеобразную комбинацию сплошных траншей с системой опорных пунктов, насыщенных противотанковыми средствами. Основными из них были Остров-Юрьев, Осинострой, Ласырщики, Пуцаи, Кириево. Опорные пункты имели круговую оборону, были тесно связаны между собой и в ряде мест являлись основой укрепленной полосы. В тылу тактической зоны находился узел шоссе и железных дорог г. Орша, который гитлеровцы считали важнейшим центром обороны на минском направлении и именовали «крепостью». Город был сильно укреплен.

Организованная нами разведка всех видов позволила точно установить также, какими силами противник располагал в первой полосе обороны и где были сосредоточены его резервы. Эти данные были подтверждены и захваченными пленными.

Оборону укреплений на дальних подступах к Орше вражеское командование возложило на наиболее боеспособные дивизии 4-й армии, сведенные в 27-й армейский корпус. Это были уже упоминавшиеся 78-я штурмовая и 256-я пехотные, а также 25-я моторизованная дивизии. После недавнего доукомплектования численный состав последних двух дивизий превысил 10 тыс. человек в каждой. 78-я же штурмовая пехотная дивизия насчитывала около 16 тыс. солдат и офицеров. Помимо корпусных средств усиления, она имела на вооружении более 220 орудий, 154 миномета, 535 ручных и станковых пулеметов¹².

Поскольку 78-я штурмовая пехотная дивизия держала оборону на участке прорыва 11-й гвардейской армии, целесообразно охарактеризовать ее хотя бы вкратце. Считалась она одним из лучших соединений немецко-фашистской армии. Вот что говорилось о ней в одном из захваченных документов: «В течение года четыре раза упоминалась в сводках верховного командования — два раза в связи с боями у Ржева, по одному разу в связи с боями у Ельни и автостреды Смоленск — Минск. Дивизия насчитывает большое число кавалеров орденов «рыцарского креста» и «рыцарского креста с дубовыми листьями»¹³.

Из другого документа явствовало, что это была единственная в вермахте дивизия, которая получила наименование штурмовой, причем его присвоил ей лично Гитлер¹⁴.

¹² Там же, л. 5.

¹³ Там же, ф. 318, оп. 20454, д. 8, л. 31.

¹⁴ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 636—640, л. 31.

Укомплектовали ее по особым расширенным штатам. Роты тоже назывались штурмовыми и, в отличие от обычных пехотных, усиливались группами тяжелых пулеметов и командами, вооруженными тогда еще новыми фауст-патронами. В каждом полку, кроме того, имелись свои противотанковые средства ближнего боя — 15 групп «офенрор» с 2—3 аппаратами в каждой. В состав дивизии входили такие батальоны, каких не имели другие, а именно: танковый, тяжелых минометов, штурмовых орудий и специальный штурмовой батальон. Гитлер считал ее экспериментальной и усиленно вооружал и снаряжал. По его приказу в эту дивизию посылались и лучшие офицерские кадры. Командовал ею генерал-лейтенант Г. Траут, который в ставке Гитлера слыл «мастером оборопы», «железным генералом» и т. п., был награжден «рыцарским крестом» и «крестом в золоте». Сам он, по свидетельству пленных, хвастливо заявлял: «Пока я под Оршей, Германия может спать спокойно».

Тут следует сделать небольшое отступление. Многие зарубежные военные историки, описывая соотношение сил на нашем фронте, оперируют цифрами количества дивизий, уклоняясь от сопоставления численности личного состава, вооружения. А бывало, что наш корпус имел меньше войск и техники, чем фашистская дивизия.

Что же касается 78-й штурмовой пехотной дивизии, то с приданными частями она по огневой мощи, пожалуй, превосходила наш корпус. Особенно после того, как была накануне нашего перехода в наступление дополнительно усилена 480-м пехотным полком 260-й пехотной дивизии, 164-м и 57-м артиллерийскими полками резерва главного командования, 53-м минометным полком и 667-й бригадой штурмовых орудий¹⁵.

В целом же об огневой мощи и тактической плотности обороны противника на оршанском направлении можно было судить по следующим данным: на оборонявшемся 25-километровом участке Осинстрой — Михайловка 78-я штурмовая пехотная и 25-я моторизованная дивизии имели 120 штурмовых орудий и 80 танков. Кроме штатных средств, они были усилены артиллерией резерва главного командования в количестве 78 орудий и 80 зенитными орудиями¹⁶.

В качестве тактических резервов на участке 78-й штурмовой пехотной дивизии могли быть использованы в первой полосе обороны штурмовой и запасный батальоны, сосредоточенные в районе Выдрицы, во второй — 5-й дивизион штурмовых орудий, 501-й танковый и железнодорожный батальоны. Ближайшие же оперативные резервы противника составляли части 286-й охранной и 14-я пехотная дивизия, находившиеся в районе Орши и к северо-западу от нее. Кроме того, можно было ожидать подхода из глубины до пяти охранных полков, которые несли службу в тылу своих войск и обороняли от партизан коммуникации в районах Толочина и Борисова¹⁷.

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 89.

¹⁶ Там же, д. 636—640, лл. 97—99.

¹⁷ Там же, оп. 2593, д. 223, л. 6.

В результате большой и напряженной работы по изучению противника и обработки всех полученных сведений в штабе армии мы перед наступлением довольно точно представляли себе дислокацию вражеских войск и систему их оборонительных сооружений. Стало ясно, что хотя в ходе войны нам не раз приходилось прорывать сильные вражеские укрепления, все же с такой мощной обороной мы встретились впервые.

После всесторонней оценки имевшихся данных мне представлялось более целесообразным нанести главный удар не на левом фланге, а в центре оперативного построения армии — в направлении Остров-Юрьев, Орехи, Выдрица, с тем чтобы обойти Минскую автостраду с севера. Наступление же вдоль магистрали должно было носить вспомогательный характер. Одновременно следовало на правом фланге ударами частей 152-го укрепленного района на широком фронте сковать противника, не давая ему возможности перебрасывать оттуда свои силы для отражения нашего наступления на главном направлении, где после овладения первой полосой обороны врага можно было ввести в сражение танковый корпус.

Основная идея решения на прорыв обороны врага и развитие наступления заключалась, таким образом, в том, чтобы, используя лесисто-болотистый район в центре и на правом фланге армии, где оборона противника была слабее, обойти с севера его мощные оборонительные сооружения, прикрывавшие направление Минской автострады. В этом случае мы должны были разгромить оршанскую группировку ударом с севера на юг во взаимодействии с войсками 31-й армии, наступавшей с востока. Одновременное наращивание удара на вспомогательном направлении лишило врага возможности как перебросить части на главное направление, так и организованно отойти на заблаговременно подготовленную вторую полосу обороны.

Вырабатывая этот вариант наступления, мы исходили из того, что гораздо труднее было бы наносить главный удар непосредственно вдоль шоссе-магистрали, где наступать пробовали уже до нас неоднократно и безуспешно.

Ведь противник именно здесь ждал удара. На этом направлении у него и наиболее мощная система укреплений, которую, как показывал опыт предшествующих боев, не удастся разрушить даже сильной артиллерийской подготовкой. Естественно, что здесь наши части будут встречены наиболее плотным огнем, способным нанести большие потери. Невыгодно было наступать и на правом фланге армии. Хотя там укрепления и послабее, но очень много болот, которые резко осложняют использование нашей боевой техники, в особенности танков.

Таковы были соображения, определившие выбор центрального участка в качестве направления главного удара армии. К сожалению, это решение не сразу удалось осуществить. Причиной тому, как увидим далее, были уже сложившиеся по-иному планы штаба фронта.

Во второй половине дня 5 июня мы с членом Военного совета армии генералом П. Н. Куликовым и начальником штаба генералом

И. И. Семеновым прибыли в штаб фронта для доклада Военному совету решения на прорыв и плана операции. Штаб располагался тогда в лесу в районе населенного пункта Красное.

Нас принял генерал-полковник И. Д. Черняховский, незадолго до этого назначенный командующим 3-м Белорусским фронтом. С Иваном Даниловичем я встречался впервые, но знал о нем много хорошего. В начале войны он командовал танковой дивизией, затем 60-й армией, которая отличилась в сражениях под Воронежем, в Курской битве, а в дальнейшем успешно наступала в составе 1-го Белорусского фронта. Знал я также, что был он самым молодым командующим войсками фронта. И уже при первой встрече И. Д. Черняховский произвел на меня большое впечатление и своим радушием, благожелательностью, и широтой оперативных суждений.

Вскоре в домике командующего появился начальник штаба фронта генерал-лейтенант А. П. Покровский, с которым я был знаком давно. Еще в 20-х годах мы вместе с Александром Петровичем учились в Военной академии имени М. В. Фрунзе, затем много раз встречались на различных учениях и маневрах. Высокообразованный генерал, он отличался большой работоспособностью, с ювелирной точностью отшлифовывал планы каждой операции, тщательно взвешивая и рассчитывая все детали. На войне нам довелось увидеться впервые, но взаимопонимание с ним, как и с генералом И. Д. Черняховским, установилось очень скоро.

Вслед за А. П. Покровским пришел и член Военного совета фронта Василий Емельянович Макаров, тоже старый знакомый. Мы встречались до войны, когда он работал секретарем Московского городского комитета партии. Общительный и сердечный человек, он был примером высокой партийной принципиальности, обладал большим жизненным опытом и всегда с готовностью помогал в решении возникавших задач.

Приступили к обсуждению наших соображений по плану предстоящей операции.

Разложив на столе свою карту, на которой были показаны направления предлагаемых нами ударов и группировка войск армии, я начал доклад с характеристики положения противника и построения его обороны в тактической зоне. Обратил внимание присутствующих на чрезвычайно сильные вражеские укрепления в полосе Минской автомагистрали. Обосновывая свои намерения относительно выбора направления главного и вспомогательного ударов, подчеркнул:

— На направлении вдоль автомагистрали нам скорее всего не удастся одним ударом прорвать оборону. Здесь придется ее «прогрызть». Зато несколько севернее мы наверняка быстро решим эту задачу и, введя в сражение танковый корпус, нанесем мощный удар с севера по основной группировке врага.

Внимательно выслушав и рассмотрев мою карту, генерал-полковник И. Д. Черняховский заметил:

— Но ведь при этом главный удар будет нанесен почти в десяти километрах от автомагистрали.

Я подтвердил, пояснив, что в районе Остров-Юрьев, куда мы хотели бы нацелить главный удар, находился стык 256-й пехотной и 78-й штурмовой дивизий противника. Кроме того, на этом направлении его оборона слабее. В районе же автостреды 78-я штурмовая пехотная дивизия имела до 50 одних лишь штурмовых орудий «Фердинанд», врытых в землю. Уничтожить такое орудие можно было только прямым попаданием, которое практически мало вероятно, так как наши наводчики не увидят целей, скрытых в аппаратах. И едва кончится артиллерийская подготовка, как все или большинство этих орудий ударят в упор по наступающим пехоте и танкам.

Иван Данилович задумался. Потом спросил, известен ли мне замысел всей фронтовой операции. Я ответил отрицательно.

— Видимо, в этом все дело, — улыбнулся командующий фронтом. — И еще в том, что опасаетесь повторения неудачных попыток наступления войск Западного фронта в направлении Минской автомагистрали. Не так ли?

— Да, не хотелось бы такого повторения.

— В таком случае нужно вас ознакомить и с причинами прежних неудач, и с нашим замыслом.

Командующий фронтом заговорил о коренном различии между прежними попытками наступления вдоль Минской автомагистрали и предстоявшей операцией. В числе причин неудач на этом участке он назвал и недостаточную разведку противника, и излишнюю поспешность в организации наступления, и слабое взаимодействие участвовавших в нем войск. Главное же, что отличало готовящуюся операцию от предшествовавших, как подчеркнул командующий фронтом, заключалось в ее грандиозном размахе.

Как известно, в результате блестящих побед, одержанных Красной Армией в ходе зимней кампании 1943—1944 гг., советские войска продвинулись вперед на всем протяжении советско-германского фронта. Его линия к лету 1944 г. тянулась от Нарвы через Псков в направлении Полоцка, где поворачивала на юго-восток и, обогнув Витебск, шла восточнее Орши и Могилева, затем уходила на юго-запад, в сторону Жлобина и Мозыря, а далее — на запад к Ковелю, оттуда — на юг и, наконец, — на юго-восток, к нижнему течению Днестра.

Таким образом, образовалось два обширных выступа — южнее и севернее р. Припять. Один из них находился на Украине, где наши войска глубоко продвинулись вперед, а другой — в Белоруссии, где немецкие войска, удерживая линию фронта, вдававшуюся в наше расположение, прикрывали восточнопрусское и варшавское направления.

Фашистское командование в результате крупнейших поражений, нанесенных его войскам Красной Армией, полностью исчерпало свои наступательные возможности и еще во второй половине 1943 г. было вынуждено перейти к стратегической обороне по всему советско-германскому фронту. Отныне оно делало ставку на затягивание войны, рассчитывая тем самым отсрочить окончательный разгром вермахта. Понимая, что инициатива теперь принадлежала советским войскам

и что Верховное Главнокомандование Красной Армии свободно в выборе направлений для дальнейших ударов, противник стремился сосредоточить максимальное количество своих сил на том участке фронта, где, по его предположениям, должны были развернуться основные события летней кампании 1944 г.

Гитлер и его генералы считали, что и на этот раз Красная Армия нанесет свой главный удар на юге.

Так, на инструктивном совещании командующих армиями Восточного фронта в мае 1944 г. начальник штаба верховного командования вооруженных сил Германии Кейтель, характеризуя стратегическую обстановку, заявил: «...На Восточном фронте положение стабилизировалось. Можно быть спокойным, так как русские не скоро могут начать наступление. Исходя из данных о перегруппировке сил противника и общего военного и политического положения, надо считать, что русские, вероятно, свои главные силы сконцентрируют на южном участке фронта. Они теперь не в состоянии одновременно вести бои на нескольких главных направлениях...»¹⁸

Ту же мысль высказал впоследствии на Нюрнбергском процессе и бывший начальник оперативного отдела штаба верховного командования Иодль. «...Мы предполагали, — говорил он, — что удар со стороны русских последует на южном участке, а именно в направлении румынской нефти, поэтому основное количество танковых дивизий и было сосредоточено нами в районе южных групп армий...»¹⁹

Речь идет о том, что из 23 танковых дивизий, которые гитлеровцы имели тогда на советско-германском фронте, 20 были расположены к югу от р. Припять и только две находились к северу от нее, в полосе группы армий «Центр». Что же касается последней, то считалось, что ей придется отражать в Белоруссии лишь вспомогательные удары скользящего характера и что она в состоянии это сделать своими наличными силами.

Например, в немецко-фашистском «Бюллетене оценок положения противника на Восточном фронте» 13 июня 1944 г. утверждалось, что готовящиеся наступательные действия советских войск «...против группы армий... «Центр» имеют цель завести в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем...»²⁰

Но и на этот раз гитлеровское командование просчиталось.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии в итоге обсуждения оперативно-стратегического положения на фронте к лету 1944 г. признала целесообразным ликвидировать сначала белорусский выступ противника и разгромить его силы в районе Витебска, Орши, Бобруйска, Минска, без чего наступление на Украине было бы необеспеченным.

¹⁸ «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг.», т. 3. М., 1958, стр. 285.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Оперативный замысел Ставки предусматривал нанесение главных ударов на обоих флангах белорусского выступа: на севере — 3-м Белорусским и левым крылом 1-го Прибалтийского фронтов с целью ликвидации витебско-оршанско-лепельской группировки врага, а на юге — правым крылом 1-го Белорусского фронта для разгрома бобруйской группировки. В центре 2-й Белорусский фронт должен был вести вспомогательное наступление на могилевском направлении.

По выполнению указанных задач 3-му Белорусскому фронту предстояло развивать главный удар на Минск, а правым крылом наступать на Молодечно, 1-му Прибалтийскому — основными силами продвигаться в направлении Лепель, Свенцяны, обеспечивая с севера войска, наступавшие на Минск, 1-му Белорусскому — выйти своим правым крылом в район Пуховичи, Осиповичи, Слуцк, а в дальнейшем наступать на Минск и частью сил на Барановичи. 2-й Белорусский фронт, действовавший в центре, должен был разбить могилевскую группировку противника и достичь р. Березина, после чего наступать на Смиловичи и Минск.

Предусматривалось, следовательно, проведение большой стратегической операции тесно взаимодействовавших четырех фронтов с целью разгрома главных сил группы армий «Центр», освобождения Белорусской ССР и ее столицы Минска. Операция получила кодовое название «Багратион».

На первом ее этапе намечалось взломать вражескую оборону на шести направлениях. При этом наши войска должны были окружить и разгромить группировки противника на флангах — под Витебском и Бобруйском и прорвать его фронт в центре — на богусhevском, оршанском и могилевском направлениях. На втором этапе предусматривалось стремительно развивать достигнутый успех, преследовать противника по всему фронту и, захлестнув крыльями фронтов его группировку, находившуюся в центре, на могилевско-минском направлении, окружить и уничтожить ее. Важнейшей задачей третьего этапа операции являлось неотступное преследование остатков разбитых сил врага и выход к нашим западным границам.

План Ставки Верховного Главнокомандования ставил решительные цели — разгром всей вражеской группировки в Белоруссии, дробление, окружение и уничтожение ее по частям. Этот блестящий замысел был тщательно разработан и хорошо обеспечен во всех отношениях. Это подтверждается и тем, что огромная по масштабам подготовка к большому летнему наступлению в Белоруссии была проведена скрытно от противника, и ее замечательными результатами.

Конечно, в тот день, когда я слушал разъяснения генерал-полковника И. Д. Черняховского, до результатов было еще далеко. Да и многое из того, что рассказано выше, стало мне известно значительно позднее. Тем не менее вкратце, в общих чертах именно так обрисовал обстановку и Иван Данилович. Более подробно он изложил общий замысел Ставки и задачу 3-го Белорусского фронта.

— Прежде всего нам предстоит, — говорил он, — не только продвинуться почти через всю Белоруссию до реки Березины, т. е. на

глубину 150—160 км, но и полностью уничтожить две вражеские группировки — витебскую и оршанскую. А затем продолжать наступление до следующего стратегического рубежа обороны противника, вероятно, до старой границы с Польшей, а быть может и до Немана. Эти перспективы вполне реальны, нужно лишь правильно организовать и провести наступление...

Нельзя было не испытывать волнения, знакомясь с этим поистине блестящим замыслом глубокой операции. Теоретически основы глубокой операции, но, конечно, с меньшим количеством сил и средств, еще в 30-х годах были разработаны у нас в Красной Армии и предусматривали прорыв и стремительное продвижение на нескольких направлениях, сокрушение вражеского фронта и поражение противника во всей оперативной глубине его обороны. С большим удовлетворением мы сознавали, что наступило время, когда можно практически осуществлять такие могучие удары по неприятелю.

И. Д. Черняховский пригласил всех нас к другому столу, на котором А. П. Покровский уже раскладывал большую карту. Водя по ней карандашом, командующий фронтом начал с оценки сил противника.

Перед 3-м Белорусским фронтом действовали 6, 53 и 27-й армейские корпуса. Первые два принадлежали 3-й танковой, а последний — 4-й армиям противника. Их поддерживал 6-й воздушный флот, имевший около 330 самолетов. В первой линии находились пять пехотных, авиаполевая и моторизованная дивизии, несколько отдельных охранных и специальных частей, а также бригада штурмовых орудий. Оперативные резервы состояли из двух пехотных и двух охранных дивизий. Оперативная плотность обороны врага в среднем составляла около 14 км на одну дивизию. Кроме того, в оперативной глубине противника действовало большое количество охранных полков и батальонов, разбросанных отдельными гарнизонами и предназначенных для охраны коммуникаций и борьбы с партизанами.

Рассказав обо всем этом, И. Д. Черняховский перешел к замыслу операции. Он состоял в том, чтобы двумя фронтальными ударами сосредоточенных сил, одним в направлении Богусевск, Сенно, Лукомль и вторым — вдоль Минской автостраты на запад взломать оборону противника на линии Богусевск, Орша и разъединить его витебскую и оршанскую группировки для последующего уничтожения их по частям²¹.

Соответственно создавались две ударные группировки. В одну из них включались 39-я и 5-я армии в составе тринадцати стрелковых дивизий, трех танковых бригад и конно-механизированной группы (механизированный и кавалерийский корпуса). Им предстояло наступать в направлении Богусевск, Сенно. Другую ударную группировку составляли 11-я гвардейская и 31-я армии, насчитывавшие четырнадцать дивизий, две танковые бригады и танковый корпус. Они

²¹ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 30.

должны были прорвать оборону противника смежными флангами армий на 19-километровом участке от Острова-Юрьева до Загвоздино, а затем, наступая главными силами вдоль Минской автострады на Борисов, на третий день операции овладеть Оршей и выйти на линию Яново, Орша. Таким образом, в замысле фронтовой операции решающим являлся удар на оршанском направлении²².

Последним объяснялось и то, что за нашей 11-й гвардейской сосредоточивалась 5-я гвардейская танковая армия под командованием маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова. Она специально предназначалась для развития успеха после прорыва всей тактической глубины обороны противника вдоль магистрали Москва — Минск. Этому замыслу служил и отданный нам приказ обеспечить к утру третьего дня наступления ввод ее в прорыв для нанесения удара на Борисов²³.

— Правда, у нас есть и второй вариант ввода танковой армии, — сказал после небольшой паузы И. Д. Черняховский. — Вот здесь, севернее, в полосе 5-й армии. В этом случае танковой армии придется наступать в направлении Богусhevска, а уж затем выйти на Минскую автомагистраль в районе Толочина, с тем чтобы далее действовать на Борисов. Но хотелось бы ввести ее сразу в полосу автомагистрали по кратчайшему направлению.

Слушая разъяснения командующего фронтом, я довольно быстро начал понимать, что наши предложения о перенесении главного удара армии к северу от автомагистрали идут вразрез основному содержанию замысла фронтовой операции. Оказалось, что именно автострада избрана осью всего наступления и что на этом построено и решение об использовании наиболее мощной подвижной группы войск фронта — танковой армии. При таких условиях, разумеется, нечего было и рассчитывать на принятие наших предложений, ибо они потребовали бы изменения всего замысла фронтовой операции, а возможно и перегруппировки части сил фронта.

Убедившись в том, что мы это поняли, Иван Данилович предложил А. П. Покровскому ознакомить нас с деталями плана.

Александр Петрович сообщил, что нашей армии поставлена задача на всю глубину фронтовой операции, равную, как мы уже знали, 150—160 км. При выполнении ближайшей задачи, на которую отводилось три дня, среднесуточное продвижение должно было составить 12—15 км, а в дальнейшем — около 20 км. Подвижным же войскам фронта устанавливался темп наступления от 30 до 35 км в сутки.

Начальник штаба фронта также напомнил, что нам предстоит одной дивизией наступать на левом фланге из района Заболотье в направлении Барань, Новоселье для содействия 31-й армии в овладении Оршей. На правом же фланге мы должны были силами 152-го полевого укрепленного района свертывать боевой порядок противни-

²² Там же, л. 40.

²³ Там же, л. 31.

ка в направлении Бабиновичей. Это же будет делать и 5-я армия ударом одной дивизии с севера ²⁴.

Обсудив еще ряд деталей, мы попрощались и выехали в штаб армии. Предстояло принять такое окончательное решение, которое соответствовало бы замыслу и плану фронтовой операции.

Не скрою, хотя я и с сожалением расставался со своим прежним намерением, все же моя уверенность в его преимуществе была основательно поколеблена. Иначе, вероятно, постарался бы решительно отстаивать предложения, с которыми мы прибыли к командующему фронтом. Не мог я тогда знать и того, что даже в Ставке высказывались сомнения относительно возможностей наступления вдоль Минской автомагистрали. Об этом мне стало известно лишь в 1968 г., после выхода в свет воспоминаний генерала армии С. М. Штеменко. Оказалось, что «17 июня при обсуждении у Верховного Главнокомандующего доклада А. М. Василевского на плане действий 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, оршанское направление было признано малоперспективным» ²⁵.

Если речь шла о перспективах быстрого прорыва обороны вдоль автомагистрали, а по-видимому так и было, то ход событий полностью подтвердил эту оценку. Что же касается в целом действий на оршанском направлении, то они, несмотря на серьезные трудности, встречаемые 11-й гвардейской армией, принесли крупный успех, и во многом как раз потому, что направление главного удара все же пришлось изменить уже в ходе операции.

Но об этом — в свое время.

Армия готовит наступление

Возвратившись в штаб армии, я в тот же вечер собрал весь руководящий состав. Кстати, на это совещание начальник оперативного отдела И. И. Леднев впервые пришел в гимнастерке с генеральскими погонами. Здороваясь, он доложил, что сегодня получил приказ о присвоении ему звания генерал-майора. Все мы сердечно поздравили Ивана Ивановича, от души пожелали ему успехов в ответственной работе, которую он выполнял с большим знанием дела.

В начале совещания генерал И. И. Семенов изложил полученную нами в штабе фронта ориентировку.

Нельзя было не заметить, что присутствовавшие на совещании явно огорчены изменением наших первоначальных наметок относительно направления главного удара. И не удивительно. Ведь все они немало поработали над ними и единодушно поддерживали мое намерение. Пришлось еще раз напомнить, что мы должны действовать в строгом соответствии с замыслом фронтовой операции. Пересказав все, что говорил нам генерал-полковник И. Д. Черняховский,

²⁴ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 216, л. 32.

²⁵ С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, стр. 252.

я добавил, что для выполнения поставленной задачи мы располагаем большими силами и средствами.

В связи с этим нужно отметить, что тем же распоряжением, которым нам передавались 152-й полевой укрепленный район и — временно — две дивизии 31-й армии, командующий фронтом усилил 11-ю гвардейскую целым рядом соединений и частей резерва Верховного Главнокомандования. Среди них, кроме уже упоминавшегося 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, были 5-й артиллерийский корпус прорыва под командованием генерал-лейтенанта артиллерии Н. Ф. Саличко (заместитель по политчасти — полковник А. М. Власов), 2-я гвардейская штурмовая инженерно-саперная бригада, которой командовал полковник Р. М. Солдатенков (заместитель по политчасти — подполковник И. Н. Максимов), и другие²⁶.

Благодаря этому мы могли иметь на участке прорыва в среднем на 1 км фронта около 180 орудий и минометов²⁷, а на направлении главного удара — более 250. Фронт обеспечивал нас также мощной поддержкой авиации. Так, в ночь перед прорывом на главном направлении было намечено нанести удар с воздуха по первой позиции обороны противника силою 30—40 т бомб на 1 кв. км. В эту ночь здесь предполагалось использовать около 350 самолето-вылетов фронтальной и около 300 дальней бомбардировочной авиации. А всего для действий на оршанском направлении предназначалось более 50% самолетов 1-й воздушной армии²⁸.

Но и это было не все. С учетом эшелона развития прорыва, а в дальнейшем и 5-й гвардейской танковой армии, в наступлении на борисовском направлении должна была участвовать почти тысяча танков и самоходных орудий²⁹.

Когда я назвал эти цифры, да еще дополнил их некоторыми данными о силах, участвующих в Белорусской операции в целом, нельзя было не заметить выражения удовлетворения у моих помощников, особенно у артиллериста генерала П. С. Семенова и танкиста полковника А. Р. Бурлыги. И это вполне понятно, так как, располагая столь мощными силами и средствами, войска фронта должны были безусловно выполнить поставленную задачу.

Все мы в эту минуту думали о том, что и в трудные для нас времена враг не раз испытал на себе могучие удары Красной Армии. Насколько же возрастут они теперь, когда мы окончательно лишили противника численного превосходства и полностью взяли в свои руки инициативу! И все это благодаря поистине мудрому руководству Коммунистической партии, колоссальным силам нашего социалистического строя, безграничной любви своей великой Родины и преданности советского народа, самоотверженности тружеников тыла, невиданному героизму и военному искусству Красной Армии. Вот по-

²⁶ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 67.

²⁷ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 645—649, л. 27.

²⁸ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 40.

²⁹ Там же, лл. 59—60.

чему все мы едва сдерживали волнение, охватившее нас перед лицом грандиозной задачи, в выполнении которой нам выпала честь участвовать.

После небольшой паузы я приказал начальнику оперативного отдела нанести на карту пока лишь общий замысел на прорыв обороны противника. Принятие окончательного решения на наступление и оперативное построение войск армии отложил до завтра, с тем чтобы предварительно провести рекогносцировку на местности.

На рекогносцировку мы отправились на рассвете следующего дня. В ней участвовали также командиры корпусов и начальники родов войск армии. Все они в ходе рекогносцировки внесли немало хороших предложений.

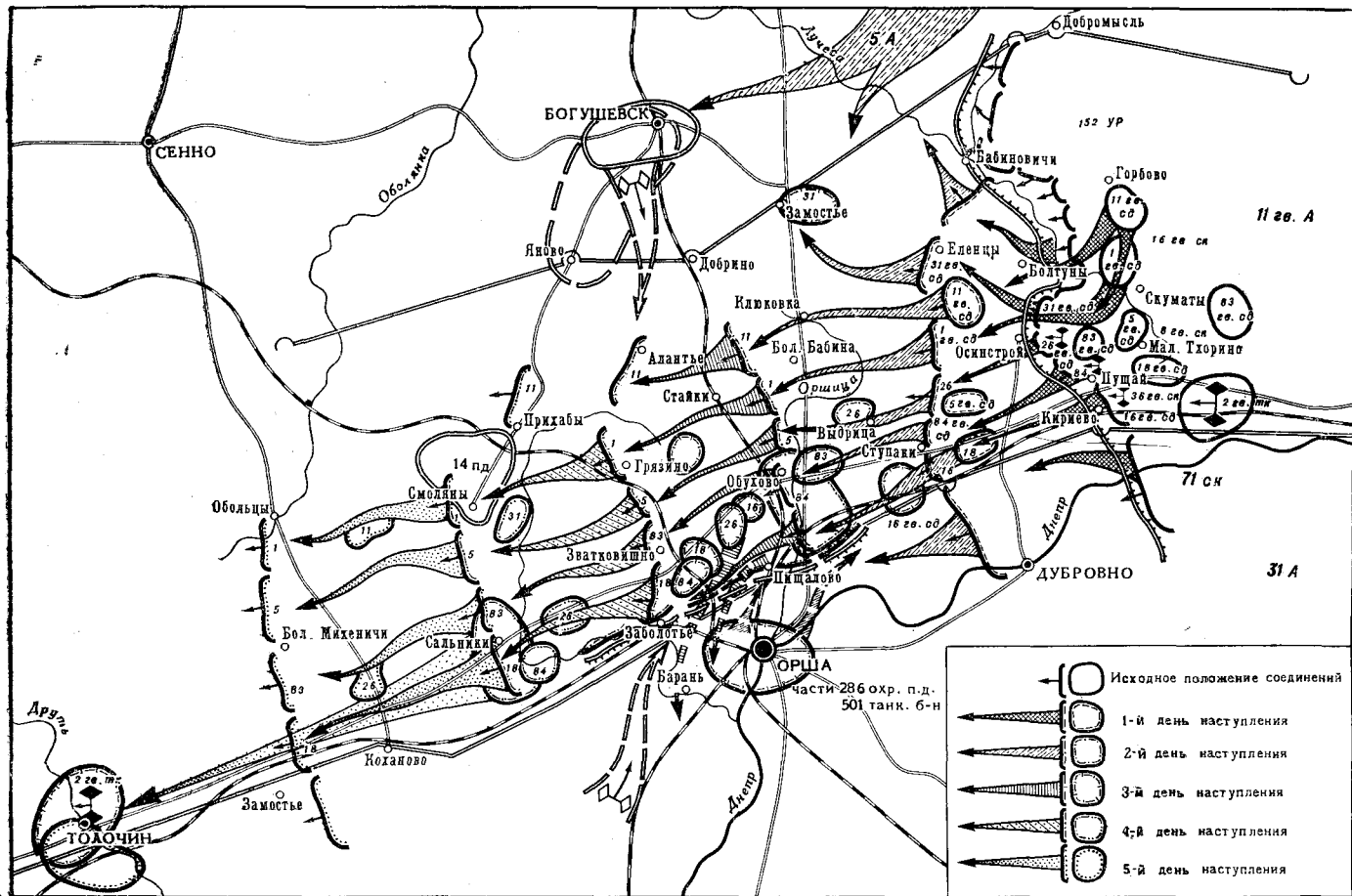
Хотелось бы в связи с этим подчеркнуть, что творческий подход при принятии решения на проведение военной операции невозможен без участия определенного круга ответственных лиц в оценке обстановки и определении тех или иных возможностей. Поэтому и само решение в конечном счете является плодом коллективного труда, в котором, наряду с командующим, несущим всю полноту ответственности, активно участвуют и его подчиненные. Так у нас в Красной Армии принято с первых дней ее зарождения. Конечно, роль военачальников в военном деле очень значительна. Но только те из них достигли серьезных успехов, кто учитывал мнение подчиненных, советовался с ними, проверял таким образом свои замыслы.

Можно, конечно, не принять предложение, так тоже бывает. Но в любом случае для военного руководителя очень важно знать точку зрения тех, кому предстоит проводить в жизнь его замысел. Естественно, все эти требования относятся к любому руководителю, но к военному в особенности, так как от его решения нередко зависят человеческие жизни.

Вечером, когда окончилась рекогносцировка и все ее участники высказали свои соображения, здесь же на местности мною было принято окончательное решение, намечены участки прорыва.

Основная идея решения в соответствии с указаниями фронта заключалась в следующем: на главном направлении прорвать первую полосу рубежа противника и, нарацивая удар вдоль автомагистрали и севернее ее вводом в сражение 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса и одной стрелковой дивизии — в первый день, трех стрелковых дивизий — во второй день и одной стрелковой дивизии — в третий день наступления разгромить противостоявшую группировку, продвинувшись на всю глубину ее подготовленной обороны. Этой же цели должен был служить вспомогательный удар на направлении Остров-Юрьев, Гришаны, Смоляны. Там намечалось, используя лесистый район, быстро выдвинуть часть сил и в глубине охватить ими с севера противника, оборонявшегося вдоль автомагистрали.

Во время рекогносцировки все же мы учитывали возможность упорного сопротивления противника в полосе Минского шоссе и как следствие этого — замедленное продвижение 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Именно поэтому и намечался обход врага

План наступательной операции 11-й гвардейской армии в Белоруссии

с севера в районе Выдрицы силами 8-го гвардейского стрелкового корпуса с целью нанесения удара во фланг или в тыл вражеской группировке.

На главном направлении предстояло прорывать оборону врага на 7,5-километровом участке Осинстрой, Кириево. Здесь надлежало создать ударную группировку в составе 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов и сосредоточить от 180 до 250 орудий и минометов на 1 км фронта. На этом направлении, естественно, намечалось использовать также всю бомбардировочную и штурмовую авиацию, выделенную для поддержки наступления армии.

В центре, на участке в 3—4 км севернее Остров-Юрьев, где вспомогательный удар должен был нанести 16-й гвардейский стрелковый корпус, намечалось сконцентрировать по 130—140 орудий и минометов на 1 км фронта. На правом фланге армии имелось в виду наступать силами 152-го полевого укрепленного района на северо-запад, свертывая фронт противника.

Предусматривалось одноэшелонное оперативное построение армии — все три стрелковых корпуса в линию, однако каждый из них должен был иметь два эшелона. Это обеспечивало возможность при необходимости быстро вводить в бой на нужных направлениях отдельные дивизии второго эшелона. В первом эшелоне армии, таким образом, наступали четыре стрелковые дивизии: 31, 26, 84 и 16-я гвардейские и части полевого укрепленного района, во втором — также четыре дивизии — 1, 5, 11 и 18-я гвардейские, а одна — 83-я гвардейская стрелковая оставалась в армейском резерве. 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус составлял эшелон развития прорыва. При таком построении мы могли использовать на направлении главного удара все пять дивизий из второго эшелона и резерва, а на вспомогательном при необходимости — три-четыре дивизии.

Теперь несколько подробнее о корпусах.

На левом фланге армии, на направлении главного удара должен был наступать 36-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора П. Г. Шафранова (заместитель по политчасти — полковник Н. В. Кутин). Он имел 16, 18 и 84-ю гвардейские стрелковые дивизии и усиливался 35-м и 63-м тяжелыми танковыми, 345-м и 348-м самоходно-артиллерийскими и 517-м огнеметным танковым полками.

Корпусу ставилась задача двумя стрелковыми дивизиями — 16-й и 84-й гвардейскими с приданными танковыми и самоходно-артиллерийскими полками прорвать оборону противника на 5-километровом участке Новое Село, Кириево и разгромить на этом направлении части 78-й штурмовой дивизии противника. Тем же соединениям предстояло, развивая успех, обеспечить ввод в сражение 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса на рубеже Забегница, Шалапино и выйти на фронт Ступаки, Макарово, продвинувшись на 12 км.

Севернее надлежало действовать 8-му гвардейскому стрелковому корпусу, которым командовал генерал-майор М. Н. Завадовский (заместитель по политчасти — полковник Н. С. Родионов), в составе

5-й и 26-й гвардейских стрелковых дивизий с 120-й танковой бригадой и 1435-м самоходно-артиллерийским полком. Он должен был одной стрелковой дивизией — 26-й гвардейской — с танковой бригадой прорвать оборону противника на 2,5-километровом участке Осинстрой, Новое Село, совместно с дивизиями 36-го гвардейского стрелкового корпуса разгромить части 78-й штурмовой пехотной дивизии и достичь линии Хутора Брюховские, иск. Выдрица (глубина 10—12 км).

В центре полосы армии, как уже упоминалось, вспомогательный удар наносил 16-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора Я. С. Воробьева (заместитель по политчасти — полковник В. В. Мешков). В его состав входили 1, 11 и 31-я гвардейские стрелковые дивизии. Корпус получил задачу прорвать на своем правом фланге оборону противника на участке оз. Зеленское, Езериче силами приданного 152-го полевого укрепленного района, а на левом — на участке Остров-Юрьев, Осинстрой — частями 31-й гвардейской стрелковой дивизии, разгромить части 256-й пехотной дивизии врага и выйти на рубеж Самостойка, Еленцы, Хутора Брюховские, продвинувшись вперед на 8—10 км.

2-й гвардейский Тацинский танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск А. С. Бурдейного, войдя в прорыв с рубежа Забежница, Шалашино, должен был углубиться в оборону противника в полосе Минского шоссе на 20—25 км и овладеть тыловым рубежом гитлеровцев по р. Оршица на участке Обухово, Езоповщина³⁰.

После принятия решения началась напряженная работа штаба армии по разработке плана операции. К участию в ней и составлению боевой документации был допущен ограниченный состав офицеров. Направляемые в штаб фронта оперативные документы писались только от руки. В соединения и части все указания давались устно, причем, как правило, лично тому, кого они непосредственно касались. Телефонные переговоры о наступлении были категорически запрещены. Радиостанции также молчали.

Операция была спланирована на всю глубину до рубежа р. Березины с учетом взаимодействия с 31-й, а в дальнейшем и с 5-й гвардейской танковой армиями. Она намечала три этапа.

Продолжительность первого из них была определена в два дня. За это время нужно было взломать первую оборонительную полосу противника, ввести в сражение 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, затем прорвать всю тактическую зону обороны с окружением и уничтожением частей противника в лесах севернее Минского шоссе и выходом стрелковых корпусов на рубеж Кляковка, р. Оршица.

На втором, трехдневном этапе планировалось завершить уничтожение окруженных частей 256-й и 78-й штурмовой пехотных дивизий в лесах западнее Бабиновичи и севернее оз. Орехи, стремительно

³⁰ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 436—442, лл. 152—156,

преследовать противника, обеспечивая левый фланг от возможных контратак с юга. К концу этого этапа войска армии должны были выйти на рубеж Обольцы, Бол. Михеничи, Перевалочная (глубина 60—65 км), выдвинув 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус в район Толочина или Сенно.

Основная задача третьего этапа состояла в том, чтобы в течение шестого — десятого дня наступления, неотступно преследуя врага, достичь р. Березины.

Главная роль на первом этапе операции при прорыве первой полосы и преодолении всей тактической глубины обороны противника, а также при обеспечении ввода в сражение 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса отводилась 36-му гвардейскому стрелковому корпусу. На втором и третьем этапах он же должен был обеспечивать левый фланг армии и находиться в готовности повернуть, если потребуется, часть сил на г. Оршу. Одновременно ему предстояло одной стрелковой дивизией организовать преследование противника вдоль Минской автомагистрали.

8-му гвардейскому стрелковому корпусу на первом этапе ставилась задача действовать одной стрелковой дивизией совместно с 36-м гвардейским стрелковым корпусом при прорыве оборонительной полосы гитлеровцев. На втором же и третьем этапах он являлся основной силой для решительного преследования вражеских частей и должен был наступать, имея в первой линии не менее двух стрелковых дивизий.

Важная задача стояла также перед 16-м гвардейским стрелковым корпусом, хотя он и наступал на вспомогательном направлении. Осуществляя окружение и разгром противника в районе Бабиновичи, оз. Орехи на первом этапе операции, он мог во многом обеспечить успех всего наступления. На втором и третьем этапах корпусу предстояло преследовать отступающие части и обеспечивать правый фланг армии от возможных контратак с севера и северо-запада.

2-й гвардейский Тацинский танковый корпус планировалось ввести в сражение на глубине 6—7 км ориентировочно во второй половине первого дня наступления. В дальнейшем после овладения рубежом р. Оршица во взаимодействии с авиацией он должен был разгромить подходящие резервы противника и к исходу третьего дня овладеть районом Толочин. При необходимости корпус мог быть повернут на северо-запад — на Обольцы, Сенно или на юг — на Староселье с целью отрезать пути отхода гитлеровцев, отступающих перед правым или левым соседом армии.

Далее в плане излагались основные задачи авиации и артиллерии на первом и втором этапах операции и все относящееся к организации взаимодействия, управления, инженерного и материально-технического снабжения. Были также спланированы смена 88-й и 192-й стрелковых дивизий и порядок занятия войсками армии исходного положения³¹.

³¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 630, л. 28.

Проверка войск

Утром 9 июня на командный пункт армии прибыли представитель Ставки начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский, генерал-полковник И. Д. Черняховский и генерал-лейтенант В. Е. Макаров. По указанию Александра Михайловича Василевского я доложил о состоянии войск армии и проведенной работе по подготовке к операции. Отметил, что к утру 11 июня выйдут в район сосредоточения последние две дивизии — 18-я и 26-я гвардейские стрелковые.

На этом заканчивалась полная передислокация войск армии. Все командиры корпусов, дивизий и их штабы, выполняя полученные указания, уже в течение двух-трех дней изучали обстановку на участках прорыва. Сообщив об этом, я показал карту, на которой был графически изображен разработанный нами план операции, изложил замысел и решение на прорыв обороны противника, а также предполагаемый ход боевых действий по срокам.

Александр Михайлович выслушал внимательно. Затем предложил сместить направление наступления правофлангового 16-го гвардейского стрелкового корпуса в первый день несколько южнее — на Выдрицу, чтобы таким образом вспомогательный удар сблизить с главным в глубине обороны противника. Посоветовал также нарастить наступление частей 152-го полевого укрепленного района ударом 11-й гвардейской стрелковой дивизии, чтобы совместно с соседом — 5-й армией быстрее окружить и разгромить в районе западнее Бабиновичи 256-ю пехотную дивизию.

Уточнив и некоторые вопросы, касавшиеся боевых действий артиллерии и авиации, представитель Ставки обратился к И. Д. Черняховскому и В. Е. Макарову:

— Есть еще указания Военному совету армии?

Иван Данилович ответил, что все его предыдущие указания учтены и отражены в плане. Здесь же командованием фронта план операции был утвержден. Одобрил его и маршал А. М. Василевский.

После этого все мы отправились на передний край, на участок будущего прорыва. Начали с 88-й стрелковой дивизии. Когда прибыли на ее наблюдательный пункт, А. М. Василевский сразу же направился к стереотрубе и довольно продолжительное время разглядывал оборонительные сооружения противника. Затем заметил:

— Прочно и искусно укрепился враг. Но у нас есть чем выбить его с белорусской земли.

К тому времени сюда прибыли и командиры 36-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов. Представитель Ставки заслушал их решения на прорыв. Особенно детально он интересовался объектами обороны врага, намеченными к разрушению и подавлению артиллерией и авиацией, а также организацией взаимодействия пехоты с танками и артиллерией, дал командирам корпусов генералам П. Г. Шафранову и М. Н. Завадовскому ряд практических указаний.

Переехали на наблюдательный пункт командира 192-й стрелковой дивизии. Здесь нас встретил командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Я. С. Воробьев и комендант 152-го полевого укрепленного района полковник А. Е. Клец. Тщательно ознакомившись с участком прорыва и решением генерала Я. С. Воробьева, маршал А. М. Василевский вновь дал уже упоминавшееся указание нацелить удар 31-й гвардейской стрелковой дивизии на Выдрицу и наращивать наступление частей укрепрайона силами 11-й гвардейской стрелковой дивизии.

Закончив работу на участке прорыва, Александр Михайлович выразил желание побывать и в районе сосредоточения войск армии. Туда мы и поехали. В пути маршал очень положительно отзывался о командирах корпусов и сделанной ими работе. Расспросив подробно о них, он высказал уверенность, что корпуса армии, имея таких опытных и хорошо подготовленных командиров, полностью справятся с поставленными им задачами. И добавил:

— Надеюсь, что и весь личный состав войск армии под стать своим командирам.

Несколько опережая события, не могу не отметить, что эти ожидания войны 11-й гвардейской армии оправдали всеми своими дальнейшими героическими действиями...

В 99-й гвардейский стрелковый полк 31-й гвардейской стрелковой дивизии мы попали как раз к обеду. В одной из рот нас окружили солдаты, и один из них, обращаясь к А. М. Василевскому, сказал:

— Товарищ маршал, просим пообедать с нами.

— Спасибо за приглашение, — ответил Александр Михайлович, — конечно, пообедать надо. Но разве вы меня знаете?

Другой солдат объяснил:

— Хотя вы и в комбинезоне, но мы сразу же узнали вас. Мы москвичи, бывшие ополченцы, и не один раз видели вас на фронте, пока прошли с боями от Москвы до Белоруссии.

Встреча получилась теплая и совсем не официальная. Мы все уселись на зеленой траве под березкой, и сразу же к нам потянулись десятки рук с котелками, от которых шли весьма аппетитные запахи. Солдатский борщ и гречневая каша оказались действительно очень вкусными. В то время как мы с удовольствием опорожняли котелки, появился командир полка полковник К. Г. Кузнецов, видимо, только что узнавший о нашем приезде. Он быстро подошел и начал докладывать о состоянии полка. Маршал остановил его:

— Сначала садитесь с нами обедать. Да расскажите, всегда ли ваши ротные повара так вкусно готовят.

К. Г. Кузнецов, поначалу несколько смущенный, теперь почувствовал себя свободнее и, разумеется, тоже пообедал.

— Вот теперь можно и проверить состояние и готовность вашего полка.

Представитель Ставки с группой прибывших с ним генералов и офицеров провели тщательную проверку. Пашлись и недочеты, главным образом в огневой подготовке подразделений. А. М. Василев-

Слева направо: В. Е. МАКАРОВ, А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ, И. Д. ЧЕРНЯХОВСКИЙ
в штабе фронта во время Белорусской операции

ский также собрал командиров батальонов, а затем и весь командный состав полка. Сделав разбор учений стрелковых подразделений, он тут же дал указания о том, как быстрее устранить недостатки. В частности, приказал провести с каждой ротой и батальоном по два-три тактических учения с боевой стрельбой.

Прощавшись с полком, мы направились в 84-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Встретил нас командир генерал-майор Г. Б. Петерс. Он доложил маршалу о ходе боевой подготовки в частях, начатой сразу же после того как дивизия одной из первых прибыла в район сосредоточения. Г. Б. Петерс повел нас посмотреть батальонное тактическое учение с боевой стрельбой, которым руководил командир 247-го гвардейского стрелкового полка майор Я. М. Демченко. Учение Александру Михайловичу понравилось. Он сказал мне:

— Так и учите войска все оставшееся до начала операции время.

Поздно вечером возвратились в штаб армии. К этому времени здесь уже собрались все командиры корпусов, дивизий, бригад и их заместители по политической части. Маршал А. М. Василевский дал им ряд общих указаний о подготовке прорыва на оршанском направлении. В основном он коснулся действий, направленных на то, чтобы взломать оборону врага в полосе автостреды Москва — Минск. Представитель Ставки отметил, что здесь противник подготовил особо прочную в инженерном отношении, глубоко эшелонированную оборону, прорыв которой усложнен и условиями местности.

— Кроме того, на этом направлении перед армией и враг сильный, особенно 78-я штурмовая пехотная дивизия. Но не забывайте: она весьма упорна в бою только потому, что мы ее до сих пор мало били. Значит, надо ударить так, чтобы от нее осталось у гитлеровцев одно лишь воспоминание. И для этого у нас есть все необходимое. Ваша задача — прежде всего изучить оборону и группировку врага, вскрыть его систему пулеметно-артиллерийского огня. Это позволит нанести удар по наиболее важным огневым точкам. Необходимо также установить, какие именно траншеи заняты противником и какие являются ложными, найти основные опорные пункты и подавлением их нарушить целостность вражеской обороны, а затем и взломать ее.

Перед собравшимися выступил также генерал И. Д. Черняховский.

— 11-й гвардейской, — говорил он, — вместе с другими армиями фронта выпала историческая задача — первыми нанести удар по врагу и открыть летнюю кампанию 1944 г. Важность этой задачи дополняется ее стратегической целью — ликвидировать выступ, на котором противник ближе всего находится к Москве, разгромив при этом его центральную группировку и освободив Белоруссию.

Указав, что предстоящий прорыв является по существу своеобразной артиллерийской операцией³², командующий фронтом дал ряд указаний относительно использования огневых средств.

— Необходимо добиться, чтобы стрельба артиллерии и минометов была точной. Каждая батарея должна иметь конкретную цель. Но ее еще нужно выявить. Поэтому к исходу 10 июня офицерам-артиллеристам всех степеней быть на своих наблюдательных пунктах. Командирам артиллерийских полков и начальникам артиллерии дивизий лично проверить наблюдательные пункты и огневые позиции каждой батареи и ее цели, а также цели для каждого орудия, выделенного для ведения огня прямой наводкой. Все огневые задачи командирам дивизионов и батарей ставить только на местности и обязательно с их наблюдательных пунктов. Не медлить с пристрелкой, начать ее завтра же и проводить в соответствии с установившимся на фронте режимом огня.

Командующий фронтом установил и срок полной готовности артиллерии — 15 июня³³.

Несколько замечаний было сделано и мною. Потребовал обратить особое внимание на обеспечение непрерывной связи артиллерии с пехотой и танками. Для этого командиры-артиллеристы должны были находиться на совместных наблюдательных пунктах с командирами стрелковых подразделений и частей, а в танковых частях — иметь передовых наблюдателей с радиостанциями. Только так мы могли обеспечить надежное взаимодействие. Далее приказал выделить в каждой дивизии первого эшелона по 45—50 орудий, в том числе и крупнокалиберных (122-мм и 152-мм), для стрельбы прямой наводкой с целью разрушения и уничтожения огневых точек противника.

³² Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 5.

³³ Там же, лл. 5—8.

В заключение маршал А. М. Василевский указал, что теперь, когда армия заканчивает перегруппировку своих войск, необходимо ускорить их подготовку к операции, чтобы догнать в этом отношении другие армии фронта. Примерно ту же мысль высказал он впоследствии в воспоминаниях, касающихся этого своего приезда в нашу армию.

«...Весь день 9 июня, — писал он, — вместе с Черняховским работали в 11-й гвардейской армии Галицкого. Армия производила отличное впечатление, но в связи с ее перегруппировкой на новое направление подготовительная работа в ней, особенно в отношении артиллерии, несколько отставала от других армий. Заслушав решение и основные соображения по проведению операции командарма и командиров корпусов, мы внесли некоторые коррективы и дали необходимые указания»³⁴.

К этому можно добавить, что подготовка к проведению операции у нас еще только начиналась. И приезд представителя Ставки, командующего и члена Военного совета фронта, их указания и советы сыграли важную роль в успешном осуществлении подготовительной работы.

Она усиленно развернулась уже на следующий день во всех соединениях и частях. В течение 10 и 11 июня командиры корпусов совместно с командирами дивизий и частей усиления провели рекогносцировку своих участков прорыва. Затем на местности была поставлена задача каждой дивизии и указано направление ее главного удара. Одновременно выбирались наиболее важные цели для артиллерийской подготовки: занимаемые врагом участки траншей, основные опорные пункты, ключевые позиции вражеской обороны. На местности отрабатывалось и взаимодействие родов войск.

12 и 13 июня такую же работу провели командиры дивизий с командирами полков и приданных артиллерийских и танковых частей. Присутствовали и ответственные офицеры авиационных дивизий. Отработанные таким образом детали взаимодействия войск в дальнейшем оформлялись и документировались штабами всех степеней. При этом особое внимание уделялось увязке совместных действий между пехотой, артиллерией и танками, с одной стороны, и авиацией — с другой.

С такой же целью 14 июня командование армии провело занятие с командирами корпусов, дивизий и всех авиационных соединений и частей, поддерживавших наступление армии. С докладами выступили командующий 1-й воздушной армией генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин — о действиях ВВС в период прорыва и боя в глубине обороны, начальник штаба нашей армии генерал И. И. Семенов — об оценке противника и группировке наших войск, командующий артиллерией армии генерал П. С. Семенов — о группировке вражеской и нашей артиллерии, задачах последней и порядке ее взаимодействия с авиацией.

³⁴ «Освобождение Белоруссии. 1944». М., 1970, стр. 56.

Занятие проводилось на рельефном плане участка предстоящих действий. Оно во многом помогло ознакомить общевойсковых командиров с намеченным порядком артиллерийского и авиационного наступления, а командиров авиационных частей — с задачами стрелковых и танкового корпусов, с планом развития операции. К тому же после занятия все его участники выехали на передний край наших войск и на местности окончательно уточнили вопросы взаимодействия при прорыве.

В соответствии с принятым решением велась и подготовка плацдарма для предстоявших действий. К началу операции в полосе наступления было открыто необходимое количество траншей для укрытия всех подразделений первого эшелона войск армии. Полностью подготовили огневые позиции артиллерии и минометов. В выжидательных и исходных районах укрыли в аннареях и котлованах все танки и автомашины. Построили командные и наблюдательные пункты для командиров и штабов всех степеней.

13 июня был закончен также начатый еще 7 июня вывод на огневые позиции артиллерии усиления — 2-й и 20-й артиллерийских, 7-й гвардейской минометной дивизий, 226-го артиллерийского дивизиона особой мощности и ряда других частей, а в последующие два дня и всей дивизионной, корпусной и армейской артиллерии. На сотнях артиллерийских наблюдательных пунктов, расположенных в самых, казалось бы, неожиданных, скрытых местах, командиры батарей, дивизионов и групп тщательно изучали свои цели. Пристрелку артиллерии начали с 11 июня, не нарушая, разумеется, режима огня предстоящих дней.

Очень важное место в подготовке операции занимала политическая работа в войсках. Командиры и политработники, агитаторы и пропагандисты на живых примерах показывали бойцам возросшую мощь Советских Вооруженных Сил, в частности соединений нашей армии. Вместе с тем они разъясняли трудности предстоящих боев, помогали готовить весь личный состав к их преодолению.

Опорой командиров частей и подразделений в проведении подготовительных работ, как всегда, были партийные организации. Военный совет и политотдел армии уделяли большое внимание их укреплению, правильной расстановке коммунистов в подразделениях, воспитанию боевитости и идейной вооруженности войск. К началу наступления во всех стрелковых ротах и артиллерийских батареях были созданы полнокровные партийные организации, насчитывавшие каждая от 6 до 19 коммунистов³⁵. Всего к тому времени в частях армии было 646 первичных, 1137 ротных и им равных парторганизаций, объединивших 27 182 коммуниста. Число комсомольцев достигло 21 550³⁶. Таким образом, коммунисты и комсомольцы составляли около 40% всего личного состава армии, насчитывавшего более 120 тыс. человек³⁷.

³⁵ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 229.

³⁶ Там же, д. 771, лл. 205, 221.

³⁷ Там же, ф. 241, оп. 2628, д. 48, л. 302.

Командиры и политработники, партийные и комсомольские организации проявляли особую заботу о подготовке пополнения к предстоящим боям. Молодых воинов надо было не только ввести в строй, но и приобщить к гвардейской славе, к боевым традициям армии. Огромную роль при этом играло сознание принадлежности к советской гвардии. Ведь каждая гвардейская часть прошла славный путь, и, изучая его, молодежь проникалась чувством гордости за свой полк, свою дивизию, еще большей преданностью социалистической Родине, Коммунистической партии, готовностью героически сражаться до полной победы над врагом, успешнее овладевала боевым мастерством. Один из политработников, инструктируя агитаторов, так сформулировал эту мысль:

— Каждый наш боец носит знак «гвардия» не только на груди, но и в сердце, в сознании своем. А это означает — быть всегда готовым к подвигу во имя свободы и независимости нашего советского народа.

В результате умело организованной партийно-политической работы каждый боец армии понимал цели и задачи предстоящего наступления и стремился как можно лучше подготовиться к решающим боям по очищению Советской Белоруссии от врага. В войсках армии царил высокий боевой дух, мощный наступательный порыв — важнейший залог успеха.

И это вселяло уверенность в победе, в преодолении всех ожидавших нас трудностей борьбы с сильным и злобным противником.

Прорыв

Затяжные бои на главном направлении

Наступление было назначено на утро 23 июня, а накануне предстояло провести разведку боем. Ей предшествовал сильный бомбовый удар, нанесенный в ночь на 22 июня авиацией 1-й воздушной армии по переднему краю и глубине обороны противника. Одновременно наши саперы начали в своей полосе и перед первой линией вражеских траншей резать проволочные заграждения и разминировать проходы на участках, намеченных для атаки.

22 июня в полосе предстоящего прорыва четыре усиленных батальона провели разведку боем. Она имела целью уточнить систему вражеского огня и инженерных заграждений, захватить пленных. Батальоны были выделены из дивизий второго эшелона, чтобы не ослаблять соединений, предназначенных для штурма. Каждый батальон поддерживался полком дивизионной артиллерии.

Атака началась после мощного 15-минутного артиллерийского налета по переднему краю и опорным пунктам врага. Передовые батальоны ворвались в первую траншею и захватили пленных. Стремясь восстановить положение, гитлеровцы предприняли несколько контратак, поддержанных артиллерией и минометами. В этот момент по вспышкам орудийных выстрелов удалось засечь 34 артиллерийские и минометные батареи врага¹.

Эти данные были дополнены показаниями взятых в тот день пленных, которые подтвердили имевшиеся у нас сведения о группировке противника. В целом же разведка боем помогла установить, что враг не произвел существенных изменений в организации своей обороны. Окончательно удостоверились мы и в том, что наши войска, уже занимавшие исходное положение для наступления, находятся перед настоящим, а не ложным передним краем врага, что имело исключительно важное значение для предстоявшей артиллерийской подготовки.

К вечеру стали известны и результаты разведки боем у соседей. Справа, в 5-й армии генерала Н. И. Крылова, был достигнут большой

¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 20.

и, пожалуй, неожиданный успех. Здесь вражеская оборона оказалась недостаточно стойкой², и пяти передовым батальонам при поддержке артиллерии удалось не только захватить первые траншеи, но и, отразив контратаки, продвинуться на направлениях своей атаки на глубину от 2 до 4 км и закрепиться на захваченных участках. Таким образом, стрелковые подразделения без танков и даже без длительной артиллерийской подготовки смогли вклиниться в оборону противника. Это значило, что завтра 5-й армии будет легче, чем нам, и мы искренне порадовались успеху соседа.

Иначе обстояло дело слева, в 31-й армии генерала В. В. Глаголева. Там оборона противника была прочной, и передовым батальонам не удалось ворваться в его траншеи на участках северо-западнее Горманы и южнее Загвоздино. Сильный артиллерийский и минометный огонь врага вынудил их отойти в исходное положение.

В 18 часов 30 минут, когда полностью выяснились результаты разведки боем, я подпisał боевой приказ войскам армии на прорыв вражеской обороны. В нем были изложены все те указания, которые давались командирам соединений устно во время личных встреч при подготовке операции. Начало артиллерийской подготовки назначалось на 6 часов 23 июня, общей атаки танков и пехоты — на 8 часов 50 минут.

С наступлением темноты активность нашей авиации резко возросла. В воздух над полосой армии поднялось свыше 250 бомбардировщиков, которые сделали в течение ночи около 350 самолето-вылетов. Они нанесли удары в основном по первой оборонительной полосе противника на участке прорыва. Тем временем войска армии вели последние приготовления. Под прикрытием удара авиации они завершили занятие исходного положения для наступления в соответствии с намеченным боевым порядком.

Наступила ночь на 23 июня. Начинался четвертый год Великой Отечественной войны, и в первый его день нам предстояло начать большое летнее наступление, чтобы очистить советскую землю от захватчиков.

В эту знаменательную ночь, проведенную мною в блиндаже на наблюдательном пункте, думалось о трудном пути, пройденном нами с того памятного на всю жизнь июньского рассвета 1941 г., когда, коварно подкравшись, враг вторгся в нашу страну. Он надеялся на столь же легкий успех, какого ему удалось добиться на Западе. Силы его были огромны, и это предопределило тяжесть борьбы, выпавшей на долю Красной Армии и всего советского народа. И все же враг просчитался.

Оставшиеся уже позади три года войны были трудными, но в то же время каждый из них стал вехой на пути к сокрушению захватчиков. В первый, самый тяжкий для нас год они потерпели разгром под Москвой, во второй — под Сталинградом, третий начался их ка-

² А. П. Покровский. 3-й Белорусский фронт в операции «Багратион». — «Освобождение Белоруссии». М., 1970, стр. 198.

тастрофическим поражением под Курском, освобождением Левобережной Украины, могучими ударами Красной Армии по всему фронту.

А затем — один за другим новые крупные успехи советских войск. Минувшей зимой была разгромлена вражеская группировка под Ленинградом. Далее последовали не менее мощные удары на Карельском перешейке и в межозерье Ильменя и Ладоги. Весной были разбиты десятки фашистских дивизий на южном крыле фронта, освобождена почти вся Украина, а гитлеровцы отброшены на рубеж Ковель, Станислав, Яссы, Аккерман, уничтожена крымская группировка противника.

Передо мной лежала газета «Правда» с опубликованным в ней 22 июня сообщением «Три года Отечественной войны Советского Союза (Военные и политические итоги)». Вновь и вновь всматривался я в волнующие строки: «...За время наступательных боев советские войска освободили около 1,5 млн. квадратных километров оккупированной врагом территории, продвинулись на запад почти на 2 тыс. километров, вышли на большом протяжении фронта к нашим государственным границам и вступили на территорию Румынии... Немецко-фашистская армия оказалась битой и стоит теперь перед полным разгромом... В результате трех лет войны оказалась истощенной не экономика Советского Союза, а экономика гитлеровской Германии...»

Какая же неистощимая сила заложена в нашем советском строе, в нашем народе-богатыре, сумевшем под руководством ленинской партии изменить ход войны в свою пользу и создать необходимые предпосылки для завоевания победы над сильным и злобным врагом, на которого работала вся промышленность поработанной им Европы!

Для этого потребовались героизм и самоотверженность не только на фронте, но и в тылу, где ковалось оружие, без которого нельзя было сокрушить захватчиков. И советский народ дал своей Красной Армии все необходимое. Только в течение третьего года войны наша промышленность изготовила десятки тысяч танков, самолетов, орудий, миллионы снарядов, миллиарды патронов, превзойдя гитлеровскую Германию во всех областях военного производства.

Но то был результат усилий отнюдь не одного года. Наша экономика не смогла бы так быстро перестроиться на военный лад и создать такое обилие сложной современной боевой техники и вооружения, если бы не обладала могуществом, рожденным в итоге всей предвоенной политики Коммунистической партии, превратившей нашу страну в передовую индустриальную державу. И разве в состоянии была бы Красная Армия громить сильнейшую армию капиталистического мира, если бы предвоенная политика партии не обеспечила создание таких Вооруженных Сил, могущество которых основано на политической сознательности их личного состава, его глубокой убежденности в правоте своего дела, на самой передовой военной теории!

И вот мы стояли на пороге четвертого года войны. Путь наш был ясен. Мысленно повторяю только что прочитанное: «Война теперь идет к концу. Но оставшаяся часть пути к полной победе будет нелегкой... Потребуется еще несколько могучих ударов, чтобы окончательно сокрушить и повергнуть врага в прах...» Да, именно так. Уже в первый день четвертого года войны должна была начаться грандиозная Белорусская операция четырех фронтов, целью которой являлись глубокий прорыв вражеского фронта, уничтожение одной из крупнейших группировок противника, обеспечивающее выход советских войск к государственным границам СССР.

Велико было значение предстоявших боев, огромна ответственность за порученное нам дело. Думая об этом, я мысленно перебирал все, что мы у себя в армии сделали для успеха операции. Подготовка завершена, все продумано, взвешено. И все же только завтра определится, сумеем ли мы выполнить намеченное. Силы у нас большие, но ведь и прорыв нам предстоит осуществить, причем за один день, на самом трудном, самом прочном участке вражеской обороны. Что ж, значит, тем более нужно действовать со всей энергией и решительностью.

...Начинает светать. Три часа. Наша авиация заканчивает бомбежку, ее грозный гул затихает где-то восточнее нашего наблюдательного пункта. Только что получено донесение о том, что в течение двух часов более ста бомбардировщиков нанесли удары по артиллерии и опорным пунктам противника в районах Остров-Юрьев, Кириево, Ласырщики, Лобаны³.

Старшие офицеры оперативного отдела майоры И. Ф. Скоков и Ф. Д. Свердлов, возвратившиеся из 84-й и 16-й гвардейских стрелковых дивизий, докладывают, что все стрелковые и танковые батальоны заняли исходное положение в соответствии с планом. Аналогичное донесение получено от офицеров оперативного отдела майоров В. С. Бучичева из 26-й и Ю. В. Плотникова из 31-й гвардейских стрелковых дивизий.

Хочу сказать доброе слово о работниках оперативного отдела, выполнявших очень важную работу. Они не только передавали приказы, но и являлись доверенными офицерами командующего армией. Им надлежало видеть весь ход событий на том или ином участке, чутко отмечать наиболее ответственные и кризисные периоды боя и операции, своевременно и объективно докладывать о них. Большинство офицеров оперативного отдела армии именно так и действовало, внося, быть может, малозаметный, но весьма ценный вклад в нашу общую боевую работу.

В четвертом часу внезапно послышался нарастающий гул канонады. Что это? Ведь до начала артиллерийской подготовки еще почти три часа. Значит, это враг открыл огонь. Неужели он обнаружил сосредоточение наших войск и теперь стремится сорвать готовящееся наступление?

³ Архив МО СССР, ф. 290, оп. 517179, д. 9, л. 50.

Выхожу из блиндажа. Да, огонь вел противник, и притом весьма интенсивно⁴. Более того, его артиллерия была как раз по тому району, расположенному юго-западнее наблюдательного пункта армии, где были сосредоточены наши войска, предназначенные для нанесения главного удара. Севернее царил тишина, лишь изредка прерываемая одинокой короткой пулеметной очередью.

А вот и наша тяжелая артиллерия открывает мощный огонь из глубины. Появляется генерал Н. С. Семенов. Он докладывает, что в борьбу с вражеской артиллерией вступила армейская контрбатареинная группа в составе четырех тяжелых пушечных артиллерийских бригад. Выясняется также, что противник ведет огонь 10—12 батареями, хотя имеет на этом направлении не менее 13—15 артиллерийских дивизионов⁵.

Артиллерийская канонада вскоре прекращается. Видимо, гитлеровцы не рассчитывали выйти победителями и потому предпочли ограничиться коротким артиллерийским налетом. К тому же они, как следует из доклада командира 36-го гвардейского стрелкового корпуса генерала П. Г. Шафранова, уже успели выпустить по нашим траншеям и артиллерийским батареям до двух тысяч снарядов. Наши потери певелики, они имели место только при прямых попаданиях, так как к тому времени занятие исходного положения частями корпуса было полностью закончено и личный состав находился в укрытиях — блиндажах и щелях. Все же врагу удалось вывести из строя 5—6 наших артиллерийских батарей.

Стало очевидно, что противник узнал о готовящемся наступлении. Ниже я еще вернусь к этому вопросу. Здесь же отмечу: в тот момент можно было лишь догадываться, что у вражеского командования имеются какие-то сведения о наших намерениях и даже о районе расположения изготавившихся к наступлению войск. К такому же выводу пришел и командующий фронтом генерал И. Д. Черняховский, после того как я доложил ему о случившемся.

Таким образом, наряду с тем, что нам предстояло осуществить прорыв на наиболее сильно укрепленном участке вражеской обороны, возникла еще более существенная трудность: оказалась проблематичной внезапность нашего удара.

Не замедлило появиться и новое осложнение: утро выдалось туманное, поэтому, даже когда совсем рассвело, видимость оставалась недостаточной. Приближалось время начала артиллерийской подготовки, но хорошо просматривался пока лишь передний край противника, глубина же его обороны была все еще окутана дымкой тумана.

Звонок по ВЧ. Слышу голос генерала И. Д. Черняховского:

— Не перенести ли начало артподготовки до улучшения видимости?

Конечно, это было бы хорошо. Но до назначенного срока остались считанные минуты. Новое распоряжение не успеет дойти до коман-

⁴ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 90.

⁵ Там же, д. 435—442, л. 152.

дивов батарей. Выслушав мой ответ, командующий фронтом с явным сожалением приказывает:

— Тогда начинайте в установленное время.— Голос его теплет: — Желаю успеха.

Кладу трубку. Берусь снова за бинокль: туман вдаль медленно редет. На всем фронте пастороженная тишина. Снова звонок. На этот раз генерал П. С. Семенов:

— Можно начинать в указанное время?

— Да!

Ровно в 6 часов раздался первый залп «катюш» — сигнал командующего артиллерией фронта. И дрогнул воздух... Более 1800 орудий и минометов армии открыли ураганный огонь по вражеской обороне. Сплошной стеной взметнулись взрывы. В стереотрубу сквозь дым и облака пыли были видны разлетающиеся во все стороны комья земли, бревна. И так же внезапно грохот орудий умолк. Наступила 30-минутная пауза. Она была предусмотрена для того, чтобы дать рассеяться дыму и пыли, а затем открыть прицельный огонь на разрушение и подавление запланированных целей.

Но еще не окончилась пауза, как начала отвечать артиллерия противника. Стало окончательно ясно, что он ожидал нашего удара и потому сразу же после своего ночного огневого налета вывел батареи на позиции в глубь обороны, откуда они теперь и действовали. Впрочем, едва вновь открыла огонь наша артиллерия, как огонь противника стал постепенно ослабевать.

Наша артиллерийская подготовка проводилась по следующему графику: 5-минутный огневой налет всей артиллерии, 30-минутная пауза, затем 85 минут — прицельный огонь с закрытых позиций на разрушение оборонительных сооружений врага, следующие 20 минут — стрельба прямой наводкой на уничтожение его огневых точек, и, наконец, еще 40 минут — на подавление обороны на переднем крае и ближайшей глубине на участке прорыва и в примыкающих к нему районах. Чтобы избежать разрыва между окончанием артиллерийской подготовки и началом атаки, наши батареи только за три минуты до броска пехоты и танков начали постепенно, не снижая темпа огня, переносить его на следующий рубеж. Это позволяло атакующим подразделениям двигаться в 100—150 м за разрывами своих снарядов⁶.

В 8 часов 20 минут 160 самолетов Пе-2 1-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса под командованием генерал-лейтенанта авиации В. А. Ушакова (заместитель по политчасти — полковник Ф. И. Усатый) нанесли последовательные удары по первой позиции и ближайшей глубине обороны врага. Спустя 25 минут в воздухе появилось около 250 самолетов Ил-2 1-го гвардейского и 3-го штурмовых авиационных корпусов, которыми командовали соответственно генерал-лейтенант авиации В. Г. Рязанов и генерал-май-

⁶ Там же, д. 636—640, л. 102 об.

ор авиации М. И. Горлаченко (заместители по политчасти — полковники И. С. Беляков и М. А. Моченков). Под прикрытием истребителей они нанесли удары по артиллерийским и минометным батареям противника и его живой силе⁷.

Одновременно, несмотря на низкую облачность и начавшийся дождь, 18 самолетов Ил-2 искусно вышли на указанную им цель — штаб 78-й штурмовой пехотной дивизии, находившийся на северной окраине м. Выдрица, и обрушили на него бомбо-штурмовой удар. В результате в районе расположения этого штаба начались пожары⁸.

Фашистские истребители, действовавшие группами в 4—6 самолетов, пытались помешать ударам наших летчиков, но успеха не имели. Господство в воздухе прочно удерживалось нашей авиацией⁹.

Это была большая помощь. Но, как известно, даже самая мощная артиллерийская подготовка и сильный авиационный удар не могут полностью уничтожить огневые точки, артиллерийские и минометные батареи врага. Опыт подсказывал, что и после такого огневого воздействия пехоте и танкам даже с помощью саперов не легко будет овладеть укреплениями противника. Вопрос был лишь в том, в какой мере артиллерия и авиация нарушили систему его укреплений и огня. От этого зависели и усилия, которые потребуются от атакующих частей.

В 8 часов 50 минут пехота с танками, прикрываемые с воздуха штурмовиками, пошли в атаку.

На всех участках наступления она началась в хорошем темпе. Уже в течение первого часа были заняты передовые траншеи первой позиции обороны. Во многих из них были обнаружены лишь убитые гитлеровцы, их покареженные пулеметы. Но дальше продвигаться стало труднее. Вражеское командование успело привести в порядок свои подразделения и уцелевшие огневые средства. А их оказалось немало. И вот уже противник открыл сильный пулеметно-артиллерийский огонь.

Особенно яростное сопротивление встретили левофланговые соединения армии, наносившие главный удар. Им противостояли части 78-й штурмовой пехотной дивизии, усиленные закопанными в землю многочисленными штурмовыми орудиями «фердинанд», которые вели прицельный огонь прямой наводкой.

Вследствие этого на участках 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов темп атаки резко замедлился, бой принял затяжные формы.

Звоню командиру 8-го гвардейского стрелкового корпуса:

— Почему не продвигаетесь, что мешает?

Из доклада генерала М. Н. Завадовского выяснилось, что противник сильным огнем остановил наши танки и пехоту. У него уцелело много противотанковых орудий. Кроме того, между первой и второй

⁷ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636—640, л. 45.

⁸ Там же, ф. 290, оп. 87133, д. 18, л. 380.

⁹ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 90.

линиями траншей оказалось немало минных полей. На них уже подорвалось несколько наших танков. Наконец, враг вел огонь из штурмовых орудий, искусно укрытых в аннареях, специально вырытых траншеях или придорожных кюветах.

— Как только наш танк, маневрируя, подставлял борт, в него немедленно с короткой дистанции летел снаряд,— говорил генерал А. Н. Завадовский.— Пришлось остановить танки, за ними залегла пехота. Ведем огневой бой.

Я знал, что снаряд «фердинанда» на некоторых углах встречи с броней наших танков пробивает ее. Понимал, как тяжело танкистам. И с удовлетворением узнал, что М. Н. Завадовский и командиры его соединений полны решимости сломить сопротивление врага. Остановив танки, командир 120-й танковой бригады полковник Н. И. Буков выслал вперед саперов, прикрыл их огнем. Он готовился возобновить атаку после того, как будут проделаны проходы в минных полях.

Примерно такое же положение было и на участке 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Генерал П. Г. Шафранов доложил, что в период артиллерийской подготовки хорошо накрыли огнем лишь траншеи первой позиции. Там, по свидетельству пленных немецких офицеров, их подразделения буквально таяли на глазах от нашего артиллерийского огня. Но с задачами разрушения и подавления обороны противника в глубине артиллерия не справилась. Поэтому в бою за вторую позицию нашей пехоте и танкам противостояло множество неуничтоженных пулеметов, орудий и минометов врага.

— Для их подавления,— добавил П. Г. Шафранов,— используем корпусную артиллерию и армейскую подгруппу. Но пока результаты недостаточные.

Видимо, подумал я, в стремительной динамике боя помощь армейской и корпусной артиллерии приходит к стрелковым частям с опозданием, а огонь из-за сложности целеуказаний ложится неточно. В этом слабость централизованного управления артиллерией, и, возможно, что именно излишняя централизация и привела 8-й и 36-й гвардейские стрелковые корпуса к неудаче.

Чтобы лучше понять складывающуюся обстановку на направлении главного удара и помочь войскам, я выехал в 16-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Ею командовал решительный и смелый генерал-майор Е. В. Рыжиков. Да и заместитель по политчасти у него был опытный — полковник А. А. Котунов.

Застал Е. В. Рыжикова на его наблюдательном пункте. Он доложил, что дивизия при поддержке танков и самоходных орудий преодолела с ходу полосу заграждений перед передним краем и заняла первую линию траншей. Затем 49-й и 46-й гвардейские стрелковые полки, которыми командовали подполковники Г. И. Худяков и В. Т. Островхов (заместители по политчасти — подполковник А. М. Тараканский и майор Я. Н. Гольман), заняли вторую линию траншей. В это же время 43-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника А. М. Иванникова (заместитель по

политчасти — майор В. Т. Чернышев) овладел сильным опорным пунктом Кириево.

— Взаимодействие между пехотой и танками было хорошее, — продолжал командир дивизии. — Они успешно преодолели минное поле между первой и второй линиями траншей. Но на подступах к третьей встретилось еще одно минное поле, довольно обширное. Несколько танков подорвалось. Танкисты решили обойти минное поле, но попали под фланговый огонь фашистских истребительных орудий и потеряли еще несколько машин. Сейчас под огнем противника саперы проделывают проходы в минном поле. Танки же, помогая пехоте огнем, маневрируют на ограниченном пространстве.

Рассказанное Е. В. Рыжиковым наглядно подтверждалось всем тем, что я видел с его наблюдательного пункта. Как раз в это время десятки артиллерийских орудий с невыявленных позиций открыли огонь по нашим танкам. Враг даже пытался бить по ним фауст-патронами из ближних окопов. Действовавшие совместно с дивизией 35-й танковый и 345-й самоходно-артиллерийский полки продолжали нести потери, а вперед продвинуться не могли.

Я приказал тотчас же приостановить атаку и провести дополнительную разведку целей, прежде всего вражеских батарей, и выдвинуть вперед саперные подразделения.

Тут же позвонил на НП армии и распорядился передать 16-й гвардейской стрелковой дивизии две саперные роты из армейского резерва. Возобновить наступление разрешил только после того, как будут проделаны проходы в минных полях, нанесен сильный повторный огневой удар артиллерии, восстановлено взаимодействие между танками и пехотой.

— Когда вы будете готовы?

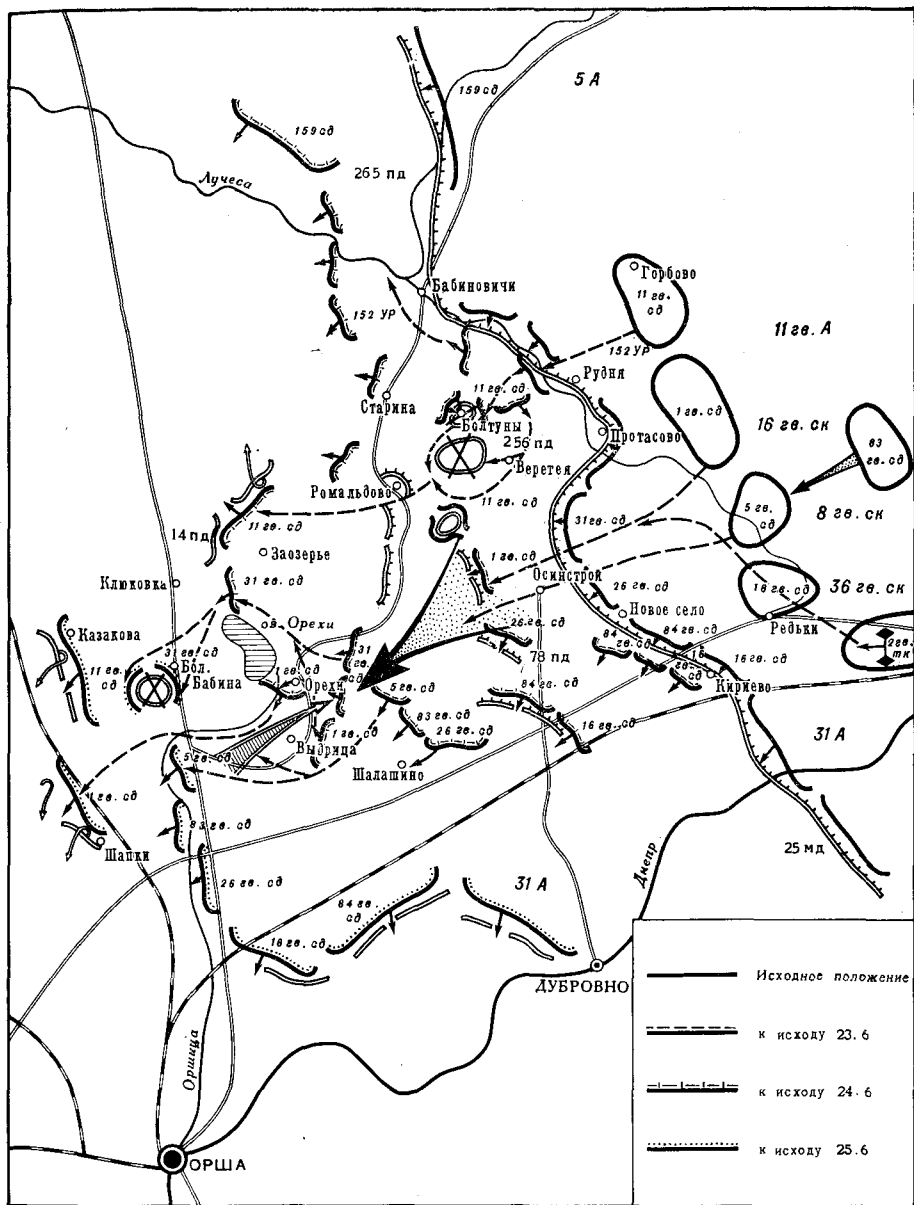
— Постараемся все сделать к 14 часам, — отвечал генерал Е. В. Рыжиков. — Прошу поддержать артиллерией и авиацией.

— Непременно.

Вернувшись на наблюдательный пункт армии, приказал находившемуся там представителю штаба 1-й воздушной армии генерал-лейтенанту авиации В. А. Ушакову подготовить ориентировочно к 14 часам полк истребителей для сопровождения частей 16-й гвардейской стрелковой дивизии. Соответствующее указание было дано и командующему артиллерией армии.

Таким образом, части 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов в первой половине дня задачу не выполнили. Атака захлебнулась. Необходимо было заново пробивать вторую позицию противника артиллерийско-авиационной подготовкой.

Совершенно иначе развивались события на направлении вспомогательного удара частей 16-го гвардейского стрелкового корпуса и 152-го полевого укрепленного района. Они за это время прорвали вражескую оборону на двух участках. Особенно успешно развивалось наступление 31-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И. К. Щербины (заместитель по политчасти — полковник И. И. Рождественский).

Ее стрелковые полки были подняты в наступление еще до окончания артиллерийской подготовки и сразу же после перепесения огня в глубину дружно атаковали передний край противника. Продвигаясь вслед за огневым валом, они преодолели одну за другой три траншеи. Вражеская пехота, не успевшая оправиться от удара нашей артиллерии, не смогла оказать организованного сопротивления. Большая ее часть была в траншейном бою уничтожена, а оставшиеся в живых взяты в плен. Уже к 10 часам, т. е. в течение первого часа боя, полки дивизии продвинулись вперед на 2,5—3 км, овладели опорным пунктом Остров-Юрьев и вышли к поселку № 5.

Здесь они встретили организованное сопротивление противника. Но умелый маневр 99-го гвардейского стрелкового полка под командованием полковника К. Г. Кузнецова (заместитель по политчасти — подполковник К. А. Мартышин) вновь принес успех. Не ввязываясь в бой, полк по болоту вышел на железнодорожную узкоколейку западнее поселка № 5, обошел обороняющегося противника и в течение следующего часа продвинулся вперед еще на 3 км.

— Сейчас этот полк, сбивая небольшие вражеские подразделения, продолжает наступление в направлении Хуторов Брюховских, — говорил генерал-майор И. И. Леднев, докладывавший обстановку на участке наступления 31-й гвардейской стрелковой дивизии.

Он сообщил также, что пехота полковника Кузнецова на руках перетащила батальонные и полковые пушки через болото. Благодаря этому артиллерия все время находилась в боевых порядках полка. Стреляя прямой наводкой, полковые и батальонные пушки очень быстро уничтожили огневые точки противника, расчистили дорогу пехоте. Кроме того, позади двигался по узкоколейке приданный этому стрелковому полку 64-й гвардейский артиллерийский полк, которым командовал подполковник И. С. Бурденко (заместитель по политчасти — подполковник В. И. Губский). Он также хорошо поддерживал огнем наступление пехоты.

Изменение направления главного удара

Успех на правом фланге, несомненно, был обеспечен четким взаимодействием пехоты с артиллерией. В то же время стало ясно, что противник там не ожидал наступления целой дивизии.

Это было как раз то, что мы предполагали, когда хотели перенести направление главного удара на участок, где теперь успешно наступала 31-я гвардейская стрелковая дивизия. А в том, что она продолжает продвигаться вперед, уже не было сомнений. Об этом свидетельствовало и то, что на ее участке гул артиллерийского огня удалялся все дальше на запад. Но почему нет донесений от командира 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Я. С. Воробьева?

И. И. Леднев вышел, чтобы запросить штаб корпуса. А в это время сидевший рядом со мной старший офицер оперативного отдела подполковник А. А. Данилевич протянул мне радионаушники.

— Генерал Щербина ведет переговоры по радио с полковником Кузнецовым...

С интересом прислушиваюсь. В наушниках решительный голос генерала И. К. Щербины:

— Ты, Константин Гаврилович, смело и напористо продолжай наступление на пункт номер... Не смотри на свои открытые фланги, обходи противника. Я с Лещенко и Булаховым (командиры 95-го и 97-го стрелковых полков) наступаю в этом же направлении и поддерживаю тебя.

Разговор был явно неуставной, с обращением по имени и отчеству, на «ты». Но меня это не удивило. Так часто бывало у нас в отношениях между начальниками и их ближайшими подчиненными во время войны, когда общие опасности, совместная борьба плечом к плечу очень сближала всех нас. И добрые отношения, доверие к подчиненным не только не мешали делу, но усиливали атмосферу общего подъема, боевого товарищества.

Нахожу на карте названный И. К. Щербиной кодированный номер пункта. Это — Хутора Брюховские. Значит, хорошо идут дела в дивизии! Да, успех здесь несомненный. И он не пришел сам собою, а завоеван доблестью и воинским мастерством ее личного состава. Но опять и опять возвращаюсь к мысли о том, что оборона противника на этом направлении была куда слабее, чем там, где наносили главный удар два корпуса. У них тоже хватало воинского мастерства и героизма, но условия, в которых они действовали, были во много раз труднее. И успех, достигнутый 31-й гвардейской, мог быть еще значительнее, если бы здесь наступали три дивизии, а не одна...

Вызываю по радио полковника К. Г. Кузнецова:

— Уточните, где находится полк. Как идет наступление?

— Наступаем успешно, — докладывает командир полка. — Продвинулись вперед на 6 км. Сейчас атакуем противника, который обороняет Хутора Брюховские. Обходим их с левого фланга.

— Молодцы!

И вновь нарастает решимость вернуться, пусть и после начала операции, к прежнему нашему плану и перепести все же направление главного удара в полосу наступления 31-й гвардейской стрелковой дивизии.

Еще звонок. Это командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Я. С. Воробьев. Он подтверждает успех дивизии генерала И. К. Щербины. Сообщает, что батальоны 152-го полевого укрепленного района прорвали оборону на 3-километровом участке, продвинулись в глубину на 2 км и продолжают наступать. Таким образом, общий фронт прорыва здесь достиг уже 5 км, причем глубина продвижения на участке 31-й гвардейской стрелковой дивизии составляла не менее 6 км.

— 31-я продвинулась вперед уже до 8 км, — докладывает возвратившийся генерал И. И. Леднев.

Менее чем за час еще почти на 2 км! Это уже серьезный успех. Приказываю вызвать начальника штаба и командующего артиллери-

ей. До их прихода успеваю посоветоваться с членом Военного совета генералом П. Н. Куликовым, находившимся вместе со мной на наблюдательном пункте. Петр Николаевич полностью согласен: да, конечно, перенести направление главного удара, и как можно скорее.

Вскоре все собрались в блиндаже у карты. Продолжать прорывать вторую позицию обороны на направлении главного удара, как было намечено планом, либо перенести основные усилия армии на вспомогательное направление для развития достигнутого там успеха? После краткого обсуждения обстановки пришли к единодушному мнению: действия в прежней группировке не сулят успеха в сроки, обеспечивающие своевременный выход войск армии на оперативный простор, а, следовательно, и ввод в сражение танкового корпуса. Никакое поощрение командиров 8-го и 16-го корпусов не поможет. Нельзя было продолжать действовать шаблонно и слепо подчиняться ранее разработанному плану.

Действительно, обстановка ясно показывала, что нет необходимости продолжать «прогрызание» мощной обороны врага, неся лишние потери, когда можно правым флангом вырваться вперед и, расширяя прорыв к югу, поставить противника, упорно удерживающего полосу Минской автомагистрали, в тяжелое положение. Оно станет для него катастрофическим, если еще и 31-я армия продвинется вперед и частью сил нанесет удар к северу. В результате гитлеровцы могли оказаться в «котле».

Я тут же позвонил командующему фронтом, доложил создавшуюся обстановку и предложил перенести основные усилия войск армии с главного направления на вспомогательное. Имелось в виду здесь ввести в бой дивизии второго эшелона, а затем и танковый корпус. Сюда же перегруппировать артиллерию.

К моему глубокому удовлетворению, генерал И. Д. Черняховский без колебаний утвердил новое решение, и в этом вновь ярко сказались его решительность и широта оперативного мышления, чуждого шаблону и слепому подчинению ранее принятому плану. Обстановка потребовала существенных изменений, и он их решительно поддерживал.

— Ваше решение утверждаю, — сказал командующий фронтом. — Действуйте без промедлений. 31-й армии будут даны соответствующие указания.

Так было решено перенести направление главного удара армии к северу, в полосу 16-го гвардейского стрелкового корпуса¹⁰. И вот уже ложатся новые красные стрелы на оперативную карту, перемещаются огневые позиции армейской артиллерии и танков, намечаются новые районы для ударов авиации, переносятся командные и наблюдательные пункты, тыловые подразделения.

Теперь мы спланировали наступать смежными флангами 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов в общем направлении на Выд-

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 49.

М. Г. ГРИГОРЕНКО

И. К. ЩЕРБИНА

риду, обойти с севера оршанскую группировку противника и ударом во фланг и тыл сломить ее сопротивление перед фронтом 36-го гвардейского стрелкового корпуса. С этой целью здесь вводились в бой и три стрелковые дивизии вторых эшелонов 16-го гвардейского стрелкового корпуса — 11-я и 1-я гвардейские и 8-го — 5-я гвардейская.

Сюда переключили также основную группировку артиллерии армии, танков и авиации. Танковый корпус наметили ввести в сражение к исходу 24 июня.

Одновременно возникло множество новых забот.

Чтобы обеспечить боевые действия войск в лесисто-болотистом районе на направлении Остров-Юрьев, Выдрица потребовалось проложить дополнительно не менее двух-трех деревянно-колейных и жердевых дорог. От этого во многом зависел успех наступления. Туда срочно послали на автомашинах все незадействованные инженерно-саперные и дорожные армейские части. Организация и руководство их работой были возложены на начальника штаба инженерных войск армии полковника М. Г. Григоренко, энергичного и опытного военного инженера, которого я знал еще по 3-й ударной армии.

Для лучшего управления войсками организовали новый передовой наблюдательный пункт армии в районе Остров-Юрьев. Туда я и выехал вскоре вместе с генералами П. С. Семеновым, В. А. Ушаковым, И. И. Ледневым, полковником И. Я. Сухацким и другими офицерами. Здесь имелся небольшой узел связи, развернутый еще при подготовке операции и являвшийся вспомогательным. Теперь начальник связи армии полковник Я. М. Давыденко быстро усилил его резерв-

ными подразделениями, перебросил сюда радиостанции. Связь со всеми соединениями к нашему приезду уже работала.

Все это было сделано буквально с молниеносной быстротой. В 11 часов, будучи на НП командира 31-й гвардейской стрелковой дивизии, я еще только обдумывал выявившиеся новые возможности, а уже в 14 часов 20 минут, после короткого, но мощного артиллерийского налета и удара бомбардировочной авиации, на правом фланге армии были введены в бой дивизии вторых эшелонов 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов.

11-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Н. Г. Цыганова (заместитель по политчасти — полковник И. А. Пастухов) наступала в направлении Горбово, Болтуны, Заозерье с задачей развить успех частей 152-го полевого укрепленного района и разгромить противника южнее Бабиновичи. 1-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал полковник Н. Ф. Толстиков (заместитель по политчасти — полковник В. Д. Акимов) развернулась из-за левого фланга 31-й гвардейской стрелковой дивизии и нанесла удар на Выдрицу. За нею двигалась 5-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника Н. Л. Волкова (заместитель по политчасти — полковник И. Г. Шерепгин).

Наиболее решительно действовала 1-я гвардейская стрелковая дивизия. Наступая севернее узкоколейной железной дороги Осинстрой — Выдрица через торфяные болота, она к исходу дня с боями вышла двумя полками на западный берег р. Выдрейка. Тем самым дивизия углубила прорыв вражеской обороны до 9 км.

Противник к этому времени, вероятно, увидел опасность, возникающую для него на данном направлении. Он начал предпринимать попытки ликвидировать прорыв. В 17 часов гитлеровцы четырьмя батальонами пехоты и двумя группами танков по 15 машин с севера и юга контратаковали наши передовые части. Им удалось выйти в тыл упомянутым двум полкам 1-й гвардейской стрелковой дивизии.

Но П. Ф. Толстиков знал, что позади наступают части дивизии Н. Л. Волкова и потому действовал уверенно и решительно. Его полки продолжали настойчиво продвигаться вперед. И действительно, прорвавшийся им в тыл противник уже к 19 часам был разгромлен продвинувшейся вперед 5-й гвардейской стрелковой дивизией.

В этих боях гвардейцы проявили высокое мужество и самоотверженность в борьбе с врагом. Пример бесстрашия показывали коммунисты и комсомольцы.

Так, командир 8-й роты 17-го гвардейского стрелкового полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант Н. А. Гутерман в самый напряженный момент боя, когда наступающие были остановлены массированным огнем противника, бросился вперед с возгласом: «Гвардейцы, за мной!» Рота стремительно ринулась в атаку, овладела вражескими траншеями. В этом бою коммунист Н. А. Гутерман был убит. Командование ротой принял на себя парторг старшина С. И. Полетаев. Возглавляемые им гвардейцы продолжали успешно продвигаться вперед, громя гитлеровцев,

Немало подвигов совершили в тот день воины 31-й гвардейской стрелковой дивизии. Во время боя за поселок № 5 роте 95-го гвардейского стрелкового полка преградил путь вражеский дзот. На гвардейцев обрушился шквальный пулеметный огонь. Тогда командир взвода коммунист младший лейтенант И. А. Шевченко и комсомолец сержант Б. Г. Шавелиев с гранатами в руках бросились на дзот и уничтожили находившихся в нем фашистских пулеметчиков. Это дало возможность роте дружно атаковать противника и выполнить боевую задачу¹¹.

Подобных примеров можно привести сотни. Во имя Родины, во имя победы над врагом воины армии сражались, не щадя своей жизни.

Хочу еще раз подчеркнуть, что не менее мужественно, героически действовали бойцы и командиры 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Приведу один лишь пример, характеризующий их доблесть и отвагу.

При взятии Кириево 16-й гвардейской стрелковой дивизией противник бросил сюда крупные силы пехоты, поддерживаемые штурмовыми орудиями и минометами. Но наши воины смело продолжали наступать. Нуть им расчищал 63-й танковый полк прорыва. Умело маневрируя, первым в расположение врага ворвался тяжелый танк под командованием коммуниста старшего сержанта Антопова. Он поджег штурмовое орудие «фердинанд», огнем и гусеницами уничтожил минометную батарею и до взвода гитлеровцев. Даже будучи ранен, Антопов не только продолжал бой в качестве командира танка, но и заменил выбывшего из строя наводчика¹².

Но, несмотря на самоотверженные усилия воинов 36-го гвардейского стрелкового корпуса, на левом фланге армии и во второй половине дня не удалось создать решительного перелома. Вызванная мною бомбардировочная авиация нанесла здесь удар по второй позиции противника и подавила несколько его батарей¹³. После этого дивизии 36-го гвардейского стрелкового корпуса возобновили наступление. Однако противник ответил сильными контратаками пехоты и танков при поддержке штурмовых орудий и артиллерии. Наступающие полки ввели в бой свои резервы. Но и это дало немного. К исходу дня корпус продвинулся всего на 2—3 км.

Зато части 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов в ходе дальнейшего наступления, продолжавшегося до глубокой ночи, прорвали первую полосу обороны противника на всю глубину и подошли к крупному опорному пункту Выдрица.

Так, в этот трудный для нас день, от результатов которого во многом зависело дальнейшее продвижение вперед, войска армии все же добились успеха. Он был, конечно, пока небольшим. Ведь запланированную нам Военным советом фронта на первый день операции

¹¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 230.

¹² Там же, л. 228.

¹³ Там же, ф. 290, оп. 517179, д. 9, л. 52.

задачу мы не выполнили полностью, однако все же взломали оборону противника на глубину 10 км и расширили прорыв по фронту до 8—10 км, заняв силами 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов выгодное охватывающее положение с севера по отношению к главной группировке противника, оборонявшей оршанское направление. Это позволяло нам в дальнейшем применить обходный маневр с одновременным наступлением вдоль Минского шоссе¹⁴.

Важнейшую роль в достижении успеха сыграло решительное перенесение главного удара армии с левого фланга в центр полосы уже в ходе наступления. А это, в свою очередь, было обеспечено глубоким построением корпусов, позволившим быстро ввести в бой крупные силы на том направлении, где сумели продвинуться вперед наши части, и гибким управлением войсками. Главной же предпосылкой успеха явились боевое мастерство, героизм и мужество гвардейцев, решительность их действий при выполнении поставленной задачи.

Поздно вечером, когда мы подводили итоги дня, прибыло известие о крупном успехе, достигнутом соседом справа — 5-й армией генерала Н. И. Крылова. Ее войска к исходу дня продвинулись вперед тоже на 10 км, но при этом расширили прорыв по фронту до 35 км, разгромили 299-ю пехотную дивизию противника и продолжали дальнейшее наступление.

Но слева от нас положение было хуже. Как уже сказано, мы весьма рассчитывали на то, что действовавшая там 31-я армия сможет ускорить продвижение и частью сил нанести удар на север для совместных с нашими войсками действий по охвату противника, оборонявшегося в полосе Минской автомагистрали. Но левому соседу, как выяснилось, за день боя удалось лишь своим правым флангом вклиниться на 2—3 км во вражескую оборону, выйдя таким образом на линию нашего 36-го гвардейского стрелкового корпуса¹⁵.

Наше итоговое боевое донесение также было уже отправлено Военному совету фронта. Теперь предстояло наметить задачи войскам на следующий день. Со мной работали генералы П. С. Семенов, И. И. Леднев и полковник А. Р. Бурлыга. Последний еще не знал об изменении намерений в отношении танкового корпуса и, естественно, проявлял беспокойство о его вводе в сражение на участке 36-го гвардейского стрелкового корпуса.

— Конечно,— говорил он,— его следовало бы ввести после прорыва первой полосы в районе шоссе, но ведь он может застрять перед второй, а если и прорвет ее, то выйдет в оперативную глубину ослабленным. Разве только подождать, пока корпус генерала Шафранова прорвет оборону на всю глубину...

А тут еще и полковник И. Я. Сухацкий пришел доложить, что противник подтягивает в район шоссе новые части.

— Разведкой, высланной в тыл противника,— говорил он,— захвачен пленный из 24-й зенитной артиллерийской дивизии. Он взят

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 51.

¹⁵ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 216, л. 1.

в районе Бурдюки, недалеко от автомагистрали. Пленный показал, что эта дивизия имеет задачу, кроме противовоздушной обороны, вести всеми своими орудиями борьбу с нашими танками, ввод которых ожидается в полосе шоссе.

— Час от часу не легче, — вырвалось у полковника А. Р. Бурлыги.

Я подумал, что пора облегчить его страдания. Тем более, что мы с генералом И. И. Ледневым как раз подошли к вопросу о вводе танкового корпуса. И вот сообщаю, что не только ждать, пока корпус генерала П. Г. Шафранова прорвет оборону на всю глубину, но и вообще вводить танковый корпус в полосе автомагистрали нельзя. Целесообразно сделать это севернее, на участке наступления 16-го гвардейского стрелкового корпуса, где уже имеем успех.

— Но там нет дорог.

— Зато противник уничтожен. А это главное. Выделим саперов, уложим гати из бревен. Кроме того, танки смогут использовать полотно узкоколейки, которое проходит на Остров-Юрьев. Ваше мнение?

Полковник А. Н. Бурлыга явно повеселел:

— Так, конечно, будет лучше.

— В таком случае завтра же выдвинуть танковый корпус через Остров-Юрьев в район Ключовки для ввода в прорыв в направлении Межево, Задровье и далее на юго-запад.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками армии сделал отметку на своей карте и ушел, чтобы немедленно связаться со штабом танкового корпуса. Генерал И. И. Леднев также записал последнее распоряжение. Теперь задачи войскам на завтра были поставлены.

Замысел дальнейших действий армии состоял в том, чтобы с утра 24 июня нанести главный удар в полосе 16-го гвардейского стрелкового корпуса в общем направлении Ключовка, Смоляны с целью прорыва всей тактической глубины обороны противника и выхода к его тыловому рубежу по р. Оршица. Это обеспечивало глубокий обход оршанской группировки врага с севера. Для наращивания удара в ходе выполнения этой задачи 8-й гвардейский стрелковый корпус переносил усилия на свой правый фланг.

Там же вводилась в бой находившаяся в армейском резерве 83-я гвардейская стрелковая дивизия. Вместо нее в армейский резерв решил вывести из 36-го гвардейского стрелкового корпуса 18-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Она также перебрасывалась на новое направление главного удара, как и 2-й гвардейский Таптинский танковый корпус, которому, согласно новому решению, предстояло действовать на правом фланге армии с целью нанесения удара на юго-запад.

Вызываю по ВЧ штаб фронта, чтобы доложить обстановку и свое решение на следующий день. К аппарату подошел генерал А. П. Покровский. Выслушав, он согласился с принятым решением и сказал, что доложит его командующему фронтом.

Тем временем генерал И. И. Леднев передал в оперативный отдел карту с нанесенными на ней задачами. Вскоре его заместитель полковник А. П. Макарьевский принес на подпись проекты боевых при-

казов корпусам. Они тут же были подписаны мною и затем отправлены в войска.

В эту ночь соединения армии вели разведку боем и частью сил продолжали наступление. Усилилось сопротивление на правом фланге. Но хотя оборонявшиеся здесь части 260-й пехотной дивизии противника получили в течение ночи подкрепление, однако это не могло восполнить большие потери, понесенные ими в течение первого дня нашего наступления. Поэтому, несмотря на упорное противодействие врага, мы постепенно наращивали темпы наступления и расширяли здесь фронт прорыва, а главное — готовили новые, еще более мощные удары.

Этими ударами и начали войска армии второй день операции.

Он был, как и первый, нелегким. С утра начали поступать тревожные донесения из наступающих дивизий: артиллерия, застревая в болотах, отставала. Это могло задержать и наступление стрелковых частей. Кроме того, нам ведь предстояло именно там ввести в сражение и танковый корпус. Стало ясно, что принятых мер по организации инженерных работ на путях наступающих войск недостаточно.

Связываюсь по телефону с генерал-майором В. М. Зверевым, только что прибывшим на должность начальника инженерных войск армии и уже выехавшим в 16-й гвардейский стрелковый корпус, где его помощь была особенно нужна. Он докладывает, что саперные части под руководством полковника М. Г. Григоренко вторые сутки работают без отдыха, делают все возможное. Приказываю дополнительно перебросить туда находящиеся поблизости инженерные подразделения, всех саперов использовать на постройке гатей и мостов.

Поистине героически работали в эти дни наши доблестные саперы. Они хорошо понимали, что от состояния дорог теперь зависел успех дальнейшего наступления. И трудились с напряжением всех сил. А сделать им пришлось очень много. Здесь встретилось большое количество мелких речушек. Через каждую из них вполне можно было с разбега перепрыгнуть. Но в то же время их болотистые поймы оказались совершенно непроходимыми для артиллерии и танков. И саперам выпала нелегкая задача проложить путь нашей боевой техники. Были уложены тысячи бревен, многие километры жердевого настила, десять мостов, способных выдержать тяжесть танков и орудий.

Словом, инженерные части внесли огромный вклад в выполнение поставленных войскам задач.

Хорошо помогала нам авиация. Несмотря на сложные метеорологические условия, бесстрашные летчики сумели блокировать вражеские аэродромы и, прикрывая наступающие части, сбили несколько фашистских самолетов. Во второй половине дня наша авиация усилила боевые действия. Более 150 пикирующих бомбардировщиков Пе-2 нанесли массированный удар по войскам противника, оборонявшимся перед левым флангом армии¹⁶.

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 290, оп. 517179, д. 9, л. 52.

Но даже столь существенная помощь авиации не привела к решительному перелому в полосе наступления 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Правда, к вечеру его продвижение составило 5 км. И это, несомненно, свидетельствовало, что противник и здесь начинал выдыхаться. Но вместе с тем сюда, в полосу автомагистрали, непрерывно продолжали прибывать новые вражеские части. Гитлеровцы, опираясь на многочисленные укрепления, с крайним ожесточением оборонялись у каждой высоты и населенного пункта. Резко сказывалось наличие у них большого количества штурмовых орудий. Манипулируя ими по фронту, противник упрямно сдерживал наши наступающие части.

И опять наибольший успех был достигнут в полосах 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов.

Первый из них двумя правофланговыми дивизиями нанес сильный удар по группировке врага в районе Болтуны, Ромальдово. Здесь оборонялись 480-й пехотный полк 260-й пехотной дивизии, подразделения 245-го пехотного полка и 4-й отдельный штурмовой батальон из состава 78-й штурмовой пехотной дивизии. Удары по ним были нанесены 11-й гвардейской стрелковой дивизией с юга и 31-й гвардейской стрелковой дивизией — с севера. Умело взаимодействуя, наши части уже в первой половине дня окружили названную группировку и вскоре ликвидировали ее. Часть гитлеровцев сдалась в плен, остальные яростно сопротивлялись и вследствие этого были уничтожены.

Продолжая наступление, части 11-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий вступили в бой с 11-м пехотным полком 14-й пехотной дивизии, пытавшимся преградить им путь к тыловому оборонительному рубежу. 14-я пехотная дивизия и являлась тем резервом, который накануне ночью был выдвинут в полосу прорыва с целью задержать наши войска. В ожесточенном бою 11-й пехотный полк был разгромлен.

В дальнейшем 11-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Н. Г. Цыганова, наступая на северо-запад, продолжала охватывать левый фланг всей противостоявшей нашей армии группировки противника. Здесь гвардейцы вступили в локтевую связь с левофланговой 159-й стрелковой дивизией 5-й армии и партизанским отрядом имени К. Е. Ворошилова под командованием В. Т. Рыжикова (комиссар отряда — Л. И. Колтунов). Во взаимодействии с ними части дивизии генерала Н. Г. Цыганова разгромили два полка 256-й пехотной дивизии врага, овладели райцентром Бабиновичи и заняли район Заозерье, продвинувшись, таким образом, вперед на 10—12 км. Было захвачено около 200 пленных.

Левофланговая дивизия этого же корпуса — 1-я гвардейская под командованием полковника П. Ф. Толстикова и в этот день продолжала успешно взаимодействовать с 5-й гвардейской стрелковой дивизией полковника Н. Л. Волкова, наступавшей на правом фланге 8-го гвардейского стрелкового корпуса. Они наступали на укрепленный район Выдрица.

Крупный узел дорог Выдрица был превращен противником в мощный опорный пункт, игравший важную роль в системе обороны гитлеровцев. Он приобрел еще большее значение для врага теперь, когда наши части, овладев Выдрицей, могли создать реальную угрозу глубокого обхода левого фланга группировки противника, действовавшей в полосе Минской автомагистрали и южнее. В этом случае сразу же теряли свое значение созданные там мощные укрепления, обороняемые частями 78-й штурмовой пехотной дивизии. Наконец, потерять Выдрицу для противника значило бы открыть нашим частям путь для наступления на Оршу.

В этих условиях вражеское командование, естественно, прилагало все усилия, чтобы любой ценой удержать Выдрицу. Такую задачу оно и поставило срочно выдвинутым сюда 53-му пехотному полку 14-й пехотной дивизии и 44-му полку 286-й охранной дивизии. Эти части, усиленные артиллерией, в том числе и штурмовой, оказали упорное сопротивление наступающим. Завязались ожесточенные бои, длившиеся весь день.

И все же гвардейцы, громя врага, неуклонно продвигались вперед. Тесно взаимодействуя, 1-я и 5-я гвардейские стрелковые дивизии к исходу 24 июня обошли Выдрицу соответственно с севера и с юга, охватив с двух сторон вражеские полки. Судьба крупного опорного пункта и оборонявшей его группировки была предрешена.

Левее столь же успешно наступали остальные две дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса — 26-я под командованием генерал-майора Г. И. Чернова (заместитель по политчасти — подполковник А. П. Согуленко) и 83-я, которой командовал генерал-майор А. Г. Маслов (заместитель по политчасти — полковник М. А. Потанов). К исходу дня, наступая на юго-запад, корпус с боями вышел на линию иск. Выдрица, Шалашино.

Таким образом, перенесение главного удара к северу от Минской автомагистрали полностью себя оправдало. В течение второго дня наступления войска 11-й гвардейской армии освободили более 50 населенных пунктов, расширили и соединили два вклинения во вражескую оборону на своем правом фланге в одну широкую брешь в 30 км по фронту и 15 км в глубину. Оборонительная система противника северо-восточнее Орши дала основательную трещину.

Немаловажным результатом являлось и то, что за два дня боев войска армии уничтожили свыше 6 тыс. вражеских солдат и офицеров, 180 орудий и минометов, 9 танков и штурмовых орудий, около 450 пулеметов, более 1 тыс. автоматов и винтовок, десятки автомашин и 4 склада с боеприпасами.

С нарастающим успехом продолжали наступление все войска, участвовавшие в Белорусской операции. В этот день к трем фронтам — 1-му Прибалтийскому, 3-му и 2-му Белорусским, начавшим операцию 22—23 июня, присоединился и 1-й Белорусский. Наступление развернулось на огромном, более чем 1000-километровом фронте от Западной Двины до Припяти. К исходу 24 июня вражеская оборона была взломана на многих участках.

На нашем 3-м Белорусском фронте 39-я армия прорвалась в тыл витебской группировки противника, 5-я овладела важным опорным пунктом г. Богушевском. Решительно развивали обозначившийся успех войска нашей 11-й гвардейской армии, усиливала натиск 31-я армия.

В ознаменование первых успехов 3-го Белорусского фронта в полночь 24 июня его доблестным войскам салютовала столица нашей Родины Москва. В переданном по радио приказе Верховного Главнокомандующего был отмечен и успех нашей армии. Так, указывалось, что «на оршанском направлении войска фронта прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника севернее реки Днепр и продвинулись вперед до 15 километров». 11-я гвардейская армия, ее 16-й гвардейский стрелковый корпус, артиллерийские соединения и части 152-го полевого укрепленного района были в числе войск, которым этим же приказом объявлялась благодарность.

Весть об этом тотчас же была передана в соединения и части армии. А так как в ту ночь спать довелось мало кому из наших воинов, то еще до утра все они узнали о приказе Верховного Главнокомандующего. Высокая оценка усилий армии по прорыву мощной обороны противника вызвала новый большой подъем среди личного состава.

Надо сказать, что с самого начала наступления в войсках армии царило огромное воодушевление. Бойцы и командиры в исключительно трудных условиях проявили себя истинными гвардейцами, совершали чудеса храбрости в борьбе с сильно укрепившимся врагом. Я уже приводил отдельные примеры мужества и самоотверженности. Немало было примеров и массового героизма наших соединений и частей, являвшегося ярчайшим выражением их высокой политической сознательности.

Свидетельством тому служит необычайно усилившийся приток заявлений о вступлении в ряды Коммунистической партии, показывавший массовую готовность сражаться за торжество ее идей, не жалея крови и самой жизни. При этом не следует забывать, что в ряды партии принимались лучшие, достойнейшие, завоевавшие доблестью и героизмом в бою право стать коммунистом. И потому легко понять, что означали такие, например, данные: только в течение 23—24 июня, т. е. за первые два дня наступления, от воинов 11-й гвардейской армии поступило свыше 2 тыс. заявлений о приеме в партию¹⁷.

Враг сломлен

Высокая оценка боевых действий не закрывала, однако, от нас того факта, что перед армией по-прежнему стояла трудная задача, осуществление которой мы пока еще только начали. Нужно было вновь и вновь искать пути и способы, чтобы, несмотря на сложные

¹⁷ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 199.

условия лесисто-болотистой местности и исключительно развитую оборону противника в полосе наступления армии, все же преодолеть эти трудности, разгромить врага. Поэтому вслед за подведением боевых итогов дня мы сразу же начали работу над определением задач войскам на завтра.

И вот снова в блиндаже при свете аккумуляторной лампочки у оперативной карты намечаем направления дальнейших ударов.

Ясно, что операция развивается не так, как предусматривалось планом. На ранее намеченном направлении главного удара успех минимальный. Между тем именно там предполагалось ввести в сражение не только 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, но и 5-ю гвардейскую танковую армию, что определялось наличием на этом направлении более или менее пригодных дорог для танков. Не прорвав на всю глубину вражескую оборону в полосе автомагистрали, мы лишились такой возможности.

Относительно танковой армии нам было уже известно, что вступил в действие второй вариант фронтового плана, предусматривавший ввод ее в прорыв в полосе 5-й армии. Даже 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, переброшенный мною к северу, где нами был достигнут наибольший успех, мог начать боевые действия лишь после создания условий для его стремительного продвижения вперед.

Таким образом, наша основная задача заключалась в завершении прорыва и выходе войск армии на оперативный простор. В этом и состояла идея принятого мною решения на наступление 25 июня. Оно также предусматривало в качестве главной цели развитие обходного маневра 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов для того, чтобы окончательно сломить сопротивление врага, вывести главные силы армии за р. Оршица и обеспечить ввод в прорыв танкового корпуса.

Этим целям соответствовали и боевые задачи, поставленные войскам.

16-му гвардейскому стрелковому корпусу приказывалось наступать в направлении Стайки, овладеть участком железной дороги Витебск — Орша, к исходу дня выйти на рубеж Межево, захватив передовыми частями узел дорог в районе Пашково. При этом ему надлежало 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию после очищения от врага Выдрицы и соседних населенных пунктов вывести во второй эшелон в район Чепелина, Селекта, Гришаны. 8-й гвардейский стрелковый корпус получил задачу наступать на Высокое, Барсуки и овладеть узлами дорог в районе первого из них. К исходу дня корпус должен был выйти на фронт Запрудье, Пуханова, Андреевщина. 36-му гвардейскому стрелковому корпусу надлежало наступать вдоль железной дороги Москва — Минск с задачей овладеть ст. Хлюстино.

Основные усилия сосредоточивались на участке правофлангового 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Поскольку же теперь его войскам предстояло выйти в район с меньшим количеством лесов и болот, создавались более благоприятные возможности для действий танков, самоходной и полевой артиллерии. В связи с этим он допод-

К. Г. КУЗНЕЦОВ

ЮРИЙ СМЕРНОВ

нительно усиливался танковой и двумя артиллерийскими бригадами, тремя артиллерийскими полками, в том числе одним самоходным. Его охватывающий удар с северо-востока должен был вынудить противника к отступлению вдоль Минского шоссе.

Активная роль правого фланга армии должна была еще более возрасти с вводом танкового корпуса, что ставило под фланговый удар наших войск всю оршанскую группировку противника.

Враг, разумеется, видел эту угрозу и принимал меры противодействия. Еще во второй половине дня 24 июня наши войска встретили в боях новые части — 931-й и 342-й охранные полки, 501-й танковый батальон и 667-ю бригаду штурмовых орудий, переброшенные из районов Толочина, Орши и Борисова. Израсходовав свои тактические резервы уже в первые два дня боев, вражеское командование лихорадочно стягивало в полосу наступления армии все, что у него было под рукой.

Но имевшихся у гитлеровцев резервов было, по нашим данным, недостаточно, чтобы помешать развитию наступления на правом фланге армии. А главное — мы знали, что гвардейцы, окрыленные первым успехом, будут действовать и впредь решительно и настойчиво. И это внушало уверенность в выполнении намеченных задач.

Распоряжения войскам на завтра были переданы. Но об отдыхе не приходилось и думать. Всю ночь поступали донесения о продолжавшихся боевых действиях наших соединений и частей.

В 2 часа 25 июня 8-й гвардейский стрелковый корпус возобновил наступление. Его 26-я гвардейская стрелковая дивизия с боями продвигалась в направлении Ступаки. Продолжали героически сражаться войска 36-го гвардейского стрелкового корпуса. В течение этой ночи они сломали ожесточенное сопротивление противника в районе Осиновки. Развивая наступление, соединения корпуса к 6 часам вышли ко второй полосе обороны противника, заняли опорный пункт Голяши.

Эта ночь запомнилась мне и трагической гибелью от рук фашистских убийц одного из наших гвардейцев. Мы уже знали о зверствах, чинимых гитлеровцами. Но каждый раз при виде следов их гнусных преступлений ненависть к палачам вскипала с новой силой. Так было и на этот раз, когда на рассвете 25 июня одно из подразделений 26-й гвардейской стрелковой дивизии, выбив гитлеровцев, захватило их позиции у деревни Шалашино. Здесь во вражеском штабном блиндаже был обнаружен зверски замученный фашистами комсомолец гвардии рядовой 1-го батальона 77-го гвардейского стрелкового полка Юрий Смирнов.

Об этом случае, кратко упоминаемом в летописи войны¹⁸, нельзя не рассказать подробнее.

Вот сохранившийся в архивах документ:

«Акт

25 июня 1944 года.

Мы, нижеподписавшиеся, комсорг полка гвардии старший лейтенант Соколов Семен Герасимович, комсорг 2-го батальона гвардии старший лейтенант Кустов, старший лейтенант Ахмеджанов Карим, гвардии капитан Климов Иван Иванович, гвардии рядовые Конев и Какоркин составили настоящий акт о нижеследующем:

В 4.00 25 июня во время наступления наших частей на дер. Шалашино Оршанского района наш 1-й стрелковый батальон участвовал в десанте по занятию деревни. Гвардии рядовой Смирнов Юрий Васильевич упал с танка, будучи ранен, и был захвачен немцами. Немцы учинили ему допрос с пытками. И когда комсомолец Смирнов, помня присягу, ничего не сказал, — немцы распыли его на стене блиндажа. Гитлеровцы забили два гвоздя в ладони рук, вытянув руки в горизонтальное положение, по одному гвоздю в каждую ладонь, а также было забито в подтемы ног по одному гвоздю. Кроме того, два гвоздя были забиты в голову. Смирнову нанесены четыре кинжальные ранения в грудь и два ранения в спину. Голова и лицо побиты холодным оружием. На столе лежали раскрытый комсомольский билет и красноармейская книжка.

Гвардии старший лейтенант Соколов, гвардии старший лейтенант Кустов, старший лейтенант Ахмеджанов, гвардии капитан Климов, гвардии рядовые Конев, Какоркин».

¹⁸ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4. М., 1964, стр. 173.

Слева направо: К. Н. ГАЛИЦКИЙ, мать ЮРИЯ СМИРНОВА — МАРИЯ ФЕДОРОВНА, П. Н. КУЛИКОВ, Д. Ф. РОМАНОВ

На рассвете 25 июня член Военного совета армии генерал-майор П. Н. Куликов и заместитель начальника политотдела полковник К. Е. Захаренко, который побывал на месте преступления гитлеровцев, принесли мне на командный пункт этот акт, а также найденный в том же блиндаже брошенный поспешно бежавшими гитлеровцами протокол допроса Юрия Смирнова. Протокол гласил: «Вопрос: сколько танков? Молчит. Куда идут танки? Молчит. Каков состав полка? Молчит...» Тогда и совершили свое злодеяние изверги из 78-й пехотной дивизии. Видно, недаром ее хвалил за «подвиги» Гитлер.

Мы все были потрясены. Узнав о зверском преступлении фашистов, воины соединений и частей армии дали клятву отомстить врагу за Юрия Смирнова, за все злодеяния, совершенные гитлеровцами на советской земле.

Юрию Васильевичу Смирнову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя, как и имена всех погибших героев войны, с благоговением вспоминают советские люди. Похоронен Ю. Смирнов в дер. Шалашино. Недалеко от нее в пос. Орехово ему воздвигнут памятник.

С новым порывом ринулись на врага воины армии. В первые же часы возобновившегося рано утром 25 июня наступления стало ясно, что противник прилагает все усилия, чтобы остановить наши войска. Части 78, 256, 260, 14-й пехотных и 286-й охранной дивизий, 342-й и 931-й охранные полки на своем тыловом рубеже оказывали яростное

сопротивление соединениям 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов, нередко переходя в контратаки¹⁹.

Однако враг уже был не в силах помешать наступлению. Оба стрелковых корпуса, широко используя свое выгодное положение для маневра, ломали сопротивление гитлеровцев, обходили их опорные пункты и наносили по ним удары во фланг и тыл.

В 14 часов командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса генерал Я. С. Воробьев доложил по телефону, что 1-я гвардейская стрелковая дивизия двумя правофланговыми полками вышла на дорогу, ведущую от оз. Орехи к Выдрице, а левофланговым полком ворвалась на ее северную окраину. Завязался ожесточенный бой с противником, оказывавшим упрямое сопротивление.

Севернее оз. Орехи наступала 31-я гвардейская стрелковая дивизия, с боями приближавшаяся к шоссе Витебск — Орша в районе Ключовки.

Слушая доклад, я внимательно проследил по карте положение этих и соседних соединений. Явственно вырисовывалась возможность повернуть 31-ю гвардейскую стрелковую дивизию на юго-запад, с тем чтобы она достигла шоссе не у Ключовки, а в районе Бол. Бабина и тем самым вышла в тыл группировке противника, оборонявшейся в районе Выдрица, Ганусин Бор перед 1-й и 5-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. В то же время 1-й гвардейской следовало обойти Выдрицу с севера, а 5-й — с юга, что позволяло замкнуть кольцо вокруг вражеской группировки. Такое приказание и было мною отдано генералу Я. С. Воробьеву, а также 8-му гвардейскому стрелковому корпусу, в состав которого входила 5-я гвардейская стрелковая дивизия.

Маневр названных соединений был осуществлен стремительно.

Уже в 16 часов 31-я гвардейская стрелковая дивизия энергичными действиями сломила сопротивление противника севернее оз. Орехи, прорвалась вперед и овладела населенным пунктом Бол. Бабина, выйдя на шоссе Витебск — Орша. Одновременно командир 1-й гвардейской стрелковой дивизии полковник П. Ф. Толстиков выдвинул севернее Выдрицы приданные ей 120-ю танковую бригаду полковника Н. И. Букова (заместитель по политчасти — подполковник Т. М. Дробан) и 1435-й самоходно-артиллерийский полк под командованием подполковника А. И. Миронова.

Прорвавшись северо-западнее Выдрицы, танкисты и самоходчики с десантом пехоты 167-го гвардейского стрелкового полка подполковника П. Л. Шевелева смело устремились вперед по дороге Выдрица — Гришаны. Форсировав р. Оршицу и прорвав здесь тыловой рубеж обороны врага, они перешли в преследование гитлеровцев, поспешно отступавших в западном направлении. С юга же Выдрицу обошел 21-й гвардейский стрелковый полк 5-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием подполковника Н. М. Приладышева (заместитель по политчасти — майор Ф. С. Котов).

¹⁹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 90.

В результате глубокого обхода с флангов оборонявшаяся в районе Выдрицы группа немецко-фашистских войск была полностью разгромлена.

Во второй половине дня окончательно определилось, что замысел на разгром противника ударом в обход с севера успешно осуществляется. 11, 1 и 31-я гвардейские стрелковые дивизии прорвали тыловую рубеж и, преследуя врага, создали для него крайне тяжелую обстановку. Видимо, поняв безнадежность сопротивления на промежуточных рубежах восточнее р. Оршица, фашистское командование к исходу 25 июня начало и в полосе Минской автомагистрали поспешно отводить на запад 78-ю штурмовую пехотную дивизию и действовавшие совместно с нею полки других соединений.

Враг прикрывал отход сильными арьергардами. Однако в условиях тесного соприкосновения с нашими наступающими войсками это не могло спасти гитлеровцев.

На отходившего противника обрушились удары 83-й и 26-й гвардейских стрелковых дивизий с севера и 16-й гвардейской стрелковой дивизии — с востока. Наши войска выходили на фланги и тылы немецких частей, расчленяли их на отдельные группы и уничтожали. К концу дня 78-я штурмовая пехотная дивизия перестала существовать как организованное воинское соединение и вела бои отдельными группами, отходившими к г. Орша.

Уже во второй половине дня появилась возможность ввести в сражение 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Примерно в 14 часов я приказал генералу А. С. Бурдейному выдвинуть корпус в район Ключовка, Заозерье в готовности к вводу в прорыв в юго-западном направлении на Межево и далее вдоль Минского шоссе на Борисов. Концентрированный удар двухсот танков на большую глубину должен был ускорить полный разгром противостоявших нам дивизий противника.

К сожалению, нам все же не удалось в тот день осуществить это намерение, и ввод корпуса в прорыв пришлось отложить до следующего утра.

Боевые итоги дня на этот раз были весьма внушительными. 16-й гвардейский стрелковый корпус генерала Я. С. Воробьева завершил прорыв тыловой полосы обороны противника и развивал наступление в юго-западном направлении. Усилил продвижение 8-й гвардейский стрелковый корпус генерала М. Н. Завадовского. В течение дня его войска не только прорвали вторую, но и с ходу преодолели тыловую оборонительную полосу по западному берегу р. Оршица.

Заметно повысились темпы наступления и 36-го гвардейского стрелкового корпуса П. Г. Шафранова. Силами одной лишь 16-й гвардейской стрелковой дивизии, составлявшей его первый эшелон, он также прорвал вторую полосу вражеской обороны и, преодолевая сопротивление остатков разбитых частей 78-й штурмовой пехотной дивизии, вышел к шоссе Витебск — Орша.

Следует сказать, что генералу П. Г. Шафранову пришлось вторую свою стрелковую дивизию — 84-ю гвардейскую развернуть фронтом

на юг, что, естественно, ослабляло его усилия в западном направлении.

Вызвано это было тем, что сосед слева — 71-й стрелковый корпус 31-й армии все еще продвигался значительно восточнее, в результате чего наш левый фланг оказался неприкрытым.

Как известно, некоторое отставание 31-й армии в те дни было вызвано тем, что ей пока не удалось сломить сопротивление противника. Вследствие этого она наступала уступом слева нашего 36-го гвардейского стрелкового корпуса и лишь своим правым флангом продвинулась на 10—12 км по северному берегу Днепра, достигнув здесь к исходу 25 июня дороги Дубровно—Высокое. Левофланговые же ее соединения в этот день продвижения не имели ²⁰.

Нового значительного успеха достигла соседняя справа 5-я армия. В результате решительного штурма ее 144-я и 215-я стрелковые дивизии, усиленные второй гвардейской танковой бригадой, еще вечером 24 июня овладели Богушевском. Это позволило с утра 25 июня ввести в прорыв конно-механизированную группу в составе 3-го гвардейского кавалерийского и 3-го гвардейского механизированного корпусов. Развивая успех, группа к исходу дня овладела Сенно и вышла передовыми отрядами на железную дорогу Лепель—Орша в районе Уздорники ²¹. Успешно наступали и главные силы 5-й армии. Продвинувшись в этот день на 20 км, они вышли на линию оз. Березовское, Алексипичи ²².

Возвращаясь к итогам показанных выше боевых действий 11-й гвардейской армии, должен прежде всего отметить, что первый этап операции мы осуществили не в два дня, как намечалось планом, а в три. Это было вызвано чрезвычайно упорным сопротивлением противника, опиравшегося на заранее подготовленную глубоко эшелонированную оборону.

Я уже упоминал о том, что направление, на котором действовала наша армия, даже Ставкой было признано малоперспективным. К этому можно добавить, что и Маршал Советского Союза А. М. Василевский, координировавший тогда действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов, оценивая обстановку в начале операции, с полным основанием писал в своем донесении Верховному Главнокомандующему о наличии на оршанском направлении «исключительно развитой обороны противника, сильной группировки его войск...» ²³

О характере обороны в полосе Минской автомагистрали сказано достаточно. Что же касается сосредоточенной там к началу операции вражеской группировки, то целесообразно привести некоторые данные об этом.

Нашей армии к 23 июня противостояли, как уже отмечено, 78-я

²⁰ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 216, л. 4.

²¹ Там же, д. 505, л. 104.

²² Там же, д. 216, л. 4.

²³ Там же, ф. 48, оп. 2294, д. 7, лл. 64—73.

штурмовая пехотная дивизия с многочисленными приданными ей частями, полки и батальоны 57-й, 260-й пехотных и 25-й моторизованной дивизий. Что представляли собой эти силы в количественном отношении? 78-я дивизия, по свидетельству захваченного несколько позднее в плен ее командира генерала Траута, «к началу русского наступления насчитывала всего 16 000 человек». Но и это не все. «После того, как мне стало известно о готовящемся наступлении на участке перед моей дивизией, — продолжал Траут, — ко мне прибыло пополнение — один полк на левый фланг, разведывательный батальон на правый фланг»²⁴.

Таким образом, общий численный состав этой дивизии с приданными частями достигал примерно 18 тыс. солдат и офицеров. Мы же, как помнит читатель, наступали, имея в первом эшелоне четыре стрелковые дивизии. Их общая численность не превышала 29 тыс. человек. Следовательно, наше превосходство по пехоте было всего лишь чуть больше полуторного. Таким же являлось и соотношение сил по стрелковому вооружению.

Ввод дивизий второго эшелона также не мог внести значительного изменения в эти показатели, так как противник имел в оперативном резерве 14-ю пехотную, 286-ю охранную дивизии и большое количество отдельных охранных и специальных частей. Значительное превосходство за счет массирования средств на участке прорыва удалось нам создать только по артиллерии — в 5,4 раза и по танкам — в 4,3 раза²⁵.

Приведенные данные, в частности о соотношении сил по пехоте, являются ярким подтверждением лживости ссылок на «колоссальное» численное превосходство Красной Армии, которыми и в войну, и в последующее время пытались оправдать свои поражения гитлеровские генералы. Так, один из них, К. Типпельскирх, писал по поводу Белорусской операции: «13 июля командование группы армий «Центр» констатировало, что... 16 немецким дивизиям будут противостоять 160 русских дивизий»²⁶. Между тем общеизвестно, что такого численного превосходства мы никогда не имели. Что же касается начала Белорусской операции, то к тому времени группа армий «Центр» с учетом части сил на флангах — 16-й и 4-й танковой армий, согласно немецким трофейным документам, имела 63 дивизии и 3 бригады²⁷, а наши четыре фронта наступали в первом этапе операции в составе 124 дивизий, 9 бригад и полевых укрепленных районов²⁸.

К этому пужно добавить, что фашистские дивизии имели численный состав и вооружение значительно большие, чем наши. Если 78-я штурмовая пехотная в этом отношении превосходила дивизии нашей армии в 2,5 раза, то даже обычные пехотные дивизии врага не-

²⁴ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 58.

²⁵ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 634, л. 88.

²⁶ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 449.

²⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 157.

²⁸ Там же, стр. 163.

редко имели людей и вооружения в полтора-два раза больше, чем наши стрелковые.

Таким образом, наше «десятикратное», по подсчетам К. Типпельскирха, или «восьмикратное», как уверял другой гитлеровский генерал²⁹, превосходство — плод их разыгравшейся фантазии. В действительности, хотя советские войска и обладали в этот период известным численным превосходством в результате нанесенных ими противнику огромных потерь, тем не менее преимущество нами достигалось главным образом за счет маневра и решительного массирования сил и средств на направлениях главных ударов.

Подобным образом действовала, в частности, и 11-я гвардейская армия, чем и объяснялось созданное нами превосходство в силах и средствах, особенно в танках и артиллерии.

Однако, оценивая соотношение сил, например, по танкам, следует иметь в виду, что противник имел мощную противотанковую оборону и сплошные минные поля как у переднего края, так и в глубине. Он также сосредоточил по 22 штурмовых орудия на 1 км фронта, причем даже увеличил их плотность в ходе боевых действий за счет маневра на наиболее угрожаемые направления. К тому же болотистый характер местности значительно снизил эффективность действий танков.

Практически наиболее существенным являлось лишь наше более чем пятикратное превосходство в артиллерии. Однако и его использовать в полной мере не удалось. Отчасти это объяснялось тем, что в полосе наступления вдоль Минской автомагистрали для надежного подавления «созданной здесь врагом более мощной по сравнению с другими участками обороны»³⁰ требовалось значительно большее количество боеприпасов, чем то, которым мы располагали для артиллерийской подготовки (1,75 боекомплекта) и поддержки наступления (0,5 боекомплекта). Другая очень важная причина заключается в «недостаточности разведки системы огня противника и недочетах в организации огня»³¹. Второй недостаток в значительной мере вытекал из первого, который в свою очередь был следствием кратковременности пребывания армии на оршанском направлении до начала операции.

Из всего этого видна исключительная сложность стоявшей перед 11-й гвардейской армией задачи по прорыву мощной обороны противника в полосе Минской автомагистрали. Трудности значительно усилило то, что наступление не было неожиданным для вражеского командования.

Кстати, в нашей военно-исторической литературе можно встретить утверждения о том, что на участке Минской автомагистрали «внезапность огневого удара (т. е. артиллерийской подготовки. —

²⁹ Г. Фриснер. Проигранные сражения. М., 1966, стр. 32.

³⁰ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 170.

³¹ Там же.

К. Г.)... была утеряна» вследствие «нарушения маскировочной дисциплины некоторыми частями и соединениями 5-го артиллерийского корпуса прорыва», в результате чего «разведка 78-й штурмовой немецкой пехотной дивизии обнаружила сосредоточение крупных масс артиллерии в полосе 11-й гвардейской армии и выявила огневые позиции 700 наших орудий»³². Это верно. Тот же генерал Траут, оказавшись в плену, подтвердил, что «до середины июня было установлено перед участком дивизии от Днепра до болотистой местности Веретея (имеется в виду район Острова-Юрьева.— К. Г.)... до 700 стволов артиллерии»³³.

Но дело обстояло еще сложнее. Выше уже говорилось, что немецко-фашистское командование допустило грубейший просчет в определении планов Красной Армии на летнюю кампанию 1944 г., полагая, что по группе армий «Центр» будет нанесен лишь вспомогательный удар. Однако и здесь оно ожидало нашего наступления и готовилось к его отражению.

В связи с этим представляется вполне справедливым замечание, сделанное генералом армии С. М. Штеменко в его воспоминаниях. Касаясь подготовки к Белорусской операции, он писал: «Сохранять предстоящие действия в тайне становилось все труднее. Попробуй скрыть перевозки, развертывание, учения войск!» Правда, он добавил: «И все-таки мы надеялись достигнуть этого»³⁴. Тем не менее, видимо, полностью скрыть от врага перегруппировку и сосредоточение крупных войсковых масс не удалось. Не подозревая о крупном масштабе предстоявшей операции, противник все же имел уже в начале июня разведывательные данные о готовившемся ударе³⁵.

Естественно, что особенно насторожился он в полосе автомагистрали и железной дороги Москва — Минск, имевших важнейшее оперативное значение. Более того, вражеское командование ориентировочно знало и сроки начала нашего наступления. Это подтверждают следующие показания уже упоминавшегося генерала Траута: «Перед началом наступления, которое нами ожидалось с 20 июня (день наступления предполагался 22 июня.— К. Г.), обстановка прояснилась тем, что 31-я армия была передвинута на оба берега Днепра..., 11-я гвардейская армия стояла по обе стороны и севернее автомагистрали в боевой готовности»³⁶.

Значит, была потеряна внезапность не только огневого удара, но и в целом наступления южной группы войск 3-го Белорусского фронта. Этим, а также прочностью заранее подготовленной обороны и упорным сопротивлением сначала одной из сильнейших фашистских дивизий, усиленной другими частями, а затем и вводом в бой оперативных резервов противника в составе не менее трех дивизий, в первую очередь, и объяснялся несколько замедленный ход прорыва.

³² Там же.

³³ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 56.

³⁴ С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, стр. 255.

³⁵ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 56.

³⁶ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 436—442, л. 152.

Большое влияние оказали также недочеты в его планировании и проведении, в частности при выборе направления главного удара армии и во время артиллерийской подготовки. В основном огни были наложены на глубину 2 км, вследствие чего части противника, занимавшие вторую позицию, при артподготовке не были подавлены и встретили наши войска губительным огнем.

Но все трудности и недочеты были преодолены героическими действиями воинов армии. За три дня боев ее войска нанесли противостоявшему врагу решительное поражение. Его потери только убитыми достигли 8528, пленными — 315 человек. За это же время было уничтожено 245 орудий и минометов противника, до 20 танков и штурмовых орудий, 573 пулемета, 1558 автоматов и винтовок, около 50 автомашин, 9 складов. Наши войска взяли также значительные трофеи, в том числе около 50 орудий и минометов, 144 пулемета, 22 радиостанции и многое другое.

Основной итог трех дней операции армии состоял в том, что на фронте 40 км была прорвана на всю 25-километровую глубину оборона противника и разгромлены его отборные войска. Таким образом гвардейцы освободили свыше 1 тыс. кв. км белорусской земли и более 100 населенных пунктов.

Этот успех был обеспечен прежде всего высоким политико-моральным состоянием личного состава армии, четким управлением войсками и широкой инициативой большинства командиров в период прорыва, обеспечившими быструю реакцию на изменяющуюся обстановку. Важную роль сыграли тщательная подготовка, показанное выше превосходство в силах и средствах на участке прорыва, в целом надежное взаимодействие родов войск, особенно пехоты с артиллерией и авиацией.

Необходимо отметить, что достижение успеха в полосе нашей армии обеспечивалось мощными ударами войск всего 3-го Белорусского фронта. Разумеется, на их общий успех, в свою очередь, оказали влияние и решительные усилия 11-й гвардейской армии. Это еще один пример оперативной взаимосвязи боевых действий. Исключительное значение имело своевременное переключение основных усилий войск армии на направление обозначившегося успеха, позволившее сочетать фронтальный удар с решительным маневром главных сил во фланг и в тыл противника.

Такой характер действий стал возможным благодаря наличию мощного второго эшелона в составе пяти дивизий, т. е. больше половины стрелковых войск армии. Оно обеспечивало возможность маневра на поле боя и решительного развития успеха в том или ином направлении. Это и позволило ввести дивизии второго эшелона в полосу правифлангового 16-го гвардейского стрелкового корпуса, а не 8-го и 36-го, как предусматривалось планом. В результате, продолжая сковывать с фронта основные вражеские силы, удалось нанести по ним сильные удары с фланга и тыла.

В связи с этим придется привести еще одно свидетельство гитлеровского генерала, командовавшего противостоявшими нам войска-

ми. Как он заявил, немецкое командование не допускало и мысли, что главный удар армии будет перенесен в труднопроходимую лесисто-болотистую местность и что мы сумеем там использовать крупные силы. «Направление главного удара наступления..., — сообщил оп, — предполагалось, как и в предыдущих боях, вдоль автостреды с обеих сторон Нового Села»³⁷.

И далее: «Прорыв ваших войск в полосе шоссе грозил тяжелыми последствиями не только для моей дивизии, но и для всего корпуса. Поэтому мы использовали здесь главные наши силы и резервы». Причиной же быстрого поражения он назвал именно перенесение наших основных усилий к северу от автомагистрали и развитие флангового удара. «Это, — признал Траут, — привело к тому, что... наш оборонительный фронт потерял способность к сопротивлению и стал откатываться под непрерывными ударами русских, которые неумолимо добивали как ослабленные части передовой линии, так и прибывающие резервы»³⁸.

Тем самым боевые действия армии в течение 23—25 июня могут служить примером развития частного успеха в оперативный прорыв. Как показано, сравнительно небольшие вклинения в оборону противника были в первый же день расширены и углублены вводом в бой вторых эшелонов корпусов. Это и позволило главным силам армии к исходу второго дня соединить разрозненные участки вклинения в общий прорыв, а к исходу третьего — выйти на оперативный простор и перейти в энергичное преследование разрозненных остатков вражеских сил.

Прорвав оборону противника, мы лишили его крупных оборонительных рубежей на территории Белоруссии. Теперь впереди могли быть лишь отдельные очаги сопротивления. Сокрушение их и являлось дальнейшей задачей наступающих войск армии.

³⁷ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 57.

³⁸ Там же, л. 100.

Разгром группы армий «Центр»

Освобождение Орши

Выход войск армии на р. Оршица после прорыва тылового оборонительного рубежа противника севернее г. Орша создал к исходу 25 июня благоприятные условия для преследования отступавших немецко-фашистских войск. Этому способствовал также успех соседней справа 5-й армии и особенно действовавшей в ее полосе конно-механизированной группы, которая овладела населенным пунктом Сенно и продолжала наступление на Холопеничи¹.

Кроме того, существенное значение для наших дальнейших действий имел готовившийся в ее полосе ввод в прорыв 5-й гвардейской танковой армии. Передовые отряды последней во второй половине дня 25 июня уже подошли к г. Богушевску². Действуя оттуда в юго-западном направлении, танковая армия с утра 26 июня должна была нанести удар на Толочин, где и войти в полосу нашей армии для последующего наступления на Борисов³.

Когда вечером 25 июня начальник штаба фронта генерал А. П. Покровский сообщил мне по телефону об успешном продвижении конно-механизированной группы и задачах, поставленных 5-й танковой армии, стало ясно, что необходимо наметить меры для использования успеха предстоящего наступления крупных сил танков на Борисов. Их удар с северо-востока позволял нам еще решительнее преследовать противника в направлении р. Березины, что и диктовалось складывавшейся обстановкой. Было очень важно не дать врагу опомниться после нанесенного ему поражения. Всякая задержка была опасна тем, что гитлеровцы, если им удастся привести в порядок свои поспешно отступавшие части, постараются быстро «зарыться» в землю и нам придется снова прорывать их оборонительные позиции.

Такой ход мыслей привел к принятию решения продолжать и максимально ускорить преследование противника главными силами армии.

¹ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 216, л. 4.

² Там же.

³ Там же, ф. 48 А, оп. 2294, д. 7, лл. 88—94.

В то же время внушало тревогу положение, сложившееся слева от нас. Если соединения 11-й гвардейской армии вышли к тому времени к северу от Орши на шоссе, ведущее из нее в Витебск, то войска 31-й армии, продолжавшей медленно наступать уступом, пока находились лишь в районе Дубровно, т. е. в 15—18 км восточнее Орши⁴. Таким образом, наш левый фланг оставался открытым. Это создавало известные трудности и в предшествующие дни. Теперь же опасность усилилась, так как слева от нас, в районе Орши, была сосредоточена крупная вражеская группировка, способная нанести контрудар по левому флангу нашей армии.

По данным разведки, Оршу обороняли части 14-й пехотной и 286-й охранной дивизии, остатки 215-го и 195-го полков 78-й пехотной дивизии, а также отдельные части и подразделения⁵. Собранные вместе, они представляли собой довольно значительную силу, тем более, что опирались на весьма мощную оборону. К тому же следовало ожидать подхода 31-й армии к Орше лишь примерно через сутки. Наконец, она могла быть задержана противником на подступах к городу. Следовательно, по мере дальнейшего продвижения 11-й гвардейской армии вперед разрыв между нею и 31-й армией мог достичь нескольких десятков километров, и тогда еще более усилилась бы угроза вражеского контрудара по нашему левому флангу.

В таких условиях нельзя было считаться с тем, что Орша входила в полосу левого соседа. И уже не годился ранее принятый план, требовавший от нас силами одной стрелковой дивизии содействовать 31-й армии в овладении Оршей. Ведь для этого предстояло ждать подхода левого соседа. Между тем промедление было недопустимо. Таким образом, наряду с решительным преследованием противника представлялось необходимым безотлагательно нанести удар по его группировке, оборонявшейся в районе Орши.

На всех этих соображениях и основывалось принятое мною решение. Оно предусматривало: во-первых, преследование отходившего противника в полосе севернее Минской автомагистрали силами 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов в направлении Коханово; во-вторых, имелось в виду нанести удар на Оршу с севера дивизиями 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Им ставилась задача к исходу дня освободить город во взаимодействии с войсками 31-й армии, которые к тому времени, по нашим предположениям, должны были подойти к нему с востока.

Важную роль в успехе этих действий должен был сыграть 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Ему предстояло сосредоточиться в районе Стайки, Межево и наступать с утра 26 июня вдоль автомагистрали на Коханово, Староселье, выйдя, таким образом, с запада и юго-запада в тыл оршанской группировки противника.

И вот задачи поставлены.

⁴ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 216, л. 4.

⁵ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 68.

Е. В. РЫЖИКОВ

А. С. БУРДЕЙНЫЙ

Приступив еще ночью к их выполнению, 16-й и 8-й гвардейские стрелковые корпуса безостановочно преследовали отступавшего врага. Донесения об их успешных действиях начали поступать уже к рассвету.

К тому времени сосредоточился в указанном районе 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус под командованием генерала А. С. Бурдейного. Наконец-то его воины дождались своего часа.

Легко понять, с каким нетерпением все эти трое суток, пока продолжались ожесточенные бои по прорыву вражеской обороны, ждали танкисты приказа на наступление. Ведь по плану корпус генерала А. С. Бурдейного предстояло ввести в сражение еще в первый день операции. Но тогда предполагалось, что это произойдет в полосе Минской автомагистрали. Правда, можно было на второй день наступления ввести танковый корпус к северу от нее, где нами был уже достигнут успех. И признаться, соблазн такого наращивания удара был велик.

Однако я не считал возможным до полного прорыва обороны на всю глубину ввести этот корпус в сражение в условиях труднопроходимой лесисто-болотистой местности. Более целесообразным представлялся ввод его в сражение в тот момент, когда он сможет беспрепятственно выйти на оперативный простор.

Теперь такая возможность была налицо. Более того, как выяснилось впоследствии, стремительный выход танкового корпуса в тыл оршанской группировки противника оказался для нее совершенно

неожиданным. В значительной мере это произошло потому, что хотя враг и знал о наличии у нас крупного танкового соединения, однако ожидал его наступления вдоль Минской автомагистрали. Мы же ввели корпус на это направление по другим путям, скрытно от него. Чтобы сбить гитлеровцев с толку, в течение последних двух суток в полосе автостреды небольшие группы танков имитировали движение с севера на юг. Кроме того, враг, вероятно, и мысли не допускал, что целый танковый корпус сумеет пройти севернее, по болотистой местности.

Но советские воины сделали это. Для пропуска танков мы не только использовали насыпь узкоколейки, по которой когда-то возили торф на Осипскую ГЭС, но и проложили целые километры прочных бревенчатых гатей. Так благодаря героическим усилиям инженерных войск армии под руководством генерала В. М. Зверева корпус генерала А. С. Бурдейного безостановочно прошел трудный участок пути.

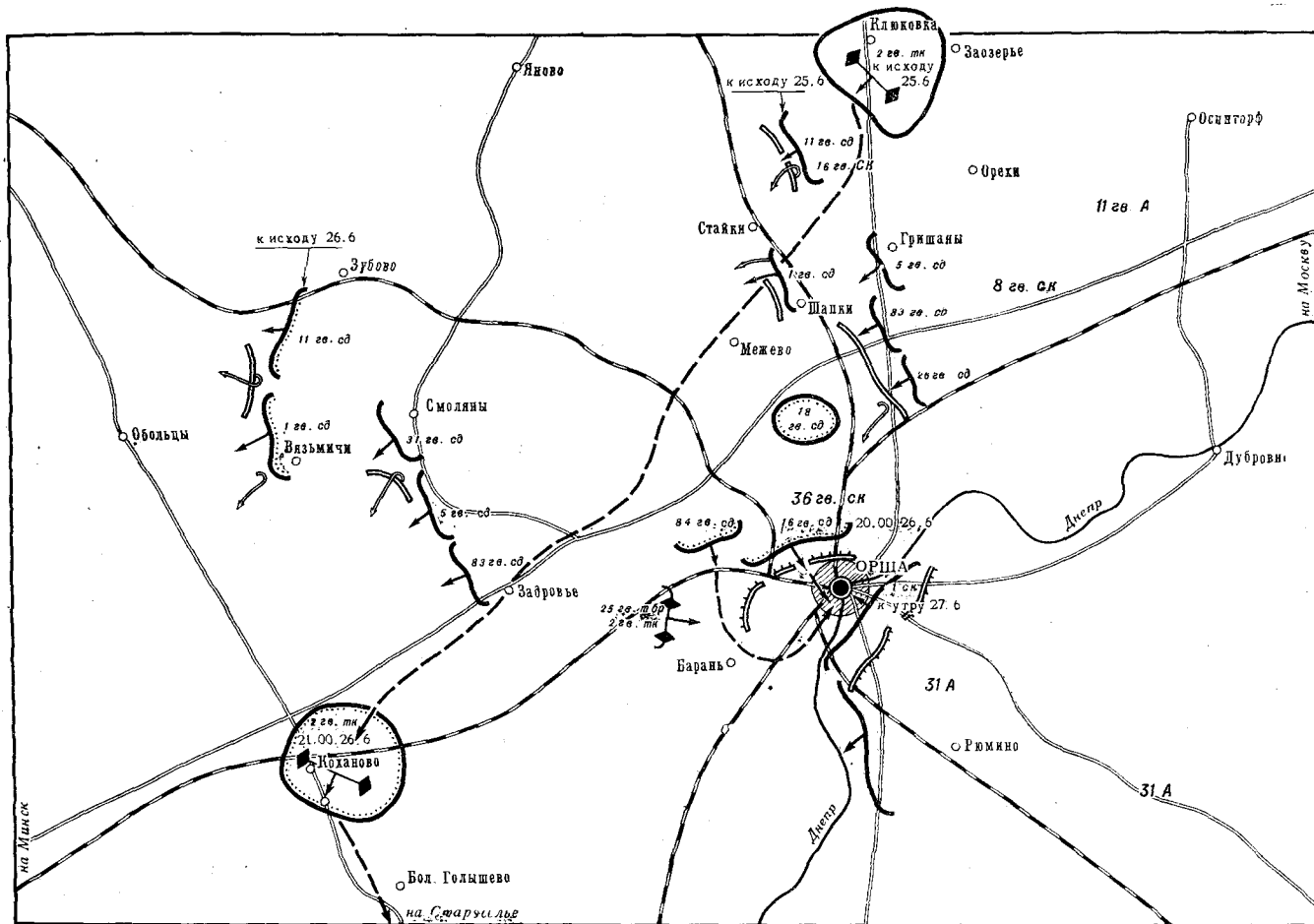
Это соединение уже тогда имело славную историю. О его подвигах вся страна узнала еще в дни Сталинградской битвы, когда танковый корпус, которым тогда командовал генерал В. М. Баданов, прорвавшись в тыл противника на глубину до 80 км, вышел на ст. Тацинская, тем самым обеспечив успешное наступление наших войск к юго-западу от Сталинграда. С тех пор он и носил почетное наименование «Тацинского».

Решительно действовали его воины и здесь, в Белоруссии. Выполняя приказ, корпус с утра 26 июня начал наступление на юго-запад и уже к 11 часам неожиданно для врага вышел в район железнодорожной станции Погост, расположенной в 15 км к западу от Орши. Овладев станцией и сбивая со своего пути вражеские подразделения, он продолжал наступление на Коханово, Староселье.

Одновременно 36-й гвардейский стрелковый корпус нанес с севера удар на Оршу. Его 16-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала Е. В. Рыжикова с боями вышла к р. Поганица в 3—5 км севернее города. Здесь противник усилил сопротивление, и дивизия замедлила продвижение вперед.

Вместе с тем сложившаяся к тому времени обстановка в районе Орши открывала новые возможности быстрейшего овладения ею. Выход 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса к ст. Погост позволял частью его сил нанести удар по оршанской группировке с запада, т. е. по самому уязвимому ее месту. Тем самым корпус мог не только не допустить организованного отхода гитлеровцев из Орши, но и помочь нашей пехоте в предстоящих уличных боях.

В связи с этим я в середине дня выехал на командный пункт танкового корпуса. На ст. Погост довелось увидеть картину, потрясшую до глубины души. Здесь танкисты захватили несколько эшелонов, состоявших из товарных вагонов, приспособленных для перевозки скота. Но на этот раз они оказались битком набиты советскими людьми, которых гитлеровцы собирались угнать в рабство. Спасенные расположились здесь же на железнодорожных путях. У каждого из них на груди и на спине еще оставались нашитые куски белой материи

Начало преследования противника и овладение Оршей

с... номерами, которые должны были в фашистской неволе заменить им человеческие имена. Теперь их лица светились счастьем освобождения. Никогда не забыть, как со слезами радости на глазах обнимали они воинов-освободителей, благодаря их за спасение...

Генерал А. С. Бурдейный, опытный командир с широким оперативным кругозором, с первых же слов понял необходимость ускорить удар танками на Оршу. Он тотчас же выделил для выполнения поставленной задачи 25-ю гвардейскую танковую бригаду под командованием полковника С. М. Булыгина. Остальными силами корпус продолжал наступать на Коханово.

Теперь нужно было повидаться с генералом П. Г. Шафрановым. Когда я прибыл к нему на командный пункт, было уже около 15 часов. Командир корпуса доложил, что 16-я гвардейская стрелковая дивизия, преодолевая сильное сопротивление врага, по-прежнему ведет бои на северных подступах к Орше.

Надо сказать, что этот город — узел шоссейных и железных дорог, идущих на Витебск, Минск, Могилев, занимал важное место в системе обороны противника на минском направлении. Его удержанию вражеское командование придавало первостепенное значение. Город был превращен в мощный узел обороны, так и именовавшийся Оршанским укрепленным районом. Вот что показал взятый позже в плен его комендант полковник Ратклиф: «Зимой 1944 года Гитлер приказал превратить... Оршу... в неприступную крепость... Город Орша был обнесен обводою в 2—3 траншеи, усиленным 40—50 дзотами и дотами. Каменные здания были приспособлены к обороне, а улицы изрыты окопами и рвами. Только с апреля по июнь 1944 года на постройке укреплений Орши ежедневно работало до 1500 человек»⁶.

Примерно такую картину рисовали и имевшиеся у нас данные о характере обороны противника в районе Орши. Поэтому представлялся наиболее эффективным удар значительными силами и с разных направлений. Судя же по ходу событий, предпринятые с севера действия были недостаточны. Требовалось наряду с 16-й гвардейской стрелковой дивизией ввести в сражение также 84-ю.

Генерал Шафранов попросил предоставить ему для этого три часа, с тем чтобы согласовать усилия двух дивизий с танкистами, а также провести дополнительную разведку и подготовить артиллерию.

Давая согласие, я назначил начало решительного наступления на Оршу на 18 часов 20 минут. Штурму должны были предшествовать мощные бомбо-штурмовые удары с воздуха по укрепленным позициям врага и 30-минутная артиллерийская подготовка.

Авиация была вызвана мною на 16 часов. И к тому времени, когда я возвратился на армейский командный пункт, она уже приступила к выполнению задачи.

С 16 до 18 часов 30 минут части 1-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса эшелонированными ударами групп по 7—9 самолетов Пе-2 с горизонтального полета разрушали оборони-

⁶ «Красная звезда», 11 октября 1944 г.

тельные сооружения, подавляли артиллерийско-минометные батареи и уничтожали живую силу противника. Одновременно наносили массированные удары части 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса⁷.

В 17 часов 50 минут с огневых позиций в районах Слободки, Бородино, Пищалова началась артиллерийская подготовка, а спустя полчаса перешли в атаку соединения 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Генерал П. Г. Шафранов умело использовал предоставленные ему на подготовку три часа. За это время была успешно проведена разведка, подтвердившая, что северные, а особенно северо-западные и западные подступы к городу укреплены гитлеровцами менее сильно, чем восточные⁸.

Поэтому 16-я гвардейская стрелковая дивизия действовала по-прежнему с севера, имея на усиление 63-й танковый и 348-й самоходно-артиллерийский полки. Одновременно с северо-запада и запада, с рубежа Слободка, Бородино, совместно с 25-й гвардейской танковой бригадой из состава корпуса генерала А. С. Бурдейного наступала 84-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Г. Б. Петерса, усиленная 35-м танковым и 345-м самоходно-артиллерийскими полками.

Таким образом, Орша охватывалась одновременно с разных направлений, что вынуждало противника в ходе боя разбрасывать силы. Генерал П. Г. Шафранов правильно рассчитал, что если наши войска ворвутся в центр и в западную часть города, то из восточной части гитлеровцы побегут сами.

Именно так и произошло.

Решающим оказался удар, нанесенный 84-й гвардейской стрелковой дивизией совместно с 25-й гвардейской танковой бригадой. Об их умелых действиях рассказал мне член Военного совета армии генерал П. Н. Куликов, находившийся в те часы на КП командира 243-го гвардейского стрелкового полка полковника П. Г. Чурусова. Как только артиллерия перенесла огонь в глубину, гвардейцы при поддержке самолетов 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии дружно пошли вперед. Танки непрерывно вели огонь с ходу. За ними, не отставая, шли пехота и орудия сопровождения.

На окраину города ворвались довольно быстро. Потом бой распался на отдельные очаги. Местами приходилось выбивать фашистов из домов.

Тем временем под ударами 16-й гвардейской стрелковой дивизии дрогнули и вражеские части, оборонявшиеся к северу от Орши. Разгромив их, и эта дивизия вступила в город. Ломая сопротивление гитлеровцев, ее части стремительно продвигались к центральным улицам. Оборонявшиеся в городе остатки многих разбитых ранее частей вскоре были расчленены нашими войсками на отдельные группы, каждой из которых пришлось сражаться самостоятельно, так как управление ими было потеряно в первые же часы боя. В результате

⁷ Архив МО СССР, ф. 290, оп. 517179, д. 9, л. 62.

⁸ Там же, ф. 358, оп. 2593, д. 223, л. 51.

противник не сумел массированно использовать довольно значительные огневые средства, в первую очередь артиллерию и минометы.

Было около 23 часов, когда войска 36-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с 25-й гвардейской танковой бригадой овладели всей северной частью города. Действуя решительно и смело, наши пехота и танкисты продолжали громить врага, очищая от него квартал за кварталом. Основная тяжесть уличных боев легла на 16-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Обо всем этом было немедленно доложено командующему фронтом. Выслушав меня, генерал И. Д. Черняховский выразил глубокое удовлетворение.

— Прошу передать от имени Военного совета фронта, — сказал Иван Данилович, — благодарность гвардейцам за столь быстрое взятие Орши.

Командующий фронтом сообщил, что удар на Оршу с тыла содействовал ускорению наступления 31-й армии и что теперь ее 74-й стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта П. К. Кошерева приближается к городу с востока и юго-востока. Ему было приказано немедленно войти в Оршу, с тем, чтобы мы свой 36-й гвардейский стрелковый корпус вывели во второй эшелон армии для подготовки удара на Борисов.

Тем временем борьба за Оршу продолжалась. 84-я гвардейская стрелковая дивизия с 25-й гвардейской танковой бригадой овладели западной частью города, 16-я — северной, включая железнодорожную станцию. К часу ночи части 11-й гвардейской и вступившей в восточную часть города 31-й армий полностью очистили Оршу от противника⁹.

В ходе боев на подступах и в самом городе врагу было нанесено тяжелое поражение. Разгрому подверглись не только части 286-й охранной, 14-й и остатки 78-й штурмовой пехотных, но также и оказавшиеся здесь значительные силы 25-й моторизованной, 256-й и 299-й пехотных дивизий¹⁰.

В боях за Оршу противник потерял убитыми 1200, ранеными 2500 и пленными 100 солдат и офицеров. Вырваться из города удалось лишь небольшой группе солдат и офицеров во главе с командиром прекратившей существование 78-й штурмовой пехотной дивизии генералом Траутом. Но далеко они не ушли. Десять дней спустя эта группа была разгромлена, а оставшиеся в живых, в том числе и Траут, взяты в плен. В Орше наши войска захватили также значительные трофеи и среди них 37 артиллерийских орудий, 19 танков и бронемашин, около 2 тыс. винтовок, 81 пулемет, 155 тягачей и автомашин, 15 паровозов, 1215 вагонов, 23 военных склада и многое другое¹¹.

Но и это было не все. Дело в том, что, когда угроза вражескому оршанскому гарнизону усилилась, его командование попыталось

⁹ Там же, оп. 5916, д. 636, л. 70.

¹⁰ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 102.

¹¹ Там же, л. 71.

вывести часть боевой техники на запад. Но нам своевременно стало известно об этом, и в воздух поднялись самолеты 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии под командованием полковника С. Д. Пруткова (заместитель по политчасти — подполковник И. П. Гармаш). Они получили приказ воспрепятствовать движению вражеских эшелонов и выполнили его блестяще.

Первые же группы самолетов разбили головные эшелоны у ст. Толочин и разрушили пути на подходе к ней. Это привело к остановке эшелонов, следовавших позади. Вылетами последующих групп были разрушены пути вблизи станций Куханово, Погост и Заболотье. Лента движения оказалась расчленена на пять частей. Ни один из 25 вражеских эшелонов не мог маневрировать ни вперед, ни назад. В результате все они вместе с содержащимся в них военным имуществом были захвачены нами к востоку от ст. Толочин¹².

Боевые действия по овладению Оршей представляют значительный интерес в оперативно-тактическом отношении. Как мы видели, в ходе боев был осуществлен глубокий охват оршанской группировки с фланга и тыла, что значительно облегчило задачу штурмующих частей. Характерной чертой действий последних были стремительность и непрерывность ночного боя за город. Немаловажная особенность борьбы за Оршу заключалась и в том, что охват и последующие удары с фланга и тыла на стыке с соседней армией облегчили ее наступление с фронта.

Освобождение Орши имело не только оперативное, но и стратегическое значение. Как указывалось в приказе Верховного Главнокомандующего от 27 июня 1944 г., этот город являлся оперативно важным железнодорожным узлом и был превращен гитлеровцами в мощный бастион обороны, прикрывавший минское направление. В приказе также отмечалось, что он был освобожден войсками 3-го Белорусского фронта в результате стремительного обходного маневра в сочетании с фронтальной атакой. Наиболее отличившимися при этом были названы соединения под командованием генералов П. Г. Шафранова, А. С. Бурдейного, Г. Б. Петерса.

Вечером 27 июня столица нашей Родины Москва салютовала войскам, освободившим Оршу.

К Березине

Завершение разгрома оршанской группировки противника значительно улучшило условия для стремительного продвижения в направлении Борисов, Минск, начатого частями 8-го и 16-го стрелковых корпусов еще в ночь на 26 июня.

В то время, когда шли бои на подступах к Орше, а затем и в городе, эти корпуса безостановочно преследовали отступавшего врага. Он предпринимал отчаянные попытки оторваться от наших войск.

¹² Архив МО СССР, ф. 290, оп. 517179, д. 9, лл. 75—76.

Но это ему не удалось. В течение суток преследующие части армии разгромили на Минской автомагистрали пять отходивших колонн противника. Все оказывавшие сопротивление были уничтожены. На обочинах шоссе и в кюветах осталось много разбитой боевой техники врага. В плен было взято до 2 тыс. немецких солдат и офицеров, захвачено 30 исправных орудий, 45 минометов, 60 пулеметов¹³.

Успешно действовали 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус и вышедшая 27 июня в полосу нашей армии 5-я гвардейская танковая армия. Поддерживаемые с воздуха значительными силами авиации, они быстро продвигались вперед, громя и уничтожая врага.

Корпус генерала А. С. Бурдейного еще к исходу 26 июня вышел главными силами в район Коханова, расположенного в 28—30 км юго-западнее Орши. Не менее решительно действовал он и в ночь на 27 июня. К утру 4-я гвардейская танковая и 4-я гвардейская мотострелковая бригады, которыми командовали соответственно полковники О. А. Лосик и М. С. Антипин, овладели Старосельем.

В этом районе на пути корпуса оказалась значительная группа фашистских войск, пытавшихся пробиться к Минскому шоссе и далее на запад. Танкисты полностью разгромили ее. При этом им хорошо помогла авиация. Летчики 1-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии, действуя группами по 12—16 самолетов Ил-2, атаковали с воздуха группировку врага и рассеяли ее. Вслед за тем удар нанес самоходно-артиллерийский полк под командованием майора Т. П. Зотова. Он уничтожил 15 вражеских танков и штурмовых орудий. А отдельный дивизион реактивных минометов, которым командовал майор Шилов, накрыл залпом «катюш» большую колонну пехоты и боевой техники гитлеровцев¹⁴.

Не прекращалось преследование и 27 июня. Теперь мы настигали большей частью небольшие вражеские подразделения. Многие из них не представляли собой организованной силы. Но те, где еще уцелели офицеры, все же пытались как-то упорядочить свой отход. Они двигались более или менее организованно, используя лесные массивы и даже отводя с собой боевую технику, особенно на конной тяге. Но это удавалось далеко не всем. Наши части прочесывали леса, окружали такие группы и, нанеся по ним огневые удары, вынуждали гитлеровцев сдаваться в плен.

Представление о положении отступавших гитлеровцев дают ниже следующие дневниковые записи некоторых из них, понавшие затем в наши руки.

Вот что писал, например, командир роты 12-го полка отходившей перед нами немецкой 31-й пехотной дивизии: «27 июня. Все катится вспять. Последние силы еще ведут тяжелые бои, прикрывая мост. Все отступают. Машины увешаны людьми. 28 июня. Продолжаем отход. Русские все время стараются обогнать параллельным пре-

¹³ Там же, ф. 322, оп. 5916, д. 636, л. 91.

¹⁴ «Освобождение Белоруссии». М., 1970, стр. 595, 596.

следованием. Величайшее напряжение. Партизанами разрушены все мосты».

У одного из плененных была обнаружена в дневнике такая запись, датированная 27 июня: «Начался путь кошмаров и ужасов. На дорогах дикое пробки. Паническое бегство. Танки русских преграждают дороги отхода. Капитан фон Энгель сбежал. Авиация русских непрерывно сеет смерть с неба. Русские все время опережают нас параллельным преследованием. Партизаны разрушают мосты»¹⁵.

Партизаны... Они, действительно, оказывали огромную помощь нашим наступающим войскам. Белорусская земля все три года оккупации горела под ногами фашистских захватчиков. Партизанские отряды республики насчитывали более 300 тыс. бойцов, которые имели хорошо налаженные связи с «Большой землей», регулярно получали оттуда оружие и боеприпасы, выполняли боевые задачи, поставленные командованием фронтов и армий.

Особенно усилилось взаимодействие белорусских партизан с наступающими войсками Красной Армии в период подготовки и проведения Белорусской операции. С 1 января по 11 июля 1944 г. им было доставлено через линию фронта свыше 1150 т боевых грузов¹⁶, которые были умело использованы партизанами для борьбы с врагом и в особенности для массового разрушения его коммуникаций. Так, по свидетельству одного из офицеров гитлеровского генштаба, белорусскими партизанами только в ночь на 20 июня 1944 г. «было произведено 10 500 взрывов. В результате этого переброска немецких оперативных резервов была задержана на несколько дней»¹⁷.

Характерно, что после начала Белорусской операции партизаны перешли к совершенно противоположной тактике. Продолжая громить врага, они в тех же самых районах, где недавно взрывали коммуникации противника, теперь помогали их восстанавливать, тем самым способствуя быстрейшему продвижению наступающих советских войск¹⁸. К взрывам мостов они в этот период прибегали лишь в исключительных случаях, только тогда, когда это помогало воспрепятствовать отходу разбитых немецко-фашистских частей.

Таким образом, помощь партизан была всесторонней. Она в немалой степени содействовала и быстрейшему разгрому отходившего противника в полосе нашей армии.

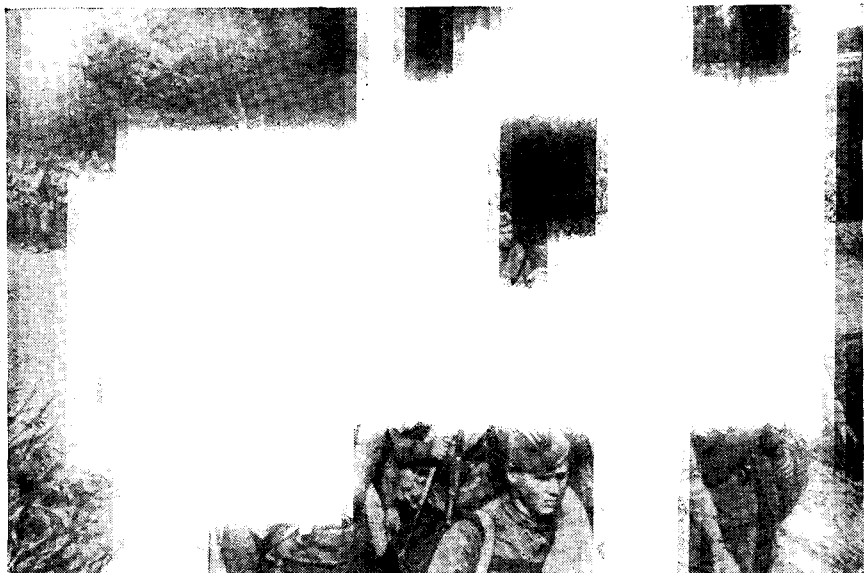
Нередко обходилось и без боя. Немецкие офицеры, поняв, что их подразделения отрезаны и что сопротивление бесполезно, выходили сами или посылали парламентариев к нашим частям с предложением о сдаче. И тогда можно было наблюдать такую картину: колонна в несколько десятков, а то и до сотни немецких солдат, сдав оружие, спускается строем во главе с офицером под конвоем одного-двух наших бойцов в пункт приема военнопленных.

¹⁵ «Красная звезда», 11 октября 1944 г.

¹⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4. М., 1962, стр. 477.

¹⁷ Э. Миддельсдорф. Тактика в русской кампании. М., 1958, стр. 344.

¹⁸ «Освобождение Белоруссии. 1944», стр. 172.

Гвардейцы на дорогах наступления

Несмотря на зверства, которые чинили фашистские оккупанты на нашей земле, к пленным советские воины относились гуманно. На сборных пунктах они получали горячую пищу. Раненым оказывалась медицинская помощь в специальных лазаретах или в соответствующих отделениях при наших госпиталиях. При этом использовался немецкий медицинский персонал из числа военнопленных, работавший, за редким исключением, добросовестно.

Поскольку организованного сопротивления в полосе армии теперь уже не было, дивизии наступали колоннами, во главе которых шли авангардные полки с артиллерией и саперами.

В облаках пыли, под нестерпимо жарким июньским солнцем, шагали форсированным маршем гвардейцы, преследуя врага. Впереди авангардных полков двигались передовые стрелковые батальоны с саперами, посаженные на автомашины и усиленные танками и самоходными орудиями. Они и обгоняли отходящие немецкие подразделения, сбивали их с дорог и загоняли в леса, где гитлеровцы попадали в руки отрядов прочесывания.

Учитывая слабое сопротивление противника, мы также изъяли большую часть средств усиления — артиллерийские, танковые, саперные части — и вывели их в армейский резерв для небольшого отдыха и текущего ремонта материальной части перед дальнейшим наступлением.

К исходу 27 июня завершился второй этап операции. Если первый, как уже отмечалось, длился трое суток вместо двух, то второй, трех-

дневный, наоборот, был осуществлен армией в два дня. Ее войска полностью выполнили поставленную на этот период задачу, выйдя на рубеж Оболицы, Перевалочная в 6 км западнее Коханова¹⁹. Особенность этого этапа состояла и в том, что наряду с достижением ранее намеченных целей частью сил была выполнена и дополнительная задача по овладению г. Орша.

Командование 3-го Белорусского фронта высоко оценивало действия войск 11-й гвардейской армии в этот период. В одном из отчетных документов штаба фронта они были охарактеризованы следующим образом: «11-я гвардейская армия, несшая основную тяжесть прорыва наиболее прочной и плотно занятой противником обороны на оршанском направлении, своевременно использовала обозначившийся на ее правом фланге успех. Непрерывно нависая с севера над оршанской группировкой немцев, она отбросила остатки ее в леса южнее Орши и открыла для наших войск основное операционное направление в полосе фронта на Борисов, Минск»²⁰.

28 июня войска армии, наступая на Борисов, продолжали преследовать противника. Этому в значительной мере содействовало стремительное продвижение 5-й гвардейской танковой армии. Еще во второй половине 27 июня она, наступая с северо-востока, вошла в полосу нашей армии. К 19 часам того же дня ее головной 3-й гвардейский танковый корпус, которым командовал генерал И. А. Вовченко, овладел г. Толочин на Минской автомагистрали и тем самым вышел в тыл оборонявшейся перед нами группировки противника²¹.

Оказавшись под угрозой окружения, враг и здесь поспешно начал отходить. Но и на этот раз оторваться от наших наступающих войск не сумел. В ходе преследования части армии 28 июня разгромили несколько крупных отрядов противника.

Один из них, насчитывавший до 1 тыс. человек и имевший на вооружении минометы и штурмовые орудия, был уничтожен к северо-востоку от населенного пункта Бобр. Другой, численностью около 600 солдат и офицеров с боевой техникой, разгромила 83-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала А. Г. Маслова. Здесь среди взятых в плен оказался и командир 95-й пехотной дивизии генерал-майор Михаэлис.

В этот же день 171-й гвардейский стрелковый полк 1-й гвардейской стрелковой дивизии умелым маневром охватил с флангов другой отходивший вражеский отряд и почти полностью уничтожил его. На поле боя осталось 250 убитых гитлеровцев. Было захвачено 150 пленных, 3 штурмовых и 9 полевых орудий, 7 минометов, 14 пулеметов.

В преследовании в основном участвовали два наших корпуса. Это объяснялось тем, что войска 31-й армии в тот день вышли лишь к

¹⁹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 636, л. 72.

²⁰ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 109.

²¹ Там же, ф. 332, оп. 14093, д. 20, л. 34.

А. Г. МАСЛОВ

Н. Л. ВОЛКОВ

р. Друть южнее Толочина, отстав от наших левофланговых дивизий на 30 км. И мы были выпущены вести 36-й гвардейский стрелковый корпус уступом с основной задачей обеспечивать левый фланг армии. Ведь крупная могилевская группировка противника, находившаяся южнее, еще не была разгромлена и, несомненно, могла предпринять попытку прорваться на запад, в том числе и в стыке 11-й гвардейской и 31-й армий.

Частично обеспечивал наш левый фланг и 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. 28 июня он форсировал Друть и вел бой западнее Круглого в полосе 31-й армии.

За первые три дня преследования противника войска армии с боями прошли на запад до 90 км, освободили свыше 700 населенных пунктов. Местное население встречало советских воинов горячо, с восторгом. Радуюсь избавлению от ада оккупации и благодаря за освобождение, жители городов и сел вместе с тем рассказывали о кровавых преступлениях фашистских захватчиков, давали гвардейцам наказ беспощадно покарать врага.

А в ответ на коротких, длившихся буквально считанные минуты митингах, стихийно возникавших повсюду, где уцелело хотя бы несколько жителей, бойцы и командиры давали матерям расстрелянных и повешенных, детям казненных и замученных патриотов клятву выполнить их наказ. И снова стремительно шли вперед. Отступавших гитлеровцев громили, оборонявшихся — обходили и, выйдя им в тыл, заставляли прекратить сопротивление или уничтожали.

Об успехе преследования говорят следующие цифры. Если в течение первых трех дней наступления части и соединения армии взяли всего 315 пленных, то за следующие три дня их число достигло уже 6800, что составило свыше трети всего количества пленных, захваченных за это время войсками фронта (18 076). Среди трофеев нашей армии были 267 орудий и минометов, 300 пулеметов, 25 танков и штурмовых орудий²².

К исходу дня 28 июня наступавшие дивизии 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов вышли на рубеж оз. Селява, Бобр. Больших успехов достигла и соседняя справа 5-я армия генерала Н. И. Крылова. Ее войска наступали вслед за конно-механизированной группой под командованием генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского, которая за пять суток продвинулась на глубину до 180 км и 28 июня вышла своими передовыми частями к р. Березина в районе оз. Палик и южнее.

К тому времени наступавшая в полосе нашей армии 5-я гвардейская танковая армия маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова, продвигаясь на Борисов, вела в районе Крунки бои с перебросенной сюда 5-й танковой дивизией противника.

Такова была обстановка, когда поздно вечером 28 июня позвонил генерал И. Д. Черняховский. Поздравив с присвоением мне постановлением правительства звания генерал-полковника, он сказал, что теперь ближайшая задача 11-й гвардейской армии — форсировать с ходу Березину и овладеть Борисовом. Подробности, как он сообщил, будут даны утром письменно.

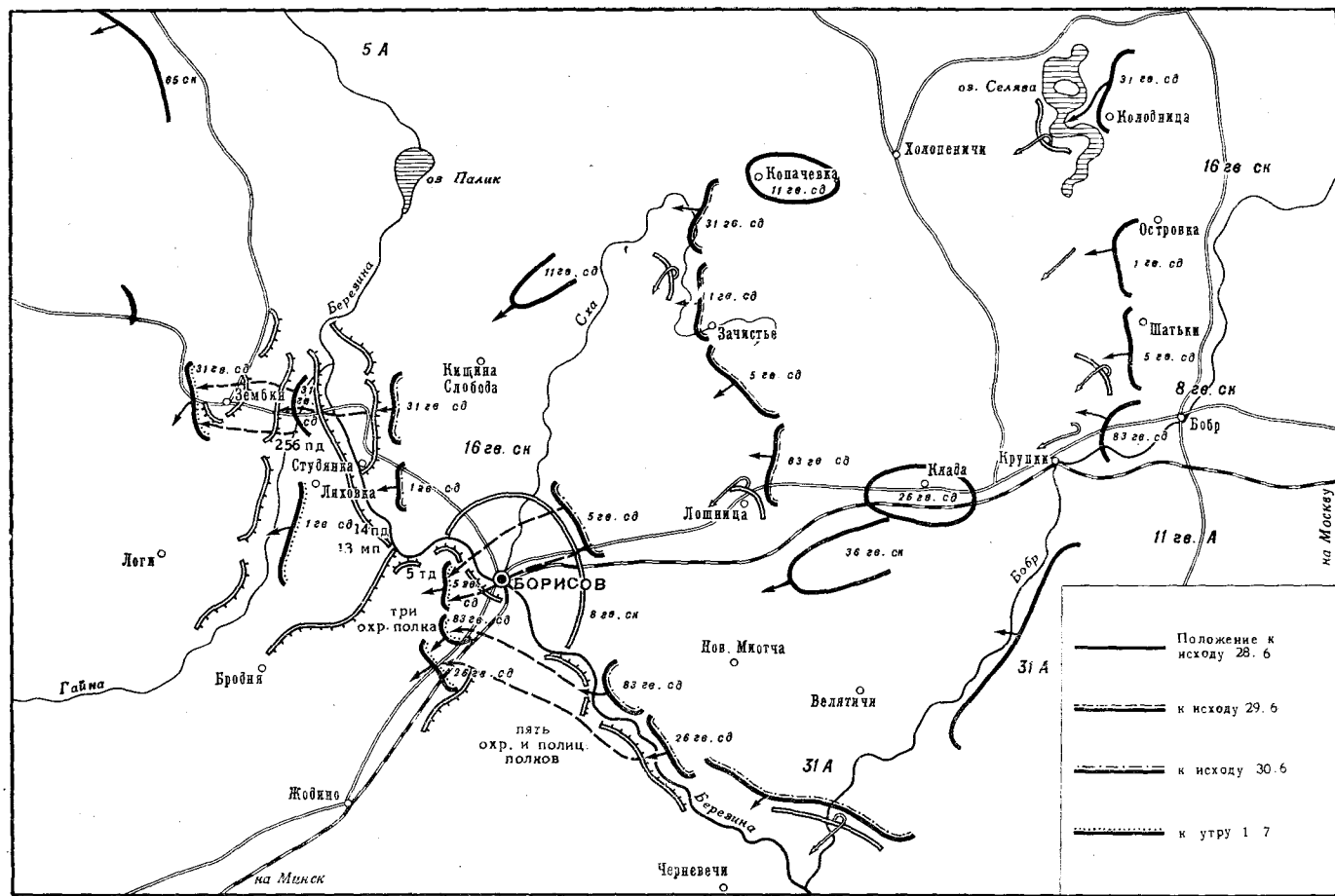
Дело в том, что в тот день Ставка поставила 3-му Белорусскому фронту новые большие задачи. Обходя встречающиеся вражеские опорные пункты, его войска должны были с ходу форсировать Березину и, стремительно развивая наступление, не позднее 7—8 июля освободить Минск во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом, а правым крылом — Молодечно²³. Одновременно и войска 1-го Белорусского фронта, которым предстояло наступать на Слуцк, Барановичи, получили задачу частью сил нанести удар на Осиповичи, Минск. Это должно было обеспечить, по замыслу Верховного Главнокомандования, не только освобождение Минска, но и окружение к востоку от него войск 4-й и части сил 3-й танковой армий противника.

Важным этапом выполнения этой задачи являлось форсирование Березины войсками фронта, в том числе и нашей армией, а также взятие ею Борисова — важного узла дорог, превращенного гитлеровцами в мощный центр обороны на минском направлении.

Через Борисов проходят железнодорожная и автомобильная магистрали Москва — Минск. Поскольку же город стоит на западном берегу Березины, то овладению им должно было предшествовать форсирование этой реки.

²² «Сборник материалов по изучению опыта войны», 1945, № 18, стр. 73.

²³ Архив МО СССР, ф. 3, оп. 11556, д. 15, л. 313.

Положение войск 11-й гвардейской армии и форсирование р. Березины

В то же время преодоление ее представляло серьезные трудности как раз потому, что на западном берегу в районе Борисова противник заранее подготовил сильный оборонительный рубеж. Он состоял из двух-трех линий траншей полного профиля с большим количеством площадок для пулеметов, огневых позиций для артиллерии и минометов и был прикрыт на всем протяжении полосой инженерных заграждений. Пространство поймы простреливалось всеми огневыми средствами противника, которые особенно плотно располагались на участках, где имелись переправы или удобные подходы к реке.

Этот рубеж проходил по Березине и севернее — до Бегомля, а южнее — до Березино. Наиболее же мощные укрепления были созданы на линии Зембин, Новый Борисов, Борисов. Все эти населенные пункты стали крупными узлами обороны, удержанию которых немецко-фашистское командование придавало большое значение.

Сюда оно подтягивало и резервы из оперативной глубины. Так по данным нашей разведки, только 28 и 29 июня к Березине в полосу наступления армии прибыли 13-й моторизованный полк и разведывательный отряд 5-й танковой дивизии, 531, 350 и 53-й отдельные охранные полки, 2, 24 и 26-й полицейские полки, 362-й строительный батальон, 28-й бронепоезд, 11-й артиллерийский дивизион резерва главного командования, 514-й строительный батальон и другие части²⁴.

Всего же вместе с остатками разбитых и отступавших частей противник собрал в полосе нашего наступления до четырех-пяти дивизий.

Это была серьезная сила. Тем более, что нашим войскам предстояло наступать по открытой местности, а противник засел в укреплениях. Поскольку же этот рубеж являлся наиболее сильным и удобным для обороны, то гитлеровцы полагали, что здесь сумеют остановить наше наступление и потому готовились действовать с большим упорством.

Все это учитывалось нами при подготовке удара на Борисов. Знали мы также, что Березина с ее заболоченной поймой шириной в 1—2 км была серьезной водной преградой, особенно для танков и артиллерии. К тому же нас пока отделяло от нее довольно значительное расстояние — более 40 км. Причем на пути к реке находилось еще немало вражеских сил, правда, разрозненных и отступающих под ударами войск армии, но все же способных оказать сопротивление на отдельных участках, главным образом на дорогах к переправам, куда они и спешили.

Последнее и нужно было нам использовать для достижения успеха. Речь шла о том, чтобы, стремительно преследуя и уничтожая отходящие части противника, на плечах их остатков с ходу преодолеть реку.

Этот замысел был положен в основу принятого мною решения. Другим важным условием представлялось форсирование реки на

²⁴ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 645—649, л. 119.

всем 50-километровом фронте наступления армии — от оз. Палик до населенного пункта Новоселки. Расчет строился на том, что в такой сравнительно широкой полосе противник не сумеет обеспечить мощного сплошного фронта обороны и будет вынужден группировать свои войска у переправ и бродов, создавая там предмостные укрепления. Мы же намеревались сковывать его, нанося одновременно удары по наиболее слабым участкам, и форсировать реку в местах, где враг уже не сможет этому серьезно помешать.

Чтобы обеспечить реализацию этого плана, имевшего целью преодолеть Березину с ходу, задачи войскам были поставлены еще в ночь на 29 июля, когда мы, как отмечено выше, находились в нескольких десятках километров от реки.

16-му гвардейскому стрелковому корпусу приказывалось форсировать Березину на 12-километровом участке совхоз Веселово, Бытча 36—8 км северо-западнее Борисова). При этом он должен был действовать, имея в первом эшелоне 31-ю и 1-ю гвардейские стрелковые дивизии, а во втором — 11-ю. 8-му гвардейскому стрелковому корпусу надлежало преодолеть реку на участке Борисов, Новоселки, протяженность которого превышала 20 км. Поэтому ему было приказано иметь в первом эшелоне все три дивизии — 5, 26 и 83-ю. 36-й гвардейский стрелковый корпус продолжал двигаться во втором эшелоне армии. Ему по-прежнему приходилось обеспечивать ее левый фланг, так как разрыв между нами и 31-й армией, вышедшей пока лишь к р. Бобр южнее Крупки, все еще составлял до 20 км²⁵.

Наступление к Березине спланировали таким образом, чтобы оно велось широким фронтом. Каждая дивизия первого эшелона должна была иметь в первом эшелоне два полка, продвигающихся по параллельным дорогам. Третий наступал во втором эшелоне и предназначался для наращивания удара.

Дивизиям приказывалось выслать вперед специальные группы во главе с опытными офицерами. Их задача состояла в том, чтобы разведать реку, местные переправочные средства и определить удобные для форсирования места. Одновременно должны были действовать сильные передовые отряды, имеющие в своем составе саперов и предназначенные для захвата переправ и очистки подходов к реке от мин. Артиллерии и авиации ставились задачи мощным огнем ударом подавить огневую систему и живую силу противника на западном берегу реки и воспрепятствовать подходу вражеских резервов из глубины.

Временем на подготовку форсирования мы не располагали. Поэтому основным было требование провести ее, не только не прекращая, но и непрерывно усиливая преследование противника. Командиры корпусов были предупреждены, что и при выходе к реке никакой паузы не будет, форсирование начнется без промедления.

И действительно, вся подготовка проводилась на ходу. Незадолго до этого выведенные в резерв части усиления были возвращены в те

²⁵ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 216, л. 9.

же стрелковые дивизии и догоняли их на дорогах наступления. О взаимодействии договаривались на коротких привалах. Тут же инструктировали командиров подразделений, а те, в свою очередь, готовили бойцов к предстоящему форсированию реки на подручных средствах. Инженерные части подготавливали понтоны для переправы боевой техники, лодки. Им пришлось заранее запастись даже материалом для плотов и гатей, так как произведенная аэрофотосъемка показала, что гитлеровцы вырубili весь крупный лес вблизи реки.

Необходимо отметить, что подготовке переправочных средств мы уделяли особое внимание. Все армейские и приданные на усиление инженерно-саперные части со своим переправочным парком и другими средствами были заблаговременно выведены на линию стрелковых дивизий первого эшелона корпусов. Тщательно разработали также план форсирования и строительства переправ.

Выполняя поставленную задачу, войска армии сочетали подготовку к форсированию со стремительным преследованием врага. Причем с утра 29 июня темп продвижения значительно усилился. Настигая и громя разрозненные группы отступающих гитлеровцев и обходя сильно укрепленные опорные пункты, дивизии 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов к вечеру приблизились к Березине на 20—25 км.

Короткий привал, и на рассвете 30 июня войска армии возобновили преследование противника, имея группировку в соответствии с предстоящей задачей форсирования Березины.

Несмотря на усталость, бойцы и командиры были охвачены высоким наступательным порывом. Большую помощь оказывали местные жители, среди которых было много партизан. Они указывали передовым частям наиболее удобные пути движения, сообщали важные данные о местонахождении отрядов врага.

Борисов — Минск

Армейский наблюдательный пункт уже был развернут в районе Бол. Ухолоды, в 5—6 км юго-восточнее Борисова. Когда мы с генералом П. Н. Куликовым и несколькими офицерами штаба приехали туда, саперная рота только что закончила работу. Ее командир сообщил, что часом раньше сюда вышла группа гитлеровцев, пытавшаяся пробиться к реке. Пришлось саперам отставить в сторону топоры и лопаты и взяться за оружие. Схватка была недолгой — наши саперы умели сражаться не хуже пехоты.

Вспоминаю об этом для того, чтобы яснее представить обстановку, в которой происходил выход наших войск к Березине. К востоку от нее еще находились большие и малые группы войск противника. Таким образом, наши соединения в ходе стремительного преследования упредили значительную часть отступавших гитлеровцев в выходе к Березине. Некоторые отряды противника были настигнуты в момент, когда они пытались переправиться за реку.

А так как среди них были и довольно крупные, причем им оказывалась поддержка с противоположного берега, то на подступах к Березине разгорелись напряженные бои с отчаянно сопротивлявшимся врагом. Крупная группа немецко-фашистских войск, состоявшая из частей разбитых соединений, яростно оборонялась на рубеже р. Сха в 2—3 км восточнее Борисова. Наступавшая здесь 5-я гвардейская стрелковая дивизия вступила в бой, продолжавшийся несколько часов.

Тем временем передовые отряды 31, 1, 83 и 26-й гвардейских стрелковых дивизий, сломив сопротивление на своих участках, с боями прорвались к реке. Вслед за ними вышли сюда и инженерно-саперные подразделения, сразу же приступившие к подготовке переправ, а затем и главные силы дивизий первого эшелона.

Одновременно с передовыми частями к реке выходила и артиллерия. Она с ходу занимала огневые позиции.

В 16 часов мной было приказано открыть артиллерийский огонь по противнику, оборонявшемуся по западному берегу. За этим последовал мощный бомбовый удар с воздуха. В 17 часов части четырех дивизий первого эшелона стрелковых корпусов армии начали форсирование Березины на широком фронте.

Из-за облаков тотчас же вынырнули вражеские бомбардировщики, пытавшиеся бомбардировкой помешать переправе. Но их встретили патрулирующие в воздухе наши истребители. Они решительно атаковали врага. В 16 воздушных боях, развернувшихся во второй половине дня, участвовало с нашей стороны до 70 истребителей и 12 штур-

Стрелковое подразделение, форсировав Березину, выходит на берег, занятый противником

мовиков, а со стороны противника — 65 самолетов Ме-109 и ФВ-190, около 45 Ю-87 и Ю-88. Как факелы, падали на землю горящие самолеты врага. В этих воздушных боях было сбито 22 самолета противника²⁶.

Одной из первых форсировала Березину 1-я гвардейская стрелковая дивизия.

Для нее это знаменательное событие имело особый смысл. Ведь именно она вместе с курсантами Борисовского танкового училища в первых числах июля 1941 г. в течение четырех дней упорно оборонялась под Борисовом, не допустив тогда быстрого форсирования реки танковой группой Гудериана. И последний надолго запомнил эту встречу на Березине. Даже в своих послевоенных воспоминаниях он не преминул заметить, что при «атаке русскими танками и самолетами переправы на Березине у Борисова... 18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они впервые применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слишком слабы»²⁷.

И вот теперь, три года спустя, прославленная 1-я Московская гвардейская стрелковая дивизия, героически сражавшаяся во многих битвах, сначала оборонительных, а затем наступательных, вновь пришла на свой прежний рубеж, чтобы и дальше гнать врага прочь с родной земли. И знаменательно, что как раз в районе Бытча, севернее Борисова, где в июле 1941 г. один из ее полков — 6-й мотострелковый — надолго задержал рвавшегося на восток врага, эта дивизия 29 июня 1944 г. с ходу форсировала Березину.

Поддерживаемые огнем артиллерии, ее стрелковые подразделения на подручных средствах и вплавь стремительно преодолели реку. Одновременно на заранее заготовленных небольших плотках были переправлены пулеметы, минометы и боеприпасы, а затем и батальонная и полковая артиллерия.

Оборонявшийся на этом участке пехотный полк противника оказывал сильное огневое сопротивление.

Однако сосредоточенными ударами артиллерии и минометов, решительными действиями частей дивизии он был подавлен и отброшен от Березины, а затем и от следующей реки — Гайны.

Безостановочно наступая в этом междуречье, в обход Борисова, наши части отрезали оборонявшейся в городе группировке врага пути отхода на северо-запад.

Севернее Бытчи, у совхоза Веселово, форсировала Березину 31-я гвардейская стрелковая дивизия. Ее передовые части переправлялись также под огнем на складных лодках, плотках и подручных средствах.

В ту же ночь части 16-го гвардейского стрелкового корпуса форсировали и р. Гайну. Здесь саперы быстро восстановили подорванный гитлеровцами мост в районе Зембина. Это дало возможность перебро-

²⁶ Архив МО СССР, ф. 290, оп. 3284, д. 689а, л. 155.

²⁷ Г. Гудериан. Воспоминания солдата. М., 1954, стр. 156.

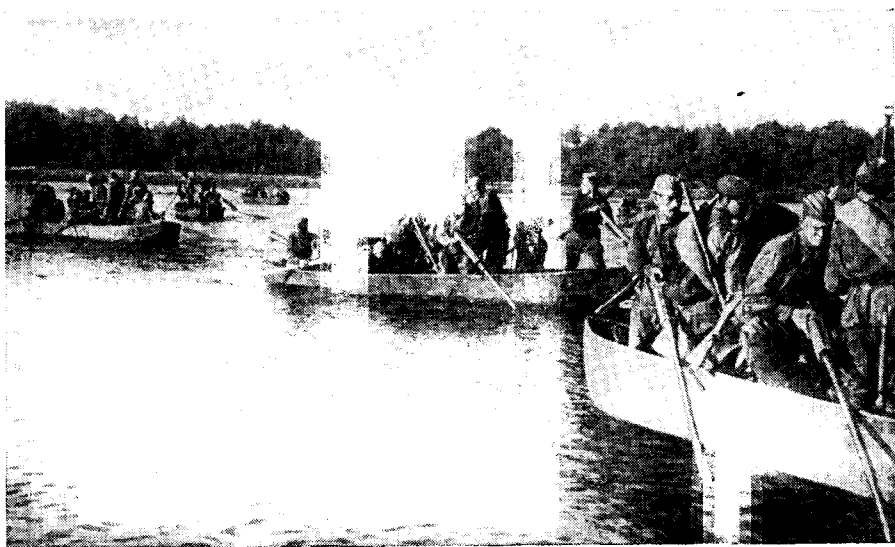
силь по нему вторые эшелоны и всю артиллерию 31-й и 1-й гвардейских стрелковых дивизий, а затем и второй эшелон корпуса — 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Еще до рассвета, к 2 часам 1 июля, наши части овладели Зембином и мощным опорным пунктом противника Ляховкой.

Хуже обстояло дело в районе Борисова. Город был основательно укреплен противником, сумевшим организовать достаточно сильную оборону и быстро маневрировавшим своими немногочисленными резервами с целью удержать наиболее важные участки реки. На окраинах города имелись окопы полного профиля, доты и дзоты. В центре города все каменные здания были приспособлены к длительной обороне. Благоприятствовали врагу и условия местности, особенно заболоченные долины р. Сха, впадающей в Березину у самого города.

Здесь наступала 5-я гвардейская стрелковая дивизия. Преодолев болотистые участки, что потребовало немалых усилий, ее части сбили врага с рубежа, проходившего по р. Сха и южнее. Поздно вечером они прорвались к городу и атаковали гитлеровцев на восточной окраине. Начались ожесточенные уличные бои, часто переходившие в рукопашные схватки. Нашей пехоте пришлось действовать без поддержки танков и дивизионной артиллерии, которые к тому времени еще не были переправлены. Поэтому главным оружием атакующих являлись автоматы и ручные гранаты, а также батальонные и полковые орудия.

Но вот уже форсировала Березину южнее Борисова 83-я гвардейская стрелковая дивизия. Она должна была наступать на запад. Однако для усиления удара по борисовской группировке врага командир

Форсирование Березины

8-го гвардейского стрелкового корпуса генерал М. Н. Завадовский нацелил и эту дивизию на Борисов. Обойдя его частью сил, 83-я гвардейская нанесла удар с юга в тыл борисовской группировки. Командир дивизии генерал А. Г. Маслов, понимая, что решающую роль имела стремительность действий, ввел в бой все свои резервы.

Одновременно 5-я гвардейская продолжала громить гитлеровцев с востока. К ночи подоспела и дивизионная артиллерия, обрушившая на противника мощный огонь. Это значительно ускорило продвижение стрелковых подразделений от окраин к центру города.

Упорные бои за Борисов, за переправы, да и на подходах к реке, где противник в ряде мест попытался задержать наши войска, изобиловали многими примерами героизма и воинского мастерства. Даже на тех участках, где борьба велась при численном превосходстве врага, наши воины неизменно наносили ему поражение.

В этом отношении показателен один из боев на восточных подступах к городу.

Здесь наступал 12-й гвардейский стрелковый полк 5-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием подполковника Н. П. Титова. Его стрелковые подразделения при поддержке артиллерии атаковали опорный пункт, который удерживался отрядом противника численностью более полка. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Мужественно действовала группа бойцов во главе с заместителем командира полка по строевой части подполковником Н. Ф. Борис. Сам он застрелил из пистолета шестерых гитлеровцев, а когда кончились патроны, выхватил винтовку у одного из фашистов и штыком заколол еще четверых.

Командир 2-го батальона капитан В. В. Самович вместе со своим связным рядовым Перепелко и группой бойцов ворвались в гущу боя и огнем автоматов уничтожили до 40 вражеских солдат. Отважно сражалось отделение сержанта Строева. Прижав к топкому болоту до 70 солдат противника, наши воины в короткой схватке уничтожили их. Другую вражескую группу численностью до 200 человек истребила 2-я стрелковая рота по командованием старшего лейтенанта Осипова²⁸.

Так сражался весь полк. Стремительными и умелыми действиями его подразделений численно превосходящий вражеский отряд в течение 30—40 минут был разбит, потеряв 900 человек убитыми и 105 пленными. Полк захватил 40 пулеметов, 12 минометов, 11 орудий, сотни винтовок и автоматов²⁹.

Подобных примеров немало. В связи с этим отмечу, что бой на коротких дистанциях, переходящий в рукопашную схватку, не раз давал блестящие результаты. Ведь это такой бой, в котором, как нигде, все решают смелость, мужество, хорошая боевая подготовка каждого командира и бойца. А этих качеств нашим воинам не занимать. Вот почему при такой форме боя особенно ярко сказывалось наше

²⁸ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 275.

²⁹ Там же, л. 272.

преимущество над врагом даже в условиях его численного превосходства. И далеко не случайно в ходе всей войны гитлеровцы старались избегать рукопашных схваток с нашими войсками.

После четырехчасового боя, к 3 часам 1 июля, 5-я и 83-я гвардейские стрелковые дивизии, тесно взаимодействуя, полностью овладели Борисовом³⁰. Нашими частями были захвачены сотни пленных, 30 орудий, 11 танков и штурмовых орудий, 42 пулемета. Только убитыми противник потерял более тысячи человек³¹.

Разгромленные вражеские части заняли оборону в Ново-Борисове. Но и тут им не удалось долго продержаться. Совместными ударами полков 26-й и 83-й гвардейских стрелковых дивизий Ново-Борисов после скоротечных уличных боев был также очищен от противника.

К тому времени к Березине в район Бол. Ухолоды подошла правобережная 331-я стрелковая дивизия 31-й армии. Переправившись, ее части продолжали наступление в направлении Бродни, расположенной в 15—16 км юго-западнее Борисова³². Теперь левый фланг 8-го гвардейского стрелкового корпуса был достаточно обеспечен.

Кстати, это помогло разгромить еще одну значительную вражескую группу, оказавшуюся отрезанной нами к востоку от Березины.

Она была обнаружена в разгар боев за Борисов. В ночь на 1 июля мне доложили, что крупный отряд противника численностью до 4 тыс. солдат и офицеров, собранных из разрозненных остатков разбитых частей, движется лесами в 80 км к востоку от фронта и пытается организованно пробиться на Толочин. В числе его вооружения разведка обнаружила до 30 танков, 12 штурмовых орудий, значительное количество полевой артиллерии и минометов.

Выход такой крупной, хотя и изолированной, группы противника угрожал нашим коммуникациям. Поэтому для его немедленного уничтожения мы срочно организовали подвижную группу в составе 120-й танковой бригады, 1435-го самоходно-артиллерийского полка, 1-й гвардейской истребительно-противотанковой бригады и частей 152-го полевого укрепленного района, которая и двинулась на рассвете 1 июля в наш тыл, к Толочину. Обнаружив приближение этих частей, вражеский отряд поспешно повернул на юг, в полосу 31-й армии, где и был ею разгромлен.

1 июля по радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего, в котором объявлялась благодарность частям и соединениям 3-го Белорусского фронта, форсировавшим Березину и освободившим Борисов. В приказе отмечались успешные действия и 11-й гвардейской армии, а также ее соединений — 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерала М. Н. Завадовского, 83-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А. Г. Маслова, 26-й гвардейской — генерала Г. И. Чернова, 5-й гвардейской — полковника Н. Л. Волкова, 1-й гвардейской — полковника П. Ф. Толстикова и других частей.

³⁰ Там же, оп. 5916, д. 636, л. 86.

³¹ Там же.

³² Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 216, л. 42.

Следует отметить, что при форсировании Березины вновь проявили настоящую доблесть и умение инженерные войска армии, возглавляемые генерал-майором В. М. Зверевым. В трудных условиях, под огнем противника они сумели навести временные переправы, а затем и мосты, обеспечив быструю переброску войск за реку.

Выход на рубеж Березины и ее форсирование были успешно выполнены армией в течение восьми суток вместо десяти, предусмотренных планом операции. За это время армия с боями продвинулась более чем на 150 км, разгромила все противостоявшие вражеские силы, в том числе и введенные в сражение на р. Березине в районе Борисова.

Успешное форсирование реки и овладение этим городом обеспечило дальнейшее изменение в нашу пользу обстановки на данном направлении. У противника впереди, по крайней мере до линии Молодечно — Минск, заранее подготовленных оборонительных рубежей практически уже не было. Перед войсками 11-й гвардейской армии открылись пути на запад для дальнейшего стремительного преследования врага.

Как не вспомнить исторические события Отечественной войны 1812 г., когда русские солдаты под командованием М. И. Кутузова на Березине нанесли окончательное поражение армии Наполеона! И ныне эта река снова стала ареной разгрома захватчиков, свидетельницей боевой мощи и славы Красной Армии.

На рассвете 1 июля войскам 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов были поставлены задачи неотступно преследовать противника на западном берегу Березины.

В то же утро к нам приехал командующий фронтом. Выслушав мой краткий доклад о положении войск армии, он предложил мне поехать вместе с ним в район переправы через Березину у Борисова. Путь туда с нашего командного пункта вел по Минскому шоссе. И тут я увидел, что по обеим сторонам дороги в лесах и перелесках стоят многочисленные колонны замаскированных танков, самоходных орудий, бензозаправщиков и грузовых автомашин. То была 5-я гвардейская танковая армия.

— Вот так они стоят уже второй день, — хмурясь, говорил Иван Данилович. — А ведь передовые части танковой армии подошли к Березине вечером 29 июня, когда еще был цел мост у Борисова. Но в город прорваться удалось лишь одному танку. Мост был заминирован, и гитлеровцы тут же его взорвали. Отважный экипаж в одиночку несколько часов вел бой в городе... Вечная память и слава героям!

Позднее я узнал, что героическому экипажу — гвардии лейтенанту П. Н. Рак, гвардии сержантам А. А. Петряеву и А. И. Данилову посмертно было присвоено звание Героев Советского Союза³³. После войны в Борисове у нового моста через Березину им поставлен

³³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 180.

памятник. На высоком пьедестале стоит танк с поднятой в небо пушкой. Мемориальная доска повествует о подвиге героев.

Иван Данилович Черняховский, сам бывший танкист, тяжело переживал гибель отважного экипажа. В его словах чувствовалась и досада по поводу вынужденного бездействия 400 грозных танков и самоходных орудий, упершихся в Березину. Из замечаний командующего фронтом, а также из последующей информации следовало, что танковая армия, введенная в прорыв с рубежа железной дороги Витебск — Орша 26 июня, стремительно наступая, в тот же день овладела Толочином³⁴, но в последующем не проявила должной маневренности, излишне привязала свои действия к Минской автострате³⁵.

Впоследствии Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал об этом: «Все внимание, все усилия командования всех степеней 3-го Белорусского фронта были направлены в эти дни к скорейшему выходу основных войск фронта к Березине, к форсированию ее с ходу, с тем чтобы не позволить врагу изготавиться здесь к обороне. Хуже в этом отношении протекали события в 5-й гвардейской танковой армии. При данной обстановке исключительно важное значение для фронта и операции в целом имело стремительное развитие наступления этой армии с целью быстрейшего захвата переправ через Березину в районе Борисова и овладения Борисовом. Но, к сожалению, войска 5-й гвардейской танковой армии продвигались почти на уровне передовых частей соединений фронта...»³⁶

Иначе сложились действия приданного нашей армии 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса. Вечером 29 июня он вышел к Березине южнее Борисова, в районе Чернявки. При подходе его передовых частей к этому населенному пункту высланная вперед разведка обнаружила, что имевшийся здесь деревянный мост оборонялся противником по обоим берегам реки. Выяснилось, что гитлеровцы не только минировали его, но и установили на нем бочки с горючим для поджога.

Судьбу моста решали буквально секунды.

Поэтому головные танки стремительно вышли на опушку леса близ берега и открыли интенсивный огонь по оборонявшемуся противнику. В результате гитлеровцы, находившиеся у восточной части моста, были уничтожены, и враг успел взорвать лишь его западную часть. Тем временем отделение саперов во главе с сержантом Е. В. Анисимовым под прикрытием огня танковых пушек бросилось на горящий мост. Фашисты открыли стрельбу из пулеметов, но это не остановило наших доблестных воинов. Отделение сбило пламя и спасло восточную часть моста.

В это время саперы другого отделения, возглавляемые коммунистом сержантом Е. А. Бибиковым, несмотря на минометный огонь

³⁴ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 246, л. 6.

³⁵ Там же, д. 505, л. 110.

³⁶ «Освобождение Белоруссии. 1944», стр. 77—78.

врага, переплыли Березину и разминировали выходы с моста на западный берег. Боевыми действиями саперных подразделений руководил командир роты капитан Б. В. Овчинников. Вскоре враг, не выдержав огня, отошел, и саперы приступили к восстановительным работам.

При этом они проявили поразительную изобретательность и энергию. Вот как рассказал об этом впоследствии командир корпуса А. С. Бурдейный: «Мост длиной 600 м и высотой 8—12 м восстановить в течение короткого времени не было никакой возможности. Саперы решили эту задачу просто, но оригинально: сбили полусогревшие, частично взорванные сваи на разной высоте так, что когда положили опоры и настил, то получился крутой спуск на западную пойму реки. По пойме проложили колею из подручного материала, и боевая техника пошла... В течение дня 1 июля войска корпуса успешно переправлялись по этому внешне странно выглядевшему мосту, а командиры готовили задачи войскам по разгрому врага западнее Березины»³⁷.

Мост же у Борисова танковой армии ни спасти, ни восстановить не удалось.

И вот теперь мы с генералом И. Д. Черняховским стояли у его покореженных взрывом остатков. Вскоре сюда подъехал и Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Командир 2-й гвардейской инженерно-саперной бригады полковник Р. М. Солдатенков доложил, что его части к исходу дня закончат строительство низководного моста грузоподъемностью 60 т и 30-тонного наплавного моста. Добавил, что работам усиленно препятствует авиация противника, наносящая время от времени бомбовые удары по сооружаемым переправам.

Выслушав, Александр Михайлович обратился ко мне:

— Сколько строите переправ?

— Семь.

— А где в настоящее время находятся части армии?

— После форсирования Березины и взятия Борисова дивизии 16-го гвардейского стрелкового корпуса продвинулись примерно на 15 км и сейчас наступают западнее Зембина. 8-й гвардейский стрелковый корпус форсирует Гайну, 2-й гвардейский танковый — подходит к району Струпень.

А. М. Василевский распорядился немедленно прикрыть строительство переправ истребителями и зенитной артиллерией, а также вне всякой очереди переправить части танковой армии. Он пояснил, что ей ставится задача освободить Минск к исходу завтрашнего дня.

Действительно, форсировав Березину и слолив сопротивление противника на ее западном берегу, войска 3-го Белорусского фронта уже 1 июля открыли себе путь к Минску.

По решению, принятому генералом И. Д. Черняховским, армиям предстояло развивать наступление в западном направлении. Войскам левого крыла фронта — 5-й гвардейской танковой армии, 2-му гвар-

³⁷ «Освобождение Белоруссии. 1944», стр. 599.

дейскому Тацинскому танковому корпусу приказывалось овладеть столицей Белоруссии не позже исхода дня 2 июля. В освобождении Минска должны были участвовать передовыми частями также 11-я гвардейская и 31-я армии. Нам, в частности, предстояло выслать вперед сильный отряд для совместных действий с корпусом генерала А. С. Бурдейного.

Бои на подступах к Минску носили исключительно упорный и ожесточенный характер. Поэтому лишь на рассвете 3 июля в город с востока ворвался 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус, а с северо-востока к нему подошли переброшенные на автомашинах части 1-й Московской гвардейской стрелковой дивизии, составлявшие передовой отряд 11-й гвардейской армии³⁸.

Четыре часа спустя на юго-восточную окраину Минска вступили также войска 1-го Белорусского фронта, сначала — части 1-го гвардейского Донского танкового корпуса под командованием генерала М. Ф. Панова, а затем и 3-й армии.

Это был исторический день. Замкнулось кольцо окружения, внутри которого восточнее Минска оказалась более чем 100-тысячная группировка 4-й полевой и частично 3-й танковой армии противника, включавшая войска, отброшенные стремительным продвижением 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов. В общей сложности были блокированы остатки девятнадцати пехотных, трех моторизованных, танковой, двух зенитных и охранной дивизий, большое количество различных отдельных частей с многочисленной боевой техникой. Немецкие войска, потеряв управление и перепутавшись между собой, тщетно метались по лесным дорогам в поисках выхода из минского «котла».

Окружение столь крупной вражеской группировки в оперативной глубине обороны в 200—250 км от прежнего переднего края было достигнуто в ходе войны впервые. Последующий разгром ее был осуществлен в течение одной недели одновременно с дальнейшим стремительным продвижением наших войск дальше на запад. Через две недели, 17 июля 1944 г., по центральным улицам Москвы под конвоем прошли 57 600 пленных гитлеровских солдат и офицеров во главе с 22 генералами. Большинство из них было взято в минском «котле».

А столица Советской Белоруссии еще 3 июля была полностью очищена от противника. В этот же день 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус был переподчинен 31-й армии и вместе с частью ее сил продвинулся на запад от города на 10—12 км.

Отличившимся при освобождении Минска войскам столица нашей Родины Москва салютовала 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Большое количество соединений и частей приказом Верховного Главнокомандующего получили почетное наименование Минских. Среди них была и наша 1-я гвардейская Московская стрелковая дивизия полковника П. Ф. Толстикова, которая стала теперь именоваться Московско-Минской.

³⁸ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», т. 4, стр. 180.

Войска 11-й гвардейской армии продолжали стремительно наступать на запад.

После форсирования Березины командование фронта следующим образом оценивало сложившуюся к этому времени оперативную обстановку: «Свежими крупными резервами на нашем направлении противник не располагает... Перед фронтом открылась возможность первоначальный успех превратить в полный разгром противника, действующего на нашем направлении...» В связи с этим командующий фронтом приказал 5-й и 11-й гвардейской армиям выйти на рубеж оз. Нарочь, Молодечно. В частности, нашей армии 1 июля была поставлена задача наступать в направлении Гайна, Красное и к исходу 4 июля освободить Молодечно, Городок³⁹.

Начинался четвертый этап операции.

Свое решение на наступление я принял с учетом требования фронта продвигаться столь стремительно, чтобы отрезать противнику путь отхода от Минска на северо-запад — к Вильнюсу. Группировка войск армии не менялась. Прежним оставалось и ее оперативное построение. В первом эшелоне на правом фланге в направлении Гайна, Красное, Молодечно должен был наступать 16-й гвардейский стрелковый корпус, на левом, в направлении Логойск, Радошковичи, Городок — 8-й гвардейский стрелковый корпус. 36-му гвардейскому стрелковому корпусу предстояло, как и до этого, продвигаться во втором эшелоне за левым флангом армии.

Штаб армии получил указание составить на основе этого решения графический план четвертого этапа операции. При этом нормы суточного продвижения приказывалось установить с учетом опыта пятидневного преследования врага до р. Березины.

В результате на выполнение поставленной задачи было отведено четверо суток, а среднесуточный темп преследования противника определялся в 30—35 км. Такой план, учитывая опыт предшествовавшего наступления, не казался нам невыполнимым. Он требовал максимального напряжения сил войск, смелых и решительных действий, искусного вожделения частей их командирами и штабами, а также тщательно продуманной организации боя, разумного чередования первых эшелонов. Все это было в наших возможностях.

Быстрые темпы преследования противника на большую глубину вызвали необходимость максимального приближения руководства к передовым войскам армии. Ведь в таких условиях обстановка постоянно меняется, возникают все новые возможности для дальнейшего развития успеха. И если командарм находится далеко от передовых частей, то его решения нередко запаздывают, благоприятные моменты используются не полностью.

Исходя из этих соображений, решили, что по мере продвижения войск основной командный пункт армии во главе с начальником штаба

³⁹ Архив МО СССР, ф. 211, оп. 2593, д. 505, л. 114.

генералом И. И. Семеновым будем выдвигать вперед ежедневно, а передовой командный пункт, на котором вместе со мной находилась оперативная группа во главе с генералом И. И. Ледневым, — два-три раза в течение суток. Создали также небольшую группу офицеров с двумя радиостанциями на автомашинах, которая должна была помогать мне при поездках в передовые части поддерживать непрерывное управление войсками армии и связь с командованием фронта.

Договорились, что во время таких отлучек генералы И. И. Семенов и И. И. Леднев через каждые час-два информируют меня о событиях во всех соединениях армии, пользуясь при этом кодированными картами и переговорными таблицами.

К выполнению поставленной задачи войска армии приступили в ходе продолжавшегося преследования вражеских сил, разбитых и отброшенных от Березины к западу. Стремясь оторваться своими главными силами, гитлеровцы вели сдерживающие арьергардные бои, оказывая в ряде случаев упорное сопротивление. Но, несмотря на это, уже 2 июля нами был освобожден г. Логойск, 3 июля — районный центр и узел шоссейных дорог Радошковичи.

Осуществлять параллельное преследование, обходить противника и даже обгонять его, как это мы делали при подходе к Березине, сейчас уже было трудно. В войсках оставалось мало исправных танков, а пехоте такая задача не под силу. Мы, правда, формировали в дивизиях для этой цели подвижные передовые отряды, но их было немного, так как не хватало автомашин. И все же темп преследования примерно соответствовал намеченному плану. Так, 3 июля войска армии продвинулись вперед на 25—35 км.

Но для нас не было секретом, что с 4 июля обстановка резко изменится. Ведь теперь мы приблизились к нашей старой границе с Польшей, где в районах Красное, Городок, Молодечно, Крево, имелось много сохранившихся укреплений. Гитлеровцы теперь использовали их, превратив весь этот район как бы в предполье заблаговременно укрепленного рубежа, проходившего по р. Ошмянке и далее к населенным пунктам Боруны, Богданов. На этом рубеже враг предпринял еще одну серьезную попытку остановить наступление 11-й гвардейской армии.

Читатель поймет, с каким чувством я ставил войскам боевые задачи на овладение Молодечно, Воложином, Крево... Ведь в Молодечно стояла перед войной 24-я Железная стрелковая дивизия, которой я тогда командовал. Отсюда мы выступили навстречу гитлеровцам и под Трабами нанесли по ним первые удары. Здесь потом пришлось нам отходить с боями, двигаясь по тылам глубоко обошедшего нас врага. Тяжко было отступать. Но ни один командир, ни один боец не сомневался, что наши неудачи временные. Все были уверены, что советский народ, руководимый закаленной в боях ленинской партией, восстанет, выгонит гитлеровских захватчиков с родной земли и что мы вернемся сюда победителями.

И вот это время наступило. Невольно напрашивалось сравнение. В 1941 г. враг двумя глубокими танковыми клиньями с северо-запада

и юго-запада вышел к Минску, окружив нашу 3-ю и соседние 10-ю и 4-ю армии. С упорными боями значительная часть блокированных советских войск вышла из окружения и встала в общий строй защитников родной советской земли. Теперь, спустя три года, войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов глубокими клиньями разорвали мощную оборону гитлеровцев, с северо-востока и юго-востока вышли и овладели Минском, окружив и в дальнейшем разгромив 3-ю танковую и 4-ю армии гитлеровцев. При этом ни одной немецко-фашистской части не удалось выйти из окружения.

Это ли не справедливое возмездие!

Не легко далась нам эта победа. Но тем дороже и радостнее была она для воинов нашей армии, которым мы подробно рассказывали о боях в здешних местах в 1941 г. И беседы на эту тему стали самой действенной пропагандой, живым, наглядным подтверждением величия, мощи и непобедимости социалистического государства и его Красной Армии.

Великий подвиг, совершенный советским народом и его Вооруженными Силами, разгромившими и отбросившими врага туда, откуда он напал на нашу Родину, звал к новым победам. И охваченные огромным подъемом, мощным наступательным порывом войска рвались вперед, чтобы завершить освобождение Белоруссии, Литвы и идти дальше — в Пруссию.

Нелегкий предстоял нам путь, и об этом тоже говорили бойцам командиры и политработники. Враг был еще силен, нас ожидали тяжелые бои. Но в то же время каждый советский воин уже твердо знал, что победа близка, и был готов сражаться за нее, не жалея крови и самой жизни.

Требовалось лишь одно: борьбу со смертельно раненым и потому еще более озлобленным и опасным врагом организовать так, чтобы достичь цели быстрее и с наименьшими потерями. Поэтому еще и еще раз проверяем, все ли продумано и подготовлено для достижения успеха в предстоящих боях.

Но вот последние приготовления закончены, и утром 4 июля войска армии наносят удар на Молодечно, имея задачу овладеть им во взаимодействии с частями 3-го гвардейского механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов, прорвавшимися к городу с северо-востока еще накануне вечером.

Перед нами на рубеже Красное, Городок оборонялись усиленные арьергарды противника в составе четырех-пяти батальонов с танками и артиллерией. Кроме того, в Красном имелось до полка пехоты, 12—15 танков и 2—3 артиллерийских дивизиона. Наконец, вражеское командование имело возможность перебросить сюда подкрепления из глубины.

Главный удар мы нанесли силами правофлангового 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Утром 4 июля его 31-я гвардейская стрелковая дивизия начала наступление на Красное, а 1-я на Городок. Обе они наносили удары по этим населенным пунктам с фронта. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, первая из них к по-

лудию прорвалась к югу от Красного, вторая приблизилась к Городку на расстояние 3—4 км. Здесь враг остановил наши наступающие части артиллерийско-минометным огнем. Одновременно он предпринял несколько контратак силами подошедшего сюда танкового полка 5-й танковой дивизии.

В ходе боя стало ясно, что одним из основных препятствий для наших наступающих частей являлись опорные пункты врага в Улановщизне и Рагозах, расположенные соответственно против левого фланга 31-й и правого фланга 1-й гвардейских стрелковых дивизий. Поэтому с целью быстрее сломить сопротивление гитлеровцев командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса ввел в бой свой второй эшелон — 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Наступая в стыке между 31-й и 1-й, она нанесла удар в направлении Улановщизны, Рагозы. Наступление пошло успешнее. Разгромив контратакующего врага, части корпуса к исходу дня овладели сначала этими опорными пунктами, а затем Красным и Городком, при этом уничтожили 9 танков, из них 5 «тигров», 13 полевых и 7 штурмовых орудий, до 40 пулеметов и много живой силы противника.

В полосе наступления левофлангового 8-го гвардейского стрелкового корпуса враг оказывал менее упорное сопротивление. Поэтому части корпуса в этот день с боями продвинулись вперед на 30—35 км и достигли рубежа южнее Городка.

Таким образом, войска армии к исходу 4 июля вышли лишь на юго-восточные подступы к Молодечно. Овладеть городом в этот день не удалось.

Молодечно — крупный узел железных и шоссе-ных дорог. Его оперативное значение определялось тем, что через него осуществлялось взаимодействие немецко-фашистских войск на направлениях Вильнюса и Лиды. Поэтому-то противник и прилагал все усилия, чтобы удержать город в своих руках. Для этого, как мы видели, он создал прочную оборону на дальних подступах к Молодечно. И хотя она была преодолена правофланговыми соединениями нашей армии, однако это потребовало времени и сил намного больше, чем мы предполагали.

Более того, разгромив противника на рубеже Красное, Городок, наши войска теперь оказались перед новой оборонительной линией врага.

Дело в том, что гитлеровцы довольно умело использовали старые полевые укрепления в районе Молодечно, которые, как я хорошо помнил, предоставляли большие возможности обороняющимся. К тому же вражеское командование располагало здесь немалыми силами — 5-й танковой, 14-й пехотной дивизиями, значительной артиллерией и многочисленными специальными частями и подразделениями⁴⁰.

В результате не только наш 16-й гвардейский стрелковый корпус медленно, с тяжелыми боями продвигался к Молодечно, но нелегко пришлось и наступающим правее частям механизированного и кавалерийского корпусов.

⁴⁰ Архив МО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 120.

Как я уже упоминал, они еще вечером 3 июля завязали бои за город. К утру 4 июля, когда мы только начинали наступление, частям 3-го гвардейского механизированного корпуса даже удалось ворваться в Молодечно. Но почти сразу они были оттеснены противником к северу от города. В дальнейшем этот корпус был повернут на северо-запад для удара на Сморгонь. Части же кавалерийского корпуса, достигшие северо-восточной окраины Молодечно, сражались там вот уже сутки, так и не сломив сопротивление врага.

К затяжным боям мог привести и наш удар с востока или юго-востока, так как там укрепления на подступах к городу были наиболее прочными. К тому же и рельеф местности на этих направлениях представлял большие выгоды обороняющимся. Иное дело — к югу и юго-западу от города, где и укрепления слабее, и местность удобнее для применения танков и артиллерии.

Эти соображения, вытекавшие из моего давнего знакомства с районом Молодечно, и легли в основу решения. Оно предусматривало нанесение главного удара с юга и юго-запада силами двух дивизий первого эшелона 16-го гвардейского стрелкового корпуса. Намечалось усилить каждую артиллерийской бригадой и танковым полком.

Такая задача была мною поставлена вечером 4 июля командиру корпуса генералу Я. С. Воробьеву. Для ее выполнения предназначались 11-я и 1-я гвардейские стрелковые дивизии, которым предстояло обойти Молодечно с юга и юго-запада. Одновременно предусматривалось силами 31-й гвардейской стрелковой дивизии нанести фронтальный удар с востока в направлении Молодечно с целью сковывания противника. Она также усиливалась приданной корпусу артиллерией, в том числе и самоходной⁴¹.

5 июля с утра войска армии возобновили наступление. На этот раз события развивались стремительно. Как и следовало ожидать, решающим оказался обходный маневр частей 16-го гвардейского стрелкового корпуса. С боями прорвавшись к югу и юго-западу от города, они нанесли оттуда удар по оборонявшемуся противнику. Наступление с этого направления застало врага врасплох, тем более что основные его силы сдерживали натиск кавалерийского корпуса с северо-востока и нашей 31-й гвардейской стрелковой дивизии с востока.

К полудню 11-я и 1-я гвардейские стрелковые дивизии, сломив сопротивление врага, вступили в город с юга. А к 14 часам 16-й гвардейский стрелковый корпус во взаимодействии с частями 3-го гвардейского кавалерийского штурмом овладели г. Молодечно. Противник попытался навязать нам уличные бои, но в тот же день большая часть его гарнизона была истреблена.

Чтобы полнее представить ход боев за Молодечно, позволю себе привести выдержки из донесений представителя Ставки маршала А. М. Василевского от 5 и 6 июля Верховному Главнокомандующему.

В первом из них он докладывал: «Передовые части Обухова (речь идет о частях 3-го гвардейского механизированного корпуса под ко-

⁴¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 645—649, л. 14.

мандованием генерал-лейтенанта танковых войск В. Н. Обухова.— К. Г.) на рассвете 4.7 заняли Молодечно, однако контратакой пехоты и танков противника к 12 часам были потеснены к северу от Молодечно. Для овладения Молодечно Галицкий повернул один стрелковый корпус...»⁴² Во втором донесении, излагавшем ход событий 5 июля, сообщалось: «...Армия Галицкого, выдвинувшись своим правым флангом на 18 км к западу от Молодечно, прочно закрепила за собой последний...»⁴³

Город был освобожден столь стремительно, что гитлеровцы не успели даже взорвать склады. В результате среди наших трофеев оказались 500 т горючего, которого хватило нашим танкам, самоходкам, тягачам более чем на двое суток. Это было весьма кстати, так как предстояло дальнейшее стремительное наступление на запад.

С выходом войск фронта 5 июля западнее рубежа Молодечно, Минск задачи, поставленные ему по плану операции «Багратион», были успешно выполнены. Группа немецких армий «Центр» потерпела катастрофическое поражение. Замысел Ставки Верховного Главнокомандования — мощными ударами расчленить ее войска, окружить их, а затем уничтожить — был полностью реализован.

Даже битые немецко-фашистские генералы вынуждены были признать это. Так, генерал К. Типпельскирх после войны писал по этому поводу: «...Результат длившегося теперь уже 10 дней сражения был потрясающим. Около 25 дивизий были уничтожены или окружены»⁴⁴. Еще яснее сказал другой гитлеровский генерал, З. Вестфаль: «Противник во многих местах прорвал фронт группы армий «Центр»... Эта группа армий была ликвидирована. Лишь рассеянные остатки 30 дивизий избежали гибели и советского плена»⁴⁵.

Во второй половине дня 5 июля войска армии развивали успех. Соединения 16-го гвардейского стрелкового корпуса к 19 часам обходом с севера овладели крупным опорным пунктом, созданным врагом в Лебедево. К исходу дня они продвинулись дальше на запад. Одновременно части 8-го гвардейского стрелкового корпуса во взаимодействии с 3-м гвардейским танковым освободили Воложин.

Конечно, я не преминул побывать в этом городке, с которым было связано столько воспоминаний... Все здесь было знакомо, и, несмотря на разрушения, причиненные войной, я с волнением узнавал уцелевшие улицы, дома, где не раз довелось побывать, дороги, по которым шли мы в первый бой с вторгшимися вражескими войсками.

И хотя заботы наступления на запад, туда, откуда пришла к нам война, не оставляли времени для долгих воспоминаний, все же великий смысл нашего победного возвращения накладывал отпечаток на все, что приходилось делать. Всем существом владела одна мысль: вперед, во имя полного очищения родной земли, во имя окончательного разгрома врага!

⁴² «Освобождение Белоруссии. 1944», стр. 87.

⁴³ Там же, стр. 90.

⁴⁴ К. Типпельскирх. История мировой войны. М., 1956, стр. 447.

⁴⁵ «Роковые решения». М., 1958, стр. 258.

К логову врага

Впереди Неман

Еще 4 июля директивой Ставки перед 3-м Белорусским фронтом была поставлена задача развивать наступление, с тем чтобы 10—12 июля овладеть Вильнюсом и Лидой, а в дальнейшем — выйти на Неман и форсировать его¹.

Для выполнения этой директивы генерал И. Д. Черняховский решил нанести удар на Вильнюс силами 5-й и 5-й гвардейской танковой армий, а также 3-го гвардейского механизированного корпуса. В направлении Лиды должны были наступать 3-й гвардейский кавалерийский корпус и 31-я армия со 2-м гвардейским Тацинским танковым корпусом.

Наша армия по-прежнему действовала в центре оперативного построения фронта. После овладения Молодечно ей предстояло, имея главные силы на северном берегу Березины (правый приток Немана), наступать в направлении Крево, Ошмяны, а затем выйти к Неману в районе Алитуса. По существу это была новая армейская операция. Но поскольку наступление проводилось в динамике сражения, оно стало считаться пятым этапом армейской операции.

На указанном нам направлении находился заблаговременно оборудованный противником укрепленный рубеж, тянувшийся по линии Жупраны, р. Ошмянка, м. Боруны, Богданов. Кроме того, к обороне были подготовлены и находившиеся во вражеском тылу крупные населенные пункты Ошмяны, Гольшаны и Трабы. Хотя эта оборонительная линия во многом уступала той, которую войска армии прорвали восточнее Орши, все же она являлась серьезной преградой. Рубеж был оборудован трапшеями, дотами, дзотами, бронеколлаками, аппаратами для танков, проволочными и минными заграждениями. Опираясь на него, вражеское командование рассчитывало приостановить отход своих войск, с помощью крупных резервов задержать наше наступление и тем самым выиграть время на восстановление сплошного фронта на этом направлении.

Сорвать замысел противника и предстояло нашей армии.

¹ Архив МО СССР, ф. 3, оп. 11556, д. 15, л. 319.

К названному рубежу ее соединения вышли к исходу 6 июля. К северу от нас наступала на Вильнюс 5-я армия, к югу выдвинулся 3-й гвардейский кавалерийский корпус, имевший задачу продвигаться в направлении г. Лида. Перед фронтом нашей армии оборонялись отошедшие под ударами советских войск части 286-й охранной дивизии и до семи отдельных охранных и полицейских полков, а также вновь выдвинутые противником 170-я и 707-я пехотные, части 7-й и 5-й танковых дивизий, 7-я боевая группа Мюллера (трехполкового состава). Таким образом, всего нам противостояли до 4—5 пехотных и части двух танковых дивизий общей численностью 35—40 тыс. солдат и офицеров, имевших на вооружении 100—120 танков и подерживаемых 3—4 артиллерийскими полками².

Принятым мною решением на наступление определялось двух-эшелонное построение войск армии. Как и прежде, в первом эшелоне должны были действовать 16-й и 8-й гвардейские стрелковые корпуса, во втором — 36-й.

Несмотря на наличие у противника крупных сил, опиравшихся к тому же на заранее подготовленный оборонительный рубеж, мы спланировали наступление быстрыми темпами. Расстояние 130—140 км, отделявшее нас от Немана, наметили преодолеть в течение 6 дней — с 7 по 12 июля, т. е. продвигаясь примерно по 25 км в сутки. При этом исходили из фактического темпа наступления на предшествующем этапе с учетом нараставшего в последние дни сопротивления противника и усиления воздействия его авиации.

Соответственно такому решению и задачи войскам, в том числе и на первые дни, ставились на значительную глубину — до 30—35 км. Так, стрелковым корпусам приказывалось к исходу второго дня наступления выйти на следующие рубежи: 16-му гвардейскому — Медники, Вецюны; 8-му гвардейскому — Клевица, Мапуки. При этом они должны были выдвинуть еще дальше передовые отряды и захватить ими узлы дорог соответственно в районах Табаринскес и Девенишкес, а также имеющиеся там переправы через реки Меркис и Гавья³.

Следует признать, что, намечая данные сроки, мы переоценили свои возможности. Ведь в ходе выполнения поставленной задачи обоим корпусам предстояло прорвать заблаговременно подготовленную оборонительную полосу и лишь затем они могли развить стремительное наступление к указанным им рубежам. Естественно, это была и недооценка сил врага, его способности оказать упорное сопротивление, в чем мы очень скоро убедились.

В течение ночи войска армии вели разведку противника, местности и целей для ведения артиллерийского огня. Уточнялись решения командиров корпусов, дивизий и полков на наступление, создавалась группировка сил для прорыва, организовывалось взаимодействие. Одновременно орудия и минометы выдвигались на огневые позиции

² Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 645—649, л. 23.

³ Там же, л. 24.

и вели пристрелку, подвозились боеприпасы. Буквально в течение 4—5 часов были закончены все приготовления. Да и большим сроком для этого мы не располагали, так как после выхода к оборонительному рубежу в нашем распоряжении до начала наступления оставались лишь остаток ночи и первые утренние часы. А откладывать его нельзя было, ведь каждый лишний день противник использовал для переброски дополнительных сил из глубины.

Наступлению предшествовал бомбовый удар нашей авиации по вражеской обороне. В 10 часов 30 минут началась получасовая артиллерийская подготовка. А после ее окончания войска пошли в атаку. Противник упорно и активно оборонялся на всем фронте. При этом он широко использовал танки и штурмовые орудия. Во время боя за передний край и в ближайшей глубине они действовали из засад, неоднократно контратаковали совместно с пехотой.

Преодолевав упорное сопротивление гитлеровцев, войска армии к 14 часам прорвали на многих участках передний край обороны. Дальнейшее их продвижение было остановлено интенсивным огнем пулеметов, артиллерии и минометов, а также многочисленными вражескими контратаками.

Бой возобновился с новой силой в 18 часов, когда дивизии 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов были усилены подошедшей артиллерией РВГК. После нескольких коротких, но мощных огневых налетов, нанесших противнику большие потери, наши части вновь пошли вперед. Прорвав оборонительный рубеж по всему фронту, они к исходу дня продвинулись в глубину на 8—10 км, вышли к Ошмянам и Гольшанам и завязали бои за эти населенные пункты.

Таким образом, к вечеру полностью определился успех наступления армии. Надежды, которые возлагал противник на свои укрепления и оборопавшие их крупные силы, рухнули. Боевые действия теперь развивались в глубине обороны, где враг уже не имел выгодных, заранее подготовленных позиций. В лучшем случае он располагал траншеями в районах крупных населенных пунктов и узлов дорог, что, конечно, не могло послужить основой для восстановления сплошного фронта. Войска нашей армии больше не были стеснены в свободе маневра и, разумеется, сразу же усилили темп наступления. К ночи соединения армии в ходе ожесточенных боев разгромили гарнизоны вражеских опорных пунктов в Ошмянах и Гольшанах, продвинувшись на 15 км.

Складывалась благоприятная обстановка для преследования врага вплоть до Немана. Тем более, что и соседние армии также успешно наступали. 5-я армия продвинулась за день на 30 км и вместе с действовавшим в ее полосе 3-м гвардейским механизированным корпусом передовыми частями завязала бои на северо-восточной и восточной окраине Вильнюса. Одна из танковых бригад мехкорпуса, завершив обходный маневр, вышла на юго-западную окраину города. С юга Вильнюс обходила 5-я гвардейская танковая армия. Слева от нас с некоторым отставанием продвигалась 31-я армия, вышедшая частью сил со 2-м гвардейским Тацинским танковым корпусом в район Иве-

нец. Но действовавший в ее полосе 3-й гвардейский кавалерийский корпус успешно наступал в направлении г. Лида, надежно обеспечивая фланг нашей армии.

Ранним утром 8 июля мы возобновили преследование противника в общем направлении на Варену, Алитус. Однако развить стремительный темп и в этот день не удалось. Наши войска были вынуждены то и дело вступать в бой с сильными вражескими арьергардами и даже отражать на отдельных участках контратаки танков и пехоты противника. Было ясно, что всем этим немецко-фашистское командование пытается выиграть время, чтобы успеть сосредоточить побольше сил на рубеже р. Неман и воспользоваться этой крупной водной преградой для восстановления своего фронта обороны.

Но все его усилия привели лишь к тому, что мы к исходу 8 июля продвинулись вперед на несколько километров меньше, чем намечалось по плану. В этом, как я уже отмечал, сказалась некоторая переоценка своих возможностей при планировании операции. Однако быстрых темпов преследования требовала сложившаяся обстановка, и наша задача по-прежнему состояла в том, чтобы ускорить темпы наступления и тем самым вновь сорвать замыслы врага о восстановлении фронта, теперь уже на Немане.

Одновременно начали готовиться и к форсированию реки. За этим занятием застали меня прибывшие 9 июля на командный пункт армии в район Бол. Солечинок генерал армии И. Д. Черняховский и начальник штаба фронта генерал-полковник А. П. Покровский. Ознакомившись с последней обстановкой, Иван Данилович с интересом отнесся к нашим соображениям относительно выхода войск армии к Неману и форсирования реки.

К тому времени был уже в основном готов план, который мы с генералами И. И. Семеновым, И. И. Ледневым, П. С. Семеновым и полковником М. Г. Григоренко составили в течение последних дней.

Разрабатывая его на основе опыта форсирования Березины, конечно, учитывали, что перед нами теперь была несравненно более мощная водная преграда. Ширина реки в полосе армии была весьма значительна. Так, у Алитуса и Неманойцы она составляла 120 м, а выше по течению, в районе Меркине — 90 м. Здесь не было пешеходных бродов, глубина в среднем достигала 2—3 м, течение быстрое. Словом, трудности во много раз большие, чем на Березине.

И все же мы намеревались и здесь форсировать реку с ходу. С этой целью намечалось подтянуть поближе к передовым частям 2-ю гвардейскую штурмовую и 66-ю инженерно-саперные бригады с переправочными средствами, а также артиллерию, предназначавшуюся для прикрытия переправ. Все планировалось сделать на ходу, во время преследования противника, которое также намечалось максимально ускорить. Учитывая, что враг продолжал подбрасывать к берегам Немана новые части и лихорадочно строил оборонительные сооружения, нам следовало как можно быстрее достичь реки. Выход к ней назначался на 13 июля. К концу того же дня армия должна

была с ходу главными силами форсировать Неман на фронте Алитус, иск. Друскеники.

Ознакомившись с планом, генерал армии И. Д. Черняховский одобрил его. Несколько позднее намеченные нами мероприятия и сроки форсирования Немана были отражены в директиве фронта⁴. Перед отъездом Иван Данилович сформулировал и основную задачу армии на следующем, шестом этапе операции, начинавшемся с выхода к Немапу 13 июля. Он должен был закончиться 19 июля захватом и укреплением плацдарма на западном берегу.

— Учтите, — сказал на прощание командующий фронтом, — на Немане противник встретит вас более мощным минометно-артиллерийским огнем, чем на Березине. Поэтому подготовьтесь к быстрому маневру силами артиллерии. Усиьте ею и стрелковые дивизии. Я же обещаю вам хорошую поддержку авиацией. Ждите завтра представителя воздушной армии. С ним согласуйте все вопросы взаимодействия.

При всем различии условий на Березине и Немане все же июньский опыт подготовки к форсированию реки в ходе преследования представлял немалую ценность. И мы его полностью использовали теперь, причем с учетом всего того, чему научились в районе Борисова. Командиры изучали данные аэрофотосъемки, отражавшие особенности местности у Немана, характер его берегов, поймы.

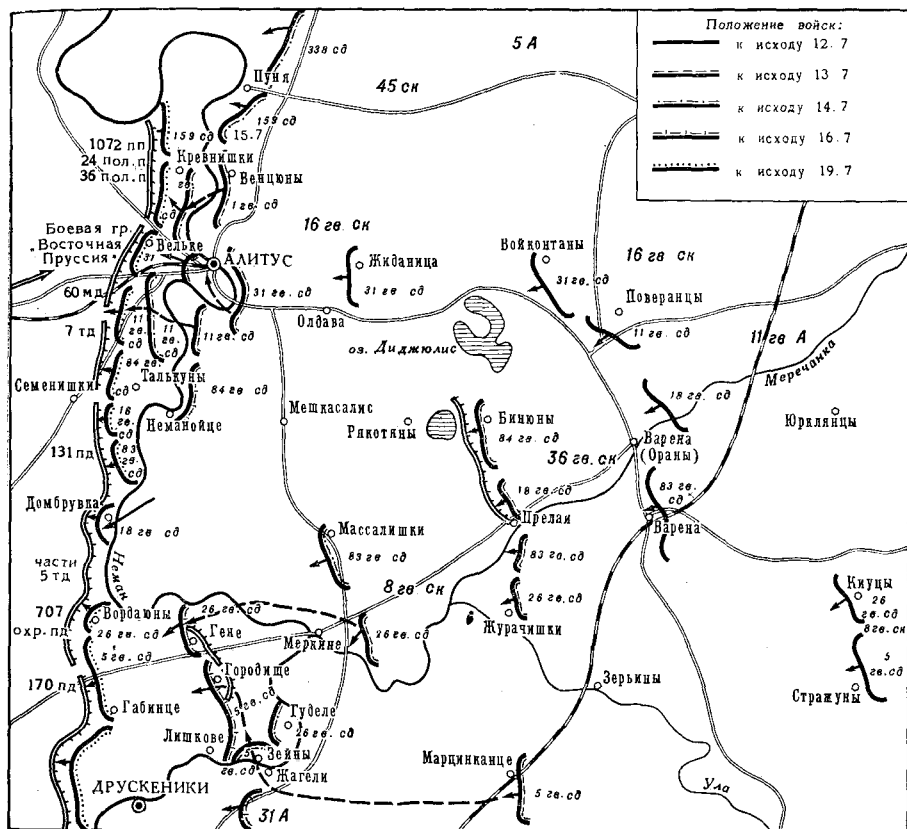
Вновь на привалах бойцы учились преодолевать реку на подручных средствах, надежно переправлять пулеметы и ящики с патронами. В подразделениях формировались группы лучших пловцов. Артиллеристы и минометчики готовились полнее использовать преимущество, которое представлял нам выход на высокий правый берег. Ведь это позволяло выдвинуть орудия для стрельбы прямой наводкой и быстрее подавить огневые средства врага на противоположной стороне реки.

Тем временем продолжалось преследование отступавшего противника.

Здесь нужно сказать, что хотя оно велось стремительными, нарастающими темпами, однако неравномерно по фронту. Так, если на правом фланге армии 31-я гвардейская стрелковая дивизия, которой теперь вместо раненого генерала И. К. Щербины командовал генерал И. Д. Бурмаков, к исходу 12 июля была уже в 3—5 км от Немапа, то дивизии левофлангового 8-го гвардейского стрелкового корпуса в это время еще вели бои в районе Варены, т. е. в 30—40 км от реки.

Таким образом, фронт армии в ходе преследования несколько растянулся. Разумеется, были приняты меры к тому, чтобы быстрее подтянуть левый фланг к реке. Для этого усилили его артиллерией и танками. Одновременно в состав первого эшелона армии был включен и 36-й гвардейский стрелковый корпус. Он был введен в сражение в стыке 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов и получил задачу наступать на Мешкалис. В результате ускорил продвижение

⁴ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 44047, д. 9, л. 136.

Выход войск 11-й гвардейской армии к р. Неман и форсирование ее

вперед и 8-й гвардейский стрелковый корпус, который, как мы увидим, сумел быстро подтянуться к реке и пачать ее форсирование.

Но сложность обстановки заключалась в том, что по мере наращивания темнов преследования все больше обнажались оба фланга армии. Справа от нас 5-я армия успешно вела бои в Вильнюсе, но при этом она оттянула туда, на свой правый фланг, основные силы. В итоге замедлилось продвижение ее левофланговых соединений, а мы лишились прикрытия справа. Левый сосед — 31-я армия вышла к железной дороге Вильнюс — Гродно. А это также было довольно далеко от нашего левофлангового 8-го гвардейского корпуса, который в течение ночи на 13 июля так быстро приближался к Неману в районе южнее Меркине, что оказался впереди 36-го, наступавшего в центре.

Приходилось, следовательно, постоянно держать в поле зрения обстановку на флангах и выделять часть сил для их прикрытия от возможных контрударов противника с северо-запада и юго-запада.

Между тем и перед фронтом армии враг сосредоточил крупные силы. Он непрерывно перебрасывал в нашу полосу наступления новые соединения и части, причем многие из них были полностью укомплектованы личным составом и вооружением. Такими являлись, например, 131-я пехотная дивизия, боевая группа «Восточная Пруссия» и 1072-й гренадерский полк, подход которых установила наша разведка. В частности, 131-я пехотная дивизия имела в своем составе 12 тыс. солдат и офицеров. Всего же к 13 июля нам противостояло до 5 пехотных, части 2 танковых — 5-й и 7-й дивизий, боевая группа Мюллера, несколько охранных и полицейских полков⁵.

Эти силы могли бы воспрепятствовать форсированию нами Немана, если бы успели организованно отойти и занять оборону на западном берегу реки.

Не допустить такого развития событий мы и стремились в ходе преследования. С этой целью мною было решено использовать одну из упомянутых выше особенностей обстановки в полосе наступления армии. Речь идет об отставании продвигавшегося в центре 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Оно было вызвано тем, что находившиеся перед ним значительные силы противника оказывали особенно яростное сопротивление, отступали медленно, упорно пытаясь сдержать его войска. Это открывало для нас возможность на флангах армии выйти к реке раньше, чем ее достигнут основные вражеские силы в центре, и, таким образом, исключить их участие в боях за переправы в первый, самый важный для нас момент.

Для реализации данного замысла мы вновь резко усилили темпы преследования врага на флангах. В результате не только 16-м корпусом справа, но и 8-м слева армия вышла к реке раньше, чем отошли на противоположный берег основные силы гитлеровцев, противодействовавшие в центре 36-му гвардейскому стрелковому корпусу. Это обеспечило нам преимущество над противником в оперативном построении войск и улучшило условия для преодоления реки с ходу. Всего за четыре дня — с 9 по 12 июля армия продвинулась вперед на 120 км, освободив около 2 тыс. населенных пунктов. За эти же дни в основном была завершена подготовка к форсированию реки.

Приказ на форсирование Немана был отдан войскам еще в первой половине 12 июля. Он предусматривал одновременное преодоление реки в 50-километровой полосе дивизиями первых эшелонов корпусов 13 июля с наращиванием на следующее утро вторыми эшелонами удара на западном берегу. 16-му гвардейскому стрелковому корпусу ставилась задача преодолеть реку с ходу в районе Алитуса, 36-му — у Неманойце, 8-му — у Меркине. При этом каждый из них должен был осуществить форсирование на двух участках — севернее и южнее указанных населенных пунктов, с тем чтобы затем охватывающими и встречными ударами окружить и уничтожить обороняющегося в них врага. 16-му гвардейскому стрел-

⁵ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 645—649, д. 5916, л. 53.

ковому корпусу предстояло в результате такого маневра овладеть Алитусом, превращенным гитлеровцами в сильный узел обороны на Немане, а 8-му — отрезать и разгромить противника в излучине реки западнее Меркине⁶.

В тот же день задачи были доведены до всех частей и подразделений. Приказ на форсирование Немана был встречен войнами армии с большим воодушевлением. Сразу же собрались ненадолго коммунисты и комсомольцы. Повестка дня этих собраний была повсюду одна и та же. Речь шла об организующей роли коммунистов и комсомольцев в обеспечении боевой задачи по стремительному преодолению реки. Собрания прошли с большим подъемом. Выступали командиры, политработники, бойцы.

Каждый стремился поделиться с боевыми товарищами своими мыслями о том, как лучше выполнить боевое задание, давал клятву быть первым в бою. «Как бы ни было трудно, — говорил рядовой 4-й стрелковой роты 40-го гвардейского стрелкового полка А. И. Саватеев, — мы, коммунисты, должны показать пример всему личному составу в стремительном преодолении реки. Я заверяю командование, что буду первым переплывать Неман»⁷. А на одном из комсомольских собраний в том же полку рядовой 2-й пулеметной роты Н. П. Никонов, обращаясь к командиру батальона, сказал: «Товарищ майор, я буду первым форсировать Неман, заверяю вас, что эту боевую задачу выполняю с честью»⁸. Так заявляли все воины армии на кратких митингах, состоявшихся в тот же день в подразделениях. Огромный политический подъем, высокий наступательный дух наших войск был важнейшим залогом успеха в выполнении стоявшей перед ними трудной задачи.

Бросок за реку

С рассвета 13 июля первыми начали выходить к Неману войска 16-го гвардейского стрелкового корпуса. С наблюдательного пункта, расположенного недалеко от реки, в районе юго-восточнее Алитуса, мне были хорошо видны части 31-й и 1-й гвардейских стрелковых дивизий, выдвигавшиеся к берегу. А там уже работали саперы. Ведь все последние дни армейские и приданные инженерные части с десантно-переправочными средствами двигались в первых эшелонах стрелковых корпусов. И вот теперь они уже делали свое дело. Сооружали паромно-десантные пункты, монтировали плоты. Тем временем передовые отряды, не дожидаясь готовности штатных переправочных средств, с помощью подручных с ходу начали форсирование. Еще стремительнее действовали группы бойцов во главе с опытными командирами, специально подготовленные для переправы вплавь.

⁶ Там же, оп. 5916, д. 636, лл. 55, 56.

⁷ Там же, оп. 5938, д. 77, л. 282.

⁸ Там же.

Форсирование крупной реки с ходу — самый трудный вид боя. И очень важную роль в нем играют смелые, решительные действия войск, в первую очередь небольших подразделений, первыми добивающихся на ту сторону реки и захватывающих небольшой клочок противоположного берега. Нередко это достигается дорогой ценой. Но советских воинов не останавливала опасность, и они с готовностью шли на подвиг во имя разгрома врага, не жалея крови и самой жизни.

Такой подвиг совершили в тот день на участке 95-го гвардейского стрелкового полка 31-й гвардейской стрелковой дивизии разведчики: комсорг роты сержант Г. Овчинников, ефрейтор Е. Ефременко и рядовые Васенко, Лобанов и Брелюка из батальона майора Ю. И. Онусайтиса. Действуя скрытно и умело, они еще до рассвета на собственноручно изготовленном плоту переправились за Неман. Обнаружив несколько окопов, отрытых гитлеровцами, но еще не занятых ими, отважная пятерка захватила их, установила пулемет и таким образом закрепила на западном берегу.

Противник вскоре обнаружил ее и, разумеется, немедленно попытался уничтожить. Но предпринятая им контратака окончилась неудачей. Потеряв десять человек убитыми и двух пленными, фашисты были вынуждены отступить. Впрочем, отошли они недалеко. Видя, что враг залег и готовится к новому натиску, сержант Овчинников принял решение отбросить гитлеровцев подальше. Возглавляемая им группа смело ринулась в атаку. Противник был отброшен, а гвардейцы вернулись в окопы и продолжали удерживать захваченный клочок берега⁹.

Но как бы мал ни был этот клочок, он явился тем плацдармом, с которого горстка смельчаков смогла огнем пулемета помогать прикрытию переправы своего батальона. Насколько важна была роль этих, казалось бы, малозначительных действий, видно из хода событий, развертывавшихся в то время на участке 31-й гвардейской стрелковой дивизии.

Первые попытки ее подразделений форсировать реку на плотях не имели успеха. Противник открыл массированный артиллерийский огонь. В результате плоты были разбиты еще до посадки на них войск. Вслед за тем на воду спустили надувные лодки. Рядом с ними часть бойцов переправлялась на подручных средствах и вплавь. Их бросок поддерживали орудия, уничтожавшие прямой наводкой с правого берега огневые точки противника на левом.

Значительную часть вражеских пулеметов удалось подавить. Но оставался один, расположенный, видимо, на недоступной для нашей артиллерии позиции. Он продолжал бить по переправляющимся. А в тех условиях и одним пулеметом, действуя с выгодной позиции, враг мог надолго задержать форсирование. Но вот замолчал и последний пулемет. Его уничтожила доблестная пятерка под командой сержанта Г. Овчинникова. Как потом выяснилось, это была не

⁹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 283.

единственная огневая точка врага, подавленная разведчиками на западном берегу.

Таким образом, они оказали существенную помощь в переправе 95-го и 97-го гвардейских стрелковых полков полковников П. А. Лещенко и А. А. Булахова. Первому удалось к середине дня форсировать Неман силами батальона, второму — роты. Добравшись до западного берега, эти подразделения начали закрепляться.

Вскоре, однако, последовала контратака вражеских пехоты и танков, поддержанных артиллерией. Наши орудия с восточного берега немедленно открыли огонь. Несколько немецких танков удалось подбить. Подошедшая к этому времени дивизионная артиллерия открыла огонь по вражеским батареям, однако полностью подавить их не удалось. Пользуясь, очевидно, сигналами корректировщиков, находившихся у берега, противник вел прицельный артиллерийский огонь по нашим подразделениям, подходившим к реке с востока, и по переправам.

В связи с этим обстановка резко обострилась. Не приостановить ли на несколько часов форсирование на участке 31-й гвардейской стрелковой дивизии? За это время можно подавить вражеские батареи ударами с воздуха и тем самым избежать лишних потерь при выходе войск к реке и во время переправы. Авиацию вызываю не раздумывая. Приостановить же форсирование считаю возможным лишь после обсуждения этого вопроса с командиром корпуса. Ведь нужно быть твердо уверенным в том, что уже переправившиеся подразделения смогут удержать захваченный ими небольшой плацдарм.

Вызываю по телефону командира 16-го гвардейского стрелкового корпуса. На эту должность несколько дней назад вместо ушедшего в другую армию генерала Я. С. Воробьева был назначен генерал-майор С. С. Гурьев, один из участников героической обороны Сталинграда, где он командовал 39-й гвардейской стрелковой дивизией. Характеризуя его, командующий 62-й армией генерал В. И. Чуйков писал в начале 1943 г.: «В сложной боевой обстановке сохраняет спокойствие и является образцом мужества; воодушевляет личный состав на выполнение боевых задач. Прекрасный организатор...» Эту характеристику Степан Савельевич Гурьев и в последующих боях подтвердил своими умелыми, энергичными действиями, требовательностью к себе и к подчиненным и в то же время внимательным отношением к ним, душевностью и отзывчивостью.

Генерал С. С. Гурьев, доложив обстановку, попросил разрешения приостановить форсирование на участке 31-й гвардейской стрелковой дивизии. Что касается переправившихся подразделений, то командир корпуса выразил твердую уверенность в том, что занятый плацдарм они не отдадут врагу. Получив необходимое разрешение, С. С. Гурьев пообещал, что вечером переправа пойдет успешнее.

Описание хода форсирования Немана я начал с 16-го гвардейского стрелкового корпуса не только потому, что непосредственно наблюдал действия его частей. Они первыми стали переправляться

через Неман. И в момент, когда происходил телефонный разговор с командиром этого корпуса, на левом фланге армии и особенно в центре обстановка была еще сложнее.

Командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерал М. Н. Завадовский доложил, что первый эшелон — 5-я и 26-я гвардейские стрелковые дивизии только выходят к реке. И это было хорошо. Ведь накануне вечером, как уже отмечено, они еще находились в 30—40 км к востоку от Немана. От них потребовались поистине героические усилия, чтобы, с боями, ломая сопротивление врага, преодолеть это расстояние менее чем за сутки. Но им еще предстояло разгромить противника, оборонявшегося на восточном берегу. Кроме того, даже при форсировании с ходу нужно хотя бы минимальное время для подготовительных действий. Следовательно, и 8-й гвардейский стрелковый корпус мог начать переправу не раньше ночи.

Связавшись с генералом П. Г. Шафрановым, я узнал, что дивизиям 36-го гвардейского стрелкового корпуса враг по-прежнему оказывает упорное сопротивление. Им противостояли крупные силы, в том числе свежая 131-я пехотная дивизия¹⁰.

— Все же 84-я и 18-я гвардейские стрелковые дивизии теснят противника, а на ряде участков обходят его, чтобы быстрее выйти к Неману, — добавил генерал Шафранов.

В целом обстановка в центре, таким образом, соответствовала нашим намерениям относительно обхода с флангов основных вражеских сил. Тем не менее следовало ускорить преодоление реки и на участке 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Это позволило бы надежнее отрезать противника на восточном берегу. Поэтому командир корпуса получил такое указание:

— Прикажите командирам обеих дивизий генералу Петерсу и полковнику Даниеляну выслать передовые отряды и форсировать ими реку. После этого легче будет добить противника к востоку от Немана.

Время бежит незаметно, и вот уже наступил вечер. Уточняя обстановку. Три дивизии правофлангового 16-го гвардейского стрелкового корпуса приступили к переправе войск и боевой техники. На левом фланге две дивизии 8-го гвардейского стрелкового корпуса завершают приготовления к форсированию. 36-й гвардейский стрелковый корпус еще далеко от реки, но передовые отряды его дивизий уже высланы вперед. Все идет по плану, но с некоторым опозданием. Это все еще сказываются как переоценка наших возможностей в отношении сроков проведения операции, так и выдвижение противником свежих сил в полосу армии. Вот и сейчас еще слева доносится грохот боя. То наши войска добивают обороняющегося на восточном берегу врага. А с западного продолжают вести огонь орудия и минометы противника. Одновременно гитлеровцы непрерывно жгут раке-

¹⁰ Архив МО СССР, ф. 318, оп. 5916, д. 645—649, л. 59.

М. Н. ЗАВАДОВСКИЙ

И. Д. БУРМАКОВ

ты. Видимо, нервничают. Ничего, сейчас ими займются наши бомбардировщики.

Командующий 1-й воздушной армией генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин легок на помине. Звонит по телефону:

— Послал две дивизии бомбардировщиков, прошу проверить обозначение своих войск.

Даю соответствующие распоряжения офицерам — направлею оперативного отдела. Потом вместе с генералом П. Н. Куликовым выходим на открытую площадку наблюдательного пункта, отсюда виднее. Вот в небе возникает гул множества моторов. Это идут на бомбежку наши бомбардировщики в сопровождении истребителей. И вот уже на западном берегу рвутся сотни авиабомб. Видны огневые вспышки. Одновременно справа доносится грохот мощного артиллерийского налета. Это дивизии 16-го гвардейского стрелкового корпуса возобновили форсирование.

Возвращаемся к телефону. Генерал С. С. Гурьев докладывает, что переправу начали все три дивизии. 31-я гвардейская форсирует реку на двух участках. На одном из них 95-й и 97-й гвардейские стрелковые полки уже расширяют свой плацдарм. На другом действует 99-й гвардейский стрелковый полк под командованием полковника К. Г. Кузнецова. Сооружается плавучий мост, по которому на плацдарм будут переправлены минометы и артиллерия. Успешно идет форсирование и на участках 1-й и 11-й гвардейских стрелковых дивизий.

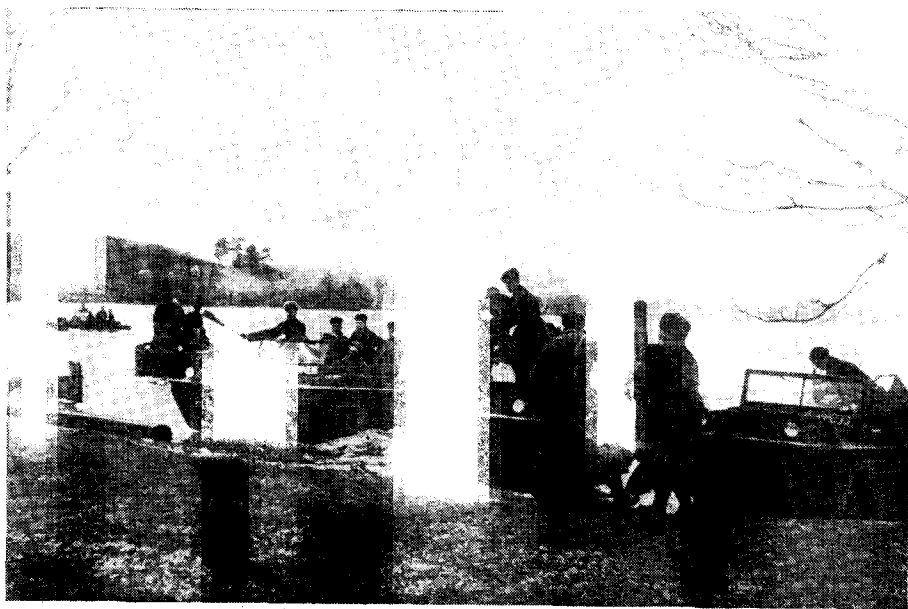
— Как ведет себя противник?

— Продолжает стягивать новые силы к плацдарму. Выдвинул несколько батарей, но большую их часть мы подавили своей корпусной артиллерией.

Всю ночь шли бои. Едва рассвело, как авиация противника попыталась бомбить переправившиеся войска. Она была встречена нашими истребителями. Разгорелись воздушные бои. Фашистским самолетам мешал и зенитный огонь. Все же отдельные из них провалились к переправам и нанесли по ним удары. Но это уже не могло существенно помочь врагу. К утру 14 июля на западном берегу находились три дивизии 16-го гвардейского стрелкового корпуса и передовые подразделения двух дивизий 8-го гвардейского стрелкового корпуса. Наши части нанесли удар на Алитус и продолжали теснить упорно оборонявшихся гитлеровцев.

Но не радует сводка, доложенная начальником тыла армии полковником Ю. Б. Ибатулиным: боеприпасы на исходе. Да и не удивительно. Напряженность боев, а с нею и расход боеприпасов в последние дни непрерывно возрастали. В то же время мы с каждым днем удалялись от станций снабжения. Армейский транспорт уже не справлялся с подвозом требуемых грузов. Но и ждать, пока нам фронт доставит боеприпасы, мы не могли. Поэтому приказал дополнительно мобилизовать часть транспорта дивизий, в первую очередь из 16-го гвардейского стрелкового корпуса, направить автомашины

Переправа стрелковых подразделений через Неман на малых амфибиях

прямо на передовые склады фронта с тем, чтобы сегодня же к вечеру дивизии получили все необходимое.

Тем временем из корпусов шли хорошие вести.

Радовал успех 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Она вышла к реке севернее Алитуса в двух районах, малопригодных для форсирования. Полковник П. Ф. Толстиков выбрал их как раз потому, что здесь гитлеровцы меньше всего ожидали действий по форсированию реки. И он не ошибся. Западный берег оказался прикрыт весьма небольшими силами. На всем участке форсирования реки дивизией ей к началу атаки противостоял не более чем пехотный батальон с двумя батареями артиллерии.

Поэтому, начав форсирование ночью, дивизия полковника П. Ф. Толстикова уже к 10 часам имела на том берегу пять стрелковых батальонов со всем их вооружением, включая и артиллерию. Первой вышла к реке группа разведчиков. Возглавлял ее начальник разведки 167-го гвардейского стрелкового полка старший лейтенант В. Т. Тимофеев. Сначала он один переплыл реку. Навстречу ему при выходе на берег бросилось несколько гитлеровцев, видимо, намереваясь взять его в плен. Тимофеев одного из них убил, остальные залегли. Началась перестрелка. Отважный офицер не давал противнику подняться и подойти к берегу.

Это позволило переправиться вплавь сначала остальным разведчикам, а затем и стрелковой роте старшего лейтенанта Е. М. Нихаева. На нескольких плотиках доставили на западный берег пулеметы. Очистив берег от гитлеровцев, рота захватила плацдарм и затем упорно удерживала его до подхода всего батальона под командованием майора Г. Т. Серова. В этом бою особенно отличились пулеметчики сержанты Чабайченко и Шляхов. Они в числе первых переплыли реку и заняли выгодную высотку, откуда поддерживали переправу остальных подразделений, одновременно отражая попытки противника организовать контратаку. Чабайченко и Шляхов уничтожили до 80 фашистов¹¹.

Утром противник перебросил сюда резервы, в том числе до десяти танков. Пытался он и контратаковать. Но огнем противотанковых пушек, переправленных вместе с стрелковыми батальонами, и дивизионной артиллерии с восточного берега был разгромлен. Пять его танков подбиты, а пехота подавлена.

Южнее Алитуса переправлялась 11-я гвардейская стрелковая дивизия. Ее воины также действовали героически.

Первым вырвался к реке 40-й гвардейский стрелковый полк под командованием подполковника С. А. Скрынникова. Его передовой батальон с батареей, которой командовал начальник артиллерии полка майор Р. А. Валиев, с ходу начал форсирование. Соорудив из бревен и привезенных с собой пустых бочек два плота и погрузив на каждый из них по орудию, бойцы поплыли на западный берег.

¹¹ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 284.

Когда они достигли середины реки, гитлеровцы открыли ураганный пулеметный огонь.

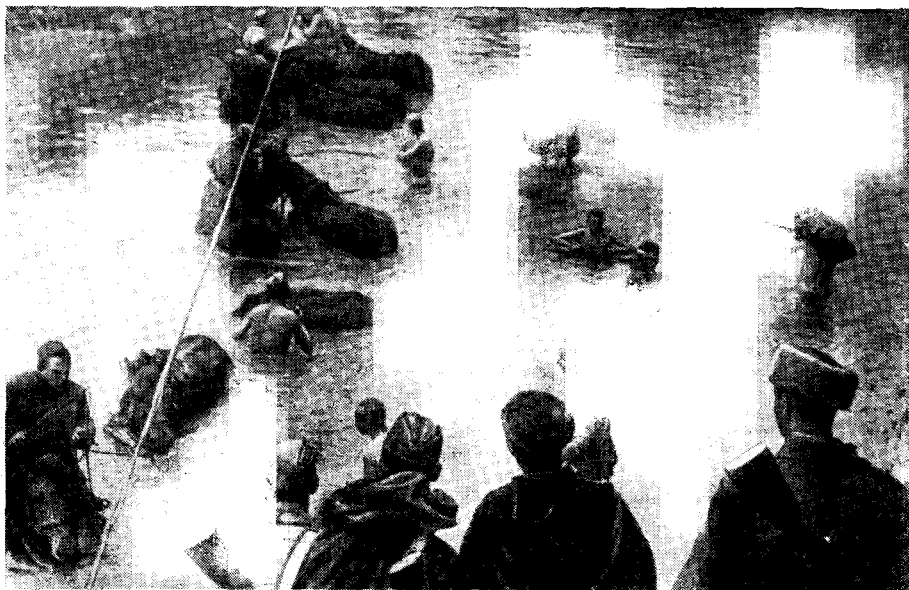
Гвардейцы ответили с плотов огнем автоматов и ручных пулеметов. Но вот открыла огонь вражеская артиллерия. Один из снарядов разорвался рядом с плотом, находившаяся на нем пушка опрокинулась и пошла на дно. А бойцы продолжали бесстрашно плыть вперед.

Чтобы помочь им, подполковник Скрыпников выдвинул почти к самому берегу все полковые орудия. Их меткие залпы заставили на некоторое время замолчать артиллерию противника.

И тут первый плот с пушкой, а также несколько групп бойцов достигли западного берега. Под их прикрытием вскоре были переправлены на трех плотках еще две пушки, пулеметы, стрелковые подразделения. Теперь гвардейцы с обеих сторон реки вместе с выдвинутой на восточный берег дивизионной артиллерией прикрывали саперный батальон, начавший наводить понтонный мост. Противник пытался помешать этому артиллерийским огнем. Одновременно он предпринял контратаки против подразделений, удерживавших плацдарм. Но воины 40-го гвардейского стрелкового полка при поддержке артиллерии стойко отразили натиск врага.

В 11 часов я доложил генералу И. Д. Черняховскому, что главные силы 31-й гвардейской стрелковой дивизии, а также части остальных дивизий фланговых корпусов ведут бои на западном берегу.

Переправа лошадей артиллерийской батареи

— От души поздравляю, — ответил командующий фронтом. — Надеюсь, вы быстро переправите все силы армии на западный берег. К вашему сведению, сегодня утром левофланговые дивизии 5-й армии вышли к Неману севернее Алитуса, 31-я армия продвигается к Друскеникам.

А у нас на плацдармах бои становились все более напряженными, особенно в районе Алитуса. Противник стянул крупные подкрепления, в том числе танки, и непрерывно контратаковал части 11-й гвардейской стрелковой дивизии. Но теперь его встретили огнем уже два переправившихся полка, поддерживаемых с восточного берега артиллерией. Да и третий полк дивизии — 27-й гвардейский под командованием подполковника С. Г. Белова вскоре начал форсирование, и его подразделения с ходу вступили в бой.

Не имели успеха и вражеские контратаки на плацдармах частей 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Переправив на западный берег главные силы и артиллерию, части дивизии отразили все попытки врага сбросить их в реку и нанесли ему большие потери.

Продолжал развиваться успех 8-й гвардейской стрелковой дивизии.

В его 5-й гвардейской стрелковой дивизии первым форсировал Неман батальон майора И. Е. Лопата из 12-го гвардейского стрелкового полка. Передовую группу бойцов, преодолевших реку вплавь, возглавил заместитель командира батальона по политчасти капитан Т. В. Янин. За ними на нескольких лодках и различных подручных средствах переправился весь батальон. Не давая противнику опомниться, гвардейцы быстро завладели частью берега, окопались и обеспечили огнем переправу других подразделений своего полка.

Героизм и находчивость проявил при этом комсомолец Д. И. Горин. Переплыв реку одним из первых, он под прикрытием огня своих товарищей, прорвался на высоту и водрузил над ней красный флаг. Гитлеровцев это привело в ярость. Они пробовали издали сбить флаг. Пытались и прорваться к нему, чтобы заодно захватить в плен смельчака. Но на помощь к отважному комсомольцу подоспели другие бойцы, и красный флаг по-прежнему реял над высотой, зовя наших воинов вперед. Мужественно, бесстрашно действовал парторг артиллерийской батареи этого же стрелкового полка старшина В. А. Баринков. Переброшенные на плоты орудия могли быть эффективно использованы лишь при наличии тяги. И В. А. Баринков под огнем врага десять раз переплывал реку на плоту и переправил на западный берег всех лошадей артиллерийской батареи¹².

Во второй половине дня 5-я, а также переправлявшаяся несколько севернее 26-я гвардейские стрелковые дивизии полковника Н. Л. Волкова и генерал-майора Г. И. Чернова уже значительными силами форсировали Неман и расширили захваченные плацдармы, продвинувшись на 2—3 км в глубину. Докладывая об этом, командир корпуса генерал М. Н. Завадовский отметил:

¹² Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 283.

— На западный берег вместе с пехотой переправились командиры артиллерийских дивизионов и полков. Это обеспечило хорошую артиллерийскую поддержку и способствовало успеху форсирования.

Генералу М. Н. Завадовскому, как и командиру 16-го гвардейского стрелкового корпуса, я поставил задачу на дальнейшее расширение и объединение небольших плацдармов в один, более обширный. Напомнил, что условия для этого значительно улучшатся с окончанием постройки тяжелых мостов — по два на корпус, сооружение которых энергично вели наши инженерные части. Это позволит переправить танки, самоходки, тяжелую артиллерию. А пока нужно было с прежней решительностью действовать остальными силами.

Задача была нелегкой, так как противник резко усилил противодействие. Предпринимаемые им контратаки становились все более частыми и настойчивыми, особенно на фронте 8-го гвардейского стрелкового корпуса. Но к 19 часам этот корпус уже имел на западном берегу основные силы двух дивизий и ряд подразделений третьей, также начавшей переправляться. В результате наши войска не только успешно отбивали все контратаки, но и продолжали расширять плацдармы. Правда, продвигались они вперед пока медленно, с боями отвоювая каждую сотню метров.

К исходу дня наибольшего успеха достигли дивизии 16-го гвардейского стрелкового корпуса, соединившие несколько небольших плацдармов в один и увеличившие его до 25 км по фронту и до 4 км в глубину. Нескольким меньшим был плацдарм, захваченный 8-м гвардейским стрелковым корпусом, но наши части продолжали с боями расширять его.

Что касается 36-го гвардейского стрелкового корпуса, то к середине дня 14 июля на Неман начали выходить лишь передовые отряды его дивизий. Главными же силами он продолжал уничтожать противостоявшие им вражеские войска, и под его ударами они таяли с каждым часом. Командир корпуса генерал П. Г. Шафрапов, с которым поддерживалась постоянная связь, вновь заверил, что его дивизии разгромят противника и форсируют Неман без дополнительной помощи. Он просил лишь зарезервировать предназначенные для них переправочные средства, с тем чтобы корпус при подходе к реке мог без промедления начать форсирование.

Разумеется, соответствующее распоряжение мною было немедленно отдано начальнику штаба инженерных войск армии полковнику М. Г. Григоренко.

Передовые же отряды дивизий 36-го гвардейского стрелкового корпуса, действительно, уже начали выходить к реке. Им было нелегко это сделать, так как пришлось пробиваться по существу в тыл врага, через его заслоны и далее по территории, на которой находилось немало опорных пунктов противника.

Вот как действовал, например, передовой отряд 84-й гвардейской стрелковой дивизии. В его составе было 250 бойцов и командиров, в том числе рота саперов. Отряд имел на вооружении автоматы,

пулеметы и три легкие 45-мм пушки. Командовал им заместитель командира 247-го гвардейского стрелкового полка майор И. Н. Дружинин. Саперами руководил дивизионный инженер майор А. К. Сяхович. Командир дивизии генерал-майор Г. Б. Петерс поставил отряду задачу захватить мост через Неман в районе Неманойце.

Пробираясь по лесным дорогам и обходя опорные пункты врага, отряд в середине дня 14 июля подошел на близкое расстояние к Неману. Высланная вперед разведка установила, что в Неманойце, расположенном на восточном берегу, сосредоточены танки и артиллерия противника, обороняющие здесь предместное укрепление. В связи с этим И. Н. Дружинин и А. К. Сяхович приняли решение форсировать реку в двух километрах севернее, выйти на западный берег и отрезать оборонявшегося в Неманойце противника. Правда, на избранном участке западный берег реки был крутым и обрывистым, но зато он не прикрывался силами врага, считавшего, вероятно, что здесь форсирование невозможно.

Выйдя к реке там, где у самого берега рос лес, саперы под руководством командира роты старшего лейтенанта Н. Ф. Семенова разобрали стоявший здесь сарай, сняли проволоку с разрушенной линии связи и соорудили восемь небольших плотов. Каждый из них мог выдержать пять человек. С наступлением темноты плоты подтащили к реке и спустили на воду. Первыми поплыла группа бойцов во главе со старшим лейтенантом Н. Ф. Семеновым. Это были автоматчики рядовые В. Е. Стукалов, Х. З. Хайрулин и сержант В. П. Синельников со станковым пулеметом. Плотом управляли саперы старшина Е. А. Антонов и сержант Н. Палтусов.

Рейс прошел успешно, противник не обнаружил наших воинов. Е. А. Антонов и Н. Палтусов благополучно перевезли и вторую группу. Тем временем старший сержант И. Н. Николаев, рядовые Шишкин, Лавренев и многие другие переправились вплавь. Вскоре весь отряд в полном составе без единого выстрела занял плацдарм на западном берегу.

К утру 15 июля к реке начали подходить основные силы 84-й гвардейской стрелковой дивизии, завершившие разгром противостоявшего им врага. Гитлеровцы немедленно взорвали мост у Неманойце, опасаясь, что он будет захвачен нашими войсками. Значительная часть вражеской боевой техники осталась на восточном берегу и попала в руки воинов дивизии генерала Петерса. А фашистские солдаты попытались преодолеть Неман вплавь и на легких лодках, но это удалось немногим. Большинство же было уничтожено на воде.

Без промедления саперы навели легкий понтонный мост, началась переправа. Но в это время на плацдарм, где пока находился лишь передовой отряд, обрушился огонь вражеской артиллерии. Появились «юнкеры». Они были встречены огнем зенитной артиллерии, но продолжали прорываться и, круто пикпирюя, в течение получаса, били по переправе. Одна из бомб разорвалась у моста — несколько понтонов были разбиты. А против передового отряда, захватившего плацдарм на западном берегу, гитлеровцы бросили

ганки, штурмовые орудия и пехоту. Контратака поддерживалась сильным артиллерийским огнем. Разгорелся упорный бой, в котором наши воины проявили высокое мужество и стойкость. Врагу не удалось сбить их с плацдарма. Хорошо поддерживала отряд своим огнем вся артиллерия дивизии. Вражеские же бомбардировщики поспешно скрылись, так как в воздухе появились наши истребители.

На плацдарме не прекращались контратаки противника. Но наши силы и там уже возросли. Этому помогли отважные саперы, возглавляемые старшим лейтенантом Н. Ф. Семеновым. Под вражеским огнем они сумели переправить на плацдарм четыре 76-мм пушки со снарядами, и артиллеристы с ходу вступили в бой с фашистскими танками.

Во второй половине дня 15 июля к реке подвезли новые понтоны. И хотя бой не утихал, а артиллерия противника непрерывно вела сильный огонь по наводимой переправе, саперы ни на минуту не прекращали работу. Благодаря их бесстрашию и мужеству мост был быстро восстановлен. Переправа заработала с полной нагрузкой. Подразделения дивизии одно за другим выходили на западный берег и, с ходу вступая в бой, решительно продвигались вперед¹³.

Таким образом, передовой отряд сыграл исключительно важную роль в форсировании Немана 84-й гвардейской стрелковой дивизией. Многие его бойцы и командиры были награждены орденами и медалями. А старшему лейтенанту Н. Ф. Семенову, старшему сержанту И. Н. Николаеву, сержанту В. П. Спиринникову, красноармейцам В. Е. Стукалову и Х. З. Хайрулину Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героев Советского Союза.

Бои за плацдарм

С утра 15 июля с новой силой возобновились бои на всем фронте армии. Противник успел подтянуть крупные силы пехоты, танков и артиллерии. В воздухе непрерывно появлялись вражеские бомбардировщики. Но их тут же встречали наши истребители. Фашистская артиллерия беспрерывно вела сильный огонь как по плацдармам, так и по восточному берегу.

Ей даже удалось обнаружить новый наблюдательный пункт армии, расположенный вблизи реки, куда я перешел утром 15 июля с несколькими офицерами штаба, чтобы быть ближе к войскам. Здесь уже развернулся узел связи, и мы сразу приступили к работе. Но в этот момент район наблюдательного пункта подвергся мощному артиллерийскому налету. Был убит прибывший для доклада начальник оперативного отделения штаба тыла армии полковник И. К. Николаев, ранены майор Ф. Д. Свердлов, командир роты связи старший лейтенант И. С. Козлов и несколько бойцов-радиостов. Полагая, что обстрел случайный, мы продолжали работу. Но не прошло

¹³ Архив МО СССР, ф. 978, оп. 480930, д. 1, лл. 20—23.

и 20 минут, как артиллерийский налет повторился. Стало ясно, что вражеская авиаразведка, по-видимому, еще вчера обнаружила здесь саперов, оборудовавших наблюдательный пункт. Пришлось переехать с подвижными узлами связи на автомашинах в другой район, откуда также были хорошо видны река и отвоеванные нашими частями плацдармы.

Там шли напряженные бои. Особенно упорными и затяжными они были на участке 31-й гвардейской стрелковой дивизии и в полосе 8-го гвардейского стрелкового корпуса.

31-я гвардейская стрелковая дивизия, не прекращавшая наступление и ночью, к рассвету прорвалась двумя стрелковыми полками — 95-м и 97-м гвардейскими на восточную окраину Алитуса. Одновременно ее 99-й гвардейский стрелковый полк обходил город с юга и юго-запада. В это же время севернее на Алитус наступали части 1-й гвардейской стрелковой дивизии.

Город был хорошо укреплен и упорно оборонялся гитлеровцами. Дело в том, что к нему сходились несколько шоссе, и таким образом овладение Алитусом давало нам свободу маневра. Этому и стремился воспрепятствовать враг, опиравшийся на сильные укрепления. Помимо оборонительных сооружений полевого типа вокруг города, особенно на его восточной стороне, выходящей к Неману, было построено несколько железобетонных фортов, имевших круговую оборону. Многие каменные здания гитлеровцы также укрепили и превратили в огневые точки. По окраинам Алитуса и вокруг фортов были установлены всевозможные заграждения. В городе и на подступах к нему оборонялись значительные силы — до полка 5-й танковой дивизии, 1072-й гренадерский полк и отдельные охранные подразделения.

Итак, враг находился в надежных укреплениях, а наши части наступали по открытому полю и со стороны реки под непрерывным огнем противника. Но ничто не могло остановить советских воинов, завершавших освобождение своей земли от захватчиков.

В 6 часов 99-й гвардейский стрелковый полк 31-й гвардейской стрелковой дивизии захватил перекресток шоссе и железной дорог у западной окраины Алитуса. Тем самым он отрезал частям противника пути отхода в западном и юго-западном направлениях. Одновременно полк установил локтевую связь с 11-й гвардейской стрелковой дивизией, наступавшей южнее. Теперь 31-я гвардейская стрелковая дивизия всеми полками атаковала оборонявшихся, нанося удары на Алитус одновременно с востока, юга и запада.

Враг жестоко оборонялся. В течение двух часов он пехотой и танками восемь раз контратаковал на разных направлениях части дивизии.

Но все его контратаки были отбиты. Кольцо окружения постепенно сжималось. Наконец, в 10 часов 99-й гвардейский стрелковый полк смелым ударом с юга ворвался в центр города и вышел в тыл противнику, сдерживавшему натиск 95-го и 97-го гвардейских стрелковых полков с востока. Наши танки, самоходно-артиллерийские

установки и полевые орудия вели огонь прямой наводкой, уничтожая фашистов в долговременных сооружениях и других укреплениях. Начались уличные бои. Гвардейцы квартал за кварталом освобождали город.

Противник понес в этих боях большие потери, причем только убитыми — до 600 солдат и офицеров. На северной окраине города за высоким каменным забором был обнаружен крупный пересылочный лагерь, откуда гитлеровцы отправляли советских людей на каторгу в Германию. Гвардейцы уничтожили охрану лагеря и освободили тысячи заключенных, в основном молодежь из Витебска, Орши, Донбасса.

К 11 часам части 31-й гвардейской стрелковой дивизии во взаимодействии с обошедшими город с северо-запада частями 1-й гвардейской стрелковой дивизии овладели Алитусом¹⁴.

1-й гвардейской стрелковой дивизией вместо тяжело заболевшего полковника П. Ф. Толстикова с вечера 14 июля временно командовал начальник ее штаба полковник С. И. Портнов. Упоминание о нем не раз встречается в начале этой книги. Это был тот самый С. И. Портнов, который командовал в 1941 г. полком в возглавляемой мною 24-й Железной стрелковой дивизии. Тогда мы вместе прошли с боями около 500 км, отходя на восток по тылам прорвавшихся немецко-фашистских войск. И он проявил себя в те дни с самой лучшей стороны. Теперь мы вместе прошли с востока на запад всю Белоруссию и половину Литвы. Опытнейший боевой офицер С. И. Портнов умело возглавлял штаб дивизии, и я не сомневался, что он отлично справится и с должностью ее командира.

На войне было немало таких встреч, будивших воспоминания и с огромной силой подчеркивавших неразрывную связь всех ее событий — и тягостных и счастливых, их единство. В таких встречах ярко отразился очень знаменательный, на мой взгляд, факт: те же люди, что в тяжкий начальный период войны были вынуждены с боями отходить в глубь страны, теперь победно шли на запад, громя уже обреченного на окончательное поражение врага. И за этим стояла величественная картина громадных усилий советского народа и его Красной Армии, сумевших под руководством Коммунистической партии в исторически короткий срок повернуть неблагоприятное развитие событий в иное русло, изменить ход войны в свою пользу и создать все необходимые предпосылки для победы над сильным и коварным противником.

Кстати, бывая в 1-й гвардейской стрелковой дивизии, я никогда не забывал заглянуть в ее 169-й гвардейский стрелковый полк. С ним тоже были связаны многие воспоминания. Ведь это был бывший 3-й полк, которым мне довелось командовать еще в 30-е годы. И, признаюсь, испытывал глубокое удовлетворение, видя, что он и теперь являлся лучшим в дивизии и ему было доверено хранить ее знамя.

¹⁴ Архив МО СССР, ф. 381, оп. 5916, д. 645—649, л. 71.

169-му гвардейскому стрелковому полку, как и всей 1-й гвардейской стрелковой дивизии, трудно пришлось утром 15 июля на западном берегу Немапа.

Здесь, севернее Алитуса, противник с рассвета непрерывно контратаковал крупными силами пехоты, артиллерии и танков. Первый удар он нанес по правому флангу дивизии у Жолнеришки, на участке 167-го гвардейского стрелкового полка подполковника П. Л. Шевелева. Батальон майора Г. Т. Серова подвергся сильной бомбежке с воздуха, после чего был контратакован пехотой в количестве до 700 солдат и офицеров с 20 танками. Одновременно противник предпринял контратаку и на участке левофлангового 169-го гвардейского стрелкового полка подполковника М. И. Гавриша. Здесь враг нанёс удар из района Путины. В контратаку на этом участке он бросил пехоту численностью до 500 солдат и офицеров с 15 танками. Гитлеровцы явно стремились расцечь боевой порядок дивизии и выйти к переправам.

Доложив об этом по телефону, полковник С. И. Портнов сообщил, что выдвинул на правый фланг свой резерв. Левый же не вызывал у него опасений, так как там 169-й гвардейский полк, несмотря на трудную обстановку, успешно отбивал все контратаки. Правда, и он пуждался в дополнительной огневой поддержке. Особенно же она требовалась на правом фланге.

Мною тотчас же было приказано нанести удар авиацией и армейской артиллерией по противнику севернее Жолнеришки и южнее Путины. Сообщив об этом полковнику Портнову, я добавил, что не сомневаюсь в стойкости 1-й гвардейской стрелковой дивизии.

— Передайте это и моим однополчанам — воинам 169-го гвардейского стрелкового полка.

— Немедленно передам подполковнику Гавришу, — ответил С. И. Портнов. — И можете не сомневаться — все полки дивизии выполнят свою задачу.

И они, действительно, сорвали замысел врага.

Вот как развивались дальнейшие события.

Прорвавшись через боевые порядки батальона на правом фланге дивизии, танки противника устремились к Неману. Наступавшая совместно с ними пехота была задержана нашим огнем, умело организованным командиром батальона майором Г. Т. Серовым. Тем временем его заместитель по политчасти капитан П. П. Молодых объединил под своим командованием всю противотанковую артиллерию, находившуюся на этом участке. По его команде артиллеристы с близких дистанций открыли прицельный огонь во фланг вражеским танкам и подбили пять из них. Неся потери и лишившись поддержки своей пехоты, фашистские танки повернули назад.

Так была отбита опасная контратака. Но, несмотря на неудачу и понесенные потери, противник вновь попытался прорваться к реке. Последовала еще одна контратака. Однако все повторилось сначала. В упорном бою фашистская пехота опять была отсечена, а танки, вырвавшиеся к реке, попали под артиллерийский огонь.

Отважно действовал в этом бою наводчик противотанкового орудия ефрейтор А. А. Колосков, который со своей пушкой первым из артиллеристов перебрался на западный берег. С дистанции 100—120 м он подбил два танка, а затем, сменив огневую позицию, осколочными снарядами уничтожил десятки гитлеровцев.

В упорном бою у Жолнеришки противник потерял несколько танков и до 300 солдат и офицеров.

Не добившись здесь успеха, он нанес удар южнее. Более двух батальонов пехоты с 30 танками было брошено против 171-го гвардейского стрелкового полка подполковника Г. А. Емельянова. На пути противника был батальон майора Е. В. Иванова. С огромным напряжением всех сил сдерживал он противника, имевшего многократное численное превосходство. Но вот на помощь подоспел резерв командира полка. Сюда же прибыл подполковник Емельянов. Он быстро расставил полковые орудия и умело направлял их огонь. Г. А. Емельянов, руководя огнем, был все это время среди бойцов и лично участвовал в отражении непрерывных контратак.

В одной из схваток с врагом он пал смертью героя. Гвардейцы отомстили за гибель своего командира полка. Они ни на шаг не отступили с занимаемых позиций, нанося большие потери вражеским танкам и пехоте, которым так и не удалось пробиться к берегу Немана. Геройски сражался в этом бою командир стрелкового взвода лейтенант В. Ф. Калинин. Будучи ранен, он оставался в строю, умело управлял огнем и вместе с бойцами отбивал атакиседавших гитлеровцев. Его взвод уничтожил до 200 фашистских солдат. Мужество и бесстрашие проявил и командир батареи старший лейтенант М. И. Волков. Находясь на наблюдательном пункте в боевых порядках пехоты, он одновременно и отстреливался от наступающих гитлеровцев и метко поражал огнем своих орудий их пулеметы и противотанковые пушки.

К вечеру части 1-й гвардейской стрелковой дивизии отразили все вражеские контратаки и не только удержали за собой захваченный плацдарм, но и продвинулись вперед до 800 м.

За героизм и мужество, проявленные в этих упорных боях, славным гвардейцам майору Г. Т. Серову, капитану П. П. Молодых, ефрейтору А. А. Колоскову, лейтенанту В. Ф. Калинин, старшему лейтенанту М. И. Волкову и посмертно подполковнику Г. А. Емельянову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Много отважных бойцов и командиров получили ордена и медали.

Овладев Алитусом и отразив все контратаки, дивизии 16-го гвардейского стрелкового корпуса снова пошли вперед, сокрушая очаги фашистской обороны.

В центре армии одновременно с 84-й гвардейской стрелковой дивизией вышли к Неману и передовые части 18-й гвардейской стрелковой дивизии. Хотя противник в ее полосе оказывал еще упорное сопротивление, командир дивизии полковник С. М. Даниелян, сковав врага частью сил и обойдя двумя полками очаги вражеской

С. С. ГУРЬЕВ

С. М. ДАНИЕЛЯН

обороны, направил их к реке, выдвинув туда и саперный батальон. Проведя разведку, передовые батальоны начали форсирование. Но оно шло пока медленно, так как противник с западного берега встретил переправляющиеся подразделения сильным огнем.

Тогда полковник С. М. Даниелян с командующим артиллерией дивизии и группой офицеров штаба выехали к реке. Сюда же были выдвинуты все орудия и минометы. Мощными залпами они подавили значительную часть вражеских огневых точек. Подтянув к реке саперов, командир дивизии установил четкое взаимодействие между полками.

Под прикрытием артиллерийского огня форсирование возобновилось. Сначала переправились четыре батальона, а за ними и остальные части дивизии, которые тотчас же начали развивать наступление на западном берегу Немана.

Как уже отмечено, большую активность проявляла авиация противника. Ей не удалось причинить какой-либо существенный урон нашим войскам. Правда, дважды от взрыва авиабомб перевертывались понтоны с людьми и артиллерией. Утонуло несколько пушек. Войска же несли при этом незначительные потери, что объяснялось как решительными действиями нашей авиации, так и наличием надежных укрытий на берегу у мостов и хорошо налаженной комендантской службой, не допускавшей скопления людей на подходе к реке ¹⁵.

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 645—649, л. 57.

Не смогла фашистская авиация и серьезно повредить переправам, хотя и пыталась это сделать, совершив 15 июля 125 самолето-вылетов. В течение дня она несколько раз налетала на переправы. Вести прицельно бомбометание ей не давали наши истребители и зенитная артиллерия, сбившая в этот день три фашистских самолета. Однако несколько бомб все же вывели из строя часть понтонов. Но героически трудившиеся саперы быстро восстанавливали мосты.

Насколько важное значение имела их работа, видно из того, что захваченные плацдармы были расширены главным образом благодаря быстрой переброске на западный берег всей дивизионной артиллерии. Без нее наши части вряд ли смогли бы успешно отразить контратаки противника. А ведь за 14 и 15 июля было отбито более 20 контратак, предпринимавшихся силою одного-двух пехотных батальонов при поддержке от 10 до 30 танков и штурмовых орудий.

Хорошо действовала в этих упорных боях наша штурмовая авиация. Массированными ударами она препятствовала подходу вражеских резервов, наносила им значительные потери, штурмовала аэродромы противника. Важно отметить, что в течение всего периода боев оперативные группы командиров авиационных соединений со средствами связи находились в стрелковых корпусах. Это позволяло четко и быстро осуществлять взаимодействие авиации с нашими дивизиями¹⁶.

Успешное форсирование Немана войсками армии способствовало новому подъему боевого духа гвардейцев. Они рвались в бой, чтобы довершить разгром врага. Верно охарактеризовал настроение бойцов комсорг 1-го батальона 53-го гвардейского стрелкового полка 18-й гвардейской стрелковой дивизии Б. А. Ерипов. Выступая на комсомольском собрании, он сказал: «Меня бойцы постоянно спрашивают, сколько осталось до границы. У всех людей после форсирования такое настроение, что хотят быстрее дойти до границы»¹⁷.

И это настроение было вполне оправданным. Ведь даже Гитлер, отдавая приказ своим войскам любой ценой удержать Неман, назвал рубеж этой реки «воротами» в Восточную Пруссию. Когда же эти «ворота» рухнули под ударами наших войск и угроза, действительно, вплотную надвинулась на Восточную Пруссию, он первый поспешил из нее убраться. Находившиеся там ставка Гитлера, а также генеральный штаб сухопутных войск, как стало известно позднее, были срочно перемещены в глубь Германии.

Но это отступление не означало, что враг к западу от Немана сломлен. Напротив, он все еще пытался сбросить наши войска с плацдармов и восстановить свой фронт по реке. С этой целью Модель, который после разгрома группы армий «Центр» сменил ее прежнего командующего генерал-фельдмаршала Буша, выдвинул сюда оперативные резервы, переброшенные с других участков фронта и из глубокого тыла.

¹⁶ Архив МО СССР, ф. 290, оп. 3284, д. 449, лл. 25, 26.

¹⁷ Там же, ф. 358, оп. 5938, д. 77, л. 284.

В частности, в полосу нашей армии, кроме 131-й пехотной были выдвинуты также 60-я моторизованная и 224-я охранная дивизии. Их прибытие сразу же дало себя знать. Резко усилились контратаки, увеличилось количество участвовавших в них войск. Так, уже 17 июля в контратаки было брошено свыше 8 батальонов пехоты, 54 танка и 42 штурмовых орудия. Их поддерживало до 20 артиллерийских и 25 минометных батарей¹⁸. Интенсивность артиллерийской стрельбы возросла, противник стал в течение суток выпускать почти столько же снарядов, сколько и мы. Значительно активизировала свои действия вражеская авиация.

Следует также иметь в виду, что к Неману наши дивизии вышли уже значительно ослабленными в предыдущих боях. Ведь за месяц почти непрерывного наступления мы прошли 480 км¹⁹. Нанеся противнику огромный урон, мы и сами понесли потери. Пополнений же, кроме возвращающихся в строй после ранения, не поступало. Вследствие этого численный состав дивизий сократился до 3—4 тыс. человек в каждой. Во многих батальонах остались по две стрелковые роты, а, например, в батальонах 26, 83 и 84-й гвардейских стрелковых дивизий — даже по одной. Это произошло потому, что мы сводили в одну каждые две-три роты, поскольку численность бойцов в каждой из них в среднем не превышала 25—30 человек. Мало осталось и исправных танков. Наконец, вследствие стремительных темпов наступления армии отстали и растянулись ее тылы.

Конечно, все это не означало, что армия утратила свою ударную силу. Напротив, о ее высокой боеспособности свидетельствовали и итоги последних четырех дней наступления — с 15 по 18 июля. За это время войска армии не только успешно форсировали Неман, но и продвинулись на запад от него от 6 до 15 км.

Но налицо были два важных обстоятельства, которые нельзя было не учитывать. Во-первых, войска 3-го Белорусского фронта к рассматриваемому времени полностью выполнили задачу, поставленную им Ставкой Верховного Главнокомандования. Во-вторых, перед нами стоял все еще сильный противник, — впереди было немало трудных боев, и наши войска нуждались в доукомплектовании людьми и боевой техникой. Требовалось также подтянуть тылы, подвезти все необходимое. Все это и привело к решению приостановить наступление на несколько дней.

Исчерпывающую оценку обстановки того времени дал в своих воспоминаниях генерал-полковник А. П. Покровский, являвшийся тогда начальником штаба 3-го Белорусского фронта. Он писал: «11-я гвардейская и 31-я армии успешно продвигались к Неману и 13 июля с ходу начали его форсировать. К 15 июля удалось отвоевать несколько плацдармов, однако сопротивление противника быстро нарастало, он имел уже свыше десяти пехотных и танковых дивизий.

¹⁸ Там же, оп. 5916, д. 645—649, л. 125.

¹⁹ Там же, л. 85.

Пришлось в наступательных действиях допустить десятидневную паузу для некоторых перегруппировок, накопления боеприпасов и горючего»²⁰.

Что касается нашей армии, то ей было разрешено приостановить наступление на 8 дней — с 20 до 28 июля.

К границам Восточной Пруссии

В дни паузы противник особой активности не проявлял, хотя и вел на некоторых направлениях боевую разведку с целью прощупать наши силы. Из показаний захваченных пленных мы знали, что вражеские войска готовятся к упорной обороне.

То был период, когда фашистская пропаганда лихорадочно искала средства психологического воздействия на войска вермахта с целью укрепить их боевой дух. Поскольку война уже была явно проиграна гитлеровской Германией и ее политическое и военное руководство больше не могло взбадривать своих солдат обещаниями «великих завоеваний» и богатой добычи, оно пустило в ход призывы всеми силами, не считаясь ни с какими жертвами, защищать «фатерлянд» от русских, которые якобы намереваются всех немцев «отправить в Сибирь». Таким образом, преподносилась ловко сработанная демагогическая пропаганда, в основу которой была положена мысль о том, что гибель фашизма равнозначна гибели германского государства и немецкого народа.

Немецкие солдаты, да и многие офицеры не понимали своей подлинной роли участников преступной войны, затеянной фашистской кликой в интересах монополистического капитала, а не немецкого народа. Поэтому не только отъявленные фашисты, но и подавляющая часть солдатской массы принимала за чистую монету ту ложь, с помощью которой их заставляли умирать на полях сражений уже фактически проигранной фашизмом войны. Это обстоятельство в сочетании с резко усилившимися репрессиями за малейшее ослушание способствовало крайнему упорству вражеских войск в обороне.

С ним мы сталкивались уже не раз. Встретилось оно нам и на новом, седьмом этапе операции, начавшемся 28 июля.

Восьмидневную паузу армия использовала для частичного доукомплектования войск, сколачивания подразделений, подтягивания тылов, отдыха личного состава. Кроме того, среди прибывавшего пополнения было много необстрелянных бойцов, главным образом жителей ранее оккупированных районов Белоруссии. Поэтому их прежде всего пришлось обучать в армейском запасном полку. Правда, пополнения было совсем немного. В ряде дивизий после его прибытия насчитывалось не более 5 тыс. человек. И лишь немногие имели по 6—6,3 тыс. Все же полки и батальоны приблизились к пор-

²⁰ «Освобождение Белоруссии. 1944». М., 1970, стр. 206.

мальному составу. Части получили также отремонтированную боевую технику.

Организационно армия оставалась в прежнем составе. Но уже не было у нас 20-й артиллерийской дивизии. Ее переподчинили другой армии. В целом силы наши по сравнению с предшествующими этапами были меньшими. Правым соседом у нас стала 33-я армия под командованием генерал-лейтенанта С. И. Морозова. Она была выдвинута в полосу между 11-й гвардейской и 5-й армиями, так как последней теперь предстояло наступать на северо-запад — в направлении Каунаса. Слева по-прежнему находилась 31-я армия.

11-й гвардейской армии на период с 28 июля по 4 августа ставилась задача во взаимодействии с 33-й и 31-й армиями уничтожить противостоящего врага и, наступая в общем направлении на Кальварию, Вижайны, к 10 августа выйти к границам Восточной Пруссии. Слева в направлении Сувалки должна была наступать 31-я армия, а справа на Кибартай — 33-я.

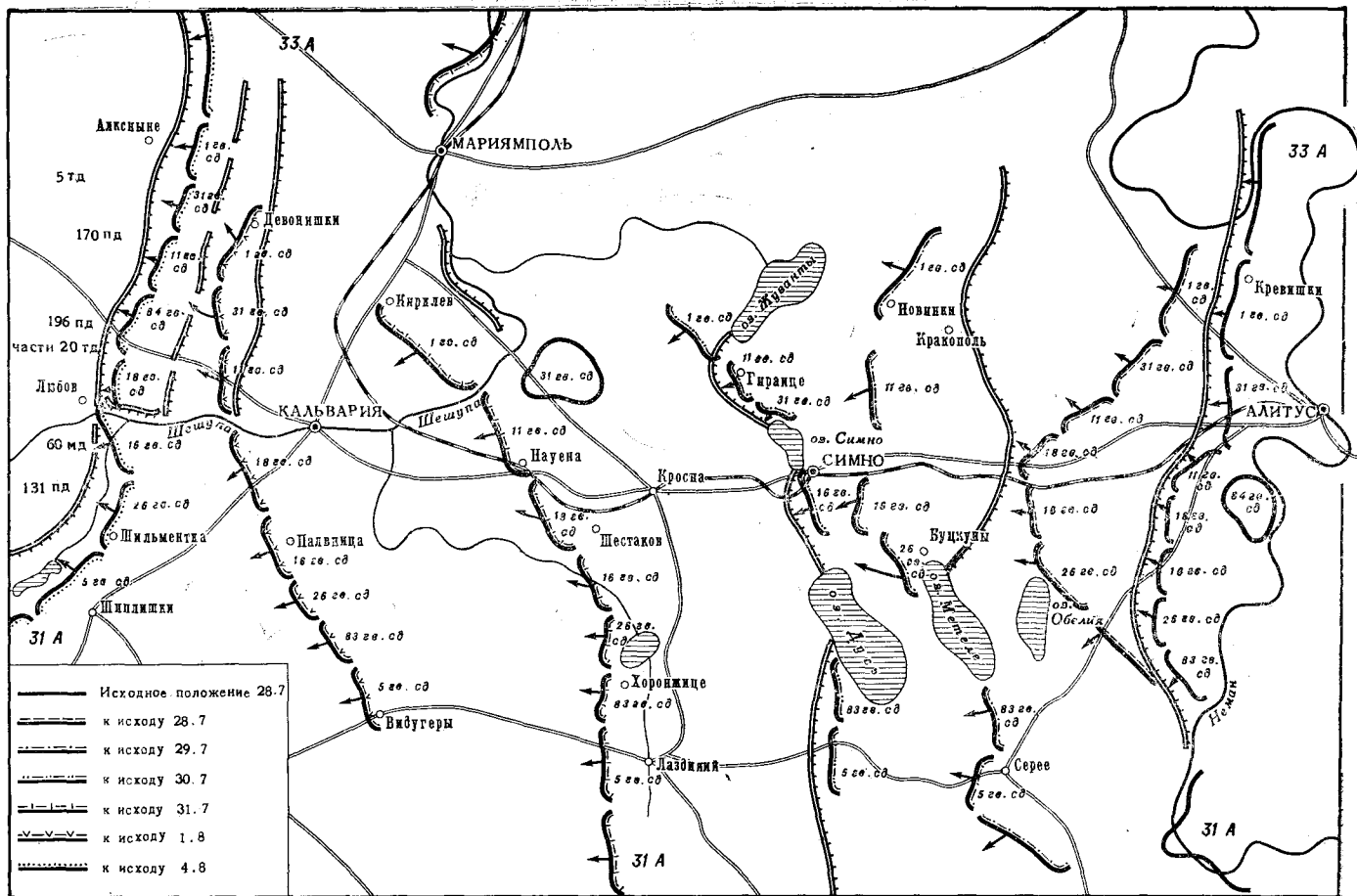
Принятым мною и утвержденным командованием фронта решением на наступление предусматривалось прорвать оборонительную полосу противника на западном берегу Немана в центре оперативного построения войск армии. Главный удар должны были нанести смежными флангами 16-й и 36-й гвардейские стрелковые корпуса. Им приказывалось иметь в первом эшелоне все шесть дивизий, которым в свою очередь надлежало наступать в двухэшелонном построении. Ближайшей задачей войск являлись уничтожение противостоявшего врага и выход к концу второго дня наступления на линию озер Жуванты, Симно, Гилуйце, Дусь, Пасерники, где в межозерном дефиле противник создал укрепления. Прорвать их намечалось в течение одного дня с ходу.

В дальнейшем армии предстояло стремительно развивать наступление и к исходу шестого — восьмого дня выйти на границу с Восточной Пруссией на участке Виштитис, Мирунскен (западнее г. Филипув).

Удар был спланирован на глубину 80—85 км, где противник имел три заблаговременно подготовленных оборонительных рубежа — основной и два промежуточных, а также предполье перед пограничными укрепленными районами западнее Кальварии, Шинлишки. Таким образом, задача предстояла сложная.

28 июля после короткой, но мощной артиллерийской подготовки войска армии снова перешли в наступление.

Противник упорно оборонялся. Опираясь на свои укрепления, он пытался остановить наши части массированными огневыми налетами, в которых участвовало от 8 до 10 артиллерийских дивизионов, большое количество минометных батарей и пулеметов, а также частыми контратаками пехоты с танками и штурмовыми орудиями. На угрожаемые участки вражеское командование бросало резервы. В полосе наступления 16-го гвардейского стрелкового корпуса дополнительно были введены в бой два свежих пехотных полка — 340-й и 362-й из состава 196-й пехотной дивизии, прибывшей из Норвегии.

Наступление войск 11-й гвардейской армии с неманского плацдарма

Новые части появились и на участке 36-го гвардейского стрелкового корпуса. Непрерывно действовала авиация противника. Группами по 15—20 самолетов она бомбила боевые порядки наступающих частей.

Несмотря на столь ожесточенное сопротивление, соединения армии в первый же день прорвали вражеский оборонительный рубеж на фронте свыше 20 км и продвинулись в глубину на 7—9 км. Успех был обеспечен хорошо проведенной за последние дни разведкой обороны противника, четким умелым взаимодействием пехоты, танков и артиллерии, непрерывной поддержкой наших войск авиацией. Вовремя были введены в бой вторые эшелоны дивизий.

В результате последующих боев войска 11-й гвардейской армии прорвали и промежуточный рубеж восточнее Симно. К утру 30 июля они подошли к занятому противником рубежу обороны на линии озер. Здесь гитлеровцы, кроме отошедших от Немана войск, ввели в бой еще четыре пехотных полка, в том числе два из состава 170-й пехотной дивизии. Подошли сюда и два полка доукомплектованной 5-й танковой дивизии. Однако они были отброшены нашей пехотой при поддержке артиллерии, танков и авиации. Так лишились гитлеровцы еще одного заблаговременно подготовленного рубежа.

Нелегко давались эти успехи. Громя гитлеровцев, мы теряли в боях и немало наших бойцов и командиров. Тяжелая утрата постигла в этот день 18-ю гвардейскую стрелковую дивизию — смертью храбрых пал в бою ее славный командир полковник С. М. Даниелян²¹. Еще в сражении под Москвой он командовал отдельной стрелковой бригадой, которая вскоре за боевые успехи была преобразована в 4-ю гвардейскую. Позднее она доблестно сражалась с фашистами на Северном Кавказе. Там С. М. Даниелян был тяжело ранен, а после выздоровления, в начале 1944 г., прибыл к нам на должность командира дивизии. В ходе всей Белорусской операции он проявил себя энергичным, смелым и опытным офицером. Гибель С. М. Даниеляна глубоко опечалила всех нас. Он с почестями был похоронен в г. Алитусе на берегу Немана. Светлая память о полковнике С. М. Даниеляне живет в сердцах его боевых товарищей.

Продвинувшись вперед более чем на 30 км, выполнив ближайшую задачу, гвардейцы перешли в преследование противника, сбивая его арьергарды и преодолевая огневое сопротивление. Враг оборонялся упорно, цепляясь за каждую высоту и населенный пункт. Особенно яростное сопротивление оказывал он у узлов дорог. Еще бы! Ведь они стояли на подступах к границе...

К исходу 1 августа наши части с боями продвинулись еще на 25—30 км, освободив более ста населенных пунктов, в том числе и г. Кальварию. Одновременно армия своим правым флангом вышла к заблаговременно укрепленному рубежу противника, проходившему западнее и северо-западнее этого города. В 10—12 км восточнее названного рубежа находились и части левофлангового 8-го гвардейского

²¹ Архив МО СССР, ф. 1086, оп. 2, д. 11, л. 194.

стрелкового корпуса, которые вели бои на линии Палвница, Видугеры.

Рубеж, к которому мы подошли, строился длительное время. В последние же месяцы работы здесь велись особенно интенсивно. Как выяснилось впоследствии, в полосе наступления армии помимо специальных военно-строительных частей на оборонительных укреплениях ежедневно работало более 20 тыс. местных жителей, насильно согнанных фашистами из ближайших районов. При этом строго ограничивали их передвижение, опасаясь, что кто-либо из них может убежать и рассказать советским войскам о новых оборонительных сооружениях. За нарушение режима передвижения расстреливали на месте.

Спешно создавались новые дзоты, блиндажи, окопы, в шахматном порядке ставились бронеколпаки, прикрывавшие пулеметы. На каждом километре этого рубежа было по 10—12 огневых точек — дзотов и бронеколпаков. Многочисленные укрепления и препятствия, по замыслу противника, должны были задержать и измотать советские войска, тем самым лишить их возможности прорвать более мощные приграничные укрепления.

И вот начались ожесточенные бои по прорыву оборонительного рубежа противника. Дивизии армии, сосредоточивая ударные группировки на узких участках, при мощной поддержке артиллерии и авиации атаковали врага.

Придавая очень важное значение этому рубежу, вражеское командование сразу же ввело в нашей полосе дополнительно 5-ю танковую дивизию в полном составе, несколько подразделений 20-й танковой дивизии и новые пехотные части.

Одновременно возросло количество действовавших артиллерийских и минометных батарей. Враг использовал также тяжелые орудия и шестиствольные минометы.

Возросла и активность обороны противника. Так, 2 августа войска армии на различных участках отразили 14 контратак, в каждой из которых участвовало около двух полков пехоты, 25 танков, 17—18 штурмовых орудий. 3 августа было отбито уже 25 контратак, предпринятых в общей сложности силами до 10 пехотных полков, 60 танков и 35 штурмовых орудий. Примерно так обстояло дело и 4 августа. Авиация противника тоже значительно активизировалась.

Об упорстве врага свидетельствуют и понесенные им за три дня боев на этом рубеже потери. Точное число убитых и раненых гитлеровцев установить не удалось, однако известно, что оно составляло тысячи солдат и офицеров. Было также взято 320 пленных и уничтожено 42 танка и штурмовых орудия, более 60 полевых орудий и минометов²².

Войска армии в этих боях проявили массовый героизм и несокрушимую решимость выполнять поставленные задачи. Результатом был быстрый захват 11-й гвардейской и соседней 33-й армиями

²² Архив МО СССР, ф. 357, оп. 20455, д. 13, л. 197.

развитого долговременного оборонительного рубежа противника, проходившего между Кальварней и Вилькавишкисом²³.

За 8 дней боев — с 28 июля по 4 августа — армия продвинулась вперед на 65—70 км и выходом на ближайшие подступы к границам Восточной Пруссии завершила в своей полосе последний этап исторической Белорусской наступательной операции. Войска заняли исходное положение для нанесения удара по Восточной Пруссии.

Подводя итоги

Как и все войска 3-го Белорусского фронта, 11-я гвардейская армия успешно выполнила свои задачи в Белорусской операции, в ходе которой был осуществлен план Верховного Главнокомандования по разгрому противника на центральном участке советско-германского фронта. В этом историческом сражении Красная Армия наголову разгромила немецко-фашистскую группу армий «Центр» в составе трех армий, уничтожив и взяв в плен более полумиллиона вражеских солдат и офицеров. Значительный вклад, внесенный 11-й гвардейской армией в выполнение данной задачи, определялся как отведенной ей важной ролью в боевых действиях войск фронта, так и доблестью и воинским мастерством ее личного состава.

Прежде всего следует напомнить, что это была одна из классических современных операций по глубине и смелости замысла, тщательности подготовки, количеству привлеченных сил и средств, размаху боевых действий и искусству исполнения. Уже с выходом на Березину весь Восточный фронт противника был расколот, и в центре его, на важнейшем стратегическом направлении, ведущем к сердцу Германии, образовалась обширная 400-километровая брешь. Пытаясь закрыть ее, гитлеровское командование вынуждено было перебросить сюда из Западной Европы и снять с других участков советско-германского фронта более 30 дивизий. Это облегчило наши последующие наступательные операции в Прибалтике, Польше и на Балканах, а также наступление англо-американских войск во Франции.

Белорусская операция имела большое значение для всего хода войны. Об этом свидетельствуют и послевоенные признания бывших гитлеровских генералов. Так, генерал Бутлар писал, что «разгром группы армий «Центр» положил конец организованному сопротивлению немцев на Востоке»²⁴.

Чтобы представить место и роль 11-й гвардейской армии в Белорусской операции, следует иметь в виду, что она действовала в составе 3-го Белорусского фронта, который наступал на главном стратегическом направлении, ведущем кратчайшим путем к столицам Белоруссии и Литвы — Минску и Вильнюсу и далее к Восточной Пруссии. Вместе с тем ему довелось «нанести удар по самому выпуклому

²³ Там же, ф. 241, оп. 2593, д. 505, л. 155.

²⁴ «Мировая война 1939—1945 гг.». М., 1957, стр. 240.

участку обороны противника, взломать наиболее укрепленную часть «Восточного вала»²⁵. При этом на первом и ряде последующих этапов операции наиболее сложные задачи выполняла 11-я гвардейская армия. Так, по оценке Маршала Советского Союза А. М. Василевского, «на оршанско-борисовском направлении против войск 11-й гвардейской армии оборона врага в инженерном отношении развита гораздо сильнее... и группировка войск противника здесь гораздо плотнее»²⁶. Позднее, когда уже был освобожден Минск, «полоса наступления (3-го Белорусского фронта. — *К. Г.*) имела три армейских операционных направления: одно — на Вильнюс, второе — южнее, через Ошмяны на Алитус и третье — на Лиду, Сувалки. Наиболее важным в стратегическом отношении являлось центральное направление, выводящее к границам Восточной Пруссии...»²⁷, на котором и наступала 11-я гвардейская армия.

В рамках Белорусской операции 11-я гвардейская армия провела по существу три вполне законченные армейские операции, которые последовательно развивались и перерастали одна в другую без заметных пауз. Первой из них были оперативный прорыв обороны севернее Орши и форсирование Березины, второй — преследование противника, форсирование Немана и закрепление захваченных плацдармов, третьей — наступление с неманского плацдарма и выход на ближние подступы к границам Восточной Пруссии. Глубина первых двух составляла в каждой от 180 до 250 км, третьей — около 80 км.

Успешное выполнение сложных задач, поставленных 11-й гвардейской, стало возможным благодаря блестящему общему замыслу операции, разработанному и осуществленному Ставкой Верховного Главнокомандования, обеспечению войск первоклассной боевой техникой, огромным масштабом и мощи наступления четырех фронтов, умелому руководству фронтового командования, воинскому мастерству командиров, штабов и всего личного состава армии, неотразимому наступательному порыву ее воинов.

Неиссякаемым источником, питавшим наступательный порыв, являлось высокое моральное состояние войск армии. Ее бойцы и командиры, как и все советские воины, были полны решимости сражаться за полное освобождение родной земли, за окончательный разгром врага. В этих условиях исключительно важную роль играли политорганы и партийные организации армии, многогранная деятельность которых способствовала ясному пониманию личным составом конкретных задач на каждый день операции.

В основу партийно-политической работы в войсках было положено известное ленинское указание о том, что достижение победы «должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности»²⁸. Эти слова, сказанные в разгар гражданской войны, являлись

²⁵ «Освобождение Белоруссии. 1944», стр. 188.

²⁶ Там же, стр. 60.

²⁷ Там же, стр. 204.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 15.

для нас путеводными и в период Белорусской операции. Вся организаторская и воспитательная деятельность Военного совета армии, командиров, политработников и партийных организаций была подчинена единой цели — победе над врагом. Мы руководствовались также и другим ленинским указанием о том, что «мало собраний и митингов, нужна личная агитация... надо внушить каждому в отдельности, что от его храбрости, решительности и преданности зависит окончание войны»²⁹.

К началу операции во всех ротах и батареях были полнокровные партийные и комсомольские организации. Первые насчитывали в среднем по 19 коммунистов, вторые — по 10. Это была большая сила, на которую умело опирались командиры и политработники.

В агитационной и пропагандистской работе большое место занимала информация об успехах Красной Армии на фронтах войны, о самоотверженном труде советских людей в тылу.

Армейская и дивизионные газеты ежедневно сообщали и о действиях союзных англо-американских войск, которые продвигались, хотя и медленно, по территории Франции. Это помогало держать войска в курсе всех последних событий. Командиры и политработники, партийные организации разъясняли задачи предстоящих боевых действий, добивались, чтобы каждый боец знал их политическую сущность и значение своего участия в достижении поставленной цели.

Широко и целеустремленно велась пропаганда боевого опыта. Новые тактические приемы, способы взаимодействия, формы маневра, методы управления войсками мы старались сделать достоянием всего командного состава армии, учили офицеров и бойцов на конкретных боевых примерах, тщательно анализируя причины наших успехов и отдельных неудач, доводя практические выводы анализа до всех войск.

И в это также внесли большой вклад политорганы армии, использовавшие для пропаганды передового опыта имевшуюся у нас информацию, печать, литературу и все иные формы влияния на повышение боевого мастерства. Как известно, в военном деле все важно для достижения успеха в бою. Поэтому командиры и политработники постоянно учили солдат не только как вести себя при бомбежках противника, оказываться, вести стрельбу по бегущему противнику, определять его позиции по наиболее характерным признакам, но и таким «мелочам», как правильное завертывание портянок, меры предупреждения простудных заболеваний, тепловых и солнечных ударов, проверка питьевой воды. Ведь это тоже боевой опыт и без него было бы немыслимо осуществление нашими войсками в короткий срок грандиозного наступления на огромном пространстве.

Я упоминаю об этом в связи с деятельностью политорганов и партийных организаций потому, что они наряду с командным составом вели в данном направлении постоянную и чрезвычайно ценную работу. И тот факт, что они занимались не только политическим воспита-

²⁹ В. И. Ленин. Подв. собр. соч., т. 38, стр. 317.

нием бойцов и обеспечением боевых действий в целом, но и такими конкретными делами, лишний раз подчеркивает их тесную близость со всем личным составом, постоянную заботу о нем.

Главным в воспитательной деятельности был личный пример коммунистов и комсомольцев, сражавшихся на труднейших и опаснейших участках. Их мужество и бесстрашие воодушевляло всех бойцов.

Хочу особо подчеркнуть, что и в этом огромная роль принадлежала партийным и комсомольским вожакам в частях и подразделениях. Они являлись ближайшими помощниками командиров в подготовке и ведении боевых действий и в то же время первыми вступали в схватку с врагом. Не случайно во время операции, точнее с 23 июня по 7 июля, в результате боев выбыли из строя 162 парторга рот, батальонов и полков, 164 комсорга³⁰.

Не менее показателен и тот факт, что их места сразу же заняли другие из числа лучших коммунистов и комсомольцев. Так, из 143 вновь назначенных парторгов 106 приступили к исполнению этих обязанностей уже в день выбытия из строя прежнего парторга, 24 — на следующий и 13 — на третий день³¹. Причем до их назначения в подразделениях работали временные парторги. Это достигалось путем заблаговременной подготовки резерва, обеспечивавшей непрерывность партийно-политической работы в частях и подразделениях.

Вдохновляемые благородными целями борьбы, пламенной любовью к социалистической Родине и Коммунистической партии, советские воины громили врага и гнали его из пределов нашей страны.

Действия армии, как и всех войск, участвовавших в Белорусской операции — одной из наиболее маневренных в Великой Отечественной войне, характеризовались высокими темпами, нередко опережавшими запланированные, и быстрым развертыванием крупных событий. Так, армия вышла на рубеж Березины за два дня до указанного ей срока. Ранее, чем было намечено по плану, войска фронта, в том числе и части 11-й гвардейской армии, овладели Минском.

При этом темпы наступления нарастали в ходе продвижения вперед. 23 июня соединения армии занимали исходные позиции восточнее Орши, а 15 июля находились уже за Неманом.

Если не считать оперативной паузы с 20 по 28 июля, то войска армии вели непрерывное наступление в течение 37 суток, пройдя с боями 550 км со среднесуточным темпом около 15 км в сутки. Причем в этот период они преодолели несколько укрепленных оборонительных рубежей, форсировали такие серьезные водные преграды, как Березина и Неман. В отдельные же дни при преследовании противника продвижение составляло 30—35 км, т. е. достигало темпа форсированного перехода пехоты. Оценивая этот показатель, следует также учитывать, что армия состояла из стрелковых дивизий, основной состав которых передвигался пешком.

Оперативный прорыв и его развитие явились основными спосо-

³⁰ Архив МО СССР, ф. 358, оп. 5938, д. 77, лл. 258—260.

³¹ Там же.

бами действий наших войск в начале операции. При этом мы широко использовали богатый опыт, накопленный Красной Армией в ходе войны. В частности, очень важное значение имели навыки боевых действий в лесисто-болотистой местности, так как именно на таких участках предстояло первоначально прорывать тактическую оборону противника. Это требовало от наших войск большой сноровки и специальной выучки, а от командования — искусного использования масс техники в неблагоприятных природных условиях.

На подготовку операции в соответствии с принятым решением командование армии имело в своем распоряжении 12 дней. Войска и штабы использовали это время весьма эффективно: скрытно и организованно осуществили выход в исходное положение, смену оборонявшихся впереди соединений 31-й армии и необходимые перегруппировки. В ходе подготовки уделялось большое внимание совершенствованию опыта командного и начальствующего состава всех степеней, сколачиванию штабов, обучению войск в условиях, приближенных к боевым действиям, организации взаимодействия, накоплению наряду со штатными подручными переправочных средств.

Полного напряжения сил потребовал и ход боевых действий. Ведь свой главный удар мы во взаимодействии с 31-й армией наносили в полосе Минской автомагистрали — на наиболее мощно укрепленном участке вражеской обороны. Прорыв на этом направлении с последующим развитием успеха на Борисов, Минск означал крушение всей оборонительной системы противника на огромном участке фронта. Поэтому гитлеровцы здесь с особым упорством оборонялись как на основном, так и на промежуточных рубежах. Но, несмотря на это, были разгромлены, чему способствовало фактическое перенесение главного удара на новое направление, обеспечившее выход наших основных сил во фланг и тыл упорно оборонявшегося врага.

В проведении этого решающего маневра большую роль сыграло глубокое оперативное построение армии. Практически мы располагали у себя в глубине мощным ударным кулаком, который могли использовать в любом направлении для развития успеха.

В ходе оперативного прорыва было осуществлено окружение и последующий быстрый разгром врага в районе Орши и Бабиновичи.

Характер взаимодействия соединений зависел от выполняемой задачи и особенностей обстановки. Так, в начале операции мы осуществляли согласованные удары по прорыву неприятельской обороны и разгрому противостоящих сил врага, затем при окружении и уничтожении оршанской группировки немцев.

В дальнейшем, при преследовании разбитого противника к Неману, взаимодействие носило более широкий характер: соединения, решая самостоятельные задачи на своих направлениях, в то же время оперативно содействовали друг другу в достижении общей цели.

Преследование, как правило, осуществлялось по двум направлениям. На каждом из них действовало по одному стрелковому корпусу. Но группировка сил на направлениях не была одинаковой. Она менялась в зависимости от обстановки. Создание главной группировки

на том или ином направлении всегда подчинялось идее быстрейшего разгрома отходящего врага.

В целом же преследование велось на широком фронте, что лишало немецко-фашистское командование возможности использовать на одном каком-либо направлении подходившие из глубины резервы. При этом на правом фланге войска армии почти все время продвигались уступом вперед, что создавало выгодные условия для охвата и окружения отдельных узлов сопротивления.

Большое значение для успеха преследования имело широкое применение подвижных передовых отрядов в дивизиях и корпусах. Они нередко прорывались через походные и боевые порядки противника, выходили на его тылы, захватывали важные узлы дорог, переправы и удерживали их до подхода наших главных сил.

Преследование врага от Орши до Немана на расстоянии 480 км было осуществлено армией за 18 дней. Почти по 27 км в сутки! Это обеспечивалось успешным маневром, дробившим противника на отдельные группы и позволившим уничтожать его по частям.

Ведя в основном параллельное преследование, наши части нередко опережали противника, что позволяло наносить удары по его флангам и в тыл. Таким образом, не просто выталкивали врага на запад, но и обходили его, окружая и уничтожая фашистские части.

Характерной чертой завершающего этапа окружений, осуществленных в ходе Белорусской операции, была быстрая ликвидация как сравнительно небольших, так и крупных группировок врага. Этому способствовали искусные действия наших войск.

Создавая во время преследования врага постоянную угрозу окружения, наши части упреждали его в подходе к Березине и Неману, либо в завершении всех приготовлений к их обороне. Более того, между подходами к реке и форсированием почти не было пауз.

Успех был обеспечен также принятием предварительного решения, по крайней мере, за два дня до подхода к реке. Это позволило заблаговременно, еще в ходе преследования создать нужную группировку войск и осуществить все многочисленные приготовления.

Войска армии форсировали Березину и Неман с ходу на широком фронте (до 50 км). При всей сложности этого способа он являлся наиболее выгодным. Не зная мест наших переправ, враг был вынужден либо рассредоточивать свои силы, либо держать крупные части в глубине обороны, чтобы бросать их на угрожаемые направления. Но так как последних при форсировании на ряде участков было много, то части противника, как правило, опаздывали и подходили к реке, когда наши передовые отряды уже закрепились на западном берегу.

Успех форсирования во многом был обеспечен артиллерией, ведущей огонь через реку прямой наводкой. Для этой цели использовались орудия авангардных частей, а по мере подхода — и дивизионная артиллерия, в том числе иногда и зенитные батареи.

Большое сосредоточение войск, использование массовой и разнообразной боевой техники, быстрые темпы наступления на большую глубину предъявляли высокие требования к управлению войсками.

В этом отношении сыграли важную роль проведенные еще в подготовительный период сборы командиров и начальников штабов, а также подробно разработанные указания соединениям и частям. Быстрое перемещение вслед за наступающими войсками, гибкое использование всех средств связи позволяло штабам осуществлять бесперебойное управление, организацию взаимодействия и обеспечивать успешное выполнение поставленных задач.

Частая смена командных и наблюдательных пунктов имела и отрицательную сторону. Были дни, когда они перемещались по 3—4 раза. Нередко и командный пункт армии переезжал дважды в день. Это затрудняло организацию связи, сбор информации о положении и действиях войск и, следовательно, управление ими, но и в таких условиях оно оставалось непрерывным, что свидетельствовало о возросшем мастерстве наших командных кадров.

Штаб армии управлял войсками, отдавая краткие приказы и боевые распоряжения, а также устные указания, передаваемые по переговорным таблицам и кодированной карте. Проводная связь вследствие быстроты наступления и частых перемещений командных пунктов поддерживалась главным образом там, где были постоянные линии. Основными же было радио и подвижные средства: мотоциклы, автомашины, самолеты По-2. Чтобы избежать потерь времени на развертывание, значительная часть средств связи в штабе армии была установлена на специально оборудованных автомашинах.

В ходе наступления вперед выдвигался наблюдательный пункт армии, он располагался обычно на сравнительно небольшом удалении от дивизий первого эшелона или передвигался непосредственно за ними. На наблюдательном пункте находились командующий армией, член Военного совета, начальники родов войск, офицеры оперативного, разведывательного и политотделов, штаба артиллерии.

Важное значение имели и личное общение командующего армией с командирами соединений, и практиковавшиеся по мере возможности выезды офицеров штаба армии в войска с конкретными заданиями.

Четкая система снабжения и создание достаточных запасов в непосредственной близости к фронту в период операции во многом способствовали ее успешному развитию. Тыл армии, возглавляемый полковником Ю. Б. Ибатулиным, работал с огромным напряжением.

Как известно, при отступлении гитлеровцы выводили из строя железные дороги и специальными резаками приводили в негодность шпалы, корежили рельсы. Восстановление железнодорожного пути неизбежно затягивалось, пристанционные склады оставались вдалеке от фронта. Причем коммуникации тыла растягивались с быстротой, соответствовавшей стремительным темпам нашего наступления. Даже в то время, когда войска дошли до Березины, основные базы армейского тыла отстали на 260—270 км. После восстановления железной дороги Орша — Борисов в первой декаде июля склады были перебазированы на станции Толочин, Приямино. Условия базирования несколько улучшились, но фронт вновь удалялся на запад, и «плечо» доставки опять удлинялось до 200 км. Только в конце операции, ког-

да войска армии наступали с неманского плацдарма, армейская база на ст. Олькеники приблизилась к фронту на расстояние до 60 км.

Поэтому в течение всей операции боеприпасы, горючее, продовольствие приходилось доставлять за многие десятки, а иногда и за сотни километров, да еще по плохим дорогам. И все же в основном наша служба тыла справилась и с этой трудной задачей.

Сложно обстояло со снабжением горючим, потребность в котором в условиях больших расстояний достигала в армии почти 200 т в сутки. Нехватка его особенно тяжело начала сказываться в напряженный период преследования врага. К счастью, было захвачено много трофейного горючего, и наши тыловики по-хозяйски его использовали, а в дальнейшем наладили и подвоз.

Хорошо справилась со своими нелегкими задачами медико-санитарная служба армии.

Помимо своей главной заботы — лечения раненых, она провела большую работу по санитарно-эпидемической разведке на отвоеванной у врага территории и ликвидировала здесь очаги эпидемических заболеваний. Наши медики оказали существенную помощь местным органам здравоохранения в освобожденных городах Толочин, Крупки, Мошница, Борисов, Радошковичи, Молодечно, Ошмяны, Ораны, Алитус и многим другим. Делились медицинским оборудованием, перевязочным материалом, дезинфекционными средствами, медикаментами, всем, что требовалось для немедленного лечения населения.

Весь армейский коллектив был сплочен единством целей, верностью воинскому долгу. Беззаветная любовь и преданность социалистической Родине, Коммунистической партии помогали нашим воинам в трудной и кровопролитной борьбе одержать победу над врагом.

Говоря об итогах участия армии в Белорусской наступательной операции, следует прежде всего отметить, что за 43 дня она прошла с боями 550 км, освободила тысячи населенных пунктов. За это время ее войска почти полностью уничтожили четыре вражеские пехотные дивизии и большое количество отдельных частей, нанесли серьезное поражение еще двум пехотным и двум танковым дивизиям, а также нескольким специальным формированиям гитлеровцев. Соединения армии захватили более 26 тыс. пленных, 55 танков и штурмовых орудий, 269 полевых орудий разных калибров, 248 минометов, 623 пулемета. Было уничтожено 250 фашистских танков и штурмовых орудий, 598 полевых орудий, 590 минометов и 2386 пулеметов³².

Таков был вклад 11-й гвардейской армии в освобождение Белоруссии и Литвы, в разгром немецко-фашистской группы армий «Центр». Никогда не померкнет слава советских воинов, свершивших этот великий подвиг. Навсегда останутся в нашей памяти и те, кто отдал свою жизнь во имя освобождения родной земли. Среди них было и немало гвардейцев 11-й.

Как живые стоят они и поныне перед глазами, воплощая собой невиданные в истории героизм и самоотверженность нашего народа.

³² Архив МО СССР, ф. 358, оп. 2593, д. 223, л. 54.

Заклучение

После окончания Белорусской операции 11-я гвардейская армия успешно участвовала в боевых действиях по окончательному разгрому врага на его территории. Об этом рассказано в другой моей книге¹. Что касается данной работы, то в ней мне хотелось показать путь борьбы, пройденный нами с момента вероломного вторжения немецко-фашистских захватчиков на советскую землю и до ее очищения от врага.

Для меня, как и для многих, этот путь начался в западных районах Белоруссии и Литвы, где в июне 1941 г. нам пришлось сражаться с крупнейшей группировкой врага — группой армий «Центр». Там же в середине 1944 г. эта группа армий была наголову разбита советскими войсками, а остатки ее бежали из пределов нашей страны. О том, как это происходило на тех участках фронта, где мне довелось командовать сначала дивизией, а затем корпусом и армией, я и рассказал в настоящей книге.

Позволю себе дополнить ее некоторыми общими данными и выводами.

Как известно, враг напал на нас в то время, когда Советский Союз не успел еще завершить перевооружение Красной Армии и намеченные Коммунистической партией мероприятия по подготовке к отражению агрессии. Гитлеровская же Германия, начиная войну против СССР, опиралась на военно-экономический потенциал почти всей Европы, имела сильнейшую в капиталистическом мире армию, многочисленную, оснащенную новейшим по тому времени вооружением, полностью отмобилизованную и обладавшую уже боевым опытом, накопленным при захвате многих стран.

Но и в первые тяжелые месяцы войны Красная Армия, поддерживаемая всем советским народом, вела героическую борьбу, сдерживая и перемалывая силы врага. В результате было выиграно время для создания новых оборонительных рубежей, формирования и выдвижения резервов, осуществления мероприятий по переводу всей экономики страны на военный лад. Так, «уже начальный период

¹ К. Н. Галицкий. В боях за Восточную Пруссию. М., 1970.

войны показал, что военная авантюра гитлеровцев обречена на провал»².

Героические действия Красной Армии привели к краху гитлеровских планов «молниеносной войны», а в дальнейшем и к изменению хода всей вооруженной борьбы в нашу пользу. Громя врага, Красная Армия погнала его на запад, освободив не только наши захваченные земли, но и многие народы Европы, оказавшиеся под игом германского фашизма.

В этом великом подвиге с огромной силой проявилось превосходство социализма, его общественно-политического строя, экономической системы и военной организации.

Ключом к пониманию истоков несокрушимой мощи советского народа, его единства, безграничной любви к социалистической Родине, невиданного в истории массового героизма являются незабываемые слова бессмертного Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»³.

В сражениях мужали советские воины, выковывалось их умение побеждать сильного и коварного врага. Миллионы коммунистов и комсомольцев, всегда находившихся в первых рядах, вели за собой наших воинов, укрепляли в них непоколебимую веру в победу сил социализма. «Наше дело правое, враг будет разбит!» С этим лозунгом Коммунистической партии шли советские воины на подвиги, преодолевая нередко немалые трудности.

Залогом победы являлось руководство испытанной в боях ленинской партии, развернувшей гигантскую, многостороннюю деятельность, направленную на создание необходимых предпосылок для разгрома врага. В трудный час партия сплотила на борьбу все народы нашей Родины, превратила страну в единый боевой лагерь, блестяще организовала взаимодействие фронта и тыла. «Партия сумела полностью использовать преимущества социалистической системы народного хозяйства, ...создать, опираясь на политический и трудовой энтузиазм народа, слаженное быстрорастущее военное хозяйство — материальную основу нашей победы. Советская военная экономика по темпам роста военного производства, способности обеспечить фронт всем необходимым оказалась намного эффективнее экономики фашистской Германии... Фронт получал во все возрастающих размерах наиболее совершенные образцы боевой техники и оружия, превосходившие лучшие образцы, имевшиеся у противника»⁴.

² «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 19.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.

⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. I. М., 1970, стр. 644.

Совершенствовалась и организационная структура войск. К осени 1942 г. началось восстановление ранее упраздненной корпусной системы, позволявшей успешнее осуществлять тактическое использование войск в бою. Наряду со стрелковыми, были созданы сильные танковые и механизированные корпуса, вооруженные в основном лучшими в мире танками Т-34, артиллерийские дивизии прорыва Резерва Верховного Главнокомандования, обладавшие большой огневой мощью. Завершилось формирование танковых и воздушных армий в действующих фронтах.

Резко увеличилась насыщенность войск оружием и боевой техникой, особенно автоматическим оружием, танками, средствами противотанковой и противовоздушной обороны. Это оружие ковалось во все возрастающем количестве героическим рабочим классом нашей страны на тысячах военных заводов, построенных вновь, а также эвакуированных на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Сюда только за первые полгода войны было перебазируется 1523 промышленных предприятия⁵.

Партия выдвинула лозунг «Все для фронта, все для победы!» И люди работали на заводах и фабриках по 12—15 часов в сутки, «передко месяцами не выходили из цехов, спали и ели у станков, работали без выходных дней»⁶, выполняя нормы на двести и триста процентов. Героическая работа тружеников нашего тыла в годы войны явилась настоящим подвигом.

Советская военная промышленность превзошла немецкую и по количеству, и по качеству основных видов вооружения. Уже в 1942 г. в нашей стране было произведено 24 668 танков, 25 436 самолетов всех типов, 127 092 артиллерийских орудия, более 231 тыс. минометов и 3237 единиц качественно нового оружия — реактивных минометов⁷.

Мероприятия по оснащению войск новыми образцами боевой техники и вооружения, а также крупные организационные мероприятия значительно увеличили огневую мощь и ударную силу стрелковых и танковых дивизий, маневренность танковых и механизированных корпусов, а также артиллерийских соединений. Боевые действия наземных войск в наступлении и обороне активно поддерживались авиацией.

Так Коммунистическая партия и Советское правительство на практике осуществляли указание В. И. Ленина о том, что «от укрепления армии зависит прочность республики в борьбе с империалистами, зависит победа социализма в России и во всем мире»⁸.

Наряду с техническим оснащением наших Вооруженных Сил партия проявляла постоянную заботу о подготовке военных кадров, их политическом воспитании,

⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. I, стр. 293.

⁶ Л. И. Брежнев. Великая победа советского народа. М., 1965, стр. 22.

⁷ Г. С. Кравченко. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970 г., стр. 175, 180, 185, 187, 188.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 96.

Идейная убежденность всегда была отличительной чертой Красной Армии. Осуществляя повседневное влияние, Коммунистическая партия сумела довести цели и задачи вооруженной борьбы до каждого воина, призвав его на подвиги и самопожертвование во имя победы.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что росту мастерства и организаторских способностей наших военных кадров в огромной степени способствовало овладение марксистско-ленинской теорией. Это помогало понимать не только закономерности общественной жизни и природу войны в целом, классовый характер нашей вооруженной борьбы с фашистскими захватчиками, но и правильно оценивать обстановку и возможности сторон на том или ином участке фронта. Таким образом, авантюристической стратегии и тактике противника была противопоставлена глубоко научная советская военная теория, непрерывно обогащаемая боевой практикой.

Преимущество наших командиров состояло также в том, что они были не только отличными военными специалистами, но и идейными борцами, сражавшимися за правое дело, глубоко убежденными в его победе и умевшими находить верные пути к ее достижению.

На этой основе непрерывно возрастал общий уровень советского военного искусства, что нашло отражение, в частности, в разработке новых боевых уставов для всех родов войск. Необходимо отметить, что новые уставы оказывали огромное влияние на боевые действия войск. Мы организовывали тщательное их изучение командирами, политработниками и рядовым составом частей и подразделений, работниками штабов полков и дивизий. С учетом новых положений уставов велась боевая и политическая подготовка. Требования новых уставов успешно выполнялись.

Дальнейшее развитие получило оперативное искусство. При выборе направлений главного удара мы во всех операциях стремились наносить его по слабому месту в обороне врага. При прорыве обороны решительно массировали силы и средства, повышая их концентрацию по мере увеличения технической оснащенности наших войск. С ростом сил и средств армий, увеличением глубины обороны противника и накоплением опыта создания ударных группировок увеличивалась глубина оперативного построения войск. Наряду с этим и управление войсками становилось более твердым и непрерывным.

Все больше укреплялась воинская дисциплина. Воины Красной Армии свято помнили указание великого Ленина: «Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает изю всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник»⁹. Исключительно важное значение в укреплении воинской дисциплины и в неуклонном выполнении поставленных войскам задач имел приказ наркома обороны СССР И. В. Сталина от 28 июля 1942 г. «Правда» писала 30 июля 1942 г.: «Железная воинская дисциплина — основа воинской организации. Без дисциплины не бывает боеспособной армии».

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 152.

Знаменательной вехой в развитии Красной Армии в период войны явилось также установление в ней полного единоначалия в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г., упразднившим институт военных комиссаров и политруков подразделений. Это привело к дальнейшему повышению роли и авторитета командира, еще большему укреплению воинской дисциплины. Заместители командиров по политической части смогли конкретнее и целеустремленнее заниматься партийной работой и политическим воспитанием бойцов, оказывать практическую помощь командирам в доведении боевых приказов до личного состава подразделений и в обеспечении их выполнения. В условиях единоначалия повысилось и чувство ответственности командиров за вверенные им войска и за руководство их боевой деятельностью и политическим воспитанием.

В январе 1943 г. для всего личного состава Красной Армии была введена новая воинская форма одежды, введены погоны, новые знаки различия, а в июле 1943 г. — звание «офицер». В годы войны было учреждено много новых боевых орденов, причем с октября 1941 г. право награждения орденами и медалями от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР было предоставлено военным советам фронтов, а позднее — военным советам армий, командирам корпусов, дивизий, бригад и полков.

Все указанные мероприятия партии и правительства придали нашим Вооруженным Силам новые боевые и моральные качества, обеспечили дальнейшее укрепление боевой мощи Красной Армии и выполнение ею исторических задач по изгнанию захватчиков с родной земли, освобождению оккупированных стран Европы и сокрушительному разгрому гитлеровской Германии.

Полностью выполнили свой долг и войска, которыми мне выпала честь командовать в годы войны. В их боевых действиях, как в капле воды, отразились все особенности и перемены, о которых сказано выше.

Взять хотя бы начало войны. О нем рассказано в первых главах этой книги. В те дни войны 24-й Железной стрелковой дивизии нанесли весьма чувствительные удары по вторгшемуся в пределы нашей страны противнику, они продолжали ожесточенную борьбу и в окружении. В дальнейшем дивизия вырвалась из вражеского кольца, сохранив боеспособность, и вновь влилась в ряды войск Красной Армии, оборонявших новые рубежи. И так действовала не одна наша дивизия, а все советские войска, находившиеся в приграничной полосе. Благодаря их героическому сопротивлению враг понес большие потери уже в те трудные первые дни.

В жестоких боях советские войска перемалывали силы врага.

Началом поворота в войне стал разгром гитлеровцев под Москвой. За ним последовало первое зимнее наступление Красной Армии, в котором мне довелось участвовать в качестве заместителя командующего 1-й ударной армией. Советские войска громили и уничтожали врага, теперь уже в наступательных боях.

В грозное лето 1942 г., даже прорвавшись к Сталинграду и Кавказу, фашисты могли наступать на одном лишь направлении. И на

этот раз Красная Армия в напряженных боях остановила, а в дальнейшем окружила и полностью ликвидировала основную группировку противника на юге страны.

Победе под Сталинградом, внесшей огромный вклад в достижение коренного перелома в войне, в немалой степени способствовали войска, действовавшие хотя и вдалеке от Сталинграда, но сковавшие вражеские резервы на других участках фронта. Эту задачу выполняла и 3-я ударная армия, которой я командовал. Успешно осуществив в тот период значительную наступательную операцию на Калининском фронте, она отвлекла и разгромила крупные силы противника, а также освободила обширную территорию, в том числе и г. Великие Луки.

В 1943 г., ознаменовавшемся завершением коренного перелома в войне и началом массового освобождения советской земли, 3-я ударная армия провела Невельскую наступательную операцию, а в дальнейшем 11-я гвардейская армия — Городокскую. Этим они внесли немалый вклад в создание благоприятных условий для осуществления летом 1944 г. грандиозной Белорусской операции четырех фронтов, завершившейся разгромом группы армий «Центр». При этом в Белорусской операции 11-я гвардейская армия действовала на одном из наиболее ответственных направлений.

Перебирая в памяти все эти незабываемые события, вновь и вновь обращаюсь к переменам, произошедшим в наших войсках за годы войны. Я уже упоминал о всестороннем развитии Красной Армии в целом. Небезынтересно показать его на примерах 3-й ударной и 11-й гвардейской армий. Приведу лишь несколько фактов.

Так, если в Великолукской операции плотность артиллерии армии на направлении главного удара составляла 45 орудий на 1 км участка прорыва, то в Городокской и Белорусской она достигла 200—230 орудий. В Великолукской операции армия фактически строилась в один эшелон, имея в резерве лишь механизированный корпус, а в Городокской и особенно Белорусской операциях войска были глубоко эшелонированы. С 1943 г. в оперативном построении армий появились уже и группы развития успеха. Но если в Невельской операции мы имели в составе такой группы всего лишь танковую бригаду и стрелковую дивизию, то в последующих операциях — уже танковый корпус.

Положения новых уставов способствовали успешному проведению 3-й ударной армией Невельской и 11-й гвардейской армией — Городокской и активному участию в Белорусской операции. При этом в основу был положен принцип организации и осуществления наступления на большую глубину. Широко применялись разнообразные формы оперативного маневра — рассечение фронта противника, охват и окружение крупных вражеских группировок. Непрерывно совершенствовались способы применения родов войск, их оперативное и тактическое взаимодействие. Артиллерия смело прокладывала дорогу наступающей пехоте, непрерывно поддерживала ее массированным огнем. Пехота и танки научились взаимодействовать между собой и наступать при поддержке авиации и артиллерии.

Белорусская операция особенно наглядно показала, что в Красной Армии успешно решены задачи не только прорыва и его развития, но и оперативного преследования врага и форсирования с ходу крупных водных преград, что позволило добиться значительного роста темпов наступления, достигавшего в отдельные периоды 30—35 км в сутки.

Это, конечно, только отдельные из многих примеров, показывающих, как с каждым годом крепла мощь Красной Армии, усиливались и становились все искуснее ее удары по врагу, завершившиеся его полным разгромом. Раскрытие этих вопросов, вероятно, представляет интерес для истории военного искусства. Но главное — в этих операциях участвовали десятки тысяч советских воинов, внесших героической борьбой свой вклад в общее дело победы над врагом. Автор считал своим долгом показать эту героiku, рассказать о славных боевых делах воинов, вспомнить о героически погибших в боях за Родину, память о которых будет жить века.

В Великой Отечественной войне Советский Союз одержал всемирно-историческую победу. Она была завоевана героической самоотверженной борьбой советского народа и его Красной Армии, которой Коммунистическая партия и социалистическая Родина дали могучую боевую технику и передовое военное искусство.

События тех грозных лет многому учат и ныне, когда судьбы мира и безопасности народов тревожат все передовое человечество. Мы не забываем, что Великая Отечественная война Советского Союза с фашистской Германией была не просто вооруженной борьбой двух колоссальных армий. Тогда в смертельной схватке столкнулись социализм и ударные силы империализма. И социализм победил. Враг был разгромлен и повержен. Фашистская Германия и ее союзники не выдержали противоборства с Советским Союзом ни в экономическом, ни в политическом, ни в военном отношениях.

Отглядываясь назад на историю Великой Отечественной войны, мы стремимся понять будущее и сделать для себя важные выводы, касающиеся сегодняшнего дня. Марксизм, — указывал Ленин, — ставит все вопросы на «историческую почву... не в смысле одного только объяснения прошлого, но в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»¹⁰ «Без этого никакой прогресс вообще невозможен»¹¹. Наша победа в Великой Отечественной войне была торжеством политики ленинской партии и ее руководящей и организующей роли в сплочении всех сил советского народа на разгром врага. Это — «грозное предостережение империалистическим агрессорам, незабываемый урок истории»¹².

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 196.

¹² «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. I, стр. 662.

Указатель имен

- Абакумов Н. А. 146
 Августин Ф. 277
 Авик Я. Ю. 276
 Акимов В. Д. 395, 492
 Аксенов Г. К. 397
 Алешин И. А. 144
 Алликас К. А. 261, 276
 Амосов Н. Н. 117
 Амурлаев 245
 Андреев А. П. 19, 103
 Андреева 405
 Анисимов Е. В. 537
 Антипин М. С. 521
 Антонов 494
 Антонов А. И. 354, 379
 Антонов А. С. 76
 Антонов Е. А. 563
 Апаринов 196
 Артемов А. А. 57
 Афанасьев 334
 Афанасьев И. Е. 201
 Ахмеджанов К. 502
- Бабаков И. Г. 146, 225
 Баграмян И. Х. 354, 358,
 359, 361, 362, 364, 372,
 374, 378, 392, 425, 432
 Баданов В. М. 516
 Бакуев Л. А. 332
 Баринов А. Б. 116, 117
 Баринов В. А. 566
 Баринов Д. М. 252, 256
 Баранский Г. В. 214
 Барнов 416
 Барыкин Е. И. 127
 Барыкин И. И. 81
 Баташев В. А. 116
 Бацанов Т. К. 21
 Башиев С. 258, 336
 Башкиров Н. И. 92
 Безверхов Я. П. 131
- Безуглов 296
 Безуглый И. С. 267
 Бейлин В. Л. 344, 345, 352—
 354
 Белобородов А. П. 183,
 185, 186, 188, 192—194,
 197, 202, 205, 211, 212,
 217, 218, 418
 Белов В. А. 184, 249
 Белов С. Г. 561
 Белова А. 405
 Беляев В. И. 391
 Беляев К. Х. 267
 Беляев С. А. 145, 196, 199,
 261
 Беляков И. С. 484
 Бекричев 245
 Бережков В. 31
 Бершадский Р. 281
 Биберган Д. А. 394, 395
 Бибилов Е. А. 538
 Бибилов П. Н. 202
 Бирзит Э. Д. 131, 238
 Бирюзов С. С. 133
 Бирюков И. А. 146
 Бирюков К. М. 198
 Бирюков Н. И. 6, 9, 13, 32—
 35, 46, 49, 52, 53, 110
 Бисляин И. А. 39, 65
 Блохин С. В. 13, 14
 Блюментрит Г. 34, 110
 Бобков Ф. Н. 367, 372, 385,
 386, 390, 398, 408, 409,
 422, 421, 440
 Богач А. Я. 393
 Бойко В. Р. 165
 Бойцов 294
 Бок Ф. фон 13
 Болдин И. В. 62, 63, 73,
 74, 82
 Болтычева А. 405
 Большаков Н. И. 77
- Бондовский А. В. 20, 21,
 36, 53
 Борис Н. Ф. 534
 Борисов В. Б. 21, 24, 67,
 68, 73, 74, 83, 94
 Боровских 248
 Бородин А. А. 30, 31, 104, 125
 Бородина Т. 405
 Босарев 383
 Братановский Д. А. 172
 Браухич 6, 14
 Брежнев Л. И. 32, 587
 Брелюка 554
 Бронников М. В. 183
 Буклов Н. И. 485, 504
 Букштынович М. Ф. 269,
 321, 322, 324, 338
 Булахов А. А. 489, 555
 Булыгин С. М. 517
 Бумажков Т. П. 111
 Бурдейный А. С. 451, 469,
 505, 515—518, 520, 521,
 538, 539
 Бурденко И. С. 488
 Бурлыга А. Р. 416, 465,
 494, 495
 Бурмаков И. Д. 550, 557
 Бутков В. В. 376, 377, 391,
 392, 394
 Бутлар 280, 577
 Бучичев В. С. 422, 449, 481
- Ваганов С. А. 449
 Вайнилович В. С. 126
 Ваглев Р. А. 559
 Васенко 554
 Василевский А. М. 133, 464,
 471—474, 506, 537, 538,
 544, 578
 Василенко И. И. 393
 Васильев Б. Д. 321
 Васильев И. Д. 257

- Васильев П. М. 23
Вассиль А. А. 241, 250
Василин С. П. 162, 163
Ватутин Н. Ф. 61
Веденев М. И. 82
Велин 79
Вериго М. Г. 65
Вестфаль З. 545
Винаатовский 246
Виноградов А. И. 76
Винокуров 404
Власов 296
Власов А. М. 465
Вовченко И. А. 524
Войтенко М. В. 200
Володин 79
Волков М. И. 568
Волков Н. Л. 442, 492, 493, 497, 525, 535, 561
Воробьев Я. С. 378, 393, 394, 397, 400, 406, 416, 469, 472, 488, 489, 504, 505, 544, 555
Воронков А. С. 393
Воронков Е. В. 258, 266
Воронцов А. Т. 380, 441, 446
Воронцов М. А. 31
Ворошилов К. Е. 265
Воскресенская Н. 405
Выдра А. А. 49
Вырк В. И. 249
- Гавриш М. И. 567
Гай Г. Д. 7
Галимов Г. Г. 211—213, 226
Галкин В. А. 260
Галкин И. В. 31, 101
Галкин Н. В. 77
Гальдер 6, 29, 69, 86, 123
Гальмиев 245
Ганичев П. И. 19, 38, 41, 57
Гармаш И. П. 520
Геббельс 274
Герасимов С. Н. 200
Гитлер А. 14, 28, 45, 109, 254, 278, 280, 341, 343, 418, 455, 456, 517, 570
Главацкий М. З. 132
Глаголев В. В. 451, 479
Говорнов 246
Гогоберидзе А. М. 51
Голенков Ф. А. 321
Голубев А. Н. 287
Голубев А. П. 157, 158
Голубев К. Д. 35, 165
Гольман Я. Н. 485
Гольц Ф. 277
Гомбелевский 53
Гонтарев С. Л. 263
Гордиенко А. С. 57, 64
- Гордов В. Н. 114—116, 124—127
Горлаченко М. И. 484
Горин Д. И. 561
Городовиков О. И. 115, 122
Горошников И. С. 203, 253
Горчаков В. Ф. 112
Гот Г. 45, 68, 73, 83, 84
Гребнева 405
Грецов М. Д. 134, 135
Греченков 118
Григоренко М. Г. 298, 326, 491, 493, 496, 549, 562
Григорьев 248
Громов М. М. 181, 221, 243
Грызлов А. А. 137—140, 145
Губанов М. Г. 47
Губский В. И. 488
Гудериян Г. 28, 79, 86, 115, 123, 124, 532
Гудзь П. М. 117
Гузий В. Г. 441
Гузъ Н. О. 279
Гуков С. А. 273
Гурьев С. С. 555, 557, 569
Гутерман Н. А. 493
- Давыденко Я. И. 434, 492
Давыдов А. 352
Давыдов И. С. 21
Дагаев Н. П. 181, 342
Даниелян С. М. 442, 445, 568, 569, 575
Данилевич А. А. 423—425, 488
Данилов А. И. 536
Данилов А. С. 56, 57
Дедык И. Ф. 325
Деникин 84
Денисов Ф. В. 245
Демченко Я. М. 473
Держицкий Н. Т. 367, 453
Дерюгин С. С. 56
Джумагулов А. 152, 153
Дибров В. А. 398
Дмитриенко 350
Добронравов В. В. 18, 30, 31, 39, 75, 77, 78, 94, 97, 121
Дорохов С. Д. 406
Драница С. Н. 201
Дребеднев М. Ф. 176
Дремов И. Ф. 260
Дробан Т. М. 504
Дроздов И. Н. 56, 57
Дружинин И. Н. 563
Дружков И. Ф. 56
Дудков И. И. 148, 149
Дудченко Д. Н. 325
- Дудых 350
Дуркин Г. Н. 320
Дьяконов А. А. 146, 147, 153—155, 232, 234, 242, 246, 250, 262, 407
- Евдокимов В. П. 21, 24, 25, 27
Евсеев П. П. 388, 403
Егоров 55
Егоров Е. А. 19, 34
Егоров С. А. 19, 145
Емельянов Г. А. 568
Еременко А. И. 297—299, 330, 331, 339, 344
Еременко Г. 28
Ершов А. Г. 42
Ершов Б. А. 570
Ефимов В. И. 145
Ефременко Е. 554
Ефремов М. Г. 123, 124, 127
- Жабин В. 352
Жевнов Ф. К. 224, 275
Женжеров И. Г. 77
Жиботков 405
Жмаченко Ф. Ф. 116
Жуков Г. К. 26, 32, 177—181, 186, 224, 264, 267—269, 419, 420
Жуковский С. Я. 56, 57
Журавлев А. Г. 78
Журавлев И. В. 20
- Завадовский М. Н. 442, 468, 471, 484, 485, 505, 534, 535, 556, 557, 561, 562
Завиденко И. А. 229
Завьялов Н. А. 406
Зажигин Н. Г. 199, 200, 212
Зайончковский Л. 24
Зайцев И. Д. 395
Запотоцкий В. 28
Запотоцкий Э. 28
Заславский Е. И. 16, 30, 40, 95
Засс 253—256, 272, 274, 277, 278
Захаренко К. Е. 415, 417, 503
Захаров М. В. 140, 162, 167, 171, 172, 220, 230
Захватаев Н. Д. 130
Зверев В. М. 441, 496, 516, 536
Земляная 405
Зимин Г. В. 327, 334
Злобин А. А. 147

- Зотов Т. П. 521
 Зотов К. В. 77
 Зуев Ф. А. 145, 152, 298, 330, 331, 342, 344, 351
 Зыбин Е. С. 62
 Зыгин А. И. 165
 Ибатуллин Ю. Б. 381, 441, 558, 583
 Ибрагимов М. 81
 Ивкин К. В. 181, 224
 Иванников А. М. 485
 Иванов Е. В. 568
 Иванов И. И. 116, 119
 Иванов Н. П. 358—360, 362, 364, 367, 368, 371, 372, 374, 375, 422
 Иванов П. Г. 201
 Иванов П. М. 78
 Иванченко В. С. 80
 Ивашкин Г. Е. 91
 Игнатенко В. В. 335
 Иголкин И. И. 451, 452
 Иодль 460
 Ионин А. А. 183
 Исаджанян М. М. 449
 Исаев С. Е. 298
 Ищенко В. П. 229
 Казакевич П. К. 64—67, 103, 106
 Казаков М. И. 354, 355
 Казаков Н. В. 397
 Какоркин 502
 Каланчук 34
 Калинин В. Ф. 568
 Калинин М. И. 240, 289
 Каманин Н. П. 182
 Кангер К. 238
 Капустин 277
 Карапетян С. И. 151, 184, 186, 198, 205, 295, 332
 Карбышев Д. М. 23
 Каримов 383
 Карпов И. В. 147, 163
 Карпоносов А. Г. 134—136
 Каррел П. 45
 Касаткин А. Е. 273
 Катков А. М. 165
 Катуков М. Е. 165
 Кашеев В. Н. 92, 93
 Кейтель 460
 Кибичкин И. П. 131
 Кириленко 79
 Кирилловский И. Я. 270
 Кириченко Я. Н. 146
 Кица П. Н. 452, 454
 Клец А. Е. 454, 472
 Климов И. И. 502
 Климов И. Ф. 24, 40, 41, 43
 Климович Т. Ф. 335
 Климовских В. Е. 24, 25, 41
 Клич Н. А. 18
 Клюге Г. фон 265
 Ключев Ф. 79
 Князьков С. А. 147, 149, 155, 164, 198, 200, 207, 209—212, 221, 257, 298, 344
 Коберидзе Е. Г. 145
 Кобылин В. Я. 246
 Ковалевский А. И. 452, 454
 Ковалев 118
 Ковальский С. Е. 19
 Ковальчук Е. 405
 Коверин И. А. 263
 Ковтунов Ф. Т. 452, 454
 Козлов И. С. 564
 Колесников Д. Е. 130
 Колесов 79
 Колонин С. Е. 113, 114
 Колосков А. А. 568
 Колтунов Л. И. 497
 Колчак 84
 Кондратенко Д. С. 194, 204
 Контро Н. Р. 249
 Кондратьев А. К. 6, 9, 46, 52, 59
 Конев 502
 Кононов 403
 Корженевский Н. Н. 416
 Корниенко П. Ф. 217, 247—250
 Корочкин 406
 Копылов 212
 Корзун В. А. 77
 Короткевич 118
 Коротков Н. Ф. 327
 Корпьяк М. С. 15, 16, 24, 31, 39, 40, 64, 67, 74, 82, 89, 99, 100, 101, 105, 112
 Корчагин И. П. 183, 185, 209, 219, 222, 224—226, 229, 230
 Кострулин Н. С. 213
 Котин Г. М. 342
 Котов Ф. С. 504
 Котунов А. А. 388, 485
 Кочергин Я. Г. 324—326, 328—330, 352
 Кочетков И. Н. 228
 Кошевой П. К. 519
 Кошелев И. Г. 76
 Кошкарев А. Н. 213
 Кравцов В. Ф. 147, 182
 Кравченко Г. С. 588
 Крайнюков И. И. 194
 Краснов Н. Е. 228
 Крейзер Я. Г. 133—135
 Кривоногов И. Г. 325, 352
 Кривошеев 285
 Кривошеин С. М. 117
 Кроник А. Л. 184, 187, 197, 198, 217, 219, 245, 249—251, 268, 322
 Кропотин А. К. 451
 Кропотин П. А. 395, 401, 441
 Крылов Н. И. 451, 478, 495, 526
 Ксенофонтов А. С. 368—370, 378
 Кудинов Н. Г. 183
 Кузнецов В. И. 6, 9, 13, 23—25, 29, 32—35, 47, 52, 53, 60, 61, 63, 70, 71, 96, 110, 130, 131, 355
 Кузнецов Д. М. 224
 Кузнецов И. Ф. 51
 Кузнецов К. Г. 472, 488—490, 501, 557
 Кузнецов Ф. И. 112—114, 121, 123, 124
 Куйбышев В. В. 7
 Кукли М. М. 249
 Куликов П. Н. 358, 360, 362, 364, 367, 372, 374, 379, 385, 398, 422, 425, 430, 439, 441, 457, 490, 503, 518, 530, 557
 Кунд Г. Г. 249
 Купырев Г. И. 165
 Курбатов 429
 Курасов В. В. 141, 361, 362, 364, 422
 Курепто Ф. Х. 214
 Кустов 502
 Кутин Н. В. 395, 417, 468
 Кутузов М. И. 536
 Кутузов М. П. 176, 208
 Кучма П. М. 326, 334
 Лавренев 563
 Лазаревич Ф. З. 381
 Лапин Е. М. 288
 Ларин И. И. 134, 135
 Ларин П. А. 238, 241
 Лебедева 405
 Лебедев Н. П. 20
 Лебедев С. 127
 Лебедев И. И. 422—425, 464, 488, 489, 492, 495, 541, 549
 Лемминг Э. 278
 Ленин В. И. 7, 84, 86, 102, 207, 578, 579, 587—589, 592
 Леопене Н. Е. 276
 Леонов Д. С. 140, 142, 177, 181, 254, 362, 364
 Леонов П. А. 92

- Лещенко П. А. 444, 489, 555
 Лисицын Ф. 352
 Лисман Г. Ф. 204, 218
 Лист 14
 Литвинов А. И. 141, 143, 158, 167, 168, 170, 171, 176, 201, 206—208, 210, 230, 243, 261, 265, 268, 295, 344, 352—354
 Лихобабин И. С. 198, 199, 212
 Ллойд Джордж 90
 Лобанов 554
 Лобковская Н. А. 338
 Лобов П. Ф. 145, 227, 257, 259, 266
 Логачев Д. Ф. 201, 222
 Ломбак И. Я. 260, 261, 278
 Лопата И. Е. 561
 Лосик О. А. 521
 Лубодский Д. Е. 287, 321
 Лукашин 152
 Лушкина Н. 405
 Лысов 53
 Лыткин И. И. 145
 Людников И. И. 418
 Мазуленко Н. А. 224
 Майский И. М. 108, 109
 Макаров В. В. 414
 Макаров В. Е. 458, 471, 473
 Макарьевский А. П. 449, 496
 Макеев Д. Е. 131
 Максимов Г. 79
 Максимов А. И. 413, 416, 441
 Максимов В. К. 209, 218
 Максимов И. Н. 465
 Максимов М. А. 215
 Маленков Г. М. 136
 Малышев П. Ф. 378, 379, 392, 393, 394, 400, 409, 412, 441
 Маметова М. 337
 Мамыш-Улы Б. 150—152
 Мандрик Г. Я. 20
 Манжурич Н. Л. 279
 Манштейн Э. 28
 Марков 77
 Марков 329
 Марсов А. Ф. 226
 Мартынов 334
 Мартышкин К. А. 488
 Маслов А. Г. 442, 498, 524, 525, 534, 535
 Маслов Б. С. 162, 163, 187, 189, 201—203, 205, 209, 212, 221, 222, 224
 Матвеев 414
 Мачулин В. Г. 49
 Мелябаев 296
 Меркулов 414
 Мешков В. В. 469
 Миддельсдорф Э. 522
 Миронов А. И. 504
 Мирошников П. 352
 Митрофанов А. Н. 147, 182
 Михайлов Д. В. 184, 193, 198, 209, 210, 221, 324, 326, 351 352
 Михаэлис 524
 Михельсон О. 276
 Мовшев Г. С. 407
 Модель 570
 Молодых П. П. 567, 568
 Молотов В. М. 40, 136
 Морецкий А. А. 336
 Морозов 80
 Морозов В. И. 131
 Морозов С. И. 573
 Москвичев П. М. 116
 Московец П. К. 183
 Мосгосенко Д. К. 6, 19, 34, 58, 59, 103
 Мотрошин И. 79
 Моченков М. А. 484
 Мочульский Б. К. 92
 Мулла О. Ю. 258
 Муравьев И. И. 147, 163, 210
 Мурашева А. 405
 Мысин Н. Г. 201
 Мюллер 517, 552
 Мюллер-Гиллебранд Б. 44
 Наполеон 536
 Нашанбургский С. И. 332
 Недзведский В. И. 181, 344
 Неретин В. И. 116, 119
 Нерубайлов Е. С. 216
 Нестеров 79
 Нестерук В. С. 346
 Никифоров И. П. 78
 Никишин А. И. 76
 Николаев И. К. 564
 Николаев И. Н. 563, 564
 Никонов Н. П. 553
 Никулин П. Е. 146
 Нихаев Е. М. 559
 Нужный И. И. 82
 Обертос Л. С. 52
 Обухов В. Н. 544
 Овчинников Б. В. 538
 Овчинников Г. 554
 Олейник Г. А. 106, 108
 Оленев Н. И. 229
 Олешов Е. К. 106, 108
 Ольчев С. И. 449
 Омельченко И. П. 147
 Онусайтис Ю. И. 554
 Орлов А. М. 183
 Орловский В. Р. 263
 Осенников И. И. 198
 Осипов 534
 Осликовский Н. С. 526
 Островерхов В. Т. 485
 Отт Е. 69
 Охотин Н. Г. 335
 Павлишко А. С. 102
 Павлов А. В. 393
 Павлов Д. Г. 12—15, 24, 25, 34—36, 41, 46, 52, 62, 70, 71
 Павловский 49
 Павлыго А. Т. 81
 Палтусов Н. 563
 Пальм Э. А. 249
 Панов М. Ф. 20, 54, 55, 539
 Пантович К. 79
 Панфилов 77
 Папивин Н. Ф. 181, 226, 243, 371
 Парфенов Т. В. 77
 Пастухов И. А. 491
 Пасюков А. В. 33, 80, 81, 100
 Паулюс 242
 Пахомов М. И. 226, 230, 257
 Паэгле Г. Г. 131, 238
 Пеков С. Д. 90
 Петерс Г. В. 388, 391, 393, 394, 406, 473 518, 520, 556, 563
 Петров 52
 Петров А. Г. 49
 Петров В. В. 41
 Петров М. О. 298, 316, 325, 344—316
 Петровский Л. Г. 115, 124, 125, 127
 Петряев А. Л. 536
 Петухов 55
 Петцольд 343
 Пехк А. 249, 263
 Пирогов А. М. 20
 Пирожников Е. С. 329
 Платицин А. М. 209
 Плотников А. К. 413
 Плотников Ю. В. 422, 423 481
 Плохов А. И. 43, 45, 112, 121
 Подголин 276
 Подгорецкий М. В. 193
 Подкосов М. А. 246
 Подорванов З. Д. 17, 26, 39, 42, 45, 64—67, 74, 82, 100, 106, 112

- Позняк В. Г. 258, 259, 264, 265
 Покровский А. П. 458, 462, 463, 479, 495, 512, 549, 571
 Полевой Б. 281
 Поляков А. 93, 108
 Поляковский 406
 Полетаев С. И. 493
 Помухгинский 328
 Пономаренко П. К. 123
 Попель Н. К. 165
 Попков И. И. 452
 Попов В. С. 77
 Попов И. Ф. 258
 Попов М. М. 346, 352, 354
 Попов С. Е. 125
 Портнов С. И. 6, 28, 29, 38, 41, 76, 80, 90, 91, 100, 566, 567
 Поскребышев А. Н. 135, 136
 Потапов В. И. 381
 Потапов М. А. 394, 498
 Потушков 214
 Похил А. А. 184
 Приладышев Н. М. 504
 Присяжнюк К. Г. 182
 Прияткин М. Ф. 273
 Прокопец Н. И. 325
 Простяков И. В. 183, 194, 198, 204, 212, 219, 222, 264
 Прутков С. Д. 520
 Пузыревский А. М. 146, 225
 Пуркаев М. А. 140, 141, 158, 166, 170, 171, 177, 180, 181, 230, 235, 253, 254, 264
 Пуусепи Н. Г. 241, 258
 Пуста А. А. 238—242
 Пэрн Л. А. 238—242, 257, 276
 Пятаков Н. П. 21
 Раадик А. К. 258
 Рак П. Н. 536
 Ракин А. Ф. 289, 324
 Раковский В. С. 125
 Ратклиф 517
 Рауд А. И. 241
 Рахматулин 296
 Ребриков П. Г. 273
 Регблат Г. Н. 87
 Рейхенау В. 14
 Родин А. П. 146
 Родионов Н. С. 394, 469
 Родакин Ф. Г. 182, 223
 Рождественский И. И. 486
 Рожок Н. И. 404
 Романенко П. С. 293—295
 Романов Д. Ф. 416, 441, 490
 Романов И. Н. 204, 218
 Романовский В. З. 141
 Ростовцев Г. М. 146
 Ротнер Г. 28
 Ротмистров П. А. 463, 526
 Рубцов Ф. Д. 115
 Руденко К. Г. 114, 118
 Руднев В. И. 568
 Рудь 405
 Румянцев А. Д. 132, 133
 Рундштедт 14
 Русс П. И. 193
 Рыбанов Ф. Е. 415
 Рыбин П. А. 329
 Рыжинов В. Т. 497
 Рыжиков Е. В. 388, 406, 423, 424, 429, 485, 515, 516
 Рындин П. В. 285
 Рындова М. 335
 Рынчик Н. Е. 217, 248
 Рябинин А. М. 321
 Рябухин Г. В. 267
 Рязузов Н. В. 422
 Рязанов В. Г. 483
 Сабинин Н. П. 247, 248
 Савватеев А. И. 553
 Савичев С. Я. 201, 214, 222
 Саличко Н. Ф. 465
 Самович В. В. 534
 Самсонов А. Н. 77
 Сандалов Л. М. 123
 Санчук С. И. 49
 Сауэсэльг А. И. 241, 258
 Сахнов С. П. 19, 21, 47
 Свердлов Ф. Д. 386, 391, 422, 423, 481, 564
 Свиридов Л. К. 51
 Севастьянов С. А. 147, 210
 Седов В. Д. 98
 Семенов В. Н. 164
 Семенов Г. Г. 125, 209—211, 293, 298
 Семенов И. И. 35, 41, 441, 447, 453, 458, 464, 475, 541, 549
 Семенов К. И. 90
 Семенов Н. Ф. 563, 564
 Семенов П. С. 367, 368, 375, 376, 385—387, 390, 391, 424, 440, 441, 453, 465, 475, 482, 483, 492, 495, 549
 Семибратов Ф. Ф. 401
 Серебряков А. И. 216, 257
 Серебряков И. И. 148, 169—171, 175, 198, 201, 206, 208, 209, 211, 212, 222, 224, 230, 257
 Сергеев 270
 Сергеев А. Д. 245, 248
 Сергеев И. Ф. 270
 Серов Г. Т. 559, 567, 568
 Серюков А. Д. 279
 Сивонжелезов Я. П. 263
 Сигбатулин М. С. 51
 Сизов Н. 79, 80
 Синельников В. П. 563, 564
 Снятков Н. И. 364, 386
 Сироткин Д. И. 397
 Сноков И. Ф. 386, 422, 481
 Скорин К. И. 393
 Скоробогаткин К. Ф. 6, 25—27, 36, 96, 103, 110
 Скрынник А. П. 429
 Скрынников С. А. 397, 559, 560
 Слепнев И. Г. 106, 108
 Слободян И. Т. 272
 Смалъ Д. И. 214
 Смахов А. Б. 227
 Смирнов В. А. 131
 Смирнов И. В. 254, 255
 Смирнов Ю. В. 501—503
 Смирнова 405
 Смирнова М. Ф. 503
 Смородинов И. Б. 101
 Соболев 248
 Соколов А. В. 422
 Соколов С. Г. 285, 502
 Соловьев В. Н. 329, 335
 Солдатенков Р. М. 465, 538
 Солдатов Н. Л. 397, 413, 416, 441, 442
 Солодахин П. И. 260
 Солодовников В. К. 32, 33, 49, 50
 Соломатин М. Д. 165
 Соломин В. П. 21
 Сотуленко А. П. 498
 Сошенко И. И. 210
 Спевак 204
 Спелов 79
 Спиричев К. Л. 20, 48
 Ставский В. П. 337, 349—352
 Сталин И. В. 25, 26, 95, 96, 101, 136, 137, 170, 238, 374, 435, 583
 Стариков И. М. 153, 203, 253
 Старков 274
 Степанов А. М. 20, 47
 Степанов В. Д. 212, 217
 Степовой П. М. 267
 Стрельбицкий И. С. 87, 148, 169—171, 172, 175, 196, 206, 207, 213, 214, 224, 243

Строев 534
Струнник 296
Студнев Н. П. 20, 55
Стукалов В. Е. 563, 564
Стулов И. А. 415
Ступнев 196
Сулейманов И. 152
Сумар В. П. 21
Суходцкий И. Я. 144, 145,
148, 167, 192, 236, 239,
263, 360, 452, 454, 492,
495
Сяхович А. К. 563

Табачный В. А. 342
Тавтай И. А. 250
Тараканский А. М. 485
Тарасов Г. Ф. 164
Тарасов И. П. 260
Тарасов Н. В. 54
Тевченков А. И. 143
Терентьев З. З. 53
Тимофеев В. Т. 559
Тимохин К. В. 90
Тимошенко С. К. 15, 23, 26,
36, 114
Тишельскрх К. 13, 26—
28, 166, 271, 508, 545
Титов Н. П. 534
Ткачев 214
Тоддес А. В. 171, 172
Тонарев С. И. 367
Толкачев Н. И. 20
Толстиков 326
Толстиков П. Ф. 442, 492,
493, 497, 504, 535, 539
559, 566
Толстопятенко А. Ф. 184,
352
Толстунов Ф. Д. 150
Томилин И. Д. 39, 43
Топоров И. Ф. 211
Траут Г. 456, 507, 509,
511, 518
Трухачев И. В. 263
Тупиков В. И. 31
Тухачевский М. Н. 7
Украинский А. А. 30, 104,
105
Уральский Н. М. 145
Усатый Ф. И. 483
Ушаков В. А. 483, 486, 492
Ушаков Ф. И. 335

Фадеев А. 281
Федоров А. Ф. 182, 223
Федосеев И. И. 224
Федюнинский И. И. 32
Федюшкин И. Ф. 376, 377,
388, 400, 412

Феофанов И. И. 270
Филатов П. М. 65
Филиппов А. И. 77
Филиппов Н. К. 252, 256,
257
Фокин 79
Фокин Б. А. 56
Фриснер Г. 507
Фролов Н. М. 80
Фролов С. Я. 147
Фрунзе М. В. 7, 132
Фрунзе Т. 132
Фурсин И. Я. 131

Хайдуков С. П. 393, 401, 406
Хайрулин Х. З. 563, 564
Хапов Ф. Я. 77
Харьков Г. М. 337
Хацкилевич М. Г. 15
Хейдемпер О. 347
Хейфец М. Е. 217
Хейц В. 49, 58
Хижинков П. Д. 394
Хлебников Н. М. 346
Хохлов П. И. 203, 222
Хренко Д. И. 91
Хрюкин Т. Т. 475, 557
Худяков Г. И. 485

Цыганов Н. Г. 442, 445,
492, 497

Чабайченко 559
Чеботарев Н. М. 325
Черненко П. Т. 147
Чернов Г. И. 498, 535, 561
Чернов Ф. И. 230, 257
Чернышов В. Т. 485
Черногов С. С. 117, 145,
147
Черняховский И. Д. 458,
461—464, 471, 473—475,
482, 490, 519, 526, 536—
538, 546, 549, 550, 560
Чесаков И. И. 364—367, 386
Чесноков В. К. 203, 222, 262
Чехарин А. Е. 21, 68
Чибизов А. К. 393
Чибисов Н. Е. 353
Чиннов И. И. 394, 398
Чиртик А. З. 53
Чистилин И. К. 398
Чистяков И. М. 145, 146,
150, 176
Чистяков С. И. 279
Чудинов М. В. 49
Чудинов Н. В. 51
Чуйков В. И. 555
Чулевич Г. Л. 49
Чурусов П. Г. 393, 518

Шабалов С. И. 165
Шабронов Н. А. 324
Шавелиев Б. Г. 494
Шамрай 328
Шарапов П. С. 214, 227
Шаталов Н. В. 20
Шатухо М. М. 335
Шафранов П. Г. 377—379,
388, 391, 395, 468, 471,
482, 485, 495, 505, 517,
518, 520, 556, 562
Швабе 277
Швецов В. И. 150, 159, 251,
284, 297, 298
Шевелев П. Л. 504, 567
Шевченко 79
Шевченко И. А. 494
Шеметов П. И. 272, 273
Шеренгин И. Г. 397, 413, 492
Шернер 232, 236
Шилов 521
Шилов Д. Н. 48
Ширяев 293
Шифрин З. А. 227, 325
Шипшин 563
Шипшин М. Д. 254, 255
Шипшов 77
Шляхов 559
Шляхова А. 338
Шнейдер Э. 12
Штейман Я. Л. 397
Штеменко С. М. 464, 509
Штык 416
Шутов 200
Щербаков А. С. 10
Щербаков К. П. 146
Щербина И. К. 398, 444,
486, 489, 491, 493, 550
Щербинин 248
Щука И. Т. 65, 66, 92
Энгель 522
Эрмель А. А. 250, 277
Юденич 84
Юдин Г. Л. 132
Юдинцев И. С. 141, 143,
150, 155, 167, 181, 185,
186, 201, 205—207, 209—
212, 225, 226, 230, 236,
243, 265
Юшкевич В. А. 165
Язов П. 79
Яковлев М. И. 19, 47, 49
Яковлев М. Ф. 247—249
Якушев А. В. 210, 213, 215,
226
Якушин И. П. 77
Янин Т. В. 561
Янгелевич Г. Л. 262
Янчаленко Н. В. 215

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ		5
Глава первая		
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ	У границы	7
	Боевая учеба	16
	Граница укрепляется	22
	Война надвигается	27
	В ночь перед вторжением	34
Глава вторая		
ВОЙНА НАЧАЛАСЬ	Навстречу врагу	38
	Снова на Гродно	61
Глава третья		
ПО ТЫЛАМ ВРАГА	Мы наступаем	72
	Вынуждены отходить	87
	С боями — на восток	90
	Прорыв в Полесье	98
Глава четвертая		
СНОВА В ОБЩЕМ СТРОЮ	Через линию фронта	106
	Контрудар под Гомелем	112
	Вновь наступает враг	122
Глава пятая		
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ФРОНТ	Два назначения	129
	Готовим резервы	132
	В 3-ю ударную армию	136
	Под Великими Луками	140
	Пока в обороне	145
Глава шестая		
ПОДГОТОВКА УДАРА	Предварительный замысел	159
	Новая задача	164
	Принятие решения	174
	Накануне наступления	181
Глава седьмая		
ПЕРВЫЙ ЭТАП	Успешное начало	192
ВЕЛИКОЛУКСКОЙ	Борьба за фланги	203
ОПЕРАЦИИ	Срыв контрударов на флангах	210
	Враг окружен	217
	Наступая и обороняясь...	225
	Подготовка к новому удару	232

ОТРАЖЕНИЕ КОНТРУДАРА.
ШТУРМ ВЕЛИКИХ ЛУК

Прорыв в город	242
Враг упорствует	253
Штурм продолжается	259
Провал попыток деблокады	263
Взятие великолукской крепости	271
Итоги Великолукской операции	280

Глава девятая

ПЕРЕД НОВЫМ БРОСКОМ
НА ЗАПАД

Бои за улучшение позиций	291
Главное — внезапность, стремительность	297
Планирование Невельской операции	304
Готовы к атаке	312

Глава десятая

ДАЕШЬ НЕВЕЛЬ!

Атака	318
Взятие Невеля	325
Запоздалые усилия врага	333
Серьезный успех	339
В огненном мешке	344

Глава одиннадцатая

ЮЖНЕЕ НЕВЕЛЯ

Готовое решение?	356
Новый план	367
Приказ выполним!	373

Глава двенадцатая

ГВАРДЕЙЦЫ НАСТУПАЮТ

Трудный день	384
Рождение успеха	390
Враг в «котле»	396
Первые итоги	401

Глава тринадцатая

НА ВИТЕБСКОМ
НАПРАВЛЕНИИ

Взятие Городка	407
Последние бои 1943 г.	417
Снова — вперед!	426
Не числом, а умением	431

Глава четырнадцатая

ВПЕРЕДИ —
БЕЛОРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В ученье как в бою	438
Марш на оршанское направление	447
Фронтальный или фланговый удар?	451
Армия готовит наступление	464
Проверка войск	471

Глава пятнадцатая

ПРОРЫВ

Затяжные бои на главном направлении	478
Изменение направления главного удара	488
Враг сломлен	499

Глава шестнадцатая		
РАЗГРОМ ГРУППЫ	Освобождение Орши	512
АРМИЙ «ЦЕНТР»	К Березине	520
	Борисов — Минск	530
	Снова там, где началась война...	540
Глава семнадцатая		
К ЛОГОВУ ВРАГА	Вперед Нёман	546
	Бросок за реку	553
	Ею за плацдарм	564
	К границам Восточной Пруссии	572
	Подводя итоги	577
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		585
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН		592

Кузьма Никитович Г а л и ц к и й

ГОДЫ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ. 1941—1944
(записки командующего армией)

Редактор Д. Б. Рубежный

Редактор издательства З. Г. Демидова

Художественный редактор Ю. П. Трапалков

Технические редакторы В. В. Волкова, И. Н. Жмуркина

Сдано в набор 9/III 1972 г. Подписано к печати 23/VIII 1972 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1.

Усл. печ. л. 38,25. Уч.-изд. л. 40,8 + 0,9 вкл. = 41,7.

Тираж 25.000 экз. Т-09765. Тип. зак. 272

Цена 2 р. 98 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 10

КУЗЬМА НИКИТОВИЧ
ГАЛИЦКИЙ

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
217	23 св.	1090-й стрелковый полк	1190-й стрелковый полк
228	12 сн.	21-й стрелковой бригады	31-й стрелковой бригады
240	1 сн.	18.IV 1942 г.	15.IV 1942 г.
285	21 св.	декабря	ноября
485	7 св.	А. Н. Завадовский	М. Н. Завадовский

К. Н. Галицкий. Годы суровых испытаний

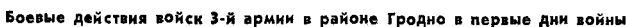
Автор воспоминаний — Герой Советского Союза, генерал армии Кузьма Никитович Галицкий — видный советский военачальник, активный участник Великой Отечественной войны. Начав войну командиром 24-й Самаро-Ульяновской Железной стрелковой дивизией, он затем командовал 67-м стрелковым корпусом, был заместителем командующего 1-й ударной, командующим 3-й ударной и 11-й гвардейской армиями. Возглавляемые им войска участвовали в тяжелых оборонительных и наступательных боях под Гродно и Минском, в районе Гомеля, в освобождении Великих Лук, Невеля, Городка, Орши, Берисова, Минска, Молодечно, в штурме и взятии цитадели германского милитаризма — Кёнигсберга.

На основе изучения большого архивного материала, а также личных воспоминаний и бесед со многими участниками описываемых в книге событий автор воссоздает картину боевых действий соединений и объединений, которыми ему довелось командовать в 1941—1944 гг.

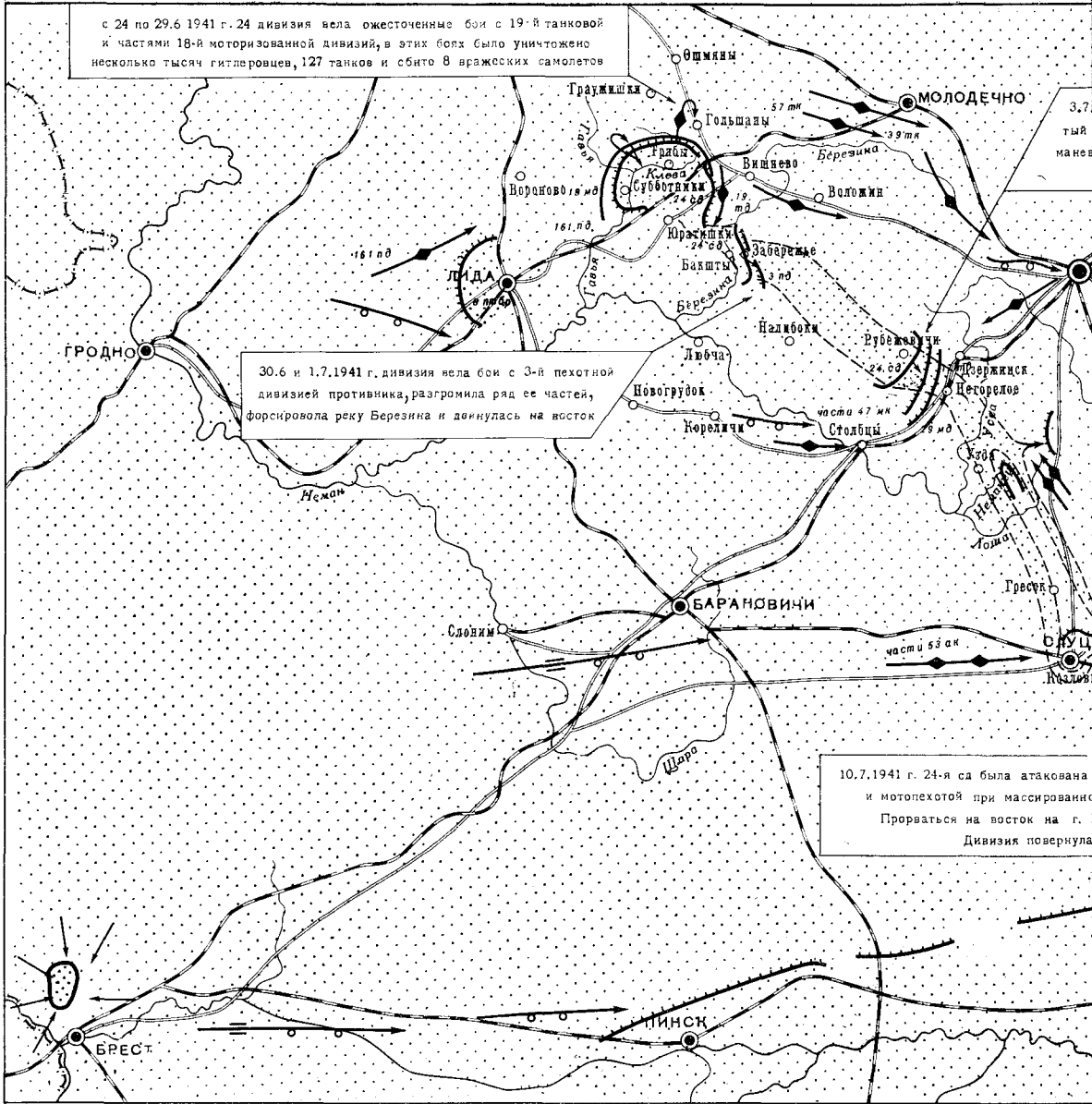
Он правдиво и достоверно рассказывает о героизме, мужестве и исключительной стойкости советских солдат и офицеров в борьбе против гитлеровских захватчиков, ярко освещает роль командования дивизий, армий, фронтов, представителей Ставки Верховного Главнокомандования и политорганов в организации и проведении операций, показывает достижения советского военного искусства.

Значительное место в книге уделено описанию боевых операций, которые до сих пор недостаточно освещались в нашей литературе.

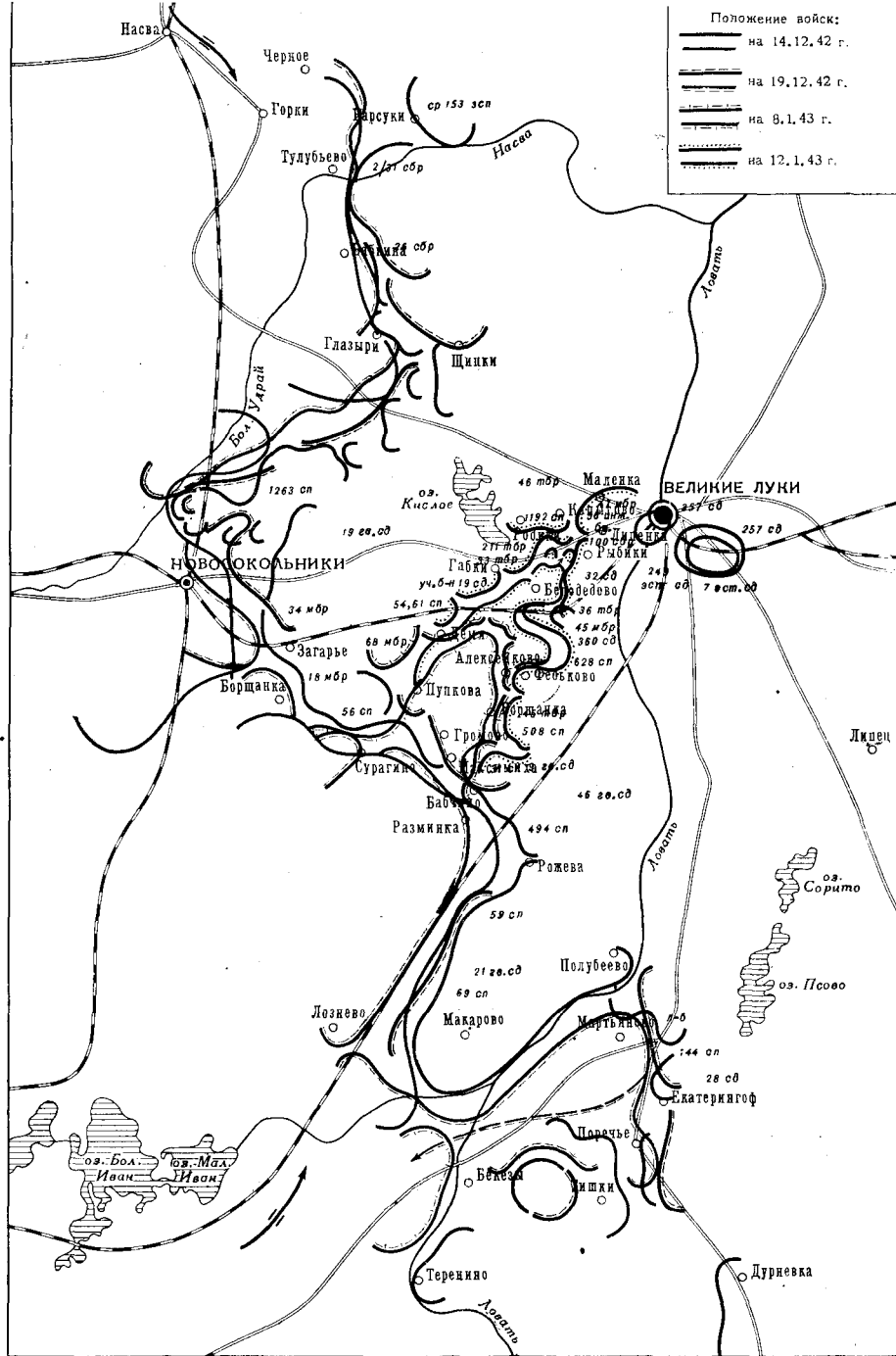
а-
и.
и-
о-

шки
ыли
кой.
тов-
апа-
овую
тмо-
ппи
рел-
ево-
ото-
Ер-
л ее
что
вас
изия
итом
о за-
щит
ения
о он
чем
спирн
шпой
айор
аза-
уки.
ицу
знал
пыт-
одо-
епне
на-
шом
стро
й и
его,
рвал

первые действия 24-й Железной стрелковой дивизии в июне — июле 1941 г. и выход ее из окружения

Боевые действия войск 3-й ударной армии в ходе Великолукской операции с 14 декабря 1942 г. по 12 января 1943г.

